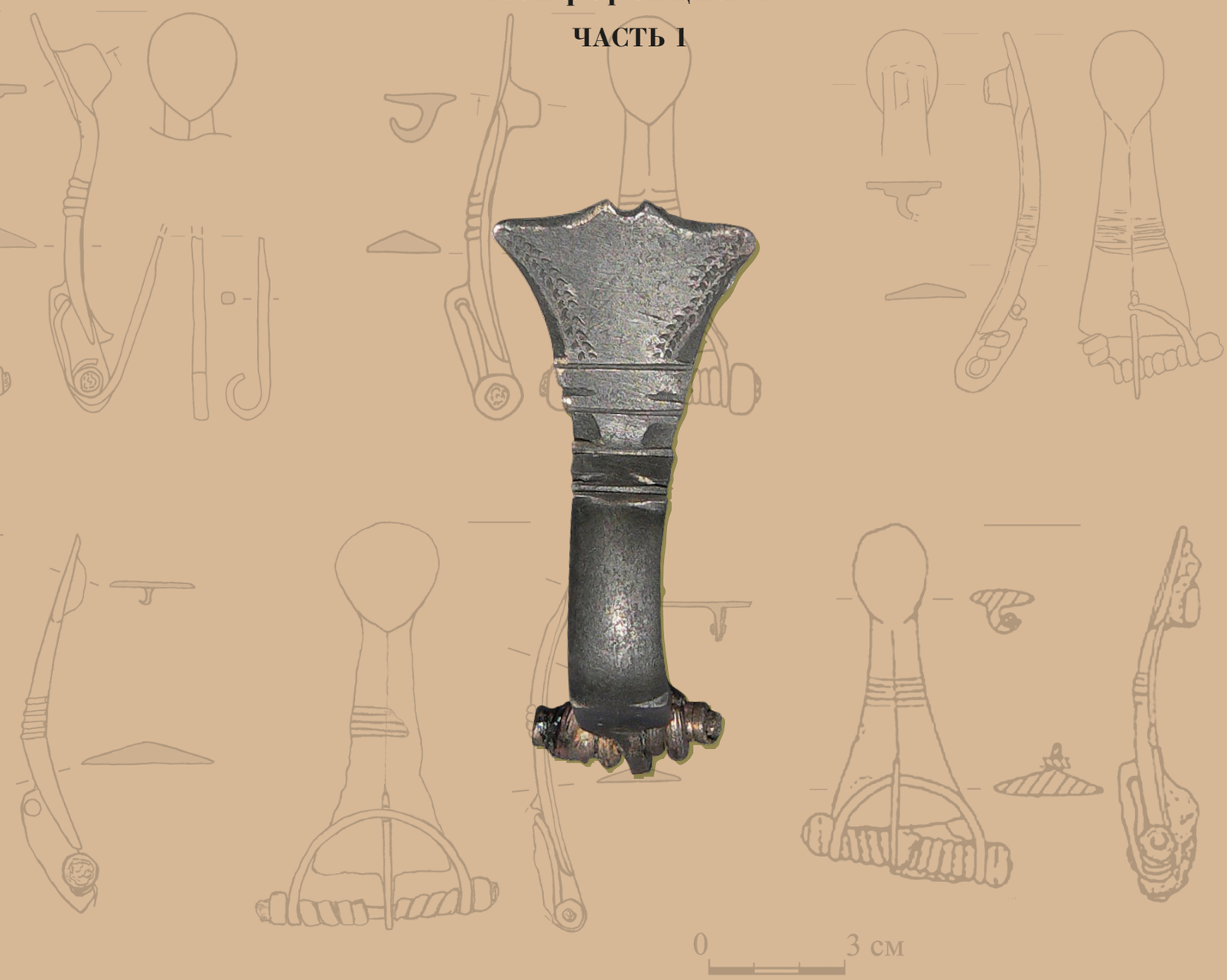
ЛЕСНАЯ И ЛЕСОСТЕПНАЯ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ЭПОХИ РИМСКИХ ВЛИЯНИЙ И ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Конференция 4

ЧАСТЬ 1



ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
И ПРИРОДНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «КУЛИКОВО ПОЛЕ»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ЛЕСНАЯ И ЛЕСОСТЕПНАЯ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ЭПОХИ РИМСКИХ ВЛИЯНИЙ И ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Конференция 4

ЧАСТЬ 1

ТУЛА · 2015

УДК 902/904
ББК 63.4
Л50

Утверждено к печати ученым советом учреждения
Российской академии наук Института археологии РАН

Редакторы:
И. О. Гавритухин
к.и.н. А. М. Воронцов

Рецензенты:
д.и.н. А. М. Обломский
к.и.н. Н. В. Лопатин

Л50 **Лесная** и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Часть 1 / Ред. А. М. Воронцова, И. О. Гавритухина. — Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2015. — 311 с.: ил. + 12 с. цв. вкл.

ISBN 978–5–903587–42–1

Сборник научных статей по итогам работы четвертой конференции с одноименным названием, которая прошла в ноябре 2012 г. в Туле. На страницах издания представлены результаты обсуждения актуальных проблем и новые материалы, связанные с изучением судьбоносных, но еще слабо исследованных, периодов в истории Восточной Европы, выделяемых в эпохи римских влияний и Великого переселения народов (середина I — IV и конец IV — VII вв. н. э.). Значительное место уделяется публикации результатов изучения Окско-Донского региона.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978–5–903587–42–1

© Государственный военно-исторический
и природный мсузей-заповедник
«Куликово поле», 2015

Предисловие

Предлагаемый сборник составлен в основном по материалам 4-й международной конференции «Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов», организованной Государственным музеем-заповедником «Куликово поле» и Институтом археологии РАН, и проходившей 13–17 ноября 2012 г. на базе музея-заповедника, расположенной в селе Монастырщино на Куликовом поле. Конференция стала традиционной, привлекающей как тех, кто участвовал в первых наших научных собраниях (в 2006, 2008, 2010 гг.), так и новые научные силы. Материалы первых трех конференций опубликованы в одноименных с ней сборниках в 2008, 2010 и 2012 гг.

Как обычно, в предисловии мы даем читателю краткий обзор не только материалов сборника, но и прочитанных на конференции докладов, даже если они не публикуются у нас. Статьи, как и доклады на конференции, традиционно образуют несколько блоков.

Первый блок посвящен древностям **бассейна Оки и Дона**, что обусловлено не только местом проведения конференции. Этот регион — один из ключевых в системе контактов культур Восточной Европы на протяжении нескольких эпох, по крайней мере — 1-го тыс. н.э. Активные исследования на этой территории в последние десятилетия принесли и приносят результаты, позволяющие во многом по новому увидеть ряд проблем изучения прошлого нашей Родины.

Доклад Галины Александровны Массалитиной был посвящен новым данным о керамике раннего железного века с памятников на пограничье Верхнего Поднепровья и Поочья. Работы в этом малоизученном регионе, к сожалению, в настоящий момент ставят больше вопросов, чем дают ответы, но, безусловно, крайне важны для понимания западных связей древнего населения бассейна Верхней Оки. Алексей Михайлович Воронцов, Олег Александрович Радюш и Евгений Васильевич Столяров сделали доклад о первых итогах изучения ими территории Орловской области — региона, расположенного на стыке крупных историко-культурных массивов, таких как Верхне Поочье, Посеймье и Верхнее Подонье. Дальнейшие работы в этом малоизученном регионе позволят приблизиться к решению ряда проблем и вопросов, в том числе о взаимодействии мощинской культуры с ее южными соседями — киевской, черняховской, колочинской культурами, о путях проникновения в Поочье импорта из черняховского ареала и других.

В нашем сборнике А. М. Воронцов и Е. В. Столяров предлагают читателю полную публикацию материалов исследований городища Велегож, расположенного на Правобережье Верхней Оки. На городище изучены материалы рубежа эр, относящиеся к памятникам типа Упа 2, и мощинской культуры. Комплексы и найденные вне контекста вещи древнерусского времени с этого памятника опубликованы отдельно [Модин, 2015]. Кроме находок, происходящих с городища Велегож, проанализированных в упомянутых публикациях, в нашем сборнике Анна Владимировна Мастыкова и Ольга Сергеевна Румянцева посвятили свои работы детальному анализу бус из Велегожского клада, Игорь Олегович Гавритухин — некоторым металлическими изделиям, также важным для хронологии мощинского горизонта памятника, и изучению его историко-культурного контекста. Анализ химического состава металлических изделий Велегожского клада провела Ирина Анатольевна Сапрыкина, причем планируется продолжение этого исследования для остальных металлических изделий памятника, важных для понимания его ранних слоев, дополнение его анализом технологии изготовления этих изделий. Таким образом, городище Велегож стало первым памятником на территории Верхнего Поочья, результаты раскопок которого полностью опубликованы. Важно и то, что эти находки анализируются специалистами разных профилей.

Илья Рафаэльевич Ахмедов посвятил свой доклад клинковому оружию рязано-окских финнов. В нашем сборнике он публикует часть этого обширного исследования, рассматривая на широком историческом фоне один из типов мечей, распространенных в VI в. Ирина Васильевна Белоцерковская предлагает читателю результаты типологического и хронологического анализа застежек-сюльгам, происходящих из рязано-окских могильников Заречье и Кораблино. Это часть обширного цикла ее работ по изучению женского убора, характерного для культуры рязано-окских финнов. Некоторые из публикаций этого цикла читатель найдет и в сборниках материалов предыдущих конференций. Материалам, также происходящим с территории Среднего Поочья, посвящена работа О. С. Румянцевой, в которой рассматриваются находки полихромных бус, не частые в этом регионе, но важные для изучения культурных связей его древнего населения.

Ольга Юрьевна Потемкина с Александром Сергеевичем Сыроватко, Аллой Андреевной Трошиной, Екатериной Андреевной Клещенко изложили в докладе на нашей конференции результаты исследований могильника Соколова Пустынь — интереснейшего грунтового могильника середины — 2-й половины 1-го тыс. н. э.,

расположенного на левом берегу Оки в районе г. Коломны. Материалы этих работ они совместно с Марией Всеволодовной Добровольской и Натальей Геннадьевной Свиркиной публикуют в нашем сборнике.

Доклад Анатолия Анатольевича Хрекова был посвящен периодизации и датировке постзарубинецких памятников Прихоперья, подводя промежуточный итог ряду аналитических исследований этого раннеславянского анклава, основанных главным образом на полевых работах А. А. Хрекова. Андрей Михайлович Обломский в своем докладе обратил внимание коллег на находки в Верхнем Подонье, датирующиеся в основном III в., прежде всего относящиеся к кругу восточноевропейских выемчатых эмалей. Возможно, с ними связана пока не выявленная группа памятников, заполняющая в этом регионе хронологическую лакуну между древностями позднескифского круга (здесь — не позднее начала II в.) и типа Каширки — Сиделки, связанных с черняховскими традициями.

Григорий Леонидович Земцов в своем докладе рассмотрел планиграфию материалов гуннского времени на верхнедонском поселении Мухино 2, пока известном широкому кругу читателей в основном по раскопанному здесь богатому женскому погребению. Безусловно, оно стоит того, но памятник важен и другими материалами, в том числе для понимания этого погребения. О фибулах подгруппы Левице — Токари в Подонье и их культурно-историческом контексте сделал доклад И. О. Гавритухин. Эта работа опубликована в вышедшей недавно коллективной монографии под редакцией А. М. Обломского, посвященной новым материалам и исследованиям Верхнего Подонья в гуннское время [Острая лука в древности, 2015], что представляется нам вполне логичным.

Денис Валерьевич Акимов в докладе и написанной в соавторстве с Яковом Петровичем Мулкиджаняном статье изложил результаты исследований комплекса построек и находок с городища гуннского времени Крутогорье на Верхнем Дону. Очень важно, что оригинальная интерпретация этого комплекса сопровождается полной публикацией материалов.

Северо-восточный блок представлен древностями Волго-Уральского региона.

Александр Анатольевич Красноперов прочитал доклад «Два иранских резных камня из Приуралья», обратив внимание на редкие в этом регионе находки. В нашем сборнике он публикует часть цикла исследований о полихромных стилях, представленных находками в Прикамье, но связанных с обширным евразийским историко-культурным контекстом. Часть этой работы опубликована и в сборнике по итогам нашей конференции 3. Дмитрий Геннадиевич Бугров посвятил доклад предметам круга восточноевропейских выемчатых эмалей, найденным на территории Нижнего Прикамья. Изучение вещей этого круга переживает ныне «бум». Надеемся, что и работа нашего казанского коллеги найдет отражение в публикациях, которые готовятся в России и за рубежом.

Леонид Александрович Вязов представил материалы с одного из памятников, ключевых для понимания формирования именьковской культуры в Среднем Поволжье — городища Лбище, по результатам раскопок в 2003 г., одним из руководителей которых он был. Их публикация [Вязов, Салугина, Семыкин, 2012], несомненно, важный шаг к тому, чтобы широкий круг читателей имел максимально полное представление об этом памятнике. Юриий Анатольевич Семыкин и Л. А. Вязов посвятили доклад памятникам эпохи Великого переселения народов в Волго-Свияжском междуречье, заслуживающим монографической публикации. Николай Станиславович Мясников представил новые материалы II–III вв. с территории Чувашии; их обсуждение на конференции способствовало подготовке публикации [Мясников, 2013].

Северо-Западный блок охватывает обширную территорию от Верховий Волги до территории Калининградской области, Юго-Восточной Польши и Южной Белоруссии.

Инна Васильевна Исланова представила доклад о материалах с городища Поминово. Это фрагмент частично опубликованного цикла ее работ по выделению групп памятников раннего железного века и раннего Средневековья в Верхневолжском регионе, характеризующихся разным набором культурных компонентов.

Доклад и статья Елены Робертовны Михайловой посвящены реконструкции женского убора по находкам из погребений культуры псковских длинных курганов. Публикация входит в цикл ее аналитических и обобщающих работ по этой давно изучающейся, но слабоизученной культуре.

Статья Владимира Ивановича Кулакова, одного из основоположников систематических российских исследований на территории Калининградского полуострова, посвящена методике раскопок старших представителей прусской археологической школы, заложивших основы изучения древностей этого региона.

Доклад Ольги Алексеевны Хомяковой был посвящен шайбовидным фибулам в материальной культуре западных балтов. В нашем сборнике она представила статью о стиле ажурной орнаментики Юго-Восточной Прибалтики римского времени, что кажется даже более важным для многих отечественных специалистов.

Доклад Барбары Незабитовской-Вишневской был посвящен восточным элементам в материалах позднего римского времени и эпохи Великого переселения народов археологического комплекса Улов (Юго-Восточная Польша). Наряду с увидевшими свет предварительными готовится монографическая публикация этого комплекса, открывающего новые перспективы в изучении взаимодействия культур Центральной и Восточной Европы.

В публикуемом докладе Александра Ивановича Дробушевского критически рассмотрены итоги изучения городищ периода римских влияний на территории Белоруссии — одной из групп памятников, вызывающих острую дискуссию и важных для решения ряда проблем истории не только этого региона.

Сергей Вячеславович Воронятов в соавторстве с Евгением Александровичем Шинаковым представил свое видение Усухского (известен также как «Брянский») клада круга восточноевропейских выемчатых эмалей и его археологического контекста. Систематические работы здесь проводит экспедиция ИА РАН под руководством А. М. Обломского. Вслед за предварительной [Ахмедов, Обломский, Радюш, 2015] готовится монографическая публикация клада и памятников, с которыми он связан, для чего наблюдения коллег, конечно, полезны.

В докладе Александра Михайловича Медведева рассматривалась проблема появления изделий круга восточноевропейских выемчатых эмалей на территории Восточной Европы во II в. Представленные наблюдения дают не столько ответы, сколько ставят вопросы в изучении этого феномена, охватившего огромные территории.

Южный блок представлен как материалами черняховской культуры, одного из ярчайших феноменов позднеримского периода в истории Европы за пределами Римской империи, так и более поздних культур Днепровской лесостепи.

Эрдмуте Шультце и Михаил Васильевич Любичев представили исследование культового слоя могильника Войтенки, одного из опорных памятников черняховской культуры на территории Восточной Украины. Кроме того, М. В. Любичев в соавторстве с Еленой Ивановной Геллой доклад и статью посвятили хронологии могильников черняховской культуры Днепро-Донецкой лесостепи. Эти исследования выводят изучение юго-восточных областей черняховской культуры на уровень, достигнутый в исследовании более западных регионов этого культурного круга. Признанием заслуг в этом М. В. Любичева стала защита им в 2014 г. докторской диссертации, с чем мы сердечно поздравляем нашего харьковского коллегу.

В докладе Андрея Александровича Божко было представлено начало его разработок о хронологических особенностях, сделанной на гончарном круге черняховской керамики, происходящей с памятников востока Днепровского Левобережья и бассейна Северского Донца.

Производственному комплексу и исследованию изделий из стекла с поселения Комаров на Днестре посвятила доклад О. С. Румянцева. Это — информация о некоторых итогах совместного с львовскими специалистами проекта по изучению материалов старых раскопок памятника, уникального для европейского Барбарикума позднеримского времени. Новый этап работы в этом направлении связан с возобновленными украинскими коллегами раскопок в Комарове.

Олег Александрович Радюш и Ольга Алексеевна Щеглова в совместном докладе обсуждали спорные вопросы изучения и интерпретации так называемых курских кладов V в. Почти детективная история получения сведений о комплексах, найденных близ д. Большой Каменец в 1918 и 1927 гг., приоткрыта по архивным документам в статье О.А. Радюша. На конференции он также представил постер «Вооружение лесных и лесостепных культур Поднепровья в позднеримское время», продемонстрировав часть своего обширного исследования о восточноевропейском оружии и воинском снаряжении от финала латенского времени до начала эпохи Великого переселения народов, которое, надеемся, близится к завершению.

В своем выступлении Власта Евгеньевна Родинкова рассмотрела недавние находки предметов убора, характерного для населения Днепровского Левобережья в эпоху Великого переселения народов. Постоянно увеличивающийся объем материалов и углубленный анализ уже опубликованных вещей создают базу для понимания истории Поднепровья и сопредельных территорий на новом уровне.

Ярослав Владимирович Володарец-Урбанович в своем докладе представил клейма на посуде, связанной с гончарными традициями пастырского, канцерского и волынцевского круга. Широкое обсуждение этих и других материалов, наверное, было полезно для завершения им работы над кандидатской диссертацией, защищенной в 2014 г., с чем мы от всей души поздравляем нашего киевского коллегу.

С каждой конференцией увеличивается число и разнообразие тем, составляющих блок под условным названием **«Дальние связи и общие проблемы»**. Это — свидетельство растущего авторитета и широкой популярности нашей конференции.

Довольно выразительной на конференции и в сборнике стала кавказоведчаская часть, связанная с регионом, находившимся, с одной стороны, на стыке Римской и Иранской цивилизаций, с другой — имевшим тесные связи с многими восточноевропейскими культурами. Так, Алексей Васильевич Пьянков посвятил свой доклад и статью населению правого берега Нижней Кубани во 2-й половине III — 3-й четверти IV в. Это очень слабо изученный период, когда в Кубанском регионе прекратила существование меотская культура и он был вовлечен в ряд бурных событий, охвативших огромные пространства.

Анна Анатольевна Кадиева подготовила публикацию группы находок эпохи Великого переселения народов с могильника Верхняя Рутха в Северной Осетии (коллекция графини Прасковьи Сергеевны Уваровой). Материалы этого памятника привлекают внимание широкого круга специалистов уже второе столетие, наконец началось их систематическое введение в научный оборот.

Продолжаем мы и ставшие уже традиционными публикации исследований памятников Балкан и Подунавья — еще одного региона, где восточноевропейские культуры имели контакты с античной цивилизацией. Доклад и предварительная публикация Станко Трифуновича посвящены одному из опорных памятников рубежа эр на юге Среднего Подунавья — могильника Чуруг (Воеводина, Сербия), рассмотренному в контексте древностей Центральной и Восточной Европы. Представленная на конференции и публикуемая в нашем сборнике работа Джордже Янковича посвящена «большому» кладу из Жидовара на востоке Сербского Подунавья. Предложенная им интерпретация этого и других памятников призвана открыть новые перспективы в изучения истории раннего христианства на славянских землях и обращена не только к археологам, но и другим специалистам. Деян Радичевич посвятил свой доклад находкам на территории Сербии южнее Дуная и Савы, связываемым с черняховским и более широким кругом восточноевропейских культур. В нашем сборнике он публикует часть этого исследования, где рассматривает лощеную керамику.

Кирилл Валерьевич Мызгин посвятил вызвавший бурное обсуждение доклад и подготовленную на этой основе статью об общей и сравнительной по регионам характеристике находок римских монет первых веков нашей эры на территории Центральной и Восточной Европы.

Олег Васильевич Шаров в своем докладе «Страна Ойум и германцы Филимера: миф или реальность?» обсуждал проблему сопоставления археологических реалий с данными позднеантичных письменных источников, дополняя и уточняя цикл своих публикаций о начальных этапах восточноевропейской истории готов и близких им народов [Шаров, 2013].

Оксана Викторовна Гопкало представила доклад и статью о костюме и вооружении варваров, основанные на изучении диптиха из Хальберштадского собора. Данная работа — часть обширного цикла ее междисциплинарных исследований, посвященных уборам населения южной части Восточной Европы в эпохи римских влияний и начала Великого переселения народов в контексте античных, ряда восточных и европейских традиций.

Игорь Анатольевич Бажан и Алла Викторовна Бажан обратили внимание на продолжающееся катастрофическое разграбление объектов археологического насле-

дия и ряд опубликованных в интернете находок, важных для изучения культурно-исторических процессов на юге Восточной Европы в III в. В выступлениях на эту тему участники конференции обратили внимание на проблемы, возникающие при использовании материалов, полученных мародерами, и были едины в том, что требуется более эффективная и систематическая борьба за сохранение нашего культурного наследия.

Следующая (пятая) Международная конференция «Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов» планируется в Монастырщино в ноябре 2015 г.

А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин

Литература

Ахмедов И. Р., Обломский А. М., Радюш О. А. Брянский клад вещей с выемчатыми эмалями (предварительная публикация) // РА. 2015. №2. С. 146–166.

Вязов Л. А., Салугина Н. П., Семыкин Ю. А. Результаты исследований керамики и железных предметов из раскопок городища Лбище в 2003 году // Краеведческие записки. Вып. XVI. Самара: ООО «Полиграфический комплекс «Тандем», СОИКМ им. П. В. Алабина, 2012. С. 34-69.

Модин Р. Н. Древнерусский горизонт городища Велегож (материалы раскопок 2012 года) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 11, М., 2015. С. 184–197.

Мясников Н. С. Этнокультурные процессы в Чувашском Поволжье в I–VIII веках нашей эры в свете археологических данных. Сер. Научные доклады. ЧГИГН. Вып. 13. 72 с.

Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с.Ксизово (конец IV–V в.) / Отв. ред. А. М. Обломский. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 16. М.: ИА РАН, 2015. 660 с.

Шаров О. В. В поисках страны «Ойум»: эпос или реальность? // Древности Западного Кавказа. Вып. I. Краснодар, 2013. С. 122–127.

А. М. Воронцов, Е. В. Столяров

ГОРОДИЩЕ ВЕЛЕГОЖ НА ПРАВОБЕРЕЖЬЕ ВЕРХНЕЙ ОКИ

Памятник расположен в Заокском районе Тульской области, менее чем в 2,5 км от русла р. Оки, в бассейне небольшой речки Скнижка. Несмотря на то что эта местность в настоящее время застроена многочисленными базами отдыха и дачными поселками, расположенное в лесу городище не было известно ни специалистам, ни грабителям. Оно было выявлено сотрудником Центра по охране и использованию памятников истории и культуры Тульской области Олегом Ниязбеговичем Заидовым в мае 2012 г. при обследовании территории, отводимой под очередной дачный поселок. Городище находится в 150 м от ближайшей дачи нового поселка, и существовала реальная опасность его разграбления. Поэтому уже в июле 2012 года была организована экспедиция по его изучению[1].

Здесь публикуются материалы исследований городища Велегож, проводившихся в 2012 г. археологической экспедицией Государственного музея-заповедника «Куликово поле» под руководством авторов данной статьи по открытому листу Е. В. Столярова. На городище изучены слои, относящиеся к поселению типа Упа 2 (I век до н. э. — I век н. э.), к мощинской культуре (IV–V вв.) и древнерусскому времени (XI–XII вв.). Находки и сооружения, относящиеся к древнерусскому времени, были опубликованы Р. Н. Модиным [Модин, 2015]. Далее в статье рассматриваются только ранние горизонты. Ряд находок анализируются отдельно в статьях, входящих в настоящий сборник и являющихся приложениями к данной публикации. Импортные фибулы и некоторые детали ременных гарнитуров рассматриваются в статье И. О. Гавритухина, янтарные и стеклянные полихромные бусы из клада рассматриваются в статье А. В. Мастыковой, стеклянные монохромные бусы и бусы с металлической прокладкой из него же — в статье О. С. Румянцевой.

Топография памятника

Велегожское городище расположено на краю северной части ареала памятников типа Упа 2, на границе с дьяковской культурой (рис. 2); в системе памятников мощинской культуры оно относится к группе поселений Окско-Донского водораздела (рис. 1).

Городище находится в 1 км к северо-востоку от села Велегож и расположено на мысу при слиянии двух оврагов, по одному из которых протекает безымянный ручей, левый приток р. Скнижка, правого притока р. Оки (рис. 3). Площадка овальная в плане, размерами 70 x 40 м, высота ее от дна оврагов в месте их слияния 10–15 м. С напольной (южной) стороны она защищена валом высотой до 3,5 м и рвом глубиной до 3 м. На площадке городища в 18 м к северу от подножия вала выделяется небольшое повышение высотой до 0,5 м. Раскопом 1 в этом районе изучена система из трех рвов, относящихся к поселению типа Упа 2. Возможно, это повышение маркирует нивелированные в древности укрепления этого времени. Городище покрыто лесом; с руководством лесничества удалось согласовать вырубку деревьев только толщиной до 10 см, что создало трудности при разметке раскопов. Края площадки городища подвержены сильным осыпям, в ходе работ по их обследованию был собран обширный подъемный материал. Основная масса находок в осыпях и на поверхности памятника относится к мощинской культуре (рис. 4–8). Это предметы, связанные с ременными гарнитурами, детали налобных венчиков, фибулы и их части, булавки, подвески, бляшки-нашивки, а также различные железные предметы и фрагменты других бронзовых украшений. К горизонту памятников типа Упа 2 можно отнести только находку практически целого экземпляра грузика «дьякова типа» (рис. 8: 1).

Общая характеристика исследований на площадке городища

Всего было заложено три раскопа общей площадью 150 м^2: раскоп 1 (76 м^2) — в приваловой части и представляющие собой единую площадь раскопы 2 (48 м^2) и 3 (26 м^2) — в северной, мысовой части (рис. 3).

Слой городища в основном имел мощность 0,2–0,3 м и представлял собой светло-серую рыхлую гумусированную супесь, насыщенную корнями деревьев, что сильно затрудняло проведение зачисток. Качественные горизонтальные зачистки были возможны только на уровне материка, сложенного красно-коричневым суглинком, имеющим бóльшую плотность. Заполнение выявленных объектов, в том числе наземных построек, представляло собой более темную супесь с включением угольков, что позволило проследить их контуры в профилях и планах. Постройки мощинской культуры располагались в верхнем горизонте культурного слоя, в материк были заглублены только хозяйственные и столбовые ямы. Постройки поселения типа Упа 2 располагались в нижнем горизонте культурного слоя и частично были заглублены в материк.

Раскоп 1

В северной и центральной части раскопа культурный слой имел мощность до 0,2–0,3 м; в южной (приваловой)

[1] Благодарим за помощь в организации работ администрацию Государственного мемориального историко-художественного и природного музея-заповедника В. Д. Поленова и лично Юрия Петровича Чернорота.

части его мощность начинает возрастать (рис. 9). Большинство материалов, полученных из раскопа, относится к древнерусскому времени — постройки 1, 4, 4а, 5, яма 2 и, видимо, ряд столбовых ям к югу от постройки 1 (рис. 9). Из культурного слоя и из заполнения этих объектов происходит ряд индивидуальных находок и керамический материал, относящиеся к мощинской культуре и памятнику типа Упа 2.

С поселением **мощинской культуры** связано 11 индивидуальных находок и представительная подборка керамики (рис. 11; 12; 14). Особенно интересен комплекс постройки 5 (рис. 14: 9–16). В ее заполнении найдены крупные фрагменты мощинской посуды, развал мощинской миски и небольшое количество мелких фрагментов древнерусской посуды. Возможно, они попали в ее заполнение в ходе распашки площадки городища, которая могла осуществляться крестьянами в XVIII–XIX вв. Тем не менее однозначно интерпретировать ее как мощинский комплекс нельзя.

Из изученных построек однозначно к мощинской культуре относится только постройка 3, вошедшая в раскоп частично (рис. 9, на юге). Размеры исследованной части составили около 2х1,7 м. Котлован постройки заглублен в нижележащее заполнение рва № 1. С постройкой связаны (рис. 13) фрагмент ножа (№ 19) и небольшое количество керамики, значительная часть которой вторично обожжена.

Керамика, связанная со слоем памятника **типа Упа 2**, малочисленна и сильно фрагментирована (рис. 15–16). Из сооружений к нему относятся три рва и небольшая округлая в плане яма № 3 (рис. 9; 10), содержащая всего три фрагмента грубой лепной керамики (рис. 15: 13).

Рвы (рис. 9; 10), судя по всему, представляют собой остатки укреплений поселения типа Упа 2, которое было заметно меньше по площади, чем современное. Ров № 1, наиболее близкий к существующему сейчас валу, имеет глубину до 0,96 м. В заполнении рва были найдены фрагмент грузика «дьякова типа» (рис. 15: 1) и несколько фрагментов лепной керамики типа Упа 2 (рис. 15: 9–12). Ров № 2 расположен на расстоянии менее 1 м от рва № 1 и имеет глубину до 0,5 м. Находок в нем найдено не было. Ров № 3 расположен на расстоянии около 10 м к северу от рва № 2 и имеет глубину около 0,8 м. В заполнении рва было найдено керамическое орнаментированное пряслице овального сечения (рис. 15: 2), несколько фрагментов лепной керамики типа Упа 2 (рис. 15: 14), фрагменты керамики и железная булавка, относящиеся к мощинской культуре (рис. 14: № 12, 1–2). Судя по всему, рвы были засыпаны в период существования мощинского поселка, о чем говорят находки мощинской посуды в заполнении рва № 3 и то, что ров № 1 перекрыт мощинской постройкой 3.

Раскопы 2–3

Раскоп 2 был разбит в мысовой части площадки после находки в заложенном там шурфе клада женских украшений, относящегося к мощинской культуре (рис. 33–40, рис. 43–51 (цв. вкл.)). Подробное описание металлических изделий, входящих в клад, будет дано ниже, описание стеклянных и янтарных бус приводится в статьях А. В. Мастыковой и О. С. Румянцевой, включенных в настоящий сборник. Немедленно после находки был заложен раскоп 2, в систему которого включен шурф. Раскоп 3 непосредственно примыкает с севера к раскопу 2, поэтому материалы обоих раскопов рассматриваются вместе.

В ходе работ в мысовой части площадки городища сооружений древнерусского времени обнаружено не было. Все выявленные объекты (рис. 17–19) относятся к мощинской культуре (постройки 1–2) и памятникам типа Упа 2 (постройки 3–5).

Из культурного слоя происходит ряд индивидуальных находок, относимых к мощинской культуре без особых сомнений (рис. 20) или предположительно (рис. 21), керамика мощинской культуры (рис. 22), две находки (рис. 28: № 9; 29: 20), относящиеся к горизонту поселения типа Упа 2, и керамика этого периода (рис. 29: 1–19).

С уровня верха культурного слоя в рамках раскопа 2–3 удалось проследить и исследовать две **постройки мощинской культуры** (рис. 17).

Постройка 1 (рис. 17: юг) была исследована не полностью. Это наземное прямоугольное в плане сооружение, вытянутое по оси северо-восток — юго-запад. Размеры изученной части постройки — около 4,8х3,5 м. Слой заполнения постройки имеет мощность до 0,28 м. Вероятно, конструктивно с постройкой связаны столбовые ямы № 9 и 14 (рис. 18; 19). В ее заполнении найдены две металлические бусины, фрагмент пряслица (рис. 23: № 18, 32, 61) и много фраментов керамики (рис. 24).

Рядом с постройкой 1, в 0,7 м к западу от нее, расположена хозяйственная яма № 11 (рис. 17–19). Она круглая в плане (диаметр 0,66 м), заглублена в материк на 0,24 м. В верхней части заполнения ямы были найдены крупные фрагменты керамики, в большинстве своем вторично обожженные (рис. 27: 1–12). Наличие небольшой круглой хозяйственной ямы рядом с наземной постройкой типично для мощинской культуры [Воронцов, 2013. С. 35. Рис. 36].

Постройка 2 (рис. 17: север) была исследована практически полностью. Она представляет собой наземное подпрямоугольное в плане сооружение, вытянутое по оси северо-восток — юго-запад, размером около 6,3х4 м. Заполнение постройки имеет мощность до 0,12 м. Конструктивно к постройке, видимо, относятся столбовые ямы А, № 17–20, а также более крупная материковая яма неясного назначения № 4 (рис. 17–18).

Из заполнения происходят десять индивидуальных находок (рис. 23: № 24, 26, 28, 36, 37, 40, 42, 43, 44, 48) и представительный керамический комплекс (рис. 25–26). Значительная часть крупных фрагментов керамики вторично обожжены.

В 1,5 м к юго-востоку от постройки 2 находится яма 1, в которой был обнаружен упомянутый клад женских украшений (рис. 18–19). Яма имеет округлую в плане форму, диаметр 0,18 м, глубину от уровня материка — 0,07 м.

В нижней части культурного слоя удалось проследить и исследовать три **постройки памятника типа Упа 2** (рис. 18–19). Все они частично перекрыты постройками мощинской культуры.

Постройка 3 представляет собой (юг на рис. 17; 18) наземное прямоугольное в плане сооружение, вытянутое по оси северо-запад — юго-восток. Размеры постройки — около 3,5х1,8 м. Ее пол заглублен в слой светло-серой супеси до 0,08 м. Яма 7, вероятно, представляет собой часть котлована постройки 3, заглубленную в материк; конструктивно к этой постройке относятся столбовые ямы № 10, 12 и 13 (рис. 18–19). С постройкой 3 связана находка черешкового серповидного ножа (рис. 28: № 20). Керамический материал, происходящий из постройки, представлен 38 мелкими фрагментами грубой лепной керамики (рис. 30).

Постройка 4 (север на рис. 17–19) представляет собой наземное квадратное в плане сооружение, разме-

рами 2,6х2,6 м. Ее пол заглублен в слой светло-серой супеси до 0,06 м. Конструктивно к постройке относятся столбовые ямы №21, 22 и яма 23 (канава Г-образной формы). Наличие канавы, вероятно, связано со срубной конструкцией стен постройки, однако не исключает варианта крепления столбов каркаса (с плетневой конструкцией стен) в горизонтально лежащей нижней балке.

В заполнении постройки найдены оселок (рис. 28: №47); два отщепа (рис. 28: №52–53), бронзовое изделие (рис. 28: №54), а также 21 фрагмент грубой лепной керамики (рис. 31).

Постройка 5 (запад на рис. 17–19) представляет собой наземное прямоугольное в плане сооружение, вытянутое по оси северо-запад–юго-восток. Ее размеры — 3,6х1,9 м. Пол заглублен в слой светло-серой супеси до 0,06 м. Конструктивно с постройкой связаны столбовые ямы 3, 15А и 16. В заполнении ямы 15А был найден черешковый двушипный наконечник стрелы и др. (рис. 28, №25, 41). В заполнении постройки найдены 28 фрагментов грубой лепной керамики (рис. 32).

Поселение типа Упа 2

Постройки памятников типа Упа 2 были выявлены только в раскопах 2–3, в мысовой части городища, которая являлась в то время жилой зоной. Она была защищена системой оборонительных укреплений (ров № 1–3), обнаруженных раскопом 1. То есть территория поселения была гораздо меньше, чем в последующее время. Открытые на городище Велегож постройки, представлены двумя вариантами, выделенными раннее при публикации материалов этой группы памятников [Столяров, 2012б].

К первому варианту (сооружения подквадратной в плане формы с заглубленным в слой или материк котлованом, размерами от 2х2,3 м до 3,1х3,2 м) относится постройка 4, размерами 2,52х2,12 м. Аналогичные постройки известны на городище Торхово, селище Упа 2, селище Супруты 1.

Ко второму варианту (сооружения прямоугольной в плане формы с заглубленным в слой или материк котлованом, небольших размеров) относятся постройки 3 и 5 имеющие размеры 3,5х1,8 и 3,6х1,9 м соответственно. Аналогичная постройка, размером 3х1,8 м, изучена на городище Лобынское. Вероятно, к этому же типу относится одна частично изученная постройка на селище Супруты 1.

Все постройки поселений типа Упа 2, за исключением одной, имеют одинаковую ориентировку: вытянуты по оси северо-запад–юго-восток. Только одна постройка с селища Супруты 1 вытянута по линии юго-запад–северо-восток. Велегожские постройки вписываются в общее правило. В отношении них интересно ещё одно наблюдение — в слое и заполнении построек отсутствуют фрагменты обмазки, которые являются частой находкой на памятниках типа Упа 2.

На памятниках типа Упа 2 до работ на городище Велегож отсутствовали **хронологические индикаторы**. Верхнюю хронологическую границу этих древностей определяет горизонт римского времени Окско-Донского водораздела — памятники типа Ново-Клейменово, в нескольких случаях перекрывающие слой памятников типа Упа 2. Памятники типа Ново-Клеймёново датируются II—1-й половиной III в. [Воронцов, 2007. С. 57; 2008. С. 44]. Исходя из этого, и опираясь на анализ керамического комплекса и традиций домостроительства, памятники типа Упа 2 были предварительно датированы последними веками I тыс. до н. э. — I в. н. э. [Столяров, 2012б].

В ходе работ на городище Велегож были получены материалы, которые позволяют уточнить хронологические рамки существования памятников типа Упа 2.

«Грузик дьякова типа» (рис. 8: 1) был найден в осыпи склона городища. По классификации К. А. Смирнова точно его определить нельзя. Он наиболее близок грузикам типов 5–7. Верх грузика закруглен, а боковая поверхность постепенно переходит в большой диск диаметра 8 см. Край основания орнаментирован насечками. Близкие ему типы «грузиков» датируются в пределах I в. до н. э. — III в. н. э. Датировка основана не только на стратиграфическом положении этих типов грузиков в культурном слое Троицкого городища, но и на том факте, что они встречаются вместе с двушипными наконечниками стрел [Смирнов, 1971. С. 96]. Это подтверждается и материалами городища Велегож. В отношении датировки таких грузиков (массивных, что определяется по сумме диаметра основания и высоты) ценно наблюдение Н. А. Кренке [Кренке, 2011. С. 56–66]. По его мнению, массивные формы грузиков преобладают в нижнем горизонте верхнего культурного слоя Дьякова городища. Датировка горизонта — I в. до н. э. — I в. н. э. Но такие грузики известны и позднее в среднем горизонте верхнего культурного слоя Дьякова городища, который имеет датировку I–II вв. н. э. В дальнейшем наблюдается тенденция к уменьшению размеров грузиков и унификации их формы. Таким образом, грузик с городища Велегож может быть датирован в рамках I в. до н. э. — II в. н. э.

На городище был также найден небольшой фрагмент грузика во рву № 1 (рис. 15:1). К сожалению, определить его тип не представляется возможным.

Пронизка, изготовленная из белого металла (рис. 28: №9), была найдена в культурном слое раскопа 2, в 1 м к западу от постройки 3 (рис. 18). Она стержневидная, овального сечения, с задними перекладинами, орнаментирована двумя рядами прорезных треугольников. По типологии Р. Д. Голдиной и А. А. Красноперова, разработанной для пронизок из захоронений могильника Ныргында I, она относится к типу IV, подтипу 2, варианту 1 и датируется II–III вв. Ныргындинские пронизки отличаются от велегожской только отсутствием орнаментации [Голдина, Красноперов, 2012. С. 32–33. Табл. 22: 1–9]. Близкие по типу пронизки с памятников чегандинской культуры датированы В. Ф. Генингом I–II вв. [Генинг, 1988. С. 39. Рис. 4]. В материалах Тарасовского могильника аналогичные изделия относятся к среднему этапу чегандинской культуры, то есть ко времени основания могильника — I–II вв. [Голдина, 2004. С. 307–308]. Интересен факт отсутствия подобного рода украшений в материалах могильников западного вятского варианта пьяноборской культурно-исторической общности [Лещинская, 2014]. Необходимо отметить, что в Приуралье в пьяноборскую эпоху наряду с пронизками широкое распространение получают пластинчатые прямоугольные накладки с петельным креплением, орнаментация которых аналогична орнаментации пронизки с городища Велегож [Казанцева, 2012. С. 47]. Такие накладки есть и в комплексах первых веков нашей эры на территории Западной Сибири [Агеев, 1992. С. 43]. Территориально самыми близкими находками подобного типа являются 2 экземпляра сдвоенных рубчатых «накладок-колодок» из перекопов верхнего слоя Дьякова городища. Как отмечает Н. А. Кренке, близкие по форме накладки представлены в древностях Прикамья на поздних этапах пьяноборской культуры [Кренке, 2011. С. 71. Рис. 139: 852–84, 23–83]. Таким образом, наиболее вероятная датировка пронизки — I–II вв.

Наконечник стрелы (рис. 28: №25) был найден в яме 15а постройки 5 (рис. 18). Он черешковый, двушипный плоский, изготовлен из листа цветного металла (бронзы?) и тщательно обработан с последующей заточкой края пера. Наконечники стрел этого типа, только сделанные из железа, известны по материалам погребений Андреевского кургана, где датируются I в. [Степанов, 1980. С. 30. Табл. 27, 1–19, 54]. На памятниках дьяковской культуры Москворечья (городища Троицкое, Щербинское, Кузнечники и др.) они зафиксированы в верхних горизонтах первых веков н.э. [Смирнов, 1974. С. 33]. В Молого-Шекснинском междуречье плоские двушипные наконечники стрел с заточкой края пера происходят из «домиков мертвых» — могильников дьяковской культуры рубежа эр. [Башенькин, 1996. Рис. 4: 1, 3, 7; 2004. Рис. 9: 1–2]. По мнению В.В. Ставицкого появление двушипных наконечников стрел на памятниках дьяковской культуры связано с экспансией андреевско-писеральского населения, объединение которого предприняло военный поход в Северное Причерноморье [Ставицкий, 2013. С. 130, 136]. В Верхнем Поочье двушипные наконечники стрел являются распространенными находками на памятниках типа Ново-Клейменово II — 1-й половины III в., где, возможно, продолжают традицию, зафиксированную в материалах Андреевского кургана [Воронцов, 2013. С. 20–21. Рис. 65б, 1–2, 18].

Серповидный нож (рис. 28: №20) был найден в заполнении постройки 3 (рис. 18). Этот тип ножей распространен на обширной территории лесной и лесостепной зоны Европейской части России в течение длительного промежутка времени с V–III вв. до н.э. по II–III вв. н.э. [Дубынин, 1974. С. 227].

Керамический комплекс, связанный с поселением типа Упа 2, происходящий из слоя и объектов раскопов 1–3 на городище Велегож, малочислен. В настоящей публикации приводятся прорисовки всех найденных профильных частей. Фрагменты сосудов представлены грубой лепной гладкостенной керамикой. Найдена только одна стенка с текстильными отпечатками (рис. 30: 8).

В большинстве своем это фрагменты горшков с толщиной стенок не превышающей 4–7 мм и «закраинами» у основания днищ (рис. 15: 8; 16: 11–12; 29: 11–12; 30: 7, 10–11). Известны находки фрагментов мисок (рис. 15: 11, 15–16). Основной способ орнаментации венчика — пальцевые вдавления, иногда с отпечатком ногтя (рис. 15: 4, 14; 16: 2–3, 5–6; 30: 3–4, 6; 32: 6, 9). В нескольких случаях край венчика орнаментирован насечками (рис. 29: 3–4) либо лишен орнаментации (рис. 15: 9–10; 16: 7; 29: 7; 30: 2; 31: 2, 7). Стенки, как правило, орнаментированы пальцево-ногтевыми вдавлениями или защипами, которые образуют в некоторых случаях ряды (рис. 15: 5, 7; 29: 10, 14, 17–18; 30: 1, 9; 31: 5).

Типологически определимые сосуды относятся к 4 вариантам.

1) Слабопрофилированные горшки с прямым почти вертикальным или несколько отогнутым наружу коротким венчиком и слабовыраженным плечиком (рис. 15: 4, 6; 16: 4–6; 29: 3; 30: 3; 31: 2, 8).

2) Округлобокие горшки с отогнутым наружу изогнутым венчиком. Максимальное расширение тулова приходится на середину высоты или несколько выше (рис. 16: 2–3; 29: 1; 31: 1, 7; 32: 1, 3, 7, 9).

3) Округлобокие горшки с прямым отогнутым наружу раструбообразным венчиком. Максимальное расширение тулова приходится на середину высоты или несколько выше (рис. 16: 1; 31: 1).

4) Округлобокие открытые горшки, так называемые тюльпановидные (диаметр венчика больше или равен диаметру наибольшего расширения тулова). Венчики сосудов — отогнутые наружу, дуга профиля между шейкой и бочком выражена в большинстве случаев слабо (рис. 15: 14; 29: 10; 30: 2).

Таким образом, наиболее вероятная широкая датировка горизонта поселения типа Упа 2 на городище Велегож — I в. до н.э. — II в. н.э. К сожалению, полученные материалы не проясняют проблемы происхождения этого культурного явления, но позволяют приблизиться к определению его хронологических границ. Городище Велегож стало четвертым известным укрепленным памятником типа Упа 2, наряду с городищами Страхово, Лобынское и Малевка. Изученный керамический материал и выявленные постройки вписываются в предложенную ранее характеристику данного культурно-хронологического горизонта [Столяров, 2012].

Поселение мощинской культуры

Плохая сохранность слоя и отсутствие случаев пересечения разновременных построек не позволяют опереться на **стратиграфические данные** для выделения хронологических горизонтов поселения мощинской культуры на городище.

Необходимо отметить, что на 150 кв. м., изученных раскопами, зафиксировано только три наземные **постройки** (если все-таки отнести к ним постройку 5 раскопа 1, то их количество возрастет до четырех). Обычно плотность застройки площадки мощинских городищ выше [Воронцов, 2013. Рис. 13, 36, 59]. Наиболее вероятно, что это связано с недолгим периодом существования поселения, хотя возможно, что на каком-то этапе площадка городища была подвергнута расчистке, как это прослежено на примере городища Борисово [Воронцов, 2013. С. 59. Рис. 45].

Велегожские наземные постройки размерами 4,8–6,3х3,5–4 м и расположенные в непосредственной близости от них круглые в плане хозяйственные ямы (яма 11 из раскопа 2) типичны для мощинских городищ 2–4 культурно-хронологических горизонтов (т.е. как IV в., так и гуннского времени) [Воронцов, 2013. С. 30, 35, 39].

Все изученные постройки имеют следы пожара — содержат фрагменты сосудов, подвергшихся вторичному обжигу. О внезапном окончании жизни на мощинском поселении, возможно в результате штурма, свидетельствует найденный в раскопе 2 клад и обилие находок этого периода на площадке и склонах городища.

Велегожский клад

Наиболее интересным комплексом среди находок, происходящих с городища, является клад, найденный в раскопе 2 (рис. 33–40, рис. 43–51 (цв. вкл.)). Клад был сокрыт в небольшой ямке №1 , выкопанной в непосредственной близости от постройки 2, изученной раскопами 2–3 (рис. 17–19). Постройка содержала подвергшуюся вторичному обжигу керамику и индивидуальные находки, некоторые их которых близки найденным в кладе (рис. 23: №24, 26, 28, 36, 37, 40, 42, 43, 44, 48; 25; 26).

Здесь рассматриваются только металлические изделия из клада и дается его общая характеристика. Бусы из него проанализированы А.В. Мастыковой и О.С. Румянцевой (см. их статьи в настоящем сборнике). Значительная часть металлических находок была обработана И.А. Сапрыкиной с целью определения химического состава металла (см. ее статью в настоящем сборнике).

Первую категорию металлических находок, представленных в кладе, можно интерпретировать как остатки налобного венчика. К ней относятся бронзовые (определение И. А. Сапрыкиной) **спиралевидные пронизки** (8 экз.; рис. 33: 1–8) и **пластинчатые обоймы с кольцами** (3 экз.; рис. 33: 11–13). Аналогичные пластинчатые обоймы с кольцами найдены в заполнении расположенной рядом с местом находки клада постройки 2 (рис. 23: № 28, 43) и на склоне городища (рис. 4: 13–18). В постройке 2 также найдена спиралевидная пронизка (рис. 23: № 44).

На других мощинских памятниках тоже известен ряд находок пластинчатых обойм с кольцами (рис. 41). В трех случаях (курган 1 Шаньково, городища Щепилово и Петровское) они сохранились полностью, в трех случаях (городища Щепилово и Акиньшино[2]) сохранились кольца, которые, вероятно, являются частью таких обойм [Булычов, 1899. Табл. II: 1–2; Изюмова, 1952; Воронцов, 2013. Рис. 14: 7]. Во всех случаях, когда можно определить контекст находки, они связаны с комплексами 4-го культурно-хронологического горизонта, датированного концом IV–V в. [Воронцов, 2013. С. 37–44]. Бронзовые спиралевидные пронизки также являются частой находкой на мощинских памятниках, и, безусловно, их использование не ограничивается налобными венчиками. Поскольку мы практически не располагаем погребальными комплексами мощинской культуры, проследить традицию использования налобных венчиков по ее материалам трудно, но можно отметить, что уже в одном из наиболее ранних комплексов — мощинском кладе — налобный венчик присутствует [Булычов, 1899. Табл. XII: 7].

Многочисленные аналогии таким налобным венчикам известны в рязано-окских могильниках, где они характерны для женских погребений периодов 2а и 2б по И. В. Белоцерковской, то есть для комплексов конца III — начала V в. [Белоцерковская, 2007. С. 193. Рис. 7: 27]. Тем не менее там есть ряд комплексов, относящихся к категории престижных, в составе которых такие венчики существуют вплоть до середины VII в. [Белоцерковская, 2012. С. 59. Рис. 3: 1; 4: 1; 6: 25, 27, 30]. И. В. Белоцерковская указывает, что в составе венчиков было от 5 до 10 обойм-высотой 1,3–2,3 см и предлагает хронологическое деление обойм по их ширине — 0,6–0,9 см у экземпляров IV в., 0,9–1,1 см у экземпляров V — 1-й половины VI в., 1,1–1,7 см у образцов 2-й половины VI — VII в. [Белоцерковская, 2012. С. 59]. В Велегожском кладе известно только три обоймы, причем их высота составляет 0,9–1,2 см, что несколько меньше, чем у рязано-окских образцов. Ширина обойм из клада — 0,9–1,0 см — соответствует образцам V — 1-й половины VI в. Обоймы, происходящие из постройки, расположенной рядом с местом находки клада, имеют близкие параметры: высоту 1,1–1,2 см при ширине 0,9–1,0 см (рис. 23: № 28, 43). Обоймы, происходящие со склона городища, имеют другие размеры — высоту 0,9–1,0 при ширине 0,5–0,7 см (рис. 4: 14–16, 18). Таким образом, они ближе к образцам IV в. из рязано-окских могильников. Именно к этой группе относятся находки с других памятников мощинской культуры (рис. 41Б: 1, 3, 4). Так что, возможно, период массового использования таких налобных венчиков в мощинских древностях синхронен аналогичному периоду в древностях окских финнов и датируется в рамках IV в.

По всей видимости, к головному убору можно отнести две серебряные (определение И. А. Сапрыкиной) **подвески-лунницы** (рис. 34: 1–2). Аналогий им на территории Верхнего и Среднего Поочья найти не удалось. Вероятно, они являлись височными подвесками. Наиболее близкая аналогия происходит с позднеантичного некрополя Ланиште (Воеводина, Сербия), датируется IV в. и экспонируется в музее города Крулевец.

Не удалось подыскать аналогии и двум серебряным (определение И. А. Сапрыкиной) **проволочным спиралям** (рис. 33: 9–10). Обе они имеют близкий диаметр — 3,8–3,9 см, изготовлены из круглой тонкой (диаметр ок. 0,1 см) проволоки, свернуты в шесть витков, при находке были вдеты друг в друга. При расчистке внутри спиралей были обнаружены ведерковидные подвески и спиралевидные пронизки (рис. 46: 3 (цв. вкл.)).

Следующей, массовой, категорией находок (18 экз.) в кладе являются **ведерковидные подвески** (рис. 34: 3–19). Фрагмент одной сильно корродированной подвески прикипел к золотостеклянной бусине (рис. 38:2). Все они однотипные, пять хорошо сохранившихся экземпляров (рис. 34: 3–7) выполнены из бронзы (определение И. А. Сапрыкиной), корпуса двух подвесок (рис. 34: 8–9) изготовлены из серебра (определение И. А. Сапрыкиной). Материал, из которого изготовлены остальные подвески, пока не определялся, поскольку для аппаратного определения состава металла необходимо провести их реставрацию. Хорошо сохранившиеся экземпляры имеют пластинчатую дужку и круглое донце, у большинства экземпляров сохранившееся отдельно. Практически все подвески имеют внутри заполнение — коричневатую массу органического происхождения. Большинство подвесок производят впечатление «раздувшихся», вероятно в результате воздействия органики. На двух экземплярах (рис. 34: 3, 10) органическое заполнение выходит за пределы корпуса и остатки донцев сохранились снаружи корпуса прикипевшими к органике. Только в одном случае фрагмент донца сохранился на своем месте — вставленным в корпус подвески (рис. 34: 8). Высота подвесок вместе с дужкой составляет 1,7–1,8 см, диаметр — 0,8–0,9 см. Корпус аналогичной подвески найден на склоне городища (рис. 6: 3).

Кроме этого случая, на мощинских памятниках известен только один комплекс, содержащий ведерковидные подвески, — клад, найденный на городище Картавцево [Воронцов, 2013. С. 40, рис. 73: 12–14; 2014. С. 319–320, рис. 2: 7–8]. Этот комплекс имеет полные аналогии по нескольким категориям вещей (в том числе и ведерковидные подвески) в Елшинском кладе, найденном в Пронском районе Рязанской области. Он датирован VII в. на основании входящих в него предметов, известных в кладах круга Мартыновки [Ахмедов, 2014. С. 282–283][3]. Принадлежность Елшинского клада требует специального исследования, поскольку он найден в плохо обследованном регионе (бассейн верховьев р. Проня) на границе ареалов памятников мощинской культуры и рязано-окских могильников. В Картавцевском и Елшинском кладах большинство ведерковидных подвесок имеют при близком диаметре (0,7–0,9 см) большую, чем в Велегожском кладе, длину (2,3–3 см), а одна подвеска из Елшинского клада имеет гораздо большие размеры — 4,2 см при диаметре 1,4 см. Эти различия, скорее всего, объясняются значительной разницей в датировке комплексов.

Таким образом, на памятниках мощинской культуры ведерковидные подвески являются очень редкой катего-

[2] Материалы готовятся к публикации А. М. Воронцовым и И. О. Гавритухиным

[3] Благодарю Илью Рафаэльевича Ахмедова за предоставленную дополнительную информацию

рией находок, причем в двух случаях их находки связаны с комплексами VII века.

Редки они и в материалах рязано-окских могильников. Все случаи находок ведерковидных подвесок в них были подробно рассмотрены И. В. Белоцерковской [Белоцерковская, 2012. С. 33–35]. Всего известно четыре комплекса, в трех из них подвески входили в состав женского убора (Кораблино, погр. 16 и 76, Заречье, погр. 99), в одном случае — в состав уздечного набора (Заречье, погр. 55). Интересна приведенная датировка комплексов: Кораблино, погр. 76 — IV в., Кораблино, погр. 16 и Заречье, погр. 99 — V в. в целом, Заречье, погр. 55 — 2-я половина V в.

По наблюдениям И. В. Белоцерковской, все рязано-окские комплексы, включающие импортные вещи, в том числе ведерковидные подвески, «производят впечатление неординарных», содержат изделия из серебра и престижные поясные наборы. Это и малочисленность подобных находок позволяют ей включить данную категорию находок в число «импортных, инородных вещей» и предположить, что импортным подвескам могли отводить роль статусных вещей, подчеркивающих особое место их владелиц в местной иерархической системе [Белоцерковская, 2012. С. 35–36]. Интересно, что в мощинских древностях в обоих случаях они также входят именно в статусный набор, который включает изделия из серебра.

Появление этой категории находок на Верхней и Средней Оке, вероятнее всего, связано с влиянием черняховской культуры, где они относятся к массовым категориям находок [Гопкало, 2008. С. 63–65]. Следы этого влияния прослеживаются как на мощинских, так и в рязано-окских памятниках [Белоцерковская, 2012; Воронцов, 2013. С. 29–32]. Интересно, что подавляющее большинство их находок на Верхней и Средней Оке связано с комплексами, датирующимися позднее финала черняховской культуры, то есть временем, когда эта категория находок выходит из моды на юге Восточной Европы. Поскольку ведерковидные подвески бытовали на протяжении всего периода существования черняховской культуры, не исключая ее финала [Гопкало, 2008. С. 109], представляется вполне вероятным предположение И. В. Белоцерковской о том, что они попали на Оку вместе с группами носителей черняховской культуры после прекращения ее существования в гуннское время [Белоцерковская, 2012. С. 36].

Кроме стеклянных и янтарных бус, в кладе были найдены три **бронзовые бусины** (определение И. А. Сапрыкиной) (рис. 34: 20–22) и две **бусины из свинцово-оловянистого сплава** (определение условно) (рис. 34: 23–24).

Одна из бронзовых бусин (рис. 34: 20) имеет бочонковидную форму, диаметр около 2 см, диаметр отверстия 0,4 см, ширину 1,2 см в верхней части и 1,3 см в нижней. Бока бусины закруглены. Две другие бусины имеют сечение в виде трапеции со скругленными верхней и нижней сторонами (рис. 34: 21 и 22) и диаметр около 1,6 см. У первой отверстие имеет диаметр 0,4 см, а у второй отверстие имеет форму неправильного овала размерами 0,6 x 0,4 см. При том что бочонковидная бусина и две другие различаются диаметрами, торцы бусин имеют одинаковый диаметр — около 1,4 м, что позволяет поместить их рядом, например, в составе ожерелья.

Одна из бусин, изготовленных из свинцово-оловянистого сплава, имеет бочонковидную форму диаметром 1,6 см, шириной 1,7 см и отверстие диаметром около 0,5 см (рис. 34: 23). Диаметр боковой площадки составляет 1,2–1,3 см. Вторая имеет плохую сохранность (рис. 34: 24), поэтому можно сказать только то, что она приблизительно той же формы и размера, что и первая.

Большое количество металлических бусин найдено в ходе работ на Велегожском городище. Среди подъемного материала со склонов городища их насчитывается 8 (рис. 6: 12–19), одна из которых изготовлена из свинцово-оловянистого сплава (определение условно), остальные бронзовые (определение условно). Из раскопов 2 и 3 их происходит 10 экз. (рис. 20: №2, 4, 10, 13, 49, 55, 56, 60; рис. 23: №18, 61), одна из 10 бусин изготовлена из свинцово-оловянистого сплава, остальные из бронзы (определения условны). Большинство этих находок, как и найденные в кладе, имеют либо бочонковидную форму, либо сечение в виде трапеции со скругленными верхом и низом. Исключение составляют две бусины, имеющие битрапециевидное сечение (рис. 6: 15, 16).

На других памятниках мощинской культуры подобных находок нет, нет таких массивных металлических бус и в женском наборе рязано-окских могильников. Единственная аналогия — это семь бронзовых бусин битрапециевидного сечения, входивших в мощинский клад [Булычов, 1899. С. 19. Табл. XI: 20]. К сожалению, в коллекции они не сохранились; по высказанному И. В. Белоцерковской мнению, вероятнее всего, они были частью гривен.

Последней категорией металлических изделий из велегожского клада являются два латунных (определение И. А. Сапрыкиной) **спиральных многовитковых браслета** (рис. 35). Они имеют по 13 оборотов, их диаметр составляет 5,5–6 см, изготовлены из трехгранного дрота, оба конца уплощены на протяжении около 2-х оборотов, заканчиваются петлями, на которых подвешены несомкнутые овальные кольца длиной 18–2 см и шириной 1,7 см, имеющие овальное сечение. Одно из колец утрачено, по всей видимости, в древности, поскольку концевая петля одного из браслетов разогнута. Второе кольцо от этого браслета сохранилось отдельно, оно, вероятно, выпало, поскольку концевая петля слегка разогнута. Браслеты уже в древности были сломаны, поскольку их части были вдеты друг в друга (рис. 45 (цв. вкл.)), при расчистке они распались на 22 фрагмента, на прорисовке они графически реконструированы, причем первый браслет удалось собрать не полностью. Пластинчатые окончания браслетов украшены гравированным зигзагообразным орнаментом.

На памятниках мощинской культуры аналогий им неизвестно. На дьяковских памятниках И. Г. Розенфельдт учтено 9 экземпляров спиральных многовитковых браслетов на четырех памятниках [Розенфельдт, 1982. С. 88]. К сожалению, современных разработок по хронологии данных находок не существует.

В рязано-окских могильниках известно три комплекса с такими браслетами — погребения 69 Кузьминского могильника (2-я половина — конец IV в), 7аВ Никитинского могильника (конец IV — начало V вв.), 119 могильника Заречье (начало — 1-я половина VII в.) [Белоцерковская, 2012. С. 66]. Кроме того, известны случайная находка на территории Борковского могильника и два случая имитации многовитковых браслетов большим количеством обычных — в погр. 247 Никитинского могильника (1-я половина VII в.) и погр. 110 Шатрищенского могильника (VI в.) [Белоцерковская, 2012. С. 66]. Важно, что в погр. 69 Кузьминского могильника и погр. 119 могильника Заречье такие браслеты встречены вместе с налобными венчиками, аналогичными реконструируемому венчику из Велегожского клада. В погребении 7аВ

Никитинского могильника вместо целых использованы фрагменты спиральных браслетов в 3-4 оборота. Таким образом, их могли носить и в сломанном виде. По мнению И. В. Белоцерковской, спиральные браслеты в рязано-окских древностях были импортными и служили индикатором «довольно высокого» статуса их владельцев [Белоцерковская, 2012. С. 66]. Исходя из датировки приведенных комплексов, они бытовали со 2-й половины IV до середины VII в.

Определить узкую дату для Велегожского клада на основании датировок входящих в него металлических изделий невозможно. Материалы рязано-окских могильников показывают, что аналогичные украшения могли сосуществовать в комплексах начиная со 2-й половины IV в. вплоть до середины VII в. Единственным довольно слабым основанием для сужения датировки может являться ширина обойм от налобного венчика, характерная для экземпляров V в. Датировка бус (см. статьи А. В. Мастыковой и О. С. Румянцевой в настоящем сборнике) тоже неоднозначна. Значительная их часть датируется временем от середины III до конца IV в., в то же время есть экземпляры, датирующиеся более поздним временем. К числу таких относится рубленый бисер красного глухого стекла (кон. IV — нач. V в.) и крапчатые бусы (не ранее 2-й четверти V в.). Таким образом, можно определить наиболее вероятное время формирования комплекса клада в рамках 2-й пол. IV — сер. V в., а его выпадение определить временем около середины V в.

Изучая **наборы** из днепровских кладов эпохи Великого переселения народов, О. А. Щеглова предложила их деление на клады мастеров и клады-ларчики [Щеглова, 1999]. Первые содержат сломанные и деформированные изделия, в числе которых встречаются импортные вещи, металлические слитки и пластины, полуфабрикаты, иногда инструменты. В состав клада-ларчика входит содержимое семейной «укладочки», в которой обычно хранятся 1–2 праздничных (или обрядовых) убора, надеваемых лишь в особых случаях, и отдельные реликвии [Щеглова, 1999. С. 291]. Велегожский клад, безусловно, относится к кладам-ларчикам и содержит один обрядовый женский убор (учитывая парные браслеты и подвески-лунницы, один налобный венчик). Кроме того, в нем, возможно, содержатся реликвии — предметы, сохранявшиеся в семье на протяжении нескольких поколений. Это может объяснить неоднозначную хронологию набора бус (см. статьи А. В. Мастыковой и О. С. Румянцевой в настоящем сборнике).

Такая оценка характера клада позволяет в какой-то мере сравнивать его с женскими погребениями рязано-окских могильников, поскольку, по мнению И. В. Белоцерковской, в них также представлены комплексы обрядового характера, не позволяющие реконструировать повседневный женский костюм [Белоцерковская, 2012. С. 55]. По нашему мнению, сравнение не может быть полным, поскольку в погребениях сохраняются детали полного костюма, где наряду с «сокровищами», обычно хранящимися в подобных «ларчиках», вероятно, присутствуют детали одежды, носившиеся повседневно.

По солидарному мнению А. В. Мастыковой и О. С. Румянцевой (см. статьи в настоящем сборнике), Велегожский клад с таким количеством янтарных дисковидных и грибовидных бус — исключительная находка для лесной и лесостепной зоны Центральной России. Поскольку в Велегожском кладе присутствуют изделия из серебра, полихромные и янтарные бусы, его содержимое явно следует отнести к престижному женскому убору.

Как видно из приведенных выше аналогий, значительная часть набора металлических изделий из клада, а также рассмотренные О. С. Румянцевой бусы из красного глухого стекла и золотостеклянные находят полные аналогии в рязано-окских комплексах, причем вполне могут сосуществовать в одном комплексе. Однако говорить о том, что рассматриваемый набор принадлежал женщине высокого социального статуса, переселившейся на Верхнюю Оку именно из Среднего Поочья (то есть от окских финнов), нельзя. В комплексе отсутствуют такие типичные для женских погребений рязано-окских могильников вещи, как гривны, перстни, пряжки, застежки-сюльгамы. Можно только предположить, что эти вещи использовались в повседневном костюме и остались на хозяйке клада. Тем не менее рязано-окское влияние на формирование этого комплекса однозначно просматривается.

Находка этого клада подтверждает высказанный И. Р. Ахмедовым тезис о проникновении в 1-й половине V в. на территорию Верхней Оки группы среднеокских финнов, которое маркируется находками рязано-окских крестовидных фибул [Ахмедов, 2012. С. 109–11. Рис. 2]. Из приведенных им находок две такие фибулы связаны непосредственно с городищами мощинской культуры — Чертово и Нижняя Городня. Еще об одной находке (рис. 41А: 4), связанной с городищем Петровское, стало известно недавно. Необходимо отметить, что крестовидные фибулы, как и предметы, аналогичные найденным в Велегожском кладе, связаны именно со статусным набором финнов Среднего Поочья.

Другие индивидуальные находки

Окские фибулы с кнопкой. С Велегожским городищем связаны находки двух бронзовых (определение условно) окских фибул с кнопкой (рис. 5: 3; 6: 1). К сожалению, обе находки происходят со склона площадки городища и не соотносятся с конкретными комплексами. По типологии И. Р. Ахмедова, они относятся к типу 2Б, наиболее многочисленному и широко распространенному среди фибул этой серии [Ахмедов, 2008. С. 10–12, рис. 2–3]. Он представлен относительно крупными фибулами (длина 7,3–8,8 см) со слабопрогнутым литым бронзовым корпусом треугольного сечения, с плоской кнопкой овальной или каплевидной формы.

Первая фибула (рис. 5: 3) сохранилась практически полностью, ее длина — 8,9 см, ширина у головки — 3,4 см, у ножки — 1,1 см, высота приемника — 0,8 см, толщина корпуса — 0,5 см. Кнопка каплевидная, длиной 2,4 см, шириной 2,0 см. Ось пружины железная, длиной 5,1 см, с одной стороны на ее окончании надет узкий бронзовый цилиндрик, на другой стороне симметричный цилиндрик утрачен. Пружина сохранилась не полностью, по всей видимости, она была обломлена в древности; тетива, как и у всех фибул этой серии, продета во второе отверстие в стойке. Фибула снабжена железной иглой, по всей видимости вторичной, не связанной с пружиной. Ножка в районе начала кнопки выгнута в сторону, обратную изгибу корпуса, причем для этого сделаны две насечки поперек ребра корпуса, здесь же фиксируется пятно окислов, вероятно, образовавшееся от нагревания этой части фибулы.

У второй фибулы (рис. 6: 1) отсутствует игла, длина корпуса — 8,8 см, ширина у головки — 3,2 см, у ножки — 1,0 см, высота приемника — 0,8 см, толщина корпуса — 0,5 см. Кнопка каплевидная, длиной 2,4 см, шириной 1,8 см. Ось пружины железная, длиной 4,8 см, заканчивается двумя массивными бронзовыми кнопками. Две аналогичные кнопки отдельно от фибул найдены

на склоне площадки городища и одна в слое в раскопе 2 (рис. 5: 4–5; 20: 52). Пружина сохранилась полностью, тетива продета во второе отверстие в стойке.

Кроме памятников мощинской культуры, где такие фибулы встречены в слое памятника или в комплексах, не имеющих надежных оснований для точной датировки (находки с городища Поречье и кургана 3 Шаньково (рис. 42: 4, 8)), или являются подъемным материалом, как, например, находка с селища у Чертова городища (рис. 42: 5), фибулы этого типа найдены на рязано-окских могильниках и памятниках типа Чертовицкое—Замятино на верхнем Дону (рис. 42: 3, 6, 7, 9).

На основании находок из рязано-окских могильников, И.Р. Ахмедов предложил для фибул типа 2Б датировку в рамках 1-й половины — середины V в. [Ахмедов, 2008. С. 12]. Не противоречит такой датировке находка вне комплекса с поселения Ксизово 8, относящегося к памятникам типа Чертовицкое—Замятино, хронологические рамки которых — конец IV–V в. [Гавритухин, 2015. С. 216, табл. 1].

Для понимания окских фибул с кнопкой необходимо учитывать их особое значение для носителей мощинской культуры. По сути дела, это единственная категория находок, присущая исключительно им. Появившись уже на этапе ее формирования в середине III в., они используются, по крайней мере, до 2-й половины V в., несмотря на массовый импорт на Верхнюю Оку более «модных» изделий черняховских ремесленников [Гавритухин, Воронцов, 2008]. Судя по достаточно многочисленным находкам окских фибул с кнопкой со следами ремонта (вторичные иглы, следы ремонта приемников, как на рис. 42: 1, 5), эти фибулы использовались довольно долго. Учитывая все это, мы считаем, что в более правильно датировать тип 2Б окских фибул с кнопкой в рамках конца IV–V вв., то есть несколько шире, чем предложено И.Р. Ахмедовым.

Железные булавки. Со склона городища Велегож происходят три железные булавки (рис. 5: 6–8), еще одна булавка найдена в заполнении рва №3, изученного раскопом 1 (рис. 14: №12). Такие находки типичны для памятников мощинской культуры V — середины VII в. [Воронцов, 2014. С. 313–318, рис. 1; 3: 6–16].

Первая булавка имеет тордированную верхнюю часть, квадратную в сечении, завиток на конце, круглую в сечении нижнюю часть (рис. 5: 6). Длина сохранившейся части составляет 7,5 см. Ее ближайшие аналогии происходят с мощинских городищ Акиньшино (подъемный материал), Серенск и Дешовки (раскопки Т.Н. Никольской) [Воронцов, 2014. Рис. 1; 3: 7; Никольская, 1966. Рис. 1: 5; Фролов, 1970. Рис. 1: 5].

Остальные велегожские булавки характеризуются гораздо более мелкими размерами (4–4,9 см), прямоугольным сечением верхней части, круглым сечением нижней и отсутствием завитка на конце (рис. 5: 7–8; 14: №12). В одном случае (рис. 5: 8) верхняя часть булавки в сечении немного прогнута. Их ближайшие аналогии известны на городище Акиньшино, где они найдены в стратифицированных комплексах середины V — середины VII в. [Воронцов, 2014. Рис. 3: 8–12, 15–16].

Бляшки-нашивки из свинцово-оловянистого сплава. Среди подъемного материала присутствуют две такие круглые бляшки-нашивки (рис. 6: 4, 5). Аналогии им происходят с городищ Дуна, Лужки, Акиньшино [Воронцов, 2014. С. 313. Рис. 1; 4: 21–29]. В ходе работ 2015 года такие бляшки были найдены на городище Петровское, расположенное в низовьях Упы (рис. 41А: 4). Все их характеризует наличие на обратной стороне прямого узкого канала для нитки, перекрытого литыми перемычками, число которых варьируется от одной до трех. На лицевой стороне обязателен рельефный ободок по периметру, в большинстве случаев состоящий из полусферических выступов, реже гладкий. Средняя часть бляшек в большинстве случаев плоская, лишь на двух экземплярах выпуклая.

Для их датировки важны находки с городища Акиньшино, поскольку они были найдены в стратифицированных комплексах. Анализ стратиграфического положения построек и комплексов находок из них позволяет предложить для бляшек этого типа дату в рамках середины V — начала VI в. Конечно, эта выборка мала и не исключена и более широкая датировка таких нашивок. Отсутствие таких бляшек на большинстве изученных мощинских городищ может быть обусловлено материалом, из которого они изготовлены, — свинцово-оловянистым сплавом, поскольку изделия из него в большинстве случаев не сохраняются [Щеглова, 1999. С. 291–292].

Колоколовидные привески. На склоне Велегожского городища найдено шесть крупных бронзовых объемных литых беспетельчатых колоколовидных привесок (рис. 6: 6–11). На других памятниках мощинской культуры они не известны. В Москворечье такие вещи найдены на Дьяковом городище — в верхнем слое и перекопах [Кренке, 2011. Рис. 144]. В рязано-окских могильниках такие подвески в составе затылочных кистей широко распространены в V в. и в отдельных случаях встречаются в комплексах VI — 1-й половины VII в. [Белоцерковская, 2007. Рис. 7; 2012. С. 63, рис. 4, 5].

Плоские трапециевидные подвески. Три таковые найдены на склонах городища Велегож, одна происходит из слоя, еще одна — из заполнения постройки 2, изученной раскопами 2–3 (рис. 6: 20–22; 20: №22; 23: №40). Все они имеют небольшие размеры, приземистые пропорции, на двух сохранились проволочные кольца для подвешивания, причем одна подвеска двойная (на одном кольце повешены две подвески). Такие подвески — типичная находка для поздних памятников мощинской культуры [Воронцов, 2013. Рис. 72: 3–4].

Прочие индивидуальные находки. На склоне площадки Велегожского городища найдены четыре черешковых **наконечника стрел**, предположительно отнесенные к находкам, связанным с горизонтом поселения мощинской культуры (рис. 7: 2–4, 8). Они имеют ромбовидное перо с низкими плечиками и близкое к квадрату сечение массивного черешка. От более поздних экземпляров, характерных для древнерусского времени, их отличают отсутствие упора в верхней части черешка, ярко выраженная ассиметричность плечиков пера. Три из наконечников имеют линзовидное сечение пера (рис. 7: 3, 4, 8), один — треугольное (рис. 7: 2). Близкая аналогия им происходит из относящейся к гуннскому времени ямы 42 с мощинского городища Воротынск [Массалитина, 2008. Рис. 1: 2].

Одной из многочисленных находок на городище являются **железные четырехгранные шилья** (рис. 7: 1, 9; 23: №26), на одном из них (рис. 27: №39), найденном в яме 15, сохранились остатки деревянной рукояти. В большом количестве аналогичные шилья встречены в комплексах середины V — середины VII в. на городище Акиньшино.

В слое раскопов 1 и 2 были найдены **пластинчатые кресала** с расширенным концом и петлей в верхней части (рис. 11: №15; 20: №59), многочисленные **битрапециевидные глиняные пряслица** с широким каналом

(рис. 11: №4, 18, 23, 28; 20: №8, 12, 15, 17, 31, 45; 23: №24, 32, 36, 37, 48). С городищем связаны ряд фрагментов бронзовых и железных изделий (рис. 7: 5, 6; 8: 2–8; 11: №2, 6, 13, 17, 29), **железные ножи** и их фрагменты (рис. 7: 7, 11; 11: №3, 5; 13: №19), **железный рыболовный крючок** (рис. 7: 10).

Керамическая посуда

Керамический комплекс, происходящий из слоя, построек и ям мощинской культуры, изученных раскопами 1–3, состоит в основном из небольших фрагментов сосудов и немногочислен (рис. 12–14, 22, 24–27). Он включает лепные сосуды с грубой поверхностью, с лощеной поверхностью, сковороды. Доля лощеной керамики составляет 6–7%, в некоторых комплексах (например, яма 11 из раскопа 2) доходя до 10%.

В небольшом количестве в слое и в значительном количестве в изученных объектах встречена керамика, вторично обожженная в ходе пожара. Именно среди этой части нахождок сохранились наиболее информативные профильные части (рис. 13: 1–4; 26: 1–20, 27: 1–5, 7–10). Судя по всему, эти комплексы маркируют финал жизни поселения, с этим же горизонтом связаны большинство индивидуальных находок и найденный рядом с постройкой 2 клад. В настоящей публикации приводятся прорисовки всех найденных профильных частей сосудов.

Для анализа форм сосудов использовалась типология, разработанная для памятников мощинской культуры Окско-Донского водораздела [Воронцов, 2013. С. 24–26, рис. 10, 11]. Среди керамики с грубой поверхностью превалирует тип V.3, характерный для памятников 4-го культурно-хронологического горизонта (кон. IV–V в.) (рис. 12: 17, 38–40; 13: 2–3; 22: 18–22; 24: 16, 21; 25: 6, 20; 26: 5, 6, 17; 27: 3–5, 7). В меньшем количестве присутствуют тип VI, также характерный для этого горизонта (рис. 24: 20; 25: 22; 26: 16), тип I.2, характерный как для 3-го (2-я пол. IV в.), так и для 4-го (кон. IV–V в) культурно-хронологических горизонтов (рис. 25: 1; 4; 26: 1, 9), тип V.1, характерный для 2-го и 3-го культурно-хронологических горизонтов (кон. III – IV в) (рис. 26:8), а также типы V.2 и III. 1 (рис. 22: 1; 24: 2), характерные практически для всего периода существования мощинской культуры, за исключением наиболее раннего ее горизонта. Керамика с лощеной поверхностью представлена ребристыми мисками типа III (рис. 12: 28–30; 13: 5; 14: 6–8; 22: 32–36; 24: 31–33; 26: 32–36), характерного для 2-го, 3-го и 4-го культурно-хронологических горизонтов (кон. III–V в), мисками типа IV (рис. 12: 25; 14: 9; 24: 34; 26: 21–22, 26; 27: 6), характерного для всех горизонтов мощинской культуры, и единичным фрагментом миски типа V (рис. 26: 30), характерного для 2-го и 3-го культурно-хронологических горизонтов (кон. III – IV в).

На городище встречены только единичные фрагменты груболепных горшков, имеющие орнаментацию, что показательно для слоев мощинских городищ гуннского времени [Воронцов, 2013. С. 42]. В числе орнаментированной керамики: фрагменты венчиков с косыми насечками по верху (рис. 12: 1–3; 24: 2, 11), фрагменты сосудов с отпечатками перевитой веревочки по краю венчика и верху плечика (рис. 12: 18; 14: 10; 22: 10; 27: 3), единичный фрагмент стенки с прочерченным орнаментом в виде ромбов (рис. 24: 23).

Таким образом, основной керамический материал можно датировать гуннским временем, однако в нем присутствуют немногочисленные формы, которые присущи комплексам 3-го культурно-хронологического горизонта (2-я половина IV в.).

Хронология

Характер и хронология поселения мощинской культуры могут быть определены на основании следующих соображений.

Отсутствие случаев перекрывания друг другом изученных построек и низкая степень заселенности площадки в целом говорят в пользу его недолговременности. Изученные постройки имеют следы пожара. Это и находка вблизи одной из них клада говорят о гибели городища в результате нападения. Обилие находок в слое городища и на его склонах подтверждает эту гипотезу. Таким образом, мощинский слой городища Велегож, наиболее вероятно, представляет собой остатки недолго просуществовавшего и погибшего в результате нападения поселения.

Анализ находок, проведенный выше и в статьях И. О. Гаритухина, А. В. Мастыковой и О. С. Румянцевой в настоящем сборнике, позволяет выделить две группы вещей, имеющих основания для достаточно узкой датировки. К первой относятся предметы, наиболее вероятное время бытования которых, скорее всего, IV в., хотя не исключена и их датировка гуннским временем. К числу таких, например, относятся фрагменты двух фибул (рис. 5: 1–2), обоймы пряжек (рис. 4: 4, 5), некоторые типы изделий из красного глухого стекла (рис. 36: 20–45, 37: 1). Ко второй группе относятся предметы, характерные для гуннского времени. К их числу относятся две овальные пряжки с хоботовидным язычком (рис. 4: 1–2), подвесной крепежный наконечник (рис. 4: 3), окские фибулы с кнопкой типа 2Б по И. Р. Ахмедову (рис. 5: 3; 6: 1), рубленый бисер из красного глухого стекла (рис. 36: 19), крапчатые бусы (рис. 39: 2–4). При этом вещей, однозначно датируемых временем позднее середины V в., среди находок нет.

Керамический материал, главным образом происходящий из сгоревших построек и, безусловно, в основном связанный с финалом жизни на городище, относится к гуннскому времени, хотя и содержит немногочисленные формы, наиболее характерные для 2-й половины IV в.

Таким образом, наиболее вероятное время возникновения мощинского поселения в Велегоже — 2-я половина IV в., а время его гибели — начало или 1-я половина V в.

Направления культурных связей реконструируются следующим образом. Наряду с вещами из «окского» мира, такими как большинство металлических изделий клада, детали налобных венчиков, колоколовидные и трапециевидные привески, среди находок присутствуют серия вещей черняховского происхождения (фрагменты фибул, ведерковидные подвески), отдельные вещи, связанные со степным кругом — позднесарматской культурой и кочевниками гуннского времени (некоторые части ременных гарнитуров). Наиболее яркими вещами являются крапчатые и янтарные бусы из клада. К сожалению, определить их происхождение и пути их попадания в комплекс в настоящее время не представляется возможным.

Литература

Агеев Б. Б. Пьяноборская культура. Уфа, 1992. 140 с.

Ахмедов И. Р. Окские фибулы // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула, 2008. С. 7–27.

Ахмедов И. Р. Окские крестовидные фибулы как индикаторы этнокультурных процессов в Центральной России эпохи Великого переселения народов // Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. №3. Самара, 2012. С. 107–123.

Ахмедов И. Р. «Лик славы». Согдийская находка из Елшинского клада // Славяне и иные языци... к юбилею Натальи Германовны Недошивиной. Сер. Труды ГИМ. Вып. 198. М., 2014. С. 282–288.

Башенькин А. Н. «Домик мертвых» Куреваниха-XX на р. Мологе // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996. С. 141–150.

Башенькин А. Н. Усть-Бельский археологический комплекс на р. Кобоже: 20 лет исследований // Чагодощенская земля: культура, история, люди: Материалы краеведческой конференции, п. Чагода, 9–10 января 2004 г. Вологда, 2004.

Белоцерковская И. В. Культура рязано-окских могильников. Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 9. М., 2007. С. 186–212.

Белоцерковская И. В. Об одном типе женского костюма окских финнов гуннского и постгуннского времени // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3. Тула, 2012а. С. 55–78.

Белоцерковская И. В. О предметах черняховской культуры в женском инвентаре рязано-окских могильников // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной. Труды ГИМ. Вып. 191. М., 2012б. С. 27–37.

Булычов Н. И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899. 85 с.

Воронцов А. М. Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела. Тула, 2013. 176 с.

Воронцов А. М. Поздний период существования мощинской культуры // КСИА. Вып. 235. М., 2014. С. 311–327.

Гавритухин И. О. Фибулы эпохи Великого переселения народов, найденные в Ксизово // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V в.). РСМ. Вып. 16. М., 2015. С. 212–240.

Гавритухин И. О., Воронцов А. М. Фибулы верхнеокско-донского водораздела: двучленные прогнутые, подвязные и со сплошным приемником // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула, 2008. С. 28–89.

Генинг В. Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. Пьяноборская эпоха III в. до н. э. — II в. н. э. М., 1988.

Голдина Р. Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. 1. Ижевск, 2004. 318 с.

Голдина Р. Д., Красноперов А. А. Конструктивная и хронологическая классификации материалов Наргындинского I могильника II–III вв. н. э. // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. — XV н. э.): хронологическая атрибуция. Сборник статей. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 25. Ижевск, 2012. С. 9–104.

Гопкало О. В. Бусы и подвески черняховской культуры. Киев, 2008. 252 с.

Дубынин А. Ф. Щербинское городище // Дьяковская культура. М., 1974. С. 198–281.

Изюмова С. А. Отчёт С. А. Изюмовой о раскопках городища у д. Щепилово Тульской обл. в 1952 г. // АИА. 1952. Р-1. №761.

Казанцева О. А. Красноярский могильник I–V вв. н. э. в бассейне р. Тулвы Среднего Прикамья. Ижевск, 2012. 180 с.

Кренке Н. А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. М., 2011. 548 с.

Лещинская Н. А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н. э.). Сер. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27. Ижевск, 2014. 472 с.

Массалитина Г. А. Мощинская культура // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. АИА, Р-II, №2567. М., 1994. 253 с.

Массалитина Г. А. Керамические комплексы нижнего слоя городища Воротынск // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула, 2008. С. 111–129.

Модин Р. Н. Древнерусский горизонт городища Велегож (материалы раскопок 2012 года) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Выпуск 11. М., 2015. С. 184–197.

Никольская Т. Н. К этнической истории бассейна Верхней Оки // КСИА. Вып. 107. 1966. С. 9–16.

Розенфельдт И. Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М., 1982. 180 с.

Смирнов К. А. К вопросу о систематизации грузиков «дьякова типа» с Троицкого городища // Древнее поселение в Подмосковье. Сер. Материалы и исследования по археологии СССР. №184. М., 1971.

Смирнов К. А. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М., 1974. С. 7–89.

Смирнов К. А. К вопросу о связях племен городецкой и дьяковской культур с населением степи и лесостепи // СА. №4. 1991. С. 53–61.

Ставицкий В. В. Западный компонент в материалах Андреевского кургана // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2013. №3 (27). С. 126–141.

Степанов П. Д. Андреевский курган: к истории мордовских племен на рубеже нашей эры. Саранск, 1980. 108 с.

Столяров Е. В. Отчет об археологических исследованиях в Заокском и Кимовском районах Тульской области в 2012 году. Часть 1. Раскопки на городище Велегож Заокского района. 2012а // АИА. Р-1. Б/н.

Столяров Е. В. Памятники типа Упа 2 // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3. Сб. статей. Тула, 2012б. С. 79–118.

Фролов И. К. Нижний слой городища у дер. Серенск // Древние славяне и их соседи. М., 1970. С. 80–82.

Щеглова О. А. Женский убор из ладов «древностей антов»: готское влияние или готское наследие? // Stratum plus. №5. 1999. С. 287–312.

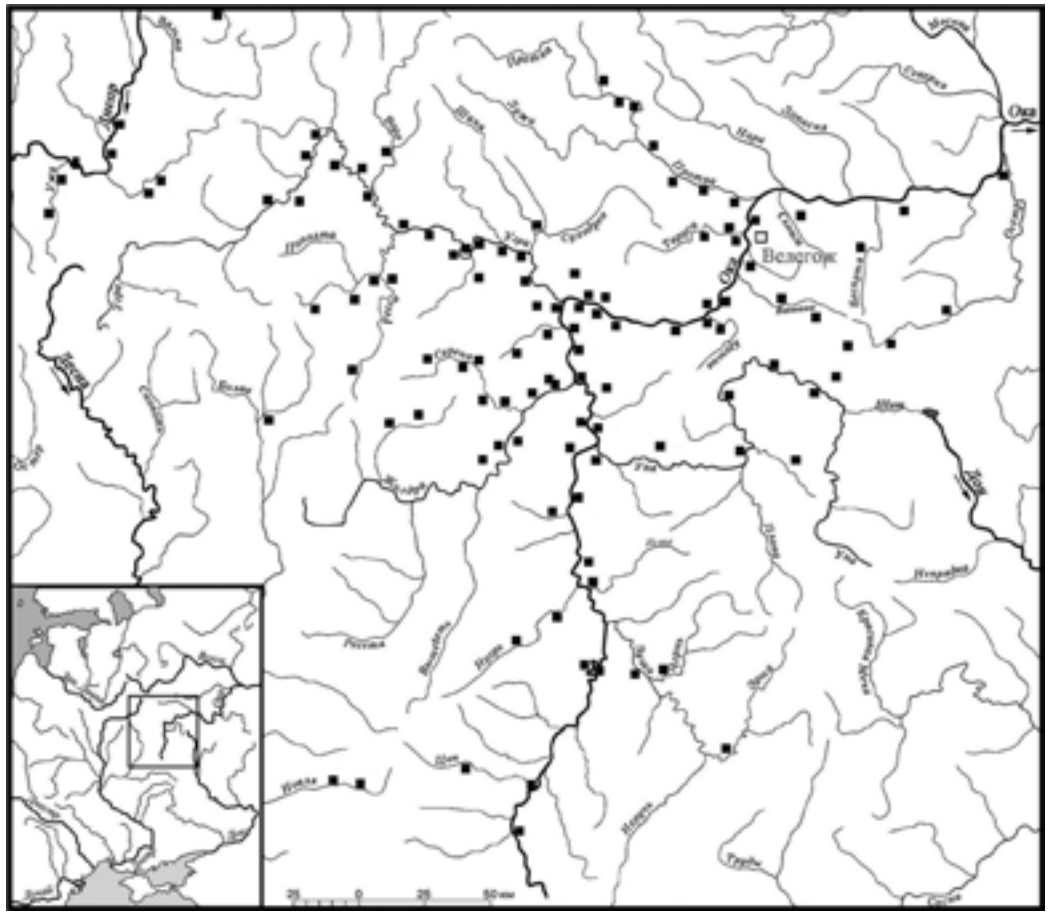


Рис. 1. Городище Велегож в системе памятников мощинской культуры

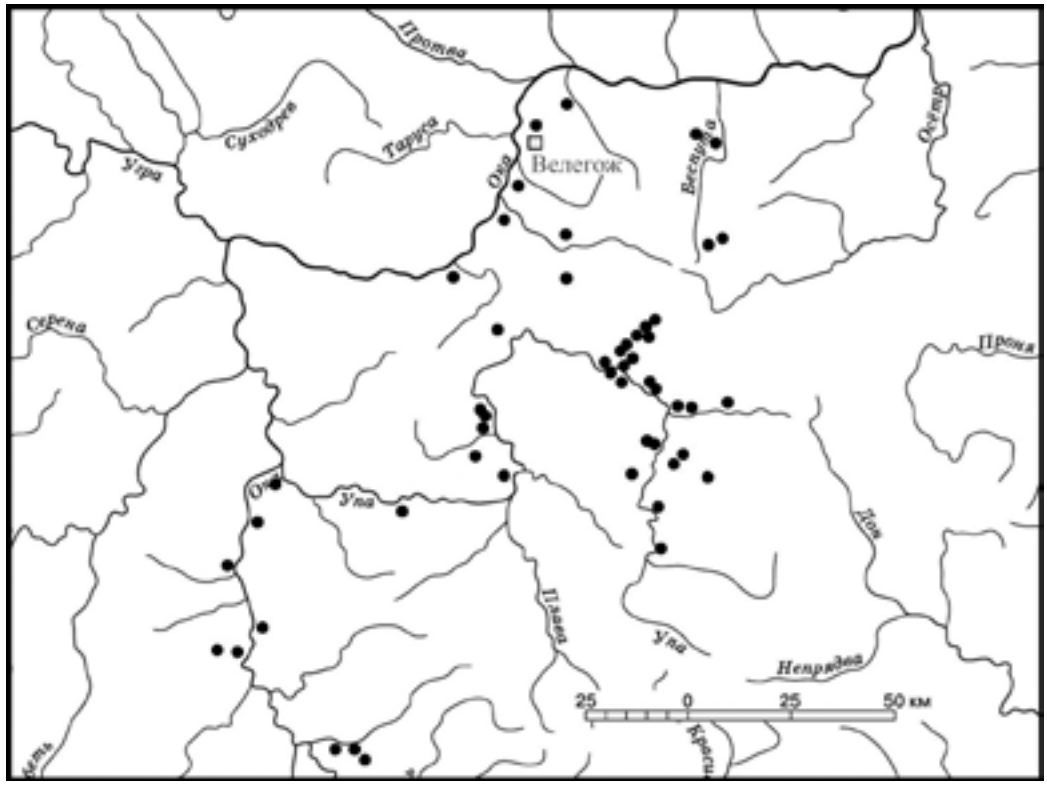


Рис. 2. Городище Велегож в системе памятников типа Упа 2

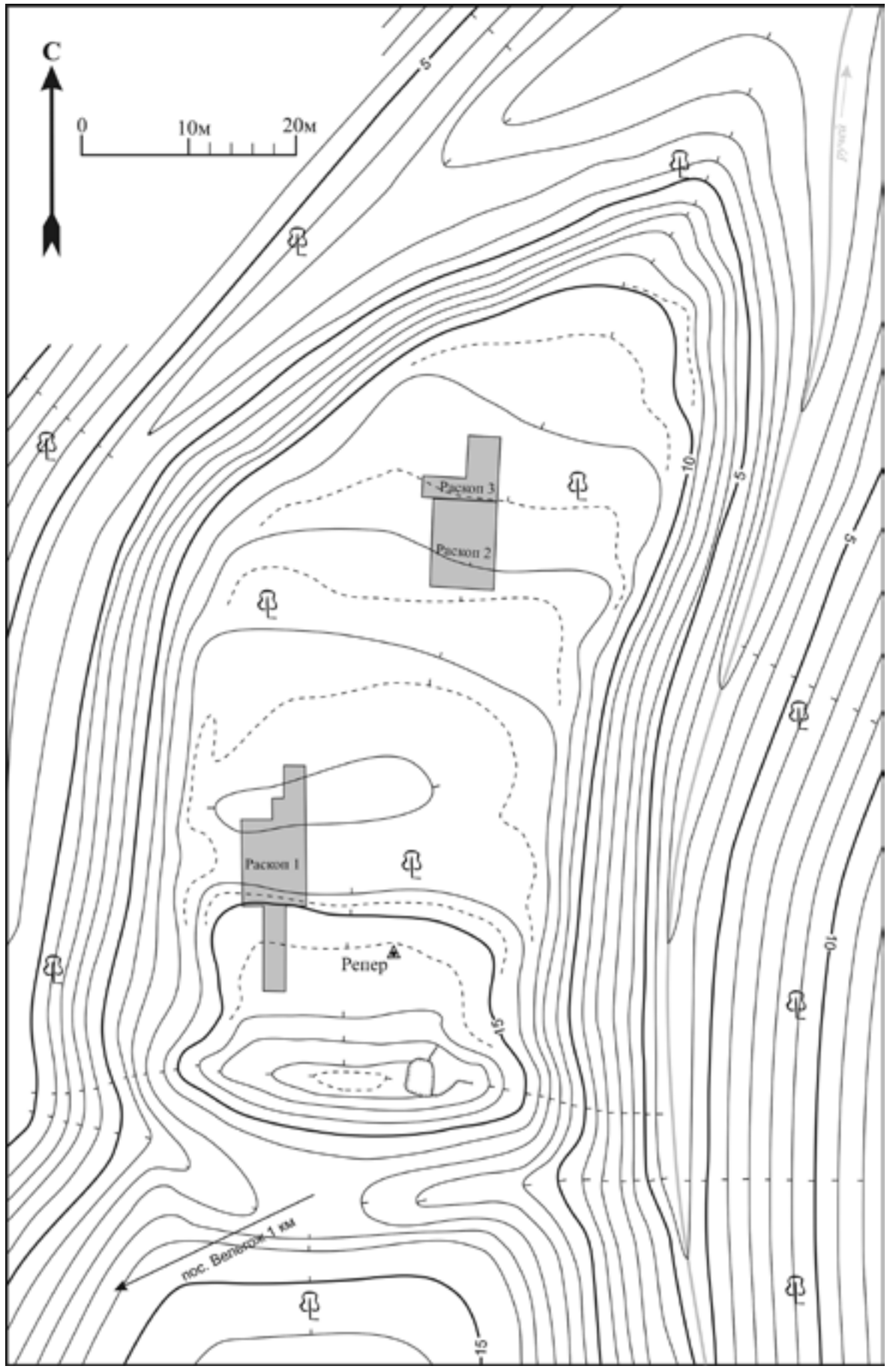


Рис. 3. Городище Велегож, инструментальный план с нанесенными распопами 2012 года.
Съемка А. М. Воронцова

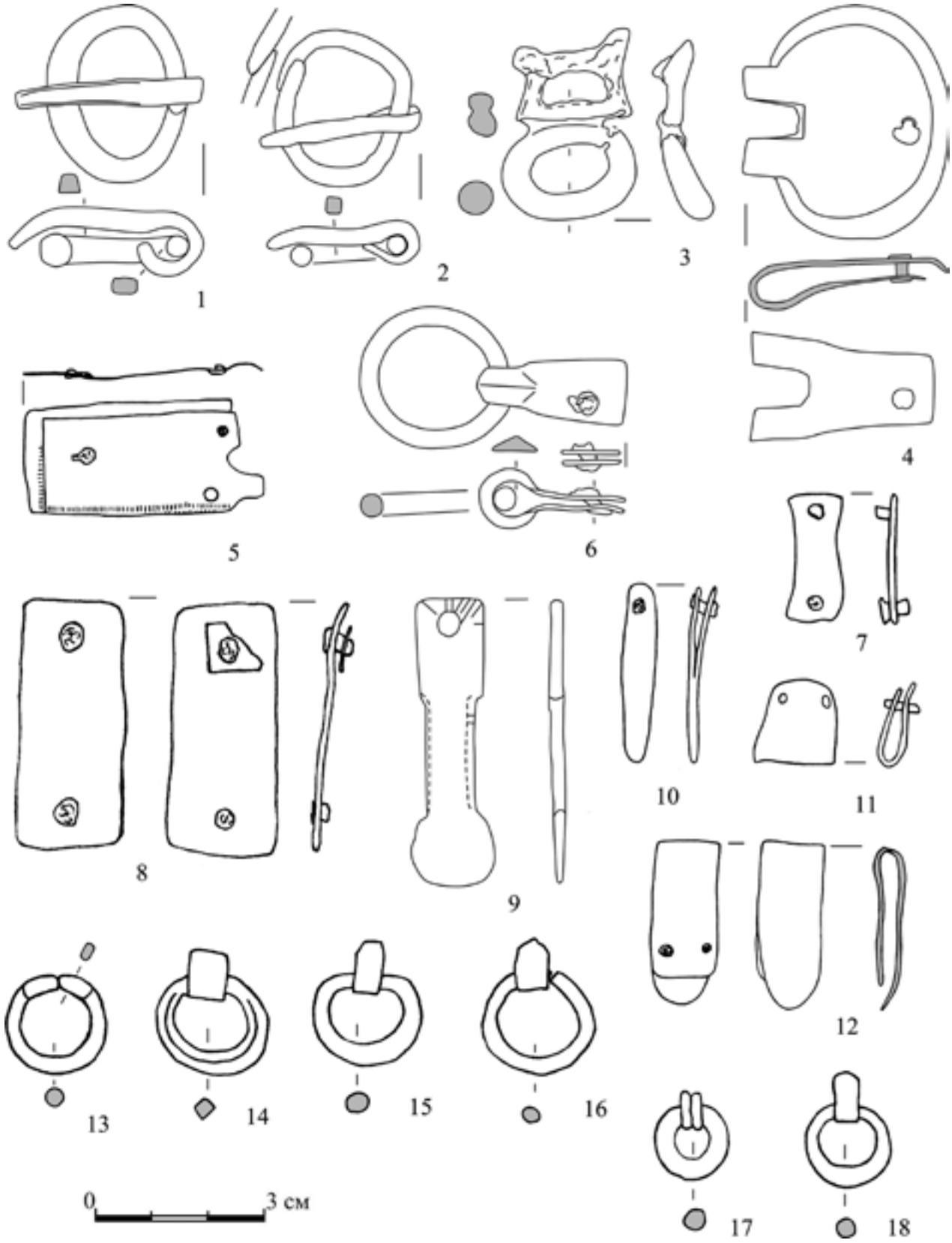


Рис. 4. Городище Велегож, подъемный материал. Находки, относящиеся к мощинской культуре. Части ременных гарнитуров и детали налобных венчиков.

1, 2, 9 — железо; *3–8, 10–18* — бронза.

1–4, 6, 9 — рисунки И. О. Гавритухина; *5, 7, 8, 10–18* — рисунки А. М. Воронцова

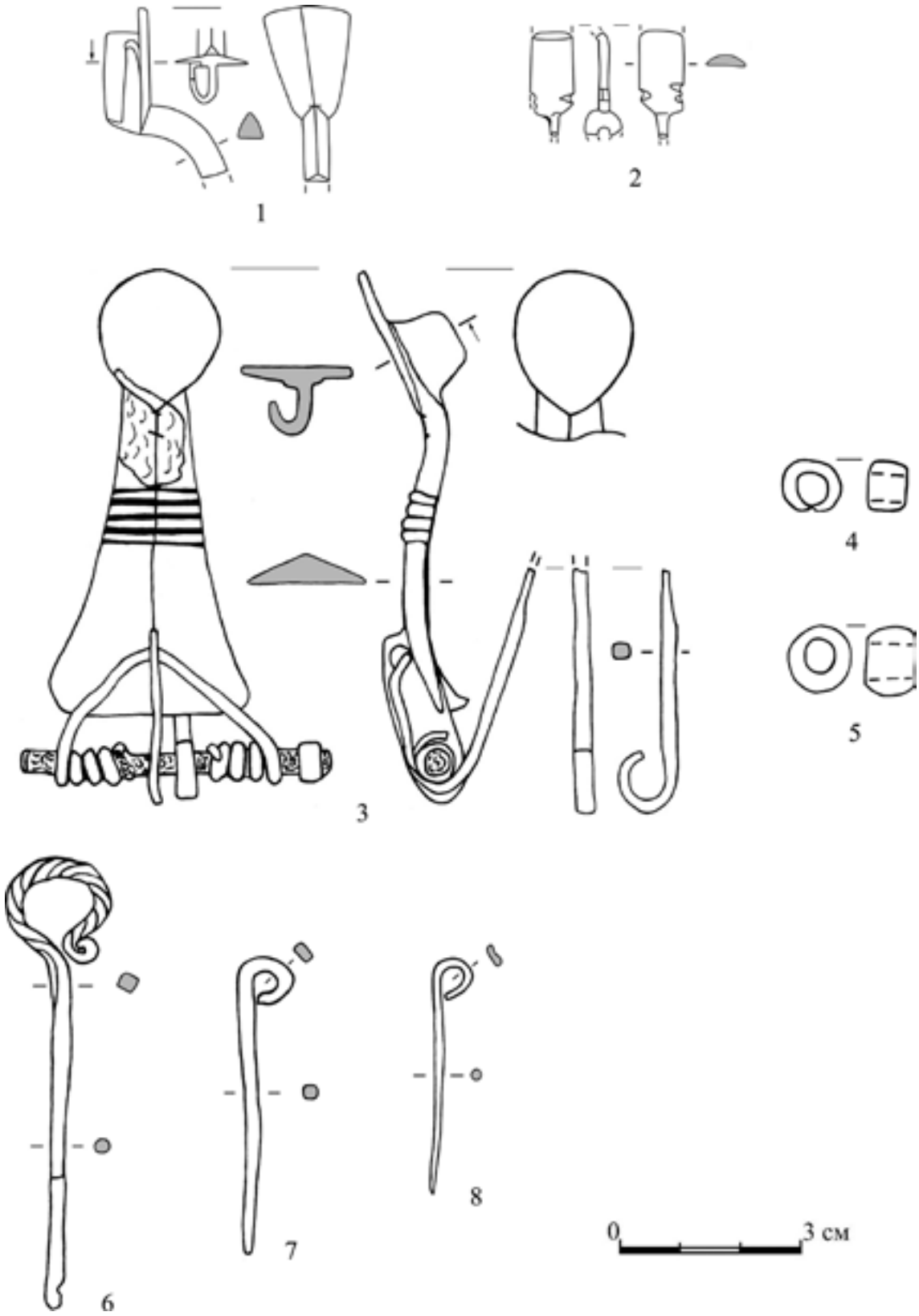


Рис. 5. Городище Велегож, подъемный материал. Находки, относящиеся к мощинской культуре. Фибулы и, вероятно, кнопки от фибул, булавки.

1–5 — бронза; *3–8, 6–8* — железо.

1–2 — рисунки И. О. Гавритухина; *3–8* — рисунки А. М. Воронцова

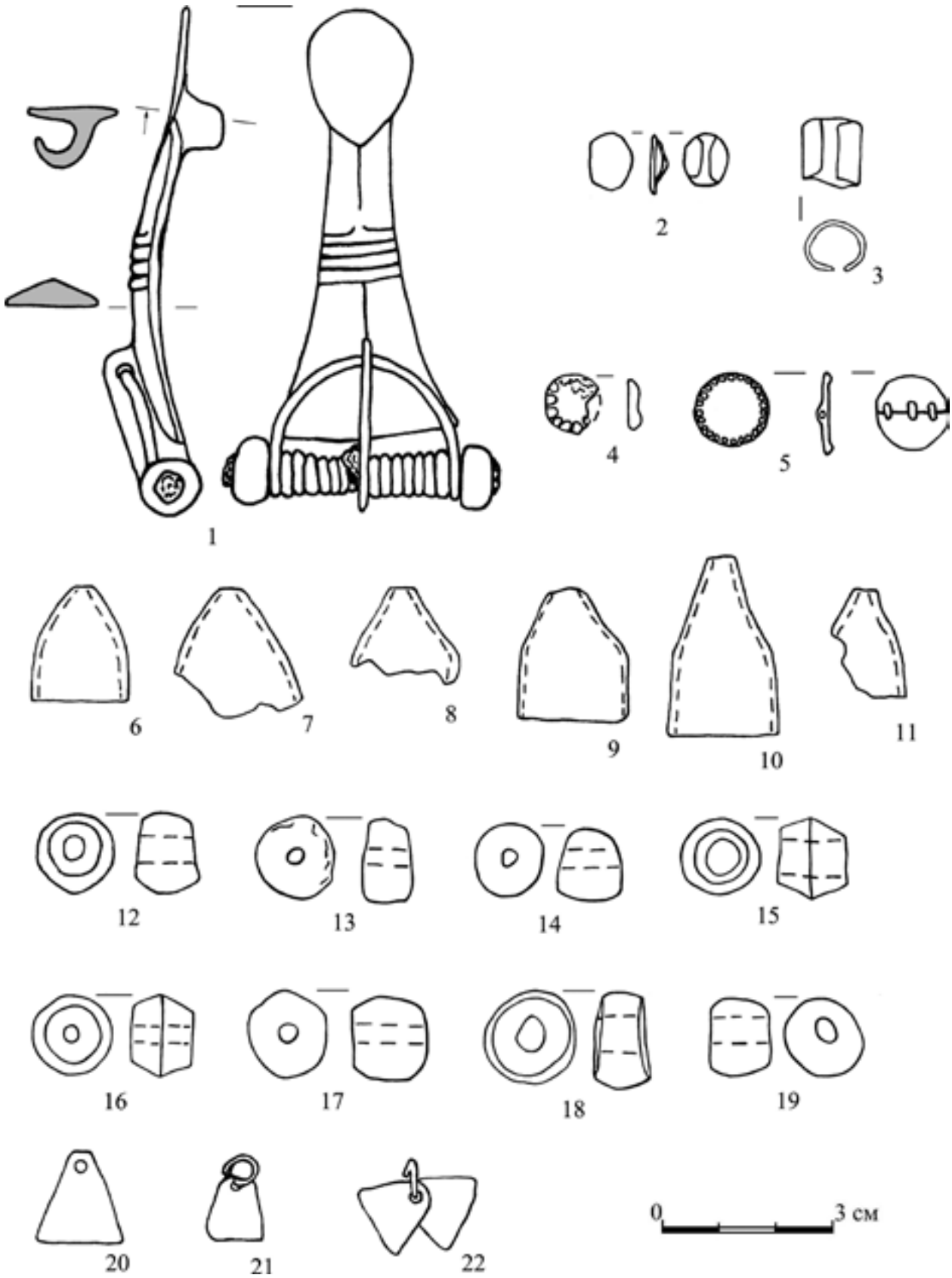


Рис. 6. Городище Велегож, подъемный материал. Находки, относящиеся к мощинской культуре. Фибула, бляшки-нашивки, подвески, бусины.

1–3, 6–12, 14–22 — бронза; *4, 5, 13* — свинцово-оловянистый сплав.

Рисунки А. М. Воронцова

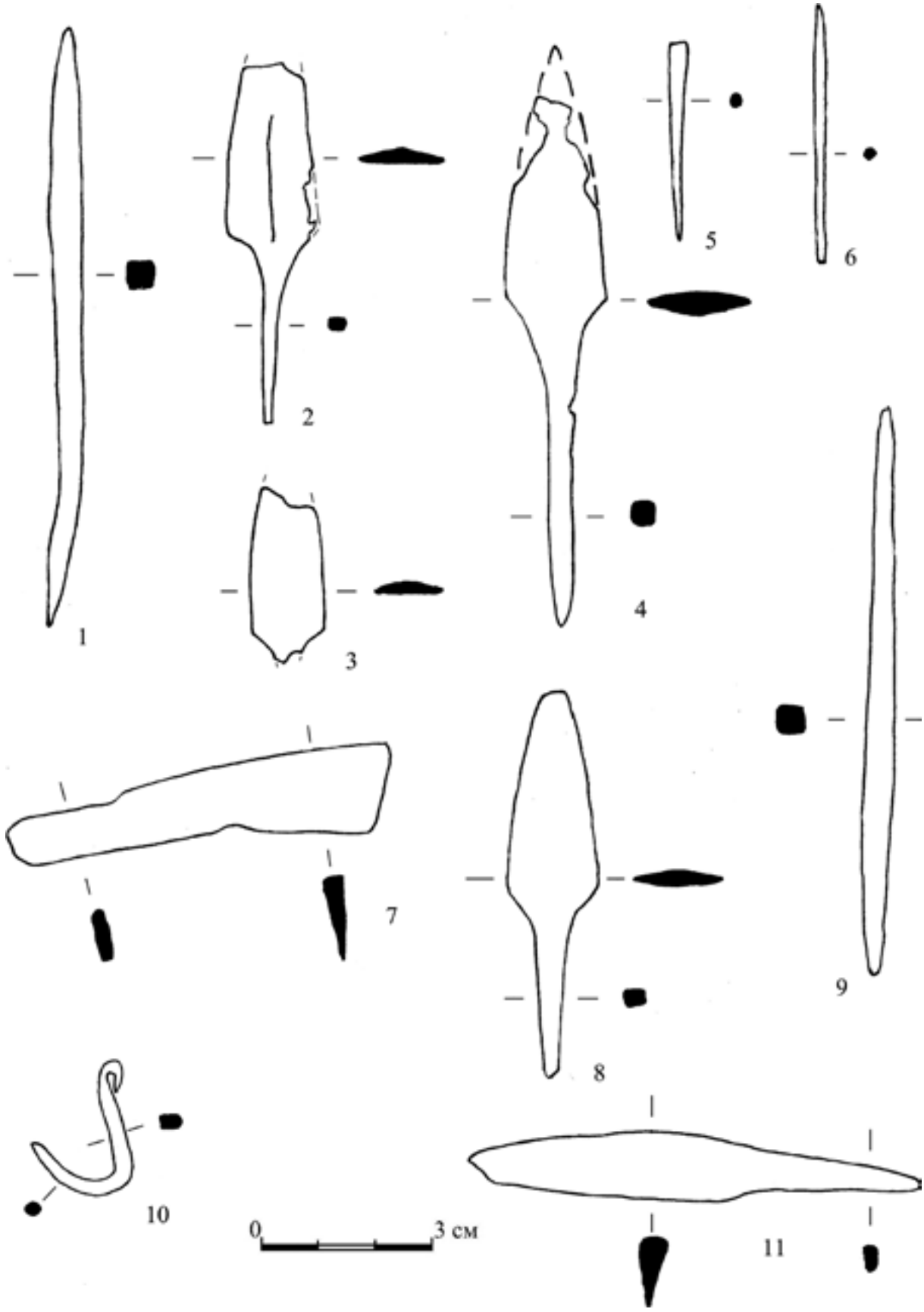


Рис. 7. Городище Велегож, подъемный материал. Железные предметы.
Рисунки А. М. Воронцова

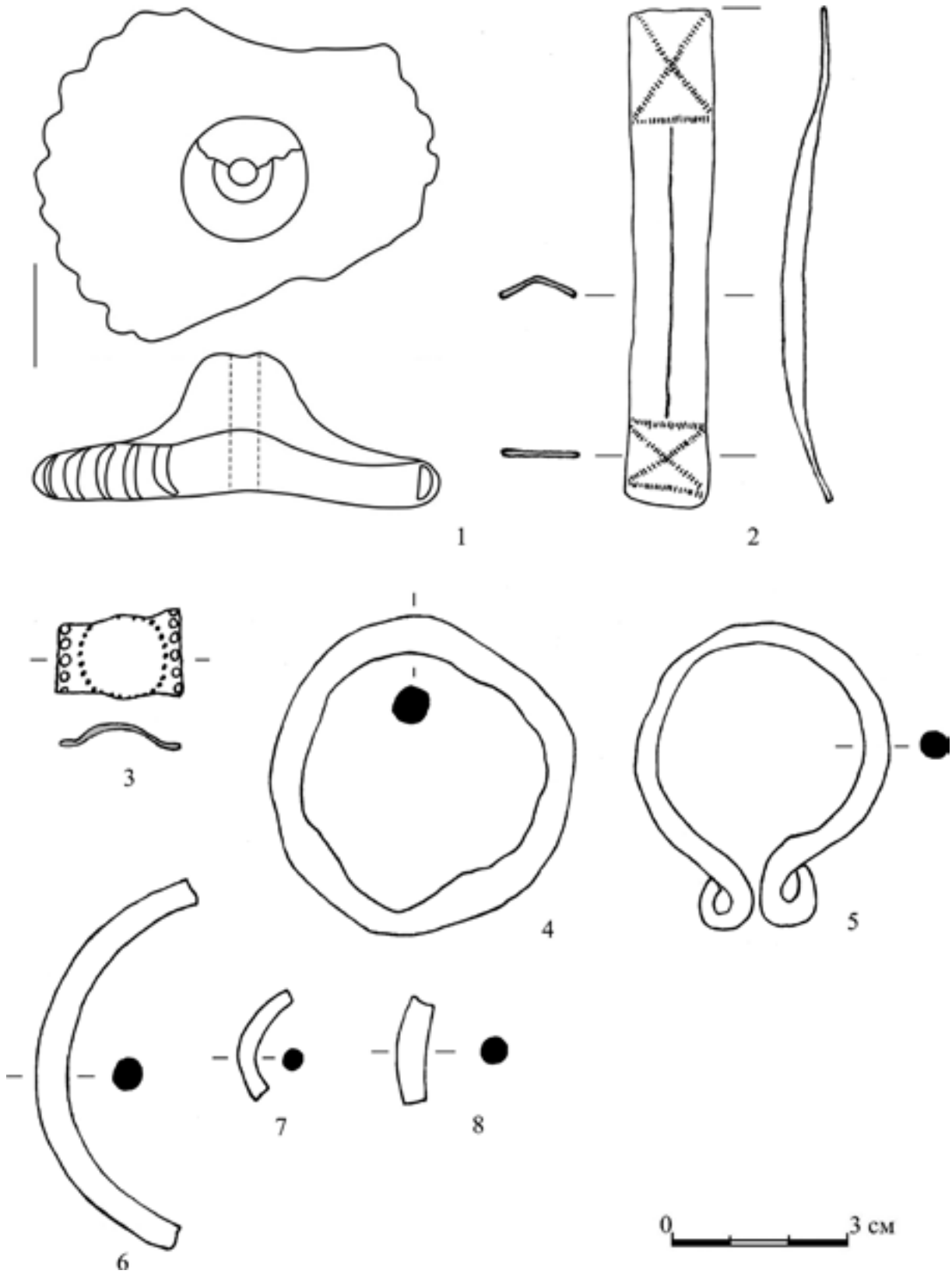


Рис. 8. Городище Велегож, подъемный материал. Глиняный грузик (*1*), фрагменты бронзовых украшений (*2–3*), железные предметы (*4–8*).

1 — рисунок Е. В. Столярова; *2–8* — рисунки А. М. Воронцова

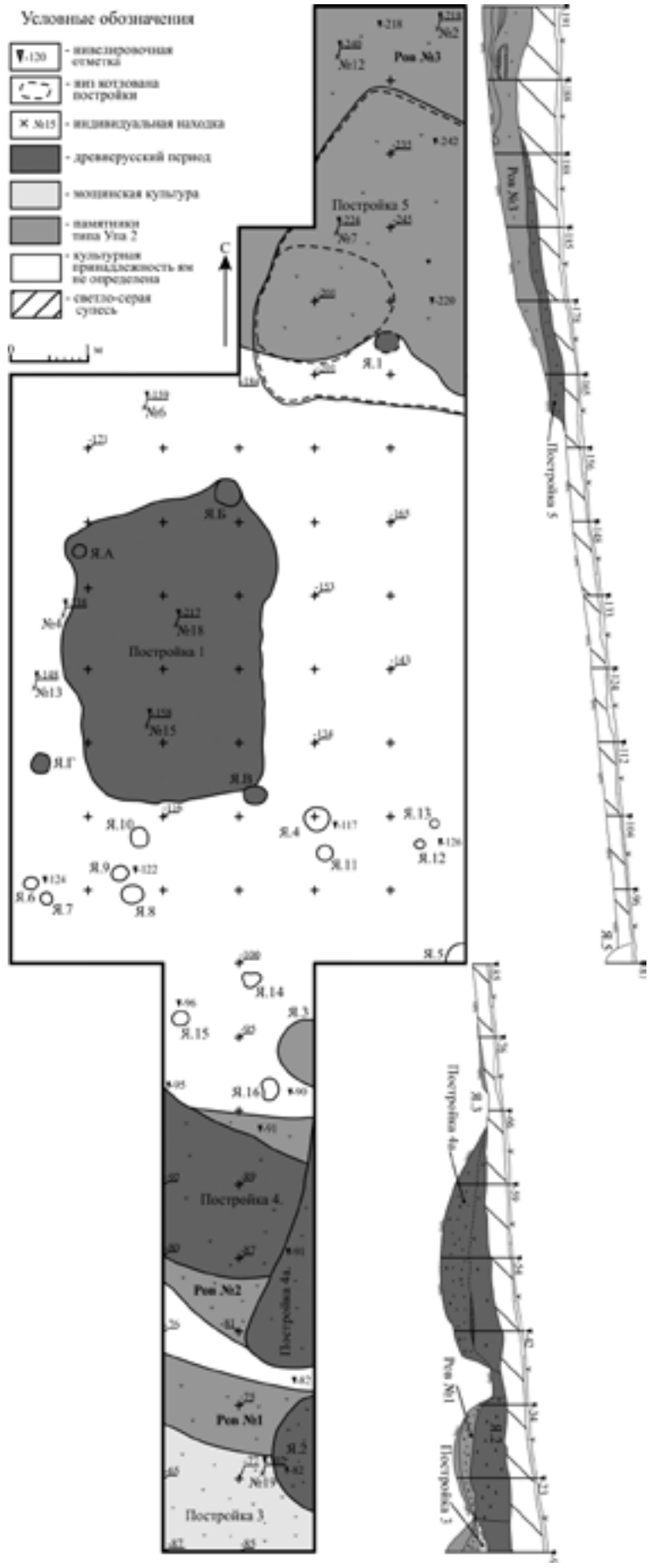


Рис. 9. Городище Велегож, раскоп 1. План на уровне построек верхнего горизонта, стратиграфия

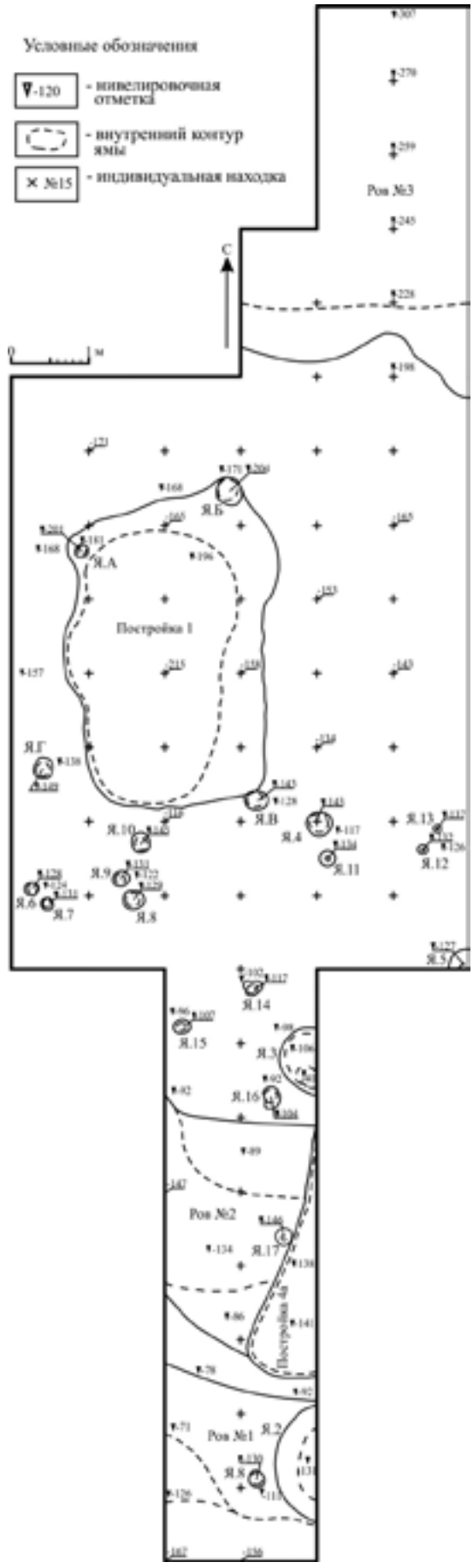


Рис. 10. Городище Велегож, раскоп 1. План на уровне материка

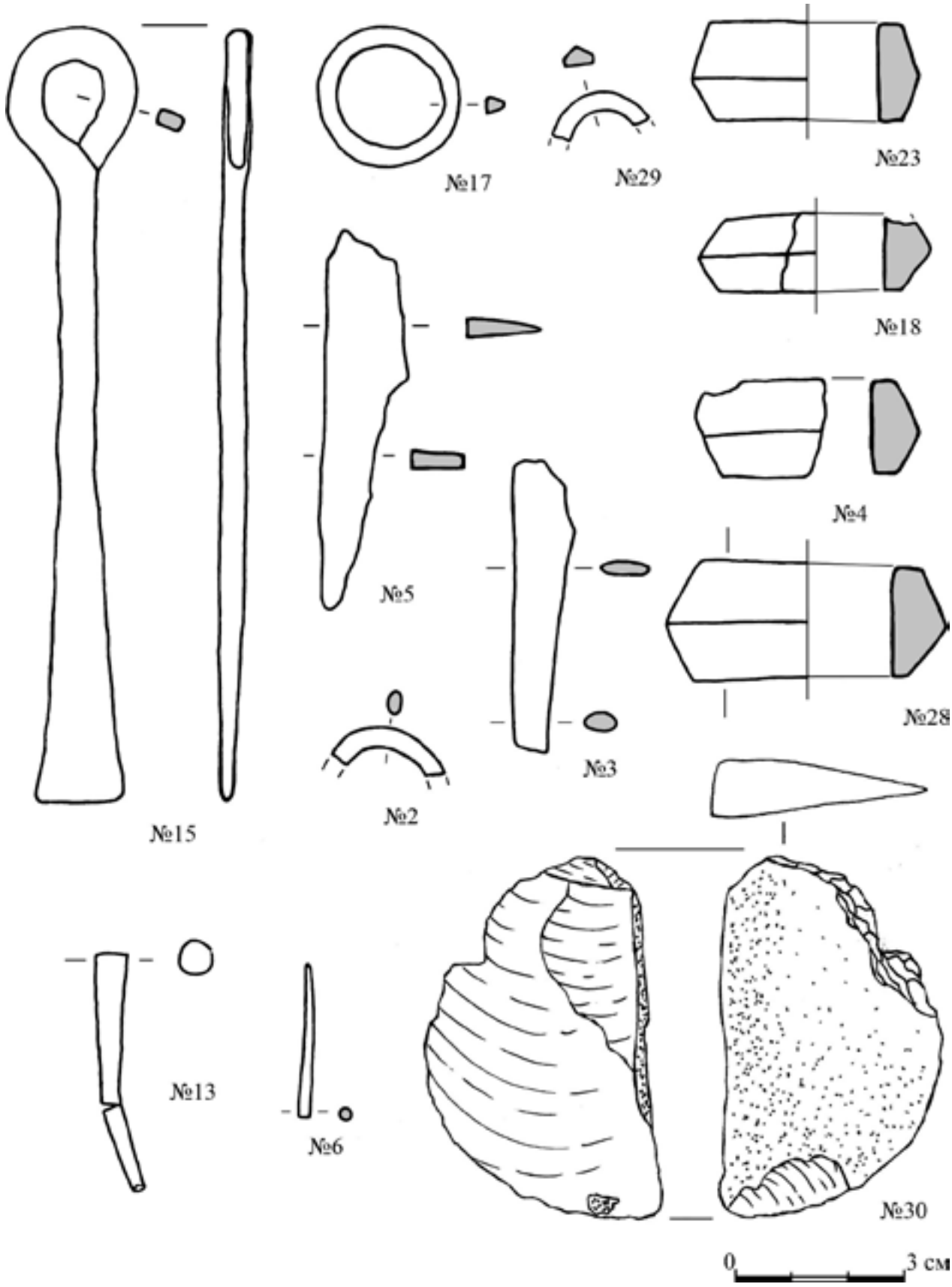


Рис. 11. Городище Велегож, раскоп 1, находки из слоя и древнерусских построек, относящиеся в основном к мощинской культуре.

№ 3, 5, 6, 15 — железо; *№ 2, 13, 17, 29* — бронза; *№ 4, 18, 23, 28* — глина; *№ 30* — кремень.

Рисунки А. М. Воронцова; кроме *№ 30* — рисунок А. М. Колоколова

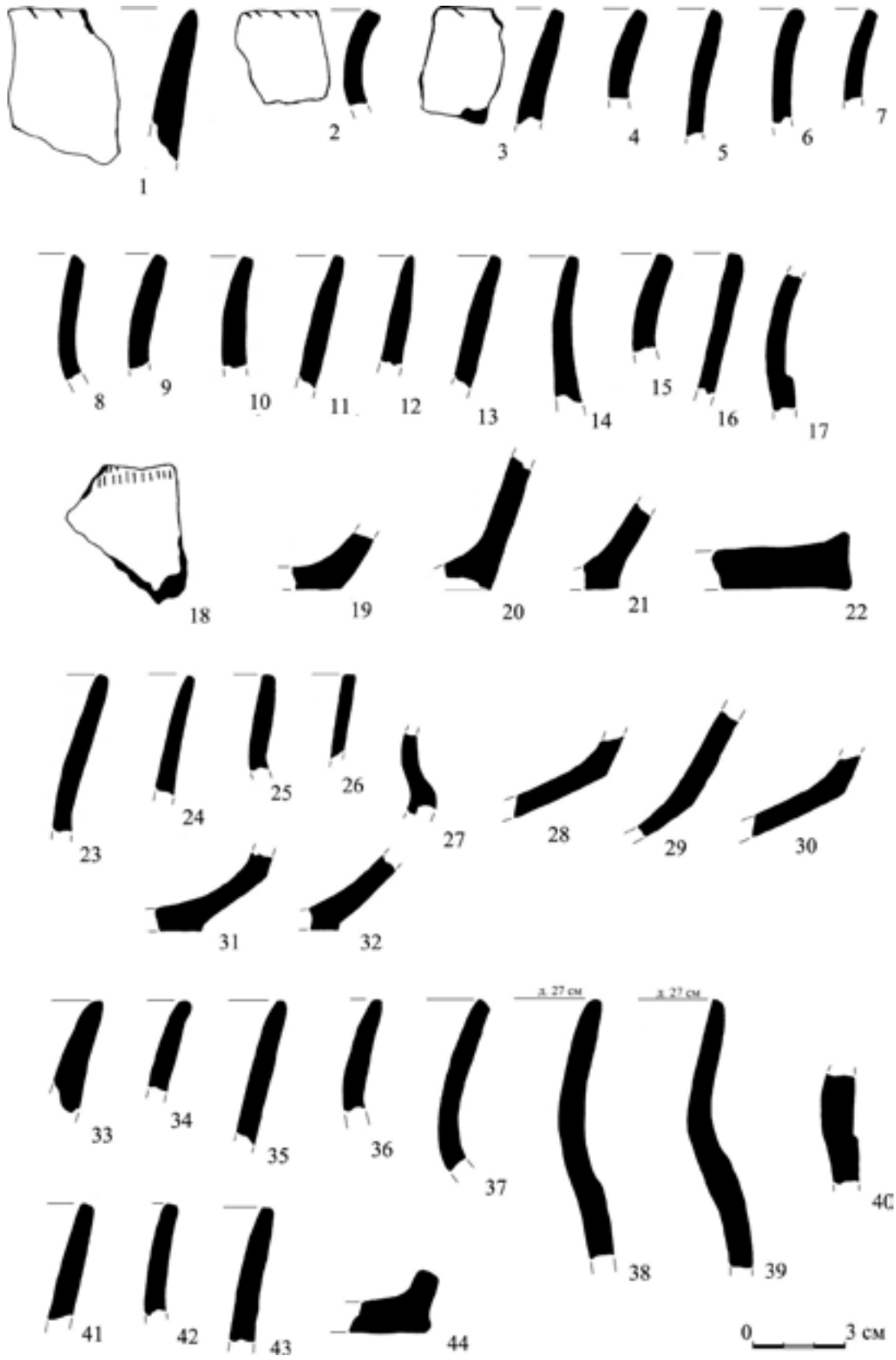


Рис. 12. Городище Велегож, раскоп 1, керамика мощинской культуры из слоя (1–32) и из древнерусской постройки 1 (33–44).

1–21, 33–40 — грубая лепная; 23–32, 41–43 — лощеная лепная; 22, 44 — сковороды.

Рисунки А. М. Воронцова

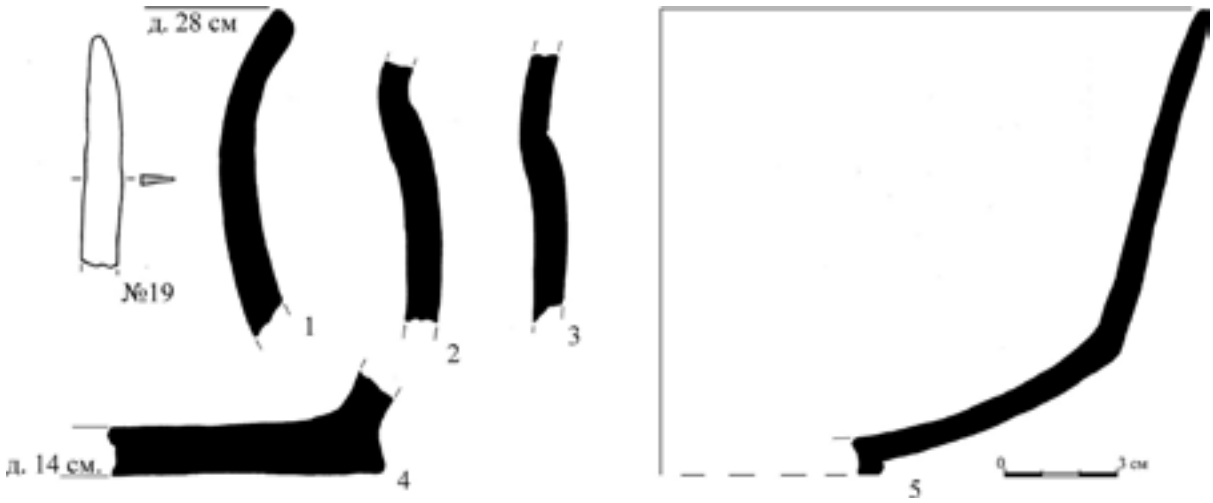


Рис. 13. Городище Велегож, раскоп 1, железный нож (№19) и керамика из постройки 3, относящейся к мощинской культуре.

1 — грубая, деформированная в ходе вторичного обжига; *2–4* — грубая лепная; *5* — лощеная лепная.

Рисунки А. М. Воронцова

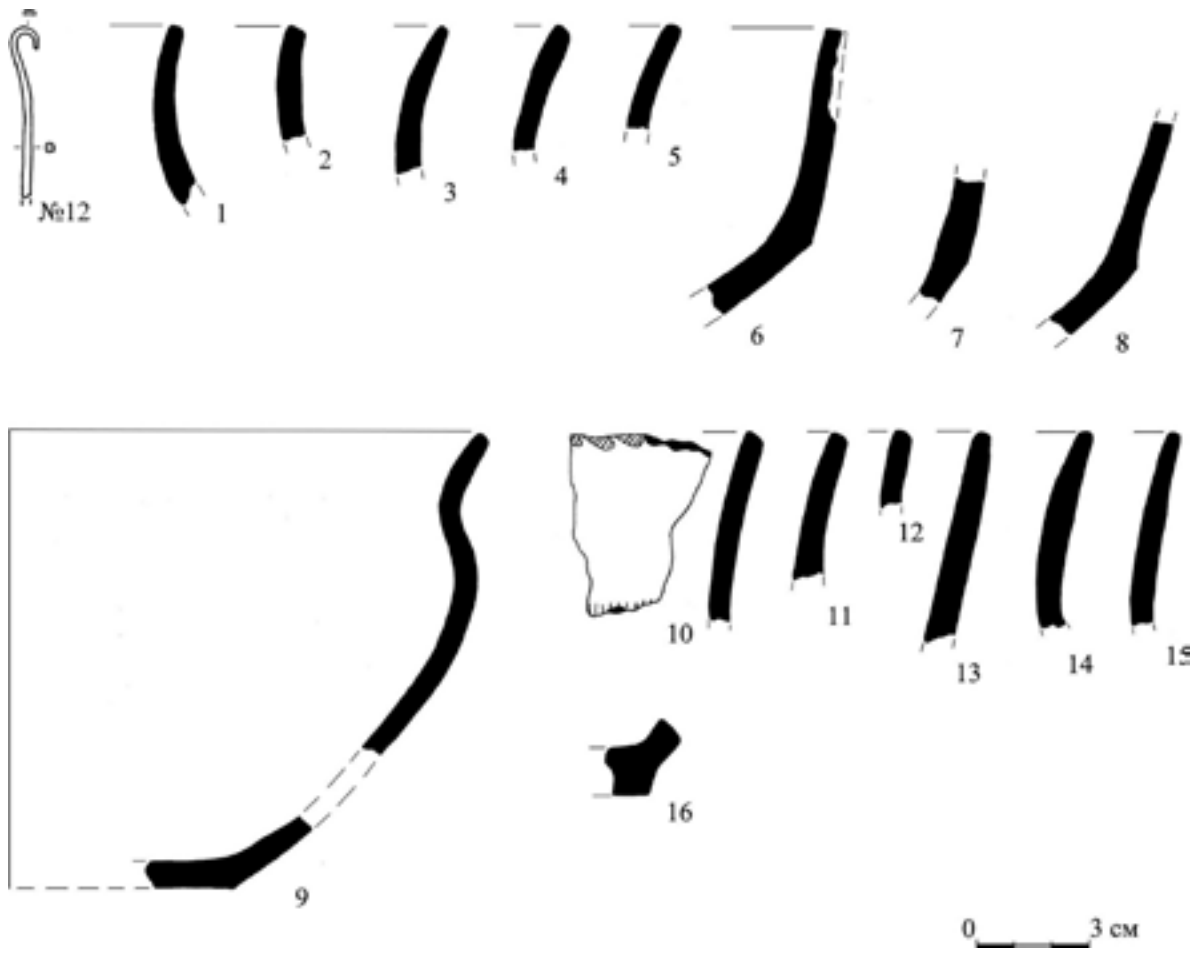


Рис. 14. Городище Велегож, раскоп 1, железная булавка (№ 12) и керамика мощинской культуры из заполнения рва № 3 (1–2), и мощинская керамика из древнерусских построек 4 (3–8) и 5 (9–16).

1–5, 10–12 — грубая лепная; *6–9, 13–15* — лощеная лепная; *16* — сковорода.

Рисунки А. М. Воронцова

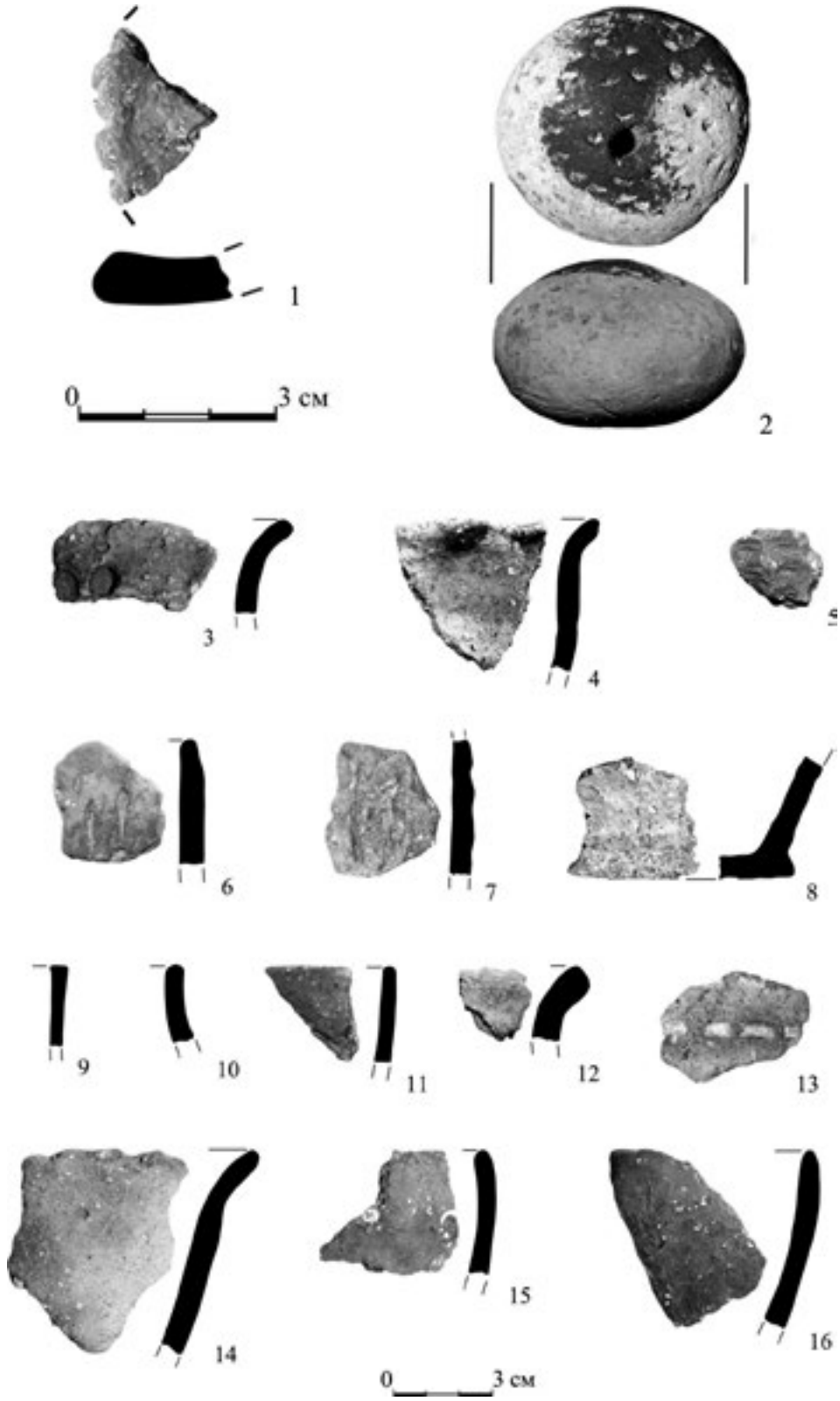


Рис. 15. Городище Велегож, раскоп 1, керамика памятника типа Упа 2 из подъемного материала (3–5), слоя (6–8), заполнения рва № 1 (1, 9–12), заполнения рва № 3 (2 и 14), ямы 3 (13) и древнерусской постройки 5 (15–16).

Рисунки Е. В. Столярова

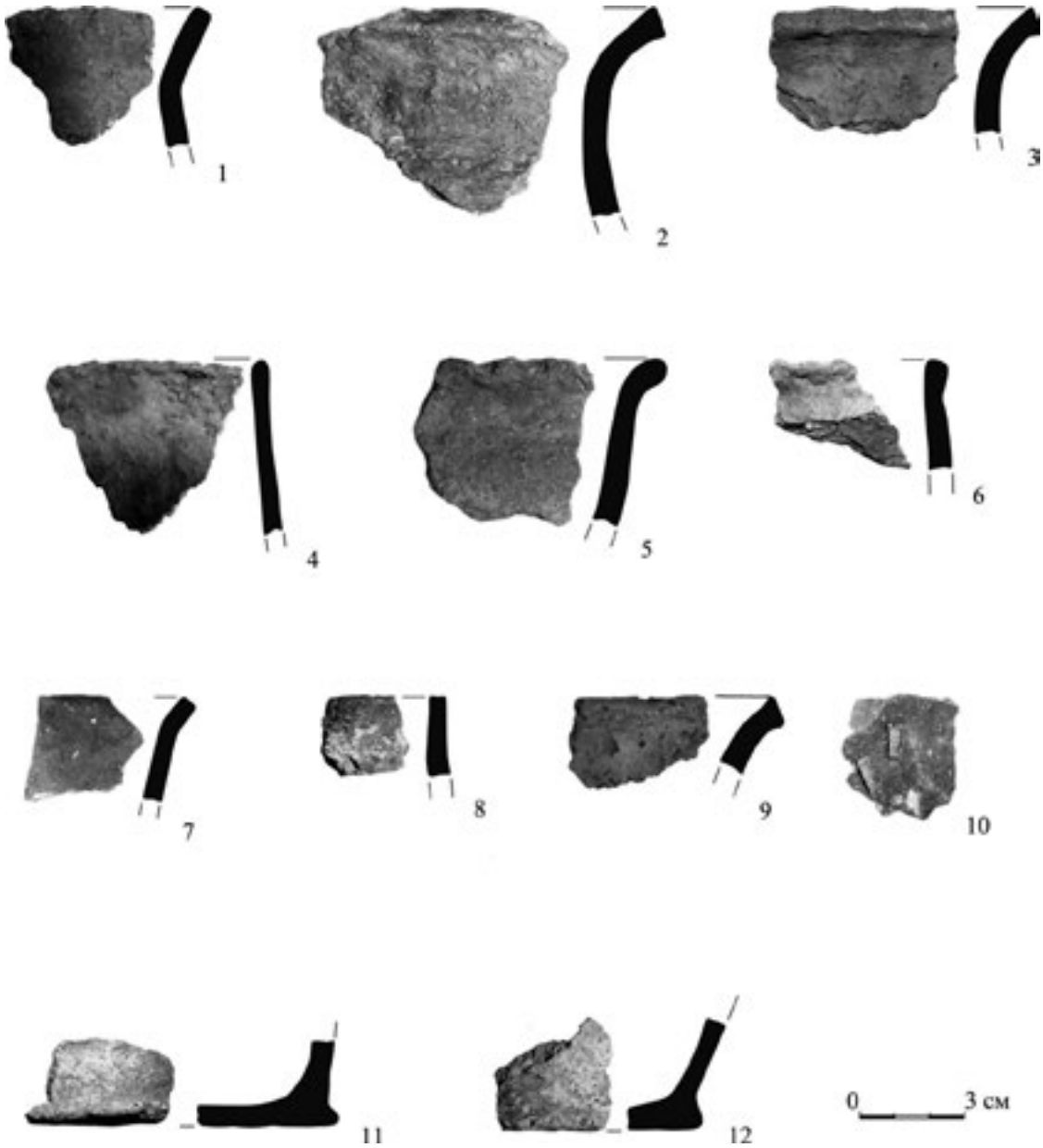


Рис. 16. Городище Велегож, раскоп 1, грубая лепная керамика памятника типа Упа 2 из древнерусской постройки 1.

Рисунки Е. В. Столярова

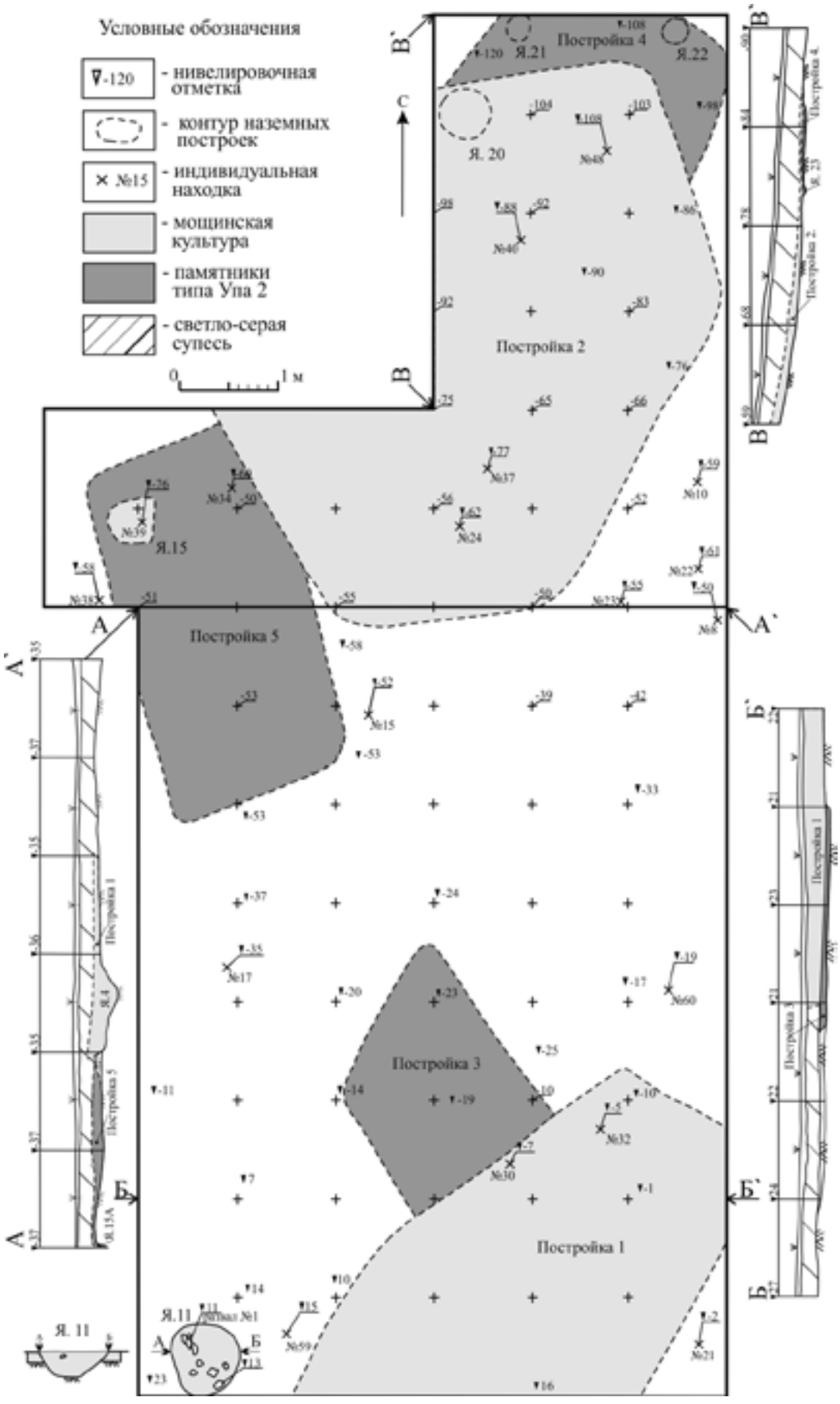


Рис. 17. Городище Велегож, раскопы 2–3. План на уровне построек верхнего горизонта, стратиграфия

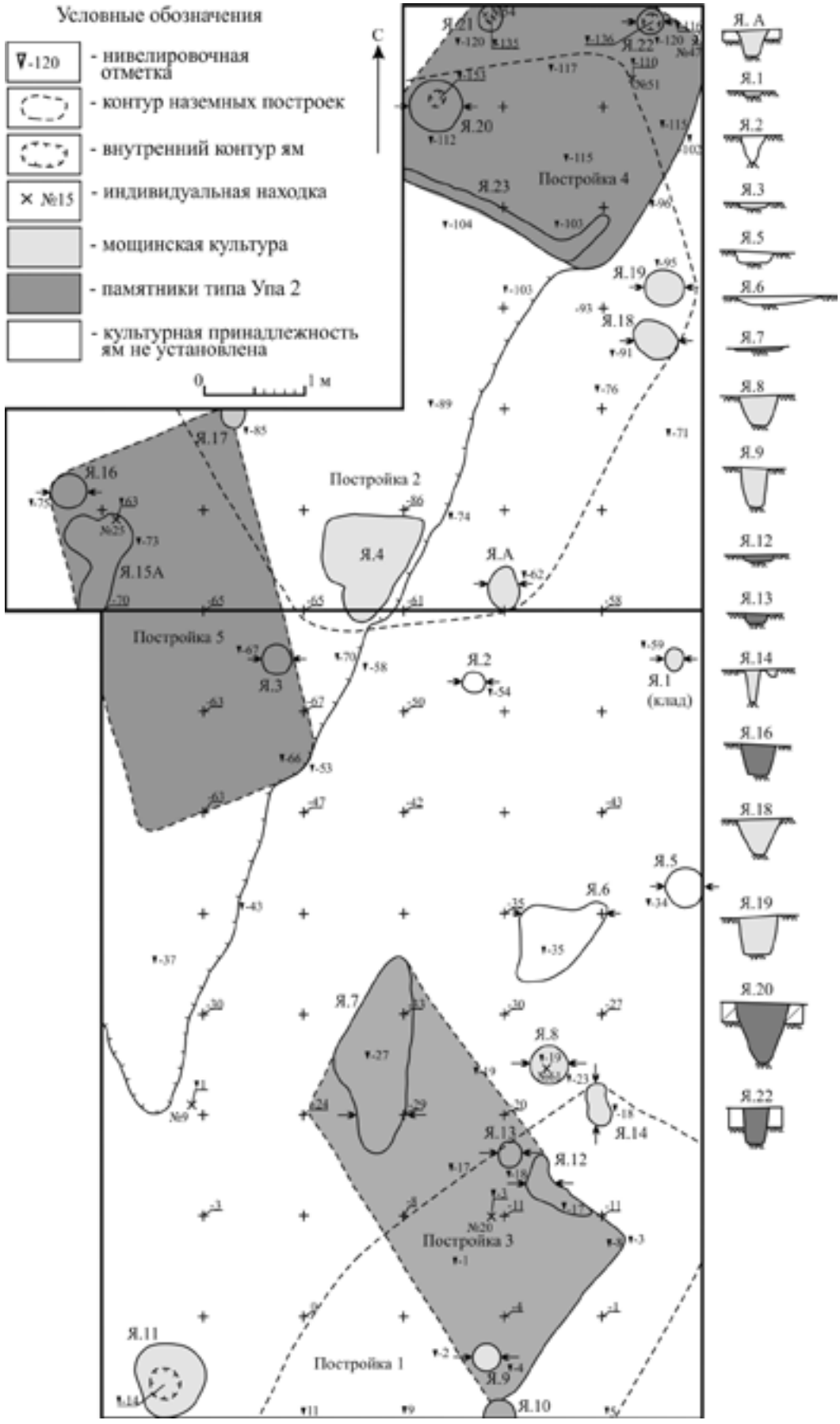


Рис. 18. Городище Велегож, раскопы 2–3. План на уровне построек типа Упа 2 и материковых ям мощинской культуры

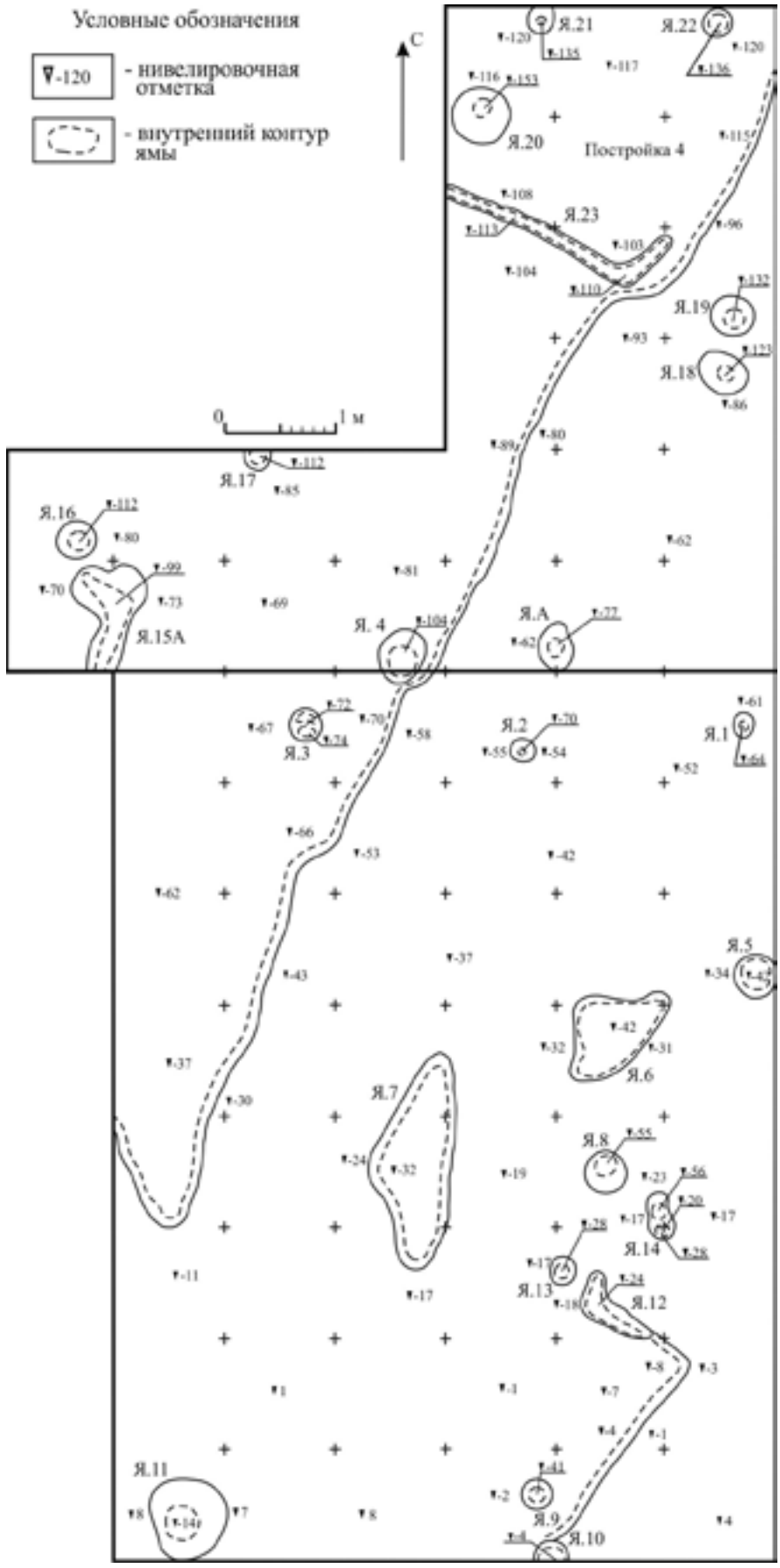


Рис. 19. Городище Велегож, раскопы 2–3. План на уровне материка

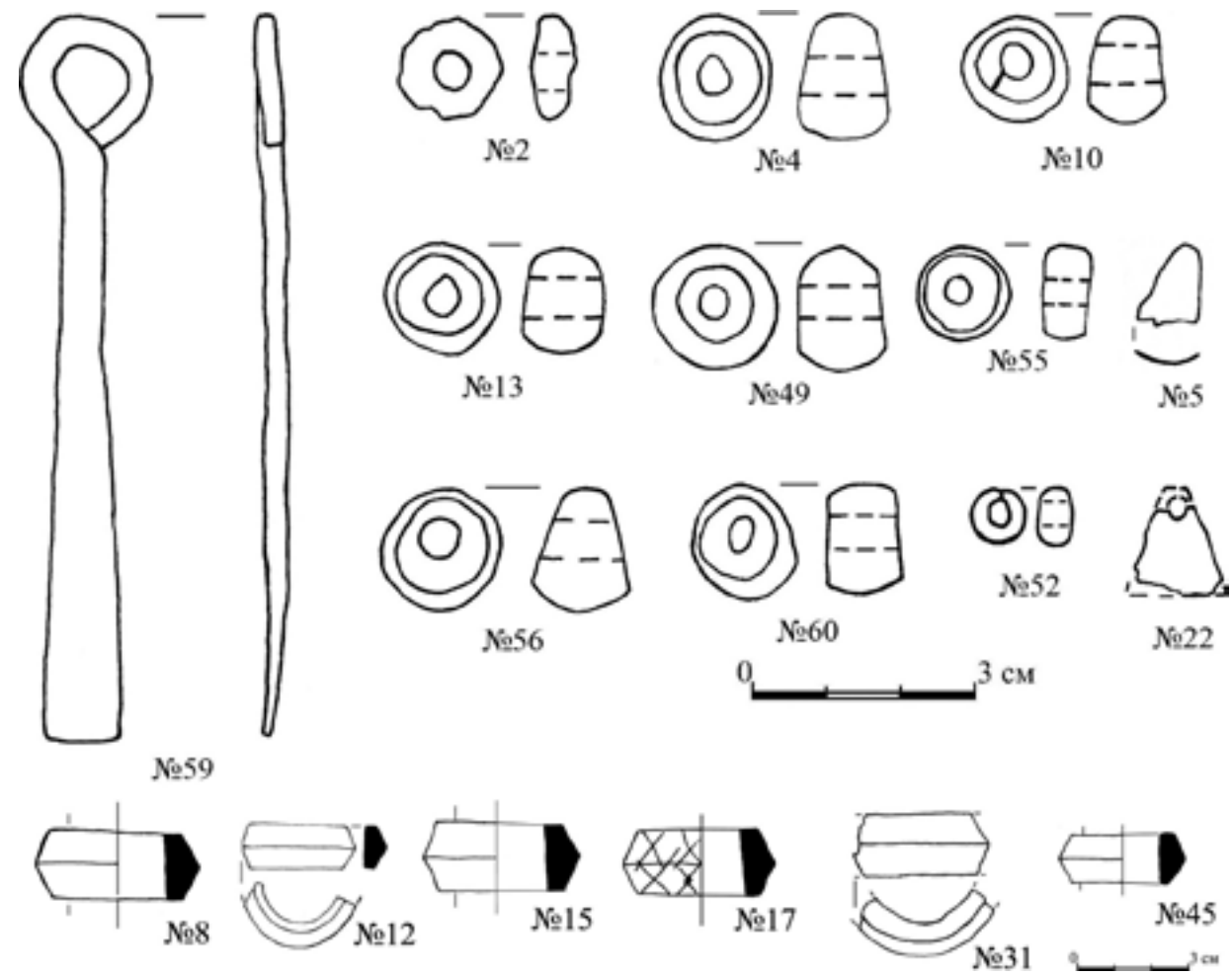


Рис. 20. Городище Велегож, раскопы 2-3, находки из слоя, относящиеся к мощинской культуре.

№ 59 — железо, *№ 2* — свинцово-оловянистый сплав; *№№ 4, 5, 10, 13, 22, 49, 52, 55, 56, 60* — бронза; *№№ 8, 12, 15, 17, 31, 45* — глина.

Рисунки А. М. Воронцова

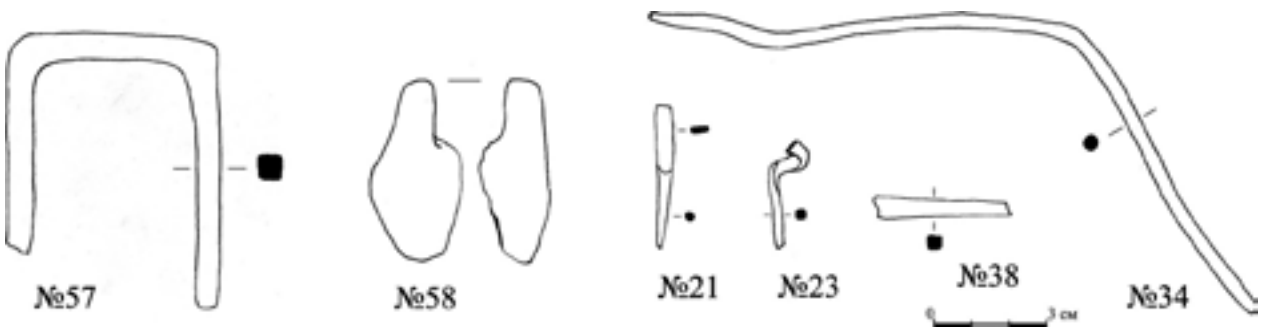


Рис. 21. Городище Велегож, раскопы 2–3, находки из слоя, предположительно отнесенные к мощинской культуре.

№ 34 — бронза; *№ 58* — глина; *№ 21, 23, 38, 57* — железо.

Рисунки А. М. Воронцова

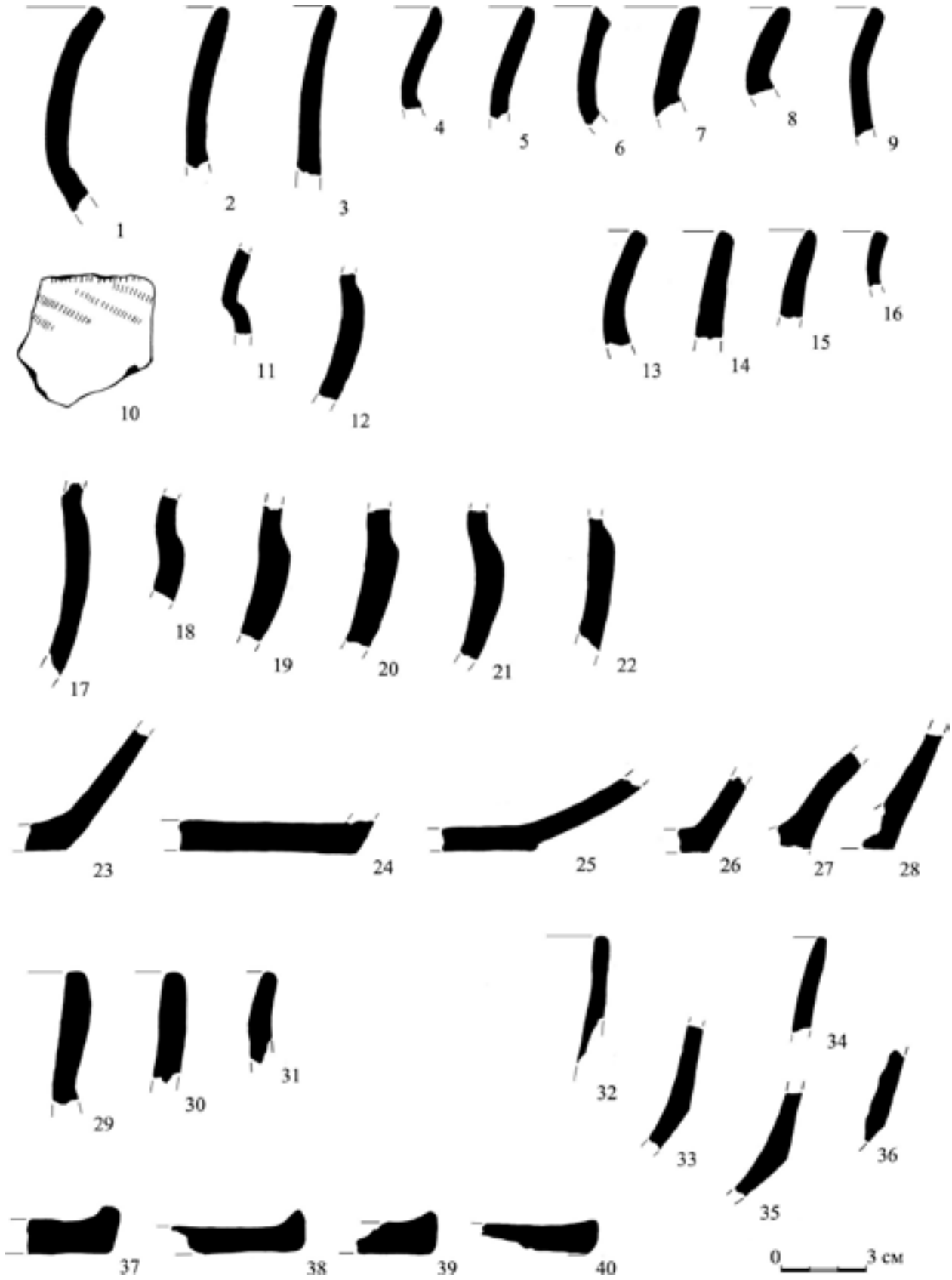


Рис. 22. Городище Велегож, раскопы 2–3, керамика мощинской культуры из слоя.

1–28 — грубая лепная; *29–31* — грубая лепная, деформированная в ходе вторичного обжига; *32–36* — лощеная лепная; *37–40* — сковороды.

Рисунки А. М. Воронцова

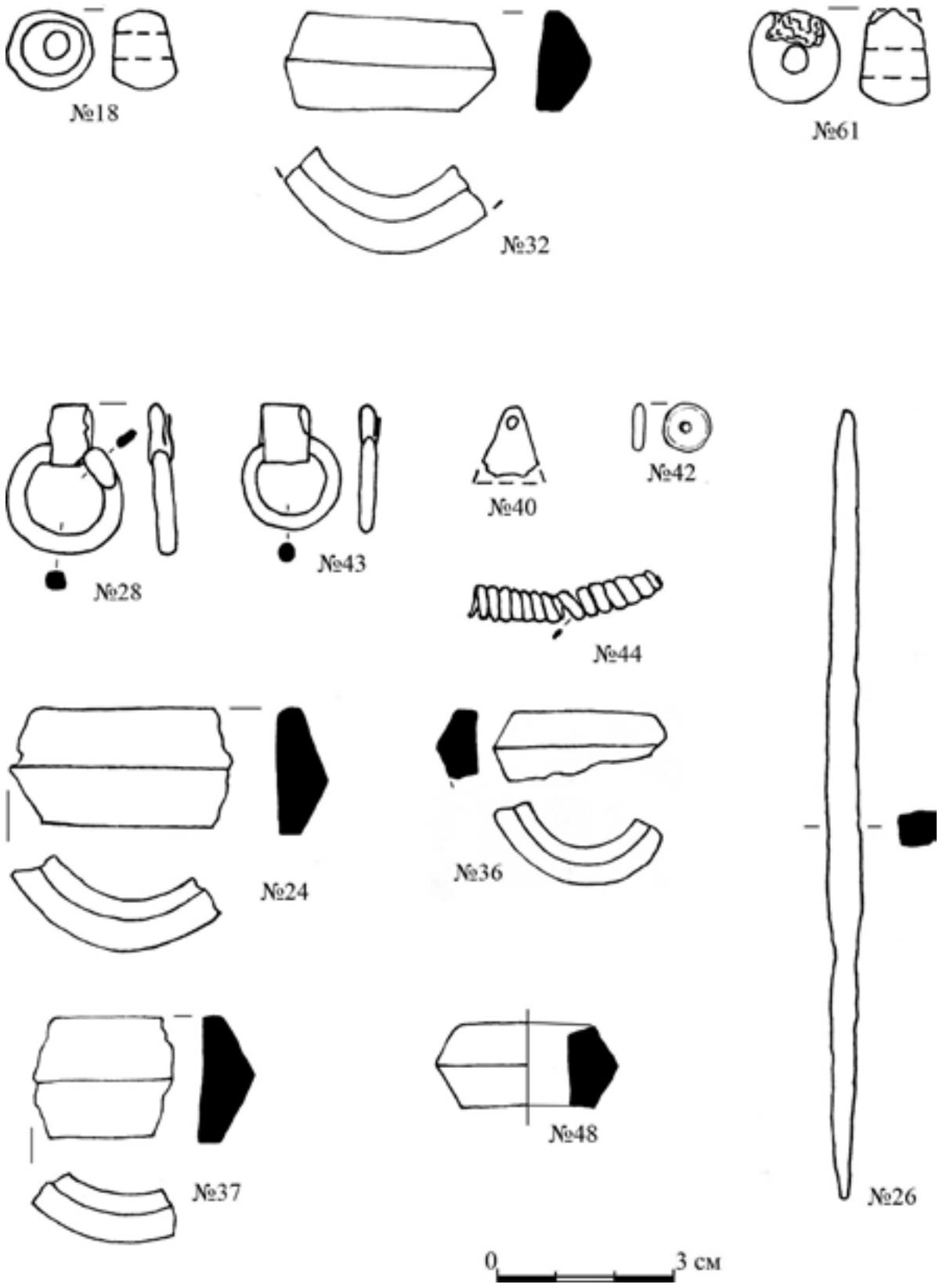


Рис. 23. Городище Велегож, раскопы 2–3, находки из построек мощинской культуры.

№ 18, 32, 61 — постройка 1; *№ 24, 26, 28, 36, 37, 40, 42, 43, 44, 48* — постройка 2. *№ 18, 28, 40, 43, 44, 61* — бронза; *№ 24, 32, 36, 37, 48* — глина; *№ 42* — красное глухое стекло; *№ 26* — железо.

Рисунки А. М. Воронцова

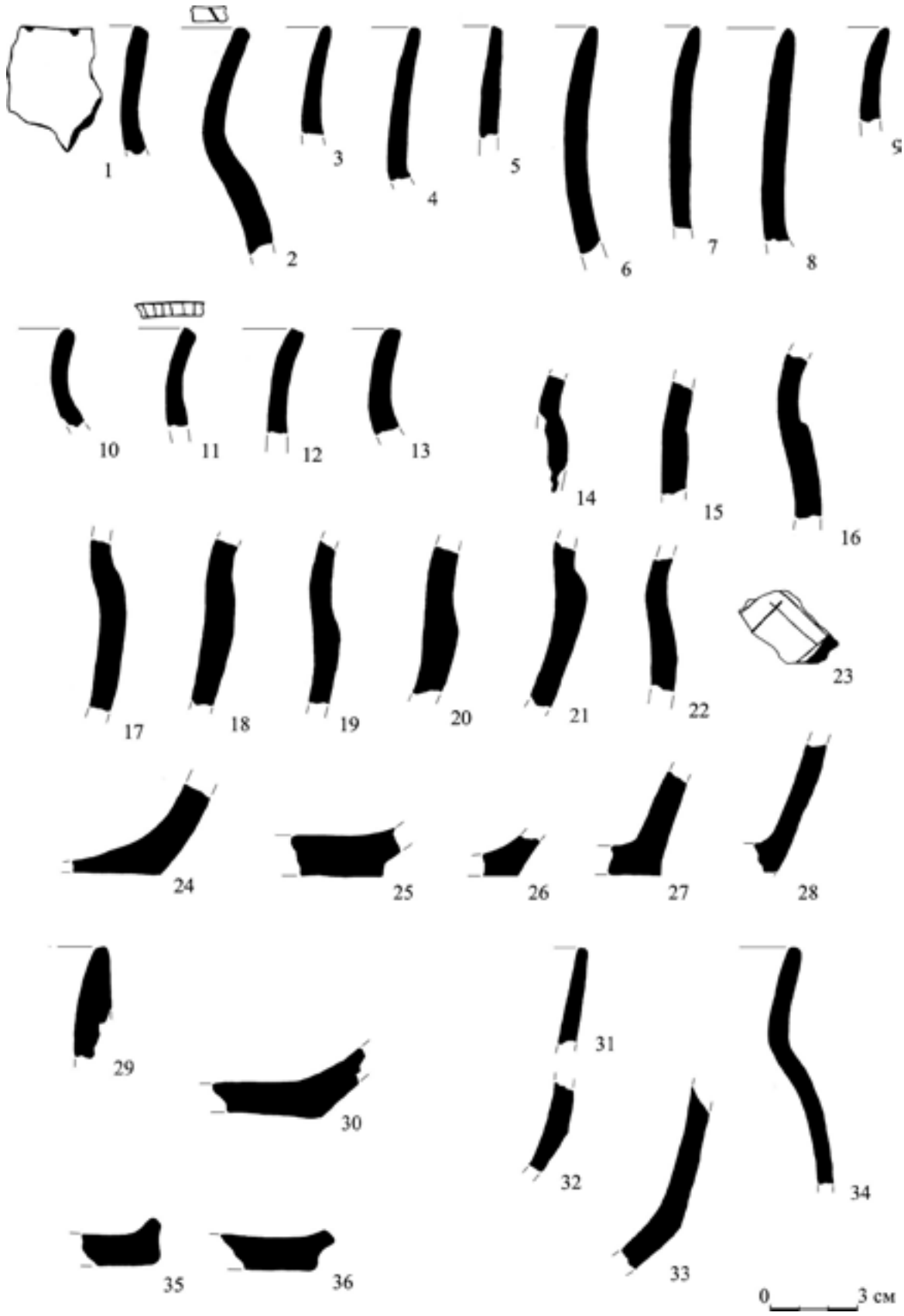


Рис. 24. Городище Велегож, раскоп 2, керамика мощинской культуры из постройки 1.

1–28 — грубая лепная; *29–30* — грубая лепная, деформированная в ходе вторичного обжига; *32–34* — лощеная лепная; *35–36* — сковороды.

Рисунки А. М. Воронцова

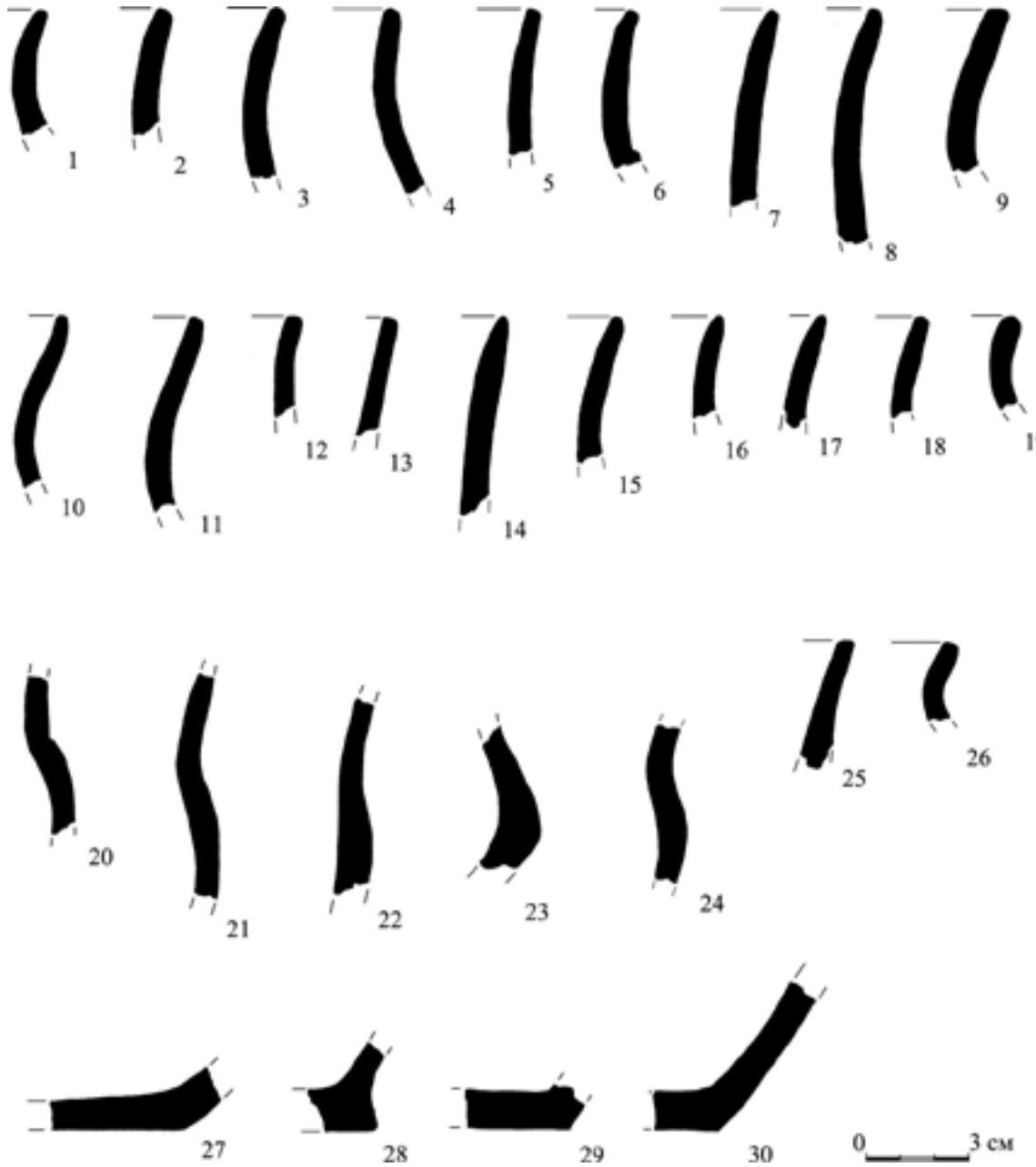


Рис. 25. Городище Велегож, раскоп 2, грубая лепная керамика мощинской культуры из постройки 2.
Рисунки А. М. Воронцова

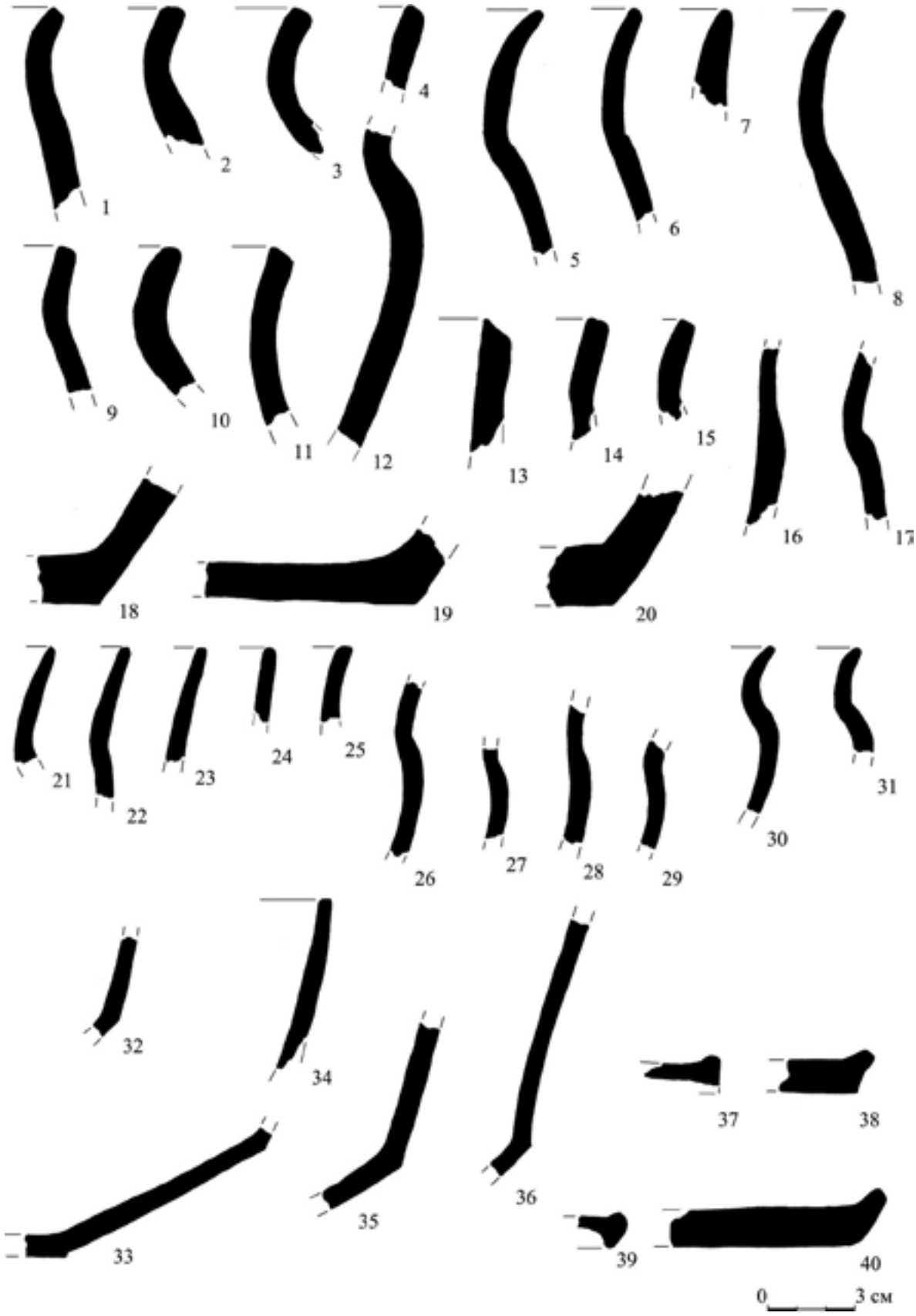


Рис. 26. Городище Велегож, раскоп 2, керамика мощинской культуры из постройки 2.

1–20 — грубая лепная, деформированная в ходе вторичного обжига; *21–36* — лощеная лепная; *37–40* — сковороды.

Рисунки А. М. Воронцова

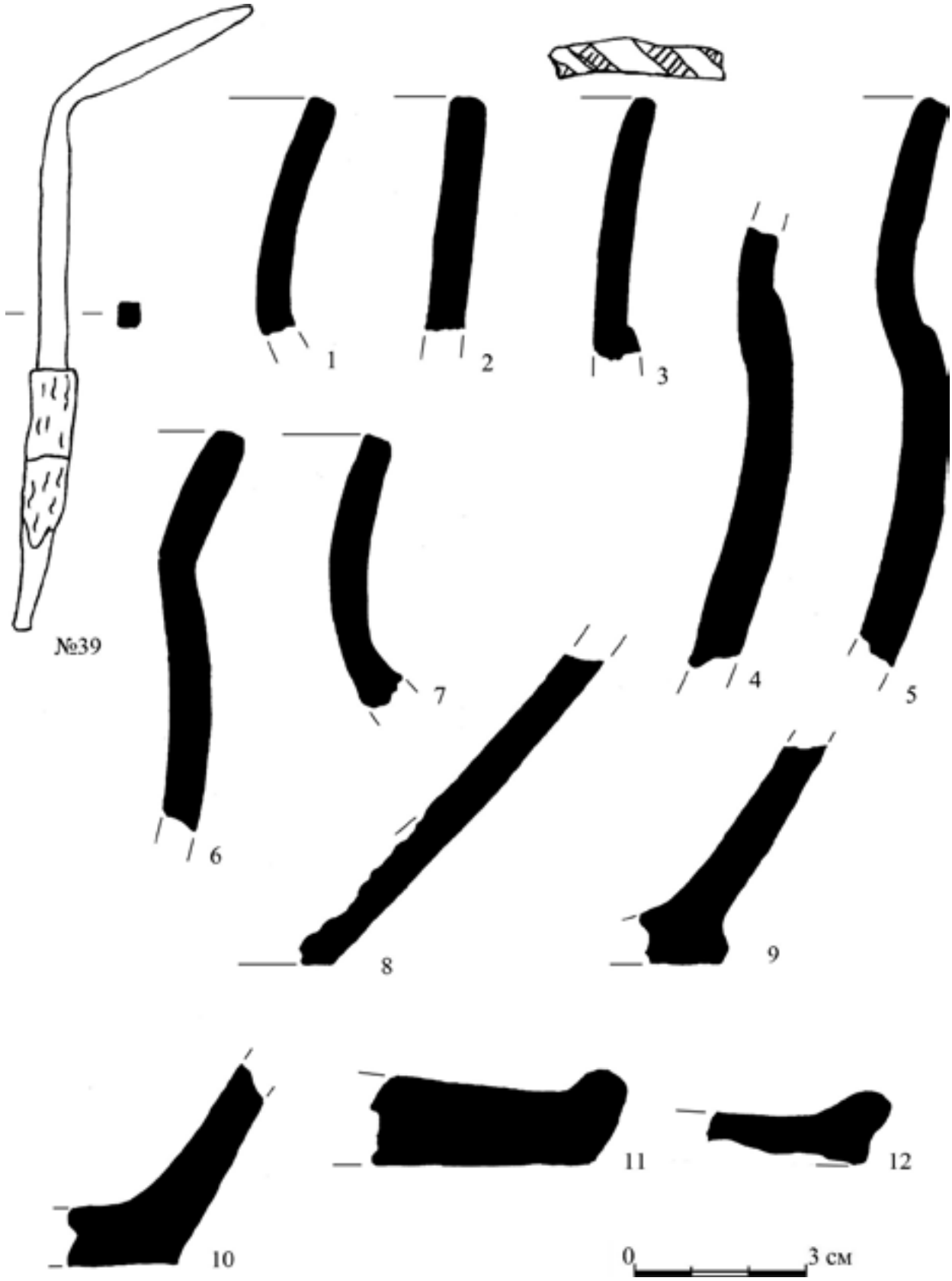


Рис. 27. Городище Велегож, раскопы 2 и 3, железное шило с остатками деревянной рукоятки из ямы 15 (№39) и керамика мощинской культуры из ямы 11.

1–5, 7, 10 — грубая лепная, деформированная в ходе вторичного обжига; *6, 8, 9* — лощеная лепная; *11–12* — сковороды.

Рисунки А. М. Воронцова

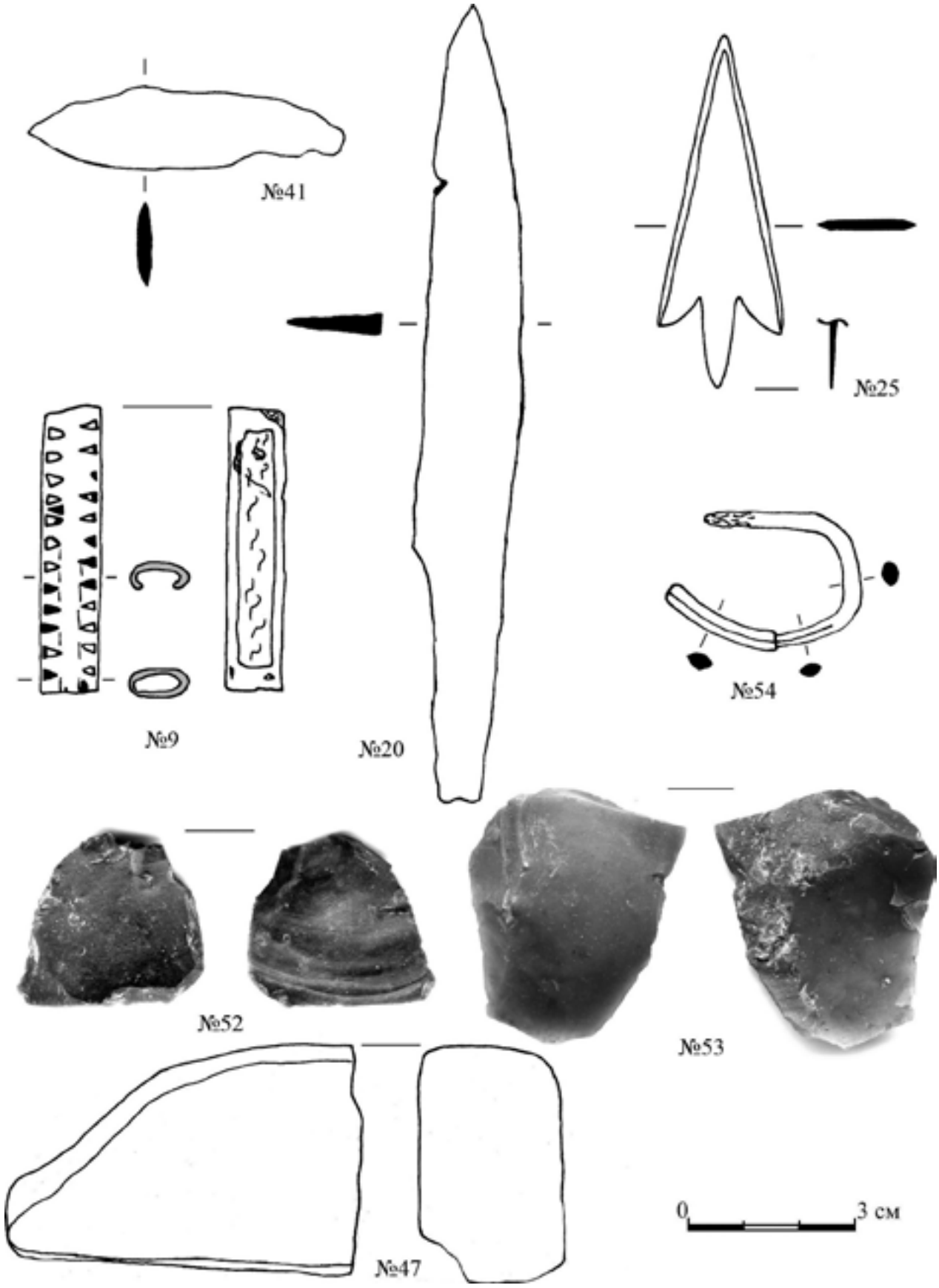


Рис. 28. Городище Велегож, раскопы 2–3, находка из слоя (№ 9) и из построек поселения типа Упа 2.

№ 20 — постройка 3; *№ 47; 52–54* — постройка 4; *№ 25, 41* — постройка 5. *№ 9, 25, 54* — бронза; *№ 20, 41* — железо; *№ 52, 53* — кремень; *№ 47* — глина.

Рисунки А. М. Воронцова, фото кремниевых отщепов — Е. В. Столярова

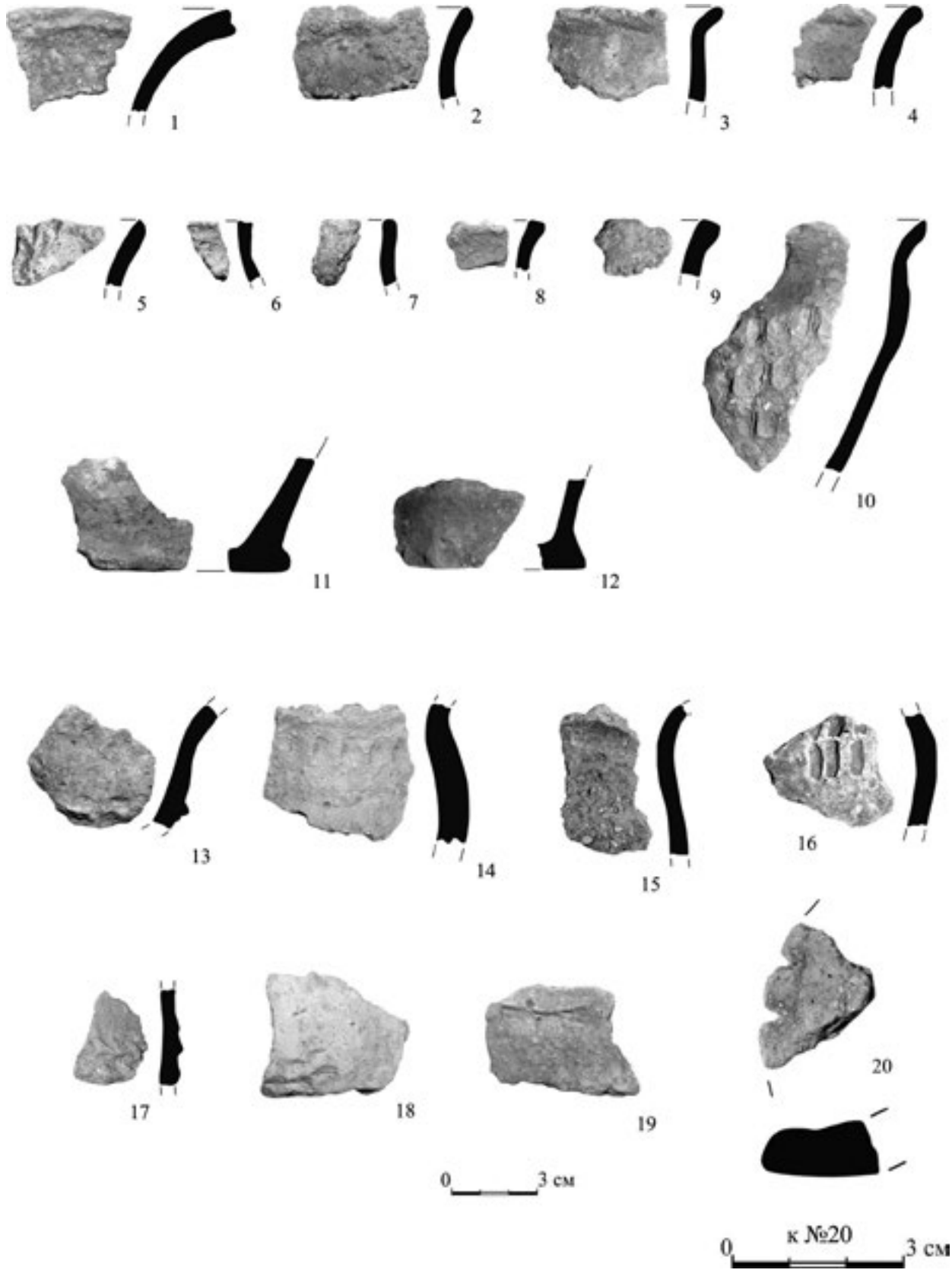


Рис. 29. Городище Велегож, раскоп 2, фрагмент глиняного грузика (20) и грубая лепная керамика из слоя поселения типа Упа 2.

Рисунки Е. В. Столярова

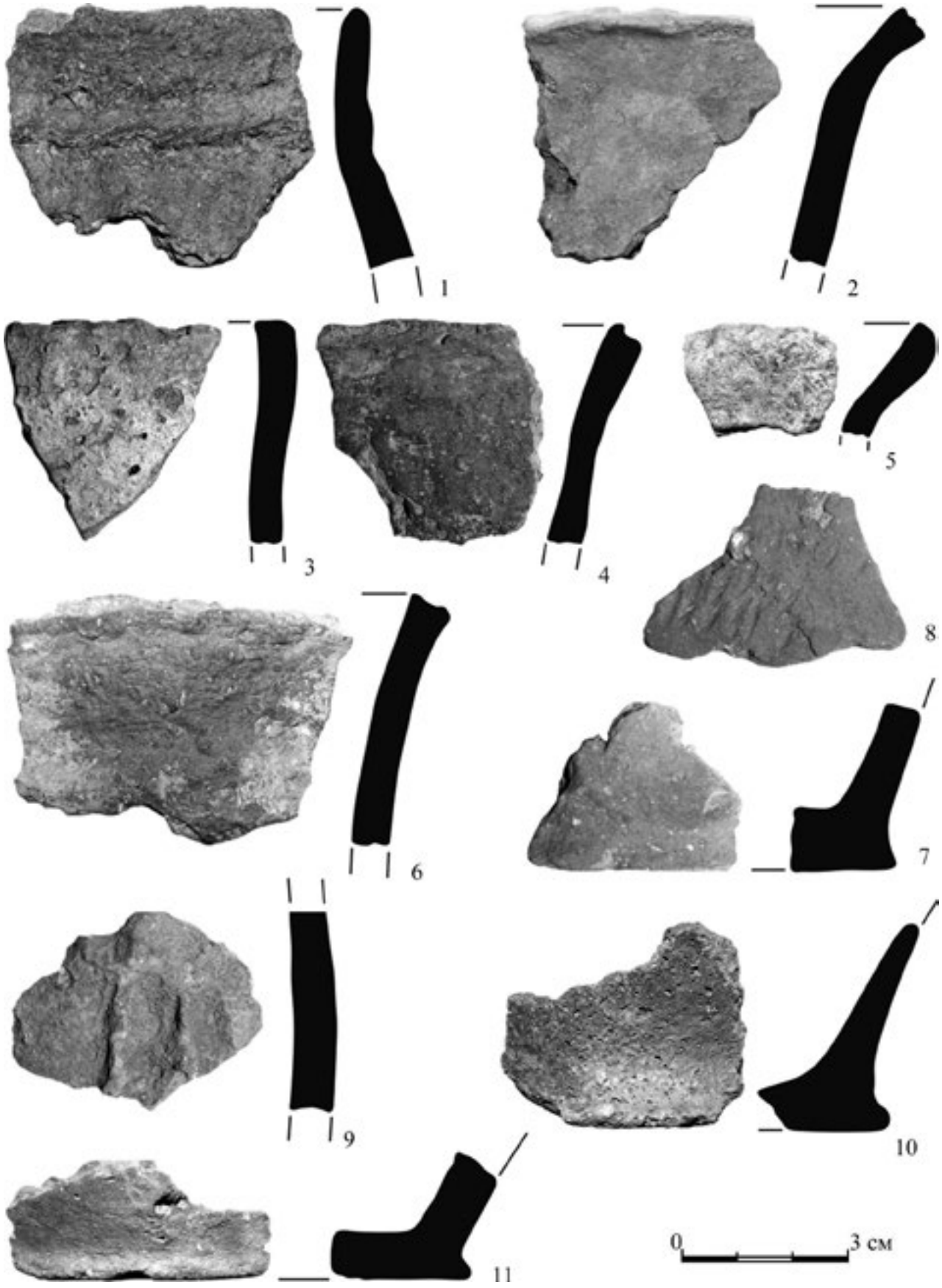


Рис. 30. Городище Велегож, раскоп 2, грубая лепная керамика типа Упа 2 из заполнения постройки 3.
Рисунки Е. В. Столярова

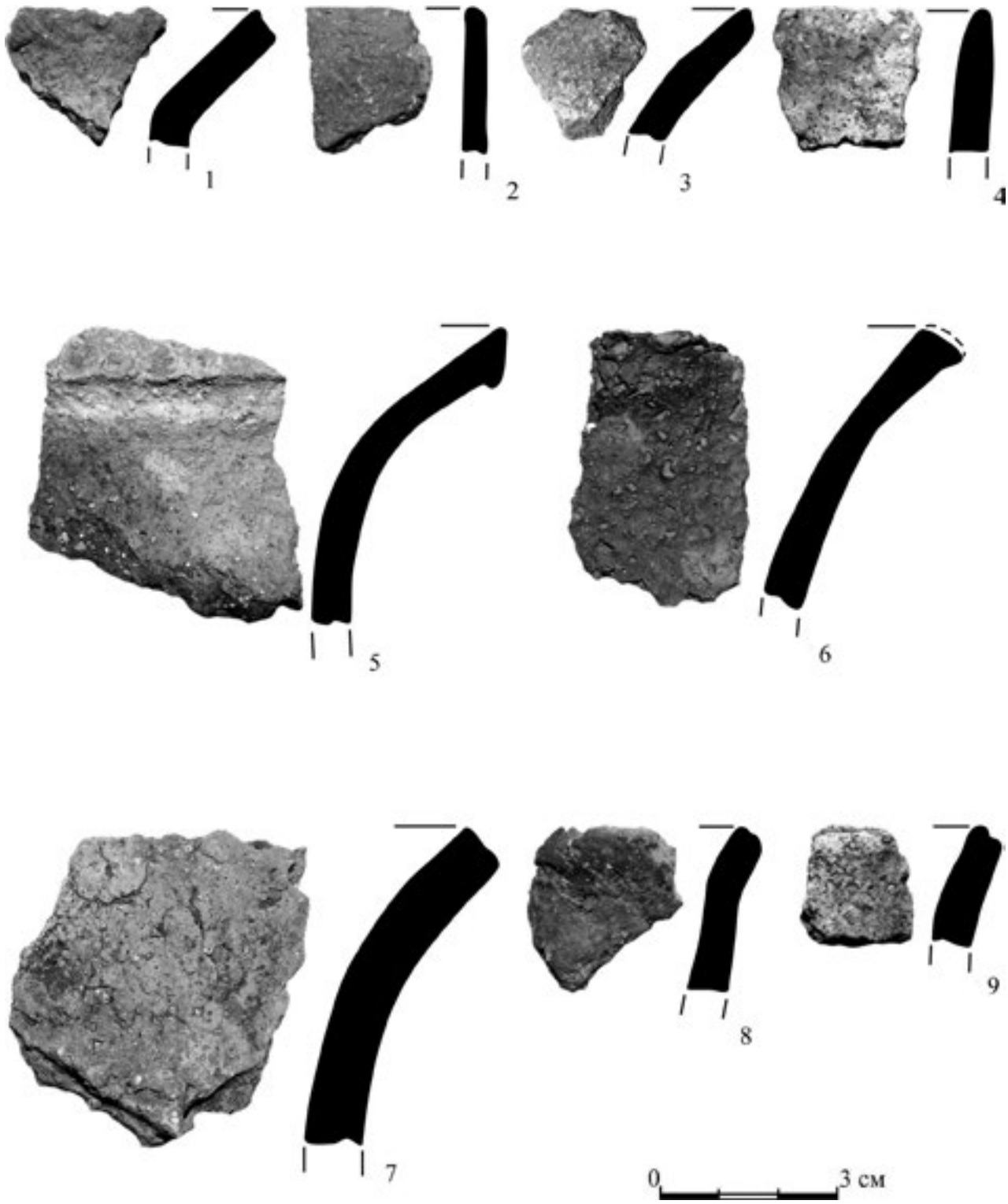


Рис. 31. Городище Велегож, раскоп 3, грубая лепная керамика типа Упа 2 из заполнения постройки 4.
Рисунки Е. В. Столярова

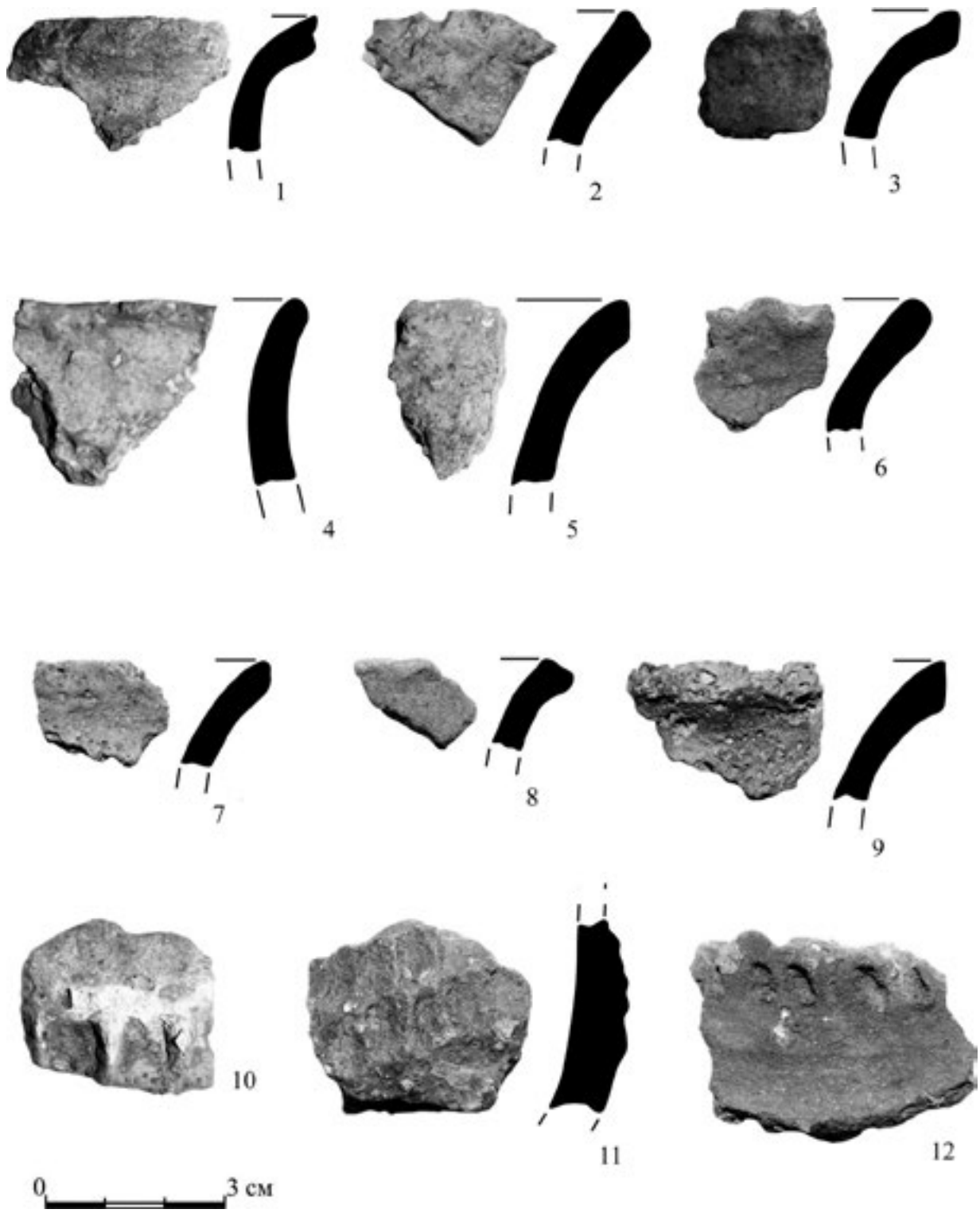


Рис. 32. Городище Велегож, раскоп 2-3, грубая лепная керамика типа Упа 2 из заполнения постройки 5.
Рисунки Е. В. Столярова

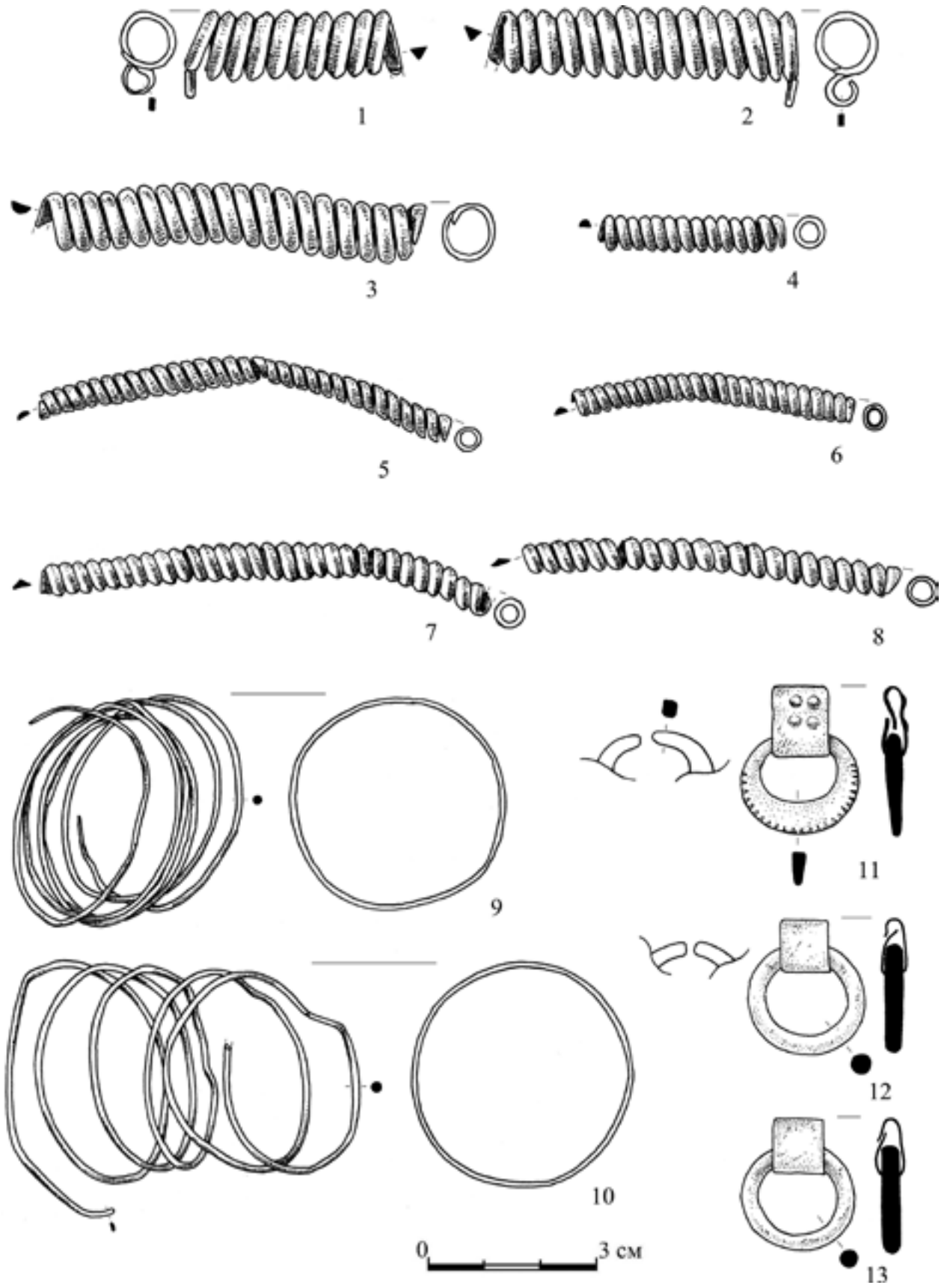


Рис. 33. Металлические изделия из Велегожского клада.

1–8 — спиралевидные пронизки; *9–10* — проволочные спирали; *11–13* — пластинчатые обоймы с подвешенными кольцами. *1–8, 11–13* — бронза; *9–10* — серебро.

Рисунки М. А. Воронцовой

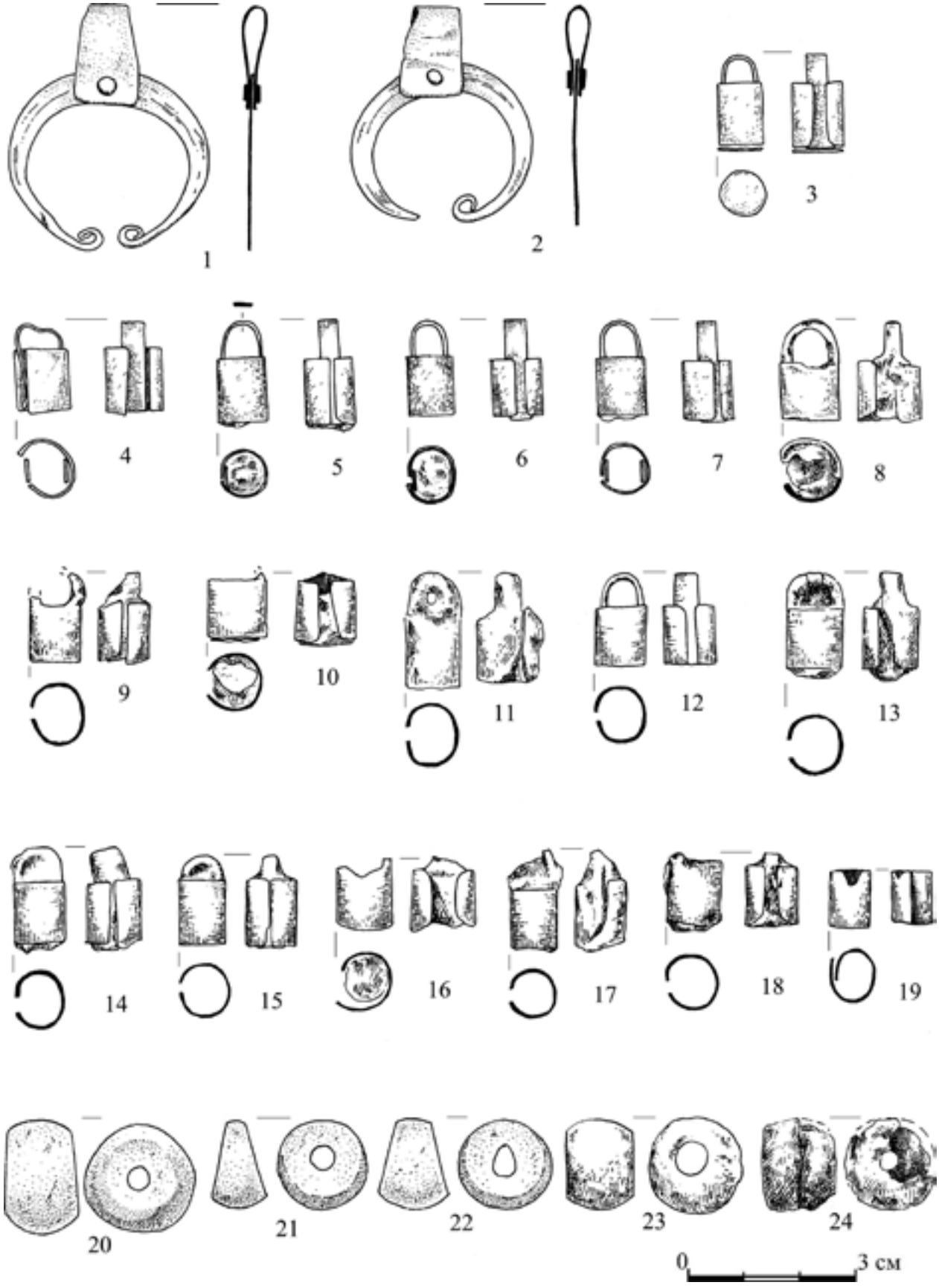


Рис. 34. Металлические изделия из Велегожского клада.

1–2 — подвески-лунницы; *3–19* — ведерковидные подвески; *20–24* — бусины. *1–2* — серебро; *3–22* — бронза; *23–24* — свинцово-оловянистый сплав.

Рисунки М. А. Воронцовой

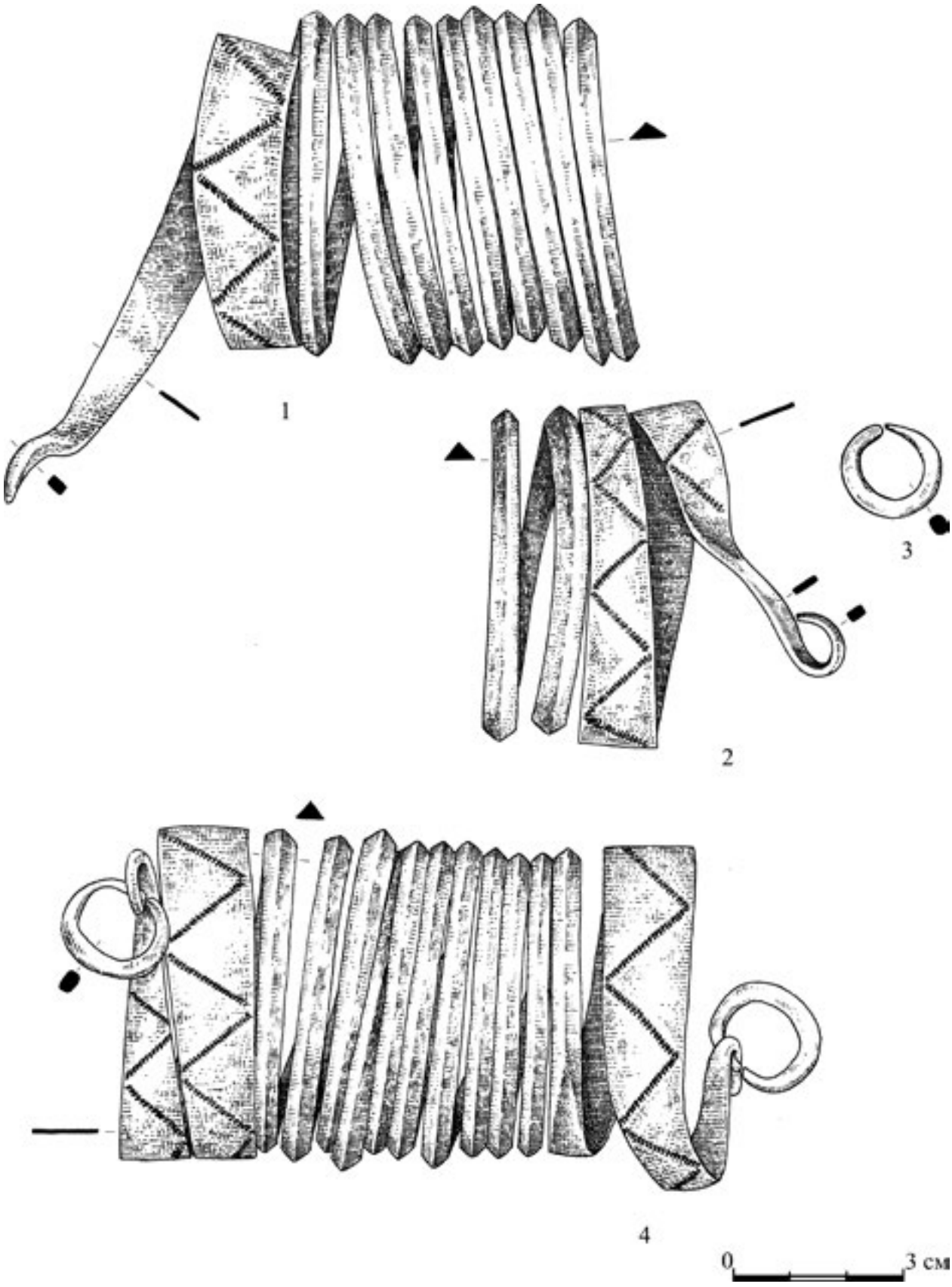


Рис. 35. Латунные спиральные многовитковые браслеты из Велегожского клада.
Рисунки М. А. Воронцовой

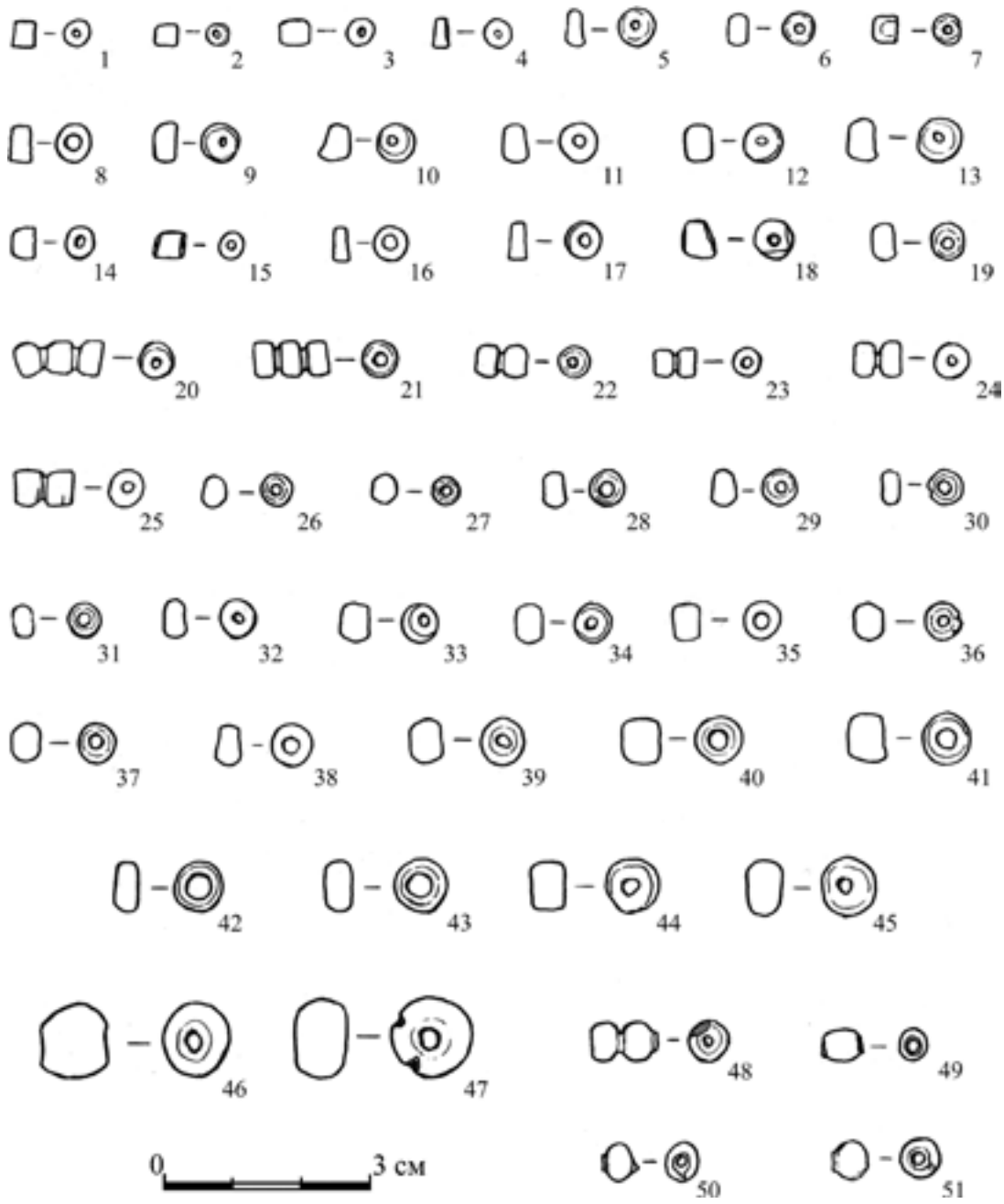


Рис. 36. Монохромные стеклянные бусы, изготовленные из отрезков тянутых трубочек из Велегожского клада.

1–2 — «рубленый» бисер; *20–51* — трубочка, разделенная на части ножницами или щипцами; *1–45* — красное глухое стекло; *46, 47* — ярко-зеленое глухое стекло; *48–51* — оливковое прозрачное стекло.

Рисунки А. М. Ефремовой

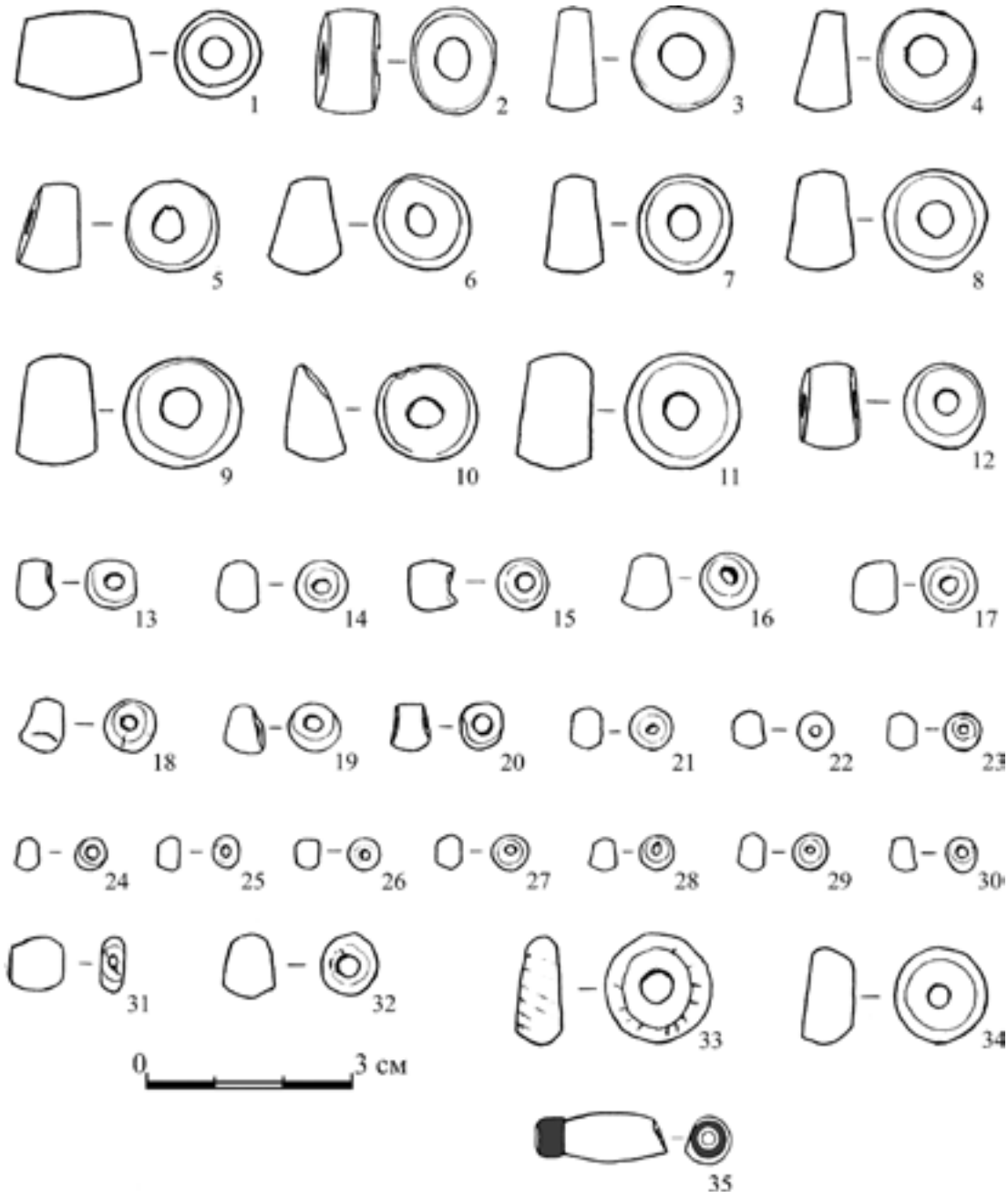


Рис. 37. Монохромные стеклянные бусы из Велегожского клада, изготовленные по разным технологиям.

1–11, 13–31 — отрезки тянутых палочек; *12* — однократное обертывание; *32, 33* — навивка; *34* — технология не определена; *1–30* — красное глухое стекло; *31* — оливковое прозрачное стекло; *32* — зелено-голубое глухое стекло; *33* — зелено-голубое прозрачное стекло; *34* — желто-коричневое прозрачное стекло, *35* — красное глухое стекло с накладным декором темно-синего прозрачного стекла (основа: отрезок тянутой палочки).

Рисунки А. М. Ефремовой

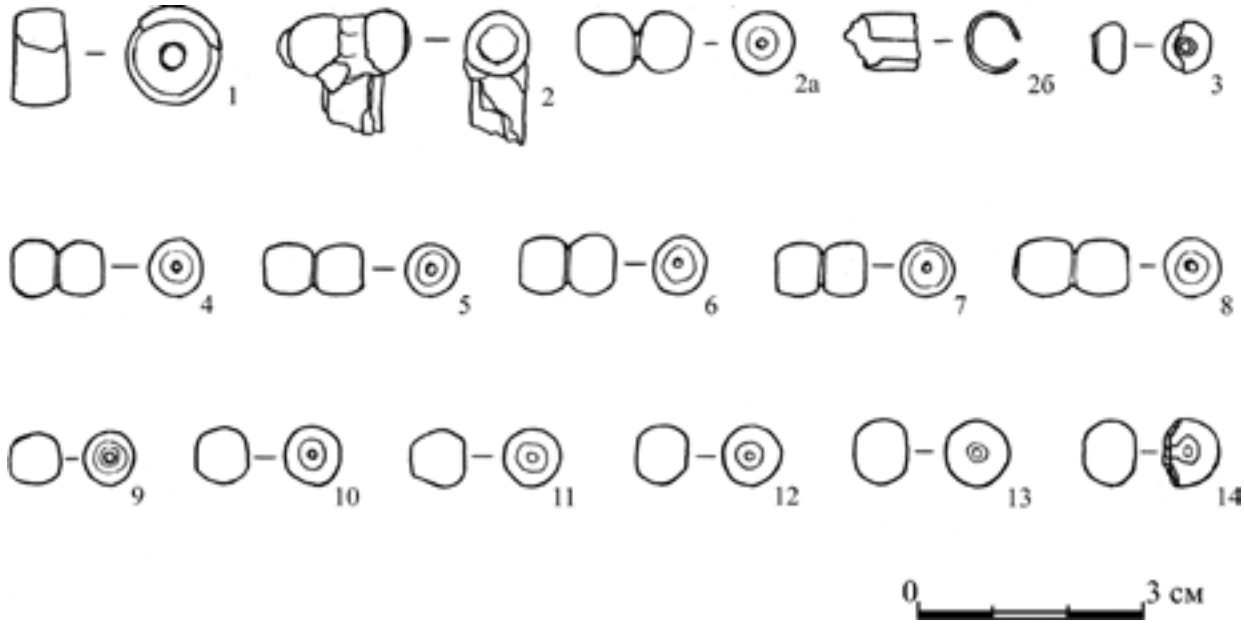


Рис. 38. Золотостеклянные бусы из Велегожского клада.
2 — бусина с прикипевшей ведерковидной подвеской.
Рисунки А. М. Ефремовой

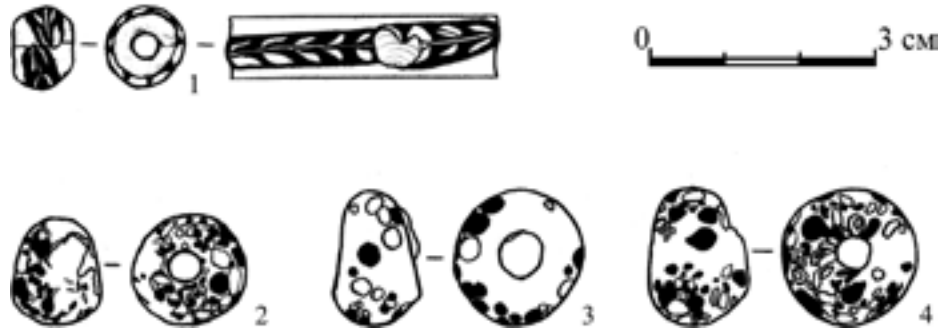


Рис. 39. Стеклянные полихромные бусы из Велегожского клада.
1 — полихромная бусина с декором в виде накладной ленты в технике миллефиори; *2–4* — крапчатые бусы.
Рисунки А. М. Ефремовой

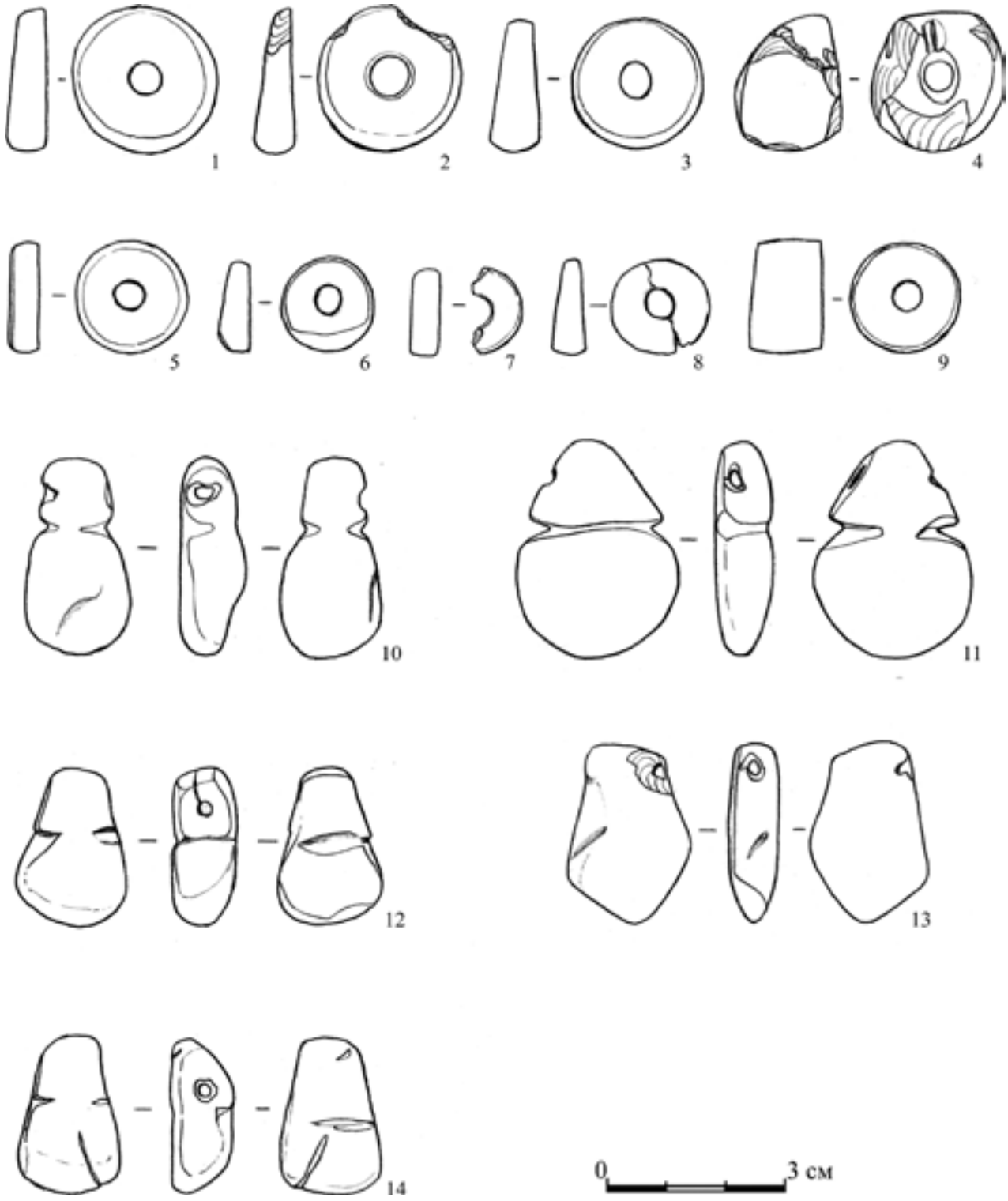


Рис. 40. Янтарные бусы из Велегожского клада.

1–11, 13–31 — дисковидной формы; *4, 9* — цилиндрической формы; *10–12* — грибовидной формы; *13, 14* — аморфной формы.

Рисунки А. М. Ефремовой

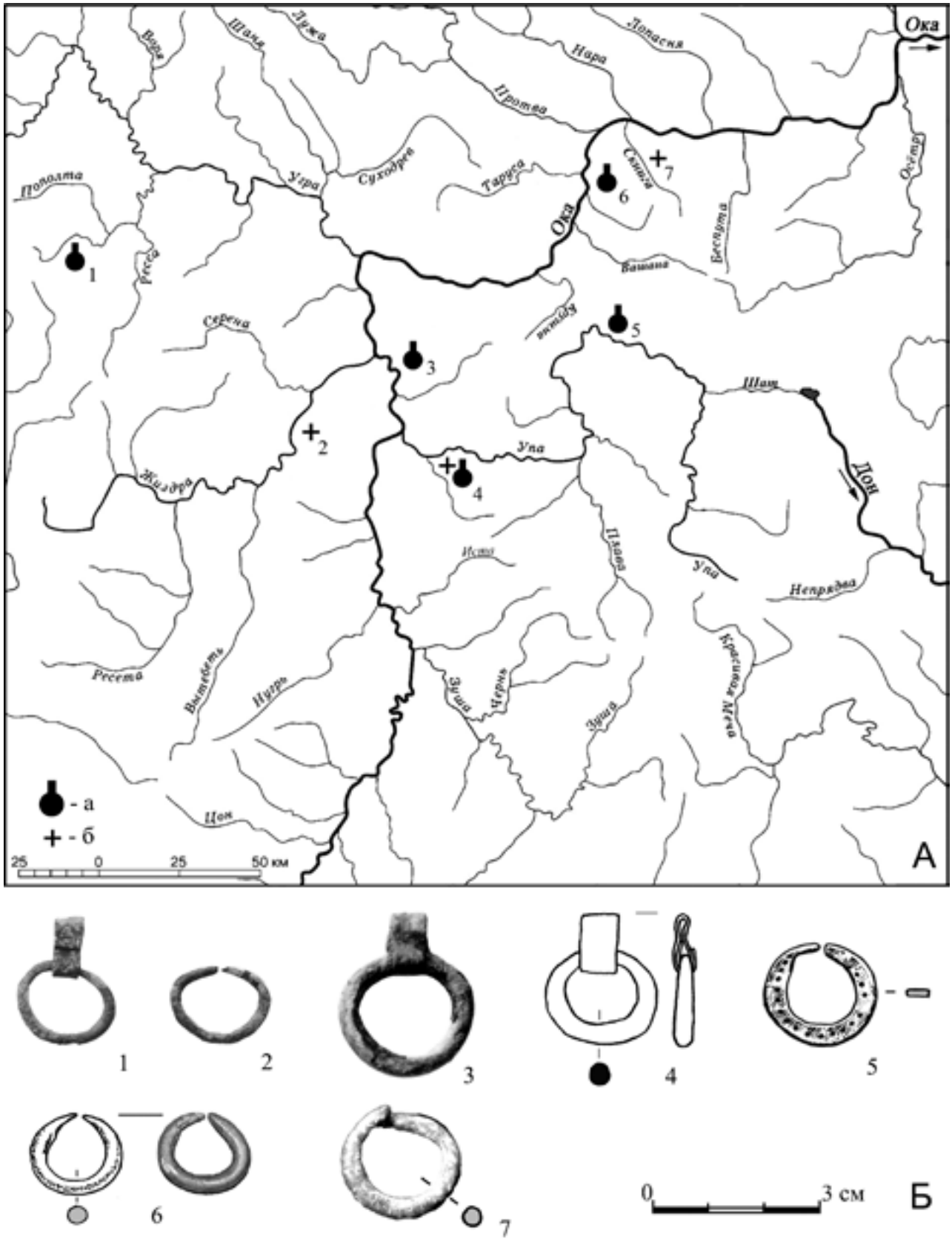


Рис. 41. Находки пластинчатых обойм с кольцами на мощинских памятниках.

А — карта мест находок.

а — места находок пластинчатых обойм с кольцами, *б* — места находок рязано-окских крестовидных фибул.

1 — курганная группа Шаньково, *2* — селище у Чертова городища, *3* — городище Акиньшино, *4* — городище Петровское, *5* — городище Щепилово, *6* — городище Велегож, *7* — городище Нижняя Городня.

Б — находки пластинчатых обойм с кольцами и колец.

1, 2 — Шаньково, курган 1; *3, 5* — городище Щепилово; *4* — городище Петровское; *6, 7* — городище Акиньшино.

1–2 — по Н. И. Булычову, 3 — по С. А. Изюмовой, 4, 7 — рисунок и фотография А. М. Воронцова, 5, 6 — рисунок М. А. Воронцовой

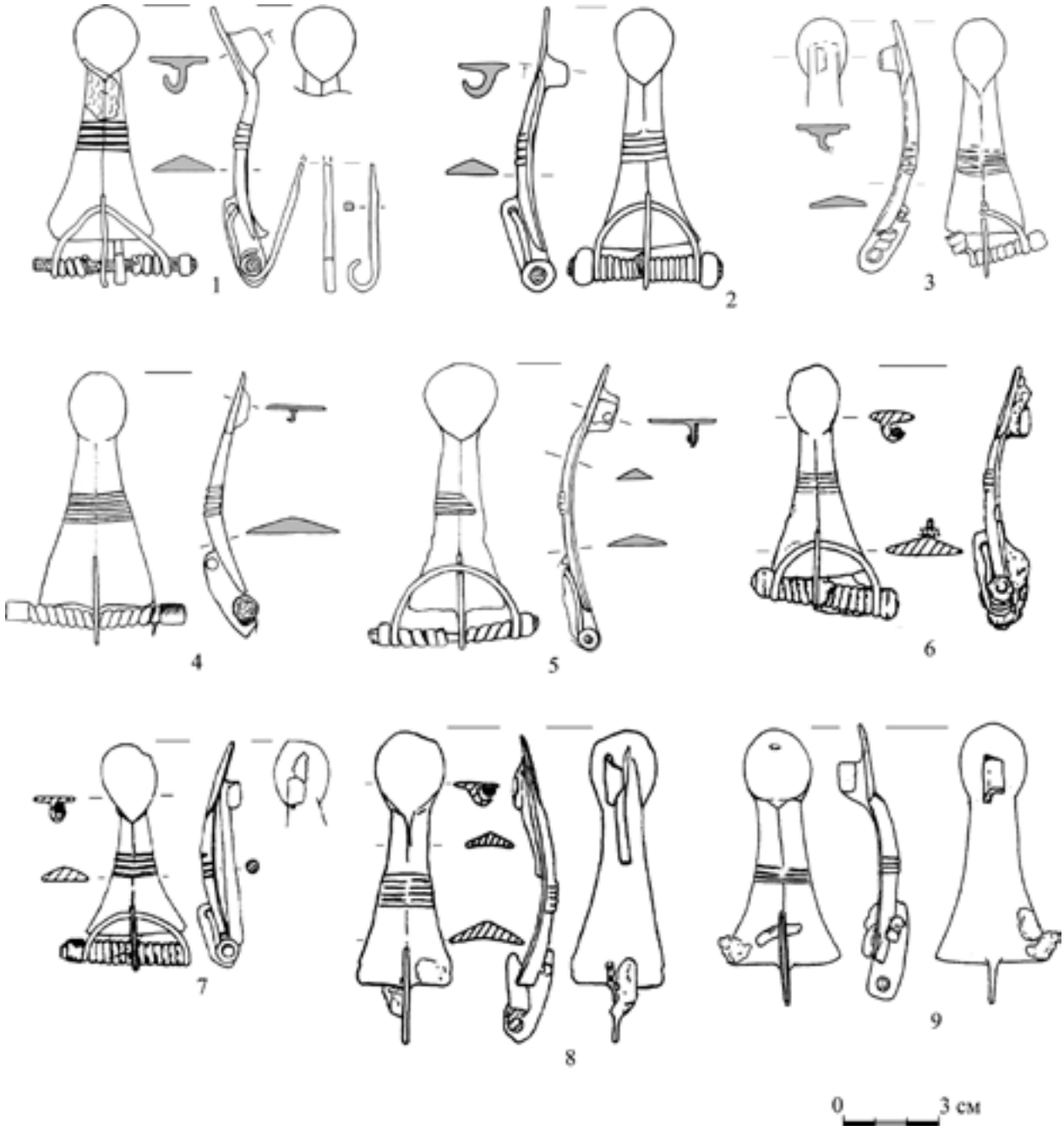


Рис. 42. Окские фибулы с кнопкой с городища Велегож и их аналогии.

1–2 — городище Велегож; *3* — Ксизово 8; *4* — городище Поречье; *5* — селище у Чертова городища; *6* — Шатрищенский могильник, погр. 85; *7* — могильник Ундрих, яма 33; *8* — Шаньково, курган 3; *9* — Закопищенский могильник, погр. 3.

1–2, 5 — рисунки А.М. Воронцова; *3, 4* – рисунки И.О. Гавритухина; *6, 7, 9* — рисунки И. Р. Ахмедова; *8* — рисунок А.К. Амброза

А. В. Мастыкова

СТЕКЛЯННЫЕ ПОЛИХРОМНЫЕ И ЯНТАРНЫЕ БУСЫ ИЗ ВЕЛЕГОЖСКОГО КЛАДА[1]

В данной статье будут рассмотрены янтарные и стеклянные полихромные бусы из клада, найденного на городище Велегож в слое мощинской культуры (публикацию памятника и клада см. в данном сборнике — статья А. М. Воронцова и Е. В. Столярова). Всего в составе клада было 132 экземпляра бус. Монохромные (и одна близкая им, с накладным декором), а также золотостеклянные бусы рассмотрены отдельно (см. статью О. С. Румянцевой в данном сборнике).

Янтарные бусы

Янтарные дисковидные и цилиндрические бусы в кладе представлены семью экземплярами дисковидной (рис. 51: 1–3, 5–8) и двумя экземплярами цилиндрической формы (рис. 51: 4, 9), диаметром от 15 до 25 мм (кат[2]. № 1–9; подробнее см. приложение). Поскольку бусы дисковидной и цилиндрической формы практически всегда встречаются в одних и тех же комплексах и следовательно распространяются одинаково, то рассматриваться они будут суммарно, как дисковидные. Исследуемые бусы обработаны на токарном станке, имеют четкую фаску[3], ровные гладкие площадки у каналов. Следы сверления каналов отсутствуют, возможно, они прожигались, а затем дополнительно обтачивались, так как края каналов — четкие, не оплавленные. Обработка всех изделий проведена удивительно одинаково: они тщательно отшлифованы, возможно с полировкой, но при этом сохраняются четкие очертания края фаски. Наряду с этим у всех бус наблюдается одна и та же погрешность — при вытачивании диск бусины в поперечном сечении получается неравномерной толщины. Все бусы изготовлены из одного сорта янтаря — полупрозрачного, красно-коричневого, так называемого трещиноватого. Вероятнее всего, эти изделия являются продукцией одной мастерской, а возможно, учитывая имеющуюся одинаковую технологическую погрешность, и одного мастера. Скорее всего, эти бусы попали в состав набора вместе, в качестве единовременной поставки.

Как уже отмечалось выше, бусы были обработаны, скорее всего, на токарном станке, о чем свидетельствует ряд технологических признаков. По мнению М. Темпельман-Мончыньской, это обстоятельство является очень важным для хронологического изучения янтарных украшений[4]. На территории центральноевропейского Барбарикума самое раннее появление дисковидных бус такой модификации относится к фазе B2/C1–C1a (160/180–210/230 гг.), но они продолжают существовать также до фазы D (360/370–440/450 гг.)[5] и даже позднее [тип 429–430: Tempelmann-Mączyńska, 1985. S. 75. Taf. 16: 429, 430]. Наибольшая концентрация бус этого типа датируется фазой C2 (250/260–300/320 гг.) и наблюдается на территории Средней Германии [Tempelmann-Mączyńska, 1985. S. 75]. Они также хорошо представлены в позднеримское время на землях Польского Поморья, на Нижней Висле и на территории западных балтов [Tempelmann-Mączyńska, 1985. Taf. 67].

Известны эти бусы и в черняховской культуре. О. В. Гопкало выделяет изготовленные с применением токарного станка янтарные бусы с такими же морфологическими характеристиками, как у велегожских бус, в тип IV/1а,б [Гопкало, 2008. С. 69. Табл. VIII: IVа, б]. Исследовательница считает их хроноиндикаторами раннего этапа черняховского культуры [Бобровская (Гопкало), 1999. С. 156. Рис. 4: 5], который, согласно существующим схемам хронологии черняховской культуры [Гороховский, 1988; Шаров, 1992; Гей, Бажан, 1997], приходится примерно на 220/230–270/280 гг.

В Северном Причерноморье подобные бусы из янтаря дисковидной формы, по данным Е. М. Алексеевой, были распространены во II–III вв., но особенно популярными становятся в IV в. [тип 11: Алексеева, 1978. С. 24. Табл. 23: 8].

На памятниках лесной и лесостепной зоны Центральной России украшения из янтаря встречаются не часто. Например, четыре янтарные бусины (дисковидные — 3, цилиндрическая — 1) были найдены в богатом женском погребении на поселении Мухино 2 в Верхнем Подонье. Могила датируется концом фазы D2 (380/400–440/450 гг.) — началом фазы D2/D3 (430/440–460/470 гг.), то есть около 430–450 гг. [Мастыкова, Земцов, 2014. С. 210–212. Цв. илл. XVII: 11, 14, 18, 19]. Од-

---

[1] В тексте статьи даны ссылки на рисунки к статье А. М. Воронцова и Е. В. Столярова в настоящем сборнике: рис. 50, 51 (см. цв. вкл.).

[2] Здесь и далее «кат.» — каталог янтарных и стеклянных бус с морфологическими и технологическими характеристиками (см. приложение).

[3] Поверхность, образованная срезом/обточкой ребра.

[4] Благодарю Магдалену Мончыньскую (Темпельман-Мончыньскую) за любезные консультации.

[5] Здесь и далее используется общеевропейская хронология Барбарикума, см.: Godłowski, 1970; Tejral, 1988; 1997; 2007; Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006.

нако по своим технологическим параметрам мухинские янтарные бусы отличаются от велегожских отсутствием четких форм, фасок, ровных площадок у каналов. Янтарные дисковидные бусы из погребения в Мухино скорее тяготеют к кругу изделий V в., нежели более раннего времени.

Итак, велегожские янтарные дисковидные бусы (рис. 51: 1–9), судя по их морфологическим признакам, характерны преимущественно для фазы С2 (250/260–300/320 гг.) и, возможно, фазы С3 (300/320–350/370 гг.).

Янтарные фигурные бусы-подвески представлены 5 экземплярами достаточно крупного размера — от 27,5 мм до 37,5 мм (кат. № 10–14; подробнее см. приложение; рис. 51: 10–14). Среди них 3 экземпляра можно отнести к бусам грибовидной (или, как ее еще называют, восьмерковидной) формы (рис. 51: 10–12). Эти подвески имеют горизонтальный желобок при переходе от нижней части подвески к верхней. Все они уплощены с одной стороны и в поперечном сечении имеют форму восьмерки. Среди них отличается один экземпляр, имеющий сильно профилированную головку конической формы («треуголку»), из-за чего эта подвеска действительно напоминает гриб (рис. 51: 11).

Два других экземпляра янтарных подвесок имеют аморфную форму, и отнесение их к грибовидным довольно условно (рис. 51: 13, 14). У этих подвесок переход от нижней части к верхней отмечен лишь небольшими боковыми подпилами. В поперечном сечении одна подвеска имеют форму вытянутого овала (рис. 51: 13), другая — неправильную форму (рис. 51: 14). Обе подвески имеют уплощение с одной стороны. Не исключено, что они были заготовками для грибовидных подвесок.

Янтарные грибовидные бусы-подвески Велегожского клада (рис. 51: 10–14), вероятно, были изготовлены с помощью токарного станка, как и дисковидные бусы. Так же как дисковидные бусы, видимо, все они были сделаны в одной мастерской, возможно, одним мастером, поскольку их обработка отличалась одной и той же технологической особенностью — уплощением с одной стороны. Все подвески только отшлифованы, не имеют окончательной полировки, часто сохраняется изгиб заготовки изделия. Изготовлены они из одного сорта янтаря — полупрозрачного, красно-коричневого, так называемого трещиноватого. По всей видимости, поставка этой группы янтарных изделий была тоже единовременной.

Грибовидные подвески с профилированной головкой, подобные велегожским (рис. 51: 10, 11), лучше всего представлены на территории Польского Поморья, Мазурии, Средней Германии и Чехии. Они были широко распространены на протяжении фаз С1b и С2, то есть около 220/230–300/320 гг., но продолжали бытовать до фазы D включительно (360/370–440/450 гг.) [тип 471d, g по: Tempelmann-Mączyńska, 1985. S. 85, 86. Taf. 18, 471 d, g]. Чаще всего грибовидные подвески типа 471 встречаются, совместно с арбалетными подвязными фибулами и их дериватами, в закрытых комплексах фазы С2 (250/260–300/320 гг.), например, в таких «классических» могилах этого периода, как погр. 8 в Хасслебене (Haßleben), Ниенбург (Nienburg), Гундельсхайм (Gundelsheim), Вильдшютц (Wildschütz) и др. [Tempelmann-Mączyńska, 1985. S. 84; Мастыкова, 1999. С. 172. Рис. 9–11].

В черняховской культуре велегожским подвескам по морфологическим характеристикам наиболее соответствуют находки из могильников Данчены, погр. 292, Косаново, погр. 1–1963 (№ 22), возможно, Привольное, погр. 10, выделенные О. В. Гопкало[6] в тип VIII/2, вариант б — высотой от 2 до 3,5 см [Гопкало, 2008. С. 71. Табл. VIII: VIIIб]. По ее мнению, такие грибовидные подвески появляются с фибулами с высоким приемником (группы Альмгрен VII) так называемой городницкой серии, датируемой, в соответствии с хронологической схемой Е. Л. Гороховского, около 230–270 гг. [Гопкало, 2008. С. 71, 88. Рис. 3.2: I]. О. В. Гопкало отмечает следующую закономерность в распространении грибовидных бус на памятниках черняховской культуры: подвески размером от 2 до 3,5 см зафиксированы в группе погребений последней трети — конца III в., а маленькие уплощенные подвески «грибочки» — в погребениях 2-й трети IV в. [Гопкало, 2008. С. 107–109].

Янтарные грибовидные подвески известны и в Северном Причерноморье. По данным А. А. Стояновой, в Крыму их насчитывается около 280 экземпляров (с учетом свода Е. М. Алексеевой, которая выделила их в тип 21 [Алексеева, 1978. С. 24, 25]), при этом подавляющее большинство происходит с памятников Юго-Западного и Центрального Крыма, где они характерны преимущественно для IV в. [Стоянова, 2005. С. 161; 2006[7]. Т. 2. С. 101–105]. Самые ранние находки грибовидных подвесок происходят здесь из погр. 720 некрополя Усть-Альма, которое по бронзовой посуде и золотым украшениям авторы публикации относят приблизительно к середине I в. н. э. [Puzdrovskij, Zajcev, 2004. S. 233–253, 266, 267. Abb. 3: 1 l, m, n]. Отмечена грибовидная подвеска и в материалах первой половины III в., например, в погр.193 некрополя Нейзац [Стоянова, 2005. С. 159. Рис. 2: 33]. Учитывая эти находки, по мнению А. А. Стояновой, дату грибовидных бус можно определять от I в. до IV в. включительно [2006. Т. 2. С. 101–105]. Но более всего велегожские грибовидные подвески по морфологическим параметрам совпадают с находками из некрополя Дружное, который функционировал во 2-й половине III — IV в. (погр. 20, 2-я половина III — самое начало IV в.; погр. 27, вероятно, IV в.; погр. 32 — ограблено; подбойная могила 73, IV в.; погр. 84, IV в. [Хайрединова, 1995. С. 75; Храпунов, Власов, 1998. С. 239–243. Рис. 5: 23; Храпунов, 2002. С. 68–71; Стоянова, 2006. Рис. Б.27: 4, 5, 6, 8, 16, 18]), а также с бусами из погр. 156, некрополя Нейзац, которое датируется 2-й половиной III — началом IV в. [Стоянова, 2006. Рис. Б.27: 34–37; Храпунов, 2003. Рис. 7, 12, 14; Храпунов, 2011. С. 15–18].

Грибовидные подвески существуют, как было отмечено выше, достаточно продолжительное время и могут «доживать» до начала — 1-й половины V в. Например, такие подвески имеются в погр. 14, 22, 25 могильника Жерники Велки (Žerniki Wielkie) фазы D, то есть 360/370–440/450 гг., на территории Силезии, или же в погр. 363, датированном временем около 400 г., аламанского некрополя Шлетхейм–Хебсак (Schleitheim-Hebsack) на территории Швейцарии [Tempelmann-Mączyńska, 1985. S. 123–125. Tab. 14. Abb. 21: 2, 3, 4; Ruckstuhl, 1988. Abb. 6: 4, j; Мастыкова, 1999. С. 171]. Однако в этих поздних захоронениях грибовидные подвески представлены са-

[6] Благодарю Оксану Викторовну Гопкало за любезные консультации.

[7] Приношу искреннюю признательность Анастасии Анзоровне Стояновой за предоставленную возможность пользоваться материалами ее кандидатской диссертации (2006).

мым простым типом этой категории находок (тип 465 по: Tempelmann-Mączyńska, 1985. Taf. 18: 465). В закрытых комплексах этого времени янтарные грибовидные бусы присутствуют в одном или двух экземплярах и имеют очень небольшие размеры — это маленькие «грибочки» с узкой головкой. Такая же закономерность, как уже говорилось, наблюдается и на памятниках черняховской культуры — для погребений 2-й трети IV в. характерно присутствие маленьких уплощенных грибовидных подвесок [Гопкало, 2008. С. 109].

Наличие в Велегожском кладе пяти грибовидных подвесок крупного размера, из которых три экземпляра «развитой» формы (рис. 51: 10–12), позволяет предположить, что они относятся к более раннему времени, а именно к фазе С2, то есть 250/260–300/320 гг. [Tempelmann-Mączyńska, 1985. S. 84], когда они особенно широко распространены, не исключая и последующей фазы С3 (300/320–350/370 гг.).

Подводя итог, следует отметить, что клад, состоящий из такого количество янтарных дисковидных и грибовидных бус (14 экз.; рис. 51: 1–14), — это исключительная находка для памятников лесной и лесостепной зоны Центральной России. И если бусы дисковидной формы все же встречаются (упоминавшееся богатое погребение на поселении Мухино 2 на Верхнем Дону), то находки грибовидных янтарных бус на территории центральных регионов России мне не известны.

Стеклянные полихромные бусы

В составе клада были обнаружены полихромные бусы двух типов: с накладным мозаичным декором (рис. 50: 1) и так называемые крапчатые (рис. 50: 2–4).

Полихромная бусина с декором в виде накладной ленты в технике миллефиори — это небольшого размера бусина (рис. 50: 1), диаметром 10,5–11,5 мм (кат. № 15; подробнее см. приложение). Изготовлена она путем одноразового обертывания основы вокруг инструмента, имеется шов соединения. Сама основа бусины сделана из серо-зеленого полупрозрачного стекла, но за счет тонкого поверхностного слоя, покрывающего все тулово и канал, бусина приобрела красный цвет и стала непрозрачной[8]. На это красное непрозрачное ядро бусины была наложена мозаичная лента, имеющая декор в виде горизонтально расположенной веточки с желто-белыми листьями на зеленом фоне (рис. 50: 1).

Данная бусина выделяется в велегожском наборе своей архаичностью. Поиск типологических параллелей показал, что подобные бусы встречаются не часто и декор у приведенных аналогичных изделий никогда полностью не совпадает.

Бусы с накладной полоской, выполненной в технике миллефиори, — желтая веточка с листьями на зеленом фоне — фиксируются в материалах могильников Окско-Сурского междуречья [Румянцева, 2008. С. 91. Рис. 2: 10, 15]:

– Кошибеевский могильник, погр. 24, которое И. Р. Ахмедов и И. В. Белоцерковская по сопровождающему погребальному инвентарю датируют концом I — 1-й половиной III в. [1999. С. 58][9];

– Абрамовский могильник, погр. 126. К сожалению, материалы этого памятника до сих пор полностью не опубликованы, но о датировке этого могильника уже существует обширная литература. На сегодняшний день различными исследователями определены следующие хронологические рамки Абрамовского могильника: от рубежа III и IV вв. до середины VIII в. [Ставицкий и др., 2012; там же см. подробную библиографию]. В. В. Ставицкий и В. Н. Шитов [2013. С. 255–278] выделяют 7 хронологических участков на этом могильнике. Интересующее нас погр. 126 отнесено ими к четвертому хронологическому участку, который суммарно датируется концом IV — 1-й половиной V в. [Ставицкий, Шитов, 2013. С. 262, 263]. К сожалению, авторы не дают список признаков, по которым они делят могильник на разновременные участки и не приводят таблицы комплексов, а оперируют лишь отдельными находками из могил различных участков, что не дает возможности проверить их выводы.

Известны подобные бусы и в Северном Причерноморье. В своде Е. М. Алексеевой бусы из глухого красного стекла с полосой темно-зеленого или лилового цвета, украшенной желтой веткой с листьями, отмечены в Ольвии, Пантикапее, Фанагории, Кепах (тип 415 по: Алексеева, 1982. С. 38. Табл. 48: 16, 17). Е. М. Алексеева [1982. С. 38] суммарно датирует их концом I в. до н.э. — II в. н.э.

В Юго-Западном Крыму бусина подобного типа, также из глухого красного стекла с аналогичным декором, найдена на могильнике Бельбек IV в погр. 11, которое по погребальному инвентарю отнесено к 3-й четверти I в. н. э. [Столярова, 2001. Рис. 1: 28; Табл. 18: 11].

На территории центральноевропейского Барбарикума, как отмечает М. Темпельман-Мончыньска, бусы с подобным декором крайне редки; ей известны только 6 находок, и концентрируются они на весьма компактной территории — на Нижней Висле и в зоне Вислинского залива. Это такие памятники, как Любовидз (Lubowidz), Щитно, (Szczytno), Цепле (Cieple), Мациево (Maciejewo), Кунтерштраух (Kunterstrauch) с бусами типа 355a–c [Tempelmann-Mączyńska, 1985. S. 58, 59. Taf. 11: 355a–c; Taf. 54][10]. Фиксируются находки таких бус в ранних комплексах, фаз B1 (10/20–70/80 гг.) и B2 (70/80–160/170 гг.) вместе с фибулами Альмгрен IV 68, Альмгрен III 53, 58, 60/61, возможно, Альмгрен IV 92, Альмгрен II 38, Альмгрен V 120–124 [Tempelmann-Mączyńska, 1985. S. 59. Tab. 8].

Бусы из красного глухого стекла, декорированные черной полосой с желтыми листиками, известны также на могильнике вельбаркской культуры Веклице (Weklice) (восточная окраина дельты Вислы). Два таких экземпляра были найдены в погр. 330 [Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn, 2011. P. 90, 91. Pl. CXLIV: Grave 330, 14,

---

[8] Такую же технологическую особенность фиксирует Е. К. Столярова у некоторых стеклянных бус из могильника Бельбек IV (Юго-Западный Крым, окраина г. Севастополя); памятник в целом датируется второй четвертью I — первой половиной III в. Ею отмечено, что в некоторых случаях использование небольшой концентрации окиси меди для окрашивания стекол и отжига бус в восстановительной среде приводит к тому, что внешний слой бусины приобретает красно-коричневый цвет, но внутри она остается зеленой [Столярова, 2012. С. 246, 247].

[9] Как мне сообщил Илья Рафаэльевич Ахмедов, в настоящее время им готовится к публикации работа о распространении восточноевропейских выемчатых эмалей, в которой данный комплекс он относит к рубежу II и III вв. Пользуясь случаем, благодарю его за любезно предоставленную информацию.

[10] Бусы из Любовидз и Щитно, отнесенные М. Темпельман-Мончыньской к этому типу, отличаются от других небольшим размером и сильно выступающим рельефным накладным декором (тип 355b по: Tempelmann-Mączyńska, 1985. S. 186. Taf. 11: 355b).

15], которое авторами отнесено к стадии IIB/IIC относительной хронологии этого могильника, что соответствует фазам B2b–B2c[11], то есть примерно от 100 до 150/160 гг. [Natuniewicz—Sekuła, Okulicz—Kozaryn, 2011. P. 126. Tab. 1].

Таким образом, собранные аналогии свидетельствуют, что бусы такого типа (рис. 50: 1) были распространены в основном в I–II вв. и лишь в отдельных случаях, возможно, датируются началом III в. (Кошибеево, погр. 24).

Т**ак называемые крапчатые бусы**, у которых темно-синее тулово (поверхность изделия выглядит как черная, темно-синий цвет выявляется лишь в сколе) покрыто накладным плоским полихромным декором в виде многочисленных беспорядочных крапинок-пятнышек красно-коричневого, белого, в одном случае зеленого цветов. Они представлены 3 экземплярами, диаметром от 15,5 до 19 мм (кат. № 16–18; подробнее см. приложение; рис. 50: 2–4). Изготовлены бусы из палочек. Каналы у двух бусин имеют с одной стороны вогнутый край, а с другой — сильно выгнутый рваный край, за счет чего бусы приобрели шаровидную неправильную форму (рис. 50: 3) и шаровидно-кольцевидную неправильную форму (рис. 50: 4). Только в одном случае края каналов ровные, обработанные, и бусина имеет шаровидную, поперечно сжатую (усеченную) форму (рис. 50: 2).

Бусы с «крапчатым» декором (рис. 50: 2–4) известны на широкой территории от Абхазии и Верхнего Дона до Испании, они подробно анализировались в предыдущих работах (полную библиографию аналогий см.: Mastykova, Pilet, Egorkov, 2005. P. 299–311; Ivanišević, Kazanski, Mastykova, 2006. P. 73–76; Мастыкова, Плохов, 2010. С. 337–357; Мастыкова, Земцов, 2014). На территории Центральной России они известны на Верхнем Дону в богатом женском погребении на поселении Мухино 2, что свидетельствует об их присутствии в этой зоне во 2-й четверти V в. (конец фазы D2 — начало фазы D2/D2) [Мастыкова, Земцов, 2014. С. 212. Цв. илл. XVII: 1–8; Добровольская и др., 2015. С. 51]. На самом поселении Мухино 2 крапчатые бусы[12] (2 экз.) были обнаружены в культурном слое. Известны они также и на других верхнедонских памятниках: изолированная находка на поселении Замятино-8, которое по хронологическим индикаторам отнесено к позднему IV — 2-й половине V в. [Мастыкова, 2004. С. 84–88; Обломский, 2004. С. 144–147], и в культурном слое могильника Ксизово-19, в целом датируемого от конца IV до 2-й половины V в. [Румянцева, 2015. С. 242, 243. Рис. 294: 1, 4; Обломский, Козмирчук, 2015. С. 163, 164].

Пик распространения этого типа бус приходится на 2-ю треть V — начало VI в. (фазы D2/D3, D3 и D3/E). Наиболее показательные находки: Смолин (Smolin), Кишкунфеледьхаза (Kiskunfélegyháza) и Вышков (Vyškov) на Среднем Дунае, Аквасанта (Aquasanta) в Италии, Сен-Мартен-де-Фонтене (Saint-Martin-de-Fontenay) в Северной Франции и т.д. «Доживать» бусы этого типа могут до середины — третьей четверти VI в., как показывают находки в Юрьевской Горке, Лучистом, Плейдельсхайме (Pleidelsheim), Шуйи (Chouy) и др.

Имеющиеся в Велегожском кладе крапчатые бусы, казалось бы ничем не отличаются от вышеуказанных «классических» образцов бус этого типа. Однако обращает на себя внимание, что в данном комплексе крапчатые бусы, изготовленные из темно-синего стекла, на первый взгляд производят впечатление, что сделаны они из стекла черного цвета (рис. 50: 2–4). И в этом случае стоит вспомнить, что существует еще один тип бус, подобных крапчатым, — так называемые пятнистые. Они сделаны из черного стекла (по крайне мере так указывают авторы публикаций) и имеют многочисленные разноцветные пятнышки. Такие бусы распространены в более раннее время. Приведу несколько примеров.

Бусы из черного стекла с разноцветными пятнами отмечены на территории центральноевропейского Барбарикума. Фиксируются эти находки в комплексах от фазы C1b до фазы C2, что соответствует 220/230–300/320 гг. (типы 198d–198f по: Tempelmann-Mączyńska, 1985. S. 47, 48. Tab. 8. Taf. 4: 198d–f). В частности, бусы подобного типа известны на памятниках вельбаркской культуры. Например, черные бусы с желтыми, красными, зелеными, белыми и синими пятнышками обнаружены в «сарматских» погр. 133 и 200, 2-й половины III в., могильника Масломенч (Masłomęcz) на территории Юго-Восточной Польши [Schätze der Ostgoten, 1995. Abb. 44. S. 176–179][13]. В погр. 36 могильника Петровичи в Западной Белоруссии (Брестская область), также вельбаркской культуры, встречены черные бусы с желтыми, красными, белыми и синими пятнами. Это погребение отнесено к фазе C1b, не исключая начала фазы C2, что соответствует 220/230–250/270 гг. [Белявец, 2006. С. 86. Мал. 3В: 28, 29].

Бусы с пятнистым декором представлены и на уже упоминавшемся вельбаркском могильнике Веклице (Weklice). Они были найдены в следующих комплексах:

– погр. 238 — бусина из черного непрозрачного стекла с нерегулярными голубыми, темно-синими, белыми и желтыми пятнами [Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn, 2011. P. 71, 72. Pl. XCVIII: Grave 238, 8]. Данный комплекс авторами публикации отнесен к стадии IIB/IIC, согласно периодизации могильника, что соответствует фазам B2b и B2c[14], то есть примерно от 100 до 150/160 гг. [Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn, 2011. P. 126. Tab. 1];

– погр. 248 — бусина из черного непрозрачного стекла с нерегулярными красными и белыми пятнами [Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn, 2011. P. 73. Pl. CIII: 33]. Комплекс отнесен к стадии V, которая синхронизируется с фазой C2, вероятнее всего, с ее поздней частью — C2b, то есть примерно 270/280–300/320 гг. [Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn, 2011. P. 126. Tab. 1];

– погр. 256 — бусина из черного непрозрачного стекла с нерегулярными с желтым и голубым пятнами [Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn, 2011. P. 76. Pl. CVIII: Grave 256, 28]. Этот комплекс отнесен к стадии IIIB, что соответствует фазам от B2/C1 до C1a, то есть от 150/160 до 200–210/230 гг. [Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn, 2011. P. 126. Tab. 1];

---

[11] Авторами используются следующие хронологические схемы: Eggers, 1951; Godłowski, 1974; Wołągiewicz, 1968; 1981.

[12] Приношу благодарность автору раскопок Григорию Леонидовичу Земцову за любезно предоставленную возможность ознакомиться с неопубликованными материалами поселения Мухино 2.

[13] Некоторые исследователи, в частности А. Коковский, выделяют памятники типа Масломенч в отдельную культурную группу (см.: Kokowski, 1995; Kokowski, 1997).

[14] Авторами используются следующие хронологические схемы: Eggers, 1951; Godłowski, 1974; Wołągiewicz, 1968; 1981.

– погр. 416 — две бусины из черного непрозрачного стекла с нерегулярными с желтым и синими пятнами [Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn, 2011. P. 107. Pl. CLXXXIV: 10, 11]. Комплекс относится к стадии IVA/IVB, то есть пограничью фаз C1b и C2, примерно 250–280 гг. [Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn, 2011. P. 126. Tab. 1].

Черная непрозрачная бусина с синими, белыми, желтыми, зелеными, красными пятнами зафиксирована в погр. 1 некрополя Полчин-Здруй (Połczyn Zdrój; Западно-Поморское воеводство на северо-западе Польши), датированного фазой D, то есть 360/370–440/450 гг. (Typ Op1. F1. 3 по: Stawiarska, 1987. S. 58).

В Северном Причерноморье черные пятнистые бусы также хорошо известны. Черная бусина с пятнистым (бирюзовым, зеленым, белым, бордовым, печеночно-красным, желтым) декором представлена в колье, находившемся в саркофаге знаменитого керченского погребения 1837 г. с Золотой маской [Френкель, 2009. С. 99. Ил. 8.]. Весь набор бус Я. В. Френкель датирует 2-й половиной III в. [2009. С. 114], что соответствует дате комплекса по металлическому инвентарю [Shchukin M., Kazanski M., Sharov O., 2006. P. 97; Шаров, 2009. С. 42]. Для этого же комплекса предлагается и несколько более поздняя дата — 1-я половина IV в. [Трейстер, 2009. С. 62]. Но в любом случае бусина с пятнистым декором из керченского погребения с Золотой маской попадает в хронологический период, соответствующий фазам C2–C3, то есть 250/260–350/370 гг.

Черная бусина с желтыми, синими, зелеными крапинками в погр. 9 (35) Чернореченского могильника, близ современного Севастополя, была найдена вместе с монетами Каракаллы (211–217 гг.) и Гордиана III (238–244 гг.) [Бабенчиков, 1963. С. 97–100. Табл. III: 29; VII: 2, 6, 7]. Также в юго-западной части Крыма черные непрозрачные бусы с белыми, красными, желтыми, голубыми, зелеными мелкими пятнышками известны в погр. 4, 21, 24, 56 некрополя Дружное (тип 63 по: Хайрединова, 1995. С. 69. Табл. II: 23, 24, 28, 29). В целом могильник Дружное датируется 2-й половиной III — IV в.

Подобные бусы с многоцветным (розово-коричневый, белый, желтый, бежевый, зеленый, голубой) пятнистым декором встречены по одному экземпляру на черняховских памятниках: Будешты, погр. 206 и Данчены, погр. 292 (тип I/10 по: Гопкало, 2008. С. 48. Табл. V: 10, а, б). Как отмечает О. В. Гопкало [2008. С. 48], в комплексах раннего этапа черняховской культуры (220/230–270/280 гг.) такие бусы не встречаются; по ее мнению, они появляются не ранее последней трети III в.

Что касается находок таких бус в Северном Причерноморье, то интересные наблюдения сделала в своем своде Е. М. Алексеева. Подобные пятнистые бусы зафиксированы ею на многих памятниках Северного Причерноморья — Херсонес, Пантикапей, Горгиппия, Фанагория, Совхоз 10, Тирамба, Тузла и др. (тип 13 по: Алексеева, 1975. С. 57, 58). Однако, как отмечает автор, эти бусы лишь на вид кажутся сделанными из черного стекла, в действительности же они изготовлены, как и велегожские бусы, из темно-синего или глухого темно-лилового, бурого стекла, и имеют красные, белые, зеленые, желтые, голубые пятнышки-крапинки. Хронологические рамки для приведенных комплексов даются автором суммарно — от I до IV в. [Алексеева, 1975. С. 57, 58. Табл. 12: 74–85].

При этом Е. М. Алексеева выделяет еще один тип пятнистых бус — из темно-синего глухого или полупрозрачного стекла, декорированные разноцветными плоскими и рельефными пятнышками. Они также фиксируются на ряде северопричерноморских памятников, но практически все комплексы, как отмечает Е. М. Алексеева, датировке не поддаются, кроме двух — Ф12 и С185: Фанагория, погр. 92/1938 г., которое она относит к III–IV вв., и Совхоз 10, склеп 8, отнесенный ко второй половине IV — V в. (тип. 18 по: Алексеева, 1975. С. 58. Табл. 12: 90–94). Впрочем и эти датировки, на мой взгляд, требуют развернутой аргументации.

Но в Барбарикуме, на территории *Germania libera*, мне известен один случай, когда синяя (судя по рисунку) бусина, украшенная красными, белыми и зелеными пятнышками, была встречена в контексте позднеримского времени. Это находка на поселении Берге (Berge, Kr. Fritzlar-Homberg), которое функционировало от конца II — середины III в. до середины IV в. (тип 197 по: Tempelmann-Mączyńska, 1985. S. 48; Taf. 4: 197; Taf. 43).

Отмечен прецедент совместной находки пятнистых бус, как черного, так и синего стекла в ателье II–IV вв. по производству стеклянных бус, открытое в Тибискуме (Tibiscum) в римской провинции Дакия (тип XI по: Benea, 1997. S. 288. Abb. 11: 7).

Таким образом, бусы из черного стекла с пятнистым декором более всего характерны для фаз C2 и C3, то есть примерно от 250/260 до 350/370 гг. Мое пристальное внимание к этому типу бус и приведение такого количества аналогий из закрытых комплексов объясняется тем обстоятельством, что по крайней мере некоторые из них, как заметила Е. М. Алексеева, могут оказаться изготовленными из синей стеклянной массы, что делает их, казалось бы, практически неотличимыми от более поздних крапчатых бус. Можно отметить некоторые признаки, присущие пятнистым бусам как из черного, так и из синего стекла. Во-первых, они, как правило, имеют шаровидную поперечно сжатую (усеченную) форму, во-вторых, пятнышки отличаются гораздо большим разноцветьем, чем у крапчатых. В ожерельях пятнистые бусы зачастую присутствуют вместе с грибовидными или/и дисковидными бусами из янтаря.

Итак, вполне возможно, что крапчатые бусы все-таки появились раньше, чем предполагалось. Об этом, на мой взгляд, свидетельствуют единичные находки пятнистых (будем называть их так) бус из синего стекла, например, в Берге и Тибискуме. Не исключено, что последние являются прототипами крапчатых бус, известных нам пока только по находкам эпохи Великого переселения народов.

* * *

Велегожский клад — второй комплекс на территории Центральной России (после богатого женского погребения с поселения Мухино 2), где встречены в большом количестве янтарные бусы в сочетании с крапчатыми, что делает важным сравнение наборов бус из этих комплексов. Мухинский набор отличается от велегожского, во-первых, присутствием янтарных дисковидных бус другой модификации и отсутствием грибовидных янтарных подвесок [Мастыкова, Земцов, 2014. Цв. илл. XVII]. Мухинское колье — это типичный «классический» набор 430/440–460/470 гг., где сбалансированно присутствуют крапчатые из сине-фиолетового стекла, дисковидные янтарные, мозаичные бусы (иного типа, чем в велегожском наборе), с единичными экземплярами монохромных бус и одной золотостеклянной (замечу, что в велегожском наборе насчитывается 19 экземпляров золотостеклянных бус). Мухинский набор бус, впрочем, как и весь убор

погребенной женщины, отражает понтийскую моду и одновременно напоминает наборы бус с центральноевропейских, точнее дунайских памятников (см. примеры в: Ivanišević, Kazanski, Mastykova, 2006. P. 101–105. Fig. 72). Интересен тот факт, что женщина, погребенная на поселении Мухино, была мигранткой, большую часть своей жизни прожила в условиях аридных ландшафтов, т.е. довольно далеко к югу от бассейна Верхнего Дона, и ее костюм демонстрирует моду другого региона (подробнее об этом см.: Добровольская и др., 2015).

На первый взгляд, наличие в Велегожском кладе хорошо изученных крапчатых бус (рис. 50: 2–4) позволяет отнести его к эпохе Великого переселения народов. Однако внимательное изучение этого набора бус дает возможность предположить и иную дату. Велегожский набор бус имеет три компонента: 1) набор бус, характерный для костюма рязано-окских и средневолжских финнов (золотостеклянные с преобладанием однотонных печеночно-красного цвета); 2) набор бус, типичный для «юго-западных» (по отношению к Поочью и Верхнему Дону) — вельбаркской и черняховской культур (дисковидные, грибовидные и мозаичная), с которыми связаны по происхождению и ведерковидные подвески[15]; 3) крапчатые бусы, лучше всего известные для эпохи Великого переселения народов. При этом по технологическим характеристикам видно, что группы дисковидных и грибовидных бус из янтаря или золотостеклянные, поступали каждая от одного мастера (или мастерской). Скорее всего, эти группы бус попадали к владельцу клада одноразово, хотя и не обязательно одновременно.

Не исключено, что клад формировался поэтапно и самое позднее поступление здесь — это крапчатые бусы, то в таком случае клад можно отнести ко времени наиболее раннего, известного нам, появления крапчатых бус на территории центральных регионов России, ко второй четверти V в.

В то же время клад выглядит достаточно гомогенным по составу. Золотостеклянные бусы (19 экз.), одноцветные печеночно-красные (75 экз.), грибовидные и дисковидные из янтаря (14 экз.), ведерковидные подвески (17 экз.) представляют собой очень компактную в хронологическом отношении группу вещей, относящуюся в целом к фазам С2 и С3 (250/260–300/320 и 300/320–350/370 гг.). Так, янтарные дисковидные бусы (рис. 51: 1–9) по своим морфологическим признакам преимущественно характерны для фазы С2 и, возможно, С3. Грибовидные подвески из Велегожского клада, судя по их размерам и форме (рис. 1: 10–12), относятся скорее всего ко времени наибольшего распространения этого типа украшений, а именно к фазе С2, не исключая последующей фазы С3. Бусина с мозаичным пояском (рис. 50: 1), выделяющаяся своей архаичностью, по всем известным мне параллелям в закрытых комплексах, должна быть отнесена к I–II вв. и, возможно, к началу III в. О том, что основной состав бус Велегожского клада формировался в хронологический промежуток, соответствующий фазам С2 и С3 свидетельствует и наличие здесь металлических ведерковидных подвесок. Загадку представляет присутствие в кладе крапчатых бус (рис. 50: 2–4), типичных для эпохи Великого переселения народов. Однако, как мы только что убедились, есть некоторые основания относить их появление к более раннему, чем считалось, времени, поскольку очень близкие бусы, вроде найденных в Берге и Тибискуме, существуют уже в позднеримскую эпоху.

Приложение

КАТАЛОГ ЯНТАРНЫХ И СТЕКЛЯННЫХ БУС

Бусы описываются набором признаков, расположенных в определенном порядке.

При описании формы изделия используется термин «фаска» — поверхность, образованная срезом/обточкой ребра.

Приводятся основные параметры изделий: D — максимальный размер бусины в поперечнике; H — измерение вдоль канала; d1, d2 — диаметры входного отверстия в канал.

При описании техники изготовления стеклянного предмета и декора перечисляется последовательность предполагаемых технологических операций. Обработка янтарных бус сводилась, вероятно, к таким действиям: обдирке янтаря от корки, обточке заготовки, сверлению или прожиганию канала, шлифованию, полировке. Вполне возможно, что последовательность обработки каменных бус по Г.Г. Леммлейну [1947. С. 23] допустима и в отношении янтарных изделий. Определить, были ли каналы на янтарных бусах рассматриваемой коллекции просверлены или прожжены, не удалось.

Янтарные бусы

1. 1 экз. (рис. 51: 1). ***Материал:*** янтарь
   Сохранность предмета: полная форма
   Форма предмета: дисковидная с четкой фаской
   Размеры: D — 26×25 мм; H — 7 мм; d1 — 5,2 мм; d2 — 5,5 мм; ширина фаски от 5 до 6,5 мм
   Канал: конический, ровные и гладкие площадки у каналов
   Техника изготовления предмета: обдирка, обточка, обработка канала, шлифование, полировка (?)
   Цвет предмета: красно-коричневый с вишневым оттенком, так называемый трещиноватый
   Прозрачность предмета: полупрозрачный

2. 1 экз. (рис. 51: 2). ***Материал:*** янтарь
   Сохранность предмета: полная форма

[15] В мои задачи не входит анализ металлических изделий (ведерковидные подвески Поочья рассмотрены в работе А.М. Воронцова и Е.В. Столярова (см. статью в данном сборнике)), тем не менее хотелось бы отметить, что ведерковидные подвески характерны в первую очередь для «юго-западных» культур позднеримского периода [Бажан, Каргопольцев, 1989. С. 166–169; Гопкало, 2008. С. 61, 63–66; Belâvec, Bitner-Wróblewska, 2010. S. 167–177], хотя для более раннего времени они типичны для скифо-сарматских древностей (см. подробнее: Бажан, Каргопольцев, 1989). Однако в материалах рязано-окских могильников ведерковидные подвески зафиксированы и позднее: Заречье, погр. 55 — 2-й половины V в.; Заречье, погр. 99 и Кораблино, погр. 16, в целом датирующиеся V в. [Белоцерковская, 2012. С. 34].

Форма предмета: дисковидная с нечеткой фаской
Размеры: D — 25 мм; H — 6,5 мм; d1 — 6 мм; d2 — 6,5 мм; ширина фаски от 4 до 6,5 мм
Канал: конический, ровные и гладкие площадки у каналов
Техника изготовления предмета: обдирка, обточка, обработка канала, шлифование, полировка (?)
Цвет предмета: красно-коричневый с вишневым оттенком, так называемый трещиноватый
Прозрачность предмета: полупрозрачный

3. 1 экз. (рис. 51: 3). ***Материал:*** янтарь
Сохранность предмета: полная форма
Форма предмета: дисковидная с четкой фаской
Размеры: D — 23,5×23 мм; H — 6,5 мм; d1 — 6×5 мм; d2 — 5,5×5 мм; ширина фаски от 5 до 8 мм
Канал: конический, ровные и гладкие площадки у каналов
Техника изготовления предмета: обдирка, обточка, обработка канала, шлифование, полировка (?)
Цвет предмета: красно-коричневый, насыщенный, с вишневым оттенком, так называемый трещиноватый
Прозрачность предмета: полупрозрачный

4. 1 экз. (рис. 51: 4). ***Материал:*** янтарь
Сохранность предмета: неполная форма
Форма предмета: цилиндрическая неправильной формы
Размеры: D — 25×22 мм; H — 20 мм; d1 — 8,5×6 мм; d2 — 7 мм
Канал: конический
Техника изготовления предмета: обдирка, обточка, обработка канала, шлифование, без полировки
Цвет предмета: красно-коричневый, так называемый трещиноватый
Прозрачность предмета: полупрозрачный

5. 1 экз. (рис. 51: 5). ***Материал:*** янтарь
Сохранность предмета: полная форма
Форма предмета: дисковидная с четкой фаской
Размеры: D — 19,5 мм; H — 5,5 мм; d1 — 5 мм; d2 — 5 мм; ширина фаски от 5 до 6 мм
Канал: цилиндрический, ровные и гладкие площадки у каналов
Техника изготовления предмета: обдирка, обточка, обработка канала, шлифование, полировка (?)
Цвет предмета: красно-коричневый, насыщенный, с вишневым оттенком, так называемый трещиноватый
Прозрачность предмета: полупрозрачный

6. 1 экз. (рис. 51: 6). ***Материал:*** янтарь
Сохранность предмета: полная форма
Форма предмета: дисковидная с четкой фаской
Размеры: D — 16 мм; H — 5,5 мм; d1 — 5 мм; d2 — 5,5 мм; ширина фаски от 4 до 6 мм
Канал: конический, ровные и гладкие площадки у каналов
Техника изготовления предмета: обдирка, обточка, обработка канала, шлифование, полировка (?)
Цвет предмета: красно-коричневый, насыщенный, с вишневым оттенком, так называемый трещиноватый
Прозрачность предмета: полупрозрачный

7. 1 экз. (рис. 51: 7). ***Материал:*** янтарь
Сохранность предмета: фрагмент (половина бусины)
Форма предмета: дисковидная с четкой фаской
Размеры: D ≈ 15 мм; H — 5,5 мм; d1, d2 — не определяются; ширина фаски ≈ 5,5 мм
Канал: не определяется
Техника изготовления предмета: обдирка, обточка, обработка канала, шлифование, полировка (?)
Цвет предмета: красно-коричневый, насыщенный, с вишневым оттенком, так называемый трещиноватый
Прозрачность предмета: полупрозрачный

8. 1 экз. (рис. 51: 8). ***Материал:*** янтарь
Сохранность предмета: полная форма
Форма предмета: дисковидная с четкой фаской
Размеры: D — 17 мм; H — 5 мм; d1 — 5 мм; d2 — 5 мм; ширина фаски от 3 до 5,5 мм
Канал: конический, ровные и гладкие площадки у каналов
Техника изготовления предмета: обдирка, обточка, обработка канала, шлифование, полировка (?)
Цвет предмета: красно-коричневый, с вишневым оттенком, трещиноватый
Прозрачность предмета: полупрозрачный

9. 1 экз. (рис. 51: 9). ***Материал:*** янтарь
Сохранность предмета: полная форма
Форма предмета: дисковидно-цилиндрическая
Размеры: D — 20 мм; H — 13 мм; d1 — 5,5 мм; d2 — 5,5 мм
Канал: цилиндрический, ровные и гладкие площадки у каналов
Техника изготовления предмета: обдирка, обточка, обработка канала, шлифование (?), без полировки
Цвет предмета: красно-коричневый с вишневым оттенком, так называемый трещиноватый
Прозрачность предмета: полупрозрачный

10. 1 экз. (рис. 51: 10). ***Материал:*** янтарь
Сохранность предмета: полная форма

Форма предмета: грибовидная, уплощенная с одной стороны, с профилированной головкой
Размеры: Высота — 35 мм; толщина — 11,5 мм; d1 — 4,5×3,5 мм; d2 — 6,5×4,5 мм
Канал: конический
Техника изготовления предмета: обдирка, обточка, вероятно шлифование, без полировки — сохранился изгиб заготовки изделия
Цвет предмета: красно-коричневый, так называемый трещиноватый
Прозрачность предмета: полупрозрачный

11. 1 экз. (рис. 51: 11). ***Материал:*** янтарь
Сохранность предмета: полная форма
Форма предмета: грибовидная, уплощенная с одной стороны; имеет сильно профилированную конической формы головку
Размеры: Высота — 37,5 мм; толщина — 10 мм; d1 — 4,5×3 мм; d2 — 4,5×3 мм
Канал: цилиндрический
Техника изготовления предмета: обдирка, обточка, шлифование
Цвет предмета: красно-коричневый с вишневым оттенком, насыщенный, трещиноватый
Прозрачность предмета: полупрозрачный

12. 1 экз. (рис. 51: 12). ***Материал:*** янтарь
Сохранность предмета: полная форма
Форма предмета: грибовидная, уплощенная с одной стороны, менее выраженная — со слабо профилированной головкой
Размеры: Высота — 27,5 мм; H — 11,5 мм; d1 — 2,5 мм; d2 — 2,5 мм
Канал: цилиндрический
Техника изготовления предмета: обдирка, обточка, вероятно шлифование — сохранился изгиб заготовки изделия
Цвет предмета: красно-коричневый с вишневым оттенком, так называемый трещиноватый
Прозрачность предмета: полупрозрачный

13. 1 экз. (рис. 51: 13). ***Материал:*** янтарь
Сохранность предмета: полная форма
Форма предмета: аморфная, уплощенная с одной стороны
Размеры: Высота — 31 мм; толщина — 8,5 мм; d1 — 3×3,5 мм; d2 — 3,5×4 мм
Канал: конический
Техника изготовления предмета: обдирка, обточка, вероятно шлифование — сохранился изгиб заготовки изделия
Цвет предмета: красно-коричневый, так называемый трещиноватый
Прозрачность предмета: полупрозрачный

14. 1 экз. (рис. 51: 14). ***Материал:*** янтарь
Сохранность предмета: полная форма
Форма предмета: аморфная, уплощенная с одной стороны
Размеры: Высота — 28 мм; толщина — 12 мм; d1 — 3,5 мм; d2 — 3 мм
Канал: конический
Техника изготовления предмета: обдирка, обточка, вероятно шлифование — сохранился изгиб заготовки изделия
Цвет предмета: красно-коричневый с вишневым оттенком, так называемый трещиноватый
Прозрачность предмета: полупрозрачный

Стеклянные полихромные бусы

15. 1 экз. (рис. 50: 1). ***Материал:*** стекло
Сохранность предмета: полная форма
Форма предмета: шаро-кольцевидная
Размеры: D — 10,5–11,5 мм; H — 8,5 мм; d1 — 3,5 мм; d2 — 4×3,5 мм
Канал: конический
Декор: накладная полихромная лента
Техника изготовления предмета: одноразовое обертывание основы вокруг инструмента — имеется шов соединения
Техника нанесения декора: наклад по центру тулова полихромной мозаичной ленты из 2 фрагментов (?) — декор не стыкуется.
Цвет предмета: основа — серо-зеленая; имеется поверхностный слой на тулове и внутри канала — красный
Цвет декора: основа декора — зеленая, листья — желто-белые
Прозрачность предмета: основа — полупрозрачная, поверхностный слой — непрозрачный
Прозрачность декора: лента — прозрачная, листья — непрозрачные

16. 1 экз. (рис. 50: 2). ***Материал:*** стекло
Сохранность предмета: полная форма
Форма предмета: шаровидная, поперечно усеченная
Размеры: D — 15,5–16 мм; H — 11–12 мм; d1 — 4,5 мм; d2 — 4,1 мм
Канал: конический, ровный

Рис. 43. Городище Велегож, шурф на месте раскопа 2, находка клада

Рис. 44. Городище Велегож, шурф на месте раскопа 2, клад в ходе расчистки

Рис. 45. Велегожский клад в ходе расчистки. Латунные спиральные многовитковые браслеты

Рис. 46. Городище Велегожский клад в ходе расчистки. Латунный спиральный многовитковый браслет (1-2) и серебряные спирали (3)

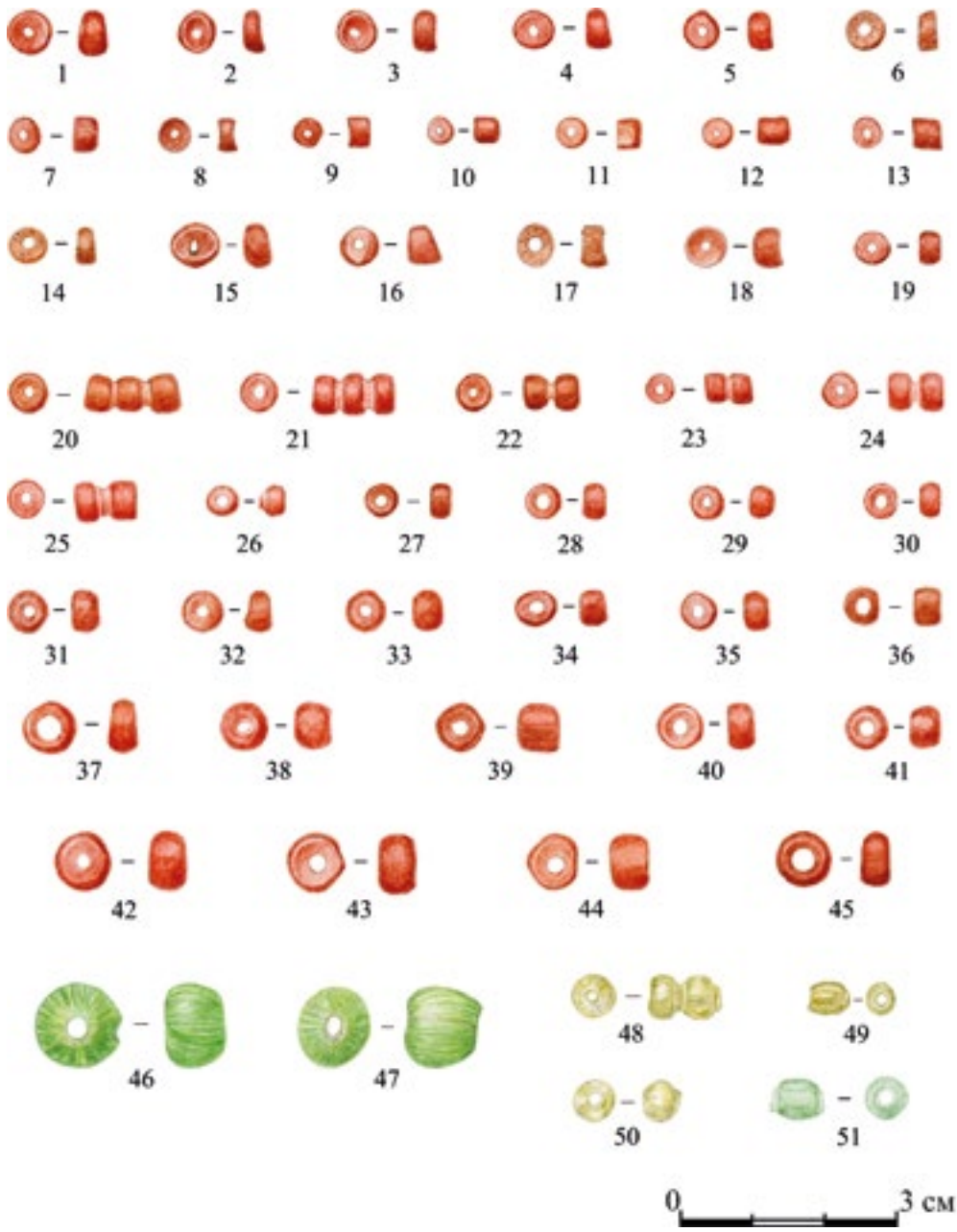


Рис. 47. Монохромные стеклянные бусы, изготовленные из отрезков тянутых трубочек из Велегожского клада.

1–19 — «рубленый» бисер; *20–51* — трубочка, разделенная на части ножницами или щипцами; *1–45* — красное глухое стекло; *46, 47* — ярко-зеленое глухое стекло; *48–51* — оливковое прозрачное стекло.

Рисунки Н. Д. Угулава

Рис. 48. Монохромные стеклянные бусы, изготовленные по разным технологиям из Велегожского клада.

1–11, 13–31 — отрезки тянутых палочек; *12* — однократное обертывание; *32, 33* — навивка; *34* — технология не определена; *1–30* — красное глухое стекло; *31* — оливковое прозрачное стекло; *32* — зелено-голубое глухое стекло; *33* — зелено-голубое прозрачное стекло; *34* — желто-коричневое прозрачное стекло; *35* — красное глухое стекло с накладным декором темно-синего прозрачного стекла (основа: отрезок тянутой палочки).

Рисунки Н. Д. Угулава

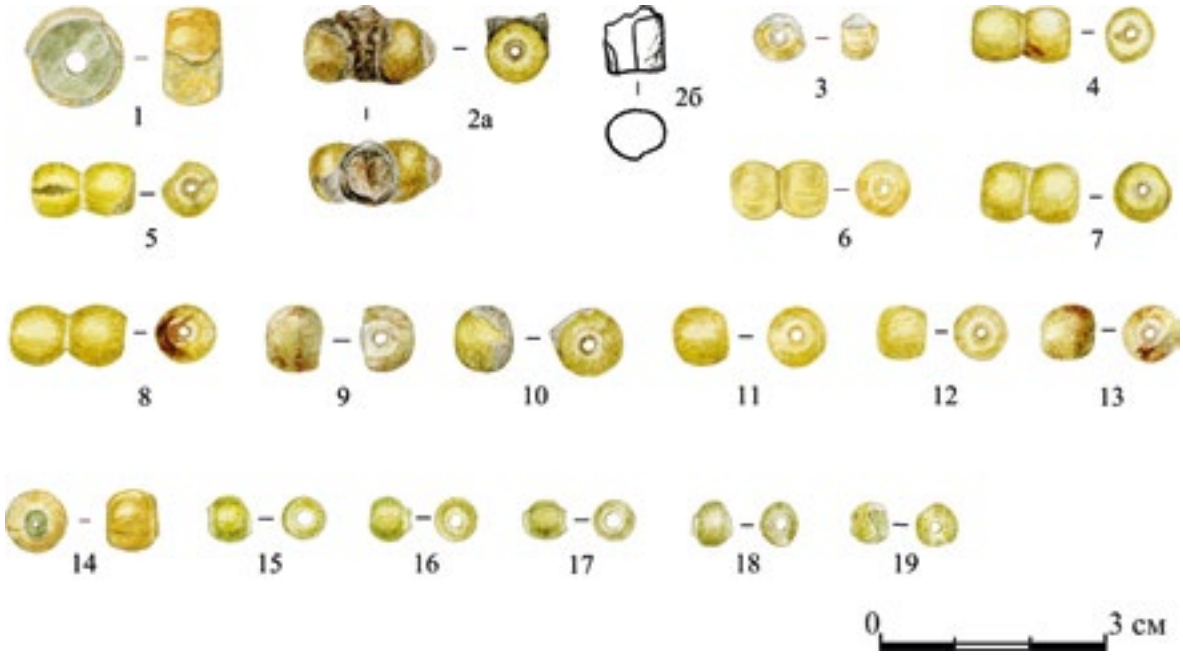


Рис. 49. Золотостеклянные бусы из Велегожского клада.

2 — бусина с прикипевшей ведерковидной подвеской (*2а* — бусина; *2б* — ведерковидная подвеска), *15–19* — фрагменты бусин (внутренний слой со следами металлической прокладки).

Рисунки Н. Д. Угулава

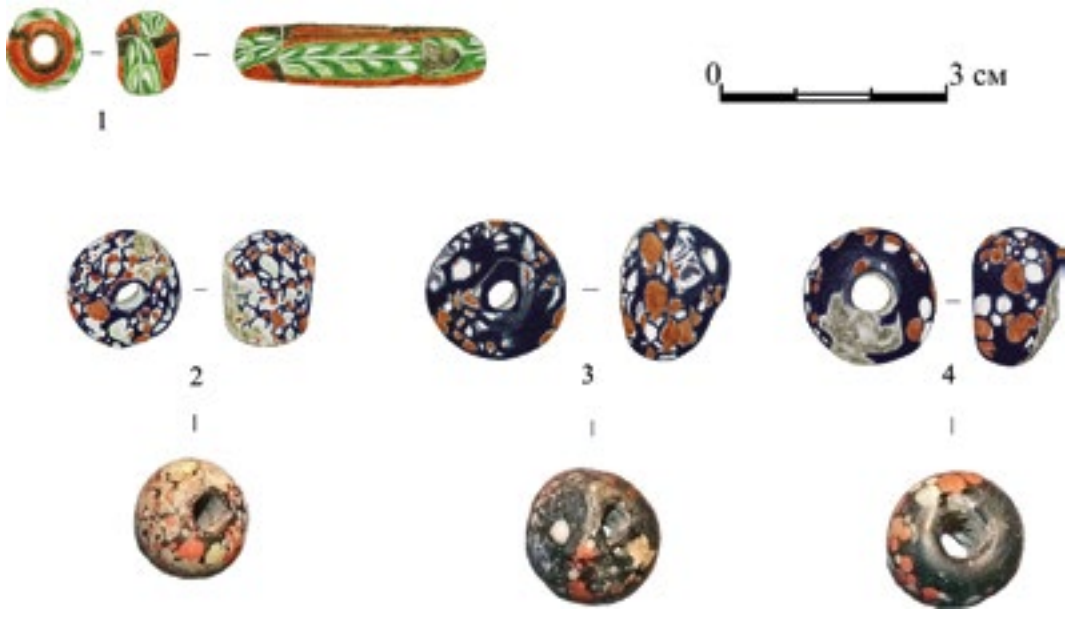


Рис. 50. Стеклянные полихромные бусы из Велегожского клада.

1 — «полихромная бусина с декором в виде накладной ленты в технике миллефиори; 2–4— крапчатые бусы.

Рисунки Н. Д. Угулава

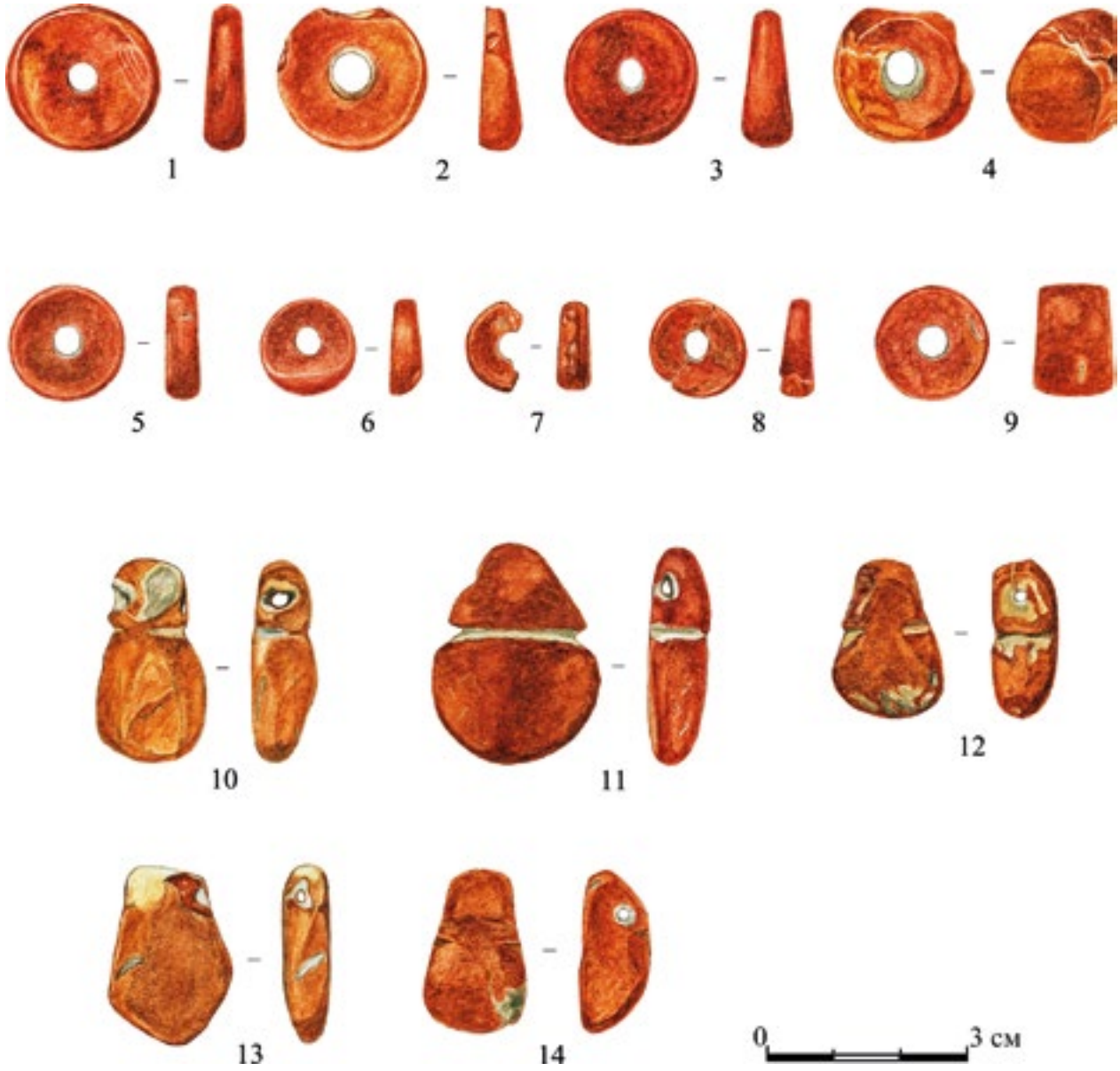


Рис. 51. Янтарные бусы из Велегожского клада.

1–3, 5–8 — «бусы дисковидной формы; *4, 9* — бусы цилиндрической формы; *10–12* — бусы грибовидной формы; *13, 14* — бусы аморфной формы.

Рисунки Н. Д. Угулава

Рис. 1. Хальберштадтский диптих.
[по: Meller, Mundt, Schmuhl Boje E. Hans, 2008. S. 46]

К статье О. В. Гопкало

Рис. 12. Образцы римской одежды I–III вв.: туники, сто́лы, паллы.

1 — «Пейто и Амур», Помпеи (I в.); *2* — «Женщина с подносом», Стабии (I в.); *3* — «Скилла», живопись, найденная у ворот Моранцио, хранится в Апостольской библиотеке, Ватикан; *4* — нагробие, Паннония (II–III вв.) [Garbsch, 1965. Taf. 15: 32]. *1–3* — по материалам интернет-ресурсов

Рис. 13. Ранневизантийский костюм в иконографии 2-й половины III — 1-й половины VI в.

1 — мозаичное изображение Богоматери, базилика Санта-Мария-Маджоре в Риме (1-я половина V в.); *2* — фрагмент мозаичного пола с персонификацией Ктисиса (1-я половина VI в.), Метрополитен-музей, Нью-Йорк.; *3* — изображение на донце поминального сосуда III в.: Петр, Павел и Перегрина (Церковь Торжествующая), Метрополитен-музей, Нью-Йорк; *4* — Виминаций [Korać, 1991]; *5* — вилла Дель-Казале возле г. Пьяцца-Армерина, Сицилия; *6* — фреска «Иисус и самаритянка», христианские катакомбы Via Latina (Catacomba di Dino Compagni), Рим (III–IV вв.). (По материалам интернет-ресурсов)

Рис. 14. Мужская одежда «варваров» с Хальберштадтского диптиха и ее аналогии.

1, 2 — первая модель мужской одежды с левой и правой створок диптиха; *3* — бой боспорян с аланами, фреска из склепа Ашика 1891 г. в Керчи [Ростовцев, 1914. С. 353]; *4, 5* — вторая модель мужской одежды с левой и правой створок диптиха; *6, 7* — «покоренный варвар» и Скифия с медальона из Затонья [Гороховский, Гопкало, 2009. С. 240–243. Рис. 1: 2, 3]; *8* — база обелиска Феодосия, сцена приношения даров варварами [Rummel, 2005. Abb. 8, 19]; *9–11* — сцены поклонения волхвов (9 — базилика Санта-Мария-Маджоре в Риме (V в.), *10* — базилика Сант-Аполлинаре-Нуово в Равенне (VI в.), *11* — саркофаг экзарха Исаака в Равенне (VI в.). (По материалам интернет-ресурсов)

Декор: «крапинки-пятнышки», многократные, беспорядочные, разного размера, плоские, так называемый крапчатый
Техника изготовления предмета: палочка; прокол, наклад декора, обкатка
Техника нанесения декора: наклад
Цвет предмета: в массе — черный, в сколе — стекло темно-синего цвета
Цвет декора: красный, зеленый
Прозрачность предмета: непрозрачный в массе
Прозрачность декора: непрозрачный

17. 1 экз. (рис. 50: 3). ***Материал:*** стекло
Сохранность предмета: полная форма
Форма предмета: шаровидная, неправильной формы
Размеры: D — 18,5 мм; H — 12–14,5 мм; d1 — 4,5 мм; d2 — 4,5 мм
Канал: цилиндрический; с одной стороны вогнутый, с другой — выгнутый, неровный
Декор: «крапинки-пятнышки», многократные, беспорядочные, разного размера, плоские, так называемый крапчатый
Техника изготовления предмета: палочка; наклад декора, прокол, обкатка
Техника нанесения декора: наклад
Цвет предмета: в массе — черный, в сколе — стекло темно-синего цвета
Цвет декора: красно-коричневый, белый
Прозрачность предмета: непрозрачный в массе
Прозрачность декора: непрозрачный

18. 1 экз. (рис. 50: 4). ***Материал:*** стекло
Сохранность предмета: полная форма
Форма предмета: шаро-кольцевидная, неправильной формы
Размеры: D — 18×19 мм; H — 11–12 мм; d1 — 5,5×6 мм; d2 — 5,5×6 мм
Канал: цилиндрический, один край вогнут, другой — сильно выгнут, неровный
Декор: «крапинки-пятнышки», многократные, беспорядочные, разного размера, плоские, так называемый крапчатый
Техника изготовления предмета: палочка; прокол, наклад декора, обкатка
Техника нанесения декора: наклад
Цвет предмета: в массе — черный, в сколе — стекло темно-синего цвета
Цвет декора: красно-коричневый, белый
Прозрачность предмета: непрозрачный в массе
Прозрачность декора: непрозрачный

Литература

Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. Сер. САИ. Вып. Г 1–12. Т. 1. М.: Наука, 1975. 94 с.

Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. Сер. САИ. Вып. Г 1–12. Т. 2. М.: Наука, 1978. 104 с.

Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. Сер. САИ. Вып. Г 1–12. Т. 3. М.: Наука, 1982. 104 с.

Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В. Хронология Кошибеевского могильника // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Тезисы докладов конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Алексея Петровича Смирнова / Отв. ред. И. В. Белоцерковская. М., 1999. С. 56–58.

Бабенчиков В. П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. XIII. 1963. С. 90–123.

Бажан И. А., Каргапольцев С. Ю. Об одной категории украшений-амулетов римского времени в Восточной Европе // СА. №3. 1989. С. 163–170.

Белоцерковская И. В., 2012. О предметах черняховской культуры в женском инвентаре рязано-окских могильников // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной / Отв. ред. Д. В. Журавлев, К. Б. Фирсов. Сер. Труды ГИМ. Вып. 191. М.: ГИМ, 2012. С. 27–37.

Белявец В. Папярэднія вынікі вывучэння грунтовага мопльніка вельбарскай культуры Пятровічы (Белая Гара) // Гістарычна-Археалагічны зборнік. Вып. 22. 2006. С. 79–101.

Бобровская (Гопкало) О. В. Бусы и подвески раннего этапа черняховской культуры (по материалам могильников) // Сто лет черняховской культуре / Гл. ред. М. И. Гладких. Киев: Товариство Археології та Антропології, 1999. С. 150–170.

Гей О. А., Бажан И. А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.: ИА РАН, 1997. 144 с.

Гопкало О. В. Бусы и подвески черняховской культуры. Киев: ИА НАНУ, 2008. 252 с.

Гороховский Е. Л. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев: Наукова думка, 1988. С. 34–46.

Добровольская М. В., Земцов Г. Л, Мастыкова А. В., Медникова М. Б. Привилегированное женское погребение с поселения Мухино 2 гуннского времени на Верхнем Дону: биоархеологическая реконструкция // РА. № 1. 2015. С. 44–58.

Леммлейн Г. Г. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе // КСИИМК. Вып. XVIII. 1947. С. 22–30.

Мастыкова А. В. О распространении янтарных грибовидных бус-подвесок позднеримского времени на юге Восточной Европы и в Закавказье // Сто лет черняховской культуре / Гл. ред. М.И. Гладких. Киев: Товариство Археології та Антропології, 1999. С. 171–202.

Мастыкова А. В. Стеклянные бусы комплекса поселений у с. Замятино // Острая Лука Дона в древности: Замятинский археологический комплекс гуннского времени / Сост. А.М. Обломский). Сер. Раннеславянский мир. Вып. 6. М.: ИА РАН, 2004. С. 84–88.

Мастыкова А. В., Земцов Г. Л. «Княжеское» женское погребение на поселении Мухино-2 гуннского времени на Верхнем Дону // КСИА. Вып. 234. 2014. С. 200–222, цв. илл. XV–XVII.

Мастыкова А. В., Плохов А. В. Датировка и происхождение стеклянных бус из могильника у оз. Съезжее // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова / Отв. ред.: А. Е. Мусин, Н. В. Хвощинская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 337–357.

Обломский А. М. Хронология Замятинского археологического комплекса // Острая Лука Дона в древности: Замятинский археологический комплекс гуннского времени / Сост. А.М. Обломский. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 6. М.: ИА РАН, 2004. С. 144–147.

Обломский А. М., Козмирчук И. А. Могильник гуннского времени Ксизово-19 // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V в.) / Отв. ред. А. М. Обломский. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 16. М.: ИА РАН, 2015. С. 134–164.

Румянцева О. С. Серия бус с полихромным декором с территории Поочья и Среднего Поволжья позднеримского времени // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1 / Отв. ред. А. Н. Наумов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово Поле», 2008. С. 90–109.

Румянцева О. С. Бусы комплекса памятников Ксизово-17 и 19 и культурные связи населения Верхнего Подонья эпохи Великого переселения народов // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V в.) / Отв. ред. А.М. Обломский. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 16. М.: ИА РАН, 2015. С. 241–269.

Ставицкий В. В., Мясникова О. В., Сомкина А. Н. О датировке ранних погребений Абрамовского могильника // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. № 3 (23). 2012. С. 116–123.

Ставицкий В. В., Шитов В. Н. Планиграфия и хронология Абрамовского могильника // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 3 / Отв. ред. В. В. Ставицкий, Г. Н. Белорыбкин. Пенза: ПИРО, 2013. С. 255–278.

Столярова Е. К. Бусы могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма / Отв. ред. И. И. Гущина, Д. В. Журавлев. Сер. Труды ГИМ. Вып. 118. М.: ГИМ, 2001. С. 194–222.

Столярова Е. К., 2012. Химический состав стеклянных и фаянсовых бус могильника Бельбек IV // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной / Отв. ред. Д. В. Журавлев, К. Б. Фирсов. Сер. Труды ГИМ. Вып. 191. М.: ГИМ, 2012. С. 244–251.

Стоянова А. А. Подбойная могила № 193 из могильника Нейзац в Центральном Крыму // МАИЭТ. Вып. XI. 2005. С. 153–168.

Стоянова А. А. Бусы и подвески населения Крыма III в. до н.э. — IV в. н.э. Дисс... канд. ист. наук // Архив ИА НАНУ. 2006. Ф. 12. № 850. Рукопись.

Трейстер М. Ю. Посуда и предметы утвари из серебра и бронзы // Тайна золотой маски: каталог выставки / Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. С. 43–62.

Френкель Я. В. Бусы из стекла и природных материалов керченского «погребения с золотой маской» 1837 г. // Тайна золотой маски: каталог выставки / Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. С. 97–115.

Шаров О. В. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Дэнчень и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи Латена и Римского времени. По материалам Первых Тихановских чтений (Ленинград, 1988 г.) / Науч. ред. М. Б. Щукин, О.А. Гей. СПб.: «Ойум», 1992. С. 158–207.

Шаров О. В., Погребение с Золотой Маской // Тайна золотой маски: каталог выставки / Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. С. 17–42.

Хайрединова Э. А. Бусы могильника Дружное // Пролемы археологии древнего и средневекового Крыма / Ред.-сост. Ю. М. Могаричев, И. Н. Храпунов. Симферополь: «Таврия», 1995. С. 59–87.

Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Składjwskiej, 2002. 313 с.

Храпунов И. Н., 2003. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // Боспорские исследования. Вып. III. С. 329–350.

Храпунов И. Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Под ред. И. Н. Храпунова. Симферополь: Доля, 2011. С. 13–113.

Храпунов И. Н., Власов В. П. Подбойная могила с многократными погребениями из могильника Дружное в Крыму // МАИЭТ. Вып. VI. 1998. С. 239–255.

Belâvec V., Bitner-Wróblewska A. Bałtyjskie czy gockie? Wisiorki wiaderkowate wariantu Pâtroviči-Žviliai // Terra Barbarica. Сер. Monumentą Archaeologica Barbarica. Series Gemina. Tomus II. Łódź-Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego; Fundacja Uniwersytetu Łódzkiego; Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica; Panstwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie, 2010. S. 167–177.

Benea D. Die Glasperlenwerksatt von Tibiscum und die Nandelsbeziehungen mit dem Barbaricum // Perlen: Archäologie, Techniken, Analysen: Akten des Internationalen Perlensymposiums in Mannheim vom 11. bis 14. November 1994. Römisch-Germanische Kommission; Reiss-Museum der Stadt Mannheim / Hrsg. U. von Freeden, A. Wieczorek. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 1997. S. 279–292.

Eggers H. J. Der römische Import im Freien Germanien. Atlas der Urgeschichte 1. Hamburg: Hamburgisches Musueum für Völkerkunde und Vorgeschichte, 1951. 128 s.

Godłowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków: Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1970. 124 p.

Godłowski K. Chronologia okresu późnorzymskiego i wczesnego okresu wędrówek ludów w Polsce północno-wschodniej // Rocznik Białostocki. XII. 1974. P. 9–109.

Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations. Сер. Monographies. 22. Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance, 2006. 351 p.

Kokowski A. Grupa masłomęcka. Z badań nad przemianami kultury Gotów w młodszym okresie rzymskim. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1995. 335 s.

Kokowski A. Die Masłomęcz-Gruppe. Ihre Chronologie und Beziehungen innerhalb des gotischen Kulturkreises. Ein Beispiel für den kulturelle Wandel der Goten im Verlauf inrer Wanderungen // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 78. 1997. S. 641–833.

Natuniewicz-Sekuła M., Okulicz-Kozaryn J. Weklice. A Cemetery of the Wielbark Culture on the Eastern Margin of Vistula Delta (Excavations 1984–2004). Ser. Monumenta Archaeologica Barbarica. Tomus XVII. Warszawa: Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica; Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, 2011. 431 P.

Puzdrovskij A. E., Zajcev J. P. Prunkbestattungen des 1. Jhs. n. Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma, Krim // Eurasia antiqua. 10. 2004. S. 229–267.

Ruckstuhl B. Ein reiches frühalamannisches Frauengrab im Reihengraberfeld von Schleitheim-Hebsack SH // Archäologie der Schweiz. № 11–1. 1988. S. 15–32.

Schätze der Ostgoten. Eine Ausstellung der Maria Curie-Skłodowska Universität Lublin und des Landesmuseums Zamość. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag GmbH&Co, 1995. 217 S.

Stawiarska T. Katalog paciorków szklanych z obszaru Polski północnej w okresie wpływów rzymskich. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódż: Zakład narodowy im. Ossolińskich. Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1987. 147 s.

Wołągiewicz R. Chronologia względna okresu wczesnorzymskiego na Pomorzu Zachodnim w świetle niektórych jej wyznaczników // Materiały Zachodniopomorskie. XII (1966). 1968. P. 169–193.

Wołągiewicz R. Kultura oksywska i wielbarska // Prahistoria ziem polskich. V: Późny okres lateński i rzymski / Ed. J. Wielowiejski). Wroclaw; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład narodowy im. Ossolińskich Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1981. P. 135–191.

Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. Des Goths aux Huns. Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations. Cep. BAR International Series. 1535. Oxford: John and Erica Hedges Ltd., 2006. 482 p.

Tejral J. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum // Archaeologia Austriaca. 72. 1988. S. 223–304.

Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum / Hrsg. J. Tejral, H. Friesnger, M. Kazanski. Cep. Spisy AÚ AV ČR Brno. 8. Brno: AÚ AV ČR Brno, 1997. S. 321–392.

Tejral J. Das Hunnenreich und die Identitätsfragen der barbarischen «gentes» im Mitteldonauraum aus der Sicht der Archäologie // Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit / Hrsg. J. Tejral. Cep. Spisy AÚ AV ČR Brno. 26. Brno: AÚ AV ČR Brno, 2007. S. 55–119.

Tempelmenn-Maszynska M. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Ser. Römisch-Germanische Forschungen. 43. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1985. 339 S. 80 Taf. 3 Beil.

О. С. Румянцева

СТЕКЛЯННЫЕ БУСЫ ВЕЛЕГОЖСКОГО КЛАДА: МОНОХРОМНЫЕ И С МЕТАЛЛИЧЕСКОЙ ПРОКЛАДКОЙ[1]

Из 132 бус, обнаруженных в составе клада мощинской культуры с городища Велегож (публикацию памятника и клада см. в данном сборнике — статья А. М. Воронцова и Е. В. Столярова), монохромные представлены 94 (71,2%), а бусы с металлической прокладкой (золотостеклянные) — 19 экземплярами (14,4%). Кроме них в кладе встречены полихромные стеклянные (5 экз.) и янтарные бусы (14 экз.) (см. статью А. В. Мастыковой в данном сборнике)[2].

Монохромные

По технологии изготовления среди монохромных бус преобладают изделия, выполненные из отрезков тянутых трубочек, — они представлены 60 экземплярами (63,8% монохромных бус); второе место по количеству находок занимают украшения из отрезков тянутых палочек — 30 изделий (31,9%), третье — бусы в технике навивки — 2 экземпляра (2,1%); 1 изделие (1,1%) выполнено в технике однократного обертывания, технология изготовления одной бусины (1,1%) не определена.

По цветовой гамме абсолютное большинство монохромных бус — 75 изделий из 94 — изготовлено из красного глухого стекла. Они составляют 63,6% от общего числа стеклянных украшений. 13 экземпляров (11 %) выполнено из оливкового прозрачного стекла, по 2 (по 1,7%) — из ярко-зеленого глухого и зелено-голубого прозрачного, по одному (по 0,8%) — из зелено-голубого глухого и желто-коричневого прозрачного стекла.

Среди бус, изготовленных **из отрезков тянутых трубочек**, изделия красного глухого стекла представлены 45 экземплярами, второе место занимают бусы оливкового прозрачного стекла — 12 экз.; единичны украшения зеленого глухого (2 экз.) и зелено-голубого прозрачного стекла (1 экз.).

В данной технологической группе выделяется ***рубленый бисер***, получавшийся методом отшибания [Львова, 2000. С. 257]; он представлен 19 изделиями ***красного глухого стекла*** (рис. 36: 1–19; 47: 1–19). Все изделия данного типа из Велегожского клада имеют оплавленные края — результат дополнительной тепловой обработки. Выявить процесс изготовления украшений данного типа (в англоязычной литературе они получили название «indo-pacific beads») помогают этнографические данные. Мастера в современной Индии, работающие с использованием традиционных технологий, после разрезания трубочек на части перемешивают получившийся бисер с золой и помещают в специальную печь, где его вторично разогревают, после чего просеивают, чтобы удалить золу. На финальном этапе, при помощи устройства с отверстиями разного диаметра, бусы делятся по размерным группам [Kanungo 2004. P. 120–121]. Украшения из Велегожского клада имеют довольно крупные для находок данной технологической группы размеры: их диаметр составляет 3–6 мм при высоте 2–4,5 мм.

Все остальные украшения данной технологической группы изготовлены путем деления трубочки ножницами или щипцами. Они включают следующие серии изделий.

Многочастные пронизи красного глухого стекла (рис. 36: 20–25; 47: 20–25) представлены двумя трехчастными и четырьмя двухчастными украшениями; сохранилась также одна доля, являющаяся фрагментом многочастной пронизи (рис. 36: 26; 47: 26). Форма долей пронизей шаровидная или цилиндрическая, основания каналов у всех изделий тщательно заглажены и не имеют закраин — технологического признака использования щипцов [Мастыкова, 1996. С. 42, 43], часто встречающихся на изделиях подобного рода. Отличительной чертой украшений данной серии является яркий красный цвет и отсутствие темных прожилок (свилей). Диаметр изделий составляет 4,5–5,5 мм, высота двухчастных пронизей — 7–8 мм, трехчастных — 11–13 мм.

Бусы красного глухого стекла (рис. 36: 27–45; 47: 27–45) шаровидной и цилиндрической форм насчитывают 19 экземпляров. Изделия имеют ровный ярко-красный цвет без свилей, основания каналов у всех бус тщательно заглажены, технологические следы деления трубочки на части не читаются. Высота изделий — 3–6 мм, диаметр — 4–7 мм.

Бусы ярко-зеленого глухого стекла представлены двумя украшениями шаровидной формы, одно из которых незначительно деформировано (рис. 36: 46, 47; 47: 46, 47). Для изделий, изготовленных из отрезков тянутых трубочек, они имеют достаточно крупный размер — высота их составляет 8 и 9,5 мм, диаметр — 10–12 мм. Технологические следы у оснований каналов не читаются.

Двухчастная пронизь оливкового прозрачного стекла (рис. 36: 48; 47: 48) с долями шаровидной формы. У одного из оснований канала читается шейка-закраина; с противоположной ей стороны боковая грань изделия

[1] В тексте статьи даны ссылки на рисунки к статье А. М. Воронцова и Е. В. Столярова в настоящем сборнике, рис. 36-38, рис. 47–49 (см. цв. вкл.).

[2] Одна из полихромных бусин описана здесь ниже, так как по типологическим и стилистическим особенностям она ближе к монохромным изделиям красного глухого стекла.

заглажена, технологические следы на ней не зафиксированы. Высота изделия — 10 мм, диаметр — 6 мм.

Бусы оливкового прозрачного стекла (рис. 36: 49-51; 47: 49, 50) округлой и цилиндрической формы представлены 9 целыми (?) изделиями и 2 фрагментами. Не исключено, что, по меньшей мере, одна из бусин, учтенная как целый экземпляр, представляет собой фрагмент многочастной пронизи, о чем свидетельствует скол на «шейке» с одной стороны украшения. Все изделия имеют выраженные шейки-закраины у оснований канала. Их высота составляет 5–6 мм, диаметр — 4,5–6 мм.

Нельзя полностью исключить, что бусы оливкового стекла представляют собой ядро золотостеклянных украшений с несохранившимся верхним слоем и металлической прокладкой. Однако учитывая отсутствие следов металла и верхнего слоя стекла, невозможно определить это однозначно. Для представленных в Велегожском кладе изделий с сохранившейся металлической прокладкой, то есть однозначно относящихся к данной категории, подобный оттенок внутреннего слоя стекла не характерен, как и в целом для золотостеклянных украшений эпох римских влияний и Великого переселения народов, происходящих с территории Центральной России.

Бусина зелено-голубого прозрачного стекла (рис. 47: 51), форма близка к цилиндрической. У оснований канала читаются выраженные закраины. Высота изделия — 7 мм, диаметр — 5,5–6 мм. Возможно, данная бусина является внутренней частью золотостеклянного украшения, однако следов металлической прокладки, как и верхнего слоя стекла, на ней не сохранилось.

Бусы, изготовленные **из отрезков тянутых палочек**, представлены 30 украшениями, 29 из которых выполнены из красного глухого и одно — из оливкового прозрачного стекла.

Бусина ***эллипсоидной формы***, изготовленная из ***красного глухого стекла*** (рис. 37: 1; 48: 1). Боковые грани тщательно заглажены. Высота изделия — 18,5 мм, диаметр — 13,5 мм.

Эллипсоидную форму имеет еще одно украшение красного глухого стекла, изготовленное из отрезка тянутой палочки (рис. 37: 35; 48: 35). Формально оно относится к полихромным бусам, так как имеет накладной декор в виде полосы синего прозрачного стекла у одного из оснований канала. Однако можно рассматривать его и как элемент набора бус красного глухого стекла, преобладающих в коллекции. Изделие уплощено в поперечном сечении; его высота составляет 19 мм, диаметр — 7–8 мм.

Крупные бусы ***шаровидной дважды усеченной формы***, выполненные из ***красного глухого стекла*** (10 экз., рис. 37: 2–11; 48: 2–11). Их отличает очень тщательная дополнительная обработка, в том числе обкатка и выравнивание боковых граней (прессование на плоскость, заглаживание — ?), в результате чего получились ровные площадки. Для этих бусин характерен ровный красный цвет, лишь одно изделие выделяется наличием выраженных свилей. Участок одного из изделий был срезан в горячем виде (рис. 37: 10; 48: 10), что могло быть связано с наличием на нем дефектов стекла. Высота бус составляет 6–12 мм, диаметр — 14–17,5 мм.

Бусы ***шаровидной и неправильной формы, мелкие и средних размеров***, изготовленные из ***красного и красно-коричневого глухого стекла*** (рис. 37: 13–30; 48: 13–30). Некоторые изделия имеют легкую деформацию в виде одного или двух уплощенных боков. У всех изделий заглажены грани у оснований канала. Цвет бус — от ярко- до темно-красного и красно-коричневого. Бусы средних размеров (высота — 6–7 мм, диаметр — 7-9 мм) представлены 8 экземплярами (рис. 37: 13–20; 48: 13–20), мелкие (высота — 3–4,5 мм, диаметр — 4–6 мм) — 10 экземплярами (рис. 37: 21–30; 48: 21–30).

Бусина ***оливкового прозрачного стекла, уплощенная в поперечном сечении*** (рис. 37: 31; 48: 31). Форма изделию придана путем двустороннего прессования на плоскость. Высота — 7 мм, ширина граней — 8x3 мм.

Бусы, изготовленные **в технике однократного обертывания**, представлены одним украшением ***«бочонковидной» формы***, сделанным из ***красно-коричневого глухого стекла*** (рис. 37: 12; 48: 12). По форме, размерам и характеру дополнительной обработки данная бусина идентична серии крупных украшений из тянутой палочки (рис. 37: 2–11; 48: 2–11). Ее охарактеризует правильная форма, достигнутая путем обкатки и тщательного выравнивания боковых граней до образования ровных площадок. Высота изделия — 9 мм, диаметр — 12 мм.

В технике навивки изготовлены два украшения зелено-голубого стекла — глухого и прозрачного.

Бусина ***шаровидной формы***, выполненная из з***елено-голубого глухого стекла*** (рис. 37: 32; 48: 32). Грани у оснований канала этой бусины заглажены. Высота — 7 мм, диаметр — 8–8,5 мм.

Бусина ***кольцевидной/неправильной формы***, изготовленная из ***прозрачного неокрашенного стекла «натурального» зелено-голубого оттенка*** (рис. 37: 33; 48: 33). На поверхности этой бусины инструментом по слабо разогретому стеклу нанесен декор в виде тонких, неглубоких рисок. Грани у оснований канала заглажены. Высота изделия — 7 мм, диаметр — 15 мм.

В неопределенной технологии выполнена бусина ***шаровидной дважды усеченной формы желто-коричневого прозрачного стекла*** (рис. 37: 34; 48: 34). Основания канала у этого изделия тщательно заглажены до образования ровных площадок. Высота бусины составляет 7–8 мм, диаметр — 14 мм. По внешнему виду это украшение напоминает янтарное и является, вероятно, имитацией изделий из янтаря.

Золотостеклянные

В состав Велегожского клада входит 19 золотостеклянных бусин — 14 целых и 5 фрагментов. Все они изготовлены из отрезков тянутых трубочек, при этом на фрагментированных изделиях видно, что верхний слой стекла плотно прилегает к нижнему. Среди украшений из клада выделяются изделия трех серий.

Крупная бусина формы, близкой к цилиндрической, с немного закругленными боками (рис. 38: 1; 49: 1). Основания канала тщательно заглажены. Высота — 8 мм, диаметр — 13 мм.

Двухчастные бусы с долями шаровидной формы, 6 изделий (рис. 38: 2, 4–8; 49: 2, 4–8). Основания каналов — без технологических следов или заглажены. Высота — 12–15 мм, диаметр — 7–8 мм.

Одночастные бусы средних размеров, шаровидной формы, 7 изделий (рис. 38: 3, 9–14; 49: 3, 9–14). Шейка-закраина читается у 1 изделия (рис. 38: 3; 49: 3), остальные не имеют технологических следов. Высота — 5–7 мм, диаметр — 6–8 мм.

5 находок представляют собой внутреннюю часть золотостеклянных украшений, выполненную из бесцветного прозрачного стекла (рис. 49: 15–19). Верхний слой стекла у этих изделий не сохранился, однако на поверхности каждого из них читаются следы металлической прокладки, что дает возможность однозначно отнести их к данной группе украшений. Сохранившиеся части не позволяют определить размеры целых изделий.

Хронология и особенности набора бус Велегожского клада

Большинство монохромных бус из стекла характеризуется значительным территориальным распространением и хронологическими рамками, однако для некоторых их типов, выделенных на основе комплекса одновременно и морфологических и технологических признаков, в отдельных регионах устанавливается определенная динамика распространения. Серия бус, происходящих из Велегожского клада, имеет широкий круг аналогий к востоку, юго-востоку и северо-востоку от места его находки. Они массово представлены на памятниках Поочья и Окско-Сурского междуречья. Хронология бус, разработанная на материалах рязано-окских могильников [Румянцева, 2007], позволяет датировать находки из клада на основании массовых, изученных статистически, аналогий с сопредельных территорий.

Для могильников Среднего Поочья и междуречья Оки и Суры в распространении бус **красного глухого стекла**, представленных здесь массовыми типами, установлена следующая закономерность [Румянцева, 2007; 2010]. На раннем этапе для всего обозначенного ареала были характерны очень однотипные наборы стеклянных украшений. Высокая степень стандартизации, прослеживаемая по морфологии и технологии изготовления изделий (включая не только основные применяемые технологические схемы, но и методы дополнительной обработки), позволяет заключить, что бусы к населению данной весьма обширной территории поступали из одного круга мастерских, вероятно работавших на заказ с учетом вкусов потребителей и особенностей их традиционного костюма. Судя по материалам Поочья, хронология которых (включая бусы) детально разработана [Ахмедов, 2007; Белоцерковская, 2007; Румянцева, 2007], эти однотипные комбинации бус были здесь распространены в III — конце IV/начале V в. В начале гуннского времени происходит резкая смена наборов стеклянных украшений, и начиная с V в. разные микрорегионы в рамках обозначенного ареала характеризуют различные их наборы, с преобладанием тех или иных типов. Столь резкие перемены, которые фиксируются на широком географическом пространстве, могут свидетельствовать либо о нарушении контактов населения лесной и лесостепной зон с регионами, где производились данные бусы, либо, скорее, о том, что центры их производства в конце IV в. прекратили существование. По времени данные изменения совпадают с гуннским нашествием, последствия которого и послужили, очевидно, их причиной. Начиная с гуннского времени, различные «племенные группы», проживавшие на данной территории, были ориентированы, видимо, на разных производителей и поставщиков бус.

Следует отметить, что типы бус, аналогичные распространенным на Средней Оке и в Окско-Сурском междуречье (в первую очередь — в эпоху римских влияний, не исключая начало гуннской), известны и в мощинской и дьяковской (в частности, ее москворецкой группы) культурах. Однако последние изучены в основном по поселенческим, а не погребальным памятникам, поэтому находок бус здесь существенно меньше и их наборы сложно сравнивать с данными, полученными при изучении могильников.

Велегожский клад содержит украшения красного глухого стекла, характерные как для раннего этапа рязано-окских могильников и синхронных им памятников Среднего Поволжья (III — конца IV/начала V в.), так и для более позднего времени.

Среди украшений из клада наиболее раннюю дату имеют ***бусы и многочастные пронизи с долями шаровидной и цилиндрической форм, изготовленные из отрезков тянутых трубочек*** (рис. 36: 20–45; 47: 20–45), характеризующиеся следующими признаками. Они выполнены из глухого стекла ярко-красного оттенка и не имеют шеек-закраин у оснований канала; боковые грани у них часто заглажены. В могильниках Средней Оки подобные изделия маркируют период III — конца IV/начала V в. [Румянцева, 2007. С. 218–221, тип KAIa1]. Аналогичные одночастные бусы содержатся также в мощинском кладе [Булычов, 1899; экспозиция ГИМ]. Клад был датирован А. М. Обломским и Е. Л. Гороховским [1986] III — началом IV в.; недавно его дата скорректирована (III в., возможно, исключая конец столетия) [Обломский, Терпиловский, 2007. С. 123].

Рубленый бисер красного глухого стекла (рис. 36: 19; 47: 19), в Среднем Поочье характерен для погребений более позднего периода: конца IV/начала V — конца V/начала VI в. Ранее на обозначенной территории он не был распространен [Румянцева, 2007. С. 214, 219–220, типы KAIc1–2].

Особого внимания заслуживают ***крупные бусы*** красного глухого стекла, ***отличающиеся тщательной дополнительной обработкой*** (рис. 37: 2–11; 48: 2–11). В материалах рязано-окских и древнемордовских могильников украшения крупных размеров, изготовленные из отрезков тянутых палочек, характеризуют ранний горизонт (догуннского и, возможно, начала гуннского времени). Однако их принципиальным отличием от находок из Велегожского клада является отсутствие столь ярко выраженных признаков дополнительной обработки. Изделия из Велегожа произведены, очевидно, в другом круге мастерских и, вполне возможно, в другой период времени. В рязано-окских могильниках встречена лишь одна находка, близкая велегожским по форме и технологии изготовления. Она происходит из погр. 25 могильника Кораблино, принадлежащего наиболее поздней хронологической группе женских погребений, датированной VI — 1-й половиной VII в.; возможно, этот комплекс относится к ранней части данного периода [Белоцерковская, 2007. С. 201, 202. Табл. 2; Белоцерковская, 2014. С. 210; Румянцева, в печати-2]. Однако датировка на основании одной параллели ненадежна.

Эллипсоидная бусина красного глухого стекла ***с накладной лентой синего прозрачного стекла у одного из оснований канала***, аналогичная украшению из Велегожского клада (рис. 37: 35; 48: 35), происходит из могильника Усть-Уза пензенской группы, который датируется III–IV вв. (раскопки В. В. Гришакова). Содержащее данную бусину погр. 5 принадлежало девочке-подростку, возможно намеренно подзахороненной к женщине из погр. 7; последнее датируется концом II — 1-й половиной III в. [Гришаков, 2008]. Как считает В. В. Гришаков, данные захоронения были очень близки по времени совершения, так как погр. 5 просело в засыпку погр. 7 [Гришаков, 2008][3].

Монохромные эллипсоидные бусы более мелких, по сравнению с находками из Велегожа (рис. 37: 1, 35;

[3] Выражаю благодарность Валерию Васильевичу Гришакову за любезно предоставленную мне возможность ознакомиться с коллекцией бус из его раскопок, а также за его комментарии к стратиграфии и хронологии погребений Усть-Узинского могильника, дополняющие содержащуюся в публикации информацию.

48: 1, 35), размеров, изготовленные как из тянутых палочек, так и тянутых трубочек, на сопредельных территориях единичны. Они зафиксированы в Кошибеевском могильнике [Румянцева, 2007. С. 217. Рис. 2: I: 16, 17], материалы которого относятся ко времени не позднее конца IV/начала V в. Эллипсоидные бусы происходят также из двух комплексов могильника Заречье 4 (раскопки И. В. Белоцерковской). В погр. 74 они найдены вместе с металлическими украшениями, получившими распространение в могильниках Среднего Поочья не позднее периода 2б по хронологии женских украшений, разработанной И. В. Белоцерковской, то есть датируются временем не позднее конца IV/начала V в. [Белоцерковская, 2007. С. 200, табл. 2: 11, 42]. В погр. 174 того же памятника эллипсоидная бусина зафиксирована вместе с бусами массовых типов, выполненных из красного глухого стекла, типичных для раннего периода существования рязано-окских могильников (III — конца IV/начала V в.), в сочетании с рубленым бисером, получившим распространение с конца IV/начала V в. [Румянцева, 2007. С. 219, 220]. Украшения эллипсоидной формы красного глухого стекла зафиксированы в погр. 25 Селикса-Трофимовского могильника, расположенного на Верхней Суре, которое отнесено В. В. Гришаковым к хронологической группе III (1-я половина IV в.) [Гришаков, 2008].

Бусы из отрезков тянутых палочек мелких и средних размеров (рис. 37: 13–30; 48: 13–30) на могильниках Среднего Поочья и Окско-Сурского междуречья широко распространены в III — конце V/начале VI в., а в восточной части данного ареала — вероятно, и в более позднее время [Румянцева, 2007. С. 217–222; 2010. С. 281–284].

Прочие монохромные стеклянные украшения, происходящие из клада, имеют широкие датировки. Для уточнения его даты они неинформативны. Находка бусины зелено-голубого прозрачного стекла с прочерченным декором уникальна, аналогии ей мне не известны.

Золотостеклянные бусы так же, как и большинство монохромных, в целом имеют широкую дату, однако в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы для разных их типов характерны различные ритмы распространения, при этом подавляющее большинство находок приходится на первые века н.э. Украшения крупных размеров, аналогичные находкам из Велегожа, как одно-, так и многочастные, известны в материалах Дьякова городища, в слое II (возможно, конца II — III в.) [Кренке, Румянцева, 2008; Кренке, 2011. С. 144]. Они встречаются и на памятниках типа Ново-Клейменово (II — начало/1-я половина III в.), предшествующих раннему горизонту мощинской культуры [Воронцов, 2007; Гавритухин, Воронцов, 2008]. В Кошибеевском могильнике они массово представлены, начиная со времени появления здесь первых захоронений во 2-й половине / конце I — II в. до начала/середины IV в. [Ахмедов, Белоцерковская, 1999. С. 57–58; Ахмедов, 2007. С. 138; Ахмедов, Белоцерковская, 2007. С. 135; Румянцева, 2007. С. 216–218]. В гуннское время находки золотостеклянных бус в лесной и лесостепной зонах единичны. Мне известны лишь два погребения этой эпохи, содержащие бусы с металлической прокладкой. Это погр. 16 могильника Кораблино (Средняя Ока) гуннского времени [Ахмедов, Казанский, 2004. С. 178; Румянцева, 2005; 2007. С. 219] и «княжеское» захоронение на поселении Мухино 2 на Верхнем Дону, время совершения которого синхронизируется с концом фазы D2 — началом фазы D2/D3 по центральноевропейской хронологии, то есть, приходится примерно на 430–450 гг. [Мастыкова, Земцов, 2014. С. 209, 212. Цв. илл. XVII: 9]. Две находки бус с металлической прокладкой происходят также с поселения Мухино 2 гуннского времени [Земцов, 2012. Рис. на с. 180]. Однако типологически близкие изделия хорошо известны в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе в конце IV — 2-й трети VI в. Они встречены в склепах Боспорского некрополя, могильниках Клин-Яр 3, Брут 2, Пашковский №1 [Засецкая, 1993. С. 56. Табл. 25, 100; Мастыкова, 2009. С. 441, 442; Габуев, Малашев, 2009. С. 141]. По хронологии им близки и находки из сербского Подунавья, где они датируются концом IV — 1-й половиной VI в. [Ivanišević et al., 2006. P. 96, 97, 101–104]. По технологии изготовления украшения горизонта догуннского времени и эпохи Великого переселения народов очень близки: и те, и другие характеризует, в частности, изготовление основы из тянутой трубочки и плотное прилегание друг к другу внутреннего и внешнего слоев стекла и золотой прокладки. Таким образом, принадлежность находок золотостеклянных бус из Велегожа к горизонту эпохи Великого переселения народов не исключена.

Для определения времени формирования и сокрытия Велегожского клада наиболее информативно **сочетание** разновременных бус красного глухого стекла и золотостеклянных **с полихромными крапчатыми**. Время распространения последних синхронизируется с концом фазы D2 (380/400–440/450 гг.) и фазой D2/D3 (430/440–440/450 гг.) по центральноевропейской хронологии [Ivanišević et al., 2006. P. 73–76]. А. В. Мастыкова[4] предположила, что крапчатые бусы из Велегожа могут относиться к более раннему времени. По моему мнению, их цветовая гамма — сочетание основы темно-синего стекла с декором белого и красного — все же ближе «классическим» крапчатым бусам эпохи Великого переселения народов, а не более ранним позднеантичным украшениям.

Хронология перечисленных типов позволяет говорить **о двух версиях формирования набора** бус из Велегожского клада. Согласно первой, оно происходило на протяжении относительно продолжительного периода времени, охватывающего, по меньшей мере, конец IV/начало V — 2-ю треть V в. В этом случае, возможно, что начало его формирования приходится и на более раннее время (III–IV вв.), а момент сокрытия — на более позднее. Если находки золотостеклянных украшений относятся к эпохе римских влияний, то накопление вещей, составляющих клад, возможно, началось не позднее середины IV в. Согласно второй версии, клад сочетает в себе наиболее ранние из известных крапчатых бусы и «запаздывающие» находки «позднеантичных» типов бус красного стекла, а золотостеклянные бусы относятся уже к гуннскому времени; в этом случае наиболее вероятным временем его сокрытия является 2-я четверть V в. Случаев запаздывания бус из красного стекла на Средней Оке не фиксируется, что говорит скорее в пользу долговременного накопления вещевого комплекса клада. Однако механизмы формирования погребального убора и кладов могут различаться; кроме того, ритмы распространения бус в ареале мощинской культуры остаются неизученными.

Наличие в кладе **янтарных бус** — грибовидных и дисковидных — не противоречит предложенным версиям его формирования. По морфологическим особенностям А. В. Мастыкова датирует янтарные украшения из Веле-

[4] Здесь и далее, если не проставлены ссылки, информация происходит из статьи А.В. Мастыковой в данном сборнике. Благодарю Анну Владимировну за возможность ознакомится с этой рукописью до публикации.

гожа фазами С2 (250/260–300/320 гг.) и, возможно, С3 (300/320–350/370 гг.) по центральноевропейской хронологии. Это означает, что они синхронны наиболее ранним типам бус из красного глухого стекла, происходящим из клада. Однако по данным, приведенным самой А. В. Мастыковой, в целом янтарные украшения данных типов могут доживать по меньшей мере до 1-й половины V в.

Бусы с декоративным поясом в технике миллефиори, одна из которых также представлена в кладе, в большей степени типичны для римского времени, однако в отдельных регионах они встречаются и позднее. В частности, время наиболее поздних захоронений, содержащих бусы с накладными лентами-миллефиори, на могильниках Окско-Сурского междуречья широко определяется концом IV — 1-й половиной V в. [Румянцева, 2007; в печати-2; там же см. ссылки на литературу]. Бусина из Велегожского клада отличается от известных мне находок, происходящих из лесной зоны Восточной Европы, более мелкими размерами и особенностями технологии изготовления: основа данного украшения сделана из серо-зеленого стекла и лишь его поверхностный слой представляет собой красное глухое стекло. Основа же остальных изученных мною бус из Среднего Поочья и Среднего Поволжья полностью выполнена из красного стекла. По технологии изготовления велегожская находка наиболее близка украшению, происходящему из погр. 47 Андреевского кургана, также имеющему основу серо-зеленого и верхний слой красного стекла[5]. Горизонт впускных погребений данного археологического памятника датируется 4-й четвертью I — началом (м.б., 1-й четвертью) II в. [Гришаков, Зубов, 2009. С. 41–53]. По данным А. В. Мастыковой, большинство бус с типом декора, зафиксированном на рассматриваемом велегожском украшении, действительно отличает дата более ранняя, чем для прочих украшений из клада. Не исключено, что данная находка является в комплексе клада наиболее архаичной. Данных о технологии изготовления бус, однако, недостаточно для подтверждения полученного ею вывода, так как выборка украшений, изученных лично (а не по публикациям), слишком мала. Вместе с тем дата украшения из Андреевского кургана не противоречит выводу А. В. Мастыковой.

Кроме Велегожского клада на территории Центральной России известен еще один комплекс, сочетающий крапчатые, золотостеклянные и янтарные дисковидные бусы. Это «княжеское» погребение Мухино 2, обнаруженное в Верхнем Подонье. Его дата определена примерно — 430–450-е гг. [Мастыкова, Земцов, 2014. С. 212]. Весьма вероятно, что время сокрытия Велегожского клада сопоставимо с датой погребения из Мухино.

Особенности комплекса бус из Велегожского клада

Комплекс бус из клада характеризуют две особенности: преобладание украшений из красного стекла и большое количество янтарных изделий.

Количество бус **из янтаря**, входящих в состав Велегожского клада, экстраординарно для культур лесной и лесостепной зоны России. Янтарные украшения в целом не типичны для данного региона эпохи римских влияний и Великого переселения народов. В изученной мной коллекции бус Среднего Поочья, насчитывающей более 29,5 тысяч экземпляров, украшения из янтаря представлены всего 2 изделиями; столь же немногочисленны они и к востоку, на территории Окско-Сурского междуречья. В Верхнем Подонье серия янтарных бус происходит из «княжеского» погребения Мухино 2 [Мастыкова, Земцов, 2014], и лишь одна находка была обнаружена на одноименном поселении с напластованиями гуннского времени [Земцов, 2012. Рис. на с. 180][6]. Находки янтарных грибовидных бус на территории Центральной России мне неизвестны.

В данном контексте особенно интересно, что наряду с янтарными бусами в кладе присутствует одно стеклянное украшение (рис. 48: 34), цветом и формой напоминающее янтарные и являющееся, вероятно, подражанием им[7]. Возможность копировать в стекле украшения из природных материалов использовалась стеклоделами со времени его изобретения [Deroy, 1981. P. 83; Stern, 1997. P. 192, 206]. Единичные свидетельства данной практики известны и в римское время. Среди ярких примеров этому — 14-гранные бусы, происходящие из мастерской по производству стеклянных украшений римского времени в Тибискуме (римская Дакия, современная Румыния), а также из варварских некрополей Сербского Подунавья позднеантичного времени: идентичные по форме и близкие по цвету изделия выполнены и из темно-вишневого сердолика, и из стекла. При этом последние, вероятно для придания большего сходства с сердоликовыми, изготавливали нередко из двух- и трехслойного стекла [Benea, 2004. S. 66–67], делая ядро бусины желтого и красного глухого, а верхний слой — из фиолетового прозрачного. Изделие из Велегожского клада имитирует, очевидно, редкое для лесной зоны янтарное украшение[8]. Не исключено, что варвары, населявшие изучаемый регион, могли быть недостаточно хорошо знакомы с внешним видом янтаря, а потому намеренно вводились в заблуждение поставщиками бус, продававших им более дешевые стеклянные имитации. Правда, судя данным археологии, которыми мы располагаем, подобная практика вряд ли была систематической, так как бусы-имитации янтаря не получили широкого распространения на территории Центральной России: близкие аналогии изделию из Велегожа на территории лесной зоны России мне неизвестны.

Примечательно, что наряду с редкими находками янтарных и полихромных украшений, вероятно имевших для их владельцев определенную ценность, в кладе присутствуют и ординарные монохромные стеклянные бусы, в том числе красного глухого стекла, которые в могильниках окских и средневолжских финнов представлены тысячами экземпляров.

Изделия красного стекла составляют более половины комплекса клада — 75 из 132 изделий (56,8%); кроме того, основу красного стекла имеют 2 из 5 полихромных украшений. Велика в кладе и доля золотостеклянных бус (14,4%). Преобладание бус красного цвета в сочетании с золотостеклянными характеризует традиционный женский убор жителей Среднего Поочья и бассейна Правобережья Средней Волги в эпоху римских влияний и Ве-

[5] Фонды ГИМ, № 102380/А-211.

[6] Благодарю автора раскопок, Григория Леонидовича Земцова за любезно предоставленную мне возможность ознакомиться с бусами поселения Мухино 2.

[7] По цвету данная бусина отличается от янтарных украшений из Велегожского клада, однако в целом ее цвет типичен для янтарных изделий.

[8] Данное наблюдение, сделанное Д. Бенеа на материалах мастерской в Тибискуме, было подтверждено при личном изучении коллекций бус из некрополей Северной Сербии. Материалы в настоящее время готовятся к публикации.

ликого переселения нарродов [Румянцева, 2010]. Данных о костюме населения бассейна Верхней Оки существенно меньше, тем не менее можно говорить о том, что на территории москворецкой группы дьяковской культуры среди стеклянных украшений бусы из красного стекла и с золотой металлической прокладкой занимают одно из ведущих мест [Розенфельдт, 1982; Кренке, Румянцева, 2008, там же см. ссылки на литературу]. Комплекс бус мощинской культуры — носителям которой принадлежало поселение, в слое которого был обнаружен Велегожский клад, — изучен недостаточно, поэтому выделить ведущие их типы, а также сопоставить находки с поселенческих памятников с набором бус из клада невозможно. Кроме памятников обозначенного ареала (в первую очередь — погребальных), преобладание бус красного стекла в сочетании с золотостеклянными фиксируется также в кладах круга восточноевропейских выемчатых эмалей — в частности, Брянском и Мощинском [Ахмедов, Обломский, Радюш, 2015; Булычов, 1899]; последний, как известно, был обнаружен на эпонимном поселении мощинской культуры. Весьма вероятно, что «красно-золотая» гамма украшений из бус входит в обиход населения лесной и лесостепной зон Центральной России благодаря «западному» импульсу, в результате которого в лесную зону попадают и украшения в стиле восточноевропейских выемчатых эмалей [Румянцева, в печати-1].

Приложение

КАТАЛОГ СТЕКЛЯННЫХ БУС

Условные обозначения в каталоге: D — максимальный диаметр бусины; H — высота бусины (измеряется вдоль канала); d1, d2 — диаметры оснований канала; н/о — не определяется.

Монохромные

№ 1–19. Бисер, 19 экз. (рис. 36: 1–19; 47: 1–19).
Сохранность предмета: полная
Форма предмета: цилиндрическая
Размеры: H — 2–5 мм; D — 3–6 мм; d — до 1 мм
Канал: цилиндрический
Техника изготовления предмета: тянутая трубочка; деление на части отшибанием; края оплавлены (обработка в тепловом барабане — ?).
Цвет предмета: красный
Прозрачность предмета: непрозрачный

№ 20–21. Пронизи трехчастные, 2 экз. (рис. 36: 20–21; 47: 20–21).
Сохранность предмета: полная
Форма предмета: форма долей шаровидная или цилиндрическая
Размеры: H — 11–13 мм; D — 5 мм; d — 1 мм
Канал: н/о
Техника изготовления предмета: тянутая трубочка. Глубинные перемычки сформованы при помощи формочек или щипцов; основания канала без технологических следов (заглажены).
Цвет предмета: красный
Прозрачность предмета: непрозрачный

№ 22–25. Пронизи двухчастные, 4 экз. (рис. 36: 22–25; 47: 22–25).
Сохранность предмета: полная
Форма предмета: форма долей шаровидная или цилиндрическая
Размеры: H — 7–8 мм; D — 4,5–5,5 мм; d — 1 мм
Канал: н/о
Техника изготовления предмета: тянутая трубочка. Глубинные перемычки сформованы при помощи формочек или щипцов; основания канала без технологических следов (заглажены)
Цвет предмета: красный
Прозрачность предмета: непрозрачный

№ 26. Пронизи многочастной фрагмент, 1 экз. (рис. 36: 26; 47: 26).
Сохранность предмета: фрагмент
Форма предмета: форма сохранившейся доли цилиндрическая
Размеры: H — 4 мм (сохранившаяся часть); D — 5,5 мм; d — 1 мм
Канал: н/о
Техника изготовления предмета: тянутая трубочка
Дополнительная обработка: основание канала без технологических следов (заглажено)
Цвет предмета: красный
Прозрачность предмета: непрозрачный

№ 27–45. Бусы, 19 экз. (рис. 36: 27–45; 47: 27–45).
Сохранность предмета: полная
Форма предмета: шаровидная усеченная дважды; цилиндрическая
Размеры: H — 3–6 мм; D — 4–7 мм; d — 1,5–3,5 мм
Канал: н/о
Техника изготовления предмета: тянутая трубочка. Основания каналов без технологических следов (заглажены).
Цвет предмета: красный
Прозрачность предмета: непрозрачный

№46. Бусина, 1 экз. (рис. 36: 46; 47: 46).
Сохранность предмета: полная
Форма предмета: шаровидная усеченная дважды
Размеры: H — 8 мм; D — 12 мм; d — 3 мм
Канал: цилиндрический
Техника изготовления предмета: тянутая трубочка. Основания канала без технологических следов
Цвет предмета: ярко-зеленый
Прозрачность предмета: непрозрачный

№47. Бусина, 1 экз. (рис. 36: 47; 47: 47).
Сохранность предмета: полная
Форма предмета: шаровидная усеченная дважды (с легкой деформацией в продольном сечении)
Размеры: H — 9,5 мм; D — 10x11 мм; d — 3 мм
Канал: цилиндрический
Техника изготовления предмета: тянутая трубочка. Основания канала без технологических следов
Цвет предмета: ярко-зеленый
Прозрачность предмета: непрозрачный

№48. Пронизь двухчастная, 1 экз. (рис. 36: 48; 47: 48).
Сохранность предмета: полная (?)
Форма предмета: форма долей шаровидная усеченная дважды
Размеры: H — 10 мм; D — 6 мм; d — 1,5 мм
Канал: н/о
Техника изготовления предмета: тянутая трубочка. У одного основания канала — «шейка»-закраина от щипцов; второе основание канала без технологических следов (заглажено — ?)
Цвет предмета: оливковый
Прозрачность предмета: прозрачный

№49–57. Бусы, 9 экз. (Рис. 36: 49–51; 47: 49–50).
Сохранность предмета: полная (?). Возможно, представляют собой фрагменты многочастных пронизей или внутренний слой стекла золотостеклянных украшений
Форма предмета: шаровидная усеченная дважды; цилиндрическая
Размеры: H — 5–6 мм; D — 4,5–6 мм; d — 1–1,5 мм
Канал: н/о
Техника изготовления предмета: тянутая трубочка. У оснований каналов — «шейки»-закраины от щипцов
Цвет предмета: оливковый
Прозрачность предмета: прозрачный

№58–59. Бусы, 2 экз.
Сохранность предмета: фрагменты
Форма предмета: н/о
Размеры: н/о
Канал: н/о
Техника изготовления предмета: тянутая трубочка (?)
Дополнительная обработка: —
Цвет предмета: оливковый
Прозрачность предмета: прозрачный

№60. Бусина, 1 экз. (рис. 47: 51).
Сохранность предмета: полная (?). Возможно, представляет собой фрагмент многочастной пронизи или внутренний слой стекла золотостеклянных украшений
Форма предмета: цилиндрическая
Размеры: H — 6–7 мм; D — 6 мм; d — 1,5 мм
Канал: н/о
Техника изготовления предмета: тянутая трубочка. У оснований каналов — «шейки»-закраины от щипцов
Цвет предмета: зелено-голубой
Прозрачность предмета: прозрачный

№61. Бусина, 1 экз. (рис. 37: 1; 48: 1).
Сохранность предмета: полная
Форма предмета: эллипсоидная усеченная дважды
Размеры: H — 18,5 мм; D — 13,5 мм; d — 4 мм
Канал: цилиндрический
Цвет предмета: красный
Техника изготовления предмета: тянутая палочка
Прозрачность предмета: непрозрачный

№62. Бусина, 1 экз. (рис. 37: 2; 48: 2).
Сохранность предмета: полная

Форма предмета: шаровидная усеченная дважды; слегка деформирована в поперечном сечении
Размеры: H — 8–10 мм; D — 15 мм; d — 5 мм
Канал: цилиндрический
Техника изготовления предмета: тянутая палочка; основания канала заглажены до образования ровных площадок
Цвет предмета: красный
Прозрачность предмета: непрозрачный

№63. Бусина, 1 экз. (рис. 37: 3; 48: 3).
Сохранность предмета: полная
Форма предмета: шаровидная усеченная дважды
Размеры: H — 5–7,5 мм; D — 14,5 мм; d — 6 мм
Канал: цилиндрический; у одного основания канала 2 насечки
Техника изготовления предмета: тянутая палочка; основания канала заглажены до образования ровных площадок
Цвет предмета: красный
Прозрачность предмета: непрозрачный

№64. Бусина, 1 экз. (рис. 37: 4; 48: 4).
Сохранность предмета: полная
Форма предмета: шаровидная усеченная дважды
Размеры: H — 4,5–9 мм; D — 15 мм; d — 5,5 мм
Канал: цилиндрический
Техника изготовления предмета: тянутая палочка; основания канала заглажены до образования ровных площадок
Цвет предмета: красный
Прозрачность предмета: непрозрачный

№65. Бусина, 1 экз. (Рис. 37: 5; 48: 5).
Сохранность предмета: полная
Форма предмета: шаровидная усеченная дважды
Размеры: H — 7–11 мм; D — 15 мм; d1 — 4,5 мм; d2 — 5,5 мм
Канал: слабовыраженный конический; у одного основания канала насечка
Техника изготовления предмета: тянутая палочка; основания канала заглажены до образования ровных площадок
Цвет предмета: красный
Прозрачность предмета: непрозрачный

№66. Бусина, 1 экз. (рис. 37: 6; 48: 6).
Сохранность предмета: полная
Форма предмета: шаровидная усеченная дважды
Размеры: H — 12 мм; D — 17,5 мм; d1 — 5,5 мм; d2 — 5 мм
Канал: слабовыраженный конический
Техника изготовления предмета: тянутая палочка; основания канала заглажены до образования ровных площадок
Цвет предмета: красный
Прозрачность предмета: непрозрачный

№67. Бусина, 1 экз. (рис. 37: 7; 48: 7).
Сохранность предмета: полная
Форма предмета: шаровидная усеченная дважды
Размеры: H — 5,5–9 мм; D — 15 мм; d — 5,5 мм
Канал: цилиндрический
Техника изготовления предмета: тянутая палочка; основания канала заглажены до образования ровных площадок
Цвет предмета: красный
Прозрачность предмета: непрозрачный

№68. Бусина, 1 экз. (Рис. 37: 8; 48: 8).
Сохранность предмета: полная
Форма предмета: шаровидная усеченная дважды
Размеры: H — 5,5–9 мм; D — 14 мм; d — 6 мм
Канал: цилиндрический
Техника изготовления предмета: тянутая палочка; основания канала заглажены до образования ровных площадок
Цвет предмета: красный
Прозрачность предмета: непрозрачный

№69. Бусина, 1 экз. (рис. 37: 9; 48: 9).
Сохранность предмета: полная
Форма предмета: шаровидная усеченная дважды

Размеры: H — 10,5 мм; D — 17 мм; d — 5 мм
Канал: цилиндрический
Техника изготовления предмета: тянутая палочка; основания канала заглажены до образования ровных площадок
Цвет предмета: красный
Прозрачность предмета: непрозрачный

№70. Бусина, 1 экз. (рис. 37: 10; 48: 10).
Сохранность предмета: полная
Форма предмета: шаровидная усеченная дважды
Размеры: H — до 9 мм; D — 15,5 мм; d1 — 5 мм: d2 — 6 мм.
Канал: слабовыраженный конический
Техника изготовления предмета: тянутая палочка; основания канала заглажены до образования ровных площадок; с одной стороны участок бусины срезан
Цвет предмета: красный
Прозрачность предмета: непрозрачный

№71. Бусина, 1 экз. (рис. 37: 11; 48: 11).
Сохранность предмета: полная
Форма предмета: шаровидная усеченная дважды
Размеры: H — 9 мм; D — 15 мм; d — 5 мм
Канал: цилиндрический
Техника изготовления предмета: тянутая палочка или навивка; основания канала заглажены до образования ровных площадок
Цвет предмета: красный
Прозрачность предмета: непрозрачный

№72–79. Бусы средних размеров, 8 экз. (рис. 37: 13–20; 48: 13–20).
Сохранность предмета: полная
Форма предмета: шаровидная усеченная дважды; некоторые экземпляры имеют уплощенные бока
Размеры: H — 6–7 мм; D — 7–9 мм; d — 2,5–3,5 мм
Канал: цилиндрический; слабовыраженный конический
Техника изготовления предмета: тянутая палочка; основания канала заглажены
Цвет предмета: красный
Прозрачность предмета: непрозрачный

№80–89. Бусы мелкие, 10 экз. (рис. 37: 21–30; 48: 21–30).
Сохранность предмета: полная
Форма предмета: шаровидная усеченная дважды; некоторые экземпляры имеют уплощенные бока
Размеры: H — 3–4,5 мм; D — 4–6 мм; d — 2,5–3,5 мм
Канал: цилиндрический; слабовыраженный конический
Техника изготовления предмета: тянутая палочка; основания канала заглажены
Цвет предмета: красный
Прозрачность предмета: непрозрачный

№90. Бусина, 1 экз. (рис. 37: 31; 48: 31).
Сохранность предмета: полная
Форма предмета: в поперечном сечении — подпрямоугольная, в продольном — прямоугольник со скругленными боковыми гранями
Размеры: H — 7 мм; L1 — 8 мм; L2 — 3 мм; d — 1,5 мм
Канал: цилиндрический
Техника изготовления предмета: тянутая палочка; двустороннее прессование на плоскость
Цвет предмета: оливковый
Прозрачность предмета: прозрачный

№91. Бусина, 1 экз. (рис. 37: 12; 48: 12).
Сохранность предмета: полная
Форма предмета: шаровидная усеченная дважды
Размеры: H — 9 мм; D — 14 мм; d — 4 мм
Канал: цилиндрический
Техника изготовления предмета: однократное обертывание; основания канала заглажены до образования ровных площадок
Цвет предмета: красно-коричневый
Прозрачность предмета: непрозрачный

№92. Бусина, 1 экз. (рис. 37: 32; 48: 32).
Сохранность предмета: полная
Форма предмета: в поперечном сечении — округлая, в продольном — неправильная
Размеры: H — 7 мм; D — 8–8,5 мм; d — 3 мм
Канал: цилиндрический
Техника изготовления предмета: навивка; основания каналов заглажены

Цвет предмета: зелено-голубой
Прозрачность предмета: непрозрачный

№93. Бусина, 1 экз. (рис. 37: 33; 48: 33).
Сохранность предмета: полная
Форма предмета: в поперечном сечении — округлая, в продольном — кольцевидная / неправильная
Размеры: H — 7 мм; D — 15 мм; d — 4,5 мм
Канал: цилиндрический
Техника изготовления предмета: навивка. По разогретому стеклу инструментом нанесен декор в виде тонких насечек; заглажены основания каналов
Цвет предмета: зелено-голубой
Прозрачность предмета: прозрачный

№94. Бусина, 1 экз. (рис. 37: 34; 48: 34).
Сохранность предмета: полная
Форма предмета: шаровидная усеченная дважды
Размеры: H — 7–8 мм; D — 14 мм; d — 3 мм
Канал: цилиндрический
Техника изготовления предмета: н/о; основания канала заглажены до образования ровных площадок
Цвет предмета: желто-коричневый
Прозрачность предмета: прозрачный

Золотостеклянные

№95. Бусина, 1 экз. (рис. 38: 1; 49: 1).
Сохранность предмета: частично утрачен внешний слой стекла
Форма предмета: близка цилиндрической; с немного закругленными боками
Размеры: H — 8 мм; D — 13 мм; d — 3 мм
Канал: цилиндрический
Техника изготовления предмета: тянутая трубочка?; наложение металлической прокладки; наложение защитного слоя стекла. Внутренний и внешний слой стекла плотно прилегают друг к другу. Основания канала заглажены до образования ровных площадок
Цвет предмета: стекло — бесцветное; металлическая прокладка — «золотой»
Прозрачность предмета: прозрачный

№96. Бусина двухчастная, 1 экз. (Рис. 38: 2; 49: 2).
Сохранность предмета: полная
Форма предмета: форма долей шаровидная усеченная дважды
Размеры: H — 16 мм; D — 8 мм; d — 1,5 мм
Канал: цилиндрический
Техника изготовления предмета: тянутая трубочка; наложение металлической прокладки; наложение защитного слоя стекла. Формование перемычки между долями бусины; основания канала заглажены
Цвет предмета: стекло — бесцветное; металлическая прокладка — «золотой»
Прозрачность предмета: прозрачный
Примечание: к бусине «прикипел» корпус ведерковидной подвески медного сплава

№97–101. Бусы двухчастные, 5 экз. (рис. 38: 4–8; 49: 4–8).
Сохранность предмета: полная
Форма предмета: форма долей шаровидная усеченная дважды
Размеры: H — 12–15 мм; D — 7–8 мм; d — 1–1,5 мм
Канал: цилиндрический
Техника изготовления предмета: тянутая трубочка; наложение металлической прокладки; наложение защитного слоя стекла. Формование перемычки между долями бусины; основания каналов заглажены или не имеют технологических следов
Цвет предмета: стекло — бесцветное; металлическая прокладка — «золотой»
Прозрачность предмета: прозрачный

№102. Бусина, 1 экз. (рис. 38: 3; 49: 3).
Сохранность предмета: с частично утраченным верхним слое стекла
Форма предмета: шаровидная усеченная дважды
Размеры: H — 4,5 мм; D — 6 мм; d — 1,5 мм
Канал: н/о
Техника изготовления предмета: тянутая трубочка; наложение металлической прокладки; наложение защитного слоя стекла. Деление трубочки на части при помощи щипцов (?) (шейка-закраина у одного основания канала)
Цвет предмета: стекло — бесцветное; металлическая прокладка — «золотой»
Прозрачность предмета: прозрачный

№103–108. Бусы, 6 экз. (рис. 38: 9–14; 49: 9–14).
Форма предмета: шаровидная усеченная дважды
Размеры: H — 6,5–7 мм; D — 7,5–8,5 мм; d — 1– 1,5 мм
Канал: н/о

Сохранность предмета: 4 экз. — полная; 2 экз. — с частично утраченным верхним слоем стекла

Техника изготовления предмета: тянутая трубочка; наложение металлической прокладки; наложение защитного слоя стекла. Основания канала без технологических следов

Цвет предмета: стекло — бесцветное; металлическая прокладка — «золотой»

Прозрачность предмета: прозрачный

№109–113. Бус фрагменты, 5 экз. (рис. 49: 15–19).

Сохранность предмета: сохранился внутренний слой стекла со следами металлической прокладки; внешний слой стекла утрачен

Форма предмета: шаровидная усеченная дважды

Размеры: H — 5,5–6,5 мм; D — 5–6 мм; d — 1–1,5 мм

Канал: н/о

Техника изготовления предмета: тянутая трубочка; наложение металлической прокладки; наложение защитного слоя стекла. Деление трубочки на части при помощи щипцов (?) (шейки-закраины у оснований каналов)

Цвет предмета: стекло — бесцветное; металлическая прокладка — «золотой»

Прозрачность предмета: прозрачный

С накладным декором

№114. Бусина, 1 экз. (рис. 37: 35; 48: 35).

Сохранность предмета: полная

Форма предмета: эллипсоидная, уплощенная в поперечном сечении

Размеры: H — 19 мм; D — 7–8 мм; d — 2 мм

Канал: н/о

Техника изготовления предмета: тянутая палочка; обкатка на плоскости; прессование на плоскость (?); наложение декоративной полосы стекла. Одно основание канала заглажено.

Цвет предмета: основа — красный; накладной декор — синий

Прозрачность предмета: основа: непрозрачный; декор: прозрачный

Литература

Ахмедов И. Р. Рязано-окские могильники. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. / Отв. ред. И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 9. М.: ИА РАН, 2007. С. 137–185.

Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В. Хронология Кошибеевского могильника // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Сборник тезисов докладов конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Алексея Петровича Смирнова / Отв. ред. И.В Белоцерковская. М.: Изд-во ГИМ, 1999. С. 56–58.

Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В. Рязано-окские могильники. Вводные замечания // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / Отв. ред. И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 9. М.: ИА РАН, 2007. С. 133–136.

Ахмедов И.Р., Казанский М.М. После Атиллы: киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье / Ред. В. М. Горюнова, О. А. Щеглова. СПб: «Петербургское Востоковедение», 2004. С. 168–202.

Ахмедов И. Р., Обломский А. М., Радюш О. А. Брянский клад вещей с выемчатыми эмалями (предварительная публикация) // РА. 2015. №2. С. 146–166.

Белоцерковская И. В. Рязано-окские могильники. Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 9. М.: ИА РАН, 2007. С. 186–213.

Белоцерковская И. В. Женский костюм окских финнов V–VII вв. Традиции и новации // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Ред. А. М. Обломский. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 15. М.: ИА РАН, 2014. С. 178–229.

Булычов Н. И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899.

Воронцов А. М. Памятники типа Ново-Клейменово в первой четверти I тыс. н. э. на территории Волго-Донского водораздела // РА. 2007. №3. С. 57–68.

Габуев Т. А., Малашев В. Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. Сер. МИА. Вып. 11. М.: ИА РАН: Таус, 2009. 468 с.

Гавритухин И. О., Воронцов А. М. Фибулы верхнеокско-донского водораздела: двучленные прогнутые подвязные и со сплошным приемником // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1 / Под ред. А. Н. Наумова. Тула: Куликово поле, 2008. С. 28–89.

Гришаков В. В. Хронология мордовских древностей III–IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья // Пензенский археологический сборник. Вып. 2. Пенза: ПИРО, 2008. С. 82–137.

Гришаков В. В., Зубов С. Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 173 с.

Засецкая И. П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV — первой половины V в. н. э. // МАИЭТ. Вып. III. Симферополь: Таврия, 1993. С. 23–104.

Земцов Г. Л. Липецкий край в III–V вв. Тула: Гриф и К, 2012. 200 с.

Кренке Н. А., Румянцева О. С. Бусы Дьякова городища // Российская археология. 2008. № 2. С. 95–106.

Кренке Н. А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.

Львова З. А. Технология изготовления северокавказских бус второй половины I тыс. н. э. // Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М.; Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2000. С. 257–271.

Мастыкова А. В. Бусы // Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 3. М., 1996. С. 42–46.

Мастыкова А. В. Раннесредневековые бусы могильника Брут 2 // Габуев Т. А., Малашев В. Ю., 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. Сер. МИА. Вып. 11. М.: ИА РАН: Таус, 2009. С. 438–452.

Мастыкова А. В., Земцов Г. Л. «Княжеское» женское погребение на поселении Мухино 2 гуннского времени на Верхнем Дону // КСИА. Вып. 234. 2014. С. 200–222.

Обломский А. М., Гороховский Е. Л. О дате Мощинского и Межигорского кладов // Проблемы древнейшей истории Верхнего Поочья. Тезисы докладов 1-й Калужской историко-археологической конференции. Калуга, 1986. С. 15–17.

Обломский А. М., Терпиловский Р. В. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корзухиной, И.К. Фролова и Е.Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III — начало V в. н. э.) / Отв. ред. А. М. Обломский Сер. Раннеславянский мир. Вып. 10. М.: ИА РАН, 2007. С. 113–141.

Розенфельдт И. Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.: Наука, 1982. 179 с.

Румянцева О. С. Хронология и периодизация стеклянных бус могильника Кораблино // II Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003 г. / Отв. ред. И. В. Белоцерковская. Сер. Труды ГИМ. Вып. 145. М.: Изд-во ГИМ, 2005. С. 268–282.

Румянцева О. С. Рязано-окские могильники. Бусы массовых типов // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / Отв. ред. И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 9. М.: ИА РАН, 2007. С. 214–246.

Румянцева О. С. Некоторые особенности распространения бус в Поочье и Окско-Сурском междуречье в эпоху великого переселения народов // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э.: Проблемы и материалы / Отв. ред. И. В. Исланова, В. Е. Родинкова. Сер.Раннеславянский мир. Вып. 13. М.: ИА РАН., 2010. С. 277–300.

Румянцева О. С., в печати-1. Наборы бус финнов Среднего Поочья как элемент костюма: вопросы происхождения // Germania—Sarmatia. Вып. 3.

Румянцева О. С., в печати-2. Находки полихромных бус на территории Среднего Поочья: хронология, распространение, социокультурный контекст // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Часть 2.

Benea D. Die Römischen Perlenwerkstätten aus Tibiscum. Timişoara: Editura Excelsior Art, 2004. 287 s.

Deroy L. Linguistique et histoire du verre antique // Annales du 8e Congres International d'Etude Historique du Verre. Londres—Liverpool, 18–25 septembre 1979. Liege: Edition du Centre de Publications de l'AIHV, 1981. P. 83–87.

Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations. Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance, 2006. 352 p.

Kanungo A. K. Glass beads in ancient India: An Ethnoarchaeological Approach. BAR International Series 1242. Oxford. 2004.

Stern E. M. Glass and rock Crystal: a multifaceted relation // Journal of Roman Archaeology. Vol. 10. 1997. P. 192–206.

И. О. Гавритухин

ФИБУЛЫ, ПРЯЖКИ, РЕМЕННЫЕ НАКОНЕЧНИКИ, СВЯЗАННЫЕ С ГОРИЗОНТОМ МОЩИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРОДИЩА ВЕЛЕГОЖ

Указанная в названии данной статьи группа находок, наряду с бусами (о них см. статьи А. В. Мастыковой и О. А. Румянцевой в данном сборнике), — важнейшая для датировки слоев мощинской культуры на городище Велегож (о нем см. статью А. М. Воронцова и Е. В. Столярова в данном сборнике). Важна она и для изучения контактов и истории в целом носителей этой культуры, хотя нередко изделиям из металлов с этих точек зрения внимания уделяется меньше.

На городище Велегож найдены 4 фибулы (включая фрагменты), 2 пряжки и 2 обоймы (от одной — лишь верхняя пластина) от пряжек, 3 ременных наконечника (применимость данного термина к одному из них обосновывается в тексте). К сожалению, все они происходят из сборов на поверхности памятника. С мощинской культурой они соотносятся исходя из хронологических рамок бытования их аналогий. Две фибулы (тип окские в кнопкой) рассмотрены Алексеем Михайловичем Воронцовым в вышеуказанном тексте, посвященном публикации памятника, и лишь упоминаются в заключительной части. Характеристики материала, из которого изготовлены изучаемые здесь вещи, даны условно, по внешнему виду; анализы не производились, но планируются.

1. Фрагмент фибулы (рис. 1: 1; 5: 1 к статье А. М. Воронцова и Е. В. Столярова), от которой сохранились: полуциркульно выгнутая дужка треугольного сечения, с покатыми внешними боками; идущая от нее и расширяющаяся к своему концу пластина, покрывающая приемник (ножка), имеющая в сечении вид низкого треугольника; идущий от середины ножки сплошной приемник, более короткий, чем ножка, с пространством для вхождения иглы, более коротким, чем приемник (такой называют «закрытый», «колбовидный», «в виде пенала» и т.п.). Размеры: 29×14 мм, ножки — 13×14 мм, сечения дужки — 4×3 мм. Материал — цветной металл.

Схожие характеристики можно найти у фибул нескольких групп.

Среди двупластинчатых фибул (группа 21, подгруппа I, вариант IАБ по: Амброз, 1966; наиболее полный, хоть ныне и требующий существенного дополнения, каталог и обзор литературы см.: Gavritukhin, 2003) точной аналогии найти не удалось. Однако у таких фибул, их прототипов или близких аналогий из других групп (атрибуция конкретного образца не всегда однозначна даже на уровне группы) можно найти соответствия каждой из перечисленных выше основных характеристик рассматриваемой находки (некоторые примеры даны на рис. 1: 2, 4, 5 7, 9, 10). Такие фибулы показательны для черняховской культуры и связанных с ней культур. Датируются они (за исключением вероятных прототипов) от 2-й четверти IV до начала V вв. Причем в гуннское время (условно — после 375 г.), а в некоторых регионах и раньше, такие застежки на основной территории их бытования вытесняются другими, далекими от интересующих нас, вариациями двупластнчатых фибул.

Нет полных аналогий интересующей нас вещи, хотя можно найти соответствия каждой из ее основных характеристик, и среди Т-образных пружинных фибул (некоторые примеры даны на рис. 1: 3, 6, 10; 2: 4, 6, 7; 3: 2, 3). Они связаны с культурной средой западной части европейского Барбарикума (в основном известны как Bügelknopffibel; посвященная им литература огромна, базовыми остаются своды и обзоры [Meyer, 1960; Schulze, 1977; Voss, 1998]), но распространяются и восточнее, в т.ч. в черняховской культуре, где некоторые из них и производились (группа 20 по: Амброз, 1966; наиболее полные подборки и обзоры см. в диссертации Е. Л. Гороховского[1] и в: [Щукин, Щербакова, 1986. С. 182–184; Петраускас, 2010; Петраускас, Синица, 2010]). Такие фибулы (в их «классических» формах) являются одним из индикаторов центральноевропейской фазы С3 по Ярославу Тейралу[2], начало которой датируется около 320/330-х гг., хотя бытуют они и много позже.

Т-образным пружинным по ряду характеристик близки не только двупластинчатые, но и двучленные «воинские» фибулы (наиболее полный свод западноевропейских находок — Schulze, 1977), являющиеся и одной из составляющих черняховского набора застежек (группа 20 по: Амброз, 1966; недавний обзор и каталог для территории Украины см. в: Петраускас, 2010; одна из подгрупп рассмотрена в: Гавритухин, 2007. С. 20–22). Среди них есть образцы с расширенной ножкой, коротким и/или закрытым приемником, другими характеристиками, важными для нашей темы (например, рис. 1: 2, 8, 11, 12; 3: 4, 6). Однако сочетания таких характеристик у них встречается значительно реже, чем у застежек двух

[1] К сожалению, она не опубликована, хотя и широко известна специалистам по рукописи, хранящейся в Архиве ИА НАНУ, копиям, предоставленным коллегам автором, а также по получившим в последнее время хождение электронным версиям. Я благодарю Евгения Леонардовича за разрешение использовать эту его работу, включая возможность привести некоторые иллюстрации оттуда.

[2] Здесь и далее по: Tejral, 1987; 1988; 1997; 2007.

упомянутых выше групп, то есть они явно типологически дальше от рассматриваемого экземпляра.

Интересующие нас характеристики, если брать каждую из них отдельно, распространены очень широко. Остановимся на их выборке, опираясь на обозначенные черняховские выборки, ведь именно фибулы черняховской культуры массово попадали в Поочье, где находится Велегожское городище [Гавритухин, Воронцов, 2008; Белоцерковская, 2012 см. там др. литературу].

Полуциркульно изогнутая дужка показательна для Т-образных пружинных фибул, но треугольное сечение дужки для них не характерно. Такое сечение не редкость у двупластинчатых фибул, но полуциркульный изгиб дужки у них встречается не часто. Треугольное сечение дужки показательно для ряда серий «воинских» фибул, однако во многих случаях оно сочетается с наличием площадок на дужке, кроме того, по ряду типологических схем, наличие такого изгиба служит аргументом, чтобы относить фибулу не к этой подгруппе, а к Т-образным. «Воинские» фибулы с ромбической ножкой, среди которых многие имеют полуциркульно выгнутую дужку треугольного сечения без площадок, для нашей темы исключаются, поскольку в Восточной Европе ни на одной из них пока не встречен приемник-«пенал» (см. выборки в: Гавритухин, 2007. С. 20–22. Рис. 11, среди образцов типа 4 по: Петраускас, 2010).

Интересующая нас форма ножки не характерна для любой из указанных групп фибул. «Околоромбические» ножки у них, как правило, имеют более вытянутое окончание. Трапециевидные ножки очень редко имеют выгнутое наружу основание, а если оно еще и приостренное, то можно уже говорить об «околоромбической» форме.

Приемник-«пенал» — явное свидетельство «западных» традиций, карта таких приемников, например, у Т-образных пружинных фибул [Schulze-Dörrlamm, 1986. Abb. 113], даже если ее дополнить многими неучтенными находками на востоке, не перестанет быть показательной. Такие приемники — один из признаков ряда типов Т-образных шарнирных фибул (группа 19 по: Амброз, 1966), делавшихся в Римской империи. Обе эти традиции оказали существенное влияние на формирование и производство деталей убора черняховской культуры, включая «этнографичные» для нее. Известны приемники-«пеналы» и у фибул черняховского облика или производства (например, рис. 1: 3, 5, 6, 12; 2: 7; 3: 3), что дает один из многих примеров адаптации чужеродных элементов в черняховской культуре.

Итак, сочетание признаков, представленное на рассматриваемом велегожском экземпляре, не представлено в черняховской культуре сформировавшимися сериями или вариантами. Но оно и не чуждо ей. Судя по всему, это гибрид, сложившийся под влиянием традиций, связанных с черняховской культурой.

Массовые черняховские влияния показательны для горизонта 2 мощинской культуры (здесь и далее по: Гавриухин, Воронцов, 2008; Воронцов, 2013), однако в нем они представлены массовыми черняховскими импортными образцами или их имитацией. Единичные формы фибул, связанные и/или опосредованные в основном традициями черняховской культуры, показательны для горизонта 3 мощинской культуры. Рассматриваемый велегожский экземпляр более всего соответствует этому контексту. Нельзя исключить принадлежность этой находки и горизонту 4 мощинской культуры, в котором прослеживаются разнообразные связи с памятниками группы Чертовицкое — Замятино, для раннего периода которых показательно наличие черняховских компонентов, включая фибулы [Гавритухин, 2015]. Есть на памятниках мощинской культуры и примеры изделий черняховского круга, судя по всему, связанных с группой Чертовицкое — Замятино [Воронцов, 2013. С. 39].

На фоне фибул, связанных с памятниками мощинской культуры, рассматриваемая находка не выглядит особняком. Среди них — «воинские» фибулы не только с узкой ножкой, но и с сильно расширенной к концу ножкой с коротким приемником, фибулы с треугольным сечением спинки (рис. 3; см. также: Гавритухин, Воронцов, 2008. Рис. 3; Воронцов, 2013; Ахмедов, 2008). Показательна недавняя находка (рис. 3: 3) в лесном массиве к северо-западу от д. Бутырки и востоку от д. Мишнево, на левом берегу нижнего течения р. Упы, в Белевском районе Тульской области, переданная в МЗКП (благодарю Алексея Михайловича Воронцова за информацию и возможность опубликовать находку). Двупластинчатых фибул в этом ареале пока не известно, но они не единичны в культуре рязано-окских могильников, связи которой с мощинской неоднократно обсуждались [Ахмедов 2008; Воронцов, 2013. С. 28, 32; Ахмедов, Воронцов, 2012].

Говоря о культурах Поочья, следует вспомнить и окские крестовидные фибулы [Ахмедов, 2008; 2012] (развернутая работа о них готовится Ильей Рафаэльевичем к печати). Для них характерна расширенная ножка с коротким приемником, треугольное сечение дужки, правда, большинство из них отличается от рассматриваемой велегожской находки бóльшими размерами, пропорциями ножки, более коротким приемником (приемник-«пенал» не встречен ни разу), наличием площадок на дужке и т.д. Однако встречаются экземпляры, сравнительно близкие по ряду характеристик велегожскому экземпляру (некоторые приведены на рис. 2: 1–3, 5, 8). Конечно, он не относится к окским крестовидным, важнее другое. Из теорий о происхождении окских крестовидных фибул, мне представляется имеющей правильное ядро та, что сформулирована Анатолием Константиновичем Амброзом. Напомню, что среди их прототипов был назван ряд Т-образных пружинных фибул черняховской культуры (как на рис. 2: 4, 6, 7; [Амброз, 1966. С. 76]). Интересующая нас велегожская фибула вполне вписывается в этот круг.

Если окские крестовидные фибулы связаны с культурой рязано-окских могильников, хотя и известны шире, в том числе в ареале мощинской культуры [Ахмедов, 2012. Рис. 2–5], то непосредственно с мощинской культурой связаны фибулы типа Картавцево — Серенск (как на рис. 3: 1; [Ахмедов, 2008. Рис. 9: 2–4]). Они имеют ножки, близкие тем, что характерны для окских крестовидных фибул. Это вполне может рассматриваться как показатель влияния образцов среднеокского происхождения на формирование фибул типа Картавцево — Серенск. Однако последние обладают явным своеобразием, что позволяет рассматривать их не как дериват окских крестовидных фибул, а, вероятно, как испытавшую их влияние, особую линию развития фибул в Верхнем Поочье. Велегожский экземпляр вполне может относится к прототипам или даже ранним вариантам фибул типа Картавцево — Серенск, особенно учитывая наличие на Верхней Оке Т-образных пружинных фибул, от которых была заимствована кнопка на конце дужки, показательная для типа Картавцево — Серенск (рис. 3: 1, 3).

Фибулы типа Картавцево — Серенск показательны для горизонта 4 мощинской культуры. Следовательно, рассматриваемый велегожский экземпляр может отно-

сится к его ранней части или к предшествующему горизонту 3, частично синхронному горизонту 4.

Подведем итог. Рассматриваемый фрагмент отражает влияние черняховских традиций в Поочье, хотя и является на фоне массовых черняховских фибул гибридным экземпляром. Скорее всего, подобные застежки относятся к кругу прототипов или первых образцов для ряда местных окских фибул, в том числе типа Картавцево–Серенск, связанного с мощинской культурой. Наиболее вероятная датировка — горизонт 3 или начало горизонта 4 мощинской культуры, то есть около 2-й половины IV — начала V в.

2. Фрагмент фибулы (5: 2 к статье А. М. Воронцова и Е. В. Столярова), от которой сохранилась часть спинки (дужки), сегментовидная в сечении, с врезками на лицевой и обратной стороне конца, переходящая в сломанную вертикальную стойку для крепления оси пружины. Размеры: 18 x 7,5 x 6 мм, сечения дужки — 6 x 1,5 мм. Материал — цветной металл.

Такие характеристики показательны для ряда двучленных прогнутых фибул черняховской культуры: подвязных с узкой или расширенной ножкой (группа 16, подгруппа 2, серия I, вариант 3 или близкие вариации подгруппы 4 по: Амброз, 1966), или же схожих с ними «воинских» (группа 17 по: Амброз, 1966; см. о них выше).

В мощинской культуре многочисленные массовые образцы черняховских фибул показательны для горизонта 2, но единичные черняховские фибулы продолжали поступать и позднее, напрямую, характеризуя горизонт 3, не исключая и начало горизонта 4, через ранние памятники группы Чертовицкое—Замятино (см. выше).

Судя по довольно широкой дужке, рассматриваемый экземпляр по хронологическим шкалам черняховской культуры датируется не ранее середины IV в., не исключая гуннское время, что совпадает с временем бытования таких фибул в мощинской культуре [Гавритухин, Воронцов, 2008; Воронцов, 2013].

Следует отметить, что обозначенный временной диапазон определен для производства и основного периода бытования фибулы, но в данном случае она явно фрагментирована еще в древности, то есть время ее использования могло быть и заметно более поздним, чем момент поступления. Возможно, врезки на дужке или некоторые из них были нанесены уже после поломки фибулы, например при вторичном использовании ее фрагмента.

3. Пряжка (рис. 4: 1 к статье А. М. Воронцова и Е. В. Столярова), сохранившаяся практически без утрат, лишь подвергшаяся коррозии. Рамка овальная, в сечении округлая, в задней части ее концы соединены «внахлест» и прокованы так, что стык почти не виден. Язычок сильно выступает вперед за очертания рамки (так называемый хоботовидный), спереди слегка загнут вниз; сечение у него трапециевидное в передней, прямоугольное в задней части, переход к которой сделан без уступа и площадок; кольцо, охватывающее заднюю часть рамки, отходит от основной части корпуса язычка с небольшим наклоном. Размеры: рамки — 31,5x25 мм, ее сечения — не более 5,5 мм; язычка — 34 мм общая длина и 11,5 мм высота кольца, он имеет сечения до 3 x 2,8 и 2,5 x 4 мм. Материал — железо.

Общепризнанно, что хоботковидные пряжки показательны для гуннского времени. В Центральной Европе они массово распространены начиная с фазы D2 по Я. Тейралу, то есть с 380/400 гг. Не исключено, что в Восточной Европе они появляются немного раньше. Здесь, в ряде регионов, включая лесную зону, традиция изготовления и бытование таких пряжек сохраняются и позднее, вплоть до эпохи так называемых геральдических ременных гарнитуров, то есть, как минимум, до 2-й половины VI в. (некоторые примеры для Волго-Уральского региона см в.: Гавритухин, 1996).

Рассматриваемый велегожский экземпляр — явно не круга «стильных» и широко распространенных. К сожалению, локальные серии пряжек с хоботковидным язычком никто не выделял. Пока такая работа не сделана, можно думать, что изготовить подобную довольно грубую имитацию могли где угодно.

По мощинской шкале такие пряжки должны соответствовать горизонту 4 или более поздним (хорошо изученным пока лишь на городище Акиньшино, публикация и анализ находок с которого готовится к печати), то есть не ранее конца IV в.

4. Пряжка (рис. 4: 2 к статье А. М. Воронцова и Е. В. Столярова), сохранившаяся практически без утрат, лишь подвергшаяся коррозии. Рамка овальная, в сечении округлая, в задней части ее концы соединены «внахлест», но грубо, так что один из них «наезжает» на другой. Язычок сильно выступает вперед за очертания рамки (так называемых хоботковидный), очень слабо загнут вниз, сечение у него прямоугольное, переход к его задней части сделан без уступа и площадок. Размеры: рамки — 28 x 24 мм, ее сечения — до 4 мм; язычка — 27 мм общая длина и 7,5 мм высота кольца, он имеет сечение до 3 x 2,5 мм. Материал — железо.

Атрибуция этой пряжки в целом совпадает с той, что дана для находки № 3. Следует учесть, что № 4 сделан еще грубее, чем № 3.

5. Обойма пряжки (рис. рис. 4: 1; 4: 4 к статье А. М. Воронцова и Е. В. Столярова), сохранившаяся практически без утрат. Внешняя пластина обоймы (щиток), если не считать вырез для язычка и выступы для крепления рамки пряжки, овальная, с отогнутыми вниз краями (так называемая полая). Внутренняя пластина обоймы существенно уже и немного короче внешней; к задней части она сужается и имеет прогиб по середине боков, конец срезан прямо; вырез для язычка и выступы для крепления рамки пряжки здесь близки тем, что на внешней стороне обоймы. Обойма крепилась к ремню заклепкой, проходящей через обе ее пластины и расплющенной с внешней и внутренней стороны; судя по пространству между пластинами обоймы, толщина ремня с этой пряжкой должна быть около 2 мм. Размеры: 41,5 x 37 мм (включая выступы) с внешней стороны, 32,5 x 12–19 мм с внутренней; толщина пластины около 1 мм, она чуть толще на выступах, утоньшается к концу внутренней пластины. Материал — цветной металл.

По разработкам Владимира Юрьевича Малашева, в культурах сарматского круга и связанных с ним культурах полые обоймы со скошенными краями появляются у пряжек типа П2б (с округлыми обоймами, как на рис. 5: 11), а полые овальные обоймы, схожие с рассматриваемой велегожской, особенно показательны для типа П9 (как на рис. 5: 5, 7–10), в меньшей степени для типа П10 (как на рис. 5: 4), то есть их появление датируется не позднее 1-й половины III в. (хронологическая группа ременных гарнитуров IIа; здесь и далее — по В. Ю. Малашеву), а бытуют они и в гуннское время, впрочем, последних мало и, судя по выборке В. Ю. Малашева и другим, доступным мне подборкам, они отличаются деталями от более ранних, наиболее близких рассматриваемой велегожской пряжке [Малашев, 2000].

Особенно много пряжек с интересующими нас обоймами и их наибольшее разнообразие приходит-

ся на группу IIIa (около конца III — первых десятилетий IV в.). Подавляющее большинство таких обойм (если не все — каталога нет) в комплексах сарматского круга — меньшего размера, чем интересующая нас. В гарнитурах сарматского круга есть и довольно крупные пряжки. Например, пара из могильника Центральный на Нижнем Дону, отнесенная к хронологической группе IIa [Малашев, 2000. Рис. 5.А: 1, 2], правда, у них обойма оформлена скосом-фасеткой, то есть они не полые. Однако появление полых обойм со скошенным краем В. Ю. Малашев справедливо рассматривает в связи со стилем ременных гарнитуров, для которого характерны фасетки. Отмечу и то, что для ряда комплексов сарматского круга характерно сочетание пряжек разного размера и с обоймами, отличающимися по форме (например, рис. 5: 4–5, 7–10; ряд примеров в: Малашев, 2000).

Есть в комплексах, связанных со степью, и полые обоймы пряжек, по размерам сопоставимые с рассматриваемой велегожской, например, Тугозвоново и Брюхановский выселок (рис. 4: 7, 10; 5: 6). Обоймы этих пряжек украшены в полихромном стиле, но их основа по размерам и большинству других характеристик вполне сопоставима с велегожским экземпляром. Дата упомянутых комплексов — спорна. Многие исследователи относили их к гуннскому периоду, часто ссылаясь на «полихромный стиль», получивший в это время широкое распространение. Однако в рамках этого «стиля» выделяется ряд стилей, имеющих вполне определенный (зачастую «негуннский») культурно-исторический контекст (см. обзор и литературу в статье А. А. Красноперова в части 2 данного сборника). Оформление ременных гарнитуров из интересующих нас комплексов соотносится со стилистикой, не связанной с эпохой расцвета Гуннской державы в 1-й половине — середине V в. Впрочем, имеет контраргументы и «догуннская» датировка рассматриваемых комплексов, основанная прежде всего на аналогиях язычкам пряжек. Кроме язычков, не заходящих на переднюю часть рамки, характерных для пряжек типа П9 по В. Ю. Малашеву (IV в.), следует иметь в виду и позднеримские пряжки с такими язычками, бытовавшие, как минимум, и в начале эпохи Великого переселения народов (см. о них ниже). Причем рифленое окончание язычков (рис. 4: 10; 5: 6) — на римских пряжках не редкость, а находки элементов гарнитуров, относящихся к позднеримским воинским стилям, есть в Поволжье и Подонье [Gavritukhin, 2008; Гавритухин, 2004], не говоря уже о регионах, более близких Римской империи.

Влияние культур степного, в том числе сарматского круга, фиксируемое и ременными гарнитурами, на северных соседей (от Поочья, интересующего нас в первую очередь, до Прикамья) — общепризнанно. Среди близких аналогий рассматриваемому велегожскому экземпляру в Оскско-Сурском регионе можно назвать обоймы пряжек из Селикса-Трофимовского могильника и ряда других памятников (например, рис. 4: 5, 6, 8, 9, 11). Показательно, что, несмотря на довольно большие размеры, некоторые из них крепились к ремню одной заклепкой (как и велегожская обойма; например, рис. 4: 6, 11), в отличие от многих других пряжек, сопоставимых с ними по размерам (в других культурах пряжки с 1 заклепкой на обойме, как правило, меньше, например, рис. 5: 2, 11, 12). Отмечу, что ничего похожего на рассматриваемый велегожский экземпляр, нет в черняховской культуре и традициях, испытавших ее влияние.

Еще один круг аналогий интересующей нас велегожской находке — обоймы дунайских провинциальноримских пряжек и крепежных колец (как на рис. 4: 2–4), относящиеся к одному из позднеримских воинских стилей (см. своды и обзоры в: Sommer, 1984; Barkóczi, 1994). Он получил широкое распространение около 2-й четверти IV в. и бытовал, как минимум, до конца этого столетия, а может быть и позднее (выборка поздних комплексов мала, так как в быту ромеев, включая погребальный обряд, начинает господствовать христианство, а большинство находок происходит из могильников).

Как было отмечено выше, влияние римских образцов на ременные гарнитуры, известные в Восточной Европе, несомненно, имело место. Однако во многих случая оно быстро адаптировалась в соответствии с местными вкусами и технологиями. В качестве очень своеобразного примера цепочки адаптаций можно указать на фибулу, найденную на городище мощинской культуры Супруты, дальними прототипами которой являются провинциальноримские образцы (рис. 3: 2; [Гавритухин, 2005; Гавритухин, Воронцов, 2008. С. 38–39. Рис. 3: 4]).

Говоря о верхней хронологической границе пряжек с овальными или близкими по очертаниям полыми обоймами, имеющими скошенные края, следует отметить, что они известны и во время расцвета Гуннской державы в середине V в. (например, рис. 5: 3), и позднее, например, по материалам могильника Дюрсо под Новороссийском (рис. 5: 1, 2)[3]. Однако в целом в эту эпоху господствуют пряжки с обоймами иных типов. Скос края у полых обойм пряжек и накладок очень распространен в гарнитурах так называемого геральдического стиля (с середины VI до VII в.). Правда, овальные очертания обойм пряжек для них не характерны.

Довольно крупные размеры рассматриваемой велегожской обоймы вызывают ассоциации и с тенденцией к увеличению размеров пряжек и фибул в эпоху Великого переселения народов, фиксируемой, прежде всего, по женским уборам так называемого восточногераманского круга и культур, связанных с ним. Однако, как мы видели, интересующий нас размер обоймы есть у пряжек из гарнитуров, допускающих и более раннюю дату. Уточнить датировку и культурный круг мешает отсутствие у рассмтриваемой велегожской находки рамки и язычка пряжки.

Итак, возможный спектр датировки и культурного контекста интересующей нас обоймы пряжки с городища Велегож весьма широк. Наиболее вероятной все же представляется ее связь с контекстом пряжек степного, в том числе сарматского культурного круга, широко распространенных в Окско-Сурском регионе. Дата, скорее всего — от 2-й четверти IV в. и позднее, с «заходом» в V в., не исключая ее «удревнения» и, менее вероятно, — «омоложения».

6. Обойма пряжки (рис. 6: 2; 4: 5 к статье А. М. Воронцова и Е. В. Столярова), от которой сохранилась верхняя (внешняя) пластина. Она, если не считать вырез для язычка пряжки и сохранившийся (один из двух) выступ для крепления рамки пряжки, имеет практически прямоугольную форму; сделана из тонкой ленты; украшена врезными линиями; имеет 3 отверстия, в двух из которых сохранились остатки заклепок для сцепления

[3] Приведенные вещи опубликованы [Дмитриев, 1982. Рис. 6: 65, 67]. Приведенные здесь прорисовки выполнены по фотографиям из материалов к отчету А. В. Дмитриева о раскопках могильника Дюрсо в 1975 г., хранящихся в Новороссийском государственном музее-заповеднике. Я благодарен Александру Васильевичу за разрешение ознакомится с этими материалами и использовать некоторые из них в своих публикациях.

с нижней пластиной и крепления к ремню. Размеры: 42x20 мм. Материал — цветной металл.

Вытянутые прямоугольные обоймы, сделанные из тонкой пластины, весьма широко распространены как хронологически, так и географически.

Аналогии в культурах, близких по этим показателям мощинской, массово представлены на памятниках Окско-Сурского региона. Как правило, обоймы этих пряжек несколько отличаются от рассматриваемого велегожского экземпляра пропорциями (они часто длиннее и/или уже), украшением (например: Розенфельдт, 1982. С. 99-102; Белоцерковская, 2007. Рис. 9: 1–3, 5, 9, 23, 35, 36, 38, 44, 46, 48, 51, 52; 2014. Рис. 3: 37, 42; 6: 27; Ахмедов, 2007. Рис. 1: 172: 1; 3: 3, 7; 4: 6, 9; 6: 4; 10: 2; 17: 9; 19: 4; схема 1: 6, 10, 13, 24; Гришаков, 2008. Рис. 6: 1, 5; 8: 4; 16: 19; 18: 25; 20: 9). Однако есть и обоймы пряжек, близкие той, что нас интересует, по орнаментации и/или пропорциям, причем и за пределами обозначенного выше региона (например, рис. 6: 1, 4; [Розенфельдт, 1982. Рис. 22: 14; 23: 12; Ахмедов, 2007. Рис. 3: 3; 19: 4; Белоцерковская, 2007. Рис. 9: 1, 5, 9; Гришаков, 2005. Рис. 12: 1, 10; 2008. Рис. 20: 9; Мясников, 2013. Рис. 7: 8])[4]. Датируются такие пряжки в основном догуннским временем, позднее их меньше, важные для нас аналогии не характерны, хотя и встречаются.

Близкий аналог рассматриваемой велегожской обойме, правда, меньших размеров, известен и из находок на городище Крутогорье в Верхнем Подонье (см. статью Д. Н. Акимова в данном сборнике). Эта обойма относится к горизонту памятников типа Чертовицкое — Замятино[5], что дает хронологический репер в рамках конца IV — V в. Учитывая находки в Крутогорье пряслиц черняховской традиции, можно уверенно говорить о наличии здесь вещей ранней части этого отрезка, но нельзя исключить и его позднюю часть. Для культуры, представленной на памятниках типа Чертовицкое — Замятино, неоднократно отмечалось смешение многих традиций, в числе которых и окские. Судя по всему, упомянутая обойма пряжки из Крутогорья — еще одно свидетельство связей донских и окских культур.

В западной части бассейна р. Оки пряжки с обоймой интересующего нас типа известны на памятниках дьяковской культуры (например, рис. 6: 3; Розенфельдт, 1982. Рис. 22: 7, 9–11, 14, 17, 20; Кренке, 2011. Рис. 141: 1310–86)[6]. Связи культур этого региона, включая мощинскую, между собой и с культурами, расположенными восточнее их, неоднократно обсуждались (в число примеров тому входит и ряд находок из Велегожа, рассмотренные здесь и в других статьях данного сборника, посвященных этому памятнику).

Итак, скорее всего, рассматриваемая велегожская обойма пряжки связана с культурами окско-сурских «финнов». Дата ее весьма широка, как минимум, от середины III до первых десятилетий V в.

7. Подвесной ременный наконечник (рис. 6: 5; 4: 9 к статье А. М. Воронцова и Е. В. Столярова), сохранившийся практически без утрат, если не считать коррозии и не предполагать наличие у него обоймы (см. ниже). Верхняя часть у него имеет прямоугольную форму, вверху — отверстие, очевидно, для крепления к ремню или обойме, от орнаментации у верхнего среза и на примыкающей к нему боковой части наконечника сохранились врезные линии, перпендикулярные линии абриса изделия; средняя часть — тоже прямоугольная, но уже и длиннее верхней, имеет по бокам скосы-фасетки; нижняя часть — дисковидная, она заметно шире средней и немного шире нижней части. Это довольно массивная пластина, сужающаяся в нижней части. Размеры [7]: общая длина — 50,5 мм, верхней части — 17,5x11,5 мм, средней — 20x8,5 мм, нижней — 13x14 мм, толщина — до 2 мм. Материал — железо.

В ареале мощинской культуры схожий наконечник (рис. 6: 6) найден на городище Щепилово в ходе раскопок А. М. Воронцова в 2004 г.; он происходит из раскопа V, слоя, соотносимого с горизонтом 2 мощинской культуры (по полевой описи — №34; благодарю Алексея Михайловича за информацию и возможность опубликовать эту вещь).

Концентрация ближайших аналогий этим вещам наблюдается в Москворечье, что и позволяет выделить особую серию, которую я предлагаю назвать «западно-окской». Кроме упомянутых велегожской и щепиловской, к ней относятся следующие находки.

С Дьякова городища позднедьяковской культуры происходит четыре таких наконечника, все из раскопок Н. А. Кренке (рис. 6: 9, 10, 12, 13)[8]. Среди них обращает на себя внимание массивный экземпляр (рис. 6: 10), у которого в верхней части не сделано отверстие и, судя по публикации, отсутствуют следы крепления к ремню другим способом. Вполне возможно, что это полуфабрикат или даже «мастер-модель».

Наконечник со Щербинского городища позднедьяковской культуры опубликован дважды, и эти рисунки заметно отличаются друг от друга (рис. 6: 7, 8; Дубынин, 1974. Табл. XIII: 7; Розенфельдт, 1982. Рис. 26: 3). Скорее всего, это одна вещь, но изображенная по-разному[9].

---

[4] Пряжки с обоймами, соотносимыми по пропорции и размерам с рассматриваемым велегожским экземпляром, к северу от Оки известны, например, из находок на Большедавыдовском могильнике, исследовавшемся Суздальской экспедицией ИА РАН. Благодарю Николая Андреевича Макарова и Ирину Евгеньевну Зайцеву за информацию. Памятник готовится к полной публикации.

[5] Новейшие обзоры и литературу в отношении этих древностей см. в ряде глав коллективной монографии под редакцией А.М. Обломского: Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конца IV – V в.). Сер. Раннеславянский мир. Вып. 16. М., 2015)

[6] Приведенная пряжка со Щербинского городища прорисована по оригиналу, хранящемуся в Музее Москвы, о.ф. 24665/1752, инв. № 8816, Щр-61/274. Благодарю за помощь в работе Екатерину Юрьевну Тавлинцеву.

[7] Замеры и первоначальный рисунок сделаны до реставрации этого наконечника. Здесь публикуется изображение этой вещи после реставрационных работ с ней.

[8] Благодарю Николая Александровича за возможность работать с коллекцией и ценные консультации о памятнике. Результаты раскопок, включая интересующие нас находки, опубликованы [Кренке, 2011. Рис. 141: 457-83, 336-83, 528-83, 1434-87]. Один экземпляр (рис. 5: 10) дан в моей прорисовке с оригинала, где четче переданы некоторые детали; еще один (рис. 5: 14) – по публикации, с небольшим уточнением (четче обозначены скосы по бокам средней части наконечника). С остальными наконечниками этой серии я не работал по оригиналам; они приводятся по публикации, поскольку в точности данных там рисунков я имел возможность убедиться в ходе работы со многими вещами из этой коллекции (это легко проверить и по фотографиям [Кренке, 2011. Рис. 69].

[9] На некоторый схематизм или неточности в рисунках к книге И.Г. Розенфельдт (1982 г.) многие исследователи обращали внимание, в том числе и в печати (например: Сыроватко, 2001. С. 88), что, конечно, не отменяет ряда достоинств этой работы.

Хотя нельзя исключить и наличия на памятнике двух похожих экземпляров, как на Дьяковом городище (см. выше) или на Палецком городище (Луховицкий район Московской области), где найдено 3 наконечника интересующей нас группы, явно входивших в один гарнитур [Сыроватко, 2001. С. 88. Рис. 5: 1–3].

У наконечника с Троицкого городища позднедьяковской культуры (рис. 6: 11; [Розенфельдт, 1982. Рис. 26: 7]) отсутствует нижняя часть. Однако принадлежность его рассматриваемой серии наиболее вероятна, судя по сохранившимся частям и учитывая частоту таких находок на позднедьяковских городищах.

Ближайший аналог рассмотренным наконечникам происходит из погр. 120 могильника Заречье в Среднем Поочье (рис. 7: 1; [Белоцерковская, 2007. Рис. 9: 6])[10]. Формально он вполне может относиться к западноокской серии, хотя верхняя часть у него несколько длиннее, чем у западноокских экземпляров. По ряду признаков близки ему наконечники из того же региона, происходящие из Шатрищенского могильника (рис. 7: 2; [Розенфельдт, 1982. Рис. 27: 2]) и погр. 8 мыса 2 могильника Кораблино (рис. 7: 6). От интересующих нас экземпляров эти два отличаются плавным переходом от верхней части наконечника к его средней части, а последний — и трапециевидной, а не прямоугольной формой верхней части.

Для среднеокско-сурских наконечников рассматриваемой группы (например, рис. 7: 3, 4; Розенфельдт, 1982. Рис. 27: 1, 3-5, 7, 9, 10, 15; Белоцерковская, 2007. Рис. 9: 14, 25, 26, 28, 29, 36; Гришаков, 2008. Рис. 18: 27; 2009. Рис. 4: 19) более характерна верхняя и средняя часть, имеющая единый абрис в форме трапеции, как у прототипов — наконечников сарматского круга типа Н5 и близких им по форме (например, рис. 7: 9; 10: 12, Малашев, 2000. Рис. 3А: 1; 4А: 2; 7Б: 2; 7В: 1–3), и выделение средней части фасетками, что также восходит к южным образцам (например, рис. 7: 11; 10: 10–13; многие образцы в: Малашев, 2000).

Стиль орнаментации (обильные точки, в том числе линия по оси симметрии), форма частей (вытянутая верхняя часть и др.) рассмотренных выше рязано-окских наконечников (рис. 7: 1, 2, 6) указывают на их принадлежность местным сериям (многие примеры приведены выше). Прямоугольная форма верхней и/или средней части у среднеокско-сурских наконечников встречается (например, рис. 7: 5; 10: 8, 9; Розенфельдт, 1982. Рис. 27: 6; Гришаков, 2008. Рис. 18: 28, 29), скорее, как единичные местные модификации или как показатель влияния южных образцов (например, рис. 7: 10, 11; 10: 10–13). Нельзя исключить, что выделенная абрисом средняя часть получилась у упомянутых рязано-окских экземпляров из-за утраты или неумелой имитации фасеток, которые в этом месте нередки у наконечников Среднеокско-Сурского региона. Тем не менее упомянутые наконечники из Кораблино, Шатриш, Заречья и подобные им могли относится к кругу прототипов для изделий западноокской серии.

Близкий аналог наконечникам интересующей нас западноокской серии известен и на Азелинском могильнике (рис. 8: 10), что заставляет обратиться к древностям азелинского круга[11]. Здесь можно найти ряд наконечников со схожими размерами и другими характеристиками, включая важные для нашей темы выделенный абрис верхней части, прямоугольную верхнюю или нижнюю часть (например, рис. 8: 11–13, 16–17; возможно, рис. 8: 14, 15). Их объединяет наличие в разных сочетаниях таких особенностей, как использование косых фасеток, четырехчастная структура (выделение низа верхней или верха средней части, в том числе и рельефное), крепление к ремню не подвесной обоймой, как у многих окско-сурских экземпляров, а непосредственно, нередко усиливаемое задней пластиной и/или наличием двух заклепок. Очевидно, что они связаны с довольно представительным набором наконечников, близких тем, что приведены на рис. 8: 18. Судя по всему, мы имеем дело с особыми местными сериями наконечников, восходящими к южным образцам (круга тех, что приведены на рис. 7: 10; 10: 12; Малашев, 2000. Рис. 4А: 3; 5а: 16–17; 12И: 3; 12К; 12Л: 2 и т.п.).

В гарнитурах азелинского круга можно указать еще одну серию наконечников интересующего нас типа «прямоугольник — более узкий прямоугольник — диск»[12]. Для нее (ряд образцов см. на рис. 8: 6–9) показательны сравнительно (с другими частями наконечника) крупный диск, зауженная средняя часть, форма части, примыкающей к отверстию для подвешивания, близкая квадрату. Очевидна связь таких наконечников с экземплярами, близкими тому, что представлен на рис. 8: 5, известным в тех же, что перечисленные экземпляры, или близких по составу азелинских комплексах.

Еще одна азелинская модификация наконечников рассматриваемого типа — маленькие, с удлиненной верхней частью (как на рис. 8: 2–4). Возможно, небезынтересный для нашей темы экземпляр из Селикса-Трофимовского могильника в верховьях р. Суры (рис. 8: 1; Розенфельдт, 1982. Рис. 27: 8), отличающийся от других окско-сурских более маленькими размерами[13], отражает контакты сурского и азелинского населения.

Формальные соответствия интересующему нас типу есть и в мазунинской культуре (например, рис. 9: 1, 3 — второй слева, 4, 5 — снизу). Здесь они связаны главным образом с украшением ножен и других вещей местных серий, вплоть до фибул. Очевидно, что в данном случае важная для нашей темы форма — результат единичных отклонений от образцов, представленных на мазунинских изделиях массово (например, рис. 9; Останина, 1997. Рис. 4: 11; 5: 13; 6: 7; 8: 10, 11; 11: 27; 12: 15, 18, 20, 24, 25, 30; 15: 8, 21; 16: 2; 25: 15; 33: 9; 38: 12; 71: 3; 73: 5; 79: 27).

---

[10] Благодарю Ирину Васильевну Белоцерковскую за ценные консультации о наконечниках интересующей нас группы из рязано-окских могильников и предоставление некоторых рисунков для публикации; Александра Анатольевича Красноперова — за указание на ряд находок вне Поочья и обмен мнениями, ценные для данной работы.

[11] Состав, ряд вопросов понимания, даже общее название памятников позднеримского времени и начала эпохи Великого переселения народов в бассейне Вятки, Нижнего Прикамья и прилегающего Поволжья остаются предметом дискуссий. В них здесь нет возможности, да и сильной нужды участвовать, а употребляется (как и для мазунинской культуры) наиболее широко распространенное название.

[12] Наименование и иерархия таксонов зависит от традиции, вплоть до вкуса конкретного автора. В данной и ряде других работ я предпочитаю «типом» обозначать набор вещей, выделенных по набору признаков формально, а «серией» — ряд культурно и хронологически связанных вариантов, что близко словоупотреблению, например, в: Амброз, 1966.

[13] Если, конечно, в публикации масштаб правильный – ср. прим. 8. По другим известным мне публикациям находок из этого могильника данный экземпляр опознать не удалось, однако памятник, к сожалению, полностью не опубликован.

Прямые контакты мощинской культуры с азелинской и мазунинской не зафиксированы. Это избавляет от необходимости разбора других находок волго-камского круга, представленных единичными или плохо сохранившимися экземплярами (рис. 7: 7–9; 8: 23–25). До появления новых материалов и исследований можно считать, что они имеют конвергентное сходство с наконечниками из Западного Поочья или это сходство опосредованно культурами среднеокско-сурского круга.

Все рассмотренные выше наконечники восходят к образцам, связанным с культурами более южного, степного круга. Нельзя исключить, что с ним напрямую связано и формирование интересующей нас среднеокской серии. Однако пока трудно назвать вещи, показывающие все этапы такой эволюции, а наконечники интересующей нас группы окско-сурских серий есть, по крайней мере, в позднедьяковской культуре [Розенфельдт, 1982. Рис. 26: 1].

С другой стороны, говоря о ременных наконечниках Западного Поочья, следует иметь в виду и центральноевропейский импульс, особенно учитывая, что он просматривается как в этом регионе, в том числе и по ременным наконечникам, так и восточнее его [Гавритухин, Воронцов, 2008. С. 28–32, 46–51; Ахмедов, 2010]. Соответствия некоторым характеристикам западноокской серии можно найти на отдельных наконечниках вислоодерского круга (например, рис. 8: 20–22). На основе типа 4 по Ренате Мадыде-Легутко (как на рис. 8: 20), которому они в основном принадлежат [Madyda-Legutko, 2011], сложились и некоторые наконечники из лесной зоны Восточной Европы, в том числе круга древностей восточноевропейских выемчатых эмалей (как на рис. 8: 19), с которым западноокские мощинская и позднедьяковская культура, несомненно, имели прямые контакты, являясь фактически его периферией (см. также об окских фибулах с кнопкой: статья А. М. Воронцова и Е. В. Столярова в данном сборнике и Ахмедов, 2008). Эти «западные» наконечники, как правило, имеют систему крепления к ремню, отличающуюся от той, что представлена на наконечниках западноокской серии, и могут рассматриваться лишь в рамках одной из линий гипотетических прототипов. Сказанное, скорее, призвано подчеркнуть способность «мощинцев» адаптировать и перерабатывать в местные серии широкий круг прототипов.

Первоначально находки наконечников западноокской серии рассматривались как вещи, не имеющие точных аналогий [Дубынин, 1974. С. 237], затем — в контексте культур финского круга Окско-Сурского региона и датировались VI–VII вв. [Розенфельдт, 1982. С. 112]. По мере углубленного изучения находок (прежде всего, из рязано-окских могильников) было показано, что наконечники того же круга, что интересующие нас, распространенные в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы и особенно частые на памятниках от Поочья до Прикамья, восходят к прототипам, связанным с культурами сарматского круга.

Для нашей темы особенно важны наконечники, выделенные В. Ю. Малашевым в тип Н5 (как на рис. 7: 12), представленный в хронологических группах IIб и IIIа гарнитуров сарматского круга, датированных около 2-й половины III — 1-й трети IV в., а также единичные формы (как на рис. 10: 10–13), отнесенные к группе IIа (не позднее 1-й половины III в.) [Малашев, 2000]. Кстати, некоторые из последних имеют систему крепления к ремню такую же, как у образцов центральноевропейских серий и их дериватов (как на рис. 8: 19–21).

В рязано-окских и сурских могильниках наконечники рассматриваемой группы нередко происходят из женских обувных гарнитуров, но известны и среди других деталей убора. По разработкам И. В. Белоцерковской, они появились в комплексах конца группы 1 или начала группы 2а (здесь и далее — по ее периодизации становления и развития женского убора культуры рязано-окских могильников), массово представлены в группе 2а, но есть и в группе 2б [Белоцерковская, 2007. С. 198: № 3; 199–200: № 8; рис. 9: 6, 14, 36]. Отметим, что наиболее близкий западноокской серии экземпляр (рис. 7: 1) относится к ранним, правда, он единичен, то есть не дает представления о всем хронологическом отрезке бытования интересующих нас вещей.

По выкладкам специалистов по рязано-окским древностям, наконечники рассматриваемой группы датируются около последних десятилетий (возможно со 2-й половины) III — середины IV в. (возможно, позже, но не выходя за рамки этого столетия) [Белоцерковская, 2007. С. 198–200; Ахмедов, Белоцерковская, 2007]. По хронологической шкале, предложенной для Верхнего Посурья, такие наконечники датируются в рамках IV в., но до распространения вещей, характерных для эпохи Великого переселения народов (группы 3 и 4 по: Гришаков, 2008).

Основной репер для Москворечья — Дьяково городище, где интересующие нас наконечники (рис. 6: 9, 10, 12, 13) соотносятся с самым верхом среднего горизонта верхнего слоя («–210–260») и слоем «–160–210» [Кренке, 2011. С. 61, 64]. Н. А. Кренке датировал эти находки по рязано-окским и сарматским аналогиям «III в.», «1-й половиной III в.», «III в., не исключая конца II в.», учитывая лишь отчасти упомянутые выше работы И. В. Белоцерковской и В. Ю. Малашева, на которые он ссылается, и даже входя в противоречие с ними [Кренке, 2011. С. 61, 64, 91]. Сопоставление Н. А. Кренке «археологических» дат с радиоуглеродными не слишком проясняет ситуацию. Средний горизонт верхнего слоя Дьякова городища по С14 датирован II в. или около того, верхний горизонт верхнего слоя «начал накапливаться» в IV в., для горизонта «–160–200» названа ориентировочная дата — III — 1-я половина IV в., для верхней части среднего и нижней части верхнего горизонта — 2-я половина III — IV в. [Кренке, 2011. С. 143–145]. Учитывая, что признается некоторый сдвиг в древность радиоуглеродных дат по сравнению с «археологическими», получается хронологический отрезок, допускающий синхронность среднеокских и москворецких находок, но не исключающий и более позднее появление последних.

В мощинской культуре мы имеем также не много хронологических реперов для датировки рассматриваемых наконечников. Упомянутая находка в Щепилово, как было сказано, происходит из слоя городища, соотносимого с горизонтом 2 мощинской культуры, который датируется рубежом III/IV — серединой IV в. или около 2-й и 3-й четвертей IV в. (о датах см.: Гавритухин, Воронцов, 2008; Воронцов, 2013). Не ранее того, а несомненно, судя по керамике — горизонтами 3 и 4, то есть не ранее середины или 2-й половины IV в., датируются отложения мощинской культуры на важном для нас в первую очередь городище Велегож (см. статью А. М. Воронцова и Е. В. Столярова в данном сборнике). В слоях, относящихся к горизонту 1 мощинской культуры, таких наконечников нет, хотя следует учитывать, что материалов из этих слоев пока не много.

Резюмируя сказанное, представляется, что западноокская серия рассматриваемых наконечников сложилась, скорее всего, под влиянием среднеокско-сур-

ских серий, бытовавших около последних десятилетий III — середины IV в. или в немного более широких хронологических рамках и восходящих к протитипам сарматского круга. Теоретически не исключено и самостоятельное формирование западноокской серии на основе прототипов, известных как на юге, так и на западе, по крайней мере, с III в. (более ранние даты не обсуждаются, исходя хотя бы из датировки мощинской культуры). Велегожская находка в этих рядах явно не ранняя. Несомненных данных о бытовании рассматриваемой группы наконечников в гуннское время нет.

8. Одночастный ременный наконечник (рис. 4: 10 к статье А. М. Воронцова и Е. В. Столярова) сохранился без видимых сломов, но явно имеет утраты, связанные с его коррозией. Он имеет форму, характеризуемую часто как «мечевидная» или «языковидная»; крепился к ремню с помощью прорези, проходящей между его внешней и задней плоскостями, куда вставлялся ремень, и заклепки, проходившей сквозь обе эти плоскости наконечника и ремень. Размеры: 31 x 5,5 мм. Материал — цветной металл.

К сожалению, сохранность предмета не позволяет искать ему аналогии по ряду деталей. По разработкам Р. Мадыды-Легутко, наконечники такой формы и системы крепления к ремню относятся к типу 12, показательному для эпохи Великого переселения народов [Madyda-Legutko, 2011], что соответствует мнению, разделяемому большинством специалистов. Однако следует иметь в виду находки схожих наконечников в явно более раннем контексте (например: Малашев, Яблонский, 2008. Рис. 203: 13–14), не говоря уже об аналогиях отдельным характеристикам рассматриваемого наконечника (например: Малашев, 2000. Рис. 4А: 4; 4Б: 8; 12И: 3; Малашев, Яблонский, 2008. С. 56–57; рис. 203: 12; 205: 8–23; Madyda-Legutko, 2011. Typ 3, 9, в меньшей степени другие). Соотношение этих двух обширных массивов ременных наконечников не изучено.

Плохая сохранность рассматриваемой вещи и неясности в понимании ее аналогов заставляют на время воздержаться от ее культурной и хронологической атрибуции.

9. Крепежный наконечник (рис. 11: 1; 4: 3 к статье А. М. Воронцова и Е. В. Столярова) сохранился практически полностью, хотя и деформирован в огне. Его верхняя часть, судя по всему, имела форму прямоугольной рамки с выступами, идущими вверх от двух ее верхних углов; сечение у нее, скорее всего, округлое. Нижняя, примыкающая к верхней (их разделяет желобок, опоясывающий наконечник), лучше сохранившаяся часть имеет форму овала, круглого в сечении. Размеры: около 21 x 15 мм верхней части, 24 x 16,5 — нижней, отделенной от верхней не менее чем на 1 мм; толщина — не более 5,5 мм. Материал — цветной металл.

Атрибуция таких изделий, как «подвесные крепежные наконечники», основана на ряде находок, где они сохранились с остатками ремня (например, рис. 10: 1, 2, 6, 7; 11: 12, 15; Gavritukhin, в печати; Kožomberdieva, Kožomberdiev, Kožemjako, 1998. Abb. 9: 4, 7, 9). В этих случаях видно, что аналогии интересующей нас вещи крепились на конце ремня, то есть являются наконечниками, а кольцо в нижней части подразумевает возможность использования его для крепежа, что подтверждает ряд аналогий (в том числе рис. 10: 5, 6)[14].

Прототипы таких наконечников известны на памятниках Центральной Азии и Юга Сибири, по крайней мере с раннего железного века и связаны с конским снаряжением (например, рис. 10: 5; Степанова, 2006; Рябкова, 2013). В Европе они появляются вместе с волнами центральноазиатских кочевников. Одна из них, после довольно долгого перерыва в эпоху стабильности позднесарматской культуры, — гуннская, положившая в Европе начало эпохе Великого переселения народов и принесшая наконечники интересующего нас облика (см. ниже). Возможно, новые импульсы для их развития принесли волны азиатских кочевников, связанные позднее, например, с савирами, потеснившими остатки объединений, связанных с гуннами (например, рис. 10: 3, 4, аналогов которым мне не известно в европейских комплексах гуннской эпохи, но можно найти в Азии, например, рис. 10: 6, 7), а с середины VI в. — с аварами и тюрками.

Таких наконечников в Восточной Европе в эпоху Великого переселения народов не мало, известны они и в синхронных, несомненно связанных с восточноевропейскими, древностях от Сасанидского Ирана до Западного Средиземноморья и Подунавья. Они довольно разнообразны. Из дальнейшего рассмотрения мы исключаем далекие от интересующего нас экземпляра крепежные наконечники, имеющие не кольцевидную нижнюю часть и/или верхнюю часть не в виде рамки, а, например, сплошную, как и сделанные не из металла, а, например, из кости или рога. Из остатка исключаем и полые наконечники (как на рис. 10: 2; благодарю Надежду Анатольевну Лещинскую за разрешение опубликовать эту вещь из ее раскопок) или те, у которых верхняя и нижняя части не примыкают друг к другу, а разделены разного рода перемычками, сглаженными или отчетливо выраженными (как на рис. 10: 1–4, 6, 7).

К типу 1.1.1.[15] относятся наконечники без выступов (как на рис. 11: 5–8, 10–13, 19, 20). Они найдены на памятниках близ Пятигорска и Кисловодска на юго-западе Ставропольского края и близлежащих территорий Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии на Северном Кавказе (рис. 11: 5, 10, 12; 13, 19; Рунич, 1979. Рис. 1: 5; 7: 7; 1969. Табл. III: 13; L'Or …, 2001. No 26,4)[16]; в кон-

---

[14] Приведенные рисунки находок из Чми, полученных в ходе раскопок Дмитрия Яковлевича Самоквасова, сделаны на основе выкопировок А. К. Амброза из альбома Д. Я. Самоквасова, хранящегося в МГУ; они уточнены мною по оригиналам, хранящимся в ГИМ, за что я приношу благодарность сотрудникам этого музея. Обзор комплексов опубликован в: Гавритухин, Обломский, 1996. С. 79–81; рис. 83; Гавритухин, 2010. С. 411–413; рис. 3. В упомянутом альбоме приведены и находки их Харха.

[15] Типы выделяются по наличию/отсутствию выступов у верхней или нижней части наконечника. Варианты можно выделять по пропорциям частей и другим характеристикам или их сочетанию, для чего выборка слишком невелика, да и детали у некоторых экземпляров не всегда ясны из-за сохранности или особенностей публикаций. Чтобы говорить о сериях (см. прим. 11), нужна специальная работа. Здесь я предлагаю заинтересованному читателю лишь эскиз для нее. В него не включены данные о находках в Среднем Подунавье и некоторых других регионах.

[16] Находка из Кугульского склепа прорисована по оригиналу, хранящемуся в Ставропольском историко-культурном и природно-ландшафтном музее-заповеднике, коллекция № 19888; за возможность работать с рядом коллекций я благодарен Игорю Владимировичу Отюцкому и Николаю Анатольевичу Охонько. Изображение комплексов из Хасаута любезно предоставил мне Юрий Анатольевич Прокопенко, сделавший копию подборки рисунков из архива В. А. Лученкова.

ских захоронениях на могильнике Дюрсо в Северо-Восточном Причерноморье (рис. 11: 7, 8; Дмитриев, 1979. Рис. 3: 3, 14); в Разграде или его окрестностях на севере совр. Болгарии (рис. 11: 10; контекст не ясен; я благодарю Георги Дзанева за возможность работать с коллекциями Исторического музея в Разграде и разрешение публиковать оттуда ряд находок), в Курнаевке в Саратовском Поволжье (рис. 11: 6; Засецкая, 1994. Табл. 30: 3), в Залахтовье на восточном берегу Чудского озера (север Псковской области) (рис. 11: 20; Хвощинская, 2004. Табл. 3: 3).

Значительная часть представленной выборки (Дюрсо, Кугульский склеп 4, погр. 118 в Зарагиже) связана с историко-культурным контекстом, наступившим после расцвета Гуннской державы в середине V в., и длившимся до эпохи распространения геральдических ременных гарнитуров (не ранее середины VI в.), иногда этот продолжительный период называют «постуннским» или «шиповским» «горизонтом». Находка у горы Развалка вполне может относиться к гуннскому времени, но следует иметь в виду, что склепы Северного Кавказа могли содержать десятки захоронений, а этот — разграблен. Как гуннским, так и постгуннским временем может, судя по сохранившемся вещам, датироваться разрушенное погребение из Курнаевки. О существовании этого типа наконечников в гуннское время свидетельствует комплекс из Унтрезибенбрунна [L'Or ..., 2001. No 9,24] (находки из Центральной и Западной Европы, как и из Азии, здесь не рассматриваются, но это важно для датировки). Склеп в Хасауте содержит вещи эпохи распространения геральдических ременных гарнитуров и более поздние. Отметим, что и крепежный наконечник оттуда типологически дальше от велегожского, чем все упомянутые выше. Катакомба 8 Кугульского могильника 1 слишком бедна находками для узкой датировки, как и курганы из Залахтовья. Лишь наконечник из Залахтовья не связан со степными кочевниками и зоной их влияния. Однако он может датироваться и более поздним временем, чем интересующий нас период (в рамках V/VI–X вв., см. Хвощинская, 2004. С. 26, 133, 145).

К типу 1.1.2. относятся наконечники с выступами у верхних углов верхней рамки и без выступов на нижней рамке. Кроме рассматриваемого велегожского экземпляра (рис. 11: 1), к нему относятся наконечник из разрушенного погребения у станицы Здвиженская близ Ставрополя (рис. 11: 2; Засецкая, 1994. Табл. 11: 8) и из погр. 13 Петропавловского могильника на юге Удмуртии (рис. 11: 3; Семенов, 1976. Табл. II: 10; прорисован по оригиналу в Национальном музее Удмуртской республики (Ижевск), № 179/165; благодарю Таисию Ивановну Останину за благожелательную помощь в работе). Комплекс из Здвиженской относится большинством специалистов к гуннской эпохе, с чем я солидарен (аргументы о более поздней дате, приводившиеся, например, А. К. Амброзом, в свете новых находок слабы). Пертопавловский могильник относится к эпохе распространения геральдических ременных гарнитуров (не ранее середины VI в., а здесь, несомненно, позднее).

Плохо или частично сохранившиеся наконечники из погр. 56 на могильнике Ахмылово в Марийском Поволжье и погр. 177 мыса 1 в Кораблино из Среднего Поочья (рис. 11: 4, 9; Никитина, 1999. Рис. 13: 4; Ахмедов, 1995. Рис. 2: 18; ахмыловский экземпляр дан в прорисовке Алексея Владимировича Богачева, которому я благодарен за эту возможность) могут относиться как к типу 1.1.1., так и 1.1.2. Упомянутая находка из Кораблино принадлежит к эпохе распространения геральдических ременных гарнитуров (благодарю за консультации Илью Рафаэльевича Ахмедова), из Ахмылова — более ранняя, но в пределах эпохи Великого переселения народов.

Тип 1.2.1. включает наконечники без выступа в верхней части, но со слабым выступом-бородкой в нижней. Мне известна одна такая находка, происходящая из Херсонеса (рис. 11: 14; прорисована по оригиналу, хранящемуся в Эрмитаже, в секторе Византии, № X-1189; за благожелательную помощь в работе и позволение опубликовать ряд находок я благодарен Вере Николаевне Залесской).

Тип 1.2.2. представлен наконечниками с выступами как в верхней (аналогично типу 1.1.2), так и нижней (аналогично типу 1.2.1.) частях. Доступная мне выборка (рис. 11: 15–18) представлена находками из компактного региона в Северной Осетии, датируемыми не ранними этапами эпохи распространения геральдических гарнитуров и более поздним временем (подробнее об этих памятниках см.: прим. 14; Кадиева, 2012).

Как мы видим, ближайшие аналогии интересующему нас экземпляру из Велегожа (рис. 11: 2, 4–8, 10, 11), судя по датированным комплексам, относятся к гуннской или постуннской («догеральдической») эпохе. В тех случаях, где комплекс понятен, эти наконечники могут быть связаны с конским снаряжением, как и многие другие экземпляры рассмотренных и других типов, а в ряде случаев (включая упомянутые прототипы) это не вызывает у специалистов сомнений.

Принятие такой атрибуции заставляет признать наличие в Велегоже конской узды конца IV — середины VI в. южного круга, связанной со степными кочевниками, предки которых пришли из Азии, или с культурами, испытавшими их влияние. Учитывая, что рассматриваемый велегожский экземпляр частично оплавлен, он, скорее всего, связан с гибелью интересующего нас поселка мощинской культуры, а принадлежал либо его неординарному жителю, либо (более вероятно) агрессору, чей конь пострадал при разгроме в Велегоже.

Общие замечания. На Велегожском городище, в отличии от других памятников мощинской культуры (см. наиболее полную опубликованную выборку в: Воронцов, 2013), довольно много пряжек, их деталей и других составляющих ременных гарнитуров. Отчего это так — особый вопрос, но это делает рассматриваемый памятник особенно важным для исследования ременных гарнитуров в мощинской культуре.

Как мы видели, один из наконечников ремней, представленный в Велегоже, относится к серии, связанной с Западным Поочьем (см. часть 7 данной статьи). Эта серия, как и представленные в Велегоже обоймы пряжек (см. части 5 и 6), скорее всего, связаны с восточными соседями мощинской культуры из Среднего Поочья и Посурья, а их прототипы — с южными (по отношению к упомянутым) культурами степного круга или их соседями. Непосредственно к этому кругу относится один из ременных наконечников (часть 9). Две пряжки и один наконечник (части 3, 4, 8) на современном уровне их изучения не могут быть использованы для культурной атрибуции с желаемой конкретностью.

Две фибулы из Велегожа вполне обычны для мощинской культуры. Одна из них (окская с кнопкой; см. статью А. М. Воронцова и Е. В. Столярова в данном сборнике) принадлежит к «этнографичным» деталям убора носителей этой культуры; третья (см. часть 2 данной статьи) — черняховской традиции, широко представленной

как в Верхнем, так и Среднем Поочье. Еще одна фибула (часть 1) относится к редкой модификации, скорее всего, являющейся гибридом, сформировавшимся на основе черняховских образцов, и принадлежит кругу прототипов местных верхне- и/или среднеокских серий.

Не менее трех из рассмотренных изделий (части 3, 4, 9) и окские фибулы с кнопкой указывают на наличие на Велегожском городище горизонта эпохи Великого переселения народов. Многие из рассмотренных находок (части 1, 2, 5, 6, 7) связаны с традициями предшествующего времени, хотя в разной степени эти вещи не исключают отнесение и к гуннскому периоду. Вопрос о датировке одного из ременных наконечников (часть 8) — открыт.

Судя по рассмотренным датирующим находкам, мощинский слой на Велегожском городище был сравнительно (в отношении многих других городищ мощинской культуры) недолговременным. Он соотносится с горизонтами 3 и 4 мощинской культуры, причем не исключено, что не охватывает их временной диапазон полностью.

Довольно большое число находок из металлов, пребывание как минимум одной из них (явно чужеродной для традиций лесной зоны Восточной Европы) в огне, наличие клада свидетельствует о потрясениях, скорее всего, военном разгроме поселения в Велегоже. Теоретически потрясение могло быть неоднократным, но прямых свидетельств этому нет; скорее наоборот, мощинский поселок в Велегоже просуществовал сравнительно недолго, а после гибели его место было вновь заселено только в древнерусское время.

Впрочем, узко датированных находок, соотносимых с мощинской культурой, на памятнике не так уж много, и высказанные впечатления должны быть проверены детальным анализом стратиграфии и керамического комплекса городища Велегож.

Литература

Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР. II в. до н.э. — IV в.н.э. Сер. САИ. Вып. Дl-30. М.: Наука, 1966.

Ахмедов И. Р. Из истории конского убора и предметов снаряжения всадника рязано-окских могильников // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып.4 / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань, 1995. С. 89–111.

Ахмедов И. Р. Инвентарь мужских погребений. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Сер. РСМ. Вып. 9 / Отв. ред. И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. М., 2007. С. 137–185.

Ахмедов И. Р. Окские фибулы // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. / отв. ред. А. Н. Наумов. Тула: МЗКП, 2008. С. 7–27.

Ахмедов И. Р. Окские крестовидные фибулы как индикаторы этнокультурных процессов в Центральной России эпохи Великого переселения народов // Вояджер: мир и человек / Отв. ред. А. В. Богачев. Самара, 2012. №3. С. 107–123.

Ахмедов И. Р. «Свев» из Мордовии. К изучению культурных контактов поволжских финнов в III в. н.э. // РА. 2010. № 1. С. 26–37.

Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В. К реконструкции исторических процессов. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Сер. РСМ. Вып. 9 / Отв. ред. И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. М., 2007. С. 273–275.

Ахмедов И. Р., Воронцов А. М. Узколезвийные проушные топоры римского времени и эпохи Великого переселения народов с территории верхнего и среднего Поочья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3 / Ред. А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин. Тула: МЗКП, 2012. С. 9–54.

Белоцерковская И. В. Инвентарь женских погребений. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Сер. РСМ. Вып. 9 / Отв. ред. И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. М., 2007. С. 186–212.

Белоцерковская И. В. О предметах черняховской культуры в женском инвентаре рязано-окских могильников // Евразия в скифо-сарматское время. Сер. Труды ГИМ. Вып. 191 / Отв. ред. Д. В. Журавлев, К. Б. Фирсов. М.: ГИМ, 2012. 27–37.

Воронина Р. Ф., Зеленцова О. В., Энговатова А. В. Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977–1978 гг. Сер.: Труды отдела охранных раскопок ИА РАН. М.: ИА РАН, 2005

Воронцов А. М. Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела. Тула: МЗКП, 2013.

Гавритухин И. О. К изучению ременных гарнитур Поволжья VI–VII вв. // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей, 1996. С. 115–133.

Гавритухин И. О. Детали поясов «позднеримского воинского» стиля с поселения Замятнио 10 // Острая Лука в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. Сер. РСМ. Вып. 6 / Сост. А. М. Обломский. М.: ИА РАН, 2004. С. 14–15.

Гавритухин И. О. Фибула с городища Супруты // Europa Barbarica. Ćwierć wieku archeologii w Masłomęczu. Сер.: Monumenta studia Gothica. IV / Red. P. Łuczkiewicz et al. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 2005. С. 113–115.

Гавритухин И. О. Финал черняховской культуры. Днепровское лесостепное Левобережье // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Сер. РСМ. Вып. 9 / Отв. ред. И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. М., 2007. С. 9–24, 39–43, 46–59, 65, 410–411.

Гавритухин И. О. Фибулы могильника Мамисондон в контексте кавказских находок // Албегова З. Х., Верищинский-Бабайлов Л. И. Раннесредневековый могильник Мамисондон. Сер. Материалы охранных археологических исследований. ИА РАН. Т. 11. М.: ТАУС, 2010. С. 410–428.

Гавритухин И. О. Фибулы эпохи Великого переселения народов, найденные в Ксизово // Острая Лука в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово. Сер. РСМ. Вып. 16 / Сост. А. М. Обломский. М.: ИА РАН, 2015. С. 212–240, 403, 404, 407, 420, 443, 459, 466, 469, 544, 570–574.

Гавритухин И. О., Воронцов А. М. Фибулы верхнеокско-донского водораздела: двучленные прогнутые подвязные и со сплошным приемником // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1 / Отв. ред. А.Н. Наумов. Тула: МЗКП, 2008. С. 28–89.

Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его историко-культурный контекст. Сер. РСМ. Вып. 3. М.; ИА РАН, 1996.

Горюнова Е. И. Мари-Луговской могильник и селище // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. №9–10. С. 171–186.

Гришаков В. В. Население верховьев Мокши и Суры накануне средневековья. Саранск: Мордовский гос. педагогический институт, 2005.

Гришаков В. В. Хронология мордовских древностей III — IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья // Пензенский археологический сборник. Вып. 2. 2008. С. 82–112.

Гришаков В. В. Степановский могильник IV–V вв. // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып. 3. Саранск, 2009. С. 57–80.

Дмитриев А. В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. 1979. №4. С. 212–229.

Дмитриев А. В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков / Отв. ред. А. К. Амброз, И. Я. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 69–107.

Дубынин А. Ф. Щербинское городище // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю. А. Краснов. М.: Наука, 1974. С.198–281.

Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V вв.). Санкт-Петербург: Эллипс Лтд, 1994.

Кадиева А. А., Хронологические индикаторы в погребальном инвентаре Галиатского склепа 1935 г. в Дигорском ущелье (Северная Осетия) // РА. 2012. №1. С. 100–111.

Кренке Н. А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011.

Лешинская Н. А. Хронология и периодизация пьяноборских могильников I–V вв. н.э. бассейна р. Вятка // Древности Прикамья эпохи железа: хронологическая атрибуция. Сер. МИАКВАЭ. Т. 25 / Отв. ред. Р. Д. Голдина. Ижевск: Удмуртский гос. университет, 2012. С. 124–163.

Лещинская Н. А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.). Сер. МИАКВАЭ. Т. 27. Ижевск: Удмуртский гос. университет, 2014.

Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Сер.: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1 / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: «Терра», 2000. С. 194–232.

Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время (по материалам могильника Покровка 10). Сер. Материалы и исследования по археологии России. №9. М.: Восточная литература, 2008.

Мартьянов В. Н. Арзамасская мордва в I — начале II тысячелетия. Арзкамас: Арзамасский гос. педагогический институт, 2001.

Мясников Н. С. Этнокультурные процессы в Чувашском Поволжье в I–VIII вв. н.э. в свете археологических данных. Чебоксары: Чувашский гос. институт гуманитарных наук, 2013.

Никитина Т. Б. История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников). Йошкар-Ола: Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории при правительстве Республики Марий Эл, 1999.

Останина Т. И. Покровский могильник IV–V вв. Каталог археологических коллекций. Ижевск: Нац. музей Удмуртской республики, 1992.

Останина Т. И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН; Нац. музей Удмуртской республики, 1997.

Ошибкина С. В. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм. Сер. Материалы охранных исследований. Т. 13. М.: ИА РАН, 2010.

Петраускас О. В. Фібули «воїнського типу» черняхівської культури (за матеріалами пам'яток України) // Археолгія і давня історія України. Вип. 2. Київ, 2010. С. 191–207.

Петраускас О. В., Синица Е.В., Фибулы «шиткового типа» черняховской культуры // Германия—Сарматия. II. Калининград; Курск, 2010. С. 113–132.

Розенфельдт И. Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.: Наука, 1982.

Рунич А. П. Аланские катакомбные могильники V–VIII вв. в городе Кисловодске и его окрестностях // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. 2. Ордженикидзе, 1969. С. 97–111.

Рунич А. П. Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА. 1979. №4. С. 232–247.

Рябкова Т. В. Памирская I, курган 10: культурно-хронологическая позиция комплекса // Археологический сборник. Вып. 39. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2013. С. 59–99.

Семенов В. А. Петропавловский могильник // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск, 1976. С. 3–50.

Скрипкин А. С. Погребальный комплекс с уздечным набором из Котлубани и некоторые вопросы этнической истории сарматов // СА. 1989. №4. С. 172–181.

Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы. Сер.: Материалы по археологии России. Т. 25. СПб, 1901.

Старостин П. Н. Рождественский V могильник. Сер.: Археология евразийских степей. Вып. 9. Казань: Институт истории Академии наук Республики Татарстан, 2009.

Степанова Е. В. Эволюция конского снаряжения и относительная хронология памятников пазырыкской культуры // Археологические вести. №13. СПб., 2006. С. 102–150.

Сыроватко А. С. Коллекция Палецкого городища из фондов Зарайского краеведческого музея // КСИА. Вып. 212. 2001. С. 81–89.

Хайнрих А. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан // Аланы: история и культура. III. Владикавказ, 1995. С. 184–258.

Хвощинская Н. В. Финны на западе Новгородской земли. Сер. Труды ИИМК РАН. Т. VI. СПб.: ИИМК РАН, 2004.

Щукин М. Б., Щербакова Т. А. К хронологии могильника Данчены // Рафалович И. А. Данчены. Могильник черняховской культуры III–IV вв. н.э. Кишинев: Штиница, 1986. С. 177–219.

Barkóczi L. Beiträge zur Geschichte der Provinz Valeria im IV–VI Jh. // Srecimina nova universitates quinqueeclesiensis. 1994. S. 57–135.

Diaconu Gh. Uber die Fibel mit halbkreisformiger Korfplate und rautenformigem Fuss aus Dazien // Dacia. N.S. XVII. 1973. S. 257–275.

Gavritukhin I. Double-plate fibels of subgroup I // A nyíregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve. XLIV. Nyíregyháza, 2003. P.113–184.

Gavritukhin I.O. Late Roman Military Style in the East of the Forest and Forest-Seppe Zone of Europe // Journal of Roman Military Equipment Studies. Vol. 16. 2008. P. 57–67.

Gavritukhin I. O. Belt sets // Härke H., Belinsky A. Klin-Yar .... В печати.

Kožomberdieva E. I., Kožomberdiev I. K., Kožemjako P. N. Ein Rftakombengrab aus der Schluct Šamsi // Eurasia Antiqua, Bd. 4. Mainz am Rhein, 1998. S. 451–471.

L'Or des princes barbares. Paris: Musée des Antiquités nationales, 2001

Madyda-Legutko R. Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Cep. British Archaeological Reports. International Series. Vol. 360. Oxford, 1987.

Madyda-Legutko R. Studia nad zróżnicowaniem metalowych części pasów w kulturze przeworskiej: okucia końca pasa. Kraków: Towarzystwo Wydawnicze Historia Iagellonica. 2011.

Schulze M. Die Spatkaiserzeitlichen Armbrustfibeln mit festem Nadelhalter (Gruppe Almgren VI. 2). Cep. Antiquitas. R.3. Bd.19. Bonn: Rudolf Habelt Verlag GMBH, 1977.

Schulze-Dörrlamm M. 1986. Romanisch oder Germanisch? Untersuchungen zu den Armbrust- und Bügelknopffibeln des 5. und 6. Jahrhunderts n. Chr. Weslich der Rheins und südlich der Donau // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Bd. 33. S. 593–720.

Sommer M. Die Gürtel und Gürtelbeschläge des 4. und 5. Jahrhunderts im römischen Reich. Cep. Bonner Hefte zur Vorgeschichte. Nr. 22. Bonn: Rheinischen Friedrich-Wilhelms Universität, 1984.

Tejral J. Zur Chronologie und Deutung der südöstlichen Kulturelemente in der frühen Völkerwanderungszeit Mitteleuropas // Anzeiger des Germanischen Nationalmuseums. 1987. S. 11–46.

Tejral J. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum // Archaeologia Austriaca. 72. 1988. S. 223–304.

Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum. Cep.: Spisy AÚ AV ČR Brno. 8 / Hrsg. J. Tejral, H. Friesnger, M. Kazanski. Brno: AÚ AV ČR Brno, 1997. S. 321–392.

Tejral J. Das Hunnenreich und die Identitätsfragen der barbarischen «gentes» im Mitteldonauraum aus der Sicht der Archäologie // Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit. Cep.: Spisy AÚ AV ČR Brno. 26 / Hrsg. J. Tejral. Brno: AÚ AV ČR Brno, 2007. S. 55–119.

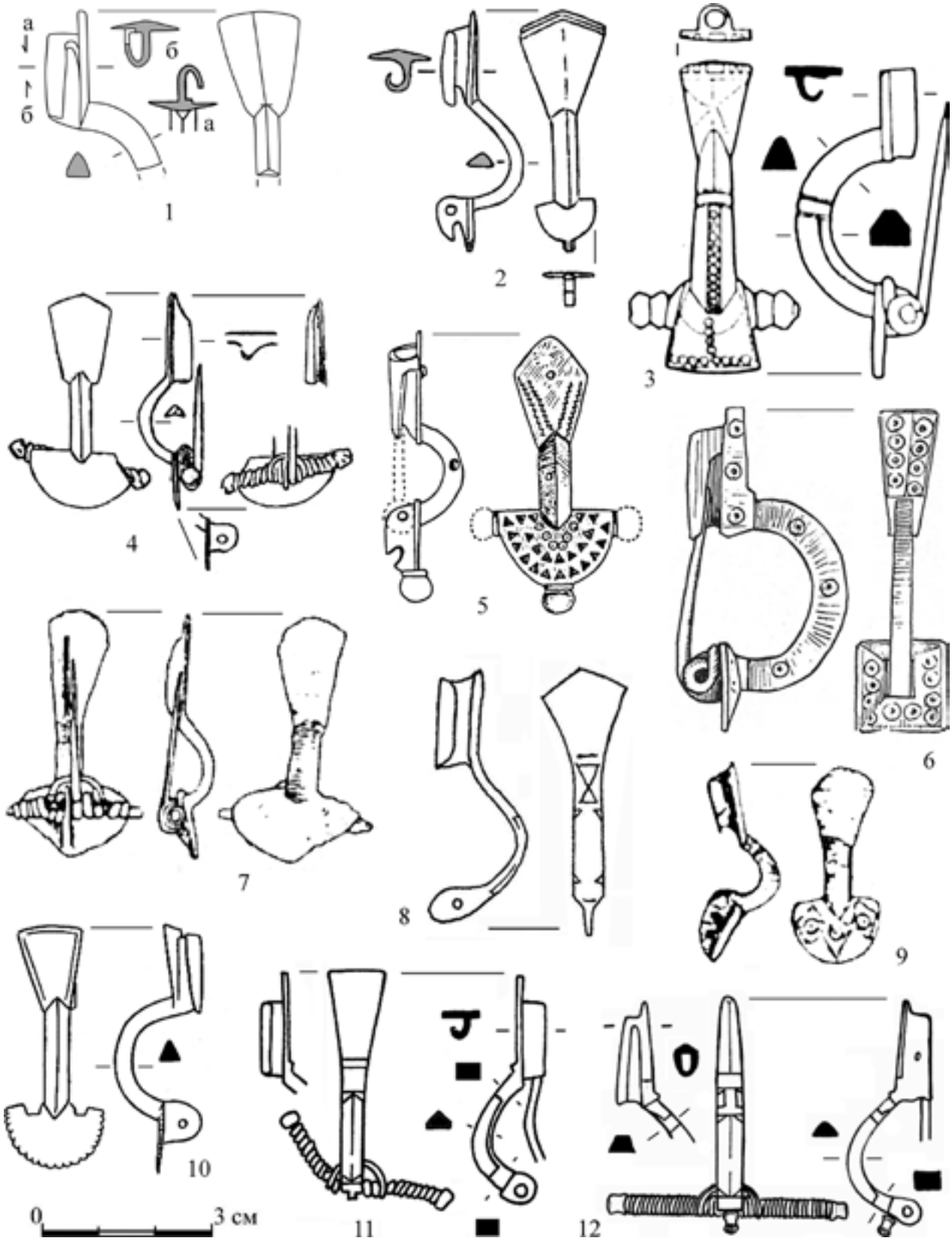


Рис. 1. Аналогии фибуле из Велегожа, относящиеся к черняховским и связанным с ними традициям.

1 — Велегож; *2* — Неслухов; *3* — Черкассы, погр. 60; *4* — Петрешть, погр. 152; *5* — Каневский уезд Киевской губернии; *6* — Богданешть; *7* — Могошань, погр. 44; *8* — Градежск–Круча; *9* — Вербычна; *10* — Боромля-2; *11, 12* — Великая Бугаевка, погр. 165 и 75.

1, 2 — рис. И.О. Гавритухина; *2, 4, 5, 7, 9* — по: Gavritukhin, 2003; *3* — по: Петраускас, Синица, 2010; *5, 8, 10* — по: Гавритухин, 2007; *6* — по: Diaconu, 1973; *11, 12* — по: Петраускас, 2010

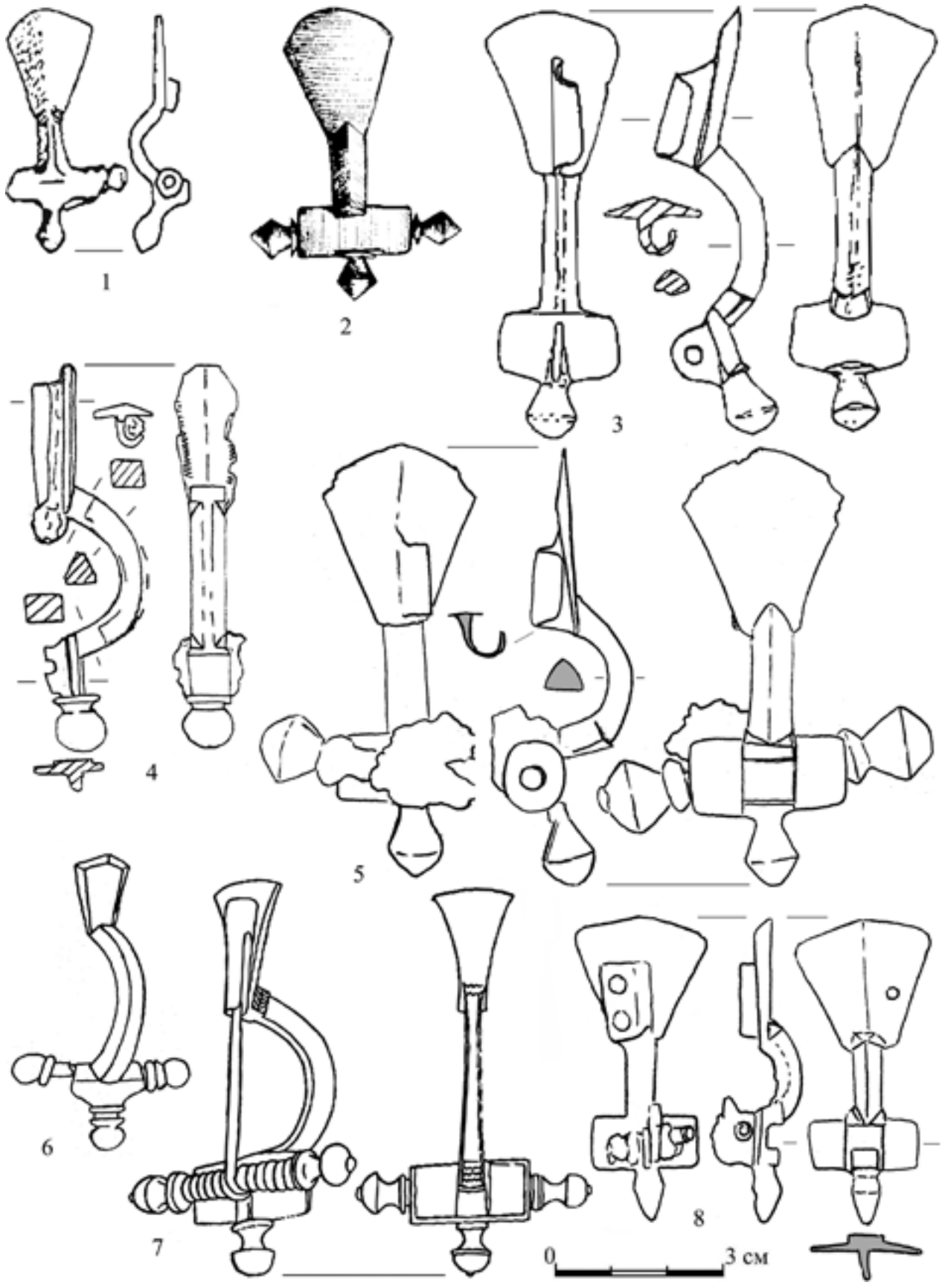


Рис. 2. Окские крестовидные фибулы и их прототипы.

1 — Введенское селище; *2* — Никитино, погр. 14; *3* — Брыкина гора (Можайск); *4* — Кошибеево, погр. 11; *5, 8* — Борки, погр. 91 и 37; *6* — Киевская губерния; *7* — Орловец.

1, 3 — по: Ахмедов 2008; *2* — по: Воронина, Зеленцова, Энговатова, 2005; *4, 5, 8* — рис. А. К. Амброза; *6, 7* — по: Амброз, 1966

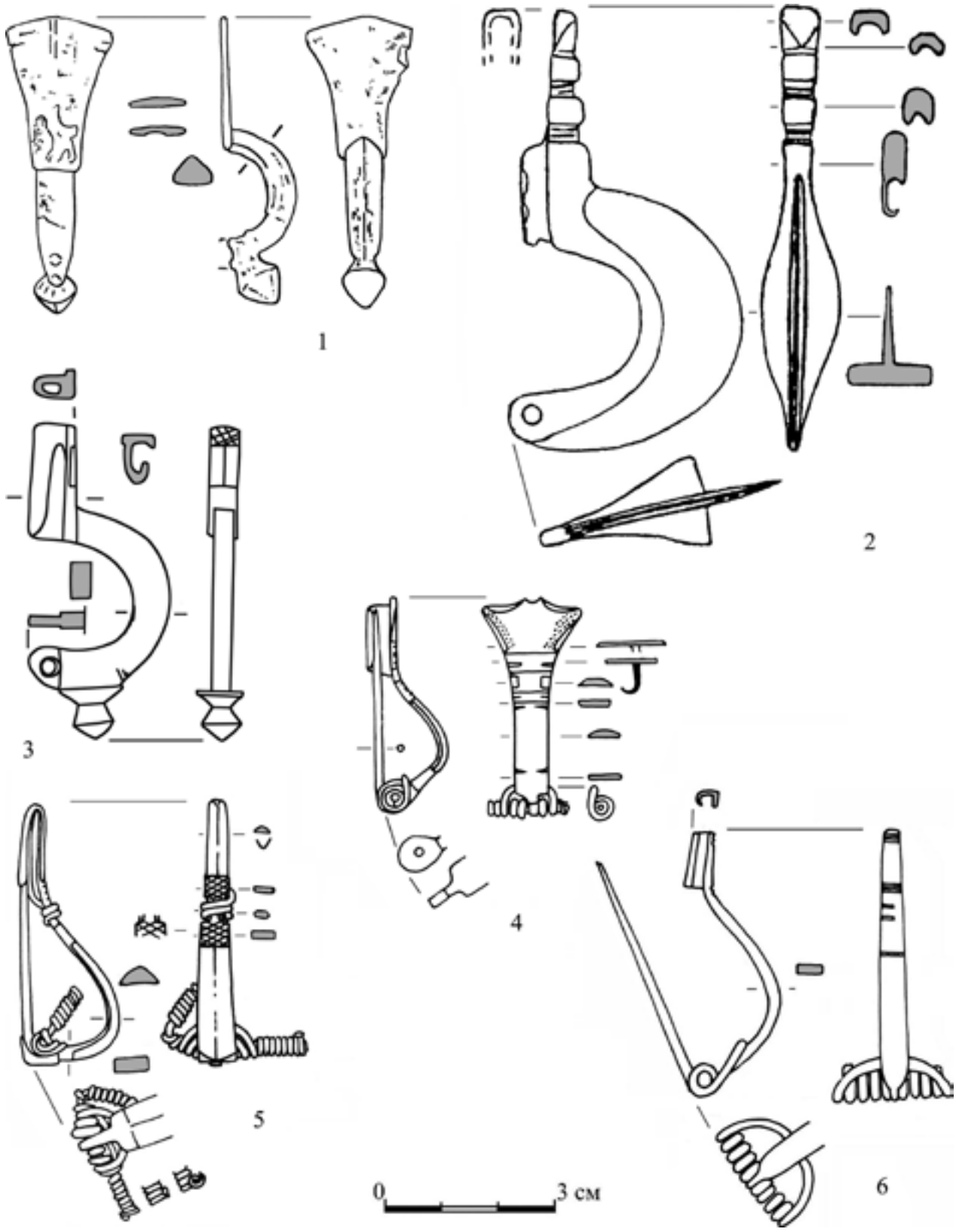


Рис. 3. Фибулы с памятников или из ареала мощинской культуры.
1 — Акиньшино; *2, 5* — Супруты; *3* — Бутырки/Мишнево; *4* — Шепилово; *6* — Борисово.
1, 2, 4, 5 — рис. И. О. Гавритухина; *3, 6* — рис. А. М. Воронцова

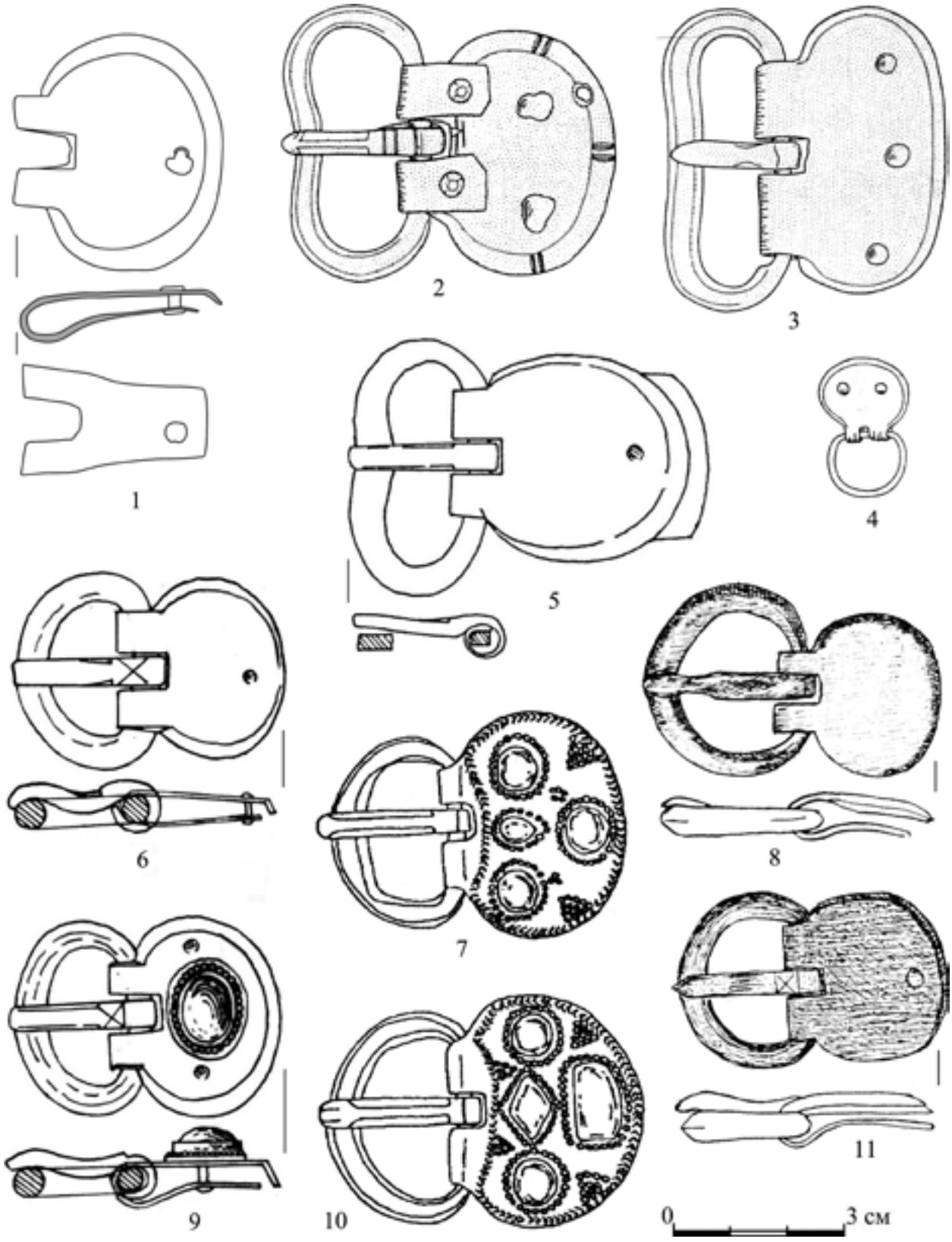


Рис. 4. Полые обоймы со скошенными краями.

1 — Велегож; *2–4* — Шагвар, погр. 257 и 198; *5* — Тезиковский могильник, погр. 34; *6, 9* — Селикса-Трофимовский могильник, погр. 8; *7, 10* — Тугозвоново; *8* — Заречье 4, погр. 11; *11* — Кораблино, мыс 1, погр. 75.

1 — рис. И. О. Гавритухина; 2–4 — по: Sommer, 1984; *5, 6, 9* — по: Гришаков, 2008; *7, 10* — по: Малашев, 2000; *8* — по: Ахмедов, Воронцов, 2012; *11* — рис. предоставлен И. В. Белоцерковской

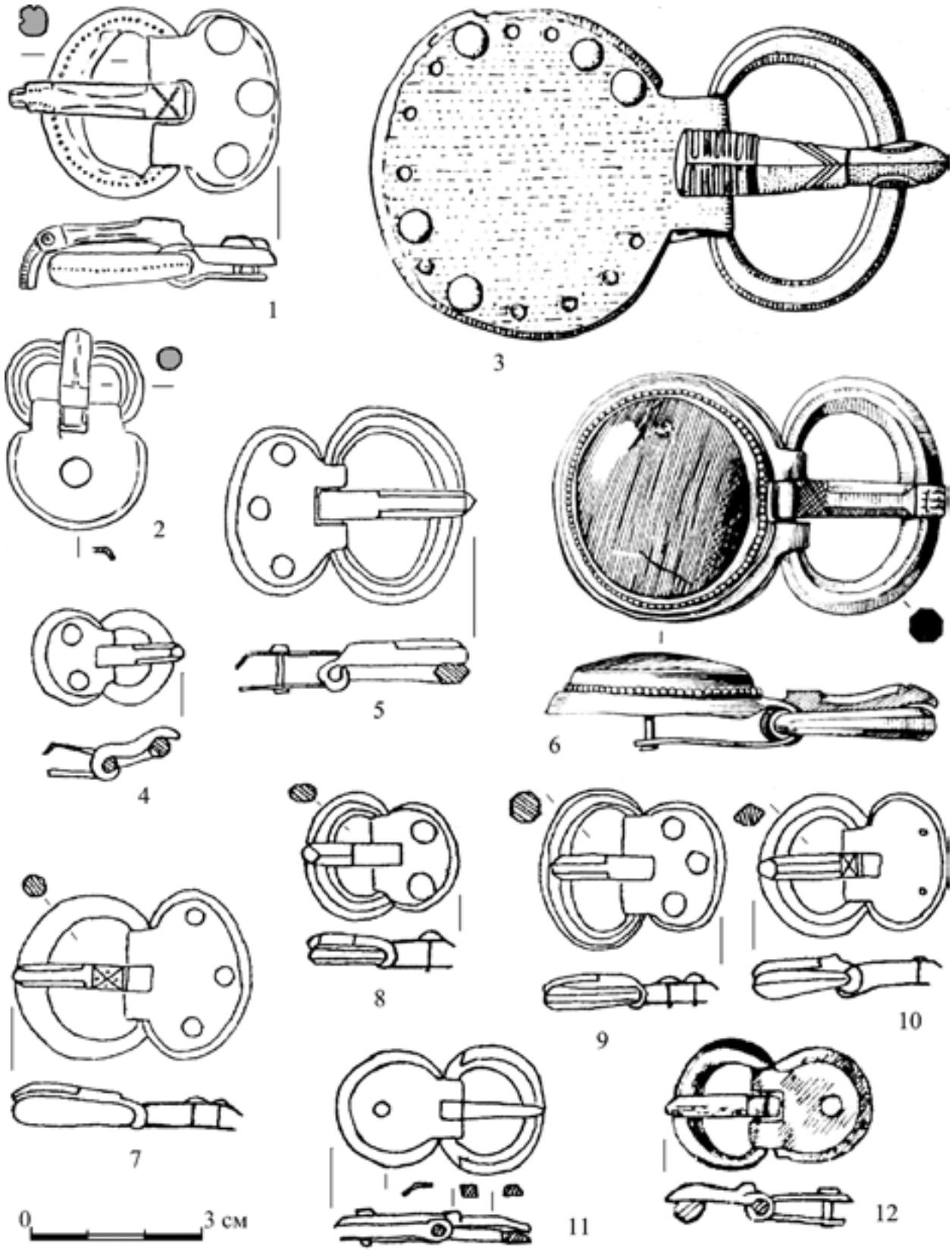


Рис. 5. Полые обоймы со скошенными краями.

1, 2 — Дюрсо, погр. 408; *3* — Смолин, погр. 32; *4, 5* — Градешка; *6* — Брюхановский выселок; *7–10* — Кишпек, курган 13; *11* — Конезавод I, курган 9; *12* — Рождественский могильник V, погр. 235.

1, 2 — рис. по фотографии; *3* — по: Madyda-Legutko, 1986; *4, 5, 7–11* — по: Малашев, 2000; *6* — по: Засецкая, 1994; *12* — по: Старостин, 2009

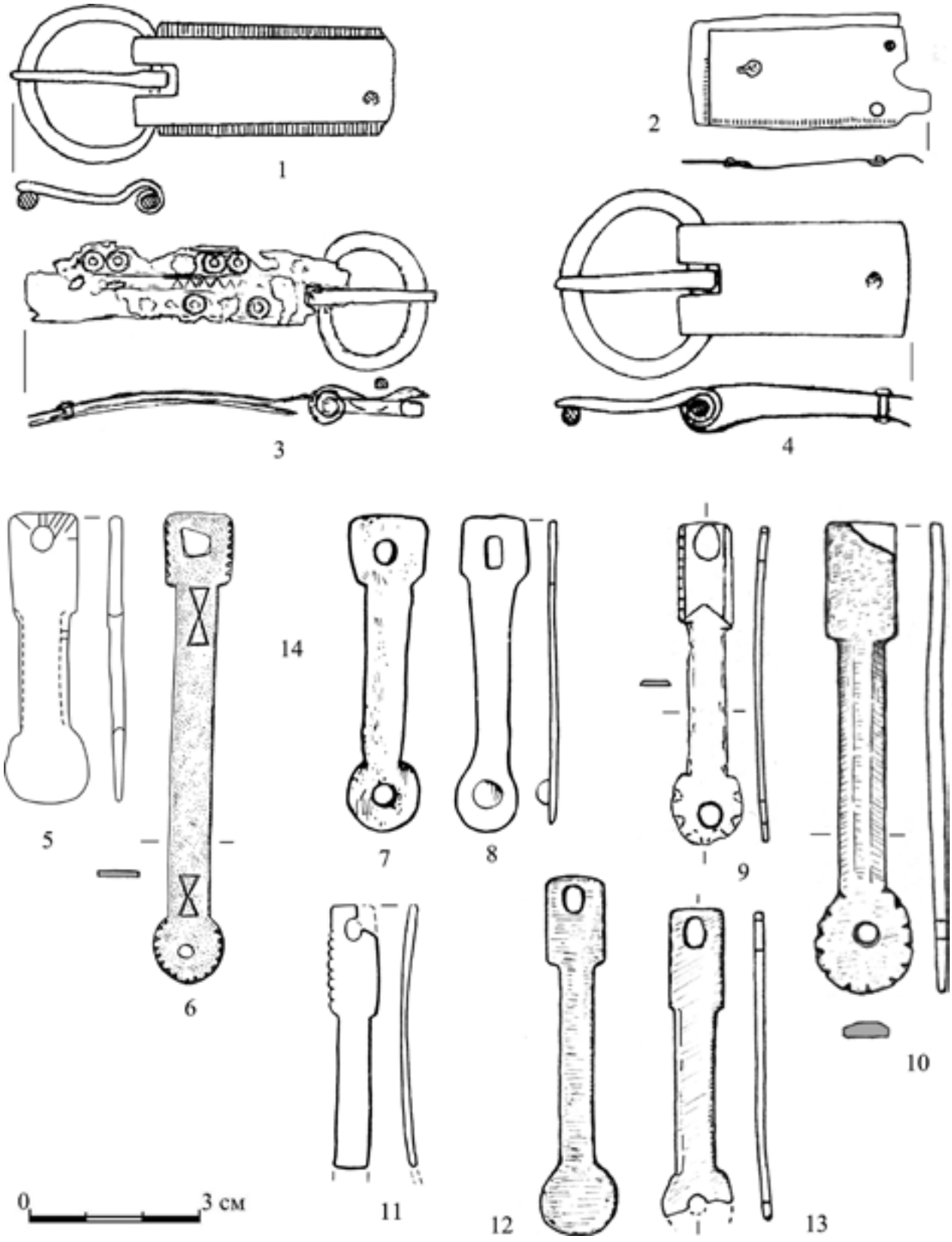


Рис. 6. Прямоугольные обоймы пряжек и наконечники ремней западноокской серии.

1 — Тезиковский могильник, погр. 37; *2, 5* — Велегож; *3, 7, 8* — Щербинское городище; *4* — Шемшийский могильник, погр. 11; *6* — Щепилово; *9, 10, 12, 13* — Дьяково городище; *11* — Троицкое городище.

1 — по: Гришаков, 2008; *2, 6* — рис. А.М. Воронцова; *3, 5, 9* — рис. И.О. Гавритухина; *4* — по: Гришаков, 2005; *7* — по: Дубынин, 1974; *8, 11* — по: Розенфельдт, 1982; *10, 12, 13* — по: Кренке, 2011 (*13* — с уточнениями по оригиналу)

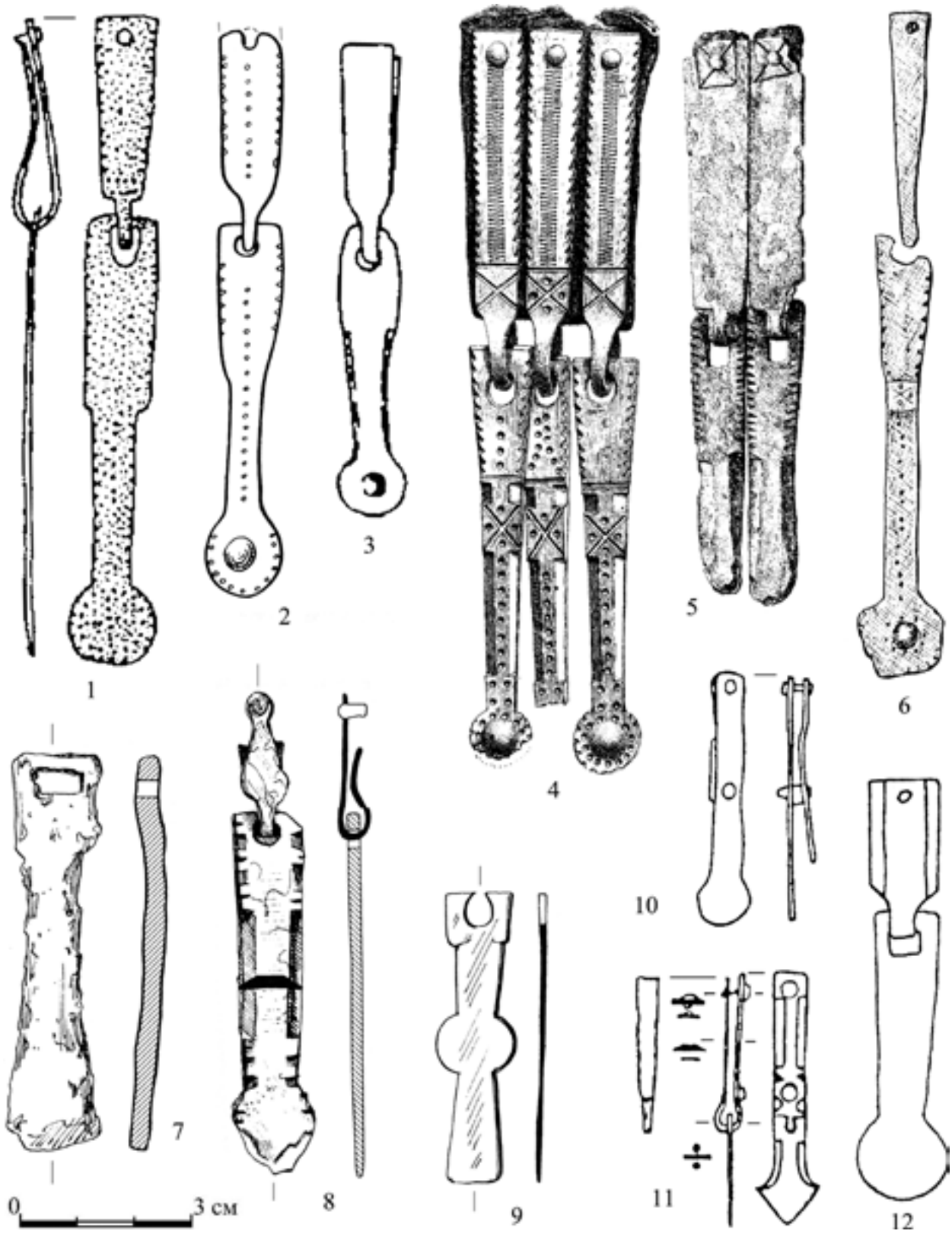


Рис. 7. Наконечники ремней.

1 — Заречье, погр. 120; *2* — Шатрище; *3* — Степановский могильник, погр. 7; *4* — Кузьминский могильник, погр. 69; *5* — Кошибеево, погр. 12; *6* — Кораблино, мыса 2, погр. 8; *7* — Ошкинский могильник, погр. 30; *8, 9* — Худяковский могильник, погр. 87; *9* — Виноградный, курган 2; *10* — Экажево 1, курган 1; *11* — Байрамгулово, курган 2, погр. 2.

1, 6 — рис. предоставлены И. В. Белоцерковской; *2* — по: Розенфельдт, 1982; *3* — по: Гришаков, 2009; *4, 5* — по: Спицын, 1901; *7–9* — по: Лешинская, 2014; *10–12* — по: Малашев, 2000 (*10* — рис. И. О. Гавритухина)

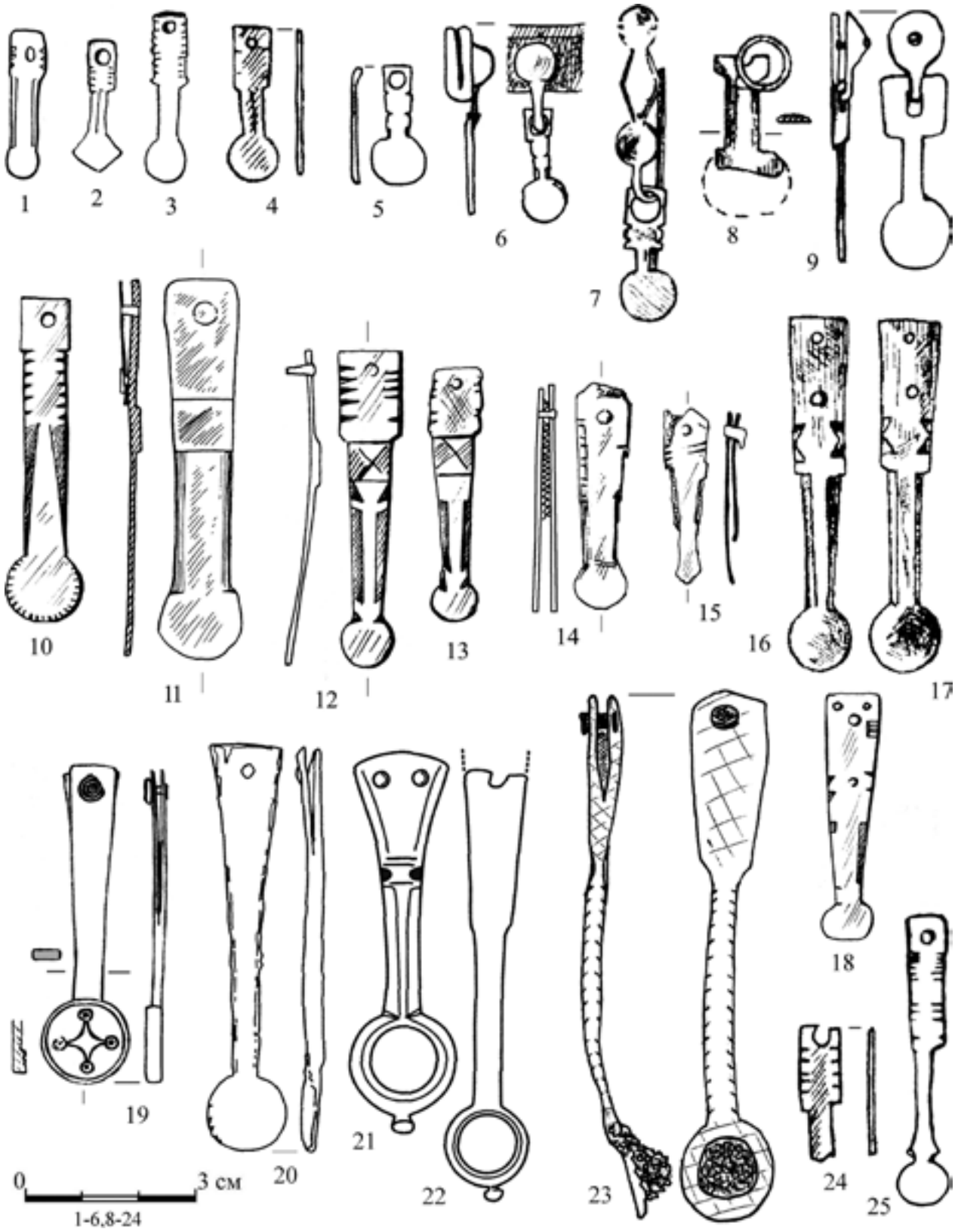


Рис. 8. Прямоугольные обоймы пряжек и наконечники ремней западноокской серии.

1 — Селикса-Трофимовский могильник; *2, 3, 5, 6, 9* — Тюм-Тюм, погр. 71, 102, 36; *4, 8, 16, 17, 24* — Рождественский могильник V, погр. 33, 235, 93, 24; *7, 25* — Мари-Луговской могильник; *10* — Азелинский могильник, погр. 11; *11, 15, 18* — Худяковский могильник, погр. 78, 107, 29; *12, 13* — Суворовский могильник, погр. 14, 5; *14* — Первомайский могильник, погр. 7; *19* — Зозоны; *20* — Лужец, погр. 88; *21* — Брест-Тришин, погр. 43; *22* — Прущь-Гданьски 10, погр. 206; *23* — Таутовский могильник.

1 — по: Розенфельдт, 1982; *2, 3, 5, 6, 9* — по: Ошибкина, 2010; *4, 8, 16, 17, 24* — по: Старостин, 2009; *7, 25* — по: Горюнова, 1934; *10, 12–14* — по: Лешинская, 2012; *11, 15, 18* — по: Лешинская, 2014; *19* — рис. И. О. Гавритухина; *20–22* — по: Madyda-Legutko, 2011; *23* — по: Мясников, 2013

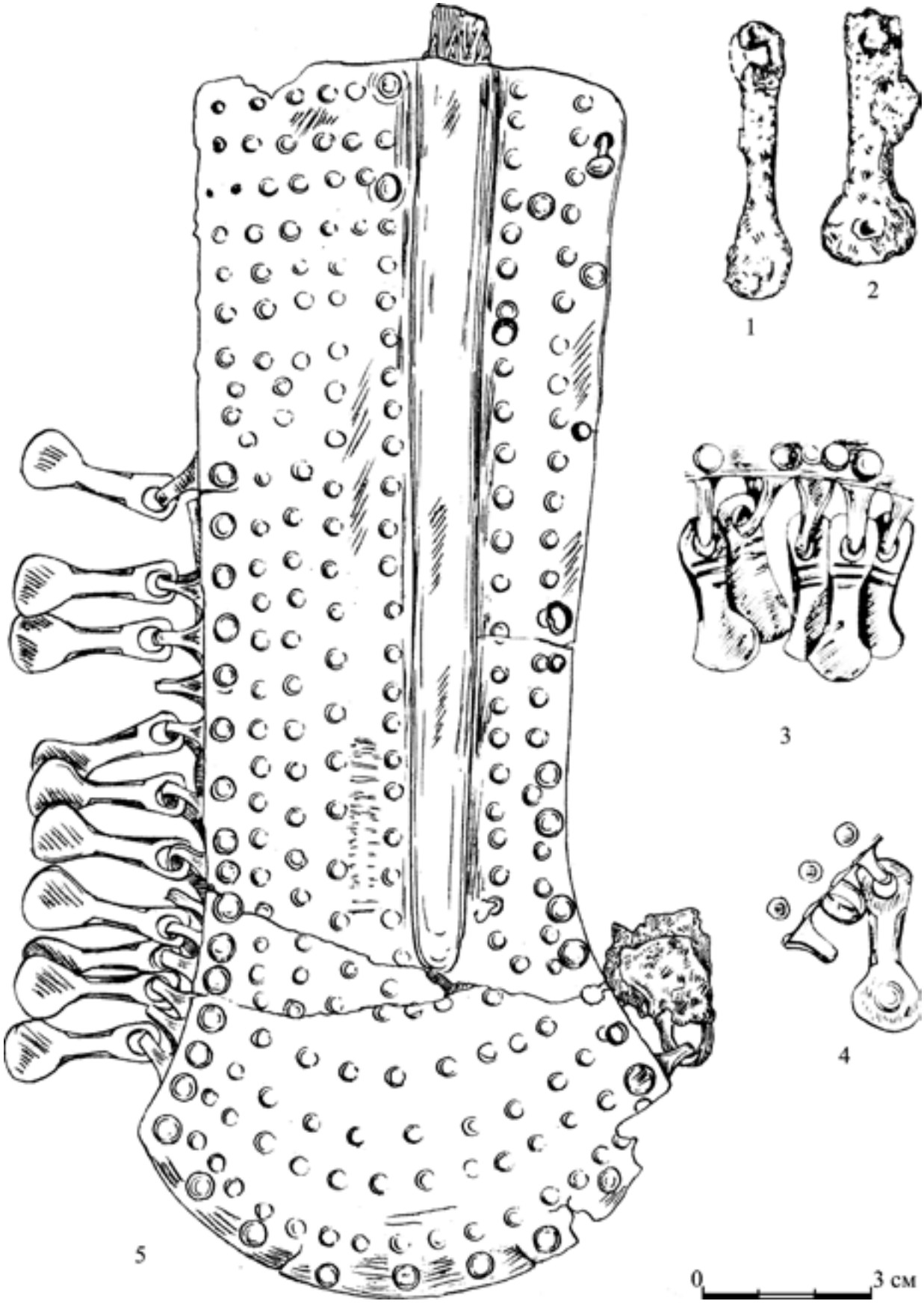


Рис. 9. Подвески мазунинской культуры из Покровского могильника.
1, 2 — погр. 71; *3* — погр. 109Б; *4* — погр. 95; *5* — погр. 135.
По: Останина, 1992

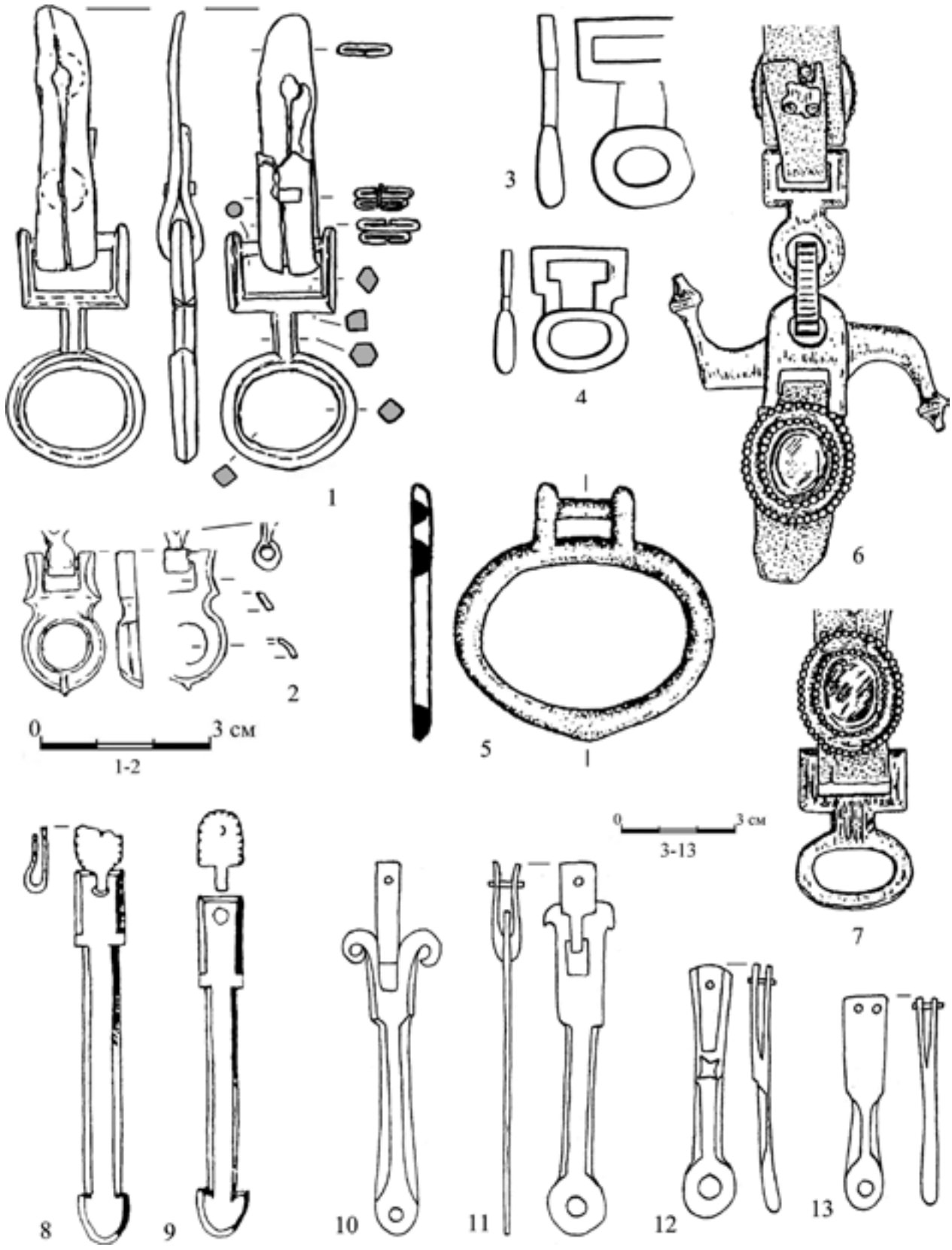


Рис. 10. Крепежные и подвесные ременные наконечники.

1 — Чми–Суаргом, катакомба 11; *2* — Тат-Бояр, погр. 17; *3, 4* — Дюрсо, конское захоронение 3; *5* — Бойтыгем II, курган 19; *6, 7* — Шамси; *8, 9* — Стёксово II; *10–13* — Котлубань, курган 2.

1, 2 — рис. И.О. Гавритухина; *3, 4* — по: Дмитриев, 1979; *5* — по: Степанова, 2006; *6, 7* — по: Kožomberdieva, Kožomberdiev, Kožemjako 1998; *8, 9* — по: Мартьянов 2001; *10–13* — по: Скрипкин, 1989; Малашев, 2000

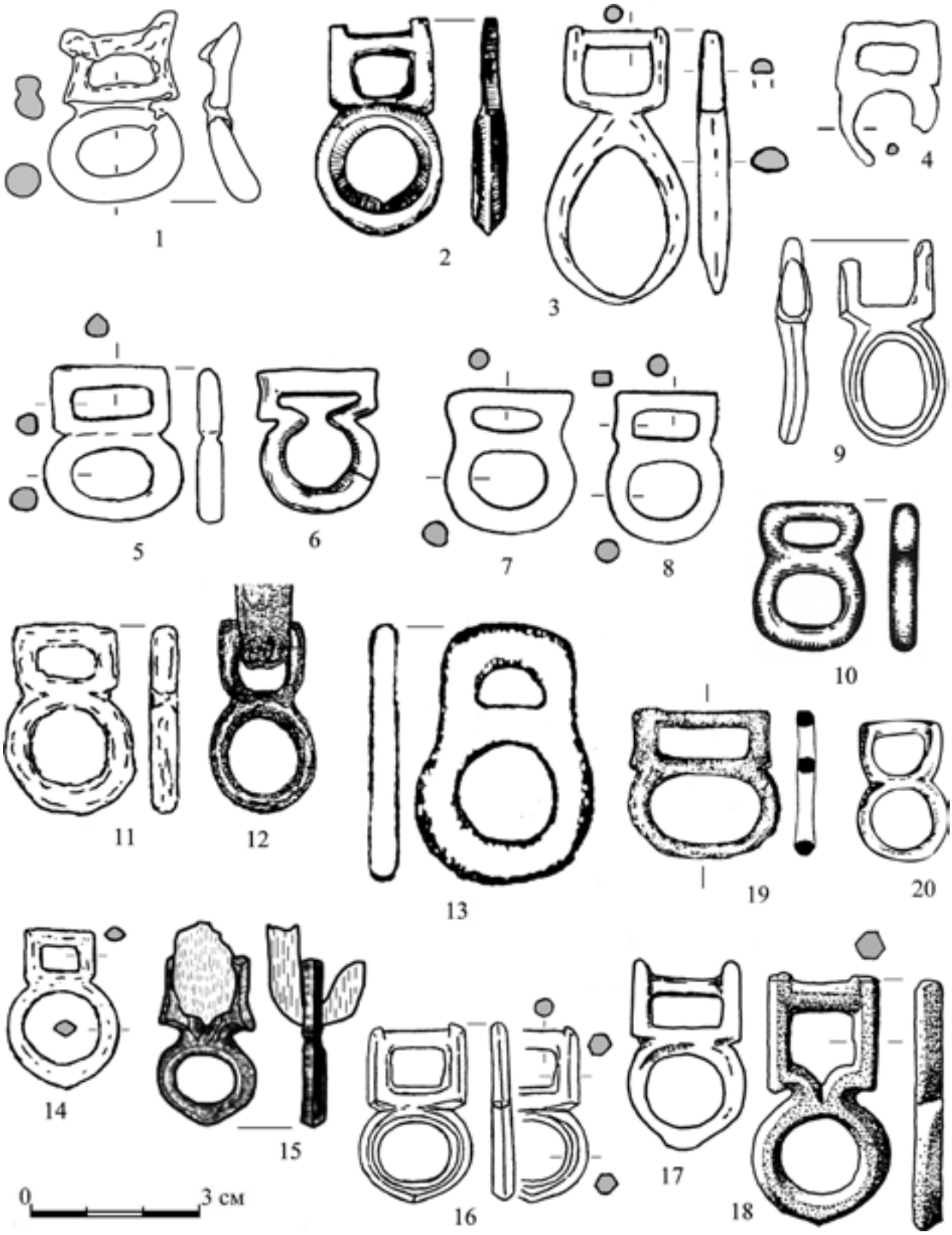


Рис. 11. Крепежные ременные наконечники.

1 — Велегож; *2* — погр. у станицы Здвиженской; *3* — Петропавловский могильник, погр. 13; *4* — Ахмылово, погр. 56; *5* — Кугульский склеп 4; *6* — Курнаевка; *7, 8* — Дюрсо, конское захоронения 4 и 11; *9* — Кораблино, мыс 1, погр. 177; *10* — склеп у горы Развалка; *11* — Разград или его окрестности; *12* — Хасаут, склеп 3; *13* — Кугульский могильник 1, катакомба 8; *14* — Херсонес; *15* — Галиат; *16* — Чми–Суаргом, катакомба 11; *17* — Харх; *18* — Чми, катакомба Б; *19* — Зарагиж, погр. 118; *20* — Залахтовье, курган 154, погр. 10.

1, 3, 5, 11, 14, 16 — рис. И. О. Гавритухина; *2, 6* — по: Засецкая, 1994; *4* — рис. А. В. Богачева; *7, 8* — по: Дмитриев, 1979; *9* — по: Ахмедов 1995; *10* — по: Рунич, 1979; *12* — рис. из архива В. А. Лученкова; *13* — по: Рунич, 1969; *15* — Кадиева, 2012; *17* — по альбому Д. Я. Самоквасова; *18* — по: Хайнрих, 1995; *19* — по: L'Or …, 2001; *20* — по: Хвощинская, 2004

И. А. Сапрыкина

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ВЕЛЕГОЖСКОГО КЛАДА

Химический состав металла предметов из клада, найденного на городище Велегож[1], исследовался неразрушающим методом безэталонного РФА на РФА-спектрометре M1 Mistral (Bruker). Обработка спектров проводилась на соответствующем программном обеспечении Xspect (Bruker). Ранжирование металлов и сплавов проводилось в соответствии с принятой методикой, где порог легирования принят за 1,0% [Ениосова и др., 2008. С. 131, табл. 2.8].

Анализ был выполнен для 20 металлических предметов из клада: исследовались три спиралевидные пронизи (рис. 33, *1–3*), одна крупная проволочная спираль (рис. 33, 9), две подвески-лунницы (рис. 34, *1–2*), фрагмент спирального многовиткового браслета (рис. 35, 1), три круглые бусины (рис. 34, *20–22*), три пластинчатые обоймы с кольцами (рис. 33, *11–13*) и 7 ведерковидных подвесок (рис. 34, *3–9*). Для получения данных о химическом составе металла выполнялась съемка с нескольких разных точек на поверхности исследуемого объекта, предварительно реставрированного или очищенного; в отдельных случаях (к примеру, спиралевидные пронизи, пластинчатые обоймы) анализ выполнялся на патинированном слое и результаты исследования, скорее, относятся к типу качественного анализа. Результаты аналитического исследования приведены в таблице 1. В ней суммированы все элементы, зафиксированные в процессе анализа; разъяснения по поводу присутствия тех или иных элементов в сплавах приведены в тексте.

В составе клада из городища Велегож присутствуют предметы, изготовленные как из серебра, так и из сплавов на основе меди. Для данной публикации были исследованы не все предметы из клада, поэтому определение процентного соотношения предметов в кладе по типу металла преждевременно. Представляется, что следующим этапом изучения металлических предметов из клада, помимо увеличения аналитической выборки, будет также исследование их техники изготовления.

Изделия из серебра. Из серебра в выборке изготовлены крупная проволочная спираль, две подвески-лунницы и две ведерковидные подвески.

Проволочная спираль изготовлена из «желтого» многокомпонентного серебра [Ениосова и др., 2008. С. 132. Табл. 2.11]; содержание драгоценного металла составляет 86,99–90,07%. Кроме серебра, зафиксировано наличие меди (5,6–9,02%), олова (1,66–1,78%) и свинца (1,46–1,71%). Содержание таких элементов, как золото, цинк и висмут, крайне низко и не превышает половины процента (табл. 1, пробы *1–1b*).

Серебро двух подвесок-лунниц, несмотря на некоторую вариативность результатов проведенного анализа, также относится к типу «желтого» многокомпонентного серебра; его содержание колеблется от 84,07 до 92,28% (табл. 1, пробы *2–3c*). Можно отметить стабильно низкое содержание всех остальных зафиксированных элементов, в общем сопоставимое с металлом проволочной спирали. Исключением является только серебро подвески-лунницы (рис. 34, *2*), где содержание свинца повышено до 5% значения (табл. 1, пробы *3–3c*). Анализом исследовался металл не только «тела» подвесок, но также «ушки» (табл. 1, пробы *2*, *3*) и крепежные элементы (штифты; табл. 1, пробы *2a*, *3a*) — принципиальных различий в химическом составе металла этих деталей выявлено не было.

Для двух ведерковидных подвесок (рис. 34, *8–9*) из-за сильного загрязнения поверхности было взято только по одной пробе (табл. 1, пробы *9–9a*): предварительно серебро относится к типу многокомпонентного высокопробного серебра (табл. 1, проба *9a*) и к типу «желтого» многокомпонентного серебра (табл. 1, проба *9*), с присадками железа, меди и свинца (1–3%). Расширение этой выборки, вероятно, позволит скорректировать полученные данные и более четко определить тип серебра, из которого были изготовлены анализируемые предметы.

Изделия из сплавов на основе меди. Из сплавов на основе меди в исследуемой выборке изготовлены три спиралевидные пронизи, фрагмент спирального многовиткового браслета, 3 круглые бусины, 3 пластинчатые обоймы с кольцами, 5 ведерковидных подвесок.

Исследованный фрагмент спирального многовиткового браслета, для которого было получено три пробы (табл. 1, пробы *4–4b*), изготовлен из тройной латуни (CuPbZn), где содержание свинца составляет 4,09–6,39%, цинка 1,63–6,39% (среднее значение содержания цинка не превышает 2%). На уровне микропримесей зафиксированы такие элементы, как железо и серебро; зафиксированные кобальт и никель в одной из проб относятся, скорее всего, к «следовым» количествам и не отражают их реального присутствия в металле браслета, так как при пересчете спектра с помощью программной опции *«Deconvolution»* (повышение разрешения спектра) наличие Co и Ni в пробе не подтвердилось (табл. 2).

[1] В статье даются ссылки на рисунки предметов, помещенные в статье А. М. Воронцова и Е. В. Столярова в настоящем сборнике.

Круглые бусины изготовлены из многокомпонентного сплава (CuSnPbZn) (табл. 1, пробы *5–5c*). В металле массивной бусины (табл. 1, пробы *5–5a*) зафиксировано повышенное содержание олова (11,95–13,55%) по отношению к свинцу (4,43–4,99%) и цинку (3,58%), тогда как в металле более мелких бусин (табл. 1, пробы 5b–5c) преобладает повышенное содержание свинца (11,02%, 9,85%) по отношению к олову (8,41% и 4,62%) и цинку (3,92% и 5,21%). Во всех пробах зафиксировано «следовое» количество никеля и висмута; микропримесями к сплаву являются железо и серебро.

Пластинчатые обоймы также изготовлены из многокомпонентного сплава, и сама обойма, и крепежные кольца (табл. 1, пробы *6–6f*). Во всех пробах зафиксировано повышенное по отношению к другим легирующим компонентам содержание свинца и стабильно низкое содержание олова; химический состав металла дрота и обоймы не имеет существенных отличий. Из сплава с аналогичными характеристиками изготовлены и спиралевидные пронизи (табл. 1, пробы *7–7e*); однако здесь ясно виден эффект, который возникает при анализе патинированной (или загрязненной) поверхности по методу РФА. Для двух пронизей (табл. 1, пробы *7–7a* и 7d–7e) анализ выполнялся на поверхностях с «чистым» металлом, который был найден при визуальном обследовании поверхности: здесь содержание свинца в пределах 4,94–6,37%, что разительно отличается от результатов анализа пронизи, где такую поверхность найти не удалось (пробы 7b–7c: Pb — 11,90–12,99%). Способность свинца к ликвации на поверхность усиливается при процессах коррозии, что необходимо учитывать при выполнении анализов, в частности, по методу РФА-спектроскопии.

Анализ пяти ведерковидных подвесок (табл. 1, пробы *8–8-4a*) выполнялся отдельно для «тела» подвески и отдельно для дужки; подвески не прошли реставрацию, но были предварительно очищены для большей корректности результатов анализа. Результаты следующие: «тело» подвесок выполнено из многокомпонентного сплава (табл. 1, пробы *8, 8-1, 8-2, 8-3, 8-4*), ушки — из свинцовой бронзы (табл. 1, пробы *8a, 8-1a, 8-2a, 8-3a, 8-4a*), причем содержание свинца здесь, судя по всему, также повышено по сравнению с истинным значением.

Проведенное исследование химического состава металлических предметов из Велегожского клада конца IV — 1-й половины V в. позволило определить наличие в кладе предметов, выполненных из нескольких типов сплавов и металлов.

Часть предметов выполнена из многокомпонентного «желтого» и высокопробного серебра, дополнительно легированного сплавом с крайне низким содержанием цинка. Значение таких «важных» для серебра примесей, как золото и висмут, в металле проанализированных предметов крайне низко, также отсутствуют сурьма и мышьяк, что может быть косвенным признаком принадлежности серебра к определенной рудной формации. Обращает на себя внимание в этой связи стабильно низкое содержание олова в серебре исследованных предметов (усредненное значение 1%), что может косвенно указывать на присутствие олова в серебре как микропримеси, а не искусственной присадки. Известно, что примеси олова в серебре маркируют добычу серебра из оловянно-цинковых руд, месторождения которых, к примеру, известны на Балканах, где рудники активно разрабатывались в римское и ранневизантийское время [Томовић, 1995. С. 120–123].

В составе клада также присутствуют изделия из свинцовой латуни и свинцовой бронзы, многокомпонентного сплава с пониженным содержанием цинка и с разным содержанием олова или свинца; предварительно можно сказать о наличии разных типов многокомпонентного сплава в Велегожском кладе. Обращает на себя внимание малое количество предметов, в металле которых содержится достаточно высокое количество олова (бусины), а также использование для изготовления ведерковидных подвесок двух разных типов сплава (многокомпонентный сплав и свинцовая бронза). Преимущественное использование многокомпонентных сплавов имеет некоторую степень близости с данными, полученными для металла Троицкого городища в Москворечье [Сапрыкина, 2005. С. 530–533], Юго-Восточной и Восточной Прибалтики, а также для материалов могильника Суук-Су (Южный Крым) и предметов из Мощинского клада [Черных, Барцева, 1972. С. 57–58], однако материал Велегожского клада выделяется тем, что здесь содержание цинка стабильно низкое, в отличие от вышеперечисленных коллекций. Статистическое распределение по содержанию основных легирующих компонентов в сплавах на основе меди в велегожском кладе свидетельствует в пользу преимущественного использования многократно переплавленного цинкосодержащего сплава, при этом не ясно, вводился ли в него дополнительно свинец или полученные данные — ошибка анализа. Тем не менее расширение выборки (не только из состава изучаемого клада) и аналитическое исследование близких по хронологии материалов способны дать новую научную информацию о циркуляции металлов и сплавов на территории Европейской части России в IV–V вв.

Литература

Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья / Отв. ред. Н. В. Рындина. М., 2008. С. 107–154.

Сапрыкина И. А. Производственный ювелирный комплекс Троицкого городища дьяковской культуры // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. Сб. статей / Гл. ред. В. И. Гуляев. М., 2005. С. 521–534.

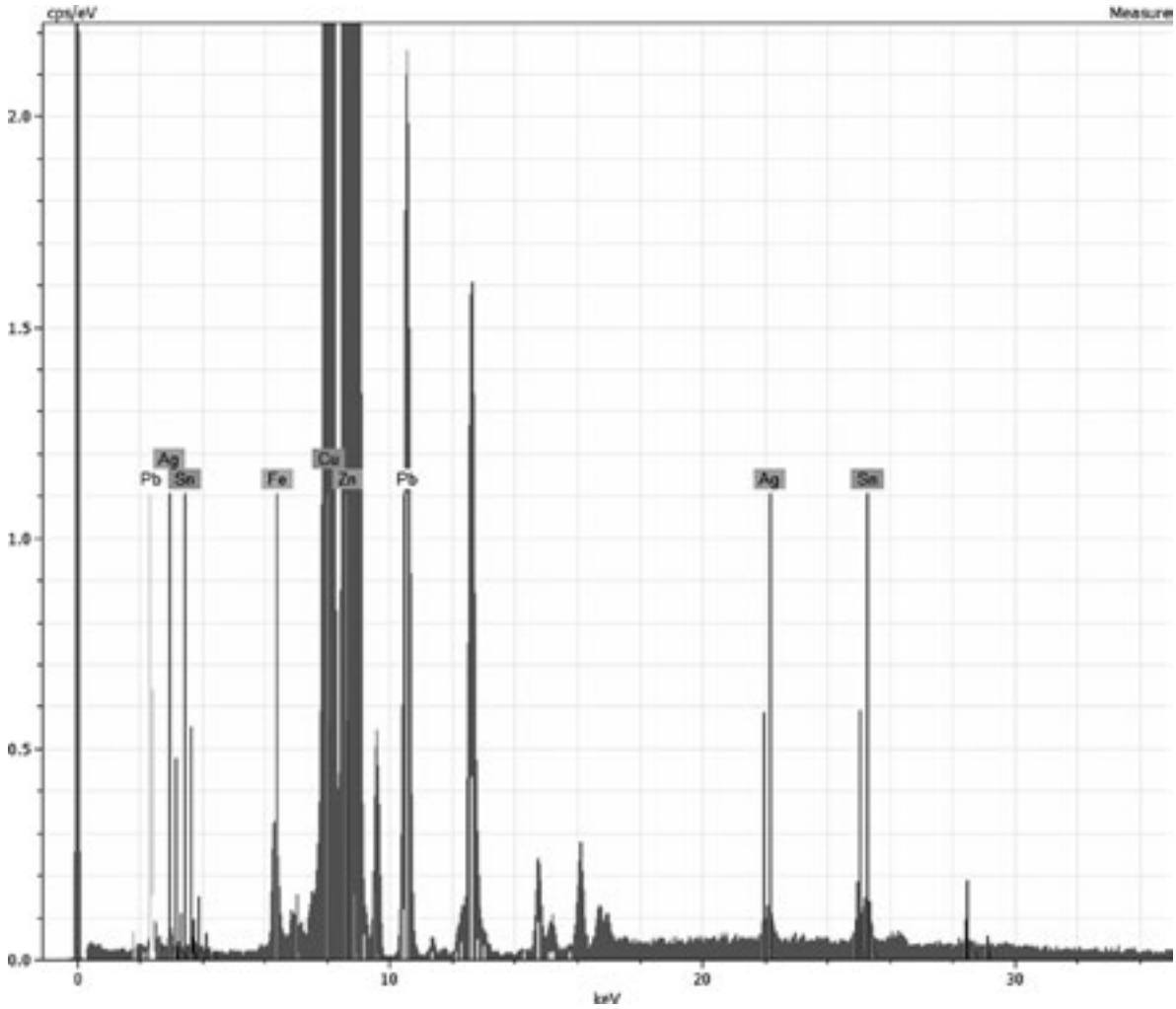
Черных Е.Н., Барцева Т.Б. Сплавы цветных металлов // Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черных Е. Н. Металл черняховской культуры. МИА. № 187. М., 1972. С. 50–94.

Томовић М. Римско рударство и металургија сребра у Горњој Мезији // Радионице и ковнице сребра (Silver workshops and mints). Кн. 9. Београд, 1995. С. 117–126.

Таблица 1. **Результаты аналитического исследования металлических изделий из Велегожского клада**

№ пробы	Наименование	Рисунок	Fe	Co	Ni	Cu	Zn	Ag	Sn	Au	Pb	Bi
1	Крупная проволочная спираль	33, 9	0	0	0	9,02	0,09	86,99	1,66	0,70	1,46	0,08
1a			0	0	0	6,81	0,10	88,87	1,77	0,78	1,58	0,09
1b			0	0	0	5,6	0,08	90,07	1,78	0,67	1,71	0,09
2	Подвеска-лунница	34, 1	0	0	0	10,73	1,21	84,84	0,96	0,49	1,60	0,15
2a			0	0	0	8,18	0,80	85,17	2,61	0,49	2,60	0,17
2b			0	0	0	6,08	1,35	90,83	0,07	0,39	1,11	0,17
2c			0	0	0	5,67	1,24	91,28	0,15	0,40	1,10	0,16
3	Подвеска-лунница	34, 2	0	0	0	4,14	0,92	89,36	0,86	0,50	4,07	0,16
3a			0,10	0	0	4,22	0,65	86,23	2,67	0,52	5,44	0,16
3b			0	0	0	8,26	1,38	84,07	0,20	0,34	5,58	0,17
3c			0	0	0	3,68	1,10	92,28	0,07	0,37	2,29	0,20
4	Спиральный многовитковый браслет	35, 1	0,18	0,02	0,04	88,99	6,39	0,10	0,19	0	4,09	0
4a			0,41	0	0	90,95	1,84	0,11	0,27	0	6,42	0
4b			0,14	0	0	93,52	1,63	0,10	0,25	0	4,35	0
5	Бусина	34, 20	0,51	0	0,06	78,69	3,58	0,24	11,95	0	4,99	0
5a			0,56	0	0,07	77,57	3,58	0,24	13,55	0	4,43	0
5b	Бусина	34, 21	1,76	0	0,03	74,53	3,92	0,23	8,41	0	11,02	0,10
5c	Бусина	34, 22	0,96	0	0,06	79,13	5,21	0,13	4,62	0	9,85	0,04
6	Пластинчатая обойма с кольцом	33, 12	0,26	0	0	81,41	3,38	0,19	2,69	0	11,97	0,05
6a			0,80	0	0	79,78	2,63	0,36	3,56	0	12,81	0,06
6b	Пластинчатая обойма с кольцом	33, 13	0,20	0	0,04	80,94	4,90	0,14	2,17	0	11,56	0,05
6c			0,48	0	0,03	81,39	6,27	0,16	1,78	0	9,86	0,03
6d	Пластинчатая обойма с кольцом	33, 11	0,60	0	0	87,47	4,24	0,21	1,57	0	5,85	0,05
6e			0,47	0	0,03	74,64	7,00	0,16	3,01	0	14,64	0,06
6f			0,48	0	0	74,17	6,58	0,17	3,24	0	15,30	0,05
7	Пронизь спиралевидная	33, 1	1,41	0	0,05	84,35	5,75	0,52	2,47	0	5,39	0,06
7a			1,82	0	0,04	82,96	5,61	0,56	2,58	0	6,37	0,06
7b	Пронизь спиралевидная	33, 2	0,93	0	0	80,07	3,16	0,12	2,68	0	12,99	0,05
7c			0,66	0	0	81,43	3,32	0,14	2,52	0	11,90	0,03
7d	Пронизь спиралевидная	33, 3	1,33	0	0,04	84,88	6,29	0,45	2,02	0	4,95	0,04
7e			1,19	0	0,05	85,02	6,26	0,47	2,03	0	4,94	0,05
8	Ведерковидная подвеска	34, 3	1,24	0,02	0,02	82,50	7,55	0,23	3,03	0	5,40	0
8a			0,13	0	0	92,56	0,74	0,17	0,13	0	6,27	0
8-1	Ведерковидная подвеска	34, 4	0,52	0	0,03	78,71	7,96	0,15	4,01	0	8,59	0,03
8-1a			0,25	0	0	93,45	0,67	0,21	0,12	0	5,30	0
8-2	Ведерковидная подвеска	34, 5	2,47	0	0	76,32	6,90	0,27	4,00	0	10,04	0
8-2a			0,21	0	0	94,10	0,56	0,18	0,06	0	4,89	0
8-3	Ведерковидная подвеска	34, 6	0,45	0	0	81,20	7,11	0,16	4,10	0	6,99	0
8-3a			0,78	0	0,03	91,58	0,57	0,41	2,01	0	4,63	0
8-4	Ведерковидная подвеска	34, 7	0,58	0	0	81,70	5,74	0,14	3,77	0	8,08	0
8-4a			0,43	0	0	95,06	0,34	0,07	0,41	0	3,70	0
9	Ведерковидная подвеска	34, 8	1,45	0	0	9,87	0,91	84,86	0,82	0	1,33	0,16
9a	Ведерковидная подвеска	34, 9	0,39	0	0	3,71	0,18	92,57	0,96	0,82	1,28	0,09

Таблица 2. **Пример пересчета спектра пробы 4 (металл браслета) с помощью опции Deconvolution: отсутствие пиков кобальта и никеля**



И. В. Белоцерковская

ЗАСТЕЖКИ-СЮЛЬГАМЫ ИЗ РЯЗАНО-ОКСКИХ МОГИЛЬНИКОВ ЗАРЕЧЬЕ И КОРАБЛИНО: ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Светлой памяти Виктора Николаевича Шитова — замечательного исследователя и человека

Округлые и овальные пластинчатые и проволочные (дротовые) застежки-сюльгамы с иглой, напущенной на рамку, и завернутыми в спираль или трубочки концами, расположенными параллельно друг другу и перпендикулярно плоскости изделия, являются непременным атрибутом одежды окских финнов позднеримского и раннесредневекового времени. В силу массовости находок это чрезвычайно важный источник при разработке хронологии рязано-окских памятников, особенно при анализе комплексов, не содержащих других хроноиндикаторов. Кроме того, во многих случаях сюльгамы являются единственной категорией, на основе которой предоставляется возможность синхронизации детских, мужских и женских погребений.

В свое время В. В. Гольмстен подметила, что в могильниках Кошибеево, Кузьминский, Борковский и других трубочки и спирали на концах сюльгам (далее — концы) со временем удлиняются, что характерно и для более поздних финских памятников [Гольмстен, 1923. С. 6]. В качестве хронологического индикатора развития женского костюма древней мордвы рассматривала подобные застежки и А. Е. Алихова [Алихова, 1959. С. 18. Табл. 1; 1969. С. 10]. Учитывая это наблюдение, В. И. Вихляев разработал классификацию сюльгам из могильников Верхнего Примокшанья и Посурья [Вихляев, 1977. С. 16, 17], а позже и всей западной части Среднего Поволжья с I по XIV в. [Вихляев, Беговаткин и др., 2008]. В качестве одного из основных признаков рассматривалась длина концов: равная ширине сечения кольца сюльгамы; удлиненная, но менее 1/3 величины кольца; более 1/3.

В. Н. Шитов при публикации материалов Старокадомского могильника также отметил большое значение работ по классификации сюльгам как одной из самых массовых категорий находок. При выделении групп наиболее поздних погребений он учитывал изменение во времени длины концов сюльгам [Шитов, 1988. С. 27. Табл. XXIV: 22].

Необходимо отметить, что в рассматриваемых могильниках[1] массив пластинчатых застежек более чем в 3 раза превышает количество дротовых. Это обусловлено многослойностью женской одежды, для которой наиболее характерны именно пластинчатые экземпляры изделия, и использованием сюльгам в том числе и в конструкции женских головных уборов. Тенденция удлинения концов по мере развития костюма наблюдается в обоих видах сюльгам, но в связи с разной технологией их изготовления пластинчатые и дротовые застежки следует рассматривать по отдельности.

Пластинчатые сюльгамы

Такие застежки (рис. 1) изготавливались из литой заготовки путем «косметической» или формующей ковки с последующим нанесением декора и сборкой [Сарачева, 2007. С. 111]. Концы их могли быть уже или равны ширине пластины сюльгамы в основной ее части, либо быть сильно раскованными и тогда выступающими за пределы контуров основной части изделия. Эти сюльгамы различаются величиной поперечников рамки, шириной пластины, длиной концов и видами орнамента.

И. Р. Ахмедов, анализируя материал финских могильников, пришел к выводу, что наиболее показательным с точки зрения хронологии признаком для пластинчатых сюльгам из среднеокских памятников является *отношение длины их концов к ширине пластины* (далее — ***индекс А***). Именно по этому признаку мною в свое время и были систематизированы пластинчатые сюльгамы [Белоцерковская, 2007. С. 189]. В целом работа была проведена в верном направлении. Но утверждать, что результаты ее применимы ко всему объему этого материала нельзя: в ряде случаев разработанная на основе сюльгам датировка погребальных комплексов не соответствовала хронологической позиции других входивших в их состав категорий инвентаря. Поэтому возникла необходимость ревизии полученных ранее результатов и разработки более корректной методики систематизации этой категории предметов.

Надо заметить, что создание универсальной классификации сюльгам не входит в задачи предлагаемой

[1] Могильники Заречье и Кораблино расположены соответственно в Спасском и Рязанском районах Рязанской области на берегах рек Проня и Листвянка (приток Оки). Заречье исследовалось А. Н. Сорокиным в 1991 г. (изучено 29 комплексов), в 1996, 1998, 1999 и 2001 — И. В. Белоцерковской (230 комплексов). В Кораблино, раскопанном почти полностью, вскрыто около 272 погребений (в 1986–1993 гг. И. В. Белоцерковской и в 1994 г. И. Р. Ахмедовым — 31 погребение). Все материалы хранятся в ГИМ. Опубликованы частично в ряде статей (Ахмедов, 1995, 2007, 2012; Ахмедов, Воронцов, 2012; Белоцерковская, Сорокин, 1992; Белоцерковская, 1998, 1999, 2005, 2007, 2010, 2012а, 2012б; Ахмедов, Белоцерковская, 1996 и др.).

работы, поскольку представляется неосуществимой. Сюльгамы изготавливались разными мастерами, обладавшими разными техническими навыками. Кроме того, эти застежки относятся к разным периодам исторического развития рязано-окского населения, включая этапы его сложения как монолитного массива со всем вытекающим отсюда культурным своеобразием, расцвета и заката культуры, когда прекращают свое функционирование крупнейшие могильники. В связи с этим более обоснованной процедурой работы с сюльгамами является их систематизация.

Работа проведена в несколько связанных между собой этапов.

1. Формирование базы данных, предусматривающее оценку степени сохранности, а следовательно, и информативности каждого экземпляра[2]. Степень сохранности концов сюльгам, которые вследствие хрупкости материала часто уже в момент вскрытия погребального комплекса оказываются частично обломанными (имеются в виду утраты по верхнему и нижнему краям спиралей и трубочек на концах), далеко не всегда можно установить визуально. В связи с этим предлагается включать в источниковую базу только те комплексы, где сохранилось не менее двух, а лучше трех и более экземпляров сюльгам рассматриваемого вида. Если в погребении было 2–3 и более застежек с приблизительно одинаковыми характеристиками, а одна с совсем иными, то это может свидетельствовать о нарушенности комплекса[3]. Поэтому необходимо более детально рассмотреть условия находки, и если они сомнительны, то этот экземпляр из базы следует исключить.

В случае наличия в комплексе двух и более экземпляров с одинаковым значением индекса А, близким к 1, все они вносятся в базу данных. Это относится и к застежкам, ширина пластины которых превышает длину концов (концы сюльгам часто ломаются именно по ширине пластины, поэтому в общем массиве наиболее велико количество экземпляров с индексом А, примерно равным 1).

2. Работа с полученной базой данных, предусматривающая обмеры каждого экземпляра, включая максимальный поперечник застежки, ширину пластины, поперечник завернутых в спираль или трубочку концов и вычисление отношения длины концов к ширине пластины (индекс А)[4]. Под шириной пластины понимается максимальное ее значение, исключая места ее расширения у концов застежек. Далее отобраны экземпляры с максимальными для каждого отдельного погребения значениями индекса А, то есть с наибольшей степенью их сохранности[5]. В эту выборку включены и застежки с концами, не превышающими ширину пластины, с минимальными значениями индекса А. Если комплекс содержит сюльгамы только с индексом А, равным 1, то они также представлены в выборке, как соответствующие реальному хронологическому контексту.

Таким образом, из 391 экземпляра сюльгам из могильников Заречье и Кораблино в выборке осталось 209 застежек, наиболее объективно представляющих погребальные комплексы. Ошибка предыдущей работы по систематизации сюльгам заключается в механическом объединении в базе данных всех экземпляров без учета степени их сохранности. В итоге общая картина в целом соответствовала направлению эволюции этой категории предметов, но в частных случаях возникало много вопросов. Предложенный метод работы с археологическими, то есть в любом случае с не полностью сохранившимися предметами, естественно, не дает полной гарантии абсолютной объективности будущих выводов, но в какой-то степени помогает избежать явных ошибок.

3. Анализ полученной выборки с целью группировки объектов с максимально близкими метрическими параметрами.

4. Анализ орнаментации застежек и определение места некоторых видов сюльгам в традиционном костюме.

5. Определение хронологических позиций выявленных групп пластинчатых сюльгам.

Заметим, что в работе не рассматриваются прототипы сюльгам с крылатой иглой (см. ниже), крупные железные застежки позднего времени и редкие, нехарактерные для окского населения виды застежек.

В отдельную **группу А** (рис. 1: 1–3) выделены очень крупные застежки с максимальным поперечником рамки 5–6,7 см, с широкой пластиной (6 мм) и поперечником спирали концов 5–6 мм[6]. У одной сюльгамы игла железная. Индекс А менее или равен 1. Орнамент состоит из насечек и треугольных пропилов по внешнему краю пластины или заштрихованных треугольников по всей ее плоскости.

Эти сюльгамы служили для скалывания, вероятно, верхней одежды в нагрудной ее части. В Кораблино их нет, так как погребения того времени, когда такие застежки были в ходу, в древности подверглись ограблению, вероятно ритуальному, и именно в нагрудной части костюма.

Основная часть пластинчатых сюльгам относится к **группе Б** с шириной пластины в большинстве случаев 3 мм, чуть меньшее количество имеет ширину 2,5; 3,5; 4–5 мм. Экземпляры с пластиной 2–2,5 мм и 4 и более мм в большинстве случаев бытовали в разные отрезки времени.

Для вычисления интервала между сериями сюльгам этой группы использованы не все вошедшие в базу данных экземпляры, а только те, что наиболее объективно отражают хронологическую позицию каждого комплекса с этой категорией предметов: с максимальным значением индекса А там, где он превышает 1; или с минимальным, где индекс менее 1. Сюльгама с индексом А, равным 1, включалась в базу только в случае, если в комплексе было несколько экземпляров с тем же показателем. Таким образом, отобрано 92 застежки с шириной пластин 2–5 мм, поперечниками спирали или трубочки на концах 1–5 мм и индексом А в интервале 0,7–3. В этой группе сюльгам максимальное превышение длины концов относительно ширины пластины — в 3 раза.

---

[2] Поскольку в процессе реставрации форма и размеры предметов часто изменяются, все застежки были отрисованы по завершении полевых сезонов, до момента их реставрации.

[3] Чаще всего это результат деятельности землеройных животных, которые перемещают мелкие предметы из одного погребения в другое.

[4] Замеры ширины пластины и длины концов у пластинчатых экземпляров, толщины дрота и величины рамки у дротовых для большей точности произведены при увеличении рисунка в несколько раз.

[5] Например, в погр. 95 в Заречье сохранилось 8 пластинчатых застежек с А=1,25; 1,286; 1,429; 1,5; 1,6; 1,667. Во внимание приняты экземпляры с А=1,667; 1,6 и 1,5. В погр. 144 в Заречье найдены 5 сюльгам с А=1,167; 1,28 и 1,31, а в выборке представлены последние 2 застежки.

[6] Заречье, погр. 121, 124, 146. Эти неординарные экземпляры при анализе основного массива сюльгам, в том числе и определении индекса А, не учтены.

По формуле Стерджесса и компактности расположения полученных значений интервал между группами рассматриваемых сюльгам составил 0,306. Таким образом, получено 7 серий со значениями индекса А: 1 — 0,7–1; 2 — 1, 08–1,38; 3 — 1,45–1,75; 4 — 1,77–2; 5 — 2,09–2,29; 6 — 2,5–2,8; 7 — 2,89–3.

Варианты внутри серий выделены по характеру орнаментации пластин и другим (наравне с индексом А) метрическим признакам: величина рамки, ширина пластины, поперечник спирали или трубочки на концах. В результате получена довольно дробная схема, но на этом уровне исследования она представляется оправданной, поскольку с пополнением источниковой базы не исключена возможность того, что ширина пластины и поперечники спиралей сюльгам в дальнейшем смогут также сыграть роль хроноиндикаторов.

Серия Б1 включает застежки с индексом А в интервале 0,7–1.

Б1А объединяет сюльгамы с нетипичными для рязано-окского населения видами орнамента на пластинах.

Б1А1 — застежки с точечным чеканным орнаментом по средней линии пластины, иногда дополненным насечками или треугольными пропилами по внутреннему, внешнему или обоим ее краям. Представлена двумя вариантами.

Б1А1а — относительно крупные сюльгамы (рис. 1: 4, 5) с максимальным поперечником рамки 4,4–4,7 см, шириной пластины 4 мм и поперечником спирали на концах 4–6 мм[7]. Происходят из погребений мужчин, женщины и девочки. Являются, преимущественно, нагрудными застежками, но в одном из потревоженных мужских захоронений такая сюльгама располагалась, возможно, у пояса (Кораблино, погр. 40а).

Б1А1б — сюльгамы (рис. 1: 6) с максимальным поперечником рамки 2,8–3,5 см (единичная — 4 см), шириной пластины 3–3,5 мм, реже — 4 мм, и поперечником спирали на концах 3 мм (как исключение 4–5 мм). Найдены в захоронениях девочек, мальчика-подростка и двух трупосожжениях мужчин, совершенных на стороне[8]. Использовались как нагрудные застежки, в одном случае вторая такая же застежка найдена в составе головного убора (для крепления небольшой затылочной кисти? — детское погр. 62 в Заречье).

Необходимо заметить, что у части сюльгам серии Б1А1 пластины несколько толще, чем в целом в рассматриваемой группе. Независимо от величины рамки сюльгамы Б1А1, похоже, бытовали одновременно.

Такой же точечный орнамент есть на экземплярах из погр. 5 в Кошибеево из раскопок В. Н. Глазова и погр. 73 из раскопок А. С. Спицына [Шитов, 1988б. Табл. II:14; ГИМ №37730], а также у застежек из Шатрищенского могильника[9]. Характерен он и для пластинчатых застежек определенных периодов из мордовских и пензенских могильников — Армиевского, Абрамовского, Селикса-Трофимовского, Ражкинского [Рыков, 1930. Рис. 39; Вихляев и др., 2008. С. 234, 242–243, 305. Рис. 75: 12, 76: 4, 8, 10; Полесских, 1962. Рис. 2: 5].

Б1А2 представлена застежками с нарезным орнаментом по всей плоскости пластины.

Б1А2а — крупные сюльгамы (рис. 1: 7) с поперечниками 4,4–4,7 см, шириной пластины 4,5 мм и шириной спирали на концах 4–5 мм; индекс А — 0,83 и 0,86[10]. Орнамент нарезной, в виде елочки. Происходят из разрушенных женских комплексов, вероятно, использовались в качестве нагрудных застежек.

Б1А2б включает застежки (рис. 1: 8) с нарезным орнаментом в виде перекрещивающихся линий (сеточки) на пластинах шириной 3–4 мм. Поперечники сюльгам 3–4,2 см, индекс А равен 1. Происходят из мужских погребений 72 в Кораблино и 101 в Заречье, а также из захоронения девочки 73 в Заречье, в последнем случае сюльгама располагалась на груди.

Сюльгамы с нарезным орнаментом в виде елочки известны в погр. 41 могильника Шатрище и в ранних комплексах Армиевского могильника, а из перекрещивающихся линий — в Абрамовском и Старокадомском могильниках [Рыков, 1930. Рис. 41, 42; Вихляев и др., 2008. Рис. 77: 17, 78: 12; Шитов, 1988а. Табл. XXI: 1][11].

В целом серия Б1А застежек ближайшие аналогии имеет в мордовских и пензенских могильниках. С этой точки зрения любопытен факт находки в погр. 72 в Кораблино сюльгамы с трехгранным сечением рамки с мелкими насечками по грани, такая же застежка происходит из погр. 22 Тезиковского могильника [Вихляев и др. 2008. Рис. 79: 4]. Еще один экземпляр крупной (с поперечником 5 см) пластинчатой сюльгамы с имитацией ребра по средней ее линии и треугольными пропилами по обоим краям из погр. 92а в Кораблино аналогичен находке из Армиевского могильника [Вихляев и др., 2008. Рис. 77: 20].

Б1Б, как и последующие серии, включает сюльгамы либо без орнамента, либо — в большинстве случаев — с орнаментом в виде насечек или треугольных пропилов по одной или обеим сторонам пластины. Последние можно считать наиболее характерной формой для рязано-окского населения и других групп поволжских финнов. Индекс А также в интервале 0,7–1.

Б1Б1 объединяет изделия с широкой (4–5 мм) пластиной, крупными спиралями на концах (поперечниками не менее 3–5 мм, в большинстве случаев — 3,5–5 мм). В этой серии сюльгамы крупных и средних размеров.

Б1Б1а — крупные застежки (рис. 1: 9) с поперечниками 3,9–4,9 см (преимущественно, 4,4–4,8 см), шириной пластины 4,5–5 мм, поперечником спирали 4–5 мм[12]. Происходят из мужских, женских и детских погребений, где в ряде случаев установлено их точное местоположение — на груди или под нижней челюстью, а в двух мужских комплексах такие застежки найдены у пояса. Возможно, с их помощью к ремню подвешивались сумочки, ножны и пр.

Б1Б1б — сюльгамы (рис. 1:10) с шириной пластины 4 мм и поперечником спирали преимущественно 3–4 мм[13]. В этой группе больше застежек с небольшим поперечником рамки — 3,3; 3,7–3,9 см.

---

[7] Кораблино, погр. 40а, 92а?, 76; Заречье, погр. 134, 213. Литерой «а» отмечены погребения на мысе 2 в Кораблино.

[8] Кораблино, погр. 57, 59; Заречье, погр. 62, 101, 116Б.

[9] Погр. 13, 27, 37 из раскопок П. П. Ефименко. Фонды РИАМЗ.

[10] Кораблино, погр. 74а, 85а, 84а (фрагмент).

[11] В погр. 37 из раскопок П. П. Ефименко Шатрищенского могильника — на сюльгаме орнамент в виде треугольников (фонды РИАМЗ).

[12] Заречье, погр. 63, 78, 89, 101, 102, 131, 159, 172, 175, 202, 224; Кораблино погр. 40, 53, 72, 80.

[13] Заречье, погр. 2, 4, 5, 30, 80, 84, 107, 175, 186, 210, 213; Кораблино, погр. 53, 72, 80, 83.

Судя по взаимовстречаемости в одних и тех же комплексах, сюльгамы серии Б1Б1 использовались одновременно, а их размеры зависели, вероятно, от вида костюма, в котором они использованы.

Б1Б2 содержит сюльгамы с шириной пластины 2–3,5 см и поперечником спирали 2–5 мм. По размерам поперечников рамки делятся на 2 варианта.

Б1Б2а — довольно крупные экземпляры (рис. 1: 11) с поперечниками рамки 3,9–4,3 см и поперечниками спирали 3–5 мм[14].

Б1Б2б — мелкие сюльгамы (рис. 1: 12) с поперечниками рамок 1,9–3,5 см и поперечниками спиралей преимущественно 2,5–3 мм[15].

Крупные застежки в женском костюме располагались на груди, могли служить для застегивания верхней одежды.

Серия Б2 объединяет застежки с индексом А 1,08–1,38, то есть с концами, длина которых превышает ширину пластины.

Б2А включает как крупные, так и более мелкие сюльгамы с шириной пластины 4–4,5 мм. Они использовались в мужском, женском и детском костюмах как нагрудные застежки, в ряде мужских комплексов найдены у пояса (погр. 57, 63 в Заречье) и, как в мужском, так и женском костюме, — иногда в области левой или правой ключицы, или под нижней челюстью (застежки ворота?). В женском погр. 83 в Кораблино крупная застежка лежала на нагрудной бляхе, возможно, застегивала верхнюю одежду.

Как и в предыдущих сериях, здесь можно выделить 2 разновидности застежек: Б2А1 — с поперечниками рамки 4–5 см и шириной спирали 4–5 мм, реже — 3 мм[16] (рис. 1: 14) и Б2А2 — с поперечниками рамки 2,5–3,9 см и шириной спирали, в основном, 2,5–3,5 мм[17] (рис. 1: 13).

Б2Б содержит сюльгамы с шириной пластины 2–3,5 см (4 мм — исключение) и поперечником спирали 1–3 мм (4 мм — исключение). По величине рамки делятся на 2 варианта: Б2Б1 — немногочисленный, с поперечниками рамки 3,7–4 см и шириной спирали 2,5–4 мм (рис. 1: 16). В одном случае оба экземпляра найдены в области груди погребенной (погр. 83 в Кораблино), в другом — наряду с сюльгамами других серий — рядом с черепом, возможно, была в составе головного убора (погр. 99 в Кораблино). В комплексе 223Б в Заречье найдена под тазовыми костями.

Б2Б2 — небольшие сюльгамы (рис. 1: 15) с поперечниками рамки 2–3,5 см и шириной спирали 2–3,5 мм[18]. Найдены в мужских, женских и детских погребениях.

Сюльгамы Б2А и Б2Б зачастую происходят из одних и тех же комплексов, что говорит в пользу их одновременного бытования.

Серия Б3 содержит сюльгамы с индексом А в интервале 1,45–1,75, то есть с концами, заметно превышающими ширину пластины.

Б3А — сюльгамы с шириной пластины 4 мм, поперечниками спирали 1,5 и 3 мм (рис. 1: 17). Максимальные поперечники рамок 2,8; 3,8 и 4,4 см. (погр. 183 в Заречье, 96 в Кораблино). В женском костюме они найдены в районе левой ключицы, в мужском — в области левого бедра.

Б3Б объединяет застежки (рис. 1: 18) с шириной пластины 2,5–3,5 мм (единичны — 2 мм), поперечниками спирали на концах преимущественно 1,5–2,5 мм (единичны — 3 и 4 мм), максимальным поперечником рамки 2,5–3,7 см (единичны — 4 и 4,3 см). Использовались в костюме всех возрастных групп[19].

Серия Б4 — сюльгамы (рис. 1: 19) с индексом А в интервале 1,77–2, с шириной пластины 2–3 мм, поперечником трубочки 1–2 мм. Это некрупные экземпляры с поперечниками рамки 2,2–3,3 см, единственная застежка имеет максимальный поперечник 4,3 см (погр. 99 в Заречье). Но этот комплекс попорчен кротовинами, остальные сюльгамы из него имеют индекс А 1,52 и 1,65 серии Б3. Возможно, рассматриваемый экземпляр занесен в яму погребения извне.

Серия Б5 — застежки (рис. 1: 21) с индексом А 2,09–2,29, шириной пластины 2–2,5 см, поперечником спирали 1–2 мм[20]. Максимальные поперечники рамок 2,5–3,3 см.

Серия Б6 — застежки (рис. 1: 22) с индексом А в интервале 2,5–2,8, шириной пластины 2–2,5 см, поперечником спирали 1–1,5 мм[21]. Максимальные поперечники рамок 2,6–3,3 см, исключение — мужской комплекс 147 в Заречье (4,1 см).

Серия Б7 содержит всего 2 небольшие сюльгамы (рис. 1: 23) с поперечниками рамок 2,3–2,5 см, шириной пластины 2 мм, поперечниками спиралей на концах 1–1,5 мм; индекс А равен 2,89–3 (погр. 112, 163 в Кораблино).

Основанием ***для определения времени бытования*** выделенных серий и вариантов сюльгам служат последние хронологические разработки по эволюции мужского и женского инвентаря рязано-окских могильников [Ахмедов,1998; 2007; 2012 и др.; Белоцерковская, 1998; 1999; 2007; 2010; Ахмедов, Воронцов, 2012; Румянцева, 2007; и др.].

С этой целью для женских и мужских комплексов, сопровождаемых наборами украшений женского костюма, построена таблица 1 взаимовстречаемости пластинчатых сюльгам с другими категориями инвентаря. В нее вошли погребения, содержащие не менее 2–3 выделенных признаков.

Список признаков к таблице 1 (материал — бронза, исключения оговорены особо)[22].

1 — гривны массивные, округлые в сечении, с обрубленными концами;

2 — гривны железные с проволочной бронзовой обмоткой и напускными бронзовыми бусами;

3 — гривны круглопроволочные (дротовые), с небольшим утолщением в срединной части, проволочной обмоткой на концах, замком в виде крючка и ромбовидной пластины с отверстием;

4 — гривны тордированные, прямоугольные в сечении;

---

[14] Заречье, погр. 61, 127, 213.

[15] Заречье, погр. 1, 68, 96, 98; Кораблино, погр. 59, 62, 75, 83, 2а.

[16] Заречье, погр. 24, 57, 65, 77, 105, 182, 223; Кораблино, погр. 77, 83.

[17] Заречье, погр. 30, 34 , 65, 83, 91, 93, 101, 182, 212, 216, 221, 224, 239; Кораблино, погр. 42, 55, 77, 83, 84, 125.

[18] Заречье, погр. 33, 34, 36, 57?, 87, 182, 190, 195, 223, 239, 243; Кораблино, погр. 28, 42, 73, 82, 83, 124, 126.

[19] Заречье, погр. 29, 43, 46, 51, 55, 56, 71, 75, 95, 99, 100, 108, 144, 183, 206, 233, 242; Кораблино, погр. 16, 27, 74, 79, 99, 100, 101, 140.

[20] Заречье, погр. 15, 123 А, 135, 143, 165, 170, 178, 194; Кораблино, погр. 23, 35, 78, 98.

[21] Заречье, погр. 109, 119, 126; Кораблино, погр. 90, 119, 161.

[22] Номера признаков соответствуют изображениям на рис. 2.

5 — гривны массивные, с обрубленными концами, прямоугольного сечения, с нарезным и чеканным орнаментом;

6 — гривны дротовые, с проволочной обмоткой на концах, напускными бронзовыми бусами, замком в виде крючка и круглой орнаментированной коробочки (т.н. с коробкой);

7 — гривны дротовые, с небольшим утолщением в срединной части, замком в виде крючка и крупной (диаметр около 2 см) округлой пластины с отверстием;

8 — гривны дротовые, с замком в виде крючка и небольшой округлой пластины с отверстием;

9 — такие же, но пластина на конце ромбовидной формы;

10 — гривны тонкопроволочные, с замком в виде двух крючков;

11 — гривны дротовые, с небольшим утолщением в срединной части и замком в виде двух крючков (один из них — в плоскости гривны);

12 — гривны пластинчатые, с замком в виде раскованной пластины с отверстием и крючка;

13 — такие же, но с двумя крючками на концах (один из них — в плоскости гривны);

14 — гривны дротовые массивные, с проволочной обмоткой и напускными бусами на концах, замок в виде петли и двойного крючка (в двойную петлю);

15 — небольшие бляхи от головного убора, с гравированным концентрическим орнаментом;

16 — ажурные застежки нагрудные и от головных уборов (с привесками);

17 — крупные нагрудные многолопастные бляхи-сюльгамы;

18 — нагрудные бляхи с отверстиями геометрических очертаний и «жемчужным» орнаментом, в центре — округлое отверстие с железной иглой или крупная сюльгама;

19 — нагрудные бляхи с крышкой;

20 — 3–5-лопастные пластинчатые привески к накосникам: А — 3–4-лопастные (ранние), с максимальным поперечником 2,8–3,6 см; Б — 4–5-лопастные с поперечником 4,3–5,1 см; В — 5-лопастные с поперечником 5,2–6 см; Г — то же, с поперечником 6,2–7 см; Д — то же, с поперечником 7,3 — 7,9 см;

21 — литые небольшие 3–5-лопастные привески к накосникам или к головному убору;

22 — привески пластинчатые коробчатые;

23 — бляшки нашивные, сегментовидные в разрезе, круглые, с отверстиями для крепления;

24 — браслеты пластинчатые;

25 — сочетание в одном комплексе пластинчатых и дротовых браслетов;

26 — привески конические, свернутые из пластины, беспетельчатые;

27 — подвески двухъярусные: из крупной трапециевидной пластины с пластинчатыми коническими мелкими привесками;

28 — подвески двухъярусные в виде крупного пластинчатого конического держателя с мелкими коническими концевыми привесками;

29 — подвески височные, сложносоставные, с четырьмя объемными концевыми привесками с проволочной обмоткой горла (вид А длиной 6,2–6,7 см; Б — 6,9–7,2 см; В — 7,3–7,5 см; Г — 7,7–8,2 см; Д — 8,5–9 см);

30 — кисть затылочная длинаня, в классическом варианте — с 4 крупными литыми объемными концевыми привесками без петель;

31 — подвески треугольные, литые ажурные, с концевыми объемными привесками;

32 — браслеты дротовые, с раскованными плоскими концами;

33 — привески в составе накосных украшений и ожерелий, концевые, объемные литые, с проволочной обмоткой горла;

34 — лунницы пластинчатые трехрогие;

35 — подвески к накосникам и затылочным кистям, объемные бутыльчатые, с 2–4 мелкими концевыми объемными бутыльчатыми привесками с проволочной обмоткой горла;

36 — наборы бус стеклянных (по О.С. Румянцевой, 2007): а — гр. I; б — гр. II; в — гр. I/II; г — гр. II/II; д — гр. III; е — гр. IV;

37 — гривны тонкопроволочные, с завязанными в петли концами (далее — со скользящей петлей);

38 — кольца височные, пластинчатые с проволочным спиральным окончанием (далее — с лопастью);

серии пластинчатых сюльгам обозначены в соответствии с изложенной систематизацией.

В результате сериации выделено несколько хронологических групп комплексов с пластинчатыми сюльгамами и другими характерными находками (рис. 2). Работа проведена, в первую очередь, с целью выявления наличия/отсутствия образцов выделенных серий пластинчатых сюльгам в определенных группах погребальных комплексов. Поэтому во избежание большой дробности в перечень признаков вошли далеко не все составляющие погребального инвентаря, а только хронологически значимые. В связи с этим внутри выделенных групп связи между комплексами прослеживаются по одному-двум признакам, а границы между группами достаточно условны. Но для нашей цели этого достаточно.

В верхней части таблицы представлены поздние комплексы (группа Ж), в одном из них (с сюльгамой серии Б7 — погр. 112 в Кораблино) найдены только дротовый браслет с раскованными концами (признак 32) и небольшое ожерелье. Судя по планиграфии могильника — это не позднейший комплекс в Кораблино, поскольку он, как и погр. 163, расположен не на самой окраине памятника.

Сюльгамы серии Б7 — наиболее поздние из категории пластинчатых, изготовление и использование которых в костюмных комплексах началось не ранее, чем время бытования наборов группы. Наиболее массово в этот период распространены круглопроволочные сюльгамы с длинными концами-трубочками. Вместе с ними входят в обиход очень крупные железные застежки, и (в первую очередь в мужских комплексах) появляются крупные бронзовые и серебряные застежки с широкой пластиной или двускатные, с завернутыми в трубочку длинными концами и иглой с сильным расширением в месте ее напуска на рамку изделия (рис. 3: 31). Это прототип застежек с крылатой иглой, которые у поволжских финнов широкое распространение получили в 4-й четверти I тыс. [Ахмедов, 2010. С. 10–12].

И.Р. Ахмедов полагает, что к середине VII в. в западной и центральной частях ареала культура окских финнов как монолитное этническое образование прекращает свое функционирование [Ахмедов, 2010]. К этому моменту захоронения в могильнике Кораблино также прекращаются. В Заречье на исследованной площади самый поздний период не представлен, но в подъемном материале также есть прототип застежки с крылатой иглой.

Надо думать, что сюльгамы серии Б7 маркируют время, близкое к середине VII в. Судя по немногочисленно-

сти таких застежек, реально существовавшей серии они в рассматриваемых памятниках образовать не успели.

Группы Ж и более ранняя Е представлены сложносоставными височными привесками (признак 29), серповидными гривнами (12, 13) и бусами красного непрозрачного стекла (36е; группы IV [Румянцева, 2007. Табл. 1]). Конические беспетельчатые пластинчатые привески (26) и дротовые браслеты с раскованными пластинчатыми концами (32) объединяют группы погребений Ж, Е и предшествующую им Д. Только в группе Ж есть двухъярусные конические подвески с такими же концевыми привесками (28) и двухъярусные составные литые объемные подвески к накосникам и затылочным кистям (35).

Последние (признак 35) В. Н. Шитов считал индикатором поздних погребений Старокадомского могильника [Шитов, 1988а. Табл. XXIV: 24]. Двухъярусные концевые подвески с крупным коническим держателем и более мелкими такими же концевыми привесками (28) есть также в одном из наиболее поздних женских комплексов 247 могильника Никитино, где они сочетаются с находкой прототипа застежки с крылатой иглой [Ахмедов, 2010. Рис. 10: 2, 7].

Необходимо отметить, что височные украшения группы Ж характеризуются одним из наиболее поздних видов сложносоставных височных подвесок с 4 бутыльчатыми концевыми привесками (29Г, длиной 7,7–8,2 см) [Белоцерковская, 2014. С. 205]. Любопытно, что в позднем погр. 65 Старокадомского могильника длина такой подвески достигает 10 см [Шитов, 1988а. Табл. XVI: 1]. В погр. 204 в Заречье вместе с поздней височной подвеской вида 29Д обнаружена небольшая сюльгама с поперечником 3,2 см, но с очень широкой для него пластиной в 4,5–5 мм и свернутыми в трубочку концами (обломаны) — по общему облику это очень дальний прообраз будущих застежек с крылатой иглой, которые характеризуются именно широкой пластиной и трубочками-концами малого диаметра (рис. 1: 20). Сюльгама, подобная описанной, есть и в позднем мужском захоронении 147 в Заречье.

В группе Ж заканчивают бытование гривны в двойную петлю (14), нагрудные бляхи с крышкой (19), проволочные гривны с крючками на концах (11) и гривны с коробкой (6), которые характерны и для групп Е, Д и Г. Только для этой и группы Е типичны бусы группы IV по О. С. Румянцевой и небольшие бутыльчатые с проволочной обмоткой горла концевые привески в составе накосников и ожерелий (33).

В группе Ж распространены сюльгамы серий Б6 и Б5. Судя по составу костюмных комплексов и расположению погребений 119 и 161 в позднейшей части могильника Кораблино, на его окраине, обе серии сюльгам (а скорее всего и серия Б7) могут предварительно датироваться концом VI — 1-й половиной VII в., чему не противоречит верхняя дата бус группы IV — 1-я половина VII в. [Румянцева, 2007. С. 220]. При этом привески к накосникам (35) встречены вместе с сюльгамами серии Б6 — ее можно считать более поздней, а предшествующей ей по времени будет серия Б5, вероятно, конца VI — начала VII в.

В предшествующей группе Е, помимо перечисленных выше категорий, частым украшением являются нагрудные бляхи с крышкой (19), которые бытовали начиная с группы Г. Для группы погребений Е характерны пластинчатые сюльгамы серии Б4, которые сочетаются с находками сложносоставных височных подвесок преимущественно видов 29Б, 29В и 29Г. В части комплексов этой группы встречаются и сюльгамы серии Б3.

Для датирования группы Е логично сначала рассмотреть предшествующую ей группу Д. Дело в том, что в нее вошло достаточное число мужских комплексов, хронология которых разработана и надежно обоснована как в целом, так и по отдельным категориям инвентаря [Ахмедов, 1995; 1998; 2007; 2012 и др.]. Предметы воинского обихода и конского снаряжения окских финнов в отличие от традиционного женского костюма менялись и развивались значительно динамичнее, что дает возможность разработки более детальной хронологии культуры в целом. Кроме того, некоторые мужские захоронения этого времени сопровождались комплексами женских головных и нагрудных украшений, а также некоторыми общими видами гривен и браслетов, что предоставляет дополнительную возможность синхронизации мужского и женского погребального инвентаря.

Группу Д составляют комплексы с сюльгамами серии Б3. Оба ее варианта бытовали, вероятно, одновременно: мужское погр. 71 в Заречье датируется периодом 3С, к этому же времени отнесены погребения 79 и 96 в Кораблино, и 55 в Заречье [Ахмедов, 2007. С. 150, табл. 2] — из них также происходят сюльгамы серии Б3. А мужские захоронения 108 в Заречье и 74 в Кораблино с такими застежками датируются периодом 3В развития мужского инвентаря. Женское захоронение 95 в Заречье по крестовидной фибуле типа 1Б12б было совершено в период 3С, как и 99 в Кораблино с фибулой типа 2А1 [Ахмедов, 1998. С. 60; 2012. Рис. 1б]. В целом периоды 3В и 3С развития мужского инвентаря соответствует 2-й половине V и, возможно, самому началу VI в. [Ахмедов, 2007. С. 150, 151].

Ближе к концу V в. в женском костюме появляются серповидные гривны, браслеты с раскованными пластинчатыми концами, сложносоставные височные подвески с 4 концевыми привесками (признаки 12, 13, 29, 32), а также, возможно, и простые конические пластинчатые привески без петли, которые бытуют и далее (26); только во 2-й половине — конце этого столетия распространены двухъярусные трапециевидные подвески с мелкими коническими привесками (27). Наиболее крупные пятилопастные привески к накосникам, диаметром от 6,2 до 7,2 и более см (20Г и 20Д), также бытовали только в этот период. Характерны для 2-й половины V в. и трехрогие пластинчатые лунницы (34). Вероятно, около середины V в. или немного ранее совершаются наиболее поздние погребения с пластинчатыми браслетами (погр. 99 в Заречье) и импортными ведерковидными привесками (погр. 99 в Заречье и 16 в Кораблино). Для женских захоронений этого времени характерны бусы группы III, имеющие широкую датировку, и отчасти группы II, относящейся преимущественно к V в. [Румянцева, 2007. С. 220]. Именно в этот период широкое распространение получают гривны в двойную петлю (14), затылочные кисти классического вида с 4 простыми объемными привесками (30) и гривны с коробкой (6).

Исходя из датировки основного массива комплексов с сюльгамами серии Б3 2-й половиной V — началом VI в., застежки серии Б4 в группе комплексов Е можно предварительно отнести к VI в., вероятнее всего — его 2–3-й четвертям.

С группы Г начинают свое бытование нагрудные бляхи с крышкой (19), просуществовавшие в разных вариантах до VII в., появляются гривны с коробкой (6). В качестве накосных украшений используют пластинчатые пятилопастные привески 20В, характерные и для предшествующего периода. Эта группа тесно связана с

группой В распространением в них нагрудных блях без крышек (18), пятилопастных пластинчатых привесок к накосникам (20В), переходной группы бус I/II [Румянцева, 2007. С. 220. Табл. 1], а также коробчатых привесок (22), появившихся еще на этапе группы Б.

В группе Г максимально распространены сюльгамы серии Б2. По деталям женского костюма эта группа относится к периодам 2Б и 3 [Белоцерковская, 2007. Табл. 2. Рис. 7].

Относительно крупные сюльгамы варианта Б2А1 (с максимальными поперечниками рамки 4–5 см) происходят из мужских комплексов периодов 3А (погр. 24 в Заречье) и 3В (погр. 182 в Заречье, 77 в Кораблино), датированных концом IV — началом 2-й половины V в. [Ахмедов, 2007. Табл. 2; Ахмедов, Воронцов, 2012. С. 13. Рис. 13: 3]. Очевидно, концом IV — началом V в. можно датировать и мужское погр. 65 в Заречье с деревянной чашей с бронзовыми обкладками по краям, которые появляются на этой территории в период 3А [Ахмедов, 2007. С. 144]. Женские захоронения 77 и 223 в Заречье и 83 в Кораблино относятся к периоду 2Б, синхронному периоду 3А развития мужского инвентаря и началу периода 3, то есть к тому же времени [Белоцерковская, 2007. Табл. 2].

Более мелкие сюльгамы варианта Б2А2 в целом относятся к этому же времени, о чем свидетельствуют, в первую очередь, совместные находки застежек обоих вариантов в некоторых комплексах: погр. 65, 182 в Заречье, 77 и 83 в Кораблино. Кроме того, экземпляр варианта Б2А2 происходит из погр. 101 конца IV — начала V в. в Заречье [Белоцерковская, 2005; Ахмедов, 2007. Табл. 2], комплекса 55 с крестовидной фибулой того же времени в Кораблино, погр. 42 периода 3В в Кораблино [Ахмедов, 2007. Табл. 2; 2012. С. 59. Рис. 1б].

Серия Б2Б отличается от предыдущей меньшей шириной пластины. Относительно крупные застежки варианта Б2Б1 немногочисленны, в то время как вариант Б2Б2 мелких сюльгам был широко распространенным. Судя по взаимовстречаемости обоих вариантов в одних и тех же комплексах (погребения 83 в Кораблино, 223 в Заречье), какое-то время они сосуществовали. Мужские захоронения 30 и 190 в Заречье датируются периодом 3А, а 182 в том же могильнике и 73 в Кораблино — периодом 3В [Ахмедов, 2007. Табл. 2]. Крестовидная фибула из комплекса 221 в Заречье типа 1А1б относится к периоду 3А [Ахмедов, 2012. С. 59. Рис. 1а]. Женские погребения с этими сюльгамами датируются периодом 2б (погр. 83 в Заречье), но в основном периодом 3, в целом соответствующем V в. [Белоцерковская, 2007. Табл. 2]. Можно полагать, что сюльгамы серии Б2 в основном бытовали с 4-й четверти[23] IV — начала V в. до середины V в., заходя, возможно, во вторую его половину. Различия в величине застежек и ширине пластины могли быть обусловлены их местом в костюмном комплексе, но не в меньшей степени — изготовлением их разными мастерами. Судя по немногочисленности экземпляров с широкой (до 4 мм) пластиной, к середине — второй половине V в. сюльгамы серии Б2Б постепенно выходят из обихода.

Напомню, что конец IV — начало V в. — особый период в истории рязано-окского населения, с наибольшим количеством новаций как в женском костюме, так и в воинском и конском снаряжении, что было, несомненно, связано с событиями раннегуннского времени и совпало по времени с формированием нового типа традиционного костюма. Отразилось это и на развитии такого привычного элемента костюма, как сюльгамы с насечками и треугольными пропилами по краям пластины. Именно в эту пору мастера стали удлинять концы этих застежек.

Предшествующие три группы В, Б и А объединяют комплексы относительно раннего периода развития культуры окских финнов, которым, за редким исключением, сопутствуют одни и те же виды сюльгам.

Группы Б и В целесообразно рассмотреть вместе. Для них характерны ранние 3–4-лопастные пластинчатые привески к накосникам (20А), коробчатые пластинчатые привески к головным уборам (22), тордированные гривны (4), нагрудные бляхи без крышек и очень крупные нагрудные бляхи-сюльгамы (18), пластинчатые браслеты (24), нашивные бляшки (23). С группы Б начинают распространение литые 3–5-лопастные привески (21). Только в группе В есть круглопроволочные гривны с крупной округлой пластиной и крючком на концах (7) и проволочные гривны с ромбовидной пластиной и крючком на концах (9).

Для групп В и Б типичны, главным образом, сюльгамы серий Б1Б1 и Б1Б2б.

Б1Б1 — оба варианта этих застежек (крупные с широкой пластиной и относительно мелкие с более узкой) с насечками или треугольными пропилами по обоим краям пластины относятся в основном к периодам 2С и 3А эволюции мужского инвентаря [Ахмедов, 2007. Табл. 1, 2], то есть, примерно, ко 2-й четверти IV — началу V в. [Ахмедов, Белоцерковская, 2007. Табл.1]. Наиболее ранний комплекс с такой сюльгамой — 159 в Заречье ранее датировался периодом 2В, позже топоры типа 3А1, подобные найденному здесь, стали относить к IV в. в целом, не исключая начала V в. [Ахмедов, Воронцов, 2012. С. 12. Рис. 14: 3], а топоры типа 4Б из погр. 80 в Кораблино — ко 2–3-й четвертям IV в., то есть периоду 2С [Ахмедов, 2007. Табл. 1; Ахмедов, Воронцов, 2012. С. 14–15. Рис. 16: 3]. Мужское погр. 84 в Заречье с ранней крестовидной фибулой серии 1А31А относится к «развитому» периоду 3А [Ахмедов, 2007. Табл. 2; 2012. Рис. 1а]. Редкие экземпляры серии Б1Б1 доживают до периода 3В, то есть начала — 1-й половины V в. (погр. 224 в Заречье с поясной пряжкой — сегментарамчатой с утолщением в передней части, подграненой рамкой и хоботковидным язычком, близкой по типу находке из погр. 21 в Шатрище [Ахмедов, 2007. Рис. 24: 2. Табл. 2]). Таким образом временем преимущественного бытования сюльгам серии Б1Б1 можно считать IV в., без его начальных десятилетий, и, возможно, начало V в.

Б1Б2б — более мелкие сюльгамы того же вида: погр. 9а в Кораблино, отнесено к периоду 2В [Ахмедов, 2007. Табл. 1], проушные топоры типа 4А, аналогичные найденному в мужском трупосожжении 59 в Кораблино, датированы, как и комплекс 75 того же памятника, периодом 2С — 2–3-й четвертями IV в. [Ахмедов, 2007. Табл. 1. Схема 1: 56; Ахмедов, Воронцов, 2012. С. 14–15. Рис. 16: 2]. Погребение 62 из Кораблино датируется рубежом периодов 2В/2С [Ахмедов, 2007. Схема 1: 44. Табл. 1]. Захоронения 59 и 62 в Кораблино содержали прогнутые подвязные фибулы черняховского облика, которые соответствуют фибулам фазы 3 черняховской культуры — 310/320–350/355 гг. по О. А. Гей и И. А. Бажану [Белоцерковская, 2012а. С. 32]. В детских погребениях 68 и 96 в Заречье были тордированные гривны (типа изображенных на рис. 2: 4), бытовавшие, по И. Р. Ахмедову, с конца периода 2В весь IV в. [Ахмедов, 2007. Схема 1: 47].

[23] По уточненным данным, И. Р. Ахмедов относит начало периода 3А к 4-й четверти IV в. [Ахмедов 2012. С. 111].

Ко 2-й половине — концу IV в. отнесено погр. 1 в Заречье [Белоцерковская, 2007. Табл. 2]. Надо думать, что сюльгамы Б1Б2б появились примерно в конце III — начале IV в. и бытовали в основном в IV в.

Для групп погребений Б и А характерны дротовые гривны с проволочной обмоткой, ромбовидным щитком и крючком на концах (3), ажурные застежки нагрудные и в составе головных уборов (16), массивные гривны с обрубленными концами (1), бусы группы I [Румянцева, 2007. С. 219, табл. 1] и бляхи в составе головных уборов (15). Не ранее группы Б появляются привески к накосникам (20Б) и начинают бытовать железные гривны с бронзовыми проволочной обмоткой и напускными бусами (2).

Только для группы А характерны тонкие гривны со скользящей петлей и височные кольца с лопастью (37, 38). Необходимо подчеркнуть, что граница между рассмотренными группами А–В очень условна, поскольку составляющие их комплексы немногочисленны и не все из них обладают количеством признаков, необходимым для корректной группировки. В этих группах понемногу, но одновременно встречаются сюльгамы разных серий, что характерно именно для этапов сложения археологической культуры.

Б1Б2а — крупные сюльгамы с неширокой пластиной и индексом А в интервале 0,7–1 появляются, вероятно, в III в.: в комплексе 127 в Заречье такая застежка найдена с ранним головным убором в виде шапочки с головной бляхой и ажурной застежкой, а также массивной гривной с обрубленными концами. Это погребение прорезало более ранний мужской комплекс 128 с проушным топором середины III — начала IV в. [Ахмедов, Воронцов, 2012. С. 12. Рис. 14: 2]. Вероятно, женское захоронение произведено на несколько десятков лет позже, но ажурная застежка здесь раннего облика — с одним кольцом и двумя дротами с кнопками на концах. Она может относиться ко 2-й половине — концу III в. Есть такие сюльгамы и в Заречье — в погр. 213 периода 2б развития женского костюма (конец IV — начало V в.). Судя по редкости находок, эти сюльгамы устойчивой серии не образуют.

Немногочисленные находки застежек с чеканным точечным орнаментом (серия Б1А1) есть во всех трех группах — А, Б и В. Коллективное погребение 116 в Заречье И. Р. Ахмедов датирует концом периода 2В, погр. 59 в Заречье — периодом 2С, что в целом соответствует 2-й половине III — IV в. [Ахмедов, 2007. Табл. 1, 2. С. 139, 143, 151]. Неординарное захоронение мужчины по обряду кремации на стороне в погр. 101 в Заречье с поясным набором и сосудом с календарными знаками отнесено к концу IV — началу V в. [Белоцерковская, 2005; 2007. Табл. 2; Ахмедов, 2007. Табл. 2]; этим же временем датируется женское погр. 213 в Заречье с импортными золотой бляшкой и серебряным ожерельем [Белоцерковская, 2007. Табл. 2. Рис. 8: 23, 24, 30; 2014. Рис. 1: 13–28]. Этим датам не противоречит находка таких сюльгам в погр. 134 в Заречье вместе с головной бляхой, крупными пряжками азелинско-мазунинского типа с длинными подтрапециевидной формы обоймами с округлым завершением (типа изображенных на рис. 3: 28) и дротовой гривной с проволочной обмоткой концов, крючком и ромбовидной пластиной с отверстием (признак 3). В целом сюльгамы серии Б1А1 относятся к периодам 2а (Заречье, погр. 134) — 2б эволюции женского костюма, то есть от конца III до конца IV — начала V в.

Основной период распространения сюльгам с точечным орнаментом (Б1А1) приходится, очевидно, на IV в., редкие экземпляры доживают до конца этого — начала следующего столетия и фиксируются исключительно в престижном костюме. Эта серия сюльгам свидетельствует о наличии в указанное время тесных контактов между рязано-окским и древнемордовским населением.

Это относится и к застежкам с нарезным орнаментом в виде елочки (серия Б1А2а) и в виде перекрещивающихся линий по всему периметру пластины (Б1А2б). Серия Б1А2а в табл. 1 и на рис. 2 отражения не получила, так как происходит из разграбленных в древности комплексов могильника Кораблино, от которых сохранились только «золотостеклянный» бисер и бусы красного глухого стекла групп Ia и Ib, распространенных преимущественно в III–IV вв. [Румянцева, 2007. С. 219. Табл. 3]. Судя по общей дате ограбленного в древности участка могильника Кораблино, рассматриваемые застежки могли происходить из комплексов не ранее периода 2В второй половины III — первых десятилетий IV в. [Ахмедов, 2007. Табл. 1. Схема 1: 45], когда в рязано-окских памятниках начинается массовое распространение пластинчатых сюльгам. Позже экземпляры с подобным орнаментом неизвестны, очевидно, время их бытования в Кораблино и Заречье можно ограничить началом IV в. [Ахмедов, 2007. С. 139].

Надо заметить, что у населения бассейна р. Мокша (Старокадомский могильник, погр. 46) [Шитов, 1988а. Табл. X: 4] сюльгамы с орнаментом в виде елочки продолжили свое существование как минимум до конца V — начала VI в. Этот факт является лишним подтверждением наличия у восточной группы окских финнов в эпоху раннего средневековья более тесных контактов с древнемордовским населением, нежели у центральной и тем более — западной.

Серия сюльгам Б1А2б с «сетчатым» орнаментом происходит из погребений 72 в Кораблино периода 2С и 101 в Заречье периода 3А [Ахмедов, 2007. Табл. 1, 2], но в последнем орнамент нанесен на уникальную сюльгаму с завернутыми в разные стороны окончаниями, расположенными ниже спиральных концов (рис. 1: 24). Вероятная дата этих сюльгам — IV в.

Сюльгамы группы А (очень крупные, с широкой пластиной) происходят из женских комплексов с головными бляхами, ажурными застежками, с массивной обрубленноконечной (погр. 121 в Заречье) и железной с напускными бронзовыми бусами (погр. 146 в Заречье) гривнами. Последние в мужском костюме начали использовать с периода 2С (2–3-й четвертей IV в.) [Ахмедов, 2007. Схема 1: 50. Табл. 1] и не позже периода 2а — начала 2б в женском костюме [Белоцерковская, 2007. Табл. 2], то есть в течение всего IV в. без его начальных десятилетий. В мужском погр. 124 в Заречье вместе с кельтом и двумя наконечниками копий найдены 2 крупные железные пряжки с подтрапециевидной с округлым завершением обоймой, характерные для азелинских и мазунинских памятников и появляющиеся на Средней Оке с периода 2В развития мужского инвентаря (рис. 3: 28). И. Р. Ахмедов относит этот комплекс к периоду 2В, то есть 2-й половине III — началу IV в. [Ахмедов, 2007. Табл. 1. С. 139, 142, 150]. Женский костюм с головными бляхами, ажурными застежками и указанными выше гривнами бытовал в периоды 1 — 2а развития женского убора окских финнов, то есть во 2-й половине III — IV в. [Белоцерковская, 2007. С. 190–198. Рис. 7. Табл. 2]. Предварительная дата крупных застежек группы А: 2-я половина или конец III — IV в.

Итак, пластинчатые сюльгамы в Кораблино и Заречье, как и в Кошибеево (погр. 24, 35, 40 в раскопках А. А. Спицына; ГИМ, инв. №37730), массовое распространение получают, вероятно, не ранее 2-й по-

ловины — конца III в. Развитие пластинчатых застежек шло в направлении удлинения их завернутых в спирали концов и в связи с этим уменьшения величины поперечников спиралей, которые в конечном итоге превратились в «трубочки» диаметром около 1–1,5 мм. Ширина пластин сюльгам изначально обусловлена размерами этих изделий и на конечном этапе, когда крупные застежки вышли из обихода, она колебалась в пределах 2–2,5 мм. Начиная со 2-й половины V в. из обихода исчезают относительно крупные застежки с поперечником рамки более 4 см и обычными становятся экземпляры с поперечником не более 3,3 см.

К раннему этапу относятся очень крупные застежки группы А. С конца III — начала IV в.[24] и все это столетие бытовали сюльгамы серии Б1Б2б с короткими концами, насечками и пропилами по краям пластины. Застежки с чеканным точечным орнаментом серии Б1А1 относятся к IV — началу V в. Возможно, только началом IV в. датируются сюльгамы с нарезным в виде елочки орнаментом (Б1А2а), а с резными перекрещивающимися линиями на пластине (Б1А2б), как и серия Б1Б1 с насечками по краям пластины и крупными спиралями на коротких концах, относятся преимущественно к IV (без его начала) — началу V вв. Длина концов сюльгам этой серии не выходит за пределы ширины пластины.

Серия Б2 сюльгам с уже удлиненными концами с индексом А 1,08–1,38 маркирует конец IV — начало или 1-ю половину V в. Ко 2-й половине V — началу VI в. относится серия Б3 (индекс А — 1,45–1,75); 2–3-й четвертями VI в. можно датировать серию Б4 с индексом А 1,77–2, а к концу VI — 1-й половине VII в. отнести серии сюльгам Б5, Б6, Б7, при этом сюльгамы Б5 (индекс 2,09–2,29) бытовали, вероятно, не позднее начала VII в. Заметим, что серия Б6 с индексом А 2,5–2,8 происходит из погр. 161 в Кораблино, расположенного на окраине памятника, то есть в позднейшей его части.

Небольшие пластинчатые сюльгамы как основной вид застежек окского населения, возможно, уже в 1-й половине VII в. постепенно выходят из обихода.

Пластинчатые сюльгамы с завернутыми концами известны со времени погребений Андреевского кургана[25]: очень крупные диаметром около 6,5–8 см и с очень широкой пластиной происходят из погребений 13 (где найдена в области левого плеча); 35 (на груди), а диаметром около 4 см — из погребений 22 и 45 (нагрудные) [Степанов, 1961. С. 12–21. Табл. 5: 2, 8: 2, 21: 4, 25: 13]. Но более характерны для этого памятника застежки других типов, а также крупные дротовые со свернутыми концами.

Проволочные (дротовые) сюльгамы

Эти застежки использовали в костюмах всех возрастных групп женского и мужского населения Средней Оки интересующего нас времени. Однако, если в женских комплексах чаще и в достаточно большом количестве встречаются пластинчатые сюльгамы, то дротовые в них — единичны. Также не очень много их и в мужском инвентаре, но здесь довольно часто их находят парами или по три экземпляра. Общее количество находок дротовых сюльгам составляет 135 экз.

В женских погребениях небольшие дротовые застежки располагались в районе левой или правой ключицы, под нижней челюстью по центру; на груди по центру, под или над нагрудной бляхой и у черепа. Вероятно, они использовались в качестве застежек ворота, верхней одежды и в конструкции головных уборов.

В мужских комплексах мелкие сюльгамы находят под нижней челюстью по центру, на груди, на левой или правой ключице и очень редко — у черепа. Они служили, вероятно, застежками ворота рубахи и верхней одежды.

Подавляющее число проволочных застежек не орнаментировано, с гладкой рамкой и концами. Некоторые имеют тордированный(?) дрот (рис. 3: 21, 22), но чаще этот прием имитирован (рис. 3: 23, 25, 26), а у поздних экземпляров передан группами длинных нарезок по периметру рамки (рис. 3: 2, 24).

Отбор дротовых сюльгам для внесения их в базу данных проведен в основном так же, как пластинчатых экземпляров: при наличии нескольких проволочных застежек в одном комплексе отбирались сюльгамы с наиболее полной сохранностью их концов. Но большинство погребений содержит только по одной такой сюльгаме, поэтому при работе с ними более пристальное внимание уделено состоянию их сохранности.

При систематизации дротовых сюльгам, в отличие от пластинчатых, основным хронологическим признаком является *отношение высоты рамки к длине спиралей или трубочек на концах (**индекс Б**)* и в меньшей степени — поперечники спиралей и трубочек.

Визуально весь массив находок делится на 2 группы.

Группа ДА[26] — крупные, высотой[27] 4–6 см, с завернутыми в спираль концами. Сечение дрота округлое, овальное, в одном случае — 8-гранное. Иглы железные (погребения 43а, 50а, 57а, 78а в Кораблино), но в основном — бронзовые. Поперечник спирали на конце — 3,5–8 мм; поперечник дрота — 3–5 мм. Индекс Б составляет 3,1–16,6. Всего 20 экз. Все — без орнамента.

В этой, как и в последующей группе рассматриваемых застежек, наблюдается удлинение спиралей на концах, соответствующее определенным хронологическим рамкам. Поэтому, несмотря на небольшое количество таких экземпляров, по формуле Стерджесса вычислен интервал между группами, равный 2,44. В результате получено 5 серий.

Серия ДА1 (рис. 3: 16) — с индексом Б в интервале 3,1–5,375[28]. Высота 4,4–5,7 см, сечение дрота округлое, иглы бронзовые. Происходят из мужских и женских комплексов, располагались у пояса и на груди погребенных.

Серия ДА2 (рис. 3: 17) — с индексом Б 5,7–8[29]. Высота 4,2–4,8 см, сечение дрота округлое, иглы бронзовые. В комплексах 38 и 39 в Кораблино заменяли поясные пряжки, в Заречье располагалась на груди.

Серия ДА3 (рис. 3: 18) — индекс Б составляет 8,4–10,75[30]. Высота 4,1–4,4 см; сечение дрота округлое, одна застежка граненая (погр. 92а в Кораблино), иглы в основ-

---

[24] Все абсолютные даты предварительны.

[25] Население, родственное оставившему памятники андреевско-писеральского круга, сыграло заметную роль в формировании культуры окских финнов [Ахмедов, Белоцерковская, 1998а; 2007].

[26] Литера «Д» введена во избежание путаницы с сериями пластинчатых сюльгам.

[27] Под высотой подразумевается расстояние от внешнего контура центральной части сюльгамы до внешнего контура ее рамки у спирали на конце.

[28] Погр. 139 (концы обломаны), 174Б в Кораблино; 32 в Заречье.

[29] Погр. 38, 39 в Кораблино; 117 в Заречье.

[30] Погр. 15а, 43а, 57а, 78а, 92а в Кораблино; 199 в Заречье.

ном железные. Происходят из мужских, женских и детских погребений, в Кораблино — ограбленных в древности. Располагались в нагрудной части, либо в области плеч; в мужском комплексе 199 в Заречье — под черепом.

Серия ДА4 (рис. 3: 19) — индекс Б в интервале 11–11,75[31]. Высота 4–5,5 см, сечение дрота округлое или овальное, иглы бронзовые. Найдены в мужских и женских комплексах на груди или в районе плеча.

Серия ДА5 (рис. 3: 20) — с индексом Б 15–16,6. Высота 4,8–6 см, сечение дрота округлое, иглы: бронзовая (погр. 159 в Заречье) и железные (погр. 23а, 50а в Кораблино). В последних двух случаях высота спирали меньше толщины дрота; в погр. 23а сечение дрота четырехгранное, а по средней его линии — короткие параллельные насечки, расположенные перпендикулярно сторонам рамки (рис. 3: 27). В Заречье такая застежка — нагрудная.

Наиболее ранние дротовые сюльгамы выделяются железными иглами и максимальным превышением высоты рамки над длиной концов. В двух случаях отмечены спирали, зауженные по отношению к толщине дрота. Это серии ДА3–5. Они происходят из захоронений периодов 2А[32] и 2В[33] развития мужского инвентаря, то есть, вероятнее всего, III — 1-х десятилетий IV в. [Ахмедов, 2007. С. 140. Схема 2. Табл. 1]. Очевидно, в этот интервал попадает и женский комплекс 57а из Кораблино с очень ранней головной бляхой с иглой-фиксатором, ранней ажурной застежкой с двумя дротами с «кнопками» на концах [Белоцерковская, 1999. С. 160, 168, 169. Рис. 1: 14] и височными кольцами с лопастью. Возможно, женское погр. 112 из Заречья с тонкопроволочной гривной со скользящей петлей и височными кольцами с лопастью (типа изображенных на рис. 2: 37, 38) также совершено не позднее начала IV в. В окских памятниках гривны, подобные указанной, характерны в основном для периода 1В развития мужского инвентаря, то есть для II — начала III в. [Ахмедов, 2007. С. 139–140], хотя изредка встречаются и позже — во 2-й половине III в. Возможная дата крупных сюльгам серий ДА3–ДА5: III — начало IV в.

Серия ДА2 происходит из погребений Кораблино периода 3С и Заречья периода 3А развития мужского инвентаря [Ахмедов, 2007. Табл. 2], то есть в целом относится к V в.

Серия ДА1 маркирует поздний период — не ранее VI в. (погр. 32 в Заречье с браслетом с небольшим диаметром дрота и раскованными концами) и конца VI — 1-й половины VII в. (погребения 139 и 174 в Кораблино в позднейшей части могильника, на его окраине).

Крупные бронзовые дротовые сюльгамы диаметром 6–9 см известны со времени возведения Андреевского кургана [Степанов, 1980. С. 9–12, 18–19. Табл. 3: 5; 8: 7, 19: 6; 26: 11], где были характерны для мужского костюма; есть они и в мужских комплексах начального периода 1А в Кошибеево [Ахмедов, 2007. Схема 2: 7]. В Андреевском кургане их находили в области левого плеча, под нижней челюстью и в районе бедра. В рязано-окских памятниках такие застежки (серия ДА1) бытовали, видимо, до конца VI — 1-й половины VII в. (по материалам могильников). Но развитие этих сюльгам в направлении удлинения завернутых в спирали концов началось, вероятно, не ранее конца IV — начала V в. Несмотря на хорошо прослеживаемую тенденцию, столь четкого поэтапного увеличения длины концов крупных дротовых застежек, как у пластинчатых экземпляров, на таком небольшом материале не фиксируется.

Группа ДБ — застежек меньших размеров, включает 115 экземпляров, из них были исключены сюльгамы с заведомо сильно обломанными концами и высотой рамки 1,4–1,7 см, у которых хронологические признаки не выражены. Таким образом, в базу данных включено 99 сюльгам с высотой рамки 1,8–3,7 см (преимущественно 2–3,3 см) и толщиной дрота 1,5–4 мм (в основном 2–3 мм). Индекс Б составляет 1,8–12,4; поперечники спиралей и трубочек — 1–4,5 мм. Сюда входят гладкие, тордированные(?) и ложновитые (точнее — ложнотордированные) застежки.

По формуле Стерджесса вычислен интервал между сериями сюльгам, который равен 1,415; при этом выяснилось, что до индекса Б, равного 9,4 нарастание длины концов сюльгам идет постепенно, далее же происходит скачок сразу до значения 10,5. Очевидно, эта группа представлена двумя подгруппами.

Подгруппа ДБ1 включает 94 застежки с индексом Б в интервале 1,68–9,4. Для них вычислен интервал между сериями, равный 1,02, и таким образом массив небольших дротовых сюльгам разделен на 7 серий.

ДБ1а (рис. 3: 1, 2) — индекс Б в интервале 1,68–2,6[34]. Происходят из детских, мужских женских комплексов. Высота рамок 1,8–3,3 см. Поперечники трубочек на концах — 1–2 мм в зависимости от величины рамок. В женском комплексе 53 и в мужском 64 в Заречье на рамке — три группы насечек, у экземпляра из погр. 179 в Кораблино — сохранилась одна такая группа. Подобный орнамент известен на дротовых застежках Абрамовского, Селиксенского могильников древней мордвы и Старокадомского рязано-окского могильника [Вихляев и др., 2008. С. 239, 240, 335. Рис. 73: 10, 20; Шитов, 1988а. Табл. VII: 25, VIII: 1 и др].

ДБ1б (рис. 3: 3, 4) — индекс Б в интервале 2,74–3,5[35]. Высота рамок 1,8–3 см. Поперечники спиралей 1–2 мм, за исключением 3,5 мм на сюльгаме с наиболее длинными концами в погр. 194 в Заречье. По этому признаку эта застежка тяготеет к следующей более ранней серии ДБ1в. В мужском комплексе 149 в Заречье у сюльгамы отмечена имитация витья дрота по всей рамке, как на некоторых экземплярах Абрамовского могильника [Вихляев и др., 2008. С. 238–240. Рис. 73: 9].

ДБ1в (рис. 3: 5, 6) — индекс Б 3,8–4,8[36]. Высота рамок 1,8–3,1 см. Поперечники спиралей — 1,5–2 мм. По этому признаку погребения 136 в Кораблино и 141 в Заречье включены в эту серию, хотя индекс Б происходящих из них сюльгам (с обломанными концами), как у последующей серии. В погр. 176 в Заречье сечение дрота застежки — ромбовидное. В погр. 136 в Кораблино на рамку сюльгамы нанесены нарезные линии, расположенные группами.

ДБ1г (рис. 3: 7, 8) — индекс Б в интервале 4,9–5,88[37]. Высота рамок 2,3–3,1 см. Поперечники спиралей — 2–3 мм. В мужских и женских комплексах 74

[31] Погр. 61, 75а в Кораблино; 112 в Заречье.
[32] Погр. 43а, 50а, 78а в Кораблино.
[33] Погр. 15а, 61 в Кораблино; 159 в Заречье.
[34] Погр. 139, 151А, 152, 154,160,163,171, 174Б, 179 в Кораблино; 53, 64, 111, 125, 200, 201 в Заречье.
[35] Погр. 35, 118, 139, 170, 177 в Кораблино; 115, 129, 130, 140, 149, 167, 194, 204 в Заречье.
[36] Погр. 81, 93, 98, 103, 113, 116, 114, 135, 136, 155, 164; в Кораблино: 39, 141, 153, 176 в Заречье.
[37] Погр. 79, 96, 97, 99, 107 в Кораблино; 28, 44, 66, 71А, 103, 144, 158, 183, 191 в Заречье.

в Кораблино и 44 в Заречье по всему корпусу сюльгам — имитация витья дрота, которая в последнем подчеркнута параллельными горизонтальными насечками на спиралях концов. В женском комплексе 183 в Заречье сечение дрота шестигранное, в мужском 191 — овальное. Экземпляры с обломанными концами из комплексов 79 и 99 в Кораблино и 28 в Заречье, индекс Б которых характерен для последующей серии, по ширине спирали следует включить именно в рассматриваемую серию.

ДБ1д (рис. 3: 9, 10) — индекс Б — 6–7[38]. Высота рамок 2–3,3 см. Поперечники спиралей — 2–3 мм. По этому признаку сюльгама из комплекса 73 в Кораблино отнесена именно к этой серии, хотя индекс Б у нее, как у экземпляров последующей серии (концы здесь деформированы и слегка обломаны). Застежка также с не полностью сохранившимися концами из комплекса 95 в Кораблино включена в эту серию, хотя по индексу Б (5,55) она тяготеет к предшествующей. В мужском и детском комплексах 73 и 45 в Кораблино по всей рамке сюльгамы — имитация витья, на спиралях последней — параллельные горизонтальные насечки.

ДБ1е (рис. 3: 11, 12) — индекс Б в интервале 7,2–8,1[39]. Высота рамок 1,8–3,4 см. Поперечники спиралей — 3–4,5 мм. В погр. 125 в Кораблино сюльгама, как в комплексе 45 (см. выше). Дрот застежки из погр. 62 в Кораблино имеет овальное сечение.

ДБ1ж (рис. 3: 13) — с индексом Б 8,4–9,4[40]. Высота рамок 2,1–3 см; поперечники спиралей — 4–4,5 мм (исключение — погр. 75 в Кораблино — 2 мм).

К подгруппе ДБ2 принадлежат застежки (рис. 3: 14, 15) высотой 1,8–3,2 см, с поперечниками спиралей 3–5 мм, толщиной проволоки 1–1,5 мм и индексом Б более 10[41]. Но основное отличие их от сюльгам подгруппы ДБ1 состоит в том, что форма их еще не устоявшаяся: сильно вытянутый овал и уплощенно-овальное сечение проволоки в комплексе 23а в Кораблино; не совсем правильные очертания рамки в погребениях 39а в Кораблино и 189 в Заречье; завернутые в кольцо, а не спираль концы в погр. 6а в Кораблино.

Предварительная хронология небольших дротовых сюльгам

В целом, наиболее ранние серии небольших дротовых сюльгам имеют наибольшие размеры поперечников спиралей на концах и максимальный индекс Б; по мере развития индекс Б, как и размеры поперечников спиралей, уменьшаются.

Основания для датировки сюльгам подгруппы Д2 следующие. Женский комплекс 39а в Кораблино по поясной пряжке с небольшим утолщением в передней части овальной рамки, коротким прогнутым язычком и прямоугольной обоймой из сложенной вдвое пластины и обувным пряжкам того же вида, но с длинными обоймами отнесён ко 2-й половине III в. [Белоцерковская, 1998. С. 47. Рис. 1: 2, 6]. Вероятно, этим же временем можно датировать и погр. 23а с головной бляхой с гравированным орнаментом, диаметральной накладкой и подвесными кольцами, аналогичной найденной в погр. 39а (рис. 2: 38). Концом периода 2В — началом 2С развития мужского инвентаря (конец III — 1-я половина IV в.) датируется топор из погр. 189 в Заречье [Ахмедов, Воронцов, 2012. С. 16. Рис. 14: 4]. В женском комплексе 6а в Кораблино найдена небольшая двучленная прогнутая фибула 2-й половины или конца III — 1-х десятилетий IV в. [Белоцерковская, 2012а. С. 32. Рис. 2: 12]. Подгруппа ДБ2 сюльгам, судя по всему, является наиболее ранней среди небольших экземпляров и может датироваться 2-й половиной III — началом IV в.

Серия ДБ1ж. Комплексы 75 и 80 в Кораблино датированы периодом 2С по И. Р. Ахмедову [Ахмедов, 2007. Табл. 1]; из погр. 86а того же памятника происходит массивная обрубленноконечная гривна (типа рис. 2: 1), которые бытовали на этой территории со 2-й половины III в. [Ахмедов, 2007. Схема 1: 26]. Таким образом, предварительная дата сюльгам ДБ1ж: конец III — первые три четверти IV в.

Серия ДБ1е. Комплекс 78а в Кораблино датирован периодом 2А; 61 отнесен к периоду 2В; 62 и 72 того же памятника — к периоду 2С развития мужского инвентаря [Ахмедов, 2007. Табл.1]. Двучленная прогнутая подвязная фибула из погр. 85 в Заречье датируется 2-й половиной или концом III — началом IV в. [Белоцерковская, 2012а. С. 32. Рис. 2: 13]. В погр. 59а Кораблино найдена пластинчатая овальнорамчатая пряжка с коротким прогнутым язычком и длинной прямоугольной обоймой с насечками по краям (рис. 3: 29). Аналоги происходят из могильников Прикамья, где такие пряжки датируются преимущественно III в. [Лещинская, 1995. Рис. 4: 27]. Возможная дата этой серии сюльгам: 2-я половина III — не позже 3-й четверти IV в.

Очевидно, серии ДБ1ж и ДБ1е, как и подгруппа ДБ2, какое-то время сосуществовали, и только в конце IV — начале V в. спирали на концах дротовых сюльгам стали удлинять.

Серия ДБ1д. Погребения 73, 74 и 95 в Кораблино датируются периодом 3В, а 117 в Заречье — 3А развития мужского инвентаря [Ахмедов, 2007. Табл. 2]. Судя по пряжкам, форма которых близка сегментовидной, с небольшим утолщением в передней части рамки и хоботковидным язычком, загибающимся за край рамки, не доходя до ее внутреннего края (рис. 3: 30), погр. 47 в Кораблино также относится к периоду 3В, соответствующему фазе D2 центральноевропейских древностей [Teiral, 1997. Abb. 17: 8]. Состав женских и детских комплексов не противоречит этим определениям (см. табл. 1). Следовательно, предварительная дата рассматриваемой серии: 4-я четверть IV — начало или середина V в.

Серия ДБ1г. Ряд экземпляров происходит из мужских комплексов периода 3С по И. Р. Ахмедову — погребения 96, 97 в Кораблино, 28, 66, 71А и 158 в Заречье. Женское погр. 99 в Кораблино по крестовидной фибуле также относится к этому времени (см. выше). Инвентарь детских и женских захоронений не противоречит дате сюльгам этой серии: 2-я половина V — самое начало VI в.

Для определения даты сюльгам серии ДБ1в целесообразнее сначала рассмотреть серии ДБ1б и ДБ1а, которые по сопровождающему инвентарю по времени близки друг другу.

Серия ДБ1а. В Кораблино мужское погр. 179 было парным к женскому 180, что характеризует наиболее поздние части окских могильников [Ахмедов, 2010. С. 9], и находилось, как и захоронение 139, в окраинной части памятника. Мужской комплекс 160 в Кораблино содер-

[38] Погр. 6а, 23а, 39а в Кораблино; 189 в Заречье.

[39] Погр. 61, 62, 72, 125 (концы обломаны?), 59а, 78а в Кораблино;76, 85 в Заречье.

[40] Погр. 75, 80, 86а в Кораблино.

[41] Погр. 6а, 23а, 39а, 189 в Заречье.

жал прототип застежки с крылатой иглой (рис. 3: 31); в женских комплексах 111 и 201 в Заречье найдены крупные височные кольца из олова(?), характерные для позднего периода истории окских финнов [Белоцерковская, 2007. С. 188. Рис. 7: 24], в последнем, кроме того, найдены височные подвески (рис. 2: 29) наиболее позднего вида Д. Инвентарь женского комплекса 171 в Кораблино относится к группе Ж с поздними пластинчатыми сюльгамами (табл. 1). Все это свидетельствует о бытовании рассматриваемой серии сюльгам в 1-й половине VII в.

Следует заметить, что женские комплексы с этой серией застежек характерны и для группы погребений Е (захоронения 53, 201 в Заречье), в которой найдены и сюльгамы серии ДБ1б. В свою очередь, захоронения 129, 140, 204 в Заречье и 174Б в Кораблино с сюльгамами серии ДБ1б по сопровождающему инвентарю относятся скорее к поздней группе погребений Ж, нежели Е (см. табл. 1). В то же время погребение 194 в Заречье с этой же серией застежек принадлежит группе Е. При этом захоронение 174 в Кораблино, как и мужской комплекс 177, располагались на окраине могильника.

В ограбленных погребениях 167 и 115 в Заречье с сюльгамами ДБ1б найдены: в первом случае две бляшки, во втором — 9 бляшек и коробчатый наконечник от геральдических поясных наборов, а в качестве дара в погр. 177 в Кораблино был положен накосник с поздними концевыми привесками (как на рис. 2: 35).

Все это свидетельствует о сосуществовании в какой-то отрезок времени серий сюльгам ДБ1а и ДБ1б. Учитывая точку зрения И.О. Гавритухина и В.Ю. Малашева на датировку наиболее ранних геральдических гарнитур в Старокадомском могильнике (не ранее 2-й половины VI в.) [Гавритухин, Малашев, 1998. С. 57], можно предположить, что указанные серии проволочных сюльгам бытовали со 2-й половины VI по 1-ю половину VII в., при этом более ранней была серия ДБ1б. Находки этих серий в обеих поздних группах погребений (Ж и Е) обусловлены традиционностью женского костюма с достаточно долгим бытованием его элементов и в немалой степени, вероятно, изготовлением их разными мастерами. Кроме того, часть этих застежек из-за неполной сохранности, с частично обломанными концами трубочек (погребения 149, 204 в Заречье, 170, 177 в Кораблино), могла иметь больший индекс Б и войти уже в другую серию, в данном случае — в ДБ1а[42].

Надо заметить, что обе серии застежек в мужских захоронениях встречаются с наиболее поздним для рязано-окского населения видом наконечников копий – втульчатых с сильно расширяющимся в нижней части уплощенным пером со скругленными плечиками (рис. 3: 32), близкими типу II по В. Казакявичусу [Казакявичус, 1988. Рис. 14: 3][43].

Серия ДБ1в. Ряд находок происходит из комплексов 98, 135, 136 и 155 в Кораблино, которые принадлежат группе Е (захоронения с пластинчатыми сюльгамами серии Б4). В мужском погр. 81 в Кораблино вместе с поясной пряжкой и противостоящей пластиной геральдического облика найдена одна из наиболее поздних крестовидных фибул — типа IБ9 [Ахмедов,1998. С. 60; 2012. Рис. 1б], а в комплексе 39 в Заречье — наконечник копья, близкий типу II по В. Казакявичусу. В последнем, как и в погр. 81 в Кораблино, концы трубочек обломаны, возможно, сюльгамы из них принадлежат серии ДБ1б. Что же касается рассматриваемой серии застежек в других комплексах, то их вероятная дата — 1-я половина VI в., быть может, без его начала.

Итак, предполагаемые даты бытования небольших дротовых сюльгам:

для подгруппы ДБ2 2-я половина III — начало IV в.;
для серии ДБ1ж конец III — 1–3-я четверти IV в.;
для серии ДБ1е 2-я половина III — 1–3-я четверти IV в.;
для серии ДБ1д последняя четверть IV — середина V в.;
для серии ДБ1г 2-я половина V — начало VI в.;
для серии ДБ1в 1-я половина VI в.;
для серия ДБ1б 2-я половина VI — начало VII в.;
для серия ДБ1а 1-я половина VII в.

В связи с небольшой источниковой базой и неполной сохранностью большинства этих изделий предлагаемая хронология дротовых сюльгам носит предварительный характер, надо надеяться, что с увеличением числа находок она будет скорректирована. Тем не менее даже в таком виде она отчасти совпадает с хронологией пластинчатых сюльгам (начиная с конца IV — начала V в.), что иллюстрирует табл. 2.

К изучению дротовых сюльгам как маркера половозрастной и социальной принадлежности

Выше сказано, что для женского и детского (девичьего) костюма дротовые застежки менее характерны, чем для мужского. Для выяснения причин включения их в женский костюм составлена таблица взаимовстречаемости этих застежек с некоторыми другими категориями инвентаря (табл. 3). Для этой работы отобраны экземпляры, бытовавшие не ранее конца IV — начала V в., поскольку более ранние немногочисленны и часто происходят из ограбленных комплексов.

В список признаков отобраны категории, указывающие на социовозрастной статус погребенных [Белоцерковская, 2012б] и, возможно, конкретизирующие его. Следует сразу отметить, что рассматриваемые сюльгамы в большинстве своем входили в состав костюма замужних женщин и девочек не ранее возраста смены зубов, когда в их костюме появляются нагрудные бляхи с перекрестьем [Белоцерковская, 2012б]. Анализ состава женского костюма V–VII вв. показал, что гривны с коробкой в девичьих и женских уборах использовались в качестве маркеров соответствующего статуса владелицы. Их включали в состав костюма при переходе от подросткового возраста, но только при достаточно высоком статусе семьи девушки. С некоторой степенью вероятности можно предположить, что гривна, а тем более две и в еще большей степени нагрудные бляхи с перекрестьем являются показателями также несколько более высокого социального положения семьи ребенка. Литые пронизи с тремя привесками, прямоугольные и цилиндрические, в ожерельях, а также нарукавные повязки и браслеты с антропо-зооморфными изображениями входили в состав костюмов групп населения также с несколько более высоким положением, чем основная масса населения [Белоцерковская, 2014. С. 201–214]. В представленной таблице такие браслеты — почти в половине комплексов. Спиральные многовитковые браслеты — для рязано-окского населения явление почти уникальное, вероятно, маркировали особый тип костюма [Белоцерковская, 2012б; 2014. С. 195]. Крупные железные сюльгамы характерны для мужского костюма 1-й по-

[42] К примеру, длина концов сюльгамы в погр. 204 в Заречье 6 мм, если ее увеличить хотя бы на 2 мм, то индекс Б составит уже 2,26, то есть он будет соответствовать параметрам серии ДБ1а.

[43] Погр. 152 в Кораблино; 115, 149 в Заречье.

ловины VII в., включение их в женский убор, как и «мужских» браслетов с раструбообразными концами (погр. 95 в Заречье), очевидно, также повышало статус женщины. О функции крестовидных фибул как индикаторе высокого социального положения их обладателей говорилось неоднократно [Ахмедов, Белоцерковская, 1998б; Ахмедов, 2012]. В погр. 155 из Кораблино в ожерелье — многогранная бусина, а в погр. 44 из Заречья в составе нарукавной повязки из бус — полихромная бусина, что само по себе представляет большую редкость. В таблицу не вошел женский комплекс 13 из могильника Кораблино, он никак не выделяется среди прочих, за исключением одного — здесь найдено более 700 бусин, подобного этому в рассматриваемых памятниках пока не зафиксировано.

Создается впечатление, что проволочные сюльгамы в женских и детских комплектах кроме функционального назначения несли еще и определенную смысловую нагрузку, характер которой на имеющемся материале определить сложно. Ясно то, что их включали далеко не в каждый костюм, а только в имеющий какие-то отличия от обычных рядовых уборов, которые обусловлены, вероятно, определенным социовозрастным статусом обладателя такого костюма. Для сравнения — дротовые сюльгамы происходят из женских комплексов Старокадомского могильника: погр. 19 и 22 — с гривнами с коробкой; погр. 36 и 65 — с литыми пронизями с тремя привесками в составе ожерелий, в последнем еще и 2 гривны; погр. 43 — в ожерелье 468 бусин [Шитов, 1988а]. На этом памятнике наблюдается сходная с рассматриваемыми могильниками картина.

Апробация полученных результатов

В отдельных регионах окских финнов раннесредневекового времени развитие дротовых и пластинчатых застежек происходило хотя и в рамках общей тенденции, но несколько по-разному. Вычисление индексов А и Б показало, что их значения для конкретных экземпляров застежек в пределах полученных интервалов в Кораблино и Заречье совпадают, но не всегда. А это означает, что интервалы между сериями сюльгам в разных общинах могут несколько отличаться, что вполне естественно, поскольку обслуживали их разные мастера. Для примера в таблицах 4 и 5 показана часть значений индексов от 1 и далее для сюльгам Кораблино и Заречье.

Однако, несмотря на частные различия, обобщенные для двух памятников интервалы между сериями сюльгам предоставляют возможность рассматривать эти застежки в качестве хроноиндикаторов и для других рязано-окских могильников. Так, в погр. 7 Старокадомского могильника, которое по инвентарю отнесено ко 2-й половине V в. [Шитов, 1988а. С. 31. Табл. XXIV], пластинчатая сюльгама имеет индекс А 1,636, то есть относится к серии Б3, которая датируется 2-й половиной V — началом VI в. В погр. 53 того же памятника найдена дротовая сюльгама с индексом Б 2,75, то есть относящаяся к серии ДБ1б (2-я половина VI — начало VII в.), а пластинчатая с индексом А 1,88 принадлежит серии Б4, датируемой 2–3-й четвертями VI в. [Шитов, 1988а. Табл. XII: 14, 15]. Этот комплекс датируется, очевидно, временем не ранее 2-й половины VI в. (см. выше). Дротовая сюльгама с индексом Б, равным 2,05, из одного из самых поздних захоронений в Никитино — погр. 235 [Ахмедов, 2010. Рис. 7: 5] — относится к серии Дб1а, а из несколько более раннего комплекса 111 с индексом Б 3,3 [Ахмедов, 2010. Рис. 8: 2] принадлежит серии ДБ1б, то есть 2-й половине VI — началу VII в. На основании анализа поясной гарнитуры И. Р. Ахмедов относит это погребение к 1-й четверти или трети VII в. [Ахмедов, 2010. С. 11–12], что не противоречит дате на основании сюльгамы. Таким образом, предложенная систематизация, судя по всему, соответствует реалиям рассматриваемого времени.

Предложенная схема наряду с анализом других составляющих погребального инвентаря может помочь уточнить даты комплексов. Предварительные даты[44] погр. 53 в Никитино конец V — начало VI в., а погр. 197 с крестовидной фибулой — около середины V в. В первом найдены пластинчатые сюльгамы серии Б2 (конец IV — 1-я половина V в.), а гривна с коробкой относится к периоду 2 бытования в рассматриваемом памятнике этого типа гривен [Белоцерковская, 2010. Табл. 2]. Предлагаемая дата комплекса — около середины V в. В погр. 197 из Никитино, вместе с гривной с коробкой периода 3 их бытования, найдено несколько пластинчатых сюльгам: две из них — серии Б3 (2-я половина V — начало VI в.). Этот комплекс отложился, вероятно, не ранее 2-й половины V в. Остальные категории инвентаря не только не противоречат этой дате, а, скорее, подтверждают ее [Белоцерковская, 2014. С. 200] — затылочная кисть классического облика с 4 крупными беспетельчатыми объемными привесками, височные привески в виде крупной трапециевидной пластины-держателя с 4-мя концевыми пластинчатыми коническими привесками к ней. Нагрудная бляха с раннего вида четырехгранной крышкой и пластинчатый браслет в этом комплексе, очевидно, переживают свое время, что довольно характерно для престижных и особых типов женских костюмов этого периода.

К примеру, в подростковом захоронении 46 в Заречье вместе с гривной в двойную петлю и нагрудной бляхой с перекрестьем с долгим периодом бытования были: ожерелье с металлическими пронизями с литыми с узким горлом концевыми привесками к ним; височные подвески треугольные литые ажурные (типа изображенных на рис. 2: 31, но с концевыми привесками с проволочной обмоткой горла); два браслета с нечеткими антропо-зооморфоными изображениями на концах; 6 крупных объёмных привесок с выделенным горлом. Все это свидетельствует о достаточно поздней дате комплекса — не ранее VI в. [Белоцерковская, 2014. Рис. 5: 1–5, 7]. Но вместе с тем в составе головного убора были небольшая затылочная кисть с коробчатыми привесками и налобный венчик с подвесными кольцами, основное время распространения которых приходится на IV в. [Белоцерковская, 2014. С. 187. Рис. 5: 6, 12]. Наличие этих предметов указывает на особый тип костюма, возможно принадлежавший подростку на пороге совершеннолетия [Белоцерковская, 2012б. С. 67]. Две пластинчатые сюльгамы серии Б3 указывают на дату захоронения не ранее 2-й половины V — начала VI в. Судя по утратам на концах и индексу А 1,56, эти застежки могли бытовать не ранее начала, а может быть, и 1-й половины — середины VI в. и в первоначальном виде относиться к серии Б4.

Очевидно, при строгом отборе сюльгам их относительной хронологии можно доверять полностью, что касается абсолютных дат, то они требуют дальнейшей корректировки.

---

[44] Выражаю искреннюю признательность Илье Рафаэльевичу Ахмедову за возможность работы с неопубликованными материалами его раскопок.

Литература

Алихова А. Е. Из истории мордвы конца I — начала II тыс. н.э. // Алихова А. Е., Жиганов М. Ф., Степанов П. Д. Из истории древней и средневековой истории мордовского народа / Под ред. А. П. Смирнова. Саранск, 1959. С. 13–54.

Алихова А. Е. Материальная культура средне-цнинской мордвы VIII–XI вв. (По материалам раскопок П. П. Иванова за 1927–1928 годы) // Археологический сборник. Т. III. Саранск, 1969.

Ахмедов И. Р. Из истории конского убора и предметов снаряжения всадника рязано-окских могильников // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 4 / Отв. ред. В. П. Челяпов. Рязань, 1995. С. 89–111.

Ахмедов И. Р. Рязано-окские «крестовидные» фибулы // Исследования П. Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П. Д. Степанова. Саранск, 1998. С. 58–61.

Ахмедов И. Р. Инвентарь мужских погребений. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / Отв. ред. И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. Сер. РСМ. Вып. 9. М., 2007. С. 137–185.

Ахмедов И. Р. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса) // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э. Проблемы и материалы / Отв. ред. И. В. Исланова, В. Е. Родинкова. Сер. РСМ. Вып. 13. М., 2010. С. 7–34.

Ахмедов И. Р. Окские крестовидные фибулы как индикаторы этнокультурных процессов в Центральной России эпохи Великого переселения народов // Вояджер: мир и человек №3 / Отв. ред. А. В. Богачев. Самара, 2012. С. 107–123.

Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В. Вещевые комплексы могильника Заречье 4 // Археологические памятники Окского бассейна / Отв. ред. В. П. Челяпов. Рязань, 1996. С. 104–141.

Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В. О начальной дате рязано-окских могильников // Труды ГИМ. Вып. 96. / Отв. ред. С. В. Студзицкая. М., 1998а. С. 32–42.

Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В. О месте фибул в рязано-окских могильниках: постановка вопроса // Археологические памятники Среднего Поочья / Отв. ред. В. П. Челяпов. Рязань, 1998б. С. 105–123.

Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В. К реконструкции исторических процессов. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / Отв. ред. И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. Сер. РСМ. Вып. 9. М., 2007. С. 273–275.

Ахмедов И. Р., Воронцов А. М. Узколезвийные проушные топоры римского времени и эпохи Великого переселения народов с территории верхнего и среднего Поочья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3 / Ред. А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин. Тула, 2012. С. 9–54.

Белоцерковская И. В. Головной убор из могильника Кораблино // Историческая археология. Традиции и перспективы / Отв. ред. В. Л. Янин. М., 1998. С. 40–49.

Белоцерковская И. В. Ажурные застежки из могильника Кораблино // Труды ГИМ. Вып. 103 / Отв. ред. В. Л. Егоров. М., 1999. С. 154–176.

Белоцерковская И. В. Уникальный сосуд из рязано-окского могильника Заречье // II Городцовские чтения / Отв. ред. И. В. Белоцерковская. Труды ГИМ. Вып. 145. М., 2005. С. 283–293.

Белоцерковская И. В. Инвентарь женских погребений. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. / Отв. ред. И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. Сер. РСМ. Вып. 9. М., 2007. С. 186–212.

Белоцерковская И. В. Гривны с коробками из рязано-окских могильников // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Ч. 1 / Ред. А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин. Тула, 2010. С. 75–100.

Белоцерковская И. В. О предметах черняховской культуры в женском инвентаре рязано-окских могильников// Евразия в скифо-сарматское время / Отв. ред. Д. В. Журавлев, К. Б. Фирсов. Сер. Труды ГИМ. Вып. 191. М., 2012а. С. 27–37.

Белоцерковская И. В. Об одном типе женского костюма окских финнов гуннского и постгуннского времени // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3 / Ред. А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин. Тула, 2012б. С. 55–78.

Белоцерковская И. В. Женский костюм окских финнов V–VII вв. Традиции и новации // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. А. М. Обломский. Сер. РСМ. Вып. 15. М., 2014. С. 178–229.

Белоцерковская И. В., Сорокин А. Н. Исследование могильника Заречье 4 в 1991 г. // Археологические памятники Среднего Поочья / Отв. ред. В. П. Челяпов. Рязань, 1992. С. 35–41.

Вихляев В. И. Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск, 1977.

Вихляев В. И., Беговаткин А. А., Зеленцова О. В., Шитов В. Н. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск, 2008.

Гавритухин И. О., Малашев В. Ю. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (Вопросы хронологии) / Отв. ред. Д. А. Сташенков. Самара, 1998. С. 28–86.

Гольмстен В. В. Хронологическое значение эволюции древних форм. Самара, 1923.

Казакявичус В. Оружие балтских племен II–VIII веков на территории Литвы. Вильнюс, 1988.

Лещинская Н. А. Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I–начало II тыс. н. э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы / Отв. ред. Р. Д. Голдина. Ижевск, 1995. С. 88–127.

Полесских М. Р. Пензнские могильники мордвы IV–V вв.// СА. 1962. №4.

Румянцева О. А. Бусы массовых типов. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. / Отв. ред. И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. Сер. РСМ. Вып. 9. М., 2007. С. 214–243.

Рыков П. Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов, 1930.

Сарачева Т. Г. Технология изготовления ювелирных изделий Никитинского могильника // Воронина Р. Ф., Зеленцова О. В., Энговатова А. В. Никитинский могильник. Публикация материалов раскопок 1977–78 гг. Сер. Труды отдела охранных раскопок. Т. 3. М., 2007. С. 103–122.

Шитов В. Н. Старокадомский могильник // Материалы по археологии Мордовии / Отв. ред. М. Ф. Жиганов. Сер. Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 85. Саранск, 1988а. С. 23–70.

Шитов В. Н. Кошибеевский могильник / По материалам раскопок В. Н. Глазова в 1902 г) // Вопросы этнической истории мордовского народа в I — начале II тысячелетия н. э. / Отв. ред. М. Ф. Жиганов. Сер. Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 93. Саранск, 1988б. С. 4–43.

Teiral J. Neue Aspecte der frühvölkerwanderungszitlichen Chronologie im Mitteldonaurum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum. Brno, 1997. S. 321–362.

Таблица 1. **Взаимовстречаемость пластинчатых сюльгам с другими категориями погребального инвентаря**

	Б7	28	Б6	35	Б5	33	36е	12	13	29	32	26	Б4	Б3	14	31	11	19	36д	27	34	25	6	36б	20Д	20Г	36г	30	Б2	20в	8
Кор.112	1											1																			
Зар.129		1									1																				
Зар.140		1									1	1						1													
Зар.119		1	1				1			Г		1					1						1								
Кор.171		1			1		1		1	Г		1			1													1			
Кор.119			1								1																				
Кор.161			1	1		1	1				1	1																			
Зар.109			1	1		1	1		1	Г	1	1																			
Кор.90			1	1		1						1						1													
Зар.161				1	1	1				Г								1													
Кор.174Б				1		1	1																								
Зар.59					1		1	1		Г	1							1													
Зар.143					1			1			1																				
Зар.204						1	1	1		Д		1																			
Кор.23							1			Г	1		1																		
Кор.98						1			1	В	1		1					1													
Кор.136							1			В	1							1													
Зар.170							1	1		В			1																		
Зар.135							1		1	Б			1					1													
Зар.178							1	1			1		1					1													
Кор.155							1	1			1							1													
Зар.46							1							1	1	1															
Зар.75							1	1		Б	1	1		1				1					1								
Зар.194								1			1	1	1					1													
Зар.201									1	Д	1	1																			
Зар.233									1		1			1					1												
Кор.100										Б	1			1				1													
Зар.123А											1		1				1														
Зар.53											1							1													
Зар.51											1			1			1		1												
Зар.99												1		1					1		1	1									
Зар.158												1								1			1								
Зар.29												1		1						1			1	1							
Зар.71												1		1				1		1	1		1	1	1						
Зар.100												1		1						1						1	1				
Кор.16												1		1				1	1				1			1	1				
Кор.79														1				1					1								
Зар.95														1				1					1	1	1			1			
Кор.99														1	1			1			1		1	1		1		1			
Зар.183														1	1			1					1			1		1			
Зар.144														1	1			1						1		1		1			
Кор. 48																1		1		1			1		1						
Кор.126																	1	1											1	1	
Зар.87																	1							1					1		
Зар.195																	1						1						1		
Кор.124																		1			1								1	1	
Зар.34																		1					1						1	1	
Кор83																		1			1								1	1	1
Зар.223																					1		1					1	1		
Зар.1																					1										1
Зар.213																						1	1								
Кор.46																						1									
Зар.77																							1						1		
Зар.117																							1				1			1	
Зар.83																													1		
Зар.5																														1	
Зар.107																															
Зар.63																															
Зар.62																															
Зар.175																															
Зар.78																															
Зар.172																															
Зар.102																															
Зар.4																															
Зар.73																															
Кор.75																															
Кор.62																															
Зар.146																															
Кор.53																															
Кор.59																															
Кор.72																															
Кор.80																															
Зар.210																															
Зар.131																															
Кор.2а																															
Зар. 116																															
Зар.134																															
Зар.127																															
Кор.39а																															
Кор. 57а																															
Кор.23а																															
Зар.112																															
Зар.121																															
	Б7	28	Б6	35	Б5	33	36е	12	13	29	32	26	Б4	Б3	14	31	11	19	36д	27	34	25	6	36б	20Д	20Г	36г	30	Б2	20в	8

9	7	21	18	24	36в	4	22	Б1Б1	Б1Б2б	Б1А1	Б1Б2а	23	20А	20Б	36а	16	15	2	1	А	10	17	3	5	Б1А2	37	38	
																												Кор.112
																												Зар.129
																												Зар.140
				Ж																								Зар.119
																												Кор.171
																												Кор.119
																												Кор.161
																												Зар.109
																												Кор.90
																												Зар.161
																												Кор.174Б
																												Зар.59
																												Зар.143
																												Зар.204
																												Кор.23
																												Кор.98
																												Кор.136
																												Зар.170
																												Зар.135
				Е																								Зар.178
																												Кор.155
							1																					Зар.46
																												Зар.75
																												Зар.194
																												Зар.201
																												Зар.233
																												Кор.100
																												Зар.123А
																												Зар.53
																												Зар.51
				1																								Зар.99
																												Зар.158
																												Зар.29
																												Зар.71
																												Зар.100
				Д																								Кор.16
																												Кор.79
																												Зар.95
																												Кор.99
																												Зар.183
																												Зар.144
																												Кор. 48
																												Кор.126
																												Зар.87
																												Зар.195
																												Кор.124
																												Зар.34
								1	1							**Г**												Кор83
					1																							Зар.223
							1		1				1															Зар.1
			1	1	1	1		1		1	1	1																Зар.213
				1																								Кор.46
		1	1		1																							Зар.77
							1																					Зар.117
				1		1	1																					Зар.83
			1	1		1		1								**В**												Зар.5
1		1		1				1																				Зар.107
1	1			1				1																				Зар.63
	1						1			1																		Зар.62
		1		1				1																				Зар.175
		1		1				1					1		1	1												Зар.78
			1	1	1	1		1						1														Зар.172
			1					1				1			1													Зар.102
				1		1		1				1	1			1												Зар.4
				1		1																			1			Зар.73
					1				1			1					1				1							Кор.75
					1				1							1	1											Кор.62
					1											1	1	1		1								Зар.146
					1	1	1	1					1															Кор.53
						1	1		1	1																		Кор.59
						1		1									1	1				1	1		1		**Б**	Кор.72
						1		1								1		1	1				1					Кор.80
							1	1						1		1												Зар.210
								1							1								1	1				Зар.131
									1							1							1				1	Кор.2а
										1									1					1				Зар. 116
										1							1					1	1					Зар.134
											1					1	1		1									Зар.127
												1			1	1	1		1								1	Кор.39а
							А								1	1	1		1								1	Кор. 57а
															1	1												Кор.23а
															1	1	1									1	1	Зар.112
																	1		1	1								Зар.121
9	7	21	18	24	36в	4	22	Б1Б1	Б1Б2б	Б1А1	Б1Б2а	23	20А	20Б	36а	16	15	2	1	А	10	17	3	5	Б1А2	37	38	

Таблица 2. **Соотношение хронологии серий дротовых и пластинчатых сюльгам**

Дротовые	Дата	Пластинчатые	Дата
ДБ1ж ДБ1е ДБ2	2-я половина или конец III — 3-я четверть IV в.	Б1	2-я половина или конец III — конец IV в.
ДБ1д	Конец IV — 1-я половина V в.	Б2	Конец IV — 1-я половина V в.
ДБ1г	2-я половина V — начало VI в.	Б3	2-я половина V — начало VI в.
ДБ1в	1-я половина VI в.	Б4	2–3-я четверть VI в.
ДБ1б	2-я половина VI — начало VII в.	Б5	Конец VI — начало VII в.
ДБ1а	1-я половина VII в.	Б6, Б7	1-я половина VII в.

Таблица 3. **Взаимовстречаемость дротовых сюльгам с иными категориями инвентаря**

	17	16	15	4	3	9	8	18	6	10	12	11	13	2	1	5	7	14	колич.	положение
Кор. 170		1																	1	у черепа
Кор. 99			1	1	1	1	1	1							1				1	левое плечо
Ззр. 95			1	1		1				1					1				1	под нижней челюстью
Зар. 119				1	1	1				1				1			1	1	1	у черепа
Кор. 5 д				1	1					1									1	на груди по центру
Зар. 75				1	1							1			1				1	левое плечо
Зар. 183				1	3			1							1				1	правое? плечо
Зар. 144					1	1	1								1				1	под бляхой
Кор. 171					1	1													2	правое плечо
Кор. 35д.					1					1				1					1	плечо
Зар. 204					1				1	1			1		1				2	левое плечо
Зар. 109						1			1	1			1						2	правое? плечо
Зар. 50 А							1							1					1	на бляхе
Кор. 41								1		1					1				1	плечо
Кор. 136									1						1				1	грудь слева
Кор. 98									1	1					1				2	на груди по центру
Зар. 18									1						1	1			1	на груди по центру
Кор. 46д.										1				1					1	под бляхой
Кор. 12б										1					1				1	слева под нижней челюстью
Кор. 45 д.										1									1	под нижней челюстью
Зар. 13										1									1	на груди по центру
Зар. 111 д.									1										2	у черепа и на левом плече
Зар. 140											1				1				1	у черепа
Зар. 194											1		1		1				2	правое плечо и под бляхой
Зар. 44 А											1								2	под нижней челюстью
Зар. 143 д.												1							1	правое плечо
Кор. 155															1				1	у бляхи
Зар. 53															1				1	на бляхе
Кор. 174	1														1					

Признаки (соответствуют номерам на рис. 4): 1 — нагрудная бляха с крышкой как принадлежность костюма замужней женщины (рис. 2: 19); *2* — нагрудная бляха с перекрестьем как принадлежность детского (девичьего) костюма; *3* — 2 гривны (в погр. 183 в Заречье — 3); *4* — одна из них — с коробкой; *5* — уникальная[45] серповидная гривна с накладками с подвесными кольцами; *6* — литые пронизи с тремя объемными привесками в составе ожерелий; *7* — налобный венчик; *8* — украшение с трапециевидными привесками (венчик-ожерелье); *9* — кисти затылочные длинные; *10* — браслеты или кольца височные с антропо-зооморфными изображениями на концах; *11* — браслеты с нарезным или гравированным орнаментом; *12* — повязки нарукавные; *13* — перстни с привесками; *14* — браслеты многовитковые спиральные; *15* — крестовидные фибулы; *16* — уникальные браслетообразные височные кольца с проволочной обмоткой на концах; *17* — крупная железная сюльгама; *18* — лунницы.

[45] Для раннесредневековых памятников окских финнов (как и № 16).

Таблица 4. **Некоторые значения индекса А (последовательно в порядке нарастания) для пластинчатых сюльгам**

Кораблино	1	1,1	1,11	1,12	1,17	1,2	1,22	1,25	1,28	1,3	1,35	1,375	1,38	1,45
Заречье	1	1,1	1,11	1,13	1,14	1,15	1,167	1,17	1,18	1,21	1,217	1,25	1,3	1,315

Таблица 5. **Некоторые значения индекса Б (последовательно в порядке нарастания) для дротовых сюльгам**

Кораблино	1,68	2,27	2,3	2,34	2,53	2,55	2,74	3	3,03	3,09	3,37	3,38	3,8	3,92
Заречье	1,9	2,37	2,4	2,5	2,6	2,97	3,2	3,42	3,44	3,47	3,6	4	4,29	4,67

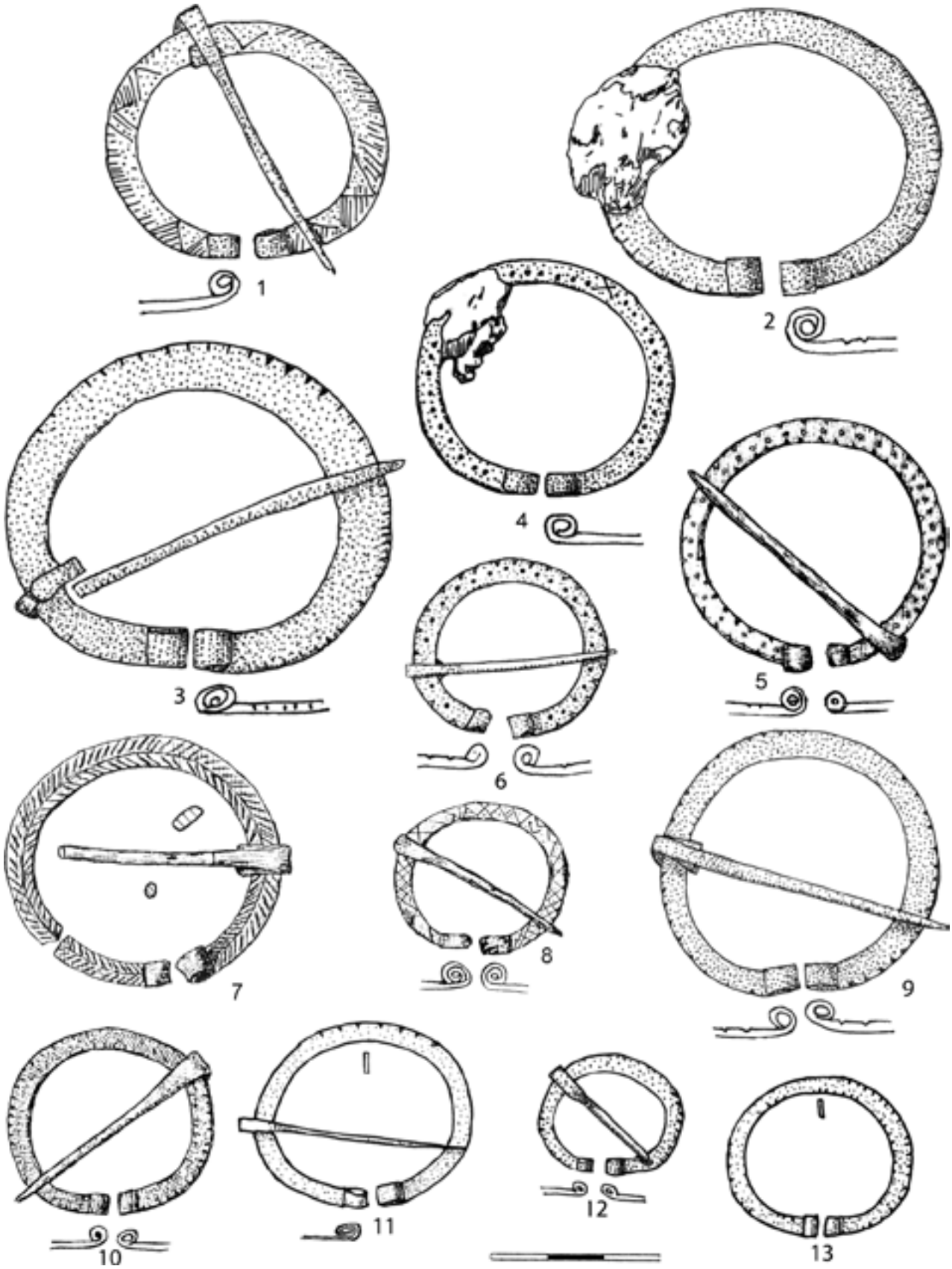


Рис. 1 (начало). Пластинчатые сюльгамы.

1–3 — группа А; *4–13* — группа Б (*4–5* — серии Б1А1а, *6* — Б1А1б, *7* — Б1А2а, *8* — Б1А2б, *9* — Б1Б1а, *10* — Б1Б1б, *11* — Б1Б2а, *12* — Б1Б2б, *13* — Б2А2).

Погребения (п.) на могильниках Заречье (*1* — п. 121, *2* — п. 124, *3* — п. 146, *4* — п. 134, *6* — п. 62, *9* — п. 63, *11* — п. 61, *12* — п. 68, *13* — п. 34) и Кораблино (*5* — п. 76, *7* — п. 74а, *8* — п. 72, *10* — п. 83).

2 — бронза, железо; остальные — бронза

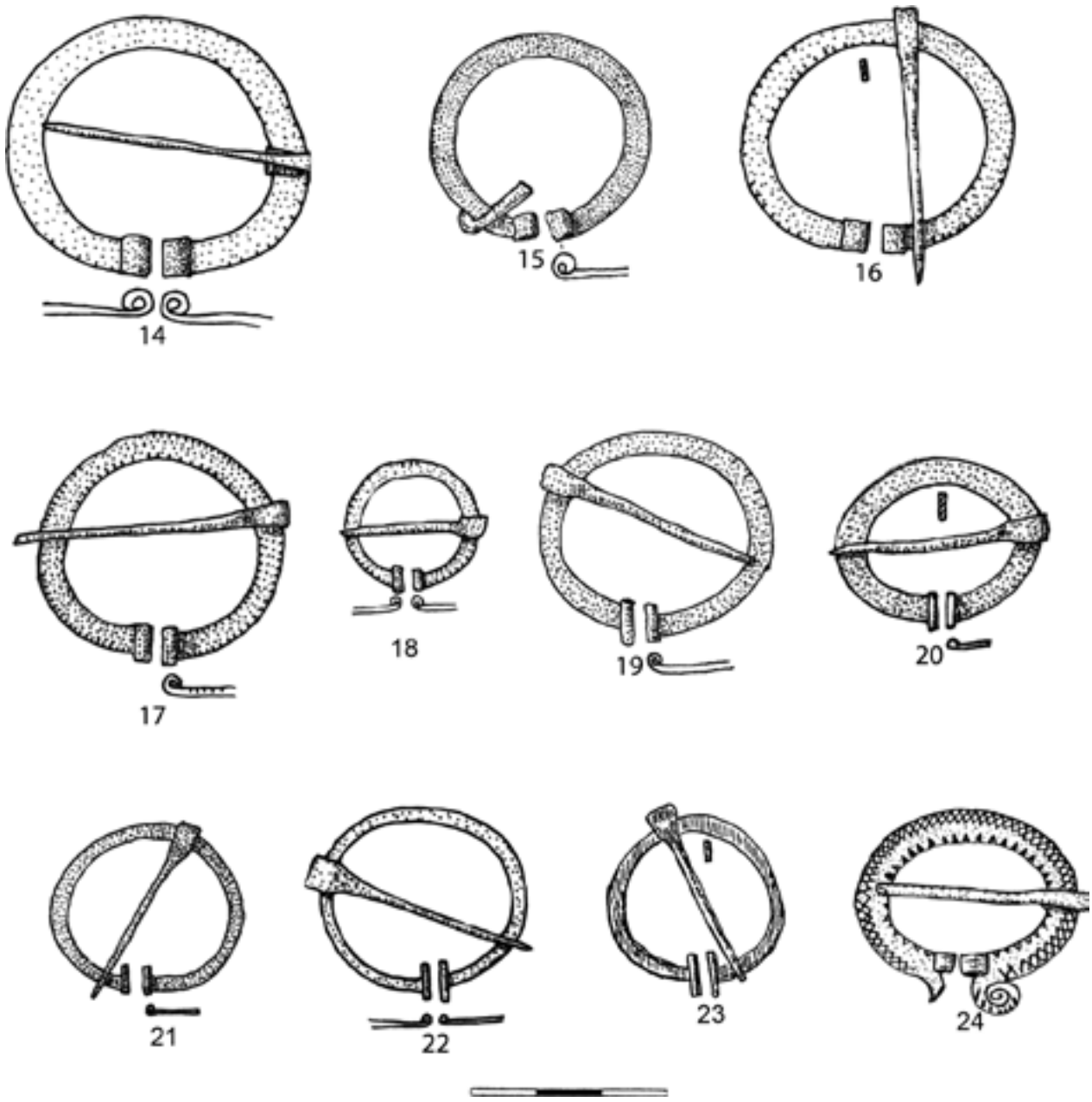


Рис. 1 (окончание). Пластинчатые сюльгамы.

1–3 — группа Б (*14* — серии Б2А1; *15* — Б2Б2; *16* — Б2Б1; *17* — Б3а; *18* — Б3б; *19* — Б4; *21* — Б5; *22* — Б6; *23* — Б7); *20, 24* — отдельные виды.

Погребения (п.) на могильниках Заречье (*14* — п. 77, *15* — п. 190, *16* — п. 223, *17* — п. 183, *18* — п. 75, *19* — п. 143, *20* — п. 204, *21* — п. 188, *22* — п. 109, *24* — п. 101) и Кораблино (*22* — п. 109, *23* — п. 119).

Все — бронза

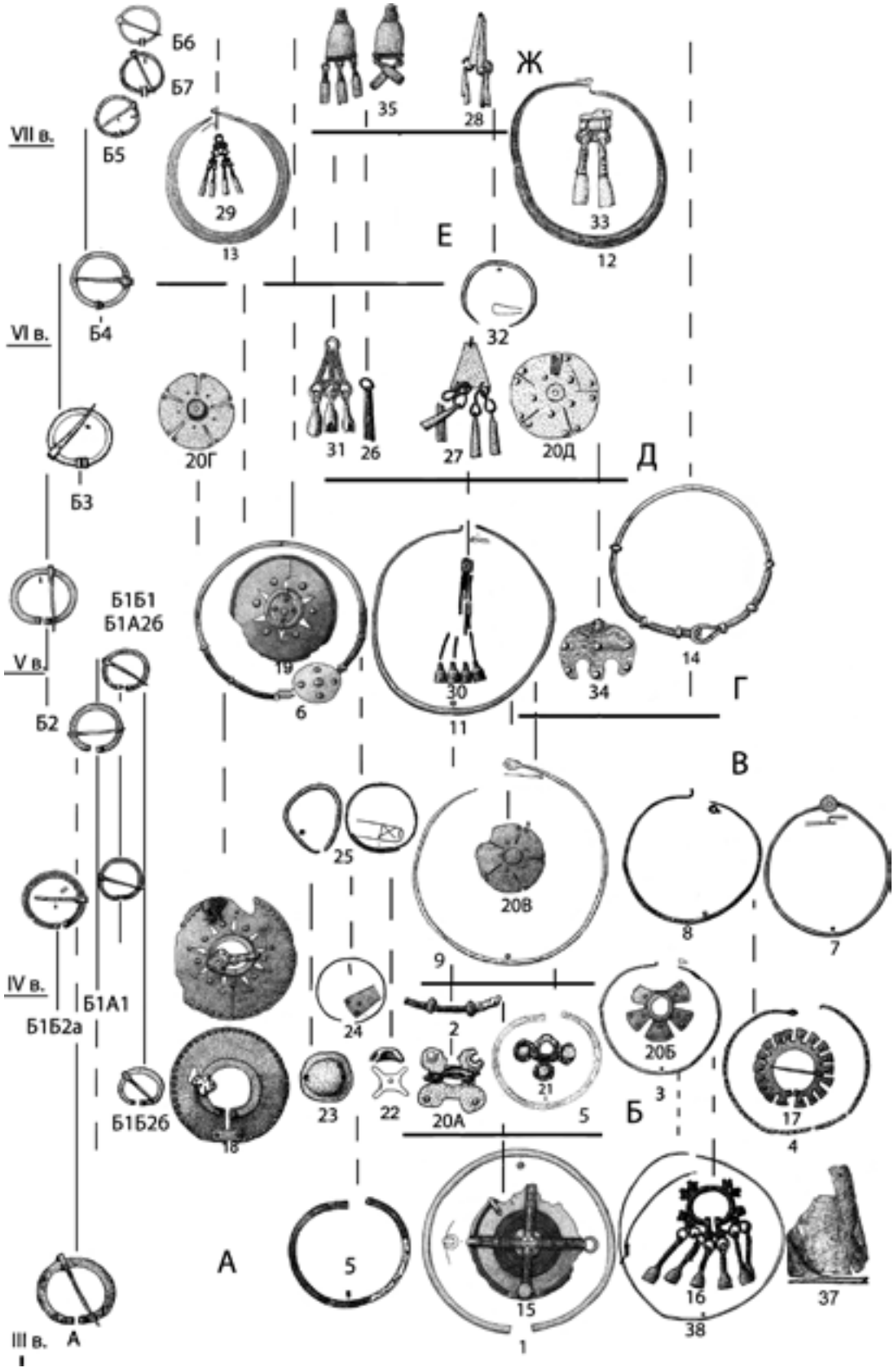


Рис. 2. Относительная хронология пластинчатых сюльгам.

Номера соответствуют нумерации признаков в таблице 1.

Погребения (п.) на могильниках Заречье (*1, 15* — п. 121; *2* — п. 146; *5* — п. 131; *6* — п. 34; *7* — п. 107; *9* — п. 63; *11* — п. 195А; *13* — п. 233; *16* — п. 127; *17* — п. 134; *18* — п. 172; *19* — п. 183; *20А* — п. 78; *20Б* — п. 210, *20В* — п. 160; *20Г, 27* — п. 100; *20Д* — п. 95; *21* — п. 107; *23* — п. 213; *24* — п. 175; *25* — п. 73; *28* — п. 119; *29* — п. 75; *33* — п. 204; *35* — п. 161; *37* — п. 112) и Кораблино (*3* — п. 80; *8* — п. 83; *12* — п.35; *14* — п. 77; *22* — п. 53; *26, 30* — п. 171; *31* — п. 28; *32* — п. 98; *34* — п. 41; *38* — п. 39а).

2, 18 — бронза, железо; *30* — бронза, кожа; остальное — бронза. Масштаб разный

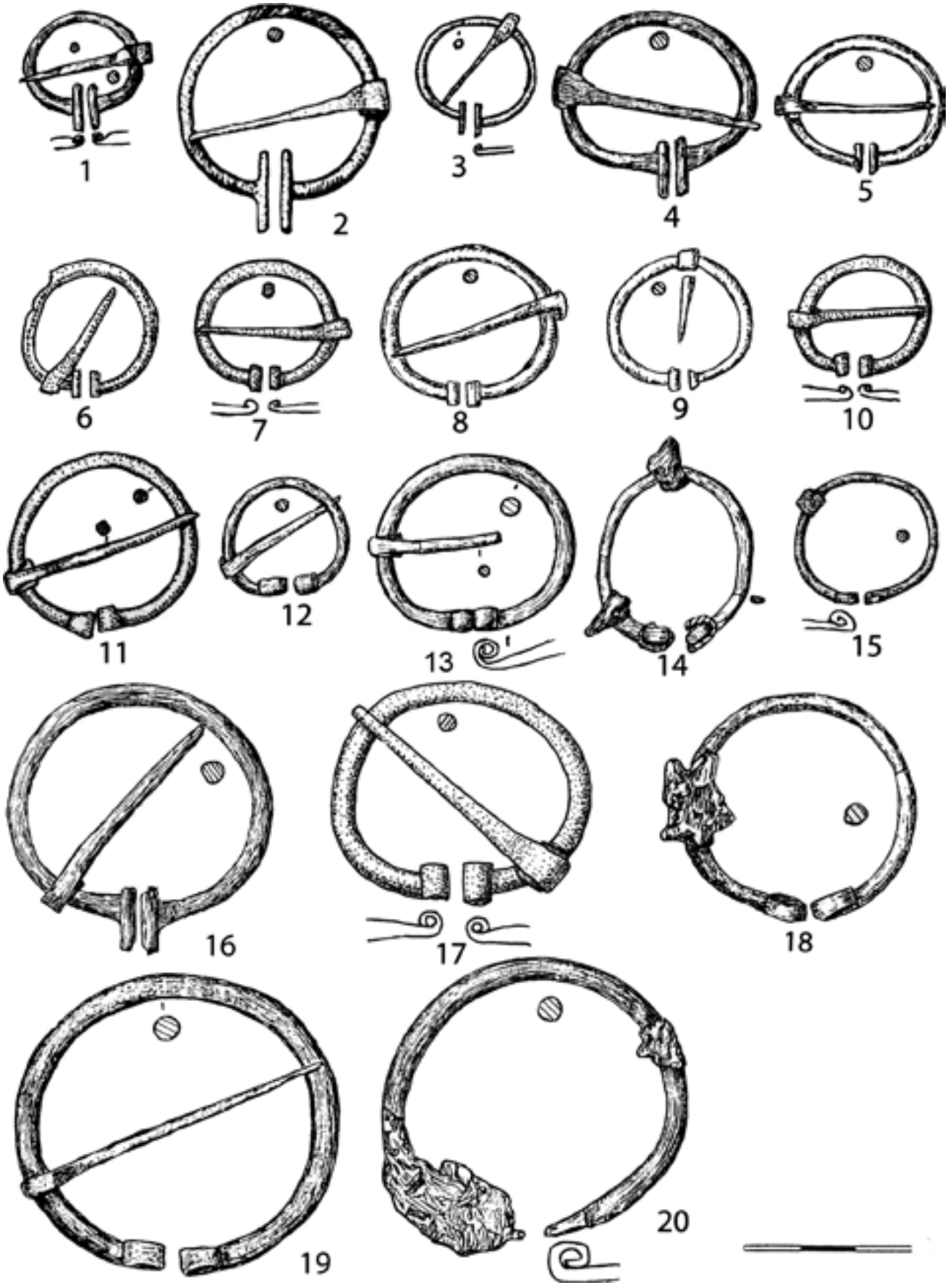


Рис. 3. Проволочные сюльгамы (начало).

1–3 — серии ДБ1а; *3–4* — ДБ1б; *5–6* — ДБ1в; *7–8* — ДБ1г; *9–10* — ДБ1д; *11–12* — ДБ1е; *13* — ДБ1ж; *16* — ДА1; *17* — ДА2; *18* — ДА3; *19* — ДА4; *20* — ДА5; *14–15* — подгруппы ДБ2.

Погребения (п.) на могильниках Кораблино (*1* — п. 171; *4* — п. 35; *5* — п. 135; *8* — п. 99; *9* — п. 95; *12* — п. 59а; *13* — п. 86а; *14* — п. 23а; *15* — п. 39а; *16* — п. 174; *18* — п. 43а; *19* — п. 61; *20* — п. 50а) и Заречье (*2* — п. 64; *3* — п. 167; *6* — п. 176; *7* — п. 66; *10* — п. 117; *11* — п. 85; *17* — п.117; *21* — п. 44).

1–17, 19 — бронза; *18, 20* — бронза, железо

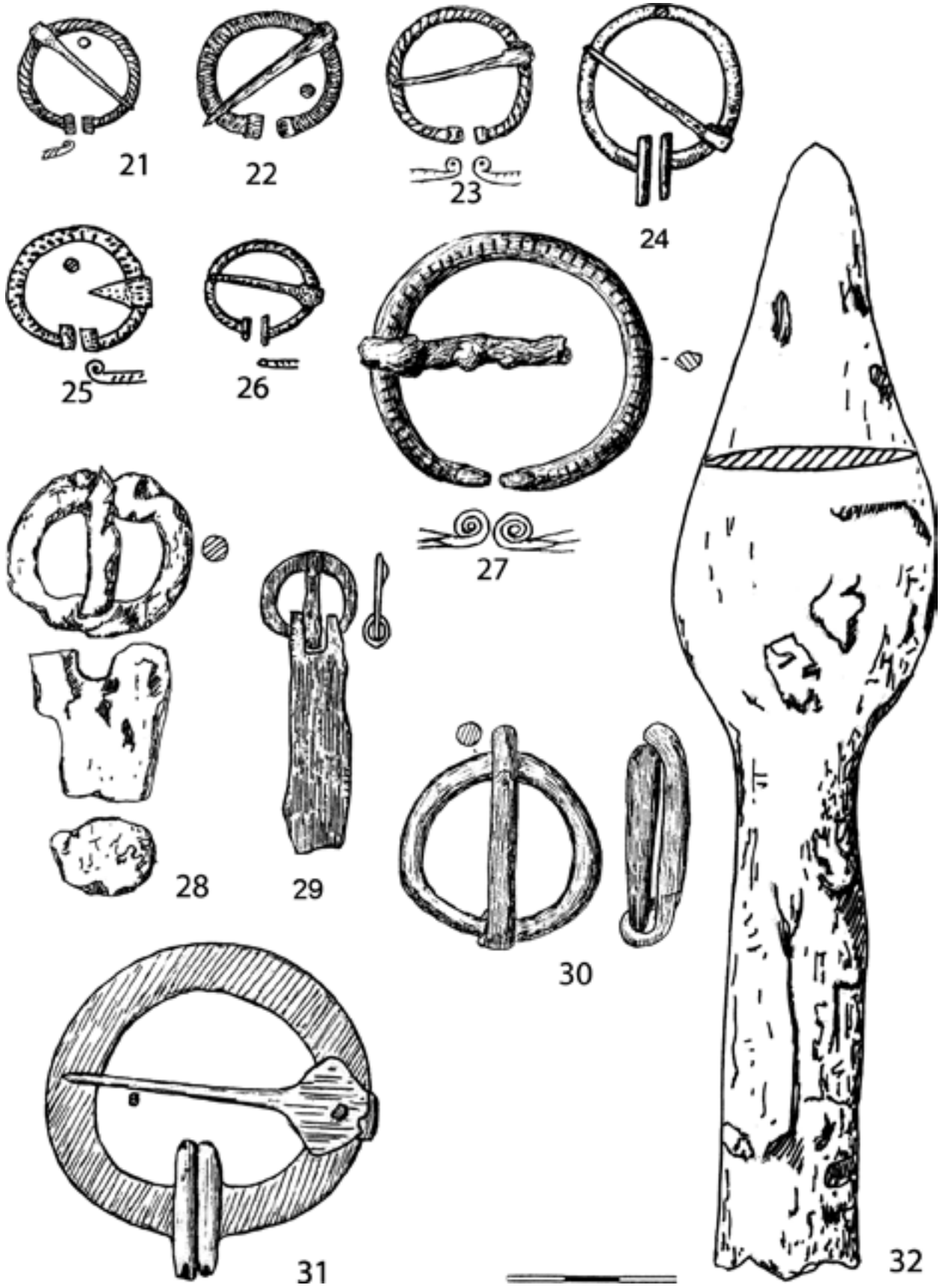


Рис. 3. Проволочные сюльгамы (окончание) и некоторые хронологические индикаторы из комплексов с ними.

21–27 — орнаментированные проволочные сюльгамы; *28–30* — пряжки; *31* — сюльгама с крылатой иглой; *32* — наконечник копья.

Погребения (п.) на могильниках Заречье (*21* — п. 44; *24* — п. 53; *25* — п. 144; *26* — п. 149; *28* — п. 124; *32* — п. 149) и Кораблино (*22* — п. 45; *23* — п. 73; *27* — п. 23а; *29* — п. 59а; *30* — п. 47; *31* — п. 160).

21–26, 29–31 — бронза; *28–32* — железо

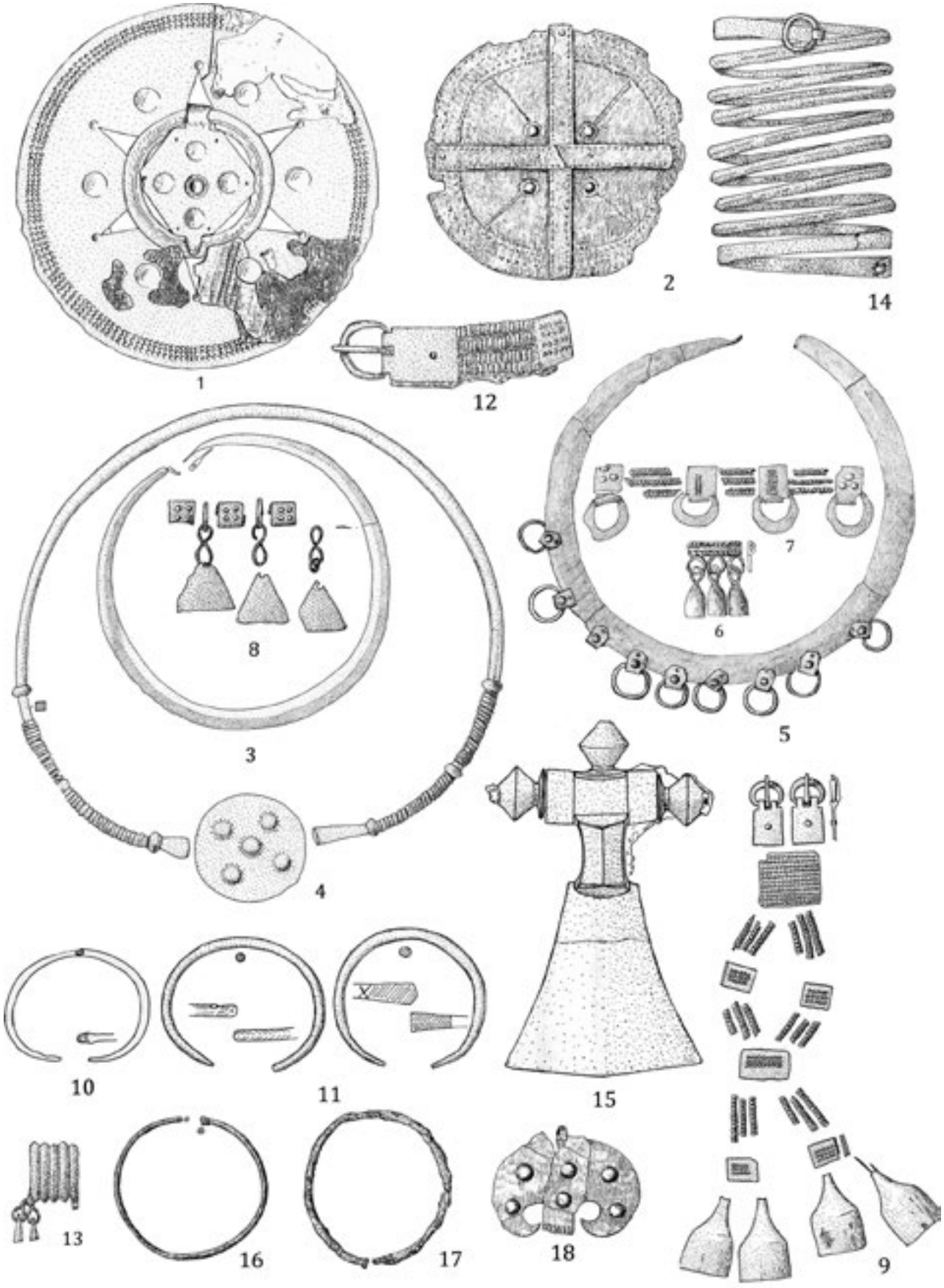


Рис. 4. Некоторые элементы женского костюма из комплексов с проволочными сюльгамами.

Номера соответствуют нумерации признаков в таблице 3.

Погребения (п.) на могильниках Заречье (*1, 9, 15* — п. 95; *3, 4, 11* — п. 75; *5, 6* — п. 18; *7, 14* — п. 119; *8* — п. 144; *10* — п. 46; *12, 13* — п. 194) и Кораблино (*2* — п. 35; *16* — п. 170; *17* — п. 174; *18* — п. 99).

1, 2–6, 10, 11, 13, 14, 16, 18 — бронза; *7–9, 12* — бронза, кожа; *15* — бронза, железо; *17* — железо.

Масштаб разный

Д. В. Акимов, Я. П. Мулкиджанян

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС ГОРОДИЩА КРУТОГОРЬЕ: ВАРИАНТЫ РЕКОНСТРУКЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Древности эпохи Великого переселения народов на Верхнем Дону (рис. 1: А) выявлены в начале 90-х годов прошлого столетия. За прошедшее время их полевое изучение проводилось довольно интенсивно, публикуются материалы раскопок, а также первые обобщающие труды. Тем не менее многие вопросы, связанные с ними, остаются спорными, а многие — до сих пор слабо раскрытыми. Поэтому материалы исследований каждого памятника привлекают внимание специалистов, вызывают живой интерес. Не является исключением в этом смысле и городище Крутогорье.

В настоящее время все известные на Верхнем Дону древности эпохи Великого переселения народов разделяются на две культурно-хронологические группы. Одна из них, типа Каширки—Седелки, датируется позднеримским временем и соотносится с киевско-черняховскими переселенцами, пришедшими на Дон из зоны распространения памятников так называемой киевской традиции в черняхове [Обломский, 2001. С. 129–130; Обломский, 2007. С. 74]. Вторая группа получила название по наиболее исследованным поселениям у современных сел Чертовицкое (Воронежская область) и Замятино (Липецкая область). Она соответствует преимущественно гуннской эпохе и оставлена смешанным населением, в составе которого преобладал раннеславянский компонент (носители традиций сейминско-донецкого варианта киевской культуры и «раннеславянских» элементов черняховской общности) [Обломский, 2005. С. 110–111; Акимов, 2007. С. 47–48]. При этом господствующее положение в регионе занимала воинская прослойка выходцев из регионов Северо-Восточного Причерноморья и Нижнего Подонья аланского и/или германского происхождения. Впрочем, некоторые исследователи связывают их с гуннами [Обломский, 2006; Обломский, 2007. С. 91–92]. Рассматриваемое в данной статье городище Крутогорье относится ко второй группе верхнедонских древностей.

Следует сказать, что Крутогорье является, с одной стороны, характерным для упомянутой второй группы археологических памятников, с другой — обособленным от нее во многих отношениях. Находя целый ряд прямых соответствий в материалах Острой Луки Дона (Замятино и др.) — в комплексе лепной и лощеной керамики, в гончарной посуде, часть которой изготавливалась именно там, и в других сферах культуры, следует остановится и на отличиях.

Во-первых, Крутогорье имеет следы оборонительных сооружений (рис. 1: В), а на Острой Луке укрепленных пунктов гун-нского времени не отмечено. Более того, рассматриваемый памятник был связан с другим городищем — Малый Липяг, имеющим слой середины I тыс. н. э. и находящимся непосредственно рядом — к северу, через балку.

Во-вторых, для домостроительства поселений круга Чертовицкое—Замятино наиболее характерны полуземлянки, а наземные постройки единичны и все они относительно небольшой площади (до 30 м^2) [Акимов, 2001. С. 148–149; Обломский, 2007. С. 80–81]. На Крутогорье же открыт пока уникальный для местной культуры гуннского периода наземный строительный комплекс с опорной столбовой конструкцией, площадь которого значительно превышает этот стандарт. О нем и пойдет речь.

Наземный строительный комплекс городища Крутогорье (рис. 1: Б) был выявлен с первого года стационарного исследования памятника (2004 г.). Тогда же он получил наименование «постройка 1». Ее оконтуривание производилось по линиям столбовых ям и распространению находок. Этот процесс значительно осложнялся тем, что культурный слой памятника весьма незначителен (0,4–0,5 м), нестратифицирован и включает материалы различных эпох. Особенно трудно бывает отделить друг от друга находки и объекты гуннского периода и позднесарматского времени (I–III вв.).

Данные о ямах, которые мы относим к конструкции «постройки 1», приведены в таблице 1. Среди них 3 имели хозяйственное назначение, 25 остались от вкопанных столбов. Впрочем, атрибуция ямы №1 раскопа 2 как столбовой вызывает сомнения, ибо она почти в полтора раза шире остальных, а ее заполнение содержит находки. К остаткам стен сооружения, проливающим свет и на их конструкцию, по нашему мнению, относится также древесный тлен от досок, обнаруженный на уровне материка. Это две небольшие плашки длиной 0,16 и 0,2 м, которые лежали в направлении северо-северо-восток—юго-юго-запад, параллельно одной из линий столбовых ям (рис. 1: Б).

Рассматривать подробно весь материал, собранный в площади постройки и близи нее, вряд ли имеет смысл. В него могли попасть находки и из более ранних пластов. Тем не менее некоторые из них вполне определимы и заслуживают внимания.

Прежде всего, это довольно большая коллекция лепной керамики, включая реконструируемые в полный профиль формы, которая характерна для древностей круга Чертовицкое—Замятино (рис. 2). Как правило, это лепные горшки с примесью крупного и среднего шамота в керамическом тесте, грубо заглаженные, практически без орнамента. Преобладают сильно профилированные сосуды с отогнутой, реже — вертикальной шейкой и максимальным расширением тулова в верхней трети, реже — посередине высоты тулова (рис. 2: 1–5, 7, 8).

Менее распространенные формы: а) с вертикально поставленной или слабо отогнутой шейкой, в месте соединения с туловом образующей уступ или крутое плечо (рис. 2: 6, 9, 10); б) с резко отогнутой прямой («раструбовидной») шейкой, в месте соединения с туловом образующей изнутри характерное ребро (рис. 2: 11–14); в) открытые с короткой (как исключение — с высокой) шейкой и прямыми, почти вертикальными стенками верхней части тулова — тюльпановидные (рис. 2: 15–18).

Наиболее распространенные горшки имеют многочисленные аналогии в керамике сейминско-донецкого варианта киевской культуры [Терпиловский, 2004. С. 40], а также в черняховском комплексе лепной посуды, особенно тех ее регионов, где лепная керамика преобладает над гончарной, а полуземлянки — над наземными домами [Баран, 1981. С. 76, 79; Магомедов, 2001. С. 46].

Первая из более редких форм (группа «а») имеет прототипы как в мощинской керамике [Массалитина, 2008. С. 111–112], так и среди посуды округи позднеантичного Танаиса [Арсеньева, 1977. Табл. XV: 2,7; Арсеньева и др., 2001. Табл. 13: 192, 203; 28: 415; Бёттгер, Улльрих, 2000. Рис. 5: 3, 4]. Орнамент на плечике, как у одного из таких горшков (рис. 2: 6), встречается в лесной зоне Восточной Европы.

Вторая редкая форма (группа «б») — это сосуды «позднесарматского» облика, имеющие массу аналогий как в местной верхнедонской керамике первых веков н. э. [Медведев, 1998. С. 43–44], так и в черняховской культуре, особенно в Северном Причерноморье и Нижнем Поднепровье, а также опять же в Танаисе [Магомедов, 2001. С. 46; Арсеньева, 1977. Табл. XV: 3; XXII: 2; Арсеньева и др., 2001. Табл. 28: 407; 45: 543; 58: 729; Бёттгер, Улльрих, 2000. Рис. 5: 2, 12].

Наконец, тюльпановидные формы (группа «в») распространены в киевской культуре, особенно в ее деснинском варианте [Терпиловский, 2004. С. 40], а, кроме того, среди колочинской лепной посуды [Славяне Юго-Восточной Европы, 1990. С. 232. Рис. 46].

Обращает на себя внимание фрагментированная плоская ручка от лепного сосуда с заглаженной поверхностью темно-серого, почти черного цвета (рис. 2: 19). Она могла принадлежать массивной кружке черняховского типа [Магомедов, 2001. Рис. 52].

Набор лощеной (чаще всего лепной по технологии изготовления) посуды в «постройке 1» представлен фрагментами горшков с вертикальной или слегка отогнутой прогнутой шейкой (рис. 2: 20), а также остроребер-ных мисок. Их лощение преимущественно черного цвета. Единичным экземпляром представлен буролощеный горшочек характерной профилировки (рис. 2: 21). Встречаются также немногочисленные фрагменты черно- и коричневолощеных сосудов, украшенных по тулову приостренным валиком (рис. 2: 22). Большинство форм лощеной керамики имеет аналогии в окско-москворецком регионе [Острая Лука Дона, 2004. С. 156].

Посуды, сделанной на гончарном круге, найдено не так много. Среди ее фрагментов обращают на себя внимание обломки краснолаковой тарелки на кольцевом поддоне (рис. 2: 23), горла кувшина (рис. 2: 24), закрытой и открытой мисок (рис. 2: 25,26), а также крупного сосуда, украшенного приостренным валиком по тулову (рис. 2: 27). По всей видимости, перечисленные сосуды, равно как и остальная посуда, сделанная на круге, были импортированы из черняховских и позднеантичных причерноморских центров. Впрочем, некоторые из крутогорских сосудов могли попасть на поселение из гончарного центра, открытого близ с. Ксизово Задонского р-на Липецкой области [Острая Лука Дона, 2004. Гл. 5].

Комплекс вещей, происходящих из «постройки 1», так же как и керамики, выделяется преимущественно типологически и не всегда достаточно достоверно. И тем не менее к нему, на наш взгляд, принадлежит нижеследующее.

Во-первых, набор бус. Одна из них изготовлена из фаянса светло-голубого цвета и разделена продольным рифлением на своеобразные дольки (рис. 3: 1). Еще одна — из глухого стекла темно-красного (т.н. печеночного) цвета, изготовлена путем навивки в два полных оборота (рис. 3: 2). Другая — уплощенно-цилиндрическая, из глухого стекла желтого цвета (рис. 3, 3). Найден также мелкий фрагмент цилиндрической (?) полихромной бусины, спаянной из глухого стекла красного и желтого цвета и из прозрачного зеленоватого (рис. 3: 5)[1]. Остальные бусины голубых и синих оттенков из глухого (рис. 3: 4,10) и полупрозрачного стекла (рис. 3: 6–9,11). Из того же материала, что и последние пять бусин, изготовлена призматическая ограненная вставка, вероятнее всего — в перстень (рис. 3: 12). Вполне возможно, что последняя может не относиться к слою гуннского времени.

Во-вторых, металлические детали одежды и личного убора. Из бронзы сделаны обойма пряжки и обломок браслета. Первая — вытянуто-прямоугольной формы, верхняя часть орнаментирована по периметру косым рифлением (рис. 3: 14). Браслет разогнут и сломан, имеет уплощенный конец с неровными насечками с одной стороны (рис. 3: 15). Из железа изготовлены круглая нашивка и перекрученный стержень. Нашивка имеет три сквозных отверстия, в двух из которых сохранились проволочные петельки (рис. 3: 13). Перекрученный стержень может являться частью массивной булавки, не исключено, что с загнутым (посоховидным?) навершием (рис. 3: 16). Сюда же с известными оговорками отнесем и железные колечки, уплощенные и округлые в сечении (рис. 3: 17–19), вероятнее всего бывшие частями кольчужного доспеха.

В-третьих, обломки железных ножей с прямой или чуть выгнутой спинкой (рис. 3: 20), железный рыболовный крючок с обломанной петлей (рис. 3: 21). Необычными для верхнедонских памятников гуннского времени являются находки каменных жерновов от ручных мельниц. На Крутогорье их найдено два в разных частях постройки, изготовлены они из ракушечника (рис. 3: 26, 27).

Однако наиболее многочисленными являются находки, связанные с ткацким производством. Прежде всего, это пряслица. Позднему слою памятника принадлежит подавляющее большинство биконических изделий, которые имеют ребро, расположенное либо посередине (рис. 3: 24), либо асимметрично смещенное от поперечной оси (рис. 3: 25). Наиболее показательны в этнокультурном плане граненые фигурные прясла (рис. 3: 22, 23), имеющие многочисленные аналогии в черняховской культуре [Славяне и их соседи, 1993. Табл. LXXI].

На верхнедонских поселениях середины I тыс. нередко встречаются грузила, предназначенные для оттягивания нитей основы в вертикальном ткацком станке. Однако только на Крутогорье они представляют собой

[1] Не исключено, что бусина прозрачного стекла была покрыта эмалью красного и желтого цветов. По имеющемуся фрагменту технологию изготовления определить трудно.

массовый материал. Всего с территории «постройки 1» и вблизи нее собрано около двух сотен их крупных и мелких фрагментов. Подавляющее большинство из них — это остатки изделий конической формы со сквозным отверстием в верхней половине высоты (рис. 4: 1–7). Насколько позволяют судить наиболее полно сохранившиеся экземпляры, размеры грузил небольшие, их высота вряд ли превышала 10 см. Керамическое тесто у них довольно рыхлое, с органическими примесями. Обжиг примитивный, тем не менее большинство обломков довольно твердые и при извлечении из земли и камеральной обработке они не рассыпаются. Характерной деталью является углубление на вершине конуса округлой или овальной в плане формы, которую имеет значительная часть обломков верхних частей этих предметов (рис. 4: 1, 4). Единичными находками представлены другие типы грузил: калачевидные («тороидальные», по определению Б. В. Магомедова [Магомедов, 2001. С. 105]) и пирамидальные. Последние, впрочем, с наибольшей вероятностью принадлежат более раннему слою. Конические грузила широко известны практически на всех поселениях круга Чертовицкое—Замятино.

Обращает на себя внимание плохая сохранность рассматриваемых предметов (рис. 4: 1–7). Некоторые фрагменты совсем мелкие, а лучше сохранившиеся представляют собой либо нижнюю, либо верхнюю части грузила. Создается впечатление, что их разбивали намеренно, ударом посередине поперек, а получившиеся куски крошились на более мелкие либо непроизвольно, либо под дополнительным внешним воздействием (растаптывались или крошились). К этому вопросу мы вернемся позже.

Таким образом, подавляющая часть археологического материала с территории «постройки 1» и рядом с ней не оставляет сомнений в ее соотнесении с древностями круга Чертовицкое—Замятино.

Что касается самого сооружения, то, по нашему мнению, столбовые конструкции могли иметь продолжение к северу и юго-западу от раскопанной площади (рис. 1: Б). Однако планиграфия и интенсивность распространения археологического материала убеждает в том, что основная его площадь раскопана, а юго-восточная линия столбов открыта на всю длину. Тем не менее архитектура конструкции не до конца ясна.

Первоначальная реконструкция предполагала, что «постройка 1» городища Крутогорье представляет собой единое сооружение, так называемый длинный дом, продольной осью ориентированный по линии юго-запад—северо-восток [Акимов, 2011. С. 166]. Однако отсутствие регулярности расположения столбовых ям, довольно большие расстояния между ними, да и их размеры (диаметр 15–25 см) свидетельствуют, что столбы не могли бы выдержать вес крыши, даже покрытой очень легким материалом. Да и общие размеры дома выглядели слишком грандиозными — порядка 280–300 м^2.

Более правдоподобным представляется второй вариант реконструкции, который предусматривает не единую постройку, а комплекс строений (рис. 5). Некоторые из них могли со временем ветшать и ремонтироваться (при этом дополняясь новыми столбовыми опорами, подпорками), перестраиваться и т.д.

Имеет право на существование и гипотеза о том, что сооружения на стрелке мыса городища носили сезонный характер, следовательно столбовые ямы могли выкапываться каждый раз новые и тот их «набор», который мы имеем сейчас, не являлся единовременным.

Учитывая все вышесказанное, тем не менее необходимо констатировать, что девять столбовых и две хозяйственные ямы в южной части раскопа отстоят от основных линий опорных столбов дома и образуют подобие круга (рис. 1: Б). В черте этого круга наблюдается концентрация обломков глиняных грузил и отдельных находок. Кроме того, это место отделено от «хозяйственной зоны» (комплекса из нескольких хозяйственных ям в северо-восточном углу раскопа) пустым пространством.

С интерпретацией рассматриваемого комплекса есть еще одна проблема. Район концентрации обломков грузил и других предметов внутри «круга» имеет явное распространение к северу, своеобразный шлейф, который переходит в новый район концентрации находок в центральной части раскопа, близ линии столбов (рис. 1: Б). Четкой границы между двумя скоплении материала не прослеживается. Получается, что непроницаемой перегородки, разделявшей их, не существовало. Тогда что же обозначают столбовые ямы, если не каркас плетневых стен?

Прежде чем высказать предположение на этот счет, надо обратить внимание читателя на еще одну категорию находок на Крутогорье, которая относительно многочисленна здесь и практически неизвестна на других памятниках типа Чертовицкое—Замятино. Это изделия из глины, напоминающие антропоморфные и зооморфные миниатюры, а также глиняные лепешки, бусины, шарики и т.п. (рис. 4: 8–19). Наиболее выразительные из них (рис. 4: 9, 10) найдены как раз внутри образованного ямами круга на стрелке мыса. Любопытна также находка биконического «прясла», которое обожжено, но при этом лишено сквозного канальца, куда обычно вставляется ось веретена (рис. 4: 15), т.е. использоваться для прядения оно не могло.

В научной литературе подобные предметы нередко рассматриваются как принадлежности магических ритуалов, религиозного культа [Рыбаков, 1994. С. 334]. Любопытно, что на других памятниках круга Чертовицкое—Замятино, да и среди более ранних древностей верхнедонского региона столько аналогичных вещей пока не встречено. Здесь, на наш взгляд, стоит вернуться к высказанному ранее предположению о том, что грузила, рассыпанные в этой части городища, были расколоты намеренно. Вероятно, рассматриваемый нами комплекс мог служить местом для отправления определенных ритуалов, скорее всего связанных с ткачеством.

Неслучайным представляется и выбранное место (рис. 1: В, Г). Это самая южная часть площадки городища, стрелка мыса, обращенная к изгибу реки, откуда местность просматривается на много километров. Все сооружение как бы ориентировано на юго-восток, примерно туда, где летом восходит солнце. Как известно, форма круга имеет прямое отношение к солярной символике. Столбовые ямы, расположенные кругом, могли предназначаться для заглубления деревянных идолов, перед которыми совершались магические ритуалы. Как вариант, мы имеем дело с округлой постройкой-навесом. Сути дела особенности самой конструкции «круглого» комплекса не меняют.

Предложенная гипотеза только на первый взгляд может показаться несколько экзотической. В ее пользу свидетельствуют целый ряд разноплановых аргументов.

Во-первых, весь раскопанный в этой части городища комплекс, поименованный «постройка 1», имел нежилое общественное назначение. Очагов здесь не найдено, нет и котлованов полуземлянок. На всей площади пре-

валируют находки явно ремесленно-ткацкого характера (глиняные грузила, прясла), причем в количествах, явно указывающих на коллективный труд довольно большого числа работниц.

Во-вторых, сохранность находок, особенно грузил, а также наличие вотивных предметов подтверждают большую вероятность проведения в этом месте ритуалов религиозно-культового характера. Речь идет о поклонении женскому божеству — покровительнице ткацкого дела.

В-третьих, этнокультурную основу древностей круга Чертовицкое—Замятино составляли традиции племен сейминско-донецкого варианта киевской культуры эпохи черняховского влияния, имевшие отношение к славянскому этногенезу в Восточной Европе [Обломский, 2005. С. 111; Акимов, 2007. С. 48].

Общеизвестно, какое исключительное значение придавалось в древности и Средневековье ткацкому промыслу. Это одно из основных женских занятий с древнейших времен [Нидерле, 2001. С. 244–245, 381; Семенова, 2007. С. 283–287]. С прядением и ткачеством, а также с нитями и полотном, равно как и с соответствующими орудиями труда (веретенами, прялками, пряслами), было связано множество мифов, поверий, обрядов. «Нить судьбы», «связать свои судьбы», повивальная нить — это лишь самый малый перечень понятий, свидетельствующих о роли ткацкого дела в древности. У восточных славян, как известно, его покровительницей была Макошь. Между тем специалисты по славянскому язычеству указывают на многофункциональность этого древнего божества, жертвоприношения и требы которому совершались еще и в эпоху христианизированной Древней Руси [Рыбаков, 1994. С. 379–392]. Макоши у славян был посвящен специальный цикл еженедельных (пятница), ежемесячных и ежегодных праздников. В эти дни часто запрещалось работать, а нарушение запрета было необходимо ритуально компенсировать. В одном из мифов древняя богиня демонстративно ломает веретена и путает пряжу провинившейся девушки. Вполне вероятно, что разбивание грузил также отражает подобный ритуал. Впрочем, этот вопрос, разумеется, требует специального исследования.

Литература

Акимов Д. В. Постройки 2-й четверти — середины I тыс. н. э. в бассейне Верхнего Дона и лесостепного Хопра // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк, 2001. С. 141–160.

Акимов Д. В. Население Верхнего Подонья накануне и в период гуннского вторжения в Восточную Европу // РА. 2007. №3. С. 41–51.

Акимов Д. В. Наземная постройка городища Крутогорье на Верхнем Дону: проблемы реконструкции и интерпретации // Археологія і давня історія України. Вип. 5. Археологія від джерел до реконструкцій. Київ, 2011. С. 159–167.

Арсеньева Т. М. Некрополь Танаиса. М., 1977.

Арсеньева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. М., 2001.

Баран В. Д. Черняхівська культура: За матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. Київ, 1981.

Бёттгер Б., Улльрих М. Позднеантичное поселение в Танаисе (результаты работ на раскопе XIX) // Сарматы и их соседи на Дону. Сер. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2000. С. 282–307.

Магомедов Б. В. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001.

Массалитина Г. А. Керамические комплексы нижнего слоя городища Воротынск // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула, 2008. С. 111–129.

Медведев А. П. III Чертовицкое городище (материалы 1-й половины I тыс. н. э.) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н. э. Воронеж, 1998. С. 42–84.

Нидерле Л. Славянские древности. М., 2001.

Обломский А. М. О памятниках лесостепного Подонья позднеримского времени // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк, 2001. С. 122–140.

Обломский А. М. Проблемы изучения памятников Верхнего Подонья гуннского времени // КСИА. Вып. 219. М., 2005. С. 104–120.

Обломский А. М. Верхнее Подонье в V в. н. э. как часть гуннской державы // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Междунар. науч. конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. П. Левенка (13–16 ноября 2006 года). Липецк, 2006. С. 238–242.

Обломский А. М. Лесостепное Подонье. В кн.: Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 9. М., 2007. С. 73–132.

Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 6. М., 2004.

Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1994.

Семенова М. Мы — славяне. СПб., 2007.

Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. Сер. Археология СССР. М., 1993.

Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990.

Терпиловский Р. В. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э. Lublin, 2004.

Таблица 1

№ ямы	Форма	Диаметр / размеры, м	Глубина от уровня материка, м	Находки в заполнении	Предполагаемое назначение
Раскоп 1 (2004 г.)					
х/я 1	овально-подпрямоугольная	1,1×1,8	0,15	*л.к.*: 2в., 16 ст., 1 дн.; *лощ.к.*: 1ст.; *г. к.*: 1 в.+2 ст.; *22 кос. ж.*; *2 фр. об.; 2 гр.; фр. антропоморфной фигурки*	хозяйственная
х/я 2	округлая	1,4×1,45	0,16	*л.к.*: 23 ст., 2 дн.; *г. к.*: 1 ст.; *3 кос. ж.; 32 фр. об.*; *1гр.*	хозяйственная
с/я 1	круглая	ø0,29	0,15	нет	столбовая
с/я 2	круглая	ø0,32	0,08	нет	столбовая
с/я 3	круглая	ø0,32	0,1	нет	столбовая
с/я 4	круглая	ø0,32	0,12	нет	столбовая
с/я 5	круглая	ø0,3	0,09	нет	столбовая
с/я 6	круглая	ø0,25	0,13	нет	столбовая
с/я 7	круглая	ø0,4	0,1	нет	столбовая
с/я 8	круглая	ø0,4	0,12	нет	столбовая
с/я 9	круглая	ø0,4	0,1	нет	столбовая
Раскоп 2 (2005 г.)					
я. 1	округлая	ø0,62–0,66	0,29	*л.к.*: 1 в., 3 ст.	столбовая
я. 2	округлая	ø0,44–0,48	0,09	нет	столбовая
я. 3	округлая	ø0,44–0,46	0,06	нет	столбовая
Раскоп 4 (2007 г.)					
я. 1	округлая	ø0,38–0,4	0,08	нет	столбовая
я. 2	округлая	ø0,16–0,2	0,12	нет	столбовая
я. 3	круглая	ø0,26	0,1	*л.к.*: 1 ст.; 1 фр. об.	столбовая
я. 4	овальная	0,28×0,36	0,15	*л.к.*: 2ст.	столбовая
я. 5	округлая	ø0,34–0,36	0,09	*л.к.*: 1в., 5 ст.; *кос. ж.*	столбовая
я. 7	круглая	ø0,36	0,06–0,08	нет	столбовая
я. 8	округлая	ø0,44–0,46	0,1	нет	столбовая
Раскоп 6 (2008 г.)					
я. 1	круглая	ø0,4	0,07	нет	столбовая
я. 3	круглая	ø0,28	0,08	*г.к.*: 1ст.	столбовая
я. 4	овальная	0,72×0,84	0,17	*л.к.*: 1в., 5ст.	хозяйственная
я. 6	круглая	ø0,32	0,08	нет	столбовая
я. 7	круглая	ø0,24	0,06	нет	столбовая
Раскоп 7 (2009 г.)					
я. 3	круглая	ø0,3	0,14	нет	столбовая
я. 5	круглая	ø0,24	0,09	нет	столбовая
я. 6?	овальная	0,4×0,44	0,1	*л.к.*: 1ст.; *лощ.к.*:1ст.	столбовая

Примечания: л.к. — лепная керамика; *лощ.к.* — лощеная керамика; *г.к.* — гончарная керамика; *в.* — венчик сосуда; *ст.* — стенка сосуда; *д.* — днище сосуда; «+» обозначает фрагменты одного сосуда; *кос. ж.* — кость животного; *об.* — обмазка; *гр.* — фрагмент грузила; *фр.* — фрагмент.

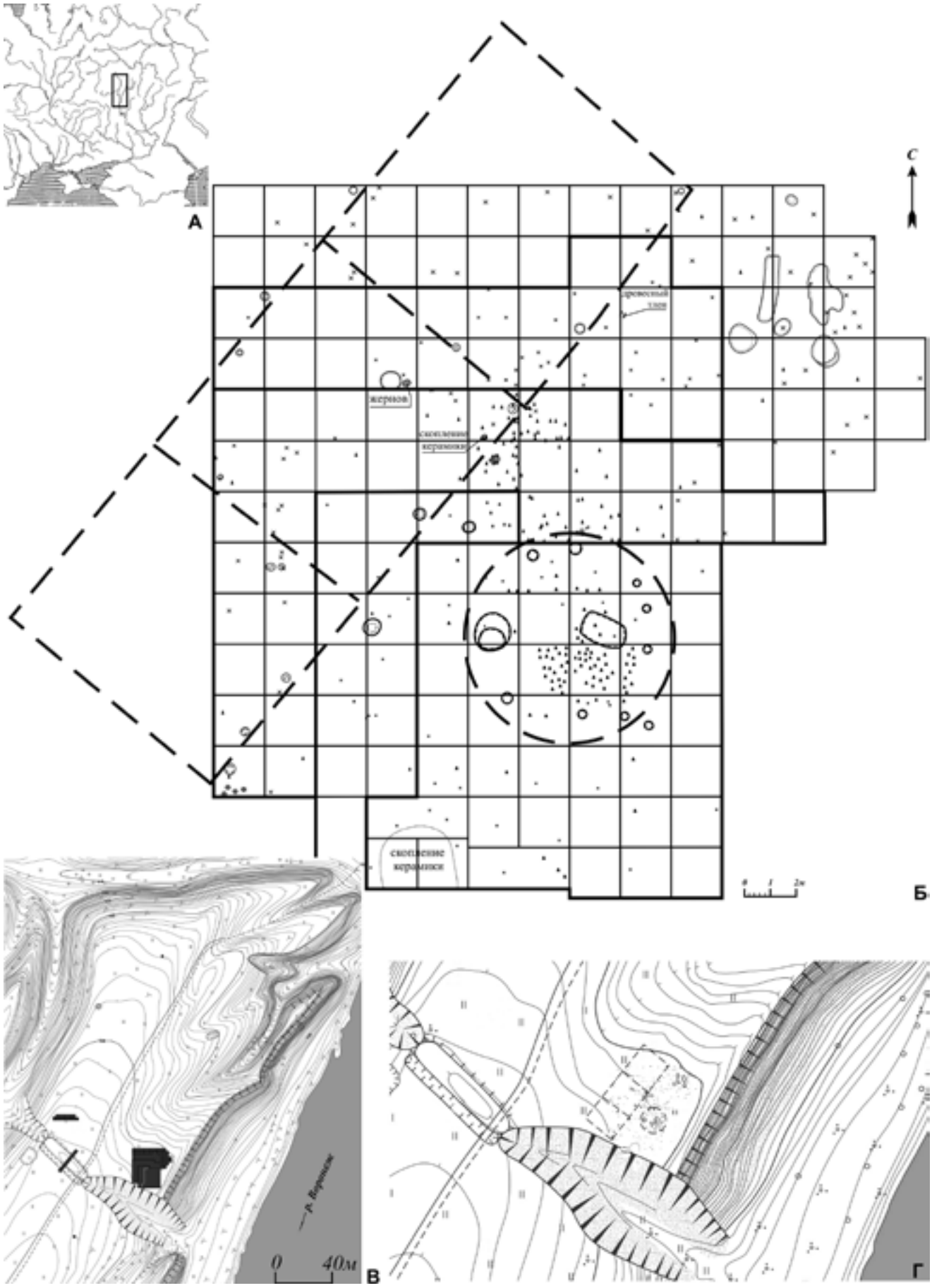


Рис. 1. Городище Крутогорье.

А — регион Верхнего Подонья на карте Восточной Европы; Б — план раскопов с реконструкцией контуров объектов; В — топографический план городища; Г — топографическое расположение комплекса «постройки 1»

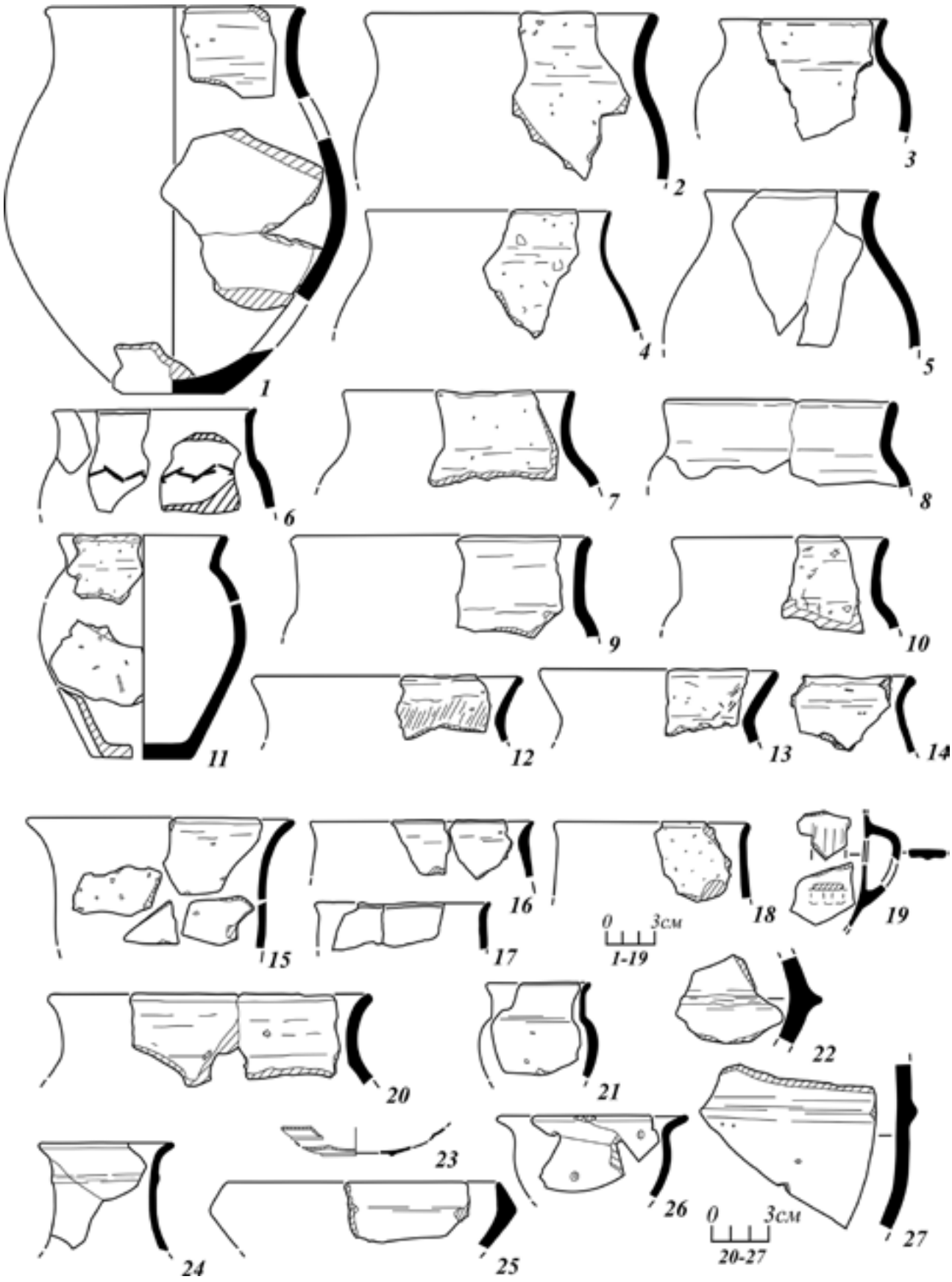


Рис. 2. Городище Крутогорье. Керамика с площади «постройки 1» и вблизи нее.
1–22 — лепная (*20–22* — лощеная); *23–27* — сделанная на гончарном круге

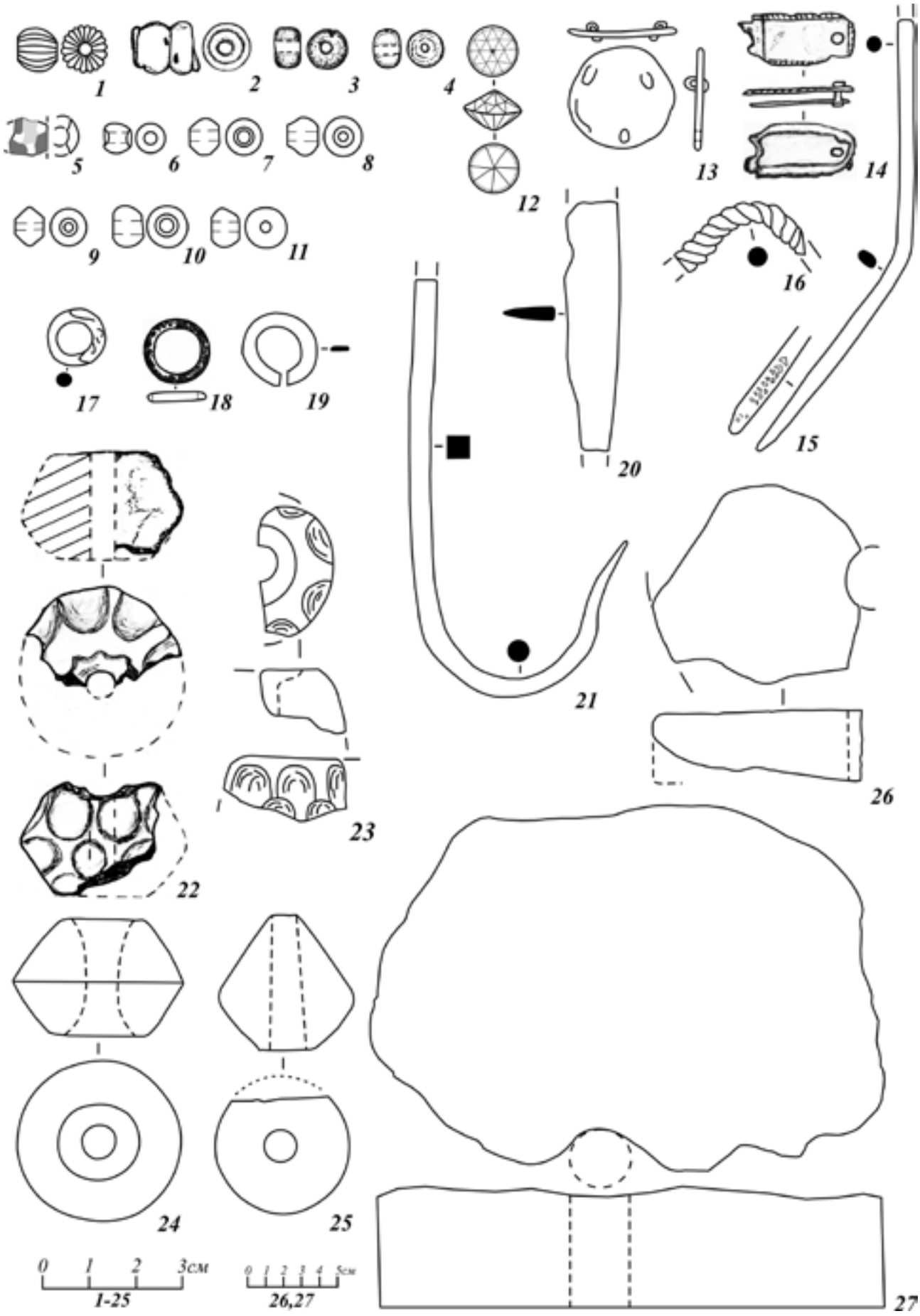


Рис. 3. Городище Крутогорье. Находки с площади «постройки 1» и вблизи нее.
1 — фаянс; *2–12* — стекло; *13,16–21* — железо; *14,15* — бронза; *22–25* — глина; *26, 27* — камень (ракушечник)

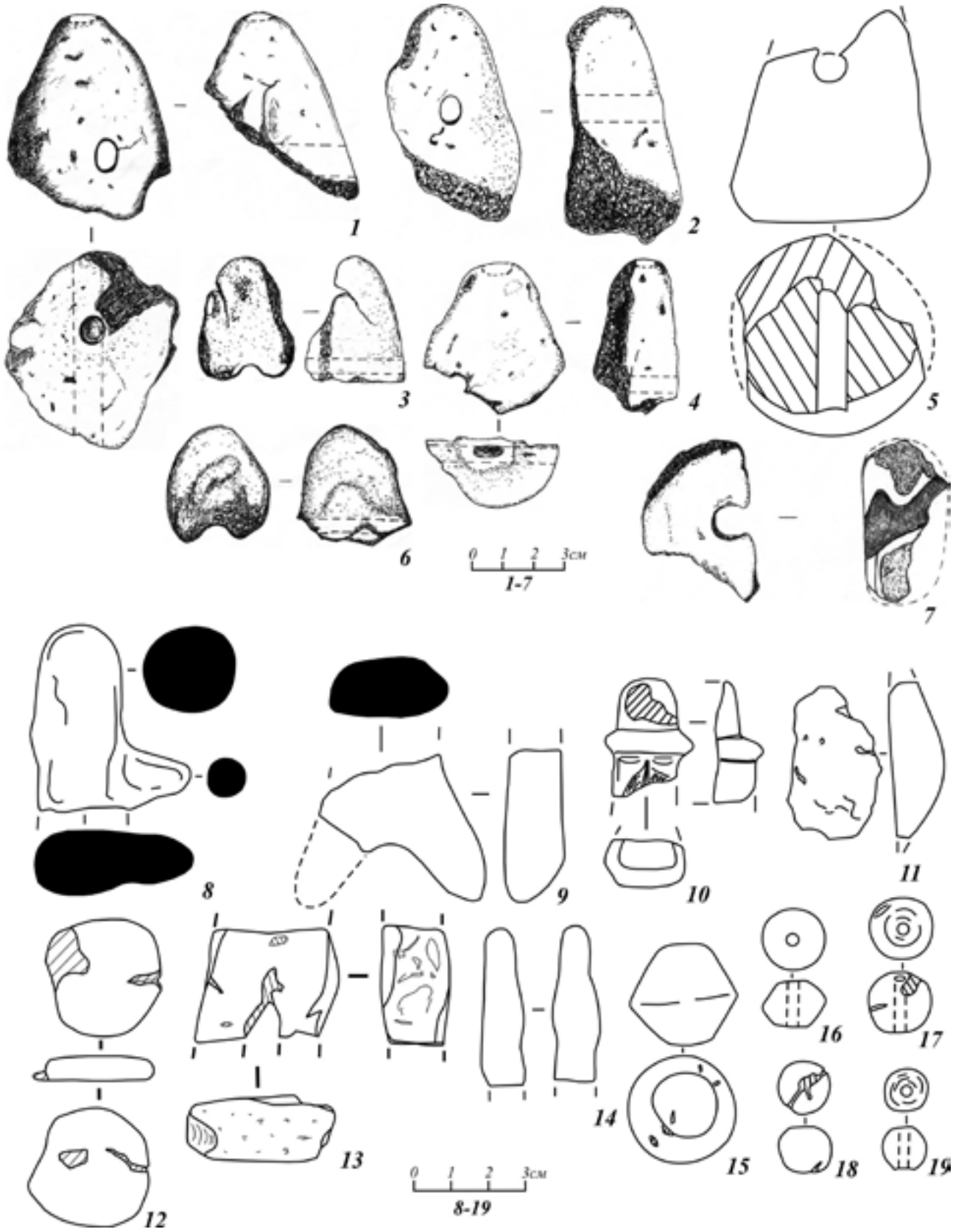


Рис. 4. Городище Крутогорье. Находки из глины.

1–11, 14, 17 — с площади комплекса «постройки 1» и вблизи него; *12, 13, 15, 16, 18, 19* — на городище

Рис. 5. Реконструкция внешнего вида городища гуннского времени у с. Крутогорье (автор Я. П. Мулкиджанян)

Е. Р. Михайлова

К РЕКОНСТРУКЦИИ ЖЕНСКОГО УБОРА ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ КУЛЬТУРЫ ПСКОВСКИХ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ

Одна из самых заметных археологических культур эпохи раннего Средневековья на территории Северо-Запада Восточной Европы — так называемая культура псковских длинных курганов (КПДК) до настоящего времени остающаяся недостаточно изученной.

Среди причин такого положения дел — скудость вещевого материала, усугубляемая особенностями погребального обряда (кремации на стороне; распространенность индивидуальных, парных, коллективных погребений и совместных захоронений человека и животных).

Одной из актуальных задач изучения вещевого комплекса культуры псковских длинных курганов является, таким образом, определение устойчивых сочетаний вещей в погребальных комплексах.

Основные категории инвентаря женских погребений

Набор типичных вещей женского инвентаря можно установить по антропологически определенным погребениям женщин, дополнив и проверив полученные выводы материалами парных захоронений и захоронений женщин с детьми.

К настоящему времени известно 13 погребений, где достоверно определены останки только женщин (табл.1).

Таблица 1. **Находки из женских захоронений**

Комплекс	Антропологическое определение	Бусы	Браслеты	Бляшки-обоймицы	Ножи	Спиральки	Фр-ты неопр. предметов
Володи, курган 4, погр. 2	взрослая женщина		+			+	
Ситенка II, курган 3	женщина ок. 20 лет		+				
Гринино II, курган 2, погр. 3	девочка до 10 лет		+				
Городня, курган 8	взрослая женщина		+				
Городня, курган 6	взрослая женщина		+		+		
Городня, к.11, п. 2	взрослая женщина				+		
Городня, курган 19	взрослая женщина				+		
Городня, курган 3	взрослая женщина			+	+		
Усть-Белая IV, курган 4, погр. 1	женщина ок. 40 лет	+	+			+	+
Усть-Белая IV, курган 8	женщина ок. 40 лет	+					
Съезжее, «погребальная площадка», погр. 7	взрослая женщина и девочка	+					+
Ситенка III, курган 16	пожилая женщина	+					
Березино, курган 5, погр. 2	старая женщина						+

Материалы этих погребений позволяют представить основные категории вещей, попадавших в захоронения женщин. К ним относятся стеклянные бусы, браслеты, бляшки-обоймицы, ножи и проволочные спиральки.

Те же категории предметов происходят из коллективных захоронений, где среди прочих определены женские останки. Можно указать, например, следующие комплексы: Шихино, курган 30, погр. 3; Шихино, курган 16, погр. 1; Шихино, курган 29; Шихино, курган 32; Березино, курган 8, погр. 1; Березино, курган 8, погр. 2; Гринино II, курган 2, погр. 2; Рысна-Сааре I, курган 6, погр. 11; Любахин I, курган 5 и др. (см. приложение 1 А).

Таким образом, для определения и характеристики женского убора наиболее значимыми оказываются находки бус (в первую очередь стеклянных, так как бронзовые и каменные бусы представлены в КПДК единичными находками), браслетов и бляшек-обоймиц[1]. Такие предметы, как ножи или проволочные спиральки, вряд ли характеризуют непременно женский набор вещей: они встречаются и в погребениях мужчин, совместно с деталями поясного набора.

[1] Исключением из общего ряда выглядит погр. 4 в кургане 18 могильника Городня, где найдены бусы, костяной гребень, спиральки и, возможно, спиральный браслет. Согласно антропологическому определению, это захоронение взрослого мужчины.

Перечисленные выше женские украшения подразделяются на ряд типов.

Бляшки-обоймицы определяются большинством исследователей как элементы головных венчиков, конструкция которых, впрочем, в деталях не ясна. Можно выделить три основных типа бляшек-обоймиц (рис.1). Это, во-первых, ***квадратные бляшки-обоймицы***, орнаментальная схема которых подчеркивает центр поля бляшки (рис. 1: 1); во-вторых, ***прямоугольные бляшки-обоймицы***, орнамент которых упорядочен вдоль продольной оси поля бляшки (рис. 1: 2); и, в-третьих, прямоугольные же бляшки-обоймицы (немного более узкие, чем бляшки-обоймицы второго типа), ***входившие в состав сложных венчиков***, собранных из обоймиц и пронизок и застегивавшихся миниатюрными четырехугольными пряжками из бронзовой проволоки. У бляшек-обоймиц третьего типа очень широкие загнутые поля — они перекрывают всю высоту обоймицы, существенно заходя краями друг на друга, то есть рассчитаны на то, чтобы надежно удерживать несколько шнуров, а не охватывать одну неширокую ленту. Отличаются они и орнаментом — выпуклые точки или штрихи, нанесенные по длинным краям таких бляшек-обоймиц, более мелкие, чем на прочих бляшках, а центральное поле лишено орнамента (рис. 1: 3).

Браслеты, найденные в погребениях КПДК, довольно разнообразны (рис. 2). Среди них можно выделить: ***литые браслеты из округлого в сечении дрота с утолщающимися концами***, среди которых можно отметить две разновидности орнамента на их концах, — преобладает геометрический орнамент из сдвоенных вертикальных и косых перекрещивающихся линий (рис. 2: 1), на нескольких экземплярах прочерчены только параллельные бороздки вокруг концов (рис. 2: 2); ***дротовые браслеты*** круглого, полукруглого и треугольного сечения (рис. 2: 3); довольно ***широкие пластинчатые браслеты*** (рис. 2: 4); ***пластинчатые браслеты с одним или двумя продольными «ребрами»*** (рис. 2: 5); своеобразные асимметричные полутораоборотные ***браслеты типа Володи***, отмеченные лишь на нескольких памятниках КПДК и не имеющие аналогий за пределами этой культуры (рис. 2: 6); ***фрагментированные спиральные браслеты***.

Подразделение на отдельные типы **стеклянных бус** здесь вряд ли оправданно — большинство их сильно оплавлено, так что первоначальную форму бусины установить не всегда возможно. В отдельных случаях возникают трудности и с точным определением цвета стекла. С определенностью можно лишь утверждать, что наиболее часто встречаются 14-гранные (в форме параллелепипеда со срезанными углами) и округло-уплощенные бусы; в цветовой гамме абсолютно преобладает кобальтово-синий цвет.

Отдельной категорией украшений со стеклянными бусами следует считать небольшие проволочные колечки с напущенными на них синими бусинами. Они найдены в восьми могильниках, семь из которых сосредоточены на западной окраине ареала КПДК. В большинстве погребений такие колечки встречены по одному. Для этих погребений антропологические определения отсутствуют, и почти во всех погребениях такое колечко — единственная находка, поэтому уверенности в том, что это именно женские украшения, нет.

Вместе с описанными выше предметами, характерными для женского убора, в составе комплексов погребений встречаются гривны, колоколовидные и умбоновидные привески, накладки, пряслица, костяные гребни, долотовидные предметы и некоторые другие категории находок.

Наборы украшений и бытовых предметов в женских захоронениях

Рассмотрим сочетания находок из тех погребений, где были встречены стеклянные и каменные бусы (в общей сложности 97 комплексов[2]), бляшки-обоймицы (всего 22 комплекса) и браслеты (всего 36 комплексов), разделив находки бляшек-обоймиц и браслетов по типам (рис. 3 А).

Для большей ясности картины опустим те предметы, которые соотносятся с другими только единичными связями. Полученный результат (рис. 3 Б) характеризует основные элементы женского убора в их взаимосвязи. Немногочисленные детали поясной гарнитуры, присутствующие на графе (прямоугольные пластинчатые обоймы с рельефным орнаментом и бляшки-скорлупки), по всей вероятности, происходят из коллективных или парных погребений.

Отчетливо выделяются группы находок, образующие основу нескольких различных наборов украшений и бытовых предметов.

Первый из них в наиболее полном варианте включает в себя стеклянные бусы, квадратные бляшки-обоймицы, браслеты с утолщенными концами с врезным орнаментом, а также спиральки из бронзовой проволоки, место которых в уборе не ясно (рис. 4: 1).

С одним из наиболее полных наборов квадратных бляшек-обоймиц встречена фрагментированная круглая накладка с краями, аналогично оформленными «рифлением», — по-видимому, она составляла вместе с бляшками-обоймицами единый набор (Репьи, погр. 6; рис. 5 А).

Помимо упомянутого погребения из Репьев, тот же убор в сравнительно полном виде можно отметить в Городне (курган 3), Квасильниково II (курган 29, погр. 3), Полибино (курган 6), Потерпелицах I (курган 6, погр. 1) (рис. 5 Б; 6 А–В).

Перечисленные выше комплексы не сосредоточены в каком-либо одном регионе, а, напротив, распространены по всей территории КПДК и, по-видимому, представляют собой наиболее распространенный в этой культуре тип женского убора.

Основу этого набора вещей составляют предметы, не имеющие узкой датировки либо, в случае с квадратными бляшками-обоймицами, не имеющие точных аналогий за пределами рассматриваемой культуры [Михайлова, 2007. С. 158]. Таким образом, у нас нет возможности датировать женский убор из стеклянных бус, бляшек-обоймиц и браслетов с утолщенными концами уже, чем культура псковских длинных курганов в целом.

Второй реконструируемый набор включает в себя стеклянные бусы и прямоугольные бляшки-обоймицы (типа 2), а также ножи с прямой спинкой и железные долотовидные предметы (рис. 4: 2). Он представлен в таких комплексах, как Ладыгинский Бор (курган 4), Любахин I (курган 4, погр. 1), Плесо II (курган 4, погр. 3), исследованных в бассейнах рек Мсты и Мологи (рис. 7). Обращает на себя внимание и общее географическое распространение элементов этого набора — все они (за исключением стеклянных бус) характерны преимущественно для восточной части ареала культуры псковских длинных курганов [Михайлова, 2012. С. 72].

Интересная особенность этого набора вещей — присутствие здесь долотовидных предметов (нередко на-

[2] В это число не включены находки бус, напущенных на проволочные колечки.

зываемых «кресала»), назначение которых остается неизвестным. Вообще, следует отметить устойчивую совстречаемость этих предметов с ножами. Из известных к настоящему моменту тринадцати «кресал» двенадцать встречено в сочетании с ножами. Отмеченное выше присутствие долотовидных предметов в женских погребениях не дает возможности определенно судить об их функциональном назначении, но позволяет видеть в них скорее бытовые предметы, чем, например, наконечники стрел.

Сузить хронологически рамки бытования этого набора на данном этапе изученности культуры также невозможно.

Третий реконструируемый набор женского инвентаря включает в себя, помимо ожерелья из стеклянных бус, дротовые браслеты и ножи с уступами при переходе от лезвия к черенку (рис. 4: 3). Наиболее определенно он представлен в Восточном Причудье на могильнике Городня (курган 6; курган 7, погр. 6; курган 13, погр. 3) (рис. 8).

Можно было бы попытаться реконструировать на этом основании некий «западный» вариант женского убора, противопоставляемый описанному выше второму — «восточному». Однако такой локализации противоречит распространение дротовых браслетов по всей территории КПДК и тяготение ножей с уступами при переходе к черенку к западной части ареала лишь в тенденции.

Узкая датировка этого набора невозможна.

Пока только предположительно можно наметить **четвертый** набор деталей женского убора. Его наиболее заметным элементом является сложный головной венчик, набранный из рядов пронизок, соединенных узкими высокими бляшками-обоймицами третьего типа, и застегивавшийся небольшой трапециевидной пряжкой из бронзовой проволоки (рис. 4: 4). Таких венчиков пока известно только два (Казихи, курган 19; Шихино, курган 1), оба они найдены в сочетании с шейными гривнами с обмоткой из бронзовой проволоки (рис. 9, 10). Детали сложных головных венчиков представлены также на могильниках Лапино (курган 7, погр. 1 — проволочная пряжка) и Куреваниха III (курган 16, погр. 4 — бляшка-обоймица третьего типа и многочисленные спиральные пронизки).

По-видимому, в реконструируемый убор входили также дротовые браслеты.

Датировка четвертого типа убора определяется датой сложных головных венчиков. Такие сложные венчики (с пластинчатыми, а не литыми обоймами) распространяются в Восточной Европе в VIII в. и бытуют вплоть до XI — начала XII вв. (см. напр.: Зариня, 1986. С. 180; Енуков, 1990. С. 54; Штыхаў, 1992. Мал. 7; Успенская, 1993; Винников, Плетнева, 1998. Рис. 20: 1).

Имеется представительная группа погребений (39 комплексов со всей территории КПДК), где найдены только стеклянные бусы (часто сильно оплавленные), то есть единственным фиксируемым элементом женского убора оказывается бусинное ожерелье (рис. 4: 5). Насколько был распространен такой простой (**пятый**) тип убора, на материалах трупосожжений, совершенных на стороне, судить сложно.

Обращает на себя внимание тот факт, что в шести погребениях, где найдены только стеклянные бусы, определены кости детей или подростков, которым вполне мог принадлежать такой «усеченный» набор украшений.

Вместе с тем присутствие в некоторых из таких погребений капель расплавленного металла и сам обряд захоронения позволяют предположить, что часто ожерелье из стеклянных бус все же сочеталось с какими-то металлическими предметами убора. Косвенно о возможной неполноте многих комплексов с находками только бус свидетельствует немногочисленность найденных в них бусин (часто всего 1–2 экз.).

Последний, **шестой**, тип убора состоит также из единственного украшения — браслетов (рис. 4: 6). Это в общей сложности 13 комплексов, из них в двух случаях определены кости ребенка, в одном — взрослой женщины. Здесь, как и в предыдущем случае, часто можно предполагать неполноту набора. Во многих погребениях, где единственной находкой является браслет, браслет встречен только один или даже только фрагмент браслета. Между тем есть все основания предполагать, что браслеты в культуре псковских длинных курганов — чаще всего парное украшение.

В нескольких погребениях с многочисленными находками обнаружено именно по два браслета. При этом можно проследить определенную закономерность.

В подавляющем большинстве случаев в погребениях встречены однотипные парные браслеты. Парными являются находки браслетов с расширяющимися концами (Плесо I, курган 10, погр. 3; Репьи, погр. 6), дротовых (Любахин I, курган 6, погр. 2), пластинчатых с ребрами (Горско, удлиненные курганы; Мерево III, курган 4; Совий Бор, курган 2, погр.1; Турово VI, курган 5; рис. 10а), типа Володи (Володи, курган 4, погр. 2).

Особенно показательны в этом отношении находки из могильников Плесо и Володи — в обоих случаях пара одинаковых браслетов была преднамеренно положена поверх захоронения (на браслетах из Володей при этом сохранились следы бересты, в которую они были завернуты). Парные браслеты, найденные в отвале грабительской ямы на кургане 5 группы Турово VI, также сохранили на своей поверхности фрагменты полотна — то есть, очевидно, что они не побывали в погребальном костре, а были положены в погребение позже.

Известно и несколько комплексов, где в одном погребении встречены два браслета разных типов. В двух случаях (оба раза — в Городне) дротовые браслеты сочетаются с пластинчатыми — гладким широкопластинчатым (курган 6) и пластинчатым с продольным «ребром» (курган 13). Наборы из Шихина (курган 17, погр.1) и Гринина II (курган 2, погр. 3), где встречены фрагменты от браслетов из дрота различного сечения, возможно, также следует рассматривать как комплект.

Кроме того, материалы погребений, определенных антропологами, отчетливо показывают, что далеко не каждое женское захоронение сопровождалось украшениями из цветного металла и стекла.

Так, еще одна группа женских погребений выделяется по наличию в инвентаре пряслиц (рис. 11). Можно назвать 8 таких погребений, причем только в двух из них пряслица сочетаются с наборами украшений — четвертого (Шихино, курган 1, погр. 2) и шестого (Мерево III, курган 4) типов. Найденные в погребениях пряслица разнотипны, но имеют многочисленные аналогии в материалах поселений культуры длинных курганов.

* * *

Таким образом, на материале женских захоронений культуры псковских длинных курганов можно выделить шесть основных наборов элементов женского убора. Выделенные наборы в основном не поддаются узкой датировке и в настоящее время могут быть датированы рамками существования культуры в целом. Часть этих наборов может быть локализована в отдельных регионах территории КПДК.

Приложение 1

Каталог рассмотренных погребений

А. Захоронения, для которых сделаны антропологические определения

Городня, курган 13, погр. 3. Антропологическое определение: ребенок. Находки: бронзовый дротовый браслет, бронзовый пластинчатый браслет с продольными ребрами, фрагмент орнаментированной пластинчатой гривны, узкий сточенный железный нож с плавными уступами при переходе от лезвия к черенку [Чернягин, А-1940. Л. 31].

Городня, курган 18, погр. 4. Антропологическое определение: взрослый мужчина. Находки: фрагмент узкой бронзовой пластины полукруглого сечения (возможно, спирального браслета), бусы из синего стекла (3 экз.), бронзовые спиральки из дрота полукруглого сечения (2 экз.), 2 фрагмента составного костяного гребня [Чернягин, А-1940. Л. 34].

Городня, курган 19, погр. 1. Антропологическое определение: взрослая женщина. Находки: железный нож с плавными уступами при переходе от лезвия к черенку [Чернягин, А-1940. Л. 35].

Гринино I, курган 3, погр. 4. Антропологическое определение: субъект возраста ранний maturus (ок. 35–45 лет), вероятно, женского пола. Находки: бронзовая пряжка с полой В-образной рамкой (по мнению авторов раскопок, пряжка может быть не связана конкретно с данным захоронением) [Черных, Олейников, Исланова, 2013. С. 457, 462. Рис. 13: 3].

Гринино II, курган 2, погр. 1. Антропологическое определение: женщина 20–40 лет, кости свиньи и лошади (?). Находки: бронзовые бляшки-скорлупки (17 экз.), железный зажим для ремня, костяные предметы (фрагменты рукояти ножа ?) [Олейников, 2013. С. 483. Рис. 12].

Гринино II, курган 2, погр. 2. Антропологическое определение: женщина 35 лет, подросток 14 лет, ребенок ок. 5 лет и, возможно, еще один взрослый человек. Находки: пять фрагментов бронзовых бляшек-обоймиц, четыре бронзовых спиральных пронизки, проволочное бронзовое колечко, оплавленная бусина из синего стекла, слабо профилированный горшок (урна) [Олейников, 2013. С. 492. Рис. 15].

Гринино II, курган 2, погр. 3. Антропологическое определение: девочка до 10 лет. Находки: фрагменты бронзовых дротовых браслетов треугольного и полуовального сечения, проволочное бронзовое кольцо, фрагменты оплавленных бронзовых предметов [Олейников, 2013. С. 492. Рис. 16].

Дорохи I, курган 5, погр. 3. Антропологическое определение: зубы человека, зуб теленка, зуб домашнего быка. Находки: оплавленная стеклянная бусина, бронзовая спиралька, железное кольцо, 8-образное железное звено, фрагменты лощеной лепной керамики [Штыхаў. 1992. С. 127].

Куреваниха III, курган 5, погр. 9. Антропологическое определение: взрослый (старше 30 л.) человек, кости животного. Находки: прямоугольные бляшки-обоймицы — 1 бронзовая и 1 фрагмент бронзовой с позолотой (орнамент на обеих различается), 3 бронзовые трубочки-пронизки с рифлеными концами [Башенькин, Васенина, 2012].

Куреваниха III, курган 16, погр. 2. Антропологическое определение: взрослый человек, кости животного. Находки: фрагменты бронзового пластинчатого браслета с расширяющимися концами и геометрическим орнаментом, фрагмент голубой 14-гранной бусины с «мягкими» гранями, оплавленная голубая и зеленая с красно-желтыми глазками бусины, фрагмент дротовой гривны с обмоткой бронзовой проволокой, 2 фрагмента бронзовой пластинки с геометрическим орнаментом [Башенькин, Васенина, 2007. С. 44. Рис. 4: 4–9].

Куреваниха III, курган 16, погр. 4. Антропологическое определение: взрослый человек, кости животного. Находки: бронзовая прямоугольная бляшка-обоймица, бронзовая обоймица, орнаментированная бронзовая квадратная накладка на заклепке, бронзовый пластинчатый браслет с врезным орнаментом, обломок бронзового пластинчатого браслета, бронзовые спиральки из дрота треугольного и сегментовидного сечения (24 экз.), обломки бронзовых предметов [Башенькин, Васенина, 2007. С. 45. Рис. 4: 12–17, 19].

Любахин I, курган 5. Антропологическое определение: взрослый мужчина и взрослая женщина. Находки: оплавленные синие стеклянные бусы [Башенькин, А-1989. Л. 60].

Подол I (Кафтино), грунт. погр. 1. Антропологическое определение: 2 индивида (*adultus* и *adultus maturus*). Находки: керамическое усеченно-биконическое пряслице, керамическая льячка, слабопрофилированный горшок (урна) [Черных, Малыгин, Томашевич, 1998. С. 405–406. Рис. 7].

Подол I (Кафтино), курган 1, погр. 2. Антропологическое определение: человек (*adultus*). Находки: бронзовая бляшка-обоймица [Черных, Малыгин, Томашевич, 1998. С. 404. Рис. 6: 1].

Рысна-Сааре I, курган 3, погр. 1. Антропологическое определение: ребенок 8–10 лет и женщина старше 25 лет. Находки: прямоугольные железные накладки (2 целых и 2 фрагмента), односторонний костяной гребень, орнаментированная крышка костяной коробочки-пиксиды, долбленый деревянный сосуд (урна) [Аун, 1978; Аун, 2009. С. 355–358].

Рысна-Сааре I, курган 6, погр. 11. Антропологическое определение: подросток в возрасте 15–20 лет и женщина в возрасте 20–35 лет. Находки: односторонний костяной гребень, бронзовый стерженек-заклепка (от гребня?), фрагменты бронзовых спиралек, нож с низкими уступами при переходе от лезвия к черенку [Аун, 1978; Аун, 2009. С. 356].

Ситенка II, курган 3. Антропологическое определение: женщина ок. 20 лет. Находки: фрагмент бронзового дротового браслета со слабо утолщенным концом (окислы меди зафиксированы на фалангах пальцев руки и на локтевой кости) [Гамченко, 1913. С. 188].

Ситенка III, курган 16. Антропологическое определение: пожилая женщина. Находки: синее стекло от расплавленных бус [Гамченко, 1913. С. 202–203].

Сторожинец, курган 7, погр. 5. Антропологическое определение: ребенок возраста около года, фрагмент кости взрослого человека. Находки: кольцо из узкой бронзовой пластины с прикипевшей каплей стекла, оплавленный кусок синего стекла [Попов, 2012. С. 95, 97. Рис. 5: 2].

Сторожинец, курган 13, погр. 1. Антропологическое определение: подросток 14–17 лет. Находки: оплавленная кольцевидная (?) бусина синего стекла [Попов, А-1992. Л. 4. Рис. 15].

Сторожинец, курган 25, погр. 7. Антропологическое определение: женщина (?), взрослый мужчина (фрагменты черепа); часть челюсти крупного рогатого скота. Находки: обгоревшая костяная (?) бусина, обломки оплавленных бронзовых предметов [Попов, 2012. С. 122. Рис. 22: 4].

Сторожинец, курган 25, погр. 13. Антропологическое определение: женщина 25–40 лет. Находки: маленький фрагмент оплавленного бронзового предмета [Попов, 2012. С. 119, 122. Рис. 22: 15].

Сторожинец, курган 25, погр. 14. Антропологическое определение: взрослый человек, вероятно женщина (возможно, с ней был погребен ребенок). Находки: железное шило или узкий сточенный нож с деревянной рукоятью [Попов, 2012. С. 124, 126. Рис. 22: 9].

Сторожинец, курган 25, погр. 16. Антропологическое определение: ребенок до 6 мес. Находки: колечки из бронзовой проволоки с напущенными на них бусинами синего стекла (2 экз.), лепной горшок с оттянутым валиком по плечику (урна) [Попов, 2012. С. 126. Рис. 22: 2, 3].

Сторожинец, курган 25, погр. 17. Антропологическое определение: молодой человек (очевидно, моложе 25 лет). Находки: три цилиндрические «псевдоспиральные» пронизки [Попов, 2012. С. 128. Рис. 22: 11, 12].

Сторожинец, курган 37, погр. 8. Антропологическое определение: взрослый человек или подросток. Находки: растрескавшаяся от огня пастовая (?) бусина [Попов, 2012. С. 131].

Съезжее, «погребальная площадка», погр. 3. Антропологическое определение: ребенок до года. Находки: оплавленная бусина из синего стекла, лепной сосуд (урна) [Носов, 1984. С. 14].

Съезжее, «погребальная площадка», погр. 7. Антропологическое определение: в двух урнах этого погребения определены кости 4-х людей — взрослого и молодого мужчин в одной урне, девочки и взрослой женщины в другой (вещи найдены в женском захоронении). Находки: оплавленные бусы из синего стекла (14-гранная — 1 экз., зонная — 1 экз., крапчатые — не менее 12 экз.), оплавленный кусочек серебра, два баночных сосуда (урны) [Носов, 1984. С. 14–15. Рис. 4: 1–8].

Съезжее, «погребальная площадка», погр. 8. Антропологическое определение: подросток. Находки: фрагмент бронзового браслета с расширяющимися концами и геометрическим орнаментом, оплавленные бусы синего стекла (в т.ч. крапчатые), тонкий железный стержень [Носов, 1984. С. 15. Рис. 4: 9, 10].

Шихино, курган 1, погр. 2. Антропологическое определение: кости человека, лошади, собаки, птиц. Находки: фрагменты головного венчика из бляшек-обоймиц и трубочек-пронизок, бронзовые пряжки с дротовой четырехугольной рамкой, фрагмент гривны из железного прута, обмотанного бронзовой проволокой, четырехгранный железный стержень, биконическое глиняное пряслице, фрагменты бронзовых предметов, два баночных сосуда (урны) [Мальм, Фехнер, 1969; Исланова, 2006. Рис. 95: 1, 96].

Шихино, курган 2. Антропологическое определение: на кострище вместе с бусами — кости ребенка и 2 когтевые фаланги медведя; в поставленных на кострище двух урнах — кости ребенка и взрослого. Находки: оплавленные стеклянные бусы, профилированный сосуд с орнаментом по плечику (урна), баночный сосуд (урна), нижняя часть сосуда (покрышка) [Мальм, Фехнер, 1969; Исланова, 2006. Рис. 95: 3–4].

Шихино, курган 13, погр. 1. Антропологическое определение: в юго-западной части кострища — кости молодой женщины и ребенка, в северо-восточной части — кости пожилого мужчины, лошади и птицы. Находки: бронзовая овальная рамка пряжки, фрагмент тонкой бронзовой проволоки, фрагменты лепной керамики, плоский черешковый наконечник стрелы (рядом с кострищем) [Фехнер, А-1966; Исланова, 2006. Рис. 98 А: 2, 3].

Шихино, курган 16, погр. 1. Антропологическое определение: кости мужчины, женщины, ребенка, двух лошадей (взрослой и жеребенка), птиц. Находки: пряжка с круглой проволочной рамкой, фрагмент железной пластины с отверстиями, обломок бронзового дротового браслета [Фехнер, А-1966; Исланова, 2006. Рис. 97: 4, 5].

Шихино, курган 16, погр. 6. Антропологическое определение: человек (женщина?), лошадь, когтевые фаланги медведя. Находки: фрагмент бронзового браслета с утолщенными концами, оплавленные бусы синего стекла, железный нож с прямой спинкой, лепной сосуд [Фехнер, А-1966; Исланова, 2006. Рис. 97: 1, 6].

Шихино, курган 18, погр. 1. Антропологическое определение: кости ребенка (в восточной части погребения) и взрослого (в западной части). Находки: фрагменты лепной керамики (с костями ребенка), оплавленные стеклянные бусы [Фехнер, А-1965].

Шихино, курган 18, погр. 2. Антропологическое определение: кости взрослого человека. Находки: оплавленные синие стеклянные бусы, костяная цилиндрическая бусина, обломок орнаментированной костяной рукояти (?) [Фехнер, А-1965].

Шихино, курган 24. Антропологическое определение: кости ребенка и взрослого; лошади. Находки: оплавленные синие стеклянные бусы, бронзовое проволочное кольцо, обломок костяной рукояти [Фехнер, А-1965].

Шихино, курган 25, погр. 2. Антропологическое определение: человек. Находки: оплавленные стеклянные бусы [Фехнер, А-1965].

Шихино, курган 26, погр. 1. Антропологическое определение: человек. Находки: фрагмент бронзового браслета с утолщенными концами и геометрическим орнаментом, глиняный диск от ткацкого станка [Фехнер, А-1965; Исланова, 2006. Рис. 98 Б].

Шихино, курган 29. Антропологическое определение: кости женщины, ребенка (возможно, двух близнецов), собаки. Находки: оплавленные синие стеклянные бусы [Фехнер, А-1966].

Шихино, курган 30, погр. 2. Антропологическое определение: кости ребенка и птицы. Находки: оплавленные синие стеклянные бусы [Фехнер, А-1966].

Шихино, курган 30, погр. 3. Антропологическое определение: кости мужчины, женщины, единичные кости лошади и птицы. Находки: оплавленные синие стеклянные бусы, железный нож с прямой спинкой, обломок тордированной бронзовой гривны [Фехнер, А-1966; Исланова, 2006. Рис. 101 Б].

Шихино, курган 32, погр. Антропологическое определение: кости женщины, ребенка и лошади. Находки: оселок, оплавленное стекло [Фехнер, А-1966].

Усть-Белая IV, курган 4, погр. 1. Антропологическое определение: женщина, ок. 40 лет. Находки: фрагмент бронзового дротового браслета, сплавившиеся синие стеклянные бусы, бронзовые спиральки (несколько экз.), оплавленные фрагменты бронзовых предметов [Башенькин, А-1988].

Усть-Белая IV, курган 8, погр. Антропологическое определение: женщина, ок. 40 лет. Находки: сплавившиеся бусы из синего (15 экз.) и красного глухого (3 экз.) стекла, слабо профилированный горшок (урна) [Башенькин, А-1989. Л. 42].

Б. Захоронения с предметами женского убора, не определявшиеся антропологами

Арнико III, курган 6, погр. 1 — стеклянные бусы, бронзовые спиральки (13 экз.), бронзовые колоколовидные привески (6 экз. и фрагмент), фрагменты восьми каменных литейных формочек, глиняная льячка, железная круглая накладка с выпуклой серединой [Аун, 1992. С. 88].

Бенецкий погост, курган 4, погр. 1 — две сплавившиеся бусины синего стекла, слиток металла [Глазов, 1903. С. 58–59].

Бенецкий погост, курган 4, погр. 2 — фрагмент орнаментированного медного браслета с утолщенными концами [Глазов, 1903. С. 58–59].

Березицы I, курган 8, погр. 2 — оплавленные синие бусы [Кузьмин, А-1990].

Березицы I, курган 8, погр. 4 — оплавленные синие бусы [Кузьмин, А-1990].

Березицы IV, курган 1, погр. 1 — фрагменты квадратных бляшек-обоймиц (не менее 2–3 экз.) [Михайлова, 2007. Ил. 1: 3].

Березицы VI, курган 6, погр. 1 — синяя стеклянная бусина с красным глазком, напущенная на колечко из бронзовой проволоки [Соболев, 2008].

Березицы VI, курган 8, погр. 1 — слиток синего стекла [Соболев, 2008].

Березицы VI, курган 8, погр. 2 — дисковидная синяя стеклянная бусина, напущенная на колечко из бронзовой проволоки [Соболев, 2008].

Березицы VI, курган 8, погр. 3 — слиток голубого стекла, фрагмент колечка из бронзовой проволоки, оплавленный кусочек бронзы [Соболев, 2008].

Березицы VI, грунтовое погр. 1 — сильно оплавленные стеклянные бусы (синие и полихромные мозаичные); 14-гранная прямоугольная сердоликовая бусина [Соболев, 2008].

Березно I, курган 6, погр. 2 — бронзовая квадратная бляшка-обоймица [Михайлова, 2010а. С. 34. Рис. 29].

Березно I, курган 15, погр. 1 — бусы из синего стекла (1 биконическая и 2 дисковидные), фрагмент миниатюрной пельтовидной лунницы из оловянистого сплава [Михайлова, 2010а. С. 23. Рис. 16].

Березно I, курган 18, погр. 1 — бронзовая квадратная бляшка-обоймица, оплавленные бусы коричневого стекла, бронзовые спиральки из дрота полукруглого (2 экз.) и полукруглого с продольным желобком (1 экз.) сечения [Михайлова, 2010а. С. 10. Рис. 8].

Березовский Рядок, курган 5, погр. 1 — два слитка стеклянных бус, железный нож с прямой спинкой, бронзовая умбоновидная бляшка на заклепке [Тищенко, 1914. С. 16. Рис. 16: а, в, г].

Березовский Рядок, курган 5, погр. 3 — два слитка стеклянных бус, железный нож с прямой спинкой, 4 обломка «железного шила» [Тищенко, 1914. С. 16].

Березовский Рядок, курган 5, погр. 5 — фрагменты (9) бронзовых бляшек-обоймиц, стеклянные бусы (в т.ч. 1 зеленая и корольки других цветов), 5 узких железных накладок [Тищенко, 1914. С. 16–17. Рис. 16: б, д, е].

Варбузе, курган С — голубая и белая стеклянные бусины, черепок керамики [Аун, 1992. С. 91].

Верепково, курган 1, погр. 2 — фрагмент бронзового пластинчатого браслета с продольным ребром [Setomaa... 2009. Lk 96, 177, jn 12].

Володи, курган 1, погр. 4 — бронзовая квадратная орнаментированная бляшка-обоймица, фрагмент неопределимого железного предмета, черепки лепного слабопрофилированного горшка [Чернягин, А-1940. Л. 45–46].

Городня, курган 7, погр. 6 — бронзовый дротовый браслет со слабоуплощенными концами, бронзовые спиральки из дрота полукруглого (1 экз.) и плоского (1 экз.) сечения, железный нож с плавным уступом при переходе от черенка к спинке [Чернягин, А-1940. Л. 25].

Горско, удлиненные курганы — фрагмент каменного огнива, бронзовые пластинчатые браслеты с продольными ребрами по краям (2 экз.), оплавленные фрагменты медных вещей [Спицын, 1915. С. 238. Рис. 34: 1, 2].

Грицково, курган 18, погр. 12 — раскрошившаяся бусина из голубого стекла, бронзовая спиралька [Седов, 1971. С. 54].

Дорохи I, курган 4, погр. 2 — синяя стеклянная бусина, два лепных баночных сосуда (урна и покрышка) [Штыхаў, 1992. С. 127].

Дорохи VI, курган 4, погр. 2 — 10 крупных оплавленных бусин синего стекла, лепной баночный сосуд (урна) [Штыхаў, 1992. С. 131].

Дубровка, курган 4, погр. — слиток сплавившихся синих бус «с красной инкрустацией», небольшой лепной сосуд (урна) [Глазов, 1904. С. 54].

Жеребятино, курган 2, погр. — фрагмент бронзового браслета с пластинчатым завершением [Кудряшов, 1913. С. 244–247].

Засобье II, курган 2, погр. 1 — оплавленная шарообразная бусина из темно-синего стекла, фрагменты узкого бронзового дрота (плоского и сегментовидного сечения), бронзовая пронизка-трубочка (в погребении различимы кости взрослого человека и ребенка) [Михайлова, 2010б. С. 102, 104. Рис. 20].

Казихи, курган 8, погр. 5 — глиняное биконическое пряслице [Седов, 1969. С. 93. Рис. 41: 5].

Казихи, курган 19, погр. — фрагмент головного венчика из прямоугольных бляшек-обоймиц и спиральных пронизок, бронзовая пряжка с четырехугольной дротовой рамкой с вогнутыми сторонами и сильно выступающим язычком, фрагменты бронзовых дротовых браслетов, фрагмент бронзовой гривны (?), не-

сколько бронзовых колечек, профилированный лепной горшок (накрывал погребение) [Седов, 1969. С. 96. Рис. 41: 1, 4, 6, 7].

Казихи, курган 21, погр. 1 — бронзовое проволочное височное кольцо с загнутыми крючком концами, 2 обломка медного предмета, два лепных баночных сосуда (урна и покрышка) [Седов, 1969. С. 93. Рис. 41: 2].

Казихи, курган 21, погр. 3 — фрагмент бронзового проволочного височного кольца с загнутыми крючком концами, неопределимый бронзовый предмет [Седов, 1969. С. 94].

Казихи, курган 22, погр. 6 — фрагмент бусины из голубого стекла, обломок биллонового предмета; бронзовый слиток [Седов, 1969. С. 95].

Каменка, курган 4, погр. 3 — оплавленные стеклянные бусы [Конецкий, А–1978. Л. 11–12. Рис. 51: 2].

Каменка, курган 4, погр. 4 — железный долотовидный предмет, железный нож с плавными переходами от лезвия к черенку [Конецкий, А–1978. Л. 12. Рис. 51: 7–8].

Квасильниково II, курган 29, погр. 3 — бронзовая квадратная бляшка-обоймица, бронзовый браслет с расширяющимися уплощенными концами с геометрическим орнаментом, синие стеклянные бусы (в т. ч. трехчастная пронизка), бронзовая спиралька [Конецкий и др., 1996. С. 335].

Квасильниково III, курган 6, погр. 2 — 2 фрагмента бронзового дротового браслета, обломки приземистого лепного горшка [Конецкий, Иванов, Торопов, 1997].

Которск IV, курган 1, погр. 1 — бусина синего стекла, 2 бронзовые спиральки, бронзовое височное кольцо с завитком, бронзовая крупная спираль из дрота треугольного сечения, железный нож с прямой спинкой [Кузьмин, 1991. С.158–160].

Которск XII, курган 1, погр. 1б — два бронзовых перстнеобразных височных кольца, железный нож с уступами при переходе от лезвия к черенку [Кузьмин, 2003. Рис. 3: 2–4].

Которск XII, курган 1, погр. 7 — два бронзовых перстнеобразных височных кольца, миниатюрная широкорогая привеска-лунница из оловянистого сплава, железный нож с уступами при переходе от лезвия к черенку [Кузьмин, 2003. Рис. 3: 7–10].

Которск XII, курган 4 — фрагментированное пряслице из мела [Кузьмин, А-1990].

Крутец–Избищи I, курган 3, погр. 2 — синие стеклянные бусы, колечко из бронзовой проволоки, железная четырехугольная пряжка с вогнутыми сторонами, железный футляр для фитиля, фрагменты керамики [Башенькин, 1995. С. 27].

Крюково озеро III, курган 4, погр. 1 — браслет с расширенными орнаментированными концами (по мнению автора раскопок, погребение детское) [Орлов, А–1971. Л. 17].

Ладыгинский Бор, курган 5, погр. — 4 оплавленные стеклянные бусины [Данилов, 1880. С. 40].

Лапино, курган 7, погр. 1 — бронзовая пряжка с проволочной трапециевидной рамкой; железный нож с прямой спинкой, бронзовая спиралька сегментовидного сечения [Окулич-Казарин, 1914. С. 178].

Левоча—Кабожа, курган 8, погр. 2 — оплавленная стеклянная бусина [Пронин, 1988. С. 170].

Левоча—Кабожа, курган 12, погр. 1 — оплавленные бусы из синего стекла (10 экз.), фрагмент бронзового браслета с утолщенным концом [Пронин, 1988. С. 171. Рис. 1: 6].

Левоча—Кабожа, курган 12, погр. 4 — оплавленные 14-гранные бусы из синего стекла (9 экз.), оплавленный кусочек серебра, фрагменты керамики [Пронин, 1988. С. 172. Рис. 1: 8, 9].

Левоча—Кабожа, курган 25, погр. 2 — оплавленные бусы из синего стекла (2 экз.) [Пронин, 1988. С. 172].

Левоча—Кабожа, курган 25, погр. 5 — оплавленные бусы из синего стекла (несколько экз.), фрагмент бронзовой проволоки, лепной сосуд (урна) [Пронин, 1988. С. 172–173].

Левоча—Кабожа, курган 38, погр. — фрагмент накладки с кружковым орнаментом (бляшки-обоймицы?), оплавленные бусы из синего стекла (2 экз.) [Пронин, 1988. С. 173].

Лезги, разрушенное грунтовое погр. — оплавленные синие бусы, фрагмент серебряного украшения [Александров, Белецкий, 1994. С. 54].

Линдора, курган 10, погр. 3 — бусы (9 стеклянных и 1 бронзовая), 2 бронзовые спиральки, фрагменты неопределимых бронзовых предметов, лепной керамический сосуд-урна [Шмидехельм, 1965; Аун, 1992. С. 91].

Липецы, курган 1, погр. — стеклянные бусы, две пряжки [Чернягин, 1941. С. 114; Седов, 1974. С. 52].

Липецы, курган 3, погр. 1 — стеклянные бусы, дротовая в-образная пряжка, лепной горшок [Чернягин, 1941. С. 114. Табл. II: 5].

Липецы, курган 3, погр. 3 — стеклянные бусы, бляшка [Чернягин, 1941. С. 114].

Липецы, курган 7, погр. 1 — фрагмент стеклянной крапчатой бусины, три медные пряжки, 13 бляшек-скорлупок, спиральная и цилиндрическая пронизки [Чернягин, 1941. С. 114. Табл. II: 8, 9, 13].

Липецы, курган 11, погр. 1 — стеклянные бусы, проволочное колечко, пряжка с полой в-образной рамкой [Чернягин, 1941. С. 114. Табл. II: 17, 18; Седов, 1974. С. 52].

Липецы, курган 11, погр. 3 — красные стеклянные бусы [Чернягин, 1941. С. 114; Седов, 1974. С. 52].

Липецы, курган 11, погр. 4 — красные стеклянные бусы [Чернягин, 1941. С. 114; Седов, 1974. С. 52].

Любахин I, курган 1, погр. 3 — 2 бронзовые прямоугольные бляшки-обоймицы, оплавленные стеклянные бусы (синие 14-гранные (3 или больше), синие округлые (3), синяя крапчатая (1), красные пастовые (несколько)) [Башенькин, 1995. С. 25. Рис. 8: 10, 11].

Любахин I, курган 4, погр. 1 — 3 бронзовые прямоугольные бляшки-обоймицы, бронзовый браслет с расширяющимися концами и геометрическим орнаментом, оплавленные синие стеклянные бусы (среди них определимы 14-гранные) [Башенькин, 1995. С. 251].

Любахин I, курган 6, погр. 2 — оплавленные бусы из прозрачного синего и глухого красного стекла, 2 серебряных дротовых браслета, бронзовая спиралька, бронзовая умбоновидная привеска [Башенькин, 1995. С. 25. Рис. 8: 12, 13].

Мерево III, курган 2, погр. 1 — фрагменты бронзового пластинчатого браслета с продольным ребром, 2 капли синего стекла [Лесман, Виноградов, 1979. С. 23–24].

Мерево III, курган 4, погр. — фрагменты двух парных бронзовых пластинчатых браслетов с продольным ребром, глиняное биконическое пряслице, оплавленные стеклянные бусы (синие и крапчатые), фраг-

мент бронзовой проволоки, округлый орнаментированный костяной предмет (крышка коробочки ?) (по мнению автора раскопок, погребение детское) [Лесман, Виноградов, 1979. С. 23–24].

Михайловское, курган 2, погр. 1 — оплавленные бусы синего стекла, фрагменты лепного сосуда [Станкевич, 1960. С. 252].

Млевский Бор, курган 5, погр. 2 — оплавленные бусы из синего стекла [Исланова, 2006. Рис. 102А: 2, 3].

Низовка II, курган 1, погр. — 2 серебряных перстнеобразных височных кольца, лепной сосуд (урна) [Глазов, 1904. С. 53–54].

Обрынь, курган 6, погр. — бронзовый браслет с расширяющимися концами, украшенный геометрическим орнаментом [Чернягин, 1941. С. 115. Табл. III: 12].

Повалишино, курган 3, погр. 1 — 6 оплавленных бус из синего стекла, два лепных горшка (урна и покрышка) [Штыхаў, 1992. С. 110].

Поддубье III, курган 2, погр. — оплавленные стеклянные бусы (синие и полихромная поперечно-проколотая) [Лесман, 1980. С. 19]

Плесо I, курган 1, погр. 9 — оплавленные бусы синего стекла, оплавленные фрагменты бронзовых предметов [Орлов, А–1966].

Плесо I, курган 8, погр. 1–3 — оплавленные бусы синего стекла, железный нож с прямой спинкой, мелкие фрагменты керамики [Орлов, А–1966].

Плесо I, курган 8, погр. 9 — оплавленные бусы синего стекла, оплавленные фрагменты бронзовых предметов, лепной сосуд (урна) [Орлов, А–1966].

Плесо I, курган 9, погр. — 4 оплавленные стеклянные бусины, лепной сосуд (урна), орнаментированный лепной сосуд (покрышка) [Орлов, А–1971. Л. 9–10].

Плесо I, курган 10, погр. 3 — два парных маленьких бронзовых браслета с расширяющимися концами (по мнению автора раскопок, погребение детское) [Орлов, А–1971. Л. 10].

Плесо I, курган 10, погр. 9 — четыре оплавленные крупные стеклянные бусины (по мнению автора раскопок, погребение детское) [Орлов, А–1971. Л. 11].

Плесо I, курган 11, погр. 1 — синие стеклянные бусы [Орлов, А–1971. Л. 12. Рис. 11].

Плесо I, курган 11, погр. 5 — фрагменты бронзовых квадратных бляшек-обоймиц [Орлов, А–1971. Л. 13].

Плесо II, курган 4, погр. 3 — бронзовая прямоугольная бляшка-обоймица, оплавленные стеклянные бусы, обломок бронзовой колоколовидной привески на s-видной петле и s-видная петля из бронзовой проволоки, железный долотовидный предмет, железный нож с прямой спинкой, 2 неопр. обломка бронзовых предметов [Орлов, А–1971. Л. 15–16].

Плесо II, курган 7, погр. 1 — оплавленные стеклянные бусы [Орлов, А–1971. Л. 13].

Плесо III, курган 25, погр. 5 — фрагмент бронзовой квадратной бляшки-обоймицы, железный долотовидный предмет, два железных ножа с прямыми спинками [Орлов, А–1971. Л. 17].

Подсосонье, курган 1, погр. — железный нож со слабо выделенными уступами при переходе от лезвия к черенку, железный долотовидный предмет [Чернягин, 1941. С. 115. Табл. III: 8, 9].

Полибино, курган 6, погр. — фрагменты бронзовых квадратных бляшек-обоймиц, половина бронзового браслета с расширяющимися овальными в сечении концами с геометрическим орнаментом [Станкевич, 1962. С. 32. Рис. 11: 6–8].

Потерпелицы I, курган 2, погр. 1 — 4 слитка стекла, нижняя часть большого горшка (накрывала погребение) [Орлов, А–1972. Л. 4].

Потерпелицы I, курган 2, погр. 2 — 15 слитков стекла, в которых различимы трехчастная пронизка и большая пастовая бусина со светлыми разводами [Орлов, А–1972. Л. 4].

Потерпелицы I, курган 2, погр. 4 — 14 оплавленных стеклянных бус, в т. ч. трехчастная пронизка, оплавленный фрагмент серебряного предмета, приземистый слабопрофилированный горшок (урна) [Орлов, А–1972. Л. 4–5].

Потерпелицы I, курган 6, погр. 1 — бронзовая квадратная бляшка-обоймица, бронзовая спиралька, оплавленные бусы синего стекла (различимы округлые и 14-гранная), бронзовая бляшка-скорлупка [Мильков, А–1989. Л. 5].

Потерпелицы I, курган 8, погр. 5 — оплавленные бусы синего стекла, колечко из бронзовой проволоки, баночный сосуд (урна) [Мильков, А–1989. Л. 8].

Потерпелицы I, курган 10, погр. 5 — 5 слитков стекла и двучастная пронизка, колечко из бронзовой проволоки [Орлов, А–1972. Л. 7].

Рапти—Наволок III, курган 18, погр. 5 — сильно оплавленные стеклянные бусы (4–5 из темно-синего стекла, 1 шарообразная голубого стекла и 1–2 бусины из глухого стекла (пасты) печеночно-красного цвета), фрагменты крупной бронзовой спирали из узкого дрота сегментовидного сечения, фрагмент бронзового проволочного кольца (височного ?) [Михайлова, 2003. С. 240].

Раха, курган 6, погр. — фрагмент бронзового литого браслета (?), оплавленные кусочки стекла и бронзы [Пронин, 1988. С. 177].

Раха, курган 8, погр. — бронзовая орнаментированная круглая привеска с ушком, оплавленные стеклянные бусы, баночный сосуд (урна) [Пронин, 1988. С. 178].

Репьи, погр. 6 — бронзовые квадратные бляшки-обоймицы (4 экз.), бронзовая умбоновидная накладка, два бронзовых фрагментированных браслета с уплощенными расширенными концами с геометрическим орнаментом, оплавленные стеклянные бусы (1 прозрачного бесцветного стекла, 1 темно-синего стекла), маленькая шарообразная бусина из сердолика, железный стержень [Михайлова, 2013. С. 338. Рис. 3].

Рыжаков хутор, курган 17, погр. 1 — оплавленная бусина из синего стекла, фрагмент костяного гребня, фрагмент костяной орнаментированной рукояти [Исланова, 2006. Рис. 102: Е].

Рысна—Сааре II, курган 2, погр. 3 — глиняное кольцевидное пряслице с продольной канавкой [Аун, 1992. С. 100. Рис. 50: 5].

Рысна—Сааре II, курган 6, погр. 3 — глиняное биконическое пряслице, миниатюрный лепной сосудик, черепки лепных сосудов [Аун, 1992. С, 101].

Ситенка III, курган 15 — синее стекло от расплавленных бус [Гамченко, 1913. С. 202].

Совий Бор, курган 2, погр. 1 — парные бронзовые пластинчатые браслеты с продольными ребрами [Тараканова, 1951. С. 153–154. Рис. 43].

Стёпаново III, курган 28, погр. 1 — фрагмент бронзового браслета с уплощенными расширяющимися концами [Петров, 2006. С. 160. Рис. 2: 8].

Стёпаново III, курган 29, погр. 1 — бусы из непрозрачного красного стекла (8 экз.), железный нож с прямой спинкой, слабопрофилированный горшок (урна) [Петров, 2003. С. 57].

Стёпаново III, курган 29, погр. 3 — стеклянные бусы (7 красного глухого стекла и 1 синего), бронзовые многочастные пронизки (несколько), бронзовые спиральки (3 экз.), детали бронзовых шумящих привесок (1 трапециевидная и 3 бутылковидные) [Петров, 2003. С. 58; 2006. С. 161. Рис. 3: 1–7].

Стёпаново III, курган 47, погр. 1 — бронзовая квадратная бляшка-обоймица, бронзовые бляшки-скорлупки [Петров, 2006. С. 163. Рис. 3: 8].

Сааре—Рысна, курган 9, погр. 2 — стеклянные бусы желтоватого цвета [Аун, 1992. С. 105].

Тагаметса, курган 2, погр. 1 — напущенная на бронзовое проволочное колечко синяя стеклянная бусина [Аун, 1984. С. 352].

Тагаметса, курган 2, погр. 4 — напущенная на бронзовое проволочное колечко синяя стеклянная бусина [Аун, 1984. С. 352].

Тагаметса, курган 4, погр. 1 — напущенная на бронзовое проволочное колечко синяя стеклянная бусина [Аун, 1984. С. 353–354].

Тагаметса, курган 4, погр. 4 — напущенная на бронзовое проволочное колечко синяя стеклянная бусина [Аун, 1984. С. 353–354].

Турово VI, курган 5 — парные бронзовые пластинчатые браслеты с продольными ребрами (не опубл.; хранятся в лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г.С. Лебедева СПбГУ).

Черный Ручей, курган 3, погр. — железный нож со слабовыделенными уступами при переходе от лезвия к черенку и насечкой на обушке, проволочное колечко с напущенной стеклянной бусиной, удлиненный орнаментированный щиток-обойма от пряжки, фрагмент железного долотовидного кресала (?), 2 кремневые пластины с ретушью [Чернягин, 1941. С. 115. Табл. III: 2–7].

Шихино, курган 16, погр. 2 — обломок бронзового браслета с утолщенными концами, фрагменты лепной керамики [Фехнер, А-1966; Исланова, 2006. Рис. 97: 2].

Шихино, курган 16, погр. 3 — оплавленные синие бусы, глиняное усеченно-биконическое пряслице [Фехнер, А-1966; Исланова, 2006. Рис. 97: 3].

Шихино, курган 17, погр. 1 — 2 фрагмента треугольного в сечении браслета, оплавленные бусы фиолетового стекла, маленькое бронзовое колечко с заходящими концами, железный нож с прямой спинкой и широким лезвием, слабопрофилированный сосуд (урна) [Фехнер, 1959. С. 240. Рис. 3: 1, 3, 5].

Шихино, курган 17, погр. 2 — фрагмент бронзового пластинчатого браслета с ребром посередине, оплавленные бусы из темно-синего, фиолетового и зеленого стекла, обломки бронзовой бусины, крупная бронзовая спираль [Фехнер, 1959. С. 240. Рис. 3: 2, 4].

Шихино, курган 23 — бронзовая обойма, стеклянные фиолетовые бусы (круглая, 4-гранная и 2 неопр. фрагмента), фрагменты лепной керамики [Фехнер, А-1952].

Шихино, курган 28 — бронзовая прямоугольная бляшка-обоймица, бусы из фиолетового стекла (круглая и четырехгранная), фрагменты керамики [Фехнер, 1959. С. 242. Рис. 3: 8].

Яблонька III, курган 2 — синие крапчатые бусы (3 экз.), бронзовые бляшки-скорлупки (12 экз.), бронзовая полусферическая бляшка на заклепке [Исланова, 2006. Рис. 93, 94]

Литература

Александров А. А., Белецкий С. В. Памятники I тысячелетия н. э. у д. Лезги // Древний Псков: Исследования средневекового города. Мат-лы конф. / Отв. ред. В. Д. Белецкий. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1994. С. 52–60.

Аун М. Курганный могильник у дер. Рысна-Сааре // ИАН ЭССР. ОН. 1978. Т. 27, №1. С. 83–89.

Аун М. Курганные могильники Тагаметса и Сууре-Рысна // ИАН ЭССР. ОН. 1984. Т. 33, №4. С. 352–354.

Аун М. Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н. э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллин: ОЛИОН, 1992.

Аун М. Костяные предметы в погребениях могильника Рысна-Сааре I (Юго-Восточная Эстония) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова: материалы 54-го заседания / Отв. ред. И. К. Лабутина. Псков, 2009. С. 355–362.

Башенькин А. Н. Отчет о раскопках могильников Усть-Белая, Любахин в Чагодощенском районе, курганной группы Бабаево IV в Бабабевском районе, разведках в Бабаевском, Кадуйском, Чагодощенском и Устюженском районах Вологодской области в 1989 г. // АИА. Р-1.

Башенькин А. Н. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси / Под ред. И. В. Дубова, И. Я. Фроянова. Сер. Славяно-русские древности. Вып. 3. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 3–29.

Башенькин А. Н., Васенина М. Г. Исследования комплекса памятников у д. Куреваниха на реке Мологе в 2004–2005 гг. // Археология Севера. Вып. 2. Мат-лы археологических чтений памяти С. Т. Еремеева 26–27 февраля 2006 г. в г. Череповце / Ред. А. В. Кудряшов. Череповец: Череповецкое музейное объединение, 2007. С. 42–73.

Башенькин А. Н., Васенина М. Г. Сопковидная насыпь в курганной группе Куреваниха III на р. Мологе // История и археология Русского Севера. Сборник материалов научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Н. В. Гуслистова / Гл. ред. А. В. Суворов. Вологда: Древности Севера, 2012. С. 28–34.

Винников А. З., Плетнева С. А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1998.

Гамченко С. С. Исследование курганов у д. Сытенки, на левом берегу р. Луги в 1908 г. // ЗОРСА. 1913. Т. IX. С. 163–221.

Отчет В. Н. Глазова о раскопках, произведенных в Псковской губ. в 1901 и 1902 гг. // ЗОРСА. 1903. Т. V. Вып. 1. С. 44–66.

Глазов В. Н. Отчет о поездке 1903 г. в Крестецкий уезд Новгородской губ. // ИАК. 1904. Вып. 6. С. 50–60.

Данилов И. Г. Раскопки слушателями Института курганов в Гдовском и Лугском уездах С.-Петербургской губ. и в Валдайском уезде Новгородской губ. (Из летних экскурсий слушателей в 1878/9 академическом году) // Сборник Археологического института. Кн. 3, отделение I. СПб., 1880. С. 20–40.

Енуков В. В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам). М.: Археологич. агентство Экспериментального творческого центра Мосгорисполкома, 1990.

Зариня А. Э. Одежда жителей Латвии VII–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. (Материалы к историко-этнографическом атласу) / Отв. ред. М. Г. Рабинович. М.: Наука, 1986. С. 172–189.

Исланова И. В. Верхнее Помостье в раннем средневековье. М., 2006.

Конецкий В. Я. Отчет об археологических работах Новгородского музея в 1978 г. // АИА. Р–1. №7363.

Конецкий В. Я., Иванов А. Ю., Сивохин С. Г., Торопов С. Е. Новые данные о погребальных памятниках в долине р. Белой // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Мат-лы науч. конф. Новгород, 23–25 янв. 1996 г.). Вып. 10 / Отв. ред. В. Л. Янин. Новгород: Новгород. гос. объед. музей-заповедник, 1996. С. 32–37.

Конецкий В. Я., Иванов А. Ю., Торопов С. Е. Новые исследования памятников культуры длинных курганов в долине р. Белой // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Мат-лы науч. конф. Новгород, 28–30 янв. 1997 г.). Вып. 11 / Отв. ред. В. Л. Янин. Новгород: Новгород. гос. объед. музей-заповедник, 1997. С. 29–36.

Кудряшов К. Отчет о раскопках 1911 г. в Гдовском уезде // ЗРАО. 1913. Т. IX. С. 244–247.

Кузьмин С. Л. Отчет о полевых исследованиях Плюсского отряда Ленинградской областной экспедиции ЛОИА АН СССР в 1990 г. // АИА. Р-1. №15849–15851.

Кузьмин С. Л. Которский погост — локальный центр конца I — начала II тыс. н. э. в верховьях Плюссы // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. / Под ред. В. Л. Янина, Е. Н. Носова, П. Г. Гайдукова. М.: Новгородская археологич. экспедиция МГУ, ИА АН СССР и Новгородского музея; Новгородский гос. объединенный музей-заповедник, 1991. С. 153–168.

Кузьмин С. Л. Некоторые итоги изучения культуры псковских длинных курганов (по материалам памятников в бассейнах рек Луги и Плюссы) // Древности Подвинья: Исторический аспект. По материалам круглого стола, посвященного памяти А. М. Микляева (6–8 октября 1999 г.) / Редколлегия: Г. В. Вилинбахов и др. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. С. 226–232.

Лесман Ю. М. Работы в Полужье // АО 1979 г. / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1980. С. 18–19.

Лесман Ю. М., Виноградов А. В. Работы Оредежского отряда // АО 1978 г. / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1979. С. 23–24.

Мальм В. А., Фехнер М. В. Об этническом составе населения Верхнего Поволжья во 2-й половине I тысячелетия н. э. // Экспедиции Государственного Исторического музея: Доклады на сессии Учен. совета ГИМ, 5–7 февр. 1969 г. / Ред. В. П. Левашова. М.: Гос. Историч. музей, 1969. С. 159–192.

Мильков В. В. Отчет к Открытому листу №66 о проведении раскопок археологического комплекса у дд. Плесо—Потерпелицы Боровического р-на, жальника у д. Каплино в Мошенском районе, курганно-жальничного комплекса Бор—Заручевье в Окуловском районе, а также археологических разведок в Любытинском, Мошенском и Хвойнинском р-нах Новгородской области // АИА. Р–1. №13742. 1989 г.

Михайлова Е. Р. Новые исследования длинных курганов на Черменецком озере // Древности Подвинья: Исторический аспект. По материалам круглого стола, посвященного памяти А. М. Микляева (6–8 октября 1999 г.) / Редколлегия: Г. В. Вилинбахов и др. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. С. 233–243.

Михайлова Е. Р. Тисненые бляшки-обоймицы из памятников культуры псковских длинных курганов // А. В.: Сборник научных трудов в честь 60-летия А. В. Виноградова / Науч. ред. С. В. Хаврин. СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. С. 158–164.

Михайлова Е. Р. Полностью исследованный могильник культуры псковских длинных курганов Березно I // Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли: Сборник научных статей / Отв. ред. Е. Р. Михайлова. СПб.: Нестор-История, 2010а. С. 7–54.

Михайлова Е. Р. Комплекс памятников в урочище Колода близ дер. Засобье (Лужский р-н Ленинградской области// Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли: Сборник научных статей / Отв. ред. Е. Р. Михайлова. СПб.: Нестор-История, 2010б. С. 81–108.

Михайлова Е. Р. Локальные варианты вещевого комплекса культуры псковских длинных курганов // Acta Archaeologica Albaruthenica. Vol. VIII. Мінск: І.П. Логвінаў, 2012. С. 69–82.

Михайлова Е. Р. Насыпь у дер. Репьи: место среди погребальных памятников Северо-Запада конца I тыс. н. э. // Археология и история Пскова и Псковской земли. семинар имени академика В. В. Седова. Мат-лы 58-го заседания (17–19 апр. 2012 г.) / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.; Псков, 2013. С. 335–345.

Носов Е. Н. К вопросу о сложении погребального обряда длинных курганов // КСИА. 1984. Вып. 179. С. 11–17.

Окулич-Казарин Н. Материалы для археологической карты Псковской губернии // Труды Псковского Археологического общества. Вып. 10. Псков, 1914. С. 131–292.

Олейников О. М. Курганная группа Гринино 2 (Тверская область, Осташковский район) // Тверской археологический сборник. 9 выпуск: Мат-лы 13–15-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» / Под ред. И. Н. Черных. Тверь: «Триада», 2013. С. 482–496.

Орлов С. Н. Отчет об археологических исследованиях в сезоне 1966 г. // АИА. Р-1. №3278.

Орлов С. Н. Отчет об археологических исследованиях на территории Новгородской области в сезон 1971 г. // АИА. Р-1. №4517.

Орлов С. Н. Отчет об археологических исследованиях на территории Новгородской области в сезоне 1972 г. // АИА. Р-1. №4861.

Петров Н. И. Работы в Хвойнинском районе Новгородской области // АО 2002 г. / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука, 2003. С. 57–58.

Петров Н. И. Древности эпохи раннего средневековья в среднем течении Кушаверы: опыт культурной стратиграфии // Новгород и Новгородская земля: История и археология. (Мат-лы науч. конф. Новгород, 24–26.01.2006). Вып. 20 / Отв. ред. В. Л. Янин. Вел. Новгород, 2006. С. 155–171.

Попов С. Г. Отчет о работах Гдовского отряда ИИМК РАН в 1992 г. // АИА. Р-1.

Попов С. Г. Курганы второй половины I тысячелетия н. э. могильника Сторожинец (исследования 1998–1990 гг.) // Setumaa kogumik 5. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloost ja rahvakultuurist / Koost. M. Aun, M. Lõiv. Tallinn; Värska: SA Seto Instituut, 2012. Lk. 90–139.

Пронин Г. Н. Исследование памятников второй половины I тысячелетия н. э. в восточных районах Новгородчины // СА. 1988. №4. С. 169–179.

Седов В. В. Казихинские курганы на р.Великой // КСИА. 1969. Вып. 120. С. 91–96.

Седов В. В. Грицковские курганы // КСИА. 1971. Вып. 125. С. 52–58.

Седов В. В. Длинные курганы кривичей. Сер. САИ. Вып.: EI–8. М.: Наука, 1974.

Соболев В. Ю. Могильник финальной стадии культуры длинных курганов Березицы VI // Археологические вести. 2008. №15. С. 118–132.

Спицын А. А. Археологический альбом // ЗОРСА. Т. XI. 1915. С. 224–250.

Станкевич Я. В. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. // Древности северо-западных областей РСФСР в I тысячелетии н. э. / Отв. ред. М. А. Тиханова. Сер. МИА. №76. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 7–327.

Станкевич Я. В. Курганы у деревни Полибино на реке Ловати // КСИИМК. 1962. Вып. 87. С. 31–35.

Тараканова С. А. Псковские курганы с трупосожжением (Доклад, прочитанный в секторе этногенеза народов СССР ИИМК 8 декабря 1949 г.) // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVI. С. 141–154.

Тищенко А. В. Отчет о раскопках 1910 и 1911 гг. в Новгородской губернии // ИАК. Вып. 53. Пг., 1914. С. 1–22.

Успенская А. В. Березовецкий курганный могильник X–XII вв. // Средневековые древности Восточной Европы / Отв. ред. Н. Г. Недошивина. Сер. Труды ГИМ. Вып. 82. М.: Гос. Историч. музей, 1993. С. 79–135.

Фехнер М. В. Отчет о раскопках курганной группы в Калининской области, Брусовском районе близ д. Шихино в 1952 г. // АИА. Р-1. №756.

Фехнер М. В. Шихинская курганная группа // СА. 1959. №4. С. 239–242.

Фехнер М. В. Отчет об археологических раскопках в Калининской области в 1965 г. // АИА. Р-1. №3098.

Фехнер М. В. Отчет об археологических раскопках 1966 г. на территории Новгородской и Калининской областей // АИА. Р-1. №3258.

Фехнер М. В. Отчет об археологических работах 1967 г. в Калининской области // АИА. Р-1. №3566.

Черных И. Н., Малыгин П. Д., Томашевич Т. В. Исследования памятников культуры длинных курганов в Тверской области (погребальный комплекс Подол I на оз. Кафтино) // Тверской археологический сборник. Вып. 3 / Отв. ред. И. Н. Черных. Тверь: Тверской гос. объед. музей, 1998. С. 394–408.

Черных И. Н., Олейников О. М., Исланова И. В. Курганный могильник Гринино 1 (по материалам исследований 1989–1990 гг.) // Тверской археологический сборник. 9 выпуск: Мат-лы 13–15-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» / Под ред. И. Н. Черных. Тверь: «Триада», 2013. С. 445–481.

Чернягин Н. Н. Отчет о раскопках курганов в Середкинском, Полновском и Гдовском районах Псковского округа в 1940 г. // АИИМК. Ф. 35. 1940 г. Д.35.

Чернягин Н. Н. Длинные курганы и сопки (археологическая карта) // Этногенез восточных славян. Т. 1 / Под ред. М. И. Артамонова. Сер. МИА. №6. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 93–148.

Шмидехельм М. Х. Курганные могильники в Линдора и других местах юго-восточной Эстонии // Slaavilläänemeresoome suhete ajaloost. Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений / Под ред. Х. А. Моора и Л. Ю. Янитса. Тл.: Ээсти раамат, 1965. С. 51–56.

Штыхаў Г. В. Крывічы: Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. Мінск: Навука и тэхніка, 1992.

Setomaa... 2009 – Setomaa, 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani / Peatoimetaja M. Aun. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 2009.

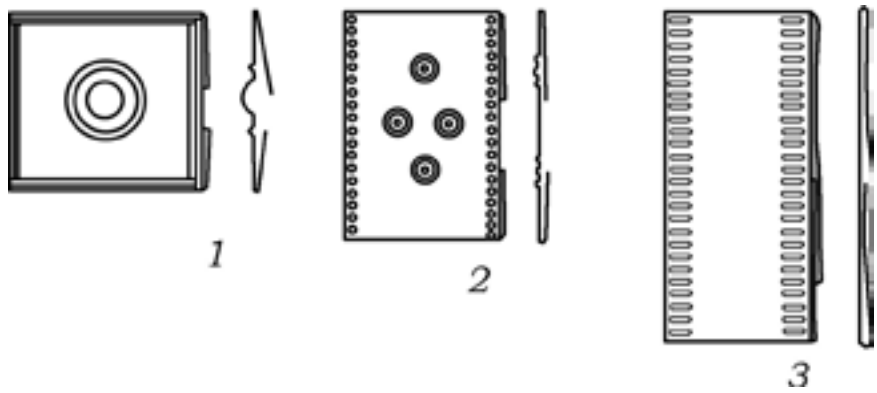


Рис. 1. Основные типы бляшек-обоймиц

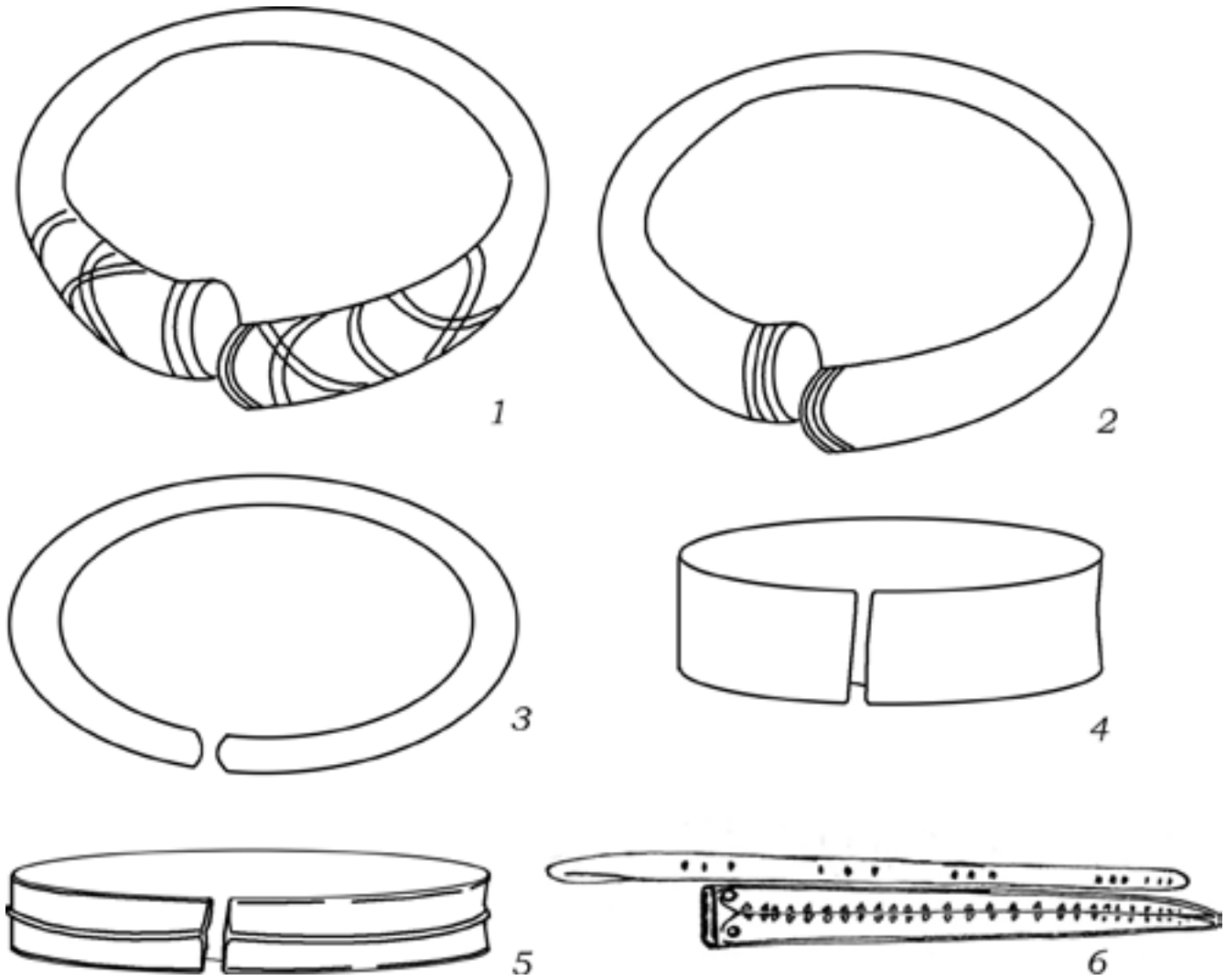


Рис. 2. Основные типы браслетов

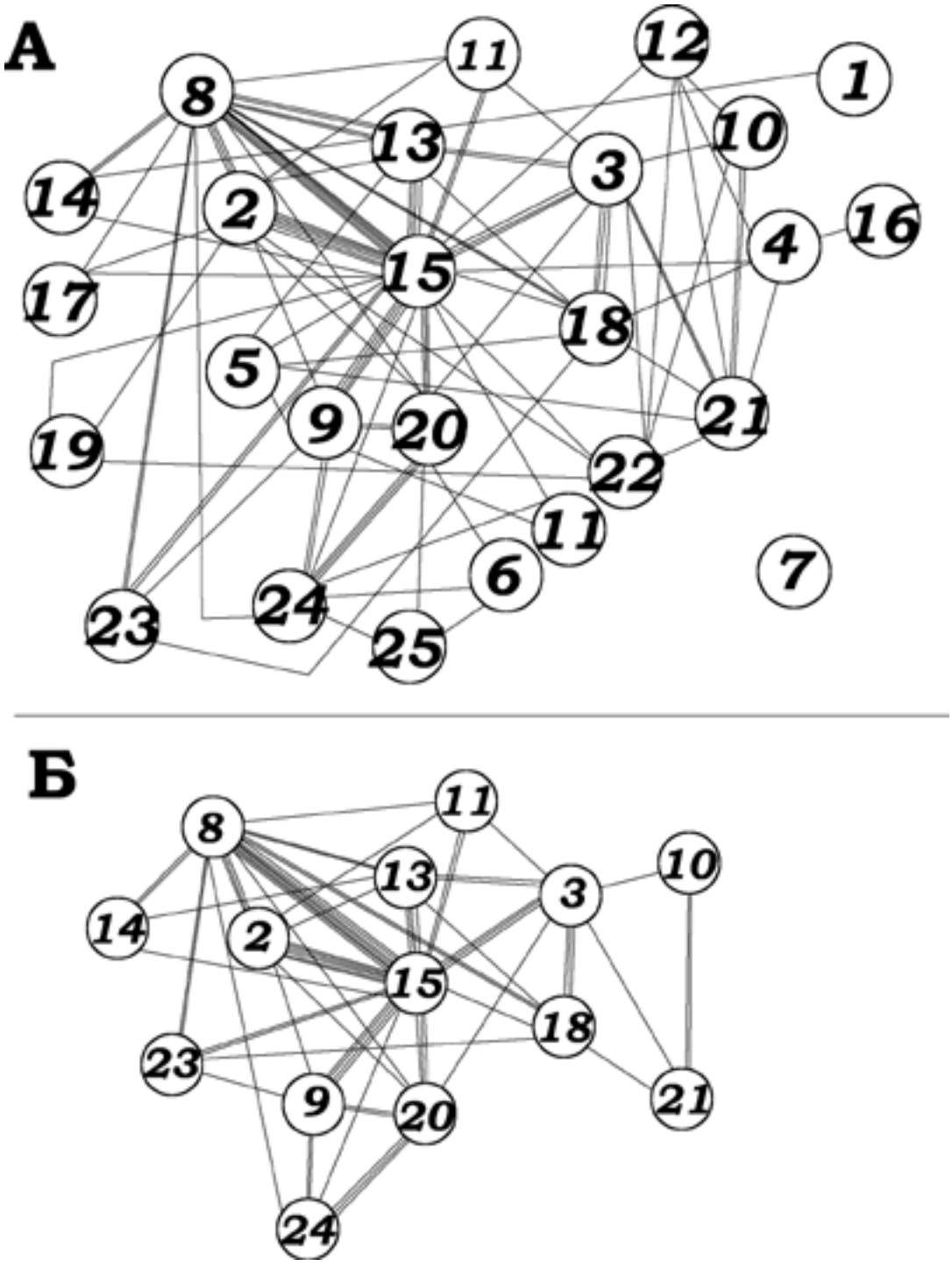


Рис. 3. Сочетаемость элементов женского убора с другими предметами.

А — все связи; *Б* — сильные связи.

Одна линия на графе соответствует одной связи.

1 — браслеты типа Володи; *2* — браслеты с утолщенными концами, украшенными геометрическим орнаментом; *3* — дротовые браслеты; *4* — пластинчатые браслеты с продольными «ребрами»; *5* — пластинчатые браслеты; *6* — браслеты с утолщенными концами, украшенными поперечными бороздками; *7* — спиральные браслеты; *8* — квадратные бляшки-обоймицы; *9* — прямоугольные бляшки-обоймицы; *10* — сложные венчики из прямоугольных бляшек-обоймиц, разделенных рядами пронизок; *11* — умбоновидные привески и накладки; *12* — пряслица; *13* — спиральки; *14* — бляшки-скорлупки; *15* — стеклянные бусы; *16* — каменное овальное огниво; *17* — каменные бусы; *18* — ножи с уступами при переходе от лезвия к черенку; *19* — шилья; *20* — ножи с прямыми спинками; *21* — гривны; *22* — округлые пряжки; *23* — пластинчатые обоймы; *24* — долотовидные кресала; *25* — овальная железная пряжка

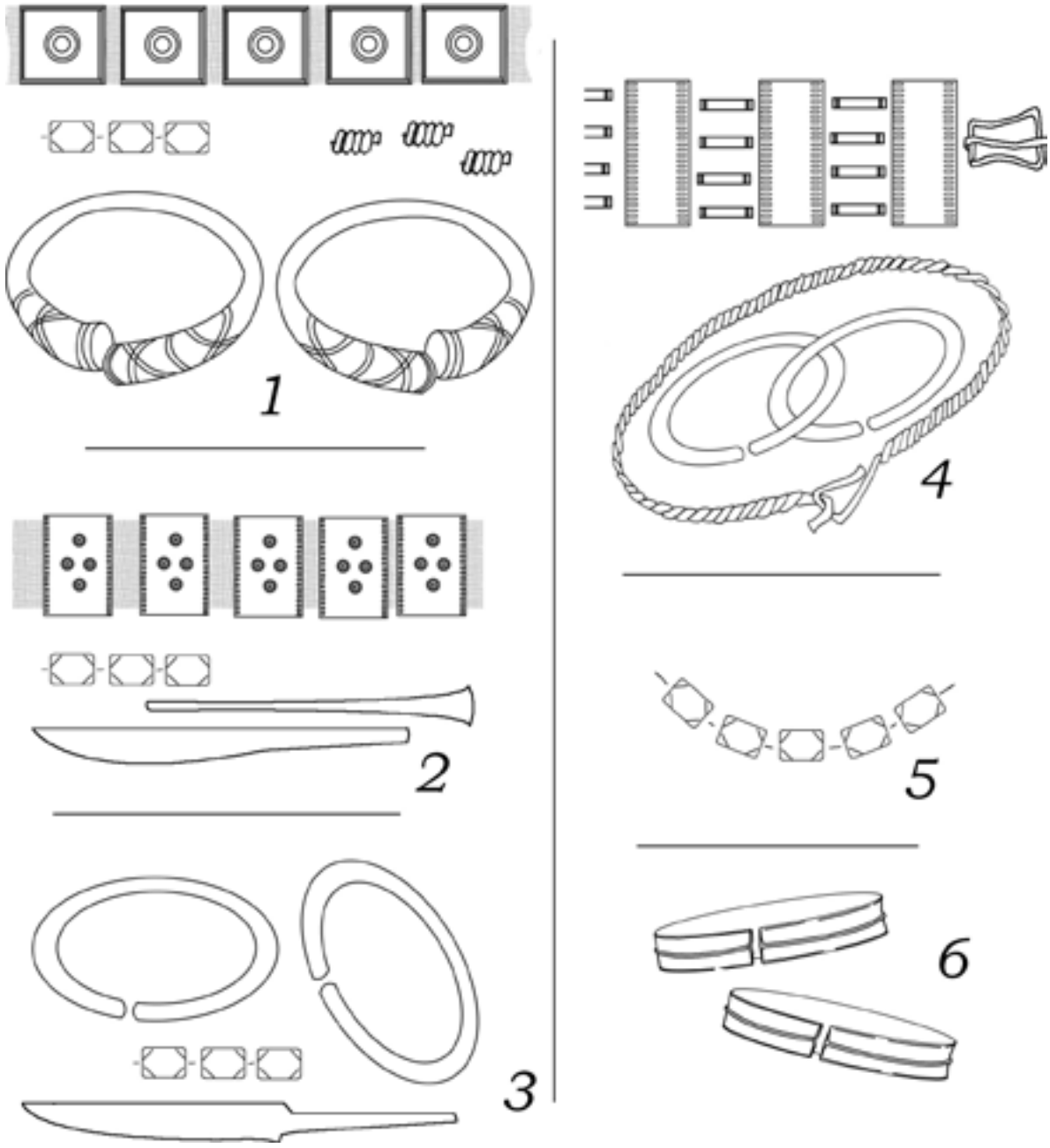


Рис. 4. Основные типы женского убора

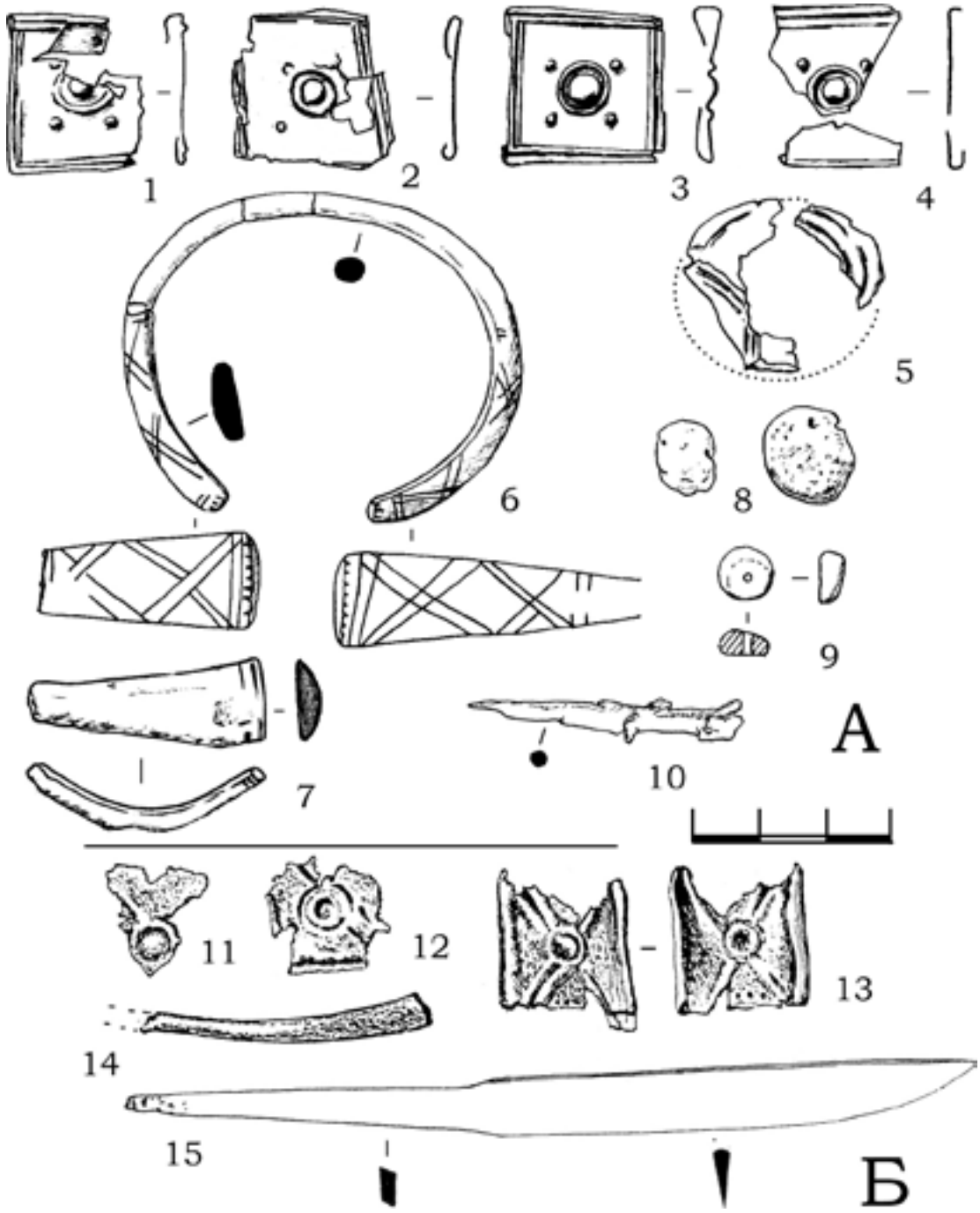


Рис. 5. Инвентарь захоронений с убором первого типа.
А — Репьи, нижний ярус, погр. 6; *Б* — Городня, курган 3.
1–7, *11–14* — бронза; *8* — стекло; *9* — сердолик; *10, 15* — железо

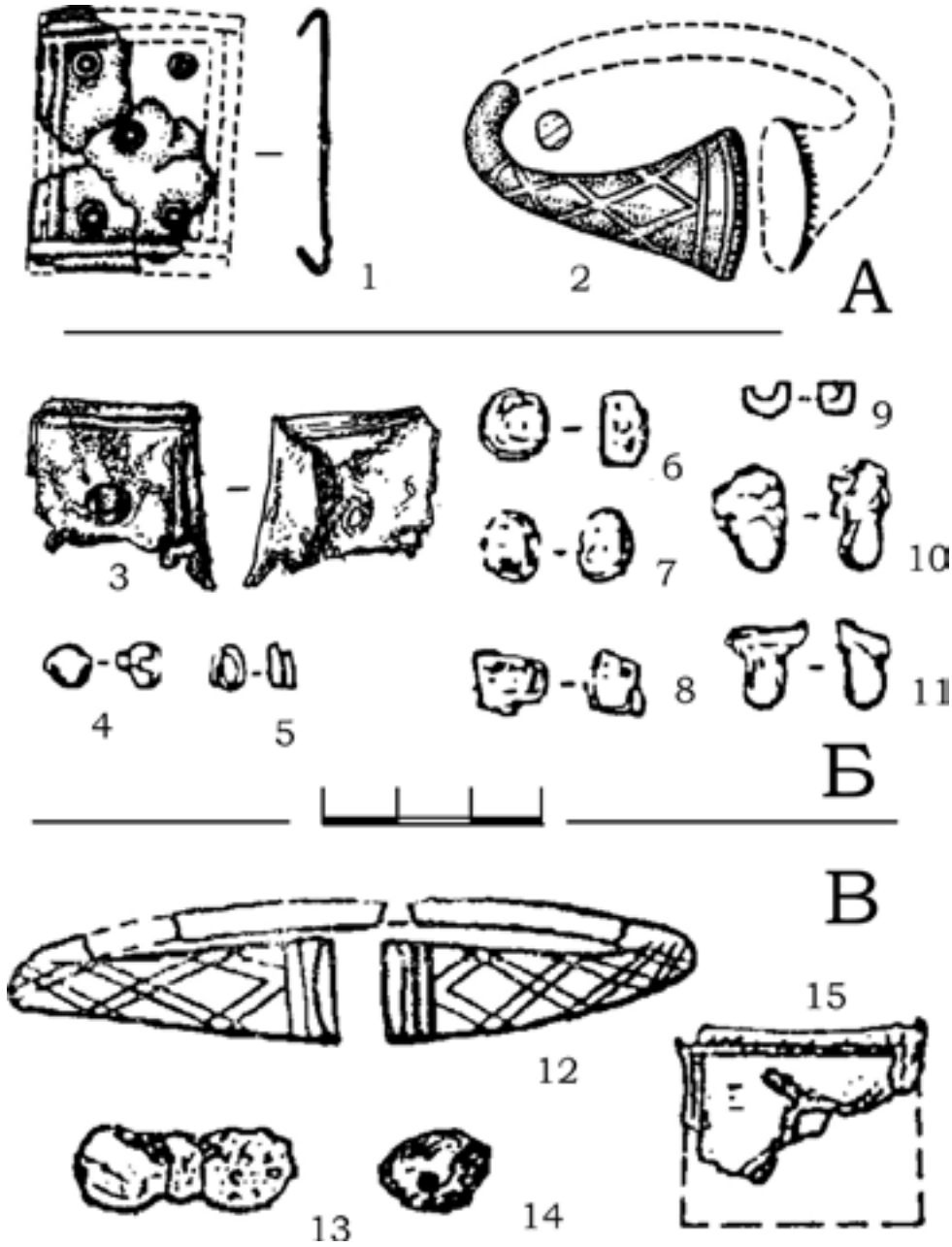


Рис. 6. Инвентарь захоронений с убором первого типа.

А — Полибино, курган 6; *Б* — Потерпелицы I, курган 6, погр. 1; *В* — Квасильниково III, курган 29, погр. 3.

1–5, *12*, *15* — бронза; *6–11*, *13*, *14* — стекло

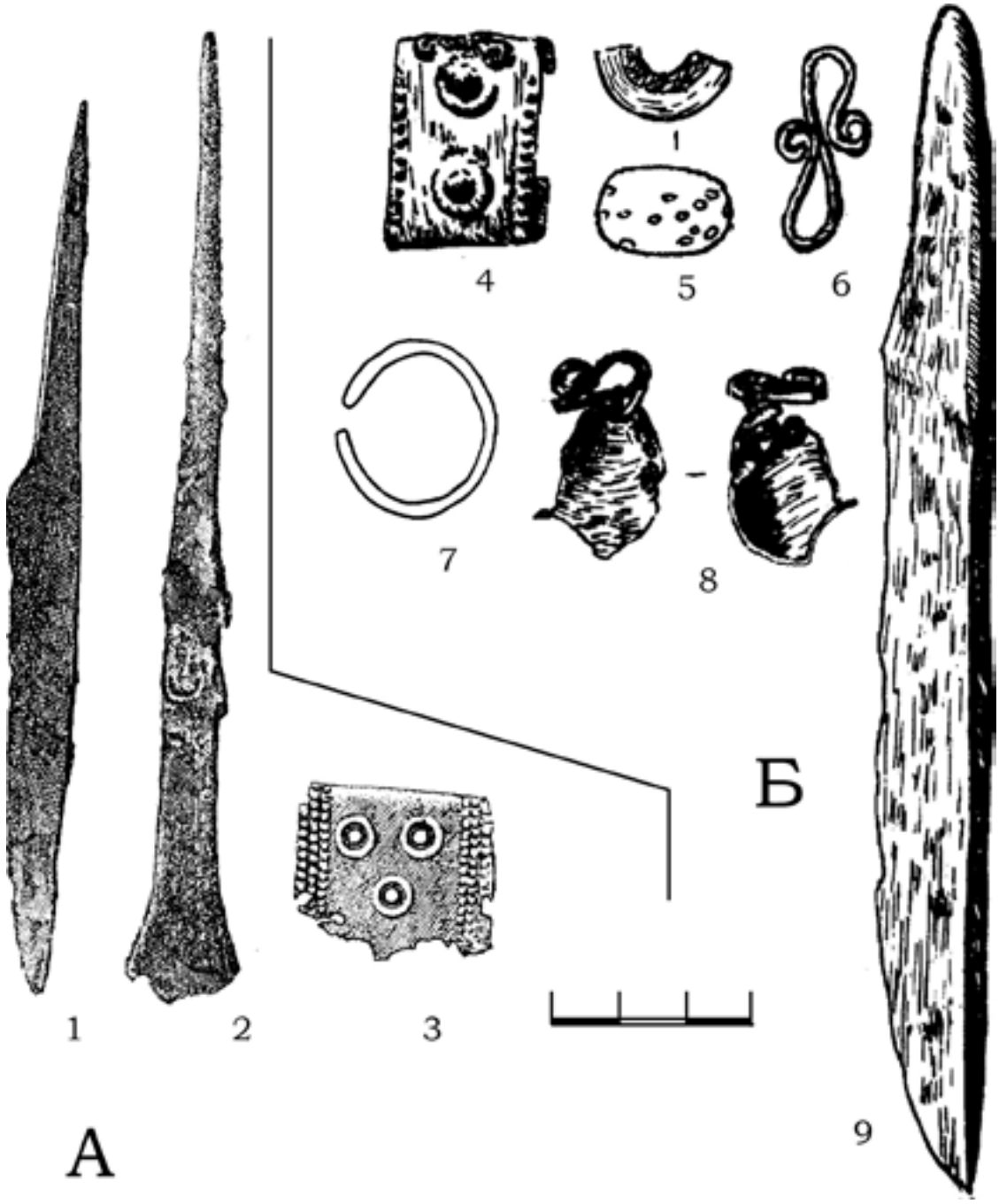


Рис. 7. Инвентарь захоронений с убором второго типа.
А — Ладыгинский Бор, курган 4; *Б* — Плесо II, курган 4, погр. 3.
1, *2*, *9* — железо; *3*, *4*, *6–8* — бронза; *5* — стекло

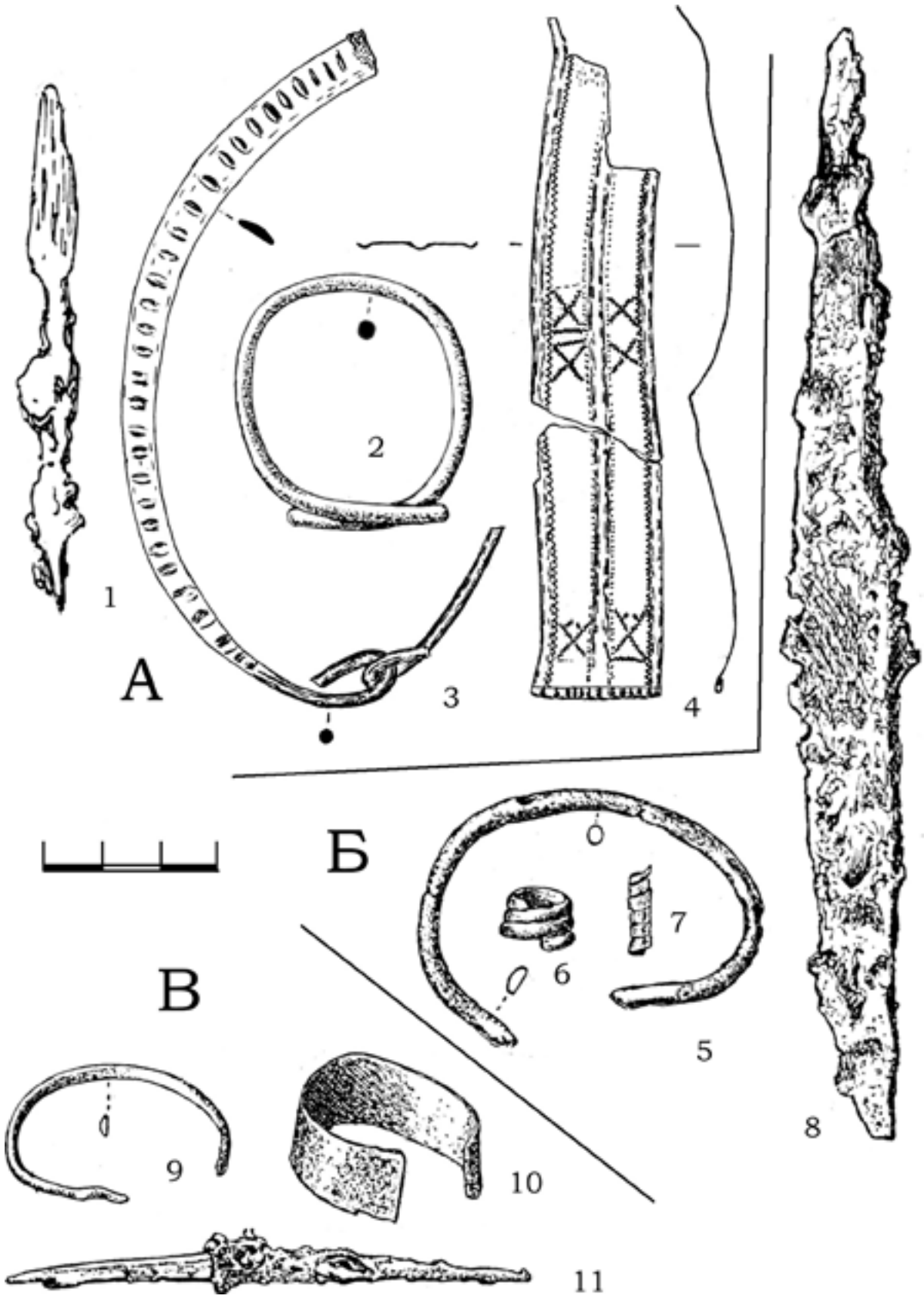


Рис. 8. Инвентарь захоронений с убором третьего типа из Городни.
А — курган 13, погр. 3; *Б* — курган 7, погр. 6; *В* — курган 6.
1, *8*, *11* — железо, следы дерева; *2–7*, *9*, *10* — бронза

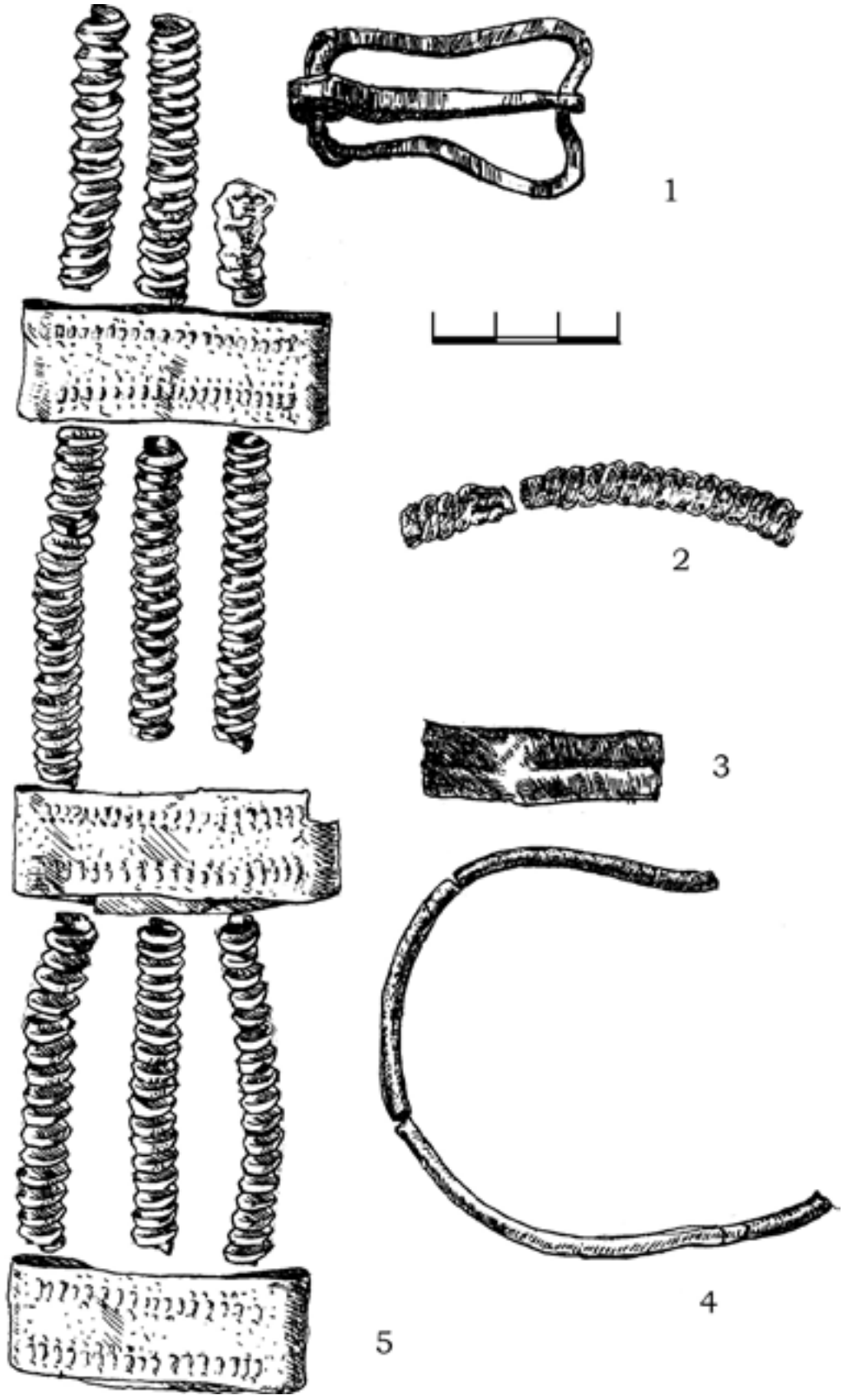


Рис. 9. Инвентарь захоронений с убором четвертого типа из Казихи, курган 19.
1–5 — бронза

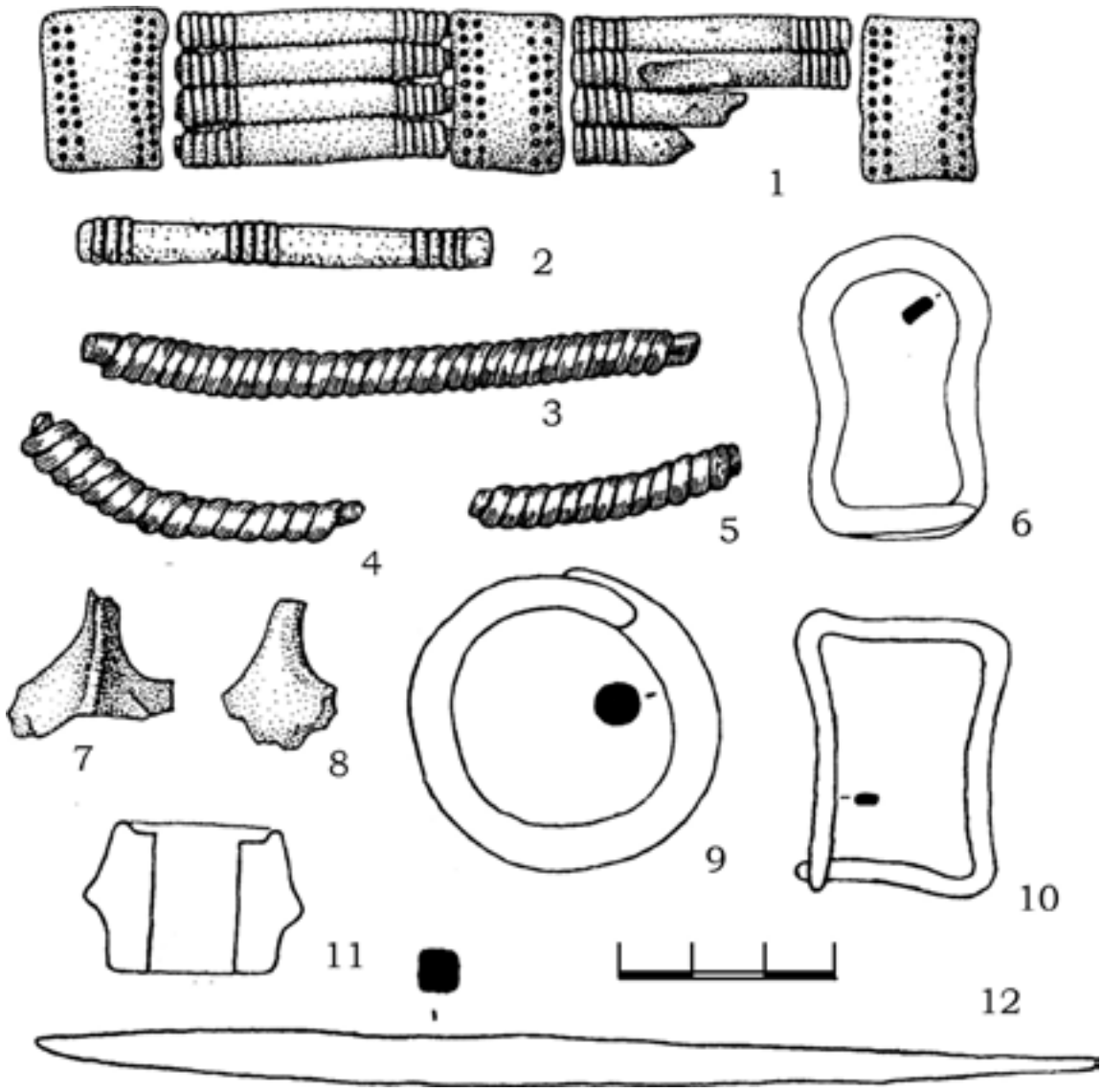


Рис. 10. Инвентарь захоронений с убором четвертого типа из Шихино, курган 1.
1–8, *10* — бронза; *9*, *12* — железо; *11* — глина

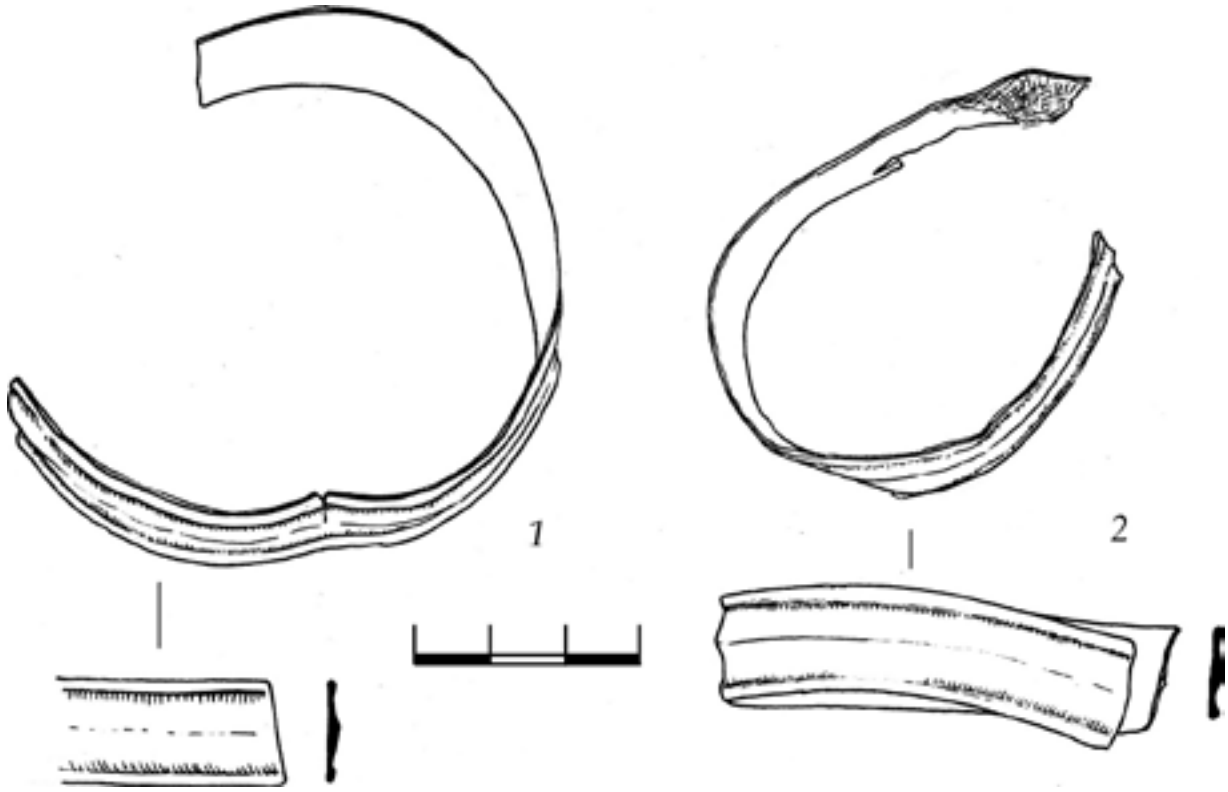


Рис. 10а. Инвентарь захоронения с убором шестого типа из Турово VI, курган 5.
1–2 — бронза

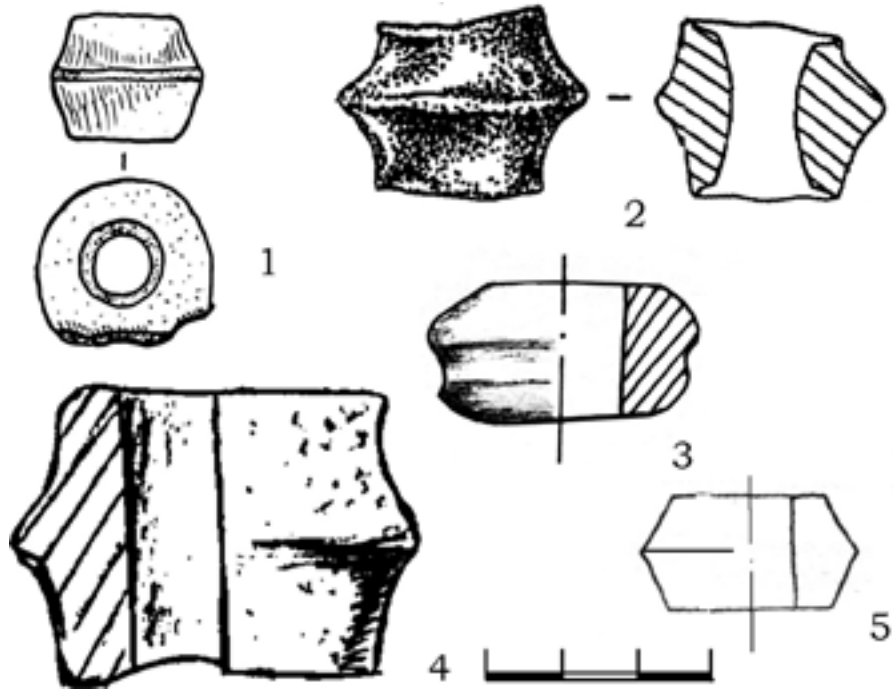


Рис. 11. Керамические пряслица из погребений.

1–5 — Мерево III, курган 4; *2* — Подол I, грунт. погр. 1; *3* — Рысна-Сааре II, курган 2, погр. 3; *4* — Шихино, курган 1; *5* — Шихино, курган 16, погр. 3

А. И. Дробушевский

ГОРОДИЩА ПЕРИОДА РИМСКИХ ВЛИЯНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Введение

На территории Республики Беларусь в настоящее время известно более 1 тыс. городищ [Штыхов, 1971. С. 12], примерно на 100 из них проводились раскопки. Подавляющая часть городищ возведена в эпохи раннего железа (VII–VI вв. до н. э. – I в. н. э.) и Средневековья (VI–XIII вв.). Что касается укрепленных поселений периода римских влияний, то их на территории Беларуси зафиксировано значительно меньше (105 городищ) (рис. 1). Видимо, для этого периода возведение городищ скорее вынужденная мера, чем характерная черта эпохи.

Под городищем периода римских влияний имеется в виду памятник археологии, на котором выявлены следы оборонительных сооружений этого времени. Естественно, городища выполняли различные функции. Они были местом достаточно длительного обитания населения, убежищами, святилищами и т.д. Причем, одно и то же городище в разное время могло выполнять различные функции. Часто, являясь примечательными географическими объектами на местности, даже после прекращения своего функционирования, они на протяжении столетий вплоть до настоящего времени используются в самых разнообразных целях. В результате в культурном слое, как правило, содержатся находки разных эпох. Так как основная часть рассматриваемых городищ имеет сравнительно небольшой (0,3–0,5 м) и однородный культурный слой (особенно в центре площадки), далеко не всегда можно расчленить разновременные и разнокультурные материалы, особенно если они близки хронологически. Поэтому нередко полученные в ходе раскопок материалы рассматриваются как синхронные, что не всегда верно.

В этой связи данная работа больше посвящена принципам выделения городищ периода римских влияний на территории Республики Беларусь и методам интерпретации выявленных на них материалов.

Городища этого времени можно подразделить на 3 основные группы.

Первую группу (48 пунктов) представляют поселения, на которых не выявлены как следы оборонительных сооружений, так и находки римского периода. То есть городища этой группы отнесены к этому времени ошибочно или без достаточных на то оснований.

Вторую группу (50 пунктов) составляют поселения, на которых обнаружены только объекты или отдельные находки рассматриваемого периода, в то время как достоверные данные о наличии синхронных оборонительных сооружений по тем или иным причинам отсутствуют.

Третья группа (7 пунктов) — это городища, на которых выявлены не только объекты периода римских влияний, но и следы одновременных им оборонительных сооружений.

I группа городищ

Начнем рассмотрение с нее, так как именно искусственное отнесение данных памятников к периоду римских влияний часто ведет к построению разного рода малообоснованных концепций. Обратимся прежде всего к городищам Гомельского Поднепровья.

Чаплинское городище П. Н. Третьяков на основании находки в очаге жилища 9 двух больших обломков глиняного сосуда черняховского типа (рис. 4: 4) датировал до II–III вв. н. э. или до начала III в. н. э. [Третьяков, 1959. С. 151; 1966. С. 209, 224. Рис. 62]. Этот же гончарный (серолощеный?) сосуд из Чаплина М. Б. Щукин считал дакийским и датировал I в. н. э. [Щукин, 1994. Рис. 81: 29]. Однако чаплинский экземпляр вполне сопоставим с латенскими гончарными сосудами, например, кельтских могильников III–I вв. до н. э. Словакии [Benadík, Vlček, Amros, 1957. Tab. I: 9, 13; V: 24; VI: 11; XI: 13 и др.].

Спорной остается датировка железной шпоры с крючками из Чаплинского городища (рис. 4: 3). Л. Д. Поболь отнес ее к позднелатенскому времени [Поболь, 1971. С. 12, 16, 33. Рис. 19: 4]. О. А. Радюш культурную принадлежность чаплинской шпоры оставил под вопросом, считая, что она, возможно, связана с раннесредневековыми слоями городища [Радюш, 2011. С. 21]. Близкие по типу шпоры с крючками из городищ культуры штрихованной керамики А. М. Медведев датирует III–V вв. н. э. [Медведев, 2011. С. 49], тогда как А. А. Егорейченко появление этих шпор относит к более раннему, раннеримскому времени [Егорейченко, 2006. С. 84]. В пшеворских погребениях Польши железные шпоры с крючками аналогичные белорусским экземплярам известны в погребениях фазы A3/B1 [Łuczkiewicz, 2006. S. 146–147. Ryc. 50: 10, 13; Dąbrowska, 2008. S. 57. Ryc. 18: 7]. Таким образом, и чаплинскую шпору есть все основания отнести к рубежу позднелатенского и раннеримского периодов, что вполне согласуется с верхней датой Чаплинского могильника.

В последнее время предприняты попытки датировать самые поздние погребения Чаплинского могильника римским временем. С. П. Пачкова шесть погребений Чаплинского могильника (№ 49, 133, 139, 199, 211 и 155 (кенотаф)) отнесла к периоду III в., ее датировка — вплоть до конца фазы B1 по центральноевропейской шкале [Пачкова, 2006. С. 128. Табл. 12]. Никаких аргументов в пользу этого не приводится. Указанные С. П. Пачковой погребения ничем не отличаются от более ранних позд-

нелатенского периода. Более того, в погр. 133 найдена железная позднелатенская фибула, а в погр. 211, видимо, фрагмент аналогичной железной фибулы [Поболь, 1973. С. 127. Рис. 43: 2; С. 168. Рис. 58: 26].

На ошибочность предложенных В. В. Пилипцевич датировок подковообразных застежек и древкового оружия из Чаплинского могильника исключительно фазами В1–В2а центральноевропейской шкалы [Пилипцевич, 2004. С. 134–143; Пилипцевич, 2005. С. 90–97] уже неоднократно указывалось в литературе [Дробушевский, 2006. С. 66–74; 2012. С. 306–329; Радюш, 2011. С. 6–31].

Таким образом, в Чаплинском могильнике нет достоверных погребальных комплексов, выходящих за рамки позднелатенского периода (фаза А3) или рубежа фаз А3 и В1, следовательно и Чаплинское городище нет никаких оснований датировать периодом римских влияний.

Из своих раскопок на городище ***Подгорье*** Добрушского района Гомельской области С. Е. Рассадин приводит плохо сохранившийся железный предмет, похожий на бритву (рис. 4: 1). По его мнению, эта находка свидетельствует о проживании здесь «милоградцев» еще в начале н. э. [Рассадин, 2007. С. 43. Рис. 5: 4]. Не касаясь спорности датировок подобных предметов [Егорейченко, 2006. С. 84–85], отметим более примечательный факт. На наш взгляд, принадлежность этого предмета именно милоградской культуре необходимо еще обосновать. Хотя исследования на городище Подгорье проведены более чем 25 лет назад, материалы раскопок до сих пор не введены в полном объеме в научный оборот. Тем не менее, неоднократно ссылаясь на этот памятник, С. Е. Рассадин почему-то забывает отметить, что, по его же собственным данным здесь присутствует зарубинецкая керамика [Рассадин, 1983. С. 5]. Насколько железная бритва из Подгорья обязательно связана с началом н. э., то есть с раннеримским периодом, судить трудно. Подобные бритвы хорошо известны в латенской и латенизированных культурах предримского времени, в том числе и на памятниках Мазовии, т.е. на востоке пшеворского ареала [Dąbrowska, 2008. S. 57–58. Ryc. 20: 2, 4, 5]. Никаких других находок, которые могли бы свидетельствовать о функционировании данного городища в период римских влияний не выявлено.

Применительно к ***Чечерскому городищу*** этнокультурные построения С. Е. Рассадина выглядят еще более запутанными. Оно обозначено им как содержащее находки милоградской, юхновской и зарубинецкой культур [Рассадин, 2007. С. 37–53. Рис. 1: 30]. Правда, еще совсем недавно вышеуказанное поселение этот же автор относил только к милоградской культуре, а о юхновской речь не шла [Рассадзін, 1991. С. 76. Рыс. 1: 64]. Оставим без внимания материалы милоградской культуры, наличие которых на этом памятнике сомнений не вызывает. Оказывается, на Чечерском городище в позднезарубинецкое время обитало «одинаковое с «почепцами» по своему зарубинецко–юхновскому происхождению население». Однако в той же статье автор ниже пишет, что здесь же проживали уже «зарубинцы» совместно с «юхновцами» [Рассадин, 2007. С. 43, 46]. Поэтому не всегда легко понять, что имеет в виду С. Е. Рассадин. В одном месте это зарубинецкий памятник, в другом — видимо, почепский. Или он эти понятия отождествляет?

Утверждение о проживании в Чечерске «юхновцев» не подкреплено никакими статистическими и стратиграфическими наблюдениями. С. Е. Рассадин приводит лишь верхнюю часть якобы юхновского горшка и на этом основании делаются далекоидущие выводы [Рассадин, 2007. С. 37–53. Рис. 3: 4]. Однако, во-первых, горшки с загнутым внутрь венчиком, насколько можно судить по публикациям [Каравайко, 2012. Рис. 57] и фондовым коллекциям, для юхновской культуры Подесенья малохарактерны. Впрочем, и сам С. Е. Рассадин прежде считал, что юхновские сосуды с загнутым внутрь краем «практически неотличимы от милоградских» [Рассадин, 2005. С. 19]. Во-вторых, если верить приведенной без масштаба реконструкции, по пропорциям чечерский сосуд ближе днепро-двинским, нежели юхновским [Шадыро, 1985. Рис. 43: 1; 52: 7, 9]. А ведь Чечерск находится примерно на одинаковом удалении от основных центров распространения как юхновских, так и днепро-двинских памятников. Орнамент в виде виноградной грозди действительно част на юхновской посуде, но в раннем железном веке он имел очень широкое распространение в лесной зоне Восточной Европы. Этот декор известен от Латвии на западе [Митрофанов, 1978. Рис. 14: 6; Шадыро, 1985. Рис. 54: 3; Васкс, 1991. Табл. V: 6] до дьяковских городищ Волго-Окского междуречья на востоке [Розенфельд, 1974. С. 90–197. Рис. 24: 8; 26: 22, 23, 35; 27: 6]. Вряд ли на столь обширной территории проживали именно «юхновцы». Следовательно, Чечерское городище не дает никаких свидетельств для вывода о «юхновско-зарубинецком симбиозе», а само наличие здесь юхновского горизонта нуждается в более серьезном обосновании.

Не лучшим образом обстоят дела и относительно датировок Чечерского городища. Согласно С. Е. Рассадину, «одинаковое с почепцами» население в Чечерске обитало еще в позднезарубинецкое время, т.е. в раннеримский период. Для подтверждения последнего тезиса исследователь приводит два железных предмета: подковообразную фибулу (рис. 4: 2) и двушипный черешковый наконечник стрелы, сделанный из пластины (рис. 4: 5). Аналогии им указываются из Почепа и Поволжья (Андреевский курган) [Рассадин, 2007. С. 42–43. Рис. 5: 2, 3]. Однако оба предмета имеют крайне широкий территориальный и временной диапазоны бытования. На ошибочность предложенных В. В. Пилипцевич датировок подковообразных фибул из Чаплина исключительно римским периодом уже указывалось выше. Добавлю лишь, что подковообразные фибулы (сюльгамы), аналогичные зарубинецким, известны и на синхронных памятниках предримского периода культуры Поянешть—Лукашевка на территории Молдавии [Лапушнян, Никулицэ, Романовская, 1974. Рис. 28: 2, 3]. Двушипные наконечники стрел, подобные чечерскому, встречены в Новгороде в слоях XI–XII вв. [Медведев, 1959. С. 121–191. Рис. 13: 11, 12. Табл. 9]. Связь указанного предмета с древнерусским временем, то есть с летописным Чичерском, на детинце которого он и был найден, весьма вероятна. Иными словами «почепцы» в Чечерске при внимательном рассмотрении оказываются таким же миражом, как и «юхновцы». Таким образом, никаких оснований датировать Чечерское городище периодом римских влияний нет.

Следующий пример — городище у д. ***Отрубы*** Жлобинского района Гомельской области. Здесь многолетние раскопки проводит Н. Н. Дубицкая, которая первоначально заключительный этап заселения данного городища связывала с носителями зарубинецкой культуры [Дубицкая, 2003. С. 60–74]. В более поздних публикациях третий (заключительный) этап его заселения связывается уже не с зарубинецким, а с постзарубинецким населением I–II вв. н. э. [Дубицкая, 2008. С. 210–211; Дубицкая, 2008а. С. 194–204]. Что же послужило основанием для столь радикального изменения датировок? Всего

две находки в раскопе X 2006 года: железные обломок двушипного дротика (рис. 3: 7) и фрагмент посоховидной булавки с ромбическим сечением стержня. Относительно последней находки отметим сразу, что в публикациях даны на иллюстрации два разреза этого предмета и оба не ромбические в сечении, а круглые [Дубицкая, 2008. Рис. 1: 5; 2008а. Рис. 4: 5]. Что касается двушипного пера дротика, то он не имеет каких-либо специфических для римского периода признаков, например орнамента, рун или особой формы пера. Судя по малому диаметру начала втулки (6 мм), дротик, скорее всего, имел длинную втулку. Подобные дротики бытовали в Восточной Европе со скифского времени вплоть до Средневековья. Двушипный дротик с длинной втулкой найден в милоградском слое Уваровичского городища Буда-Кошелевского района Гомельской области (рис. 3: 8) и в раннем погребении (№189) Чаплинского могильника (рис. 3: 5) [Поболь, 1971. Рис. 55: 1]. Даже такая черта, как отогнутость наружу шипов пера дротика, известна на экземплярах предримского времени [Łuczkiewicz, 2006. Ryc. 47: 4–6; 48: 1; 49: 1]. Иными словами, никаких достоверных материалов периода римских влияний на городище Отрубы нет. Глиняная посуда зарубинецкого облика из этого памятника вполне сопоставима с керамическим комплексом чечерской группы (типа Кистени—Чечерск) верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры [Дробушевский, 2012. С. 306–329].

Таким образом, на территории Гомельского Поднепровья, несмотря на неоднократно предпринятые в последнее время попытки, выделить городища периода римских влияний не удалось.

Не вызывает сомнений факт существования городищ периода римских влияний в ***Центральной и Северной Беларуси*** в ареале культур штрихованной керамики и днепро-двинской. И тем не менее следует отметить, что хронология и периодизация самого массового материала (керамики) для культур штрихованной керамики и днепро-двинской римского периода до сих пор не разработана. Значительная часть, например, городищ Центральной Беларуси, на которых вообще не производились раскопки, отнесена к II–IV, III–IV или II–V вв. лишь на основании находок керамики ребристых форм из поверхностных сборов и шурфов. Этим самым создается иллюзия массового характера функционирования городищ в период римских влияний на этой территории. Время появления посуды ребристых форм в культуре штрихованной керамики А. А. Егорейченко относит к I в. до н. э., а литовские археологи и А. М. Медведев — к последней четверти I тыс. до н. э. или, точнее, ко II в. до н. э. [Егорейченко, 2006. С. 109; Медведев, 1996. С. 45; Медведев, 2011. С. 69]. Поэтому эта категория находок сама по себе не может служить основанием для узких датировок и тем более исключительно римским периодом.

II группа городищ

Теперь обратимся к городищам второй группы, то есть к тем археологическим памятникам, на которых выявлены материалы бесспорно римского времени, но нет данных о синхронных оборонительных сооружениях.

На городище ***Лиски*** Речицкого района Гомельской области М. И. Лошенков исследовал более 2,6 тыс. м^2, также была произведена прорезка оборонительного вала. Абсолютное большинство полученных в ходе раскопок материалов относится к милоградской культуре VII–III вв. до н. э. На этом городище была обнаружена бронзовая подковообразная фибула с выемчатыми эмалями (рис. 4: 7), датируемая II в. н. э. [Лошенков, Барцева, 1995. С. 97]. Разумеется, данный предмет к милоградской культуре никакого отношения не имеет. Из более 32 тыс. фрагментов керамики удалось выделить около 70 «позднезарубинецкого культурного круга». Никаких других объектов римского времени на городище Лиски выявлено не было. Эти находки, по мнению В. Г. Белевца, указывают на то, что во II в. н. э. Лисковское городище в течение какого-то (вероятно, непродолжительного) периода использовалось населением позднезарубинецкого культурного круга [Белевец, 2012. С. 281–305]. Прорезка вала в Лисках не зафиксировала каких-либо следов оборонительных сооружений римского времени [Лошенков, 2011. С. 78–80], поэтому говорить о функционировании здесь укрепленного поселения в это время нет никаких оснований. Видимо, позднезарубинецкое население посещало этот памятник лишь эпизодически.

Второй пример — городище ***Лемница*** Белыничского района Могилевской области. Во время раскопок здесь найдена среднеевропейская железная В-образная пряжка с рифлением, датированная второй-третьей четвертями V в. н. э., которая наряду с другими находками (стеклянные бусы III в. до н. э. — V в. н. э.), по мнению А. М. Медведева, свидетельствуют о существовании днепро-двинской культуры в этом районе вплоть до V в. [Медведев, 1996. С. 162–171]. По иному эти же материалы интерпретируют Н. В. Лопатин и А. Г. Фурасьев. По их мнению, так как на городище найдена керамика круга киевской культуры, то вышеуказанные находки к днепро-двинской культуре отношения не имеют [Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 63, 78]. Какие-либо другие объекты римского периода на городище Лемница не выявлены. Следы оборонительных сооружений на этом городище не изучались, поэтому не исключено, что в римское время этот памятник укрепленным поселением и не был.

В подавляющем большинстве случаев на городищах II группы оборонительные сооружения не изучались. Находки периода римских влияний на этих памятниках, как правило, единичны. Наличие на городищах II группы отдельных образцов постзарубинецкой и киевской керамики (Клишино, Замошье, Заговалино, Казиново, Старое Село, Бураково, Вышедки и др.), а также расположение в непосредственной близости от них селищ типа Абидня — Заозерье (Толкуны, Дедиловичи, Клишино, Черная Лоза, Казиново, Бураково, Прудники, Некасецк, Городище Мядельского района, Ревячка, Бирули и др.) сводит к нулю достоверность их функционирования как укрепленных поселений культур штрихованной керамики и днепро-двинской в период римских влияний.

Необходимо также отметить, что во II–I вв. до н. э. ***на Могилевском левобережье Днепра и в Витебском Подвинье*** днепро-двинские городища сменяются поселениями типа среднего слоя Тушемли (Витебск, Кричев, Карабаново, Устье, Жуково, Радомля) [Дробушевский, 2011. С. 76–83]. Эти памятники продолжают существовать вплоть до раннеримского времени, постепенно сменяясь древностями киевской культуры типа Абидня—Заозерье. Часть корпуса бронзовой фибулы (рис. 6: 9) (аналогии бытовали до V в.), найденной в верхней части среднего стратиграфического слоя городища ***Городец близ Кричева*** [Мяцельскі, 2003. С. 19, мал. 16: 7], могла быть связана со следующим этапом заселения данного памятника. В верхнем слое Кричевского городища обнаружена лепная керамика типа верхнего слоя Тушемли, то есть V–VII вв. [Мяцельскі, 2003. С. 20, мал. 22: 1–4].

Также неоднозначно интерпретируется материал из городища ***Ивань*** Слуцкого района Минской обл. Автор раскопок относит данное городище к милоградской культуре и поздней культуре штрихованной керамики, определяя верхнюю дату обитания здесь «штриховиков» временем не позднее фазы B1b центральноевропейской шкалы (40–70-е гг.). Дата эта установлена по глазчатой фибуле типа V серии А (по Р. Ямке) (рис. 6: 4) [Егорейченко, 1996. Табл. I].

Проблема в отношении интерпретации материалов из городища Ивань (как и ряда других памятников) заключается не только в хронологии. На мой взгляд, может быть иной и культурная интерпретация материалов, полученных на Иваньском городище. Автор раскопок А. А. Егорейченко выделил на городище Ивань раннезарубинецкую керамику, которая, по его мнению, наряду с другими предметами свидетельствует об активных контактах обитателей городища («штриховиков») со своими южными соседями «зарубинцами». Смущает при этом несколько обстоятельств. Во-первых, почему на соседнем (10 км от Ивани) городище культуры штрихованной керамики у д. Ленино Слуцкого района зарубинецкая керамика отсутствует. Во-вторых, на Иваньском городище нет многих типов зарубинецкой посуды, как по форме, так и по орнаментации характерных именно для ранних зарубинецких памятников Припятского Полесья. Среди нелощеных зарубинецких горшков на Иваньском городище А. А. Егорейченко выделил две группы. Первую группу составляют округлобокие горшки с плавно изогнутым или почти вертикальным венчиком, высота которого не превышает 2 см. Вторая группа представлена горшками со слегка отогнутым наружу венчиком и слабовыраженным плечиком, переходящим в округлое тулово. Известно всего лишь два венчика, происходящих из Ивани, по краю которых имеются пальцевые вдавления (рис. 5: 5) [Егорейченко, 1996. С. 32]. Обе эти группы нелощеных сосудов имеют аналогии среди округлобоких горшков раннеримского времени типа I-1 вариантов а, б для позднезарубинецких памятников [Терпиловский, 2004. Рис. 1] и зубрицкой культуры на территории Волыни [Козак, 2008. Рис. 24: 8–10; 25: 2–6, 9].

Среди лощеной посуды Иваньского городища явно доминируют миски ребристых форм (рис. 5: 24–35), что не характерно для раннезарубинецких комплексов. Формы лощеных мисок также имеют аналогии среди позднезарубинецких и зубрицких (II фаза) памятников [Терпиловский, 2004. Рис. 1; Козак, 2008. Рис. 27: 9; 28: 5, 9]. На иваньской лощеной посуде присутствует декор в виде линий, а то и символические изображения, что более характерно именно для позднезарубинецких памятников [Заверняев, 1969. С. 88–118. Рис. 10: 1; 11: 17–19; Терпиловский, 2004. Рис. 9: 4; 15: 1; 19: 3]. На городище Клишино Крупского района Минской обл. обнаружен небольшой округлобокий сосудик позднезарубинецкого облика с насечками по краю венчика, украшенный символическим орнаментом (рис. 5: 40). Ряд элементов орнаментации (рис. 5: 18, 36) имеют аналогии в пшеворской культуре [Dąbrowska, 1997. Taf. LXXXVI: 14; Andrzejowski, 1998. Pl. XC: 4]. Все это указывает, что эта «зарубинецкая» керамика в Ивани появилась на заключительном этапе функционирования или после того как «штриховики» это городище покинули. Таким образом, глазчатая фибула, как и другие материалы раннеримского времени, могут и не иметь отношения к культуре штрихованной керамики. Неясно также, использовалось ли Иваньское городище в период римских влияний по своему прямому назначению или служило временным пристанищем для пришельцев в своем продвижении на север.

Возможно, что в будущем будут внесены изменения в культурно-хронологическую интерпретацию городища ***Мысли*** Копыльского района Минской обл., где широкомасштабные работы в 70–80-е гг. XX в. вёл М. Ф. Гурин [Гурин, 2000. С. 24–39]. К сожалению, о результатах раскопок есть только краткая информация, а более 100 тыс. фрагментов глиняной посуды еще не введены в научный оборот. Следы оборонительной стены, изученной М. Ф. Гуриным, могли быть возведены еще в конце предримского периода. По мнению А. А. Егорейченко, городище Мысли функционировало непродолжительное время, а жизнь на нем прекратилась в раннеримское время (центральноевропейская фаза B1b) [Егорейченко, 2006. С. 72, 109]. Поэтому обломок язычка бронзовой пряжки эпохи Великого переселения народов (рис. 4: 20) пока преждевременно связывать именно с культурой штрихованной керамики. Во всяком случае А. М. Медведев в своем своде памятников раннего железного века Белорусского Понеманье городище Мысли как памятник культуры штрихованной керамики обозначил под вопросом [Медведев, 2011. С. 312. № 244*].

Говоря о городищах II группы, не следует забывать и принципиальную ***разницу между ними и закрытыми комплексами*** из погребений на могильниках. Понятно, что на городищах, которые многократно заселялись и перестраивались, закрытых комплексов мало. Часто из-за стратиграфической нерасчлененности культурного слоя городищ исследователи вынуждены рассматривать разнотипную по происхождению керамику как синхронную [Харитонович, 2010. С. 252–260], что не всегда верно. Поэтому, рассматривая хронологию и периодизацию того или иного памятника, надо быть крайне осторожным и ни в коем случае не оперировать предметами, которые имеют широкие датировки.

Показательны два принципиально разных подхода к этой проблеме со стороны А. А. Егорейченко и А. М. Медведева по поводу финальной даты культуры штрихованной керамики на территории Республики Беларусь. Первый для определения поздней даты этой культуры использует только узко датируемые вещи, как правило фибулы, в то время как А. М. Медведев определяет даты больше исходя из подбора нужных аналогий предметам, которые явно узких дат не имеют. Естественно, выводы у исследователей получились разные. По А. А. Егорейченко исчезновение большинства городищ культуры поздней штрихованной керамики относится к концу II–III в. [Егорейченко, 2006. С. 111], а А. М. Медведев, напротив, выделил 4 стадию в развитии этой культуры, датируемую им второй половиной III–первой половиной V в. [Медведев, 2011. С. 79. Рис. 2.49]. Рассмотрим некоторые примеры.

Железный наконечник копья из городища ***Кащеличи*** (рис. 3: 9) А. М. Медведев соотносит с типом IVБ по В. Казакявичюсу и датирует IV–V вв. [Медведев, 2011. С. 45. Рис. 2.31: 7; 2.49]. Хотя данный наконечник копья не сохранился полностью, по пропорциям втулки и пера, линзовидному сечению пера без четко выраженного ребра он мало отличим от чаплинских экземпляров (тип Ia по О. А. Радюшу) [Радюш, 2011. С. 6–31]. Аналогичные наконечники копий известны в пшеворских погребениях фаз A2–A3, то есть предримского времени [Łuczkiewicz, 2006. Вариант D. S. 111–112. Ryc. 35: 3–5]. Каменные пряслица из Кащелич и Красного (рис. 4: 6) А. М. Медведев датирует III–V вв. [Медведев, 2011. С. 41–42. Рис. 2.26: 1–3]. Однако подобные каменные пряслица

известны и в предримское время [Bokiniec, 2008. S. 97. Zestawienie 24: 1].

Надежность датировок плохо сохранившегося железного наконечника копья из городища ***Малышки*** (IV–V вв.) и овальной железной пряжки (2-я половина III – 1-я половина IV в.) [Медведев, 2011. С. 45. Рис. 2.31: 4] сомнительна. Около городища расположено селище банцеровской культуры [Поболь, 1981. С. 356. № 113], что снижает достоверность принадлежности этих вещей из городища Малышки именно к культуре штрихованной керамики.

2-й половиной IV – 1-й половиной V в. (около 350–450 гг., центральноевропейская фаза D по К. Годловскому) датируют А. А. Егорейченко и А. М. Медведев железную овальную пряжку из городища у д. ***Городище*** Мядельского района Минской обл. [Егорейченко, 2006. С. 111; Медведев, 2011. С. 48. Рис. 2.33: 4]. Однако и в этом случае рядом (у подножия городища) расположено селище банцеровской культуры. Материалы последней выявлены и на самом городище [Митрофанов, 1978. С. 89–94; Поболь, 1981. С. 371–372. № 314, 315]. Бронзовая трапециевидная подвеска, украшенная точечным чеканным орнаментом в нижней части, датирована А. М. Медведевым IV–V вв. [Медведев, 2011. С. 57. Рис. 2.40: 9]. Последние хорошо известны по материалам памятников банцеровской культуры и культуры длинных курганов. О невозможности датировать шпоры с крючками исключительно III–V вв. н. э. уже сказано выше. Шпоры, подобные найденной на городище у д. Городище [Медведев, 2011. С. 49. Рис. 2.33: 18] хорошо известны в банцеровской культуре [Митрофанов, 1978. Рис. 52: 19; 54: 6; 58: 27–29].

На селище ***Избище*** найден обломок железной фибулы со сплошным приемником (рис. 6: 6) [Медведев, 2011. С. 52. Рис. 2.34: 6]. По классификации Е. Л. Гороховского данная фибула может быть отнесена к фибулам типа Б2е и датироваться около 330–430 гг. [Гороховский, 1988. С. 35, 44–45]. Две бронзовые фибулы с подвязным приемником обнаружены на селище ***Микольцы*** (в слое культуры штрихованной керамики) (рис. 6: 7, 8) [Медведев, 2011. С. 52. Рис. 2.34: 7, 8]. Первая фибула принадлежит к крупными изделиям (тип Б1а — по Е. Л. Гороховскому) и датируется около 270–330 гг. Вторую фибулу можно отнести к типу Б3а (по Е. Л. Гороховскому) и датировать около 350–430 гг. [Гороховский, 1988. С. 35, 43, 44]. Указанные находки не выявлены в закрытых комплексах культуры штрихованной керамики. На селище Избище Г. В. Штыхов обнаружил керамику киевской культуры с расчесами [Штыхаў, 2007. С. 47]. Н. В. Лопатин и А. Г. Фурасьев включили Избище и Микольцы в круг памятников типа Заозерье [Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 126, 127, № 45, 47]. Следовательно, связь этих фибул с культурой штрихованной керамики не бесспорна.

Неясно, по каким причинам А.М. Медведев отнес две железные посоховидные булавки с ромбическим сечением в верхней части из городища ***Ревячки*** Мядельского района Минской области (рис. 7: 2) к 4 стадии культуры штрихованной керамики, то есть 2-й половине III – 1-й половина V в. [Медведев, 2011. С. 54. Рис. 2.37: 12, 13]. Эти булавки не являются узко датирующими предметами. Они хорошо известны в более раннее время, например, в милоградской культуре VII–III вв. до н. э. Южной Беларуси [Лошенков, 2011. С. 195. Рис. 61: 11].

Вызывает сомнения связь с культурой штрихованной керамики обломка бронзового пластинчатого браслета, на внешней стороне которого имеется выступ-ребро, с селища Ревячка [Медведев, 2011. С. 77. Рис. 2.39: 4]. Здесь известны объекты банцеровской культуры V–VI вв., с которой, видимо, данный предмет и связан [Митрофанов, 1978. С. 87].

Для обоснования поздней даты (V в.) культуры штрихованной керамики приводится находка развала ребристого горшка со штрихованной поверхностью из заполнения печи-каменки срубной полуземлянки 4 селища Ревячки [Егорейченко, 2006. С. 64]. По мнению А. Лухтанаса, этот уникальный случай не является достаточным основанием для отнесения этого памятника к культуре штрихованной керамики. По его мнению, жизнь на городищах культуры штрихованной керамики прекращается на рубеже II и III вв. [Лухтанас, 2001. P. 24, 25]. По Н. В. Лопатину и А. Г. Фурасьеву, выводы о совместном бытовании на селище Ревячка культуры штрихованной керамики и ранней банцеровской недостаточно обоснованы. Данное поселение указанные исследователи включили в круг памятников типа Заозерье [Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 125–126, № 41]. Случаи вторичного использования более древних предметов, в том числе и глиняных сосудов, хорошо известны. С другой стороны, неясно на каком основании полуземлянка 4 селища Ревячка датирована именно V в. В Белорусском Поднепровье (например, в Тайманово) наиболее ранние полуземлянки срубной конструкции с печами-каменками появляются еще в 170–220 гг. [Дубицкая, 2011. С. 87, 94].

Стеклянные и янтарные ***бусы*** из селища Избища, городищ г.п. Городище Барановичского района Брестской обл. и Ревячки [Медведев, 2011. Рис. 2.49: 16, 12, 13, 19] имеют широкие даты в пределах I–IV или II–V вв. Не совсем понятно, почему одни исследователи отдают предпочтение классификации и хронологии античных бус Е. М. Алексеевой, а другие — М. Темпельманн-Мончыньской. Последняя работа посвящена бусам римского периода и ранней фазы Великого переселения народов центральноевропейского Барбарикума. Находки предримского периода М. Темпельманн-Мончыньска практически не рассматривала. Тем не менее она специально отметила, что бусы зарубинецкой культуры относятся к младшему предримскому периоду [Tempelmann-Maczyńska, 1985. S. 130]. Если у Е. М. Алексеевой бусы того или иного типа датированы более ранним временем, чем у М. Темпельманн-Мончыньской, то это свидетельствует только об одном — эти бусы бытовали продолжительное время.

Итак, при строгом рассмотрении 4 стадия (2-я половина III – 1-я половина V в.) культуры штрихованной керамики на территории Республики Беларусь А. М. Медведевым выделена искусственно, без привлечения находок, достоверных в культурно-хронологическом отношении. Кроме того, большинство предметов выделенных этим исследователем 2 и 3 стадий культуры штрихованной керамики синхронны [Медведев, 2011. Рис. 2.47 и 2.48], видимо, имеет смысл объединить их в одну стадию. Судя по всему, правы те исследователи, которые считают, что «городищенский» период на центральнобелорусских землях в целом завершился в III в. н. э.

Симптоматична в этом плане карта распространения в регионе памятников постзарубинецкого и киевского круга (рис. 2). Древности эти пока плохо изучены, но с каждым годом количество таких пунктов возрастает. Селища киевской культуры (типа Абидня—Заозерье) пока не зафиксированы в верховьях Немана, Случи, Птичи, Свислочи, Друти, в районе Браславских и Освейского озер. Возможно, именно здесь местное население могло сохранить свои традиции с эпохи раннего железа вплоть до конца периода римских влияний.

III группа городищ

К III группе отнесены памятники, на которых не только выявлены материалы рассматриваемого периода, но и изучены следы синхронных оборонительных сооружений. Таких городищ на территории Беларуси всего семь (Новое Село, Зазоны, Прудники, Горани, Малышки, Кащеличи и Лабенщина), причем основная часть из них расположена на северо-западе, в районах, прилегающих к Литве и Латвии (рис. 2). Однако здесь возникают проблемы иного порядка, а именно культурно-хронологической интерпретации полученных материалов.

По мнению автора раскопок П. Н. Подгурского, второй период жизни на городище ***Новое Село*** Сенненского района Витебской обл. датируется III–IV вв. (стратиграфически не выделяется). Зафиксированы обгорелые остатки бревен, угли, развалы очагов от построек, возможно срубной конструкции. Найдена керамика с расчесами (1,2 % от количества всей глиняной посуды), подвязная фибула, железные наконечники стрел, стеклянная бусина (рис. 3: 11, 13; 6: 5), которые бесспорно датируются периодом римских влияний. По мнению автора раскопок после IV в. жизнь на поселении прервалась [Подгурский, 2003. С. 466–468; 2005; Падгурскі, 2011. С. 136]. Данный памятник Н. В. Лопатин и А. Г. Фурасьев включили в круг древностей киевской культуры типа Заозерье [Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 123, № 29].

На городище ***Зазоны*** в Браславском Поозерье в ходе раскопок А. А. Егорейченко обнаружен бронзовый наконечник пояса, который на дисковидной части имеет углубление с остатками красной эмали в форме креста, концы которого завершаются окружностями (рис. 7: 10). Данный предмет исследователь относит к фазе B2/C1 или C1 по центральноевропейской шкале [Егорейченко, 2006. С. 87–88, 110. Табл. 59: 4. Рис. 23: 9]. Несмотря на то что в Зазонах следы оборонительных сооружений периода римских влияний не зафиксированы, учитывая расположение данного памятника на крайнем северо–западе рассматриваемого региона, это городище отнесено к III группе условно.

Городище ***Прудники*** Миорского района Витебской обл. (IV–XVI вв.), нижний пласт которого В. И. Шадыро датирует IV–V вв. По мнению исследователя, Прудники являлось классическим городищем-убежищем, где до конца X в. проживало латгальское население [Шадыра, 2006. С. 9, 24, 48, 124]. Рядом с городищем расположено селище V – начала XI в. Достоверные данные о наличии укреплений римского времени в Прудниках отсутствуют, поэтому данное городище отнесено к III группе также условно.

Также условно отнесено к III группе городище ***Горани*** Сморгонского района Гродненской обл. Здесь выявлены железные булавки с костяными катушковидными головками (рис. 7: 1), датируемые А. М. Медведевым I–III вв. н. э. (центральноевропейские фазы B1–B2/C1) [Медведев, 2011. С. 53. Рис. 2.36: 2–7]. Более точно определить верхнюю дату городища Горани не представляется возможным. Данные о наличии оборонительных сооружений периода римских влияний на этом памятнике отсутствуют.

Завершение жизни на городище ***Малышки*** Вилейского района Минской обл. А. А. Егорейченко датирует римским периодом [Егорейченко, 2006. С. 107. Рис. 23]. По центральноевропейской шкале к фазе B1 принадлежит железная восьмеркообразная пряжка (рис. 7: 6), к B2/C1 — бронзовая подковообразная фибула с эмалевыми вставками (рис. 4: 15), к C1 или C2 — железная овальная пряжка (рис. 7: 5). Хотя оборонительные сооружения этого времени здесь также не изучены, само расположение жилых и хозяйственных построек на площадке указывает на их наличие.

На городище ***Кащеличи*** Воложинского р-на Минской обл. (раскопки А. А. Егорейченко и А. М. Медведева) выделено пять горизонтов застройки и укреплений. В третьем горизонте Кащелич найдена бронзовая фибула типа Альмгрен 68 (рис. 6: 3), датируемая фазой B1 [Медведев, 2011. С. 71–72. Рис. 2.34: 1]. Следовательно, как третий, так и последующие два (4 и 5) строительных горизонта в Кащеличах относятся к римскому периоду. На невозможность датировать финал городища Кащеличи IV–V вв. указано выше. По А. А. Егорейченко финал городища датируется несколько раньше — синхронно фазам C1 или C2 [Егорейченко, 2006. С. 108. Рис. 23].

Бесспорно к городищам III группы относится ***Лабенщина*** Минского района и обл. Как показали раскопки, ранний период жизни на Лабенском поселении завершился большим пожаром, слой которого перекрывает нижний горизонт. Новый этап жизни начался с перестройки на площадке городища и возведения на нем оборонительных сооружений [Митрофанов, 1978. С. 15–16]. Римский период функционирования городища Лабенщина датируется двумя железными пряжками (рис. 4: 18, 19) прямоугольной формы: одночастной (центральноевропейская фаза B1) и двучастной (фазы B2/C1a), а финал этого городища А. А. Егорейченко датирует фазой C1 [Егорейченко, 2006. С. 87. Табл. 59: 1, 5. Рис. 23: 4]. Для последней пряжки М. Б. Щукин также приводит аналогии и с памятников младшего предримского времени (фаза A3) [Щукин, 1995. С. 109–119].

Итак, почти все городища III группы периода римских влияний сосредоточены в северо-западной части Республики Беларусь, то есть в тех районах, где отсутствуют селища киевской культуры типа Абидня—Заозерье (рис. 1 и 2). Большинство из этих городищ прекратило свое функционирование ко времени фаз C1 или C2 центральноевропейской шкалы. Достоверных данных о существовании укрепленных поселений культур штрихованной керамики и днепро-двинской в конце позднеримского перида или начале эпохи Великого переселения народов (IV–V вв.) в настоящее время нет. Наличие отдельных находок этого времени на некоторых городищах (Городище, Лемница, Друцк, Кричев и др.) может указывать на возрождение традиции возведения укрепленных поселений, возможно, в связи с угрозами бурной гуннской эпохи, но уже новым населением — носителями позднекиевской и раннебанцеровской культур.

Исчезновение городищ в Центральной и Северной Беларуси началось еще на рубеже позднелатенского и раннеримского периодов (фаза A3/B1). В 70-е годы XX в. Л. Д. Поболь предполагал, что какая-то группа племен «позднего этапа зарубинецкой культуры» продвинулась в южные и юго-восточные районы культур штрихованной керамики и днепро-двинской [Поболь, 1971. С. 179]. Позднее он насчитал на территории Беларуси 517 «позднезарубинецких» селищ и пришел в выводу, что «штриховики» и «днепро-двинцы» были ассимилированы населением «позднего этапа зарубинецкой культуры» на протяжении III–IV вв. н. э. [Поболь, 1983. С. 40–41].

По предположению М. Б. Щукина, прекращение функционирования городищ культуры штрихованной керамики были вызваны неблагоприятной обстановкой в южнобалтийском регионе, которая сложилась на фазах B1b–B2 центральноевропейской шкалы, когда под давлением вельбарских племен какая-то часть носителей западно-

балтийской культуры была вынуждена отойти на территорию Литвы [Щукин, 1995. С. 115].

По А. А. Егорейченко, причины прекращения жизни на большинстве городищ центральной и северо-западной частей рассматриваемого региона уже в конце II — середине III в. остаются непонятными. Не исключается возможность, что этот процесс был вызван климатическими изменениями [Егорейченко, 2006. С. 112].

В противоположность вышеуказанным исследователям А. М. Медведев считает, что жизнь на городищах культуры штрихованной керамики продолжалась вплоть до середины V в., а затем они сменяются поселениями банцеровской культуры [Медведев, 2011. С. 79].

Как уже отмечалось выше, почти вся территория Республики Беларусь в период римских влияний была занята носителями позднезарубинецкой и киевской (типа Абидня—Заозерье) культур (рис. 2). На Средней Березине и в северной части Припятского Полесья жизнь на городищах культуры штрихованной керамики прекращается еще в конце предримского периода. Достоверные памятники этой культуры известны только в северо-западных районах рассматриваемого региона. То есть сокращение ареала городищ культуры штрихованной керамики на протяжении I–II вв. бесспорно. Еще раньше, во II–I вв. до н. э., днепро-двинские городища на востоке Могилевщины и Витебском Подвинье сменяются памятниками среднетушемлинского типа (возможно, и зарубинецкими). Достоверные городища днепро-двинской культуры периода римских влияний известны только в западной части Белорусского Подвинья, на остальной территории их сменяют памятники киевской культуры типа Абидня—Заозерье. Эти процессы можно связать с разновременным продвижением в северном и северо-западном направлениях носителей зарубинецкой, позднезарубинецкой и киевской культур. Несомненно, немалую роль в дестабилизации этнокультурной обстановки сыграло появление во 2-й половине II в. на юго-западе региона носителей вельбарской культуры [Вяргей, 1999. С. 298–316; Белявец, 2008. С. 124–142]. Носители культуры восточнолитовских курганов, видимо, сыграли минимальную роль в финале культуры штрихованной керамики Беларуси. Во-первых, поселения и могильники культуры восточнолитовских курганов занимают на территории Республики Беларусь небольшой регион в районе оз. Нарочь (рис. 2) и, во-вторых, появляются они здесь только в конце позднеримского периода.

Период римских влияний на территории Республики Беларусь нельзя рассматривать как поздний этап развития местных древностей эпохи раннего железа. В рассматриваемый период здесь появляется новое население, представленное другими археологическими культурами: вельбарской, киевской (типа Абидня—Заозерье) и восточнолитовских курганов. Для культур штрихованной керамики и днепро-двинской этот период является временем их постепенного исчезновения. Всё это позволяет считать период римских влияний самостоятельным этапом в древней истории рассматриваемого региона.

Литература

Белевец В. Г. Проблемы выделения памятников позднезарубинецкого круга в Белорусском Припятском Полесье // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3. Тула: Куликово поле, 2012. С. 281–305.

Белявец В. Помнікі вельбарскай культуры ў Турава-Пінскім Палессі: праблемы вывучэння // ГАЗ. Вып. 23. Мінск, 2008. С. 124–142.

Васкс А. В. Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа Латвии. Рига, 1991. 198 с.

Вяргей В. С. Помнікі вельбарскай культуры // Археалогія Беларусі. Т. 2. Жалезный век і ранняе сярэднявечча. Мінск, 1999. С. 298–316.

Гороховский Е. Л. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев, 1988. С. 34–46.

Гурин М.Ф. Археологические материалы из городища Мысли // ГАЗ. Вып. 15. Мінск, 2000. С. 24–39.

Дробушевский А. Хронология чечерской группы верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры // ГАЗ. Вып. 22. Мінск, 2006. С. 66–74.

Дробушевский А. Этнокультурные изменения в междуречье Днепра и Десны на рубеже нашей эры // ГАЗ. Вып. 26. Мінск, 2011. С. 76–83.

Дробушевский А. И. Памятники чечерской группы (типа Кистени—Чечерск) и древности Верхнего Поднепровья периода римских влияний // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3. Тула, 2012. С. 306–329.

Дубицкая Н. Н. Городище раннего железного века у д. Отрубы // МАБ. Вып. 7. Мінск, 2003. С. 60–74.

Дубицкая Н. Новые результаты полевых исследований памятников железного века в бассейне нижней Березины и Днепра // ГАЗ. Вып. 23. Мінск, 2008. С. 210–211.

Дубицкая Н. Н. 2008а. Раскопки городища у д. Отрубы на нижней Березине в 2006 г. // МАБ. Вып. 15. Мінск, 2008. С. 194–204.

Дубицкая Н. Полуземляночные постройки поселения Тайманово Быховского района Могилевской области // ГАЗ. Вып. 26. Мінск, 2011. С. 84–96.

Егорейченко А. А. Древнейшие городища Белорусского Полесья (VII–VI вв. до н. э. — II в. н. э.). Минск, 1996.

Егорейченко А. А. Культуры штрихованной керамики. Минск, 2006.

Заверняев Ф. М. Почепское селище // Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье. Сер. МИА. № 160. Ленинград, 1969. С. 88–118.

Каравайко Д. В. Памятники юхновской культуры Новгород–Северского Полесья. Киев, 2012.

Козак Д. Н. Венеди. Київ, 2008.

Лапушнян В. Л., Никулицэ И. Т., Романовская М. А. Памятники раннего железного века // Археологическая карта Молдавской ССР. Вып. 4. Кишинев, 1974.

Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н. э. Сер. РСМ. Вып. 8. Москва, 2007.

Лошенков М. И., Барцева Т. Б. К вопросу о бронзолитейном ремесле населения милоградской культуры // ГАЗ. Вып. 6. Мінск, 1995. С. 78–104.

Лошенков М. И. Городища милоградской культуры на территории Беларуси. Минск, 2011.

Лухтанас А. К вопросу об исчезновении культуры штрихованной керамики в бассейне Нерис (городища и селища в Кернаве) // Archaeologia Lituana. Т. 2. Vilnius, 2001. P. 22–28.

Медведев А. М. К вопросу о северной границе позднезарубинецкой и киевской культур в Верхнем Поднепровье // ГАЗ. Вып. 7. Мінск, 1996. С. 162–171.

Медведев А. М. Белорусское Понеманье в раннем железном веке (I тысячелетие до н. э. — 5 в. н. э.). Минск, 1996.

Медведев А. М. Верхнее Понеманье в железном веке и раннем средневековье. Минск, 2011.

Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. Сер. МИА. № 65. Москва, 1959. С. 121–191.

Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии (VII–VI вв. до н. э. — VIII в. н. э.). Минск, 1978.

Мяцельскі А. А. Старадаўні Крычаў: Гістарічна-археалагічный нарыс горада ад старажытых часоў да канца XVIII ст. Мінск, 2003.

Падгурскі П. М. Новае Сяло // Археалогія Беларусі: энцыклапедыя ў двух тамах. Т. 2. Мінск, 2011. С. 136

Пачкова П. С. Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы. Киев, 2006.

Пилипцевич В. В. К вопросу о поздней дате зарубинецкой культуры в Верхнем Поднепровье // Славянский мир Полесья в древности и средневековье. Гомель, 2004. С. 134–143.

Пилипцевич В. В. К вопросу о датировке оружия из могильников зарубинецкой культуры // Древности Белоруссии (железный век и средневековье) // МАБ. Вып. 9. Мінск, 2005. С. 90–97.

Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). Минск, 1971.

Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии (могильники раннего этапа зарубинецкой культуры). Минск, 1973.

Поболь Л. Д. Археологические памятники Белоруссии: Железный век. Минск, 1981.

Подгурский П. Н. Раскопки в Сенненском районе Витебской области // АО 2002 года. Москва, 2003. С. 466–468.

Подгурский П. Н. Раскопки в Сенненском районе Витебской области // АО 2004 года. Москва, 2005.

Радюш О. А. Предметы вооружения и кавалерийского снаряжения зарубинецкой культуры // Военная археология. Вып. 2. Москва, 2011. С. 6–31.

Рассадин С. Е. Отчет за 1983 г. // Архив Института истории Национальной академии наук Республики Беларусь, № 857.

Рассадзін С. Я. Ніжнесожскія гарадзішчы ранняга жалезнага веку: тыпалогія і культурна — храналагічная дыферэнцыяцыя // Весці Академия навук Белорусской ССР. Серыя грамад. навук. № 6. Мінск, 1991. С. 72–80.

Рассадин С. Е. Милоградская культура: ареал, хронология, этнос. Минск, 2005.

Рассадин С. Е. Юхновская культура в белорусско-российском Посожье // МАБ. Вып. 14. Мінск, 2007. С. 37–53.

Розенфельд И. Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. Москва, 1974. С. 90–197.

Терпиловский Р. В. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э. Сер. Monumenta studia Gothica III. Lublin, 2004.

Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. Москва; Ленинград, 1966.

Третьяков П. Н. Чаплинское городище // Памятники зарубинецкой культуры. Сер. МИА. № 70. Москва; Ленинград, 1959. С. 119–153.

Харитонович З. Особенности развития керамического комплекса городищ Центральной Беларуси // ГАЗ. Вып. 25. Мінск, 2010. С. 252–260.

Шадыро В. И. Ранний железный век северной Белоруссии. Минск, 1985.

Шадыра В. І. Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н. э.) Мінск, 2006.

Штыхаў Г. Археалагічны комплекс Шзбішча-Дзвінаса на Лагойшчыне // Acta Archaeologica Aibaruthenica. Vol. 2. Мінск, 2007. С. 45–67.

Штыхов Г. В. Археологическая карта Белоруссии. Вып. 2. Памятники железного века и эпохи феодализма. Минск, 1971.

Щукин М. Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994.

Щукин М. Б. Некоторые замечания о хронологии городищ культуры штрихованной керамики // Петербургский археологический вестник. Вып. 9. 1995. С. 109–119.

Andrzejowski J. Nadkole 2. A Cemetery of the Przeworsk Culture in Eastern Poland. Сер. Monumenta archaeological Barbarica. T. V. Kraków, 1998.

Benadík B., Vlček E., Amros C. Keltské pohrebiská na juhozápadnom Slovensku. Bratislava, 1957.

Bokiniec E. Kultura oksywska na ziemi chełmińskiej w świetle materiaływ sepulkralnych. Toruń, 2008.

Dąbrowska T. Kamieńczyk. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur in Ostmasowien. Сер. Monumenta archaeological Barbarica. T. III. Kraków, 1997.

Dąbrowska T. Młodszy okres przedrzymski na Mazowszu i zachodnim Podlasiu. Zarys kulturowo-chronolociczny. Warszawa, 2008.

Łuczkiewicz P. Uzbrojenie ludności ziem Polski w młodszym okresie przedrzymskim. Сер. Archaeologia militaria. T. II. Lublin, 2006.

Tempelmann-Maczyńska M. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Mainz am Rhein, 1985.

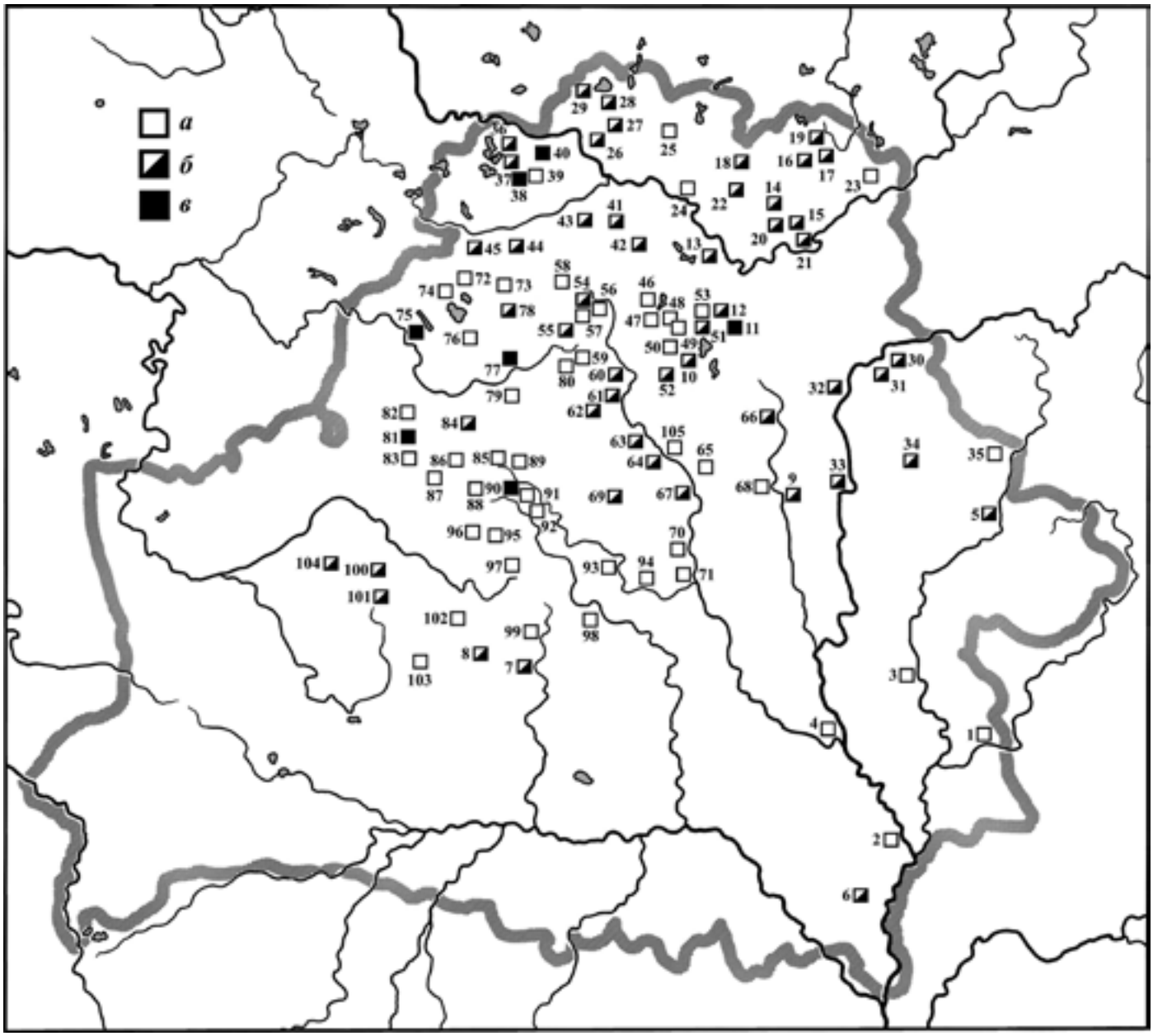


Рис. 1. Городища на территории Республики Беларусь, датированные периодом римских влияний.

а — I группы; *б* — II группы; *в* — III группы

1 — Подгорье; 2 — Чаплин; 3 — Чечерск; 4 — Отрубы; 5 — Кричев; 6 — Лиски; 7 — Ивань; 8 — Мысли; 9 — Лемница; 10 — Клишино; 11 — Новое Село; 12 — Замошье; 13 — Заговалино; 14 — Казиново; 15 — Старое Село; 16 — Бураково; 17 — Вышедки; 18 — Недружно; 19 — Жуково; 20 — Зароново; 21 — Витебск; 22 — Девички; 23 — Степановичи; 24 — Полоцк; 25 — Янковичи; 26 — Тясты; 27 — Барсуки; 28 — Абрамово; 29 — Урагово; 30 — Карабановичи; 31 — Вежки; 32 — Устье; 33 — Могилев (Змеевка); 34 — Радомля; 35 — Мстиславль (Девичья Гора); 36 — Ратюнки; 37 — Тарилово; 38 — Зазоны; 39 — Укля; 40 — Прудники; 41 — Кубличи; 42 — Городок, Полоцкий район; 43 — Поддубники; 44 — Запрудье; 45 — Великие Споры; 46 — Старый Лепель; 47 — Верабки; 48, 49 — Лепель-I, II; 50 — Забоенье; 51 — Новые Волосовичи; 52 — Черная Лоза; 53 — Боровно; 54 — Березино; 55 — Витуничи; 56, 57 — Осетичи; 58 — Бирули; 59 — Старое Запонье; 60 — Дедиловичи; 61 — Кимия; 62 — Васильковка; 63 — Новоселки; 64 — Слободка, Борисовский район; 65 — Дмитровичи; 66 — Друцк; 67 — Прибрежное (Лысуха); 68 — Эсьмоны; 69 — Прилепы; 70 — Городище, Березинский район; 71 — Свислочь; 72 — Ревячка; 73 — Некасецк; 74 — Боровые; 75 — Горани; 76 — Бояры; 77 — Малышки; 78 — Городище, Мядельский район; 79 — Безводное; 80 — Долгиново; 81 — Кащеличи; 82 — Монтатишки; 83 — Калдыки; 84 — Красное; 85 — Вязынка; 86 — Васьковцы; 87 — Узболоть; 88 — Замостяны; 89 — Збаровичи; 90 — Лабенщина; 91 — Банцеровщина; 92 — Дворище; 93 — Междуречье; 94 — Жужлянка; 95 — Старая Рудица; 96 — Держинск; 97 — Алеховка; 98 — Осовец; 99 — Слуцк; 100 — Воронча; 101 — Городище, Барановичский район; 102 — Качановичи; 103 — Клецк; 104 — Радогоща; 105 — Оздятичи.

(По А. А. Егорейченко, А. М. Медведеву, В. И. Шадыро с дополнениями автора)

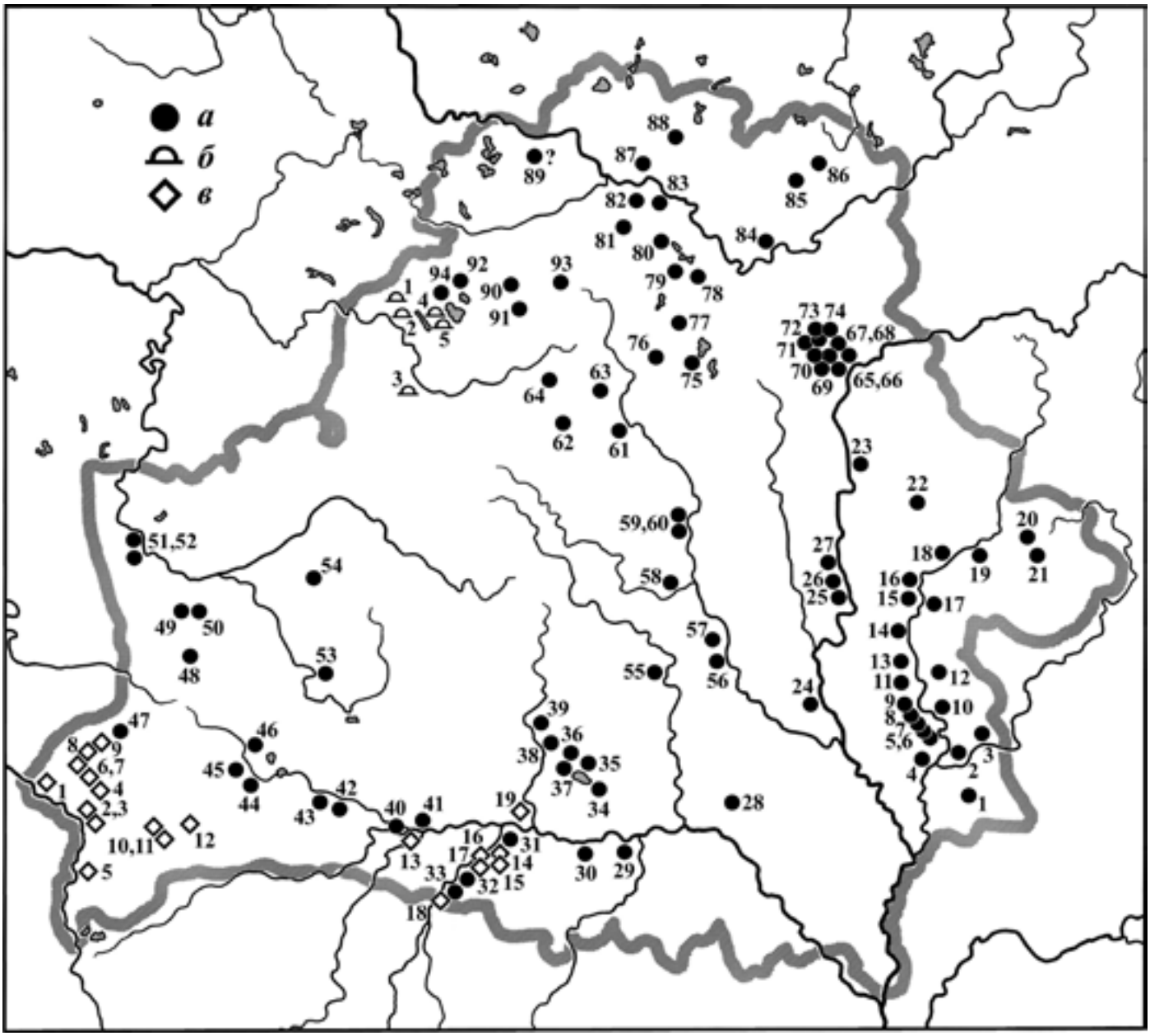


Рис. 2. Памятники периода римских влияний на территории Республики Беларусь.

а — постзарубинецкого круга и киевской культуры типа Абидня–Заозерье:

1 — Носовичи; 2 — Кленки; 3 — Демьянки; 4 — Гомель; 5, 6 — Шерстин-1, 2; 7 — Однополье; 8 — Присно; 9 — Шепотовичи; 10 — Речки; 11 — Бердыж; 12 — Гудок; 13 — Новый Млын; 14 — Деремянище; 15 — Глинка; 16 — Барсуки; 17 — Папоротки; 18 — Журавель; 19 — Гроново; 20 — Климовичи; 21 — Лозовица; 22 — Чаусы; 23 — Пруды; 24 — Проскурни; 25 — Новый Быхов; 26 — Абидня; 27 — Тайманово; 28 — Козловичи; 29 — Снядин-3; 30 — Черничи; 31 — Давыд-Городок; 32 — Отвержичи; 33 — Викоровичи; 34 — Озерное; 35 — Сорочи; 36 — Любань; 37 — Старые Юрковичи; 38 — Зажевичи; 39 — Метявичи; 40 — Площево; 41 — Курадово; 42 — Мерчицы; 43 — Мотоль-20; 44 — Сигневичи; 45 — Ревятичи; 46 — Заречье; 47 — Радость; 48 — Гледнявичи; 49, 50 — Красносельский; 51, 52 — Славичи; 53 — Подгорное; 54 — Толкуны; 55 — Симоновичи; 56 — Дедново; 57 — Щатково; 58 — Липень; 59, 60 — Красная Зорька; 61 — Гливин; 62 — Избище; 63 — Дедиловичи; 64 — Гуры; 65, 66 — Борань; 67 — Ломачино; 68 — Погост; 69 — Зайцево; 70 — Заболотье; 71 — Голошевка; 72 — Задровье; 73 — Репухово; 74 — Пильковичи; 75 — Клишино; 76 — Черная Лоза; 77 — Обузерье; 78 — Черствяды; 79 — Двор-Гомель; 80 — Вороничи; 81 — Двор Хоттевичи; 82 — Рудня; 83 — Бельчица; 84 — Казиново; 85 — Городок (Луговое); 86 — Бураково; 87 — Горовые; 88 — Повалишино; 89 — Прудники; 90 — Некасецк; 91 — Городище, Мядельский район; 92 — Ревячка; 93 — Бирули; 94 — Микольцы (Никольцы). (По В. Г. Белевцу, В. С. Вергей, Н. В. Лопатину с дополнениями автора).

б — культуры восточнолитовских курганов:

1 — Желядь; 2 — Пильваны; 3 — Понизье; 4, 5 — Засвирь (по А. М. Медведеву).

в — вельбарской культуры:

1 — Величковичи; 2, 3 — Брест-Тришин; 4 — Бобры; 5 — Збунин; 6, 7 — Скорбичи; 8 — Несвило; 9 — Черновчицы; 10, 11 — Петровичи; 12 — Пантюхи; 13 — Лемешевичи; 14 — Велемичи-I; 15 — Велемичи-II; 16 — Отвержичи; 17 — Струга-I; 18 — Бухличи; 19 — Микашевичи (по В. Г. Белевцу)

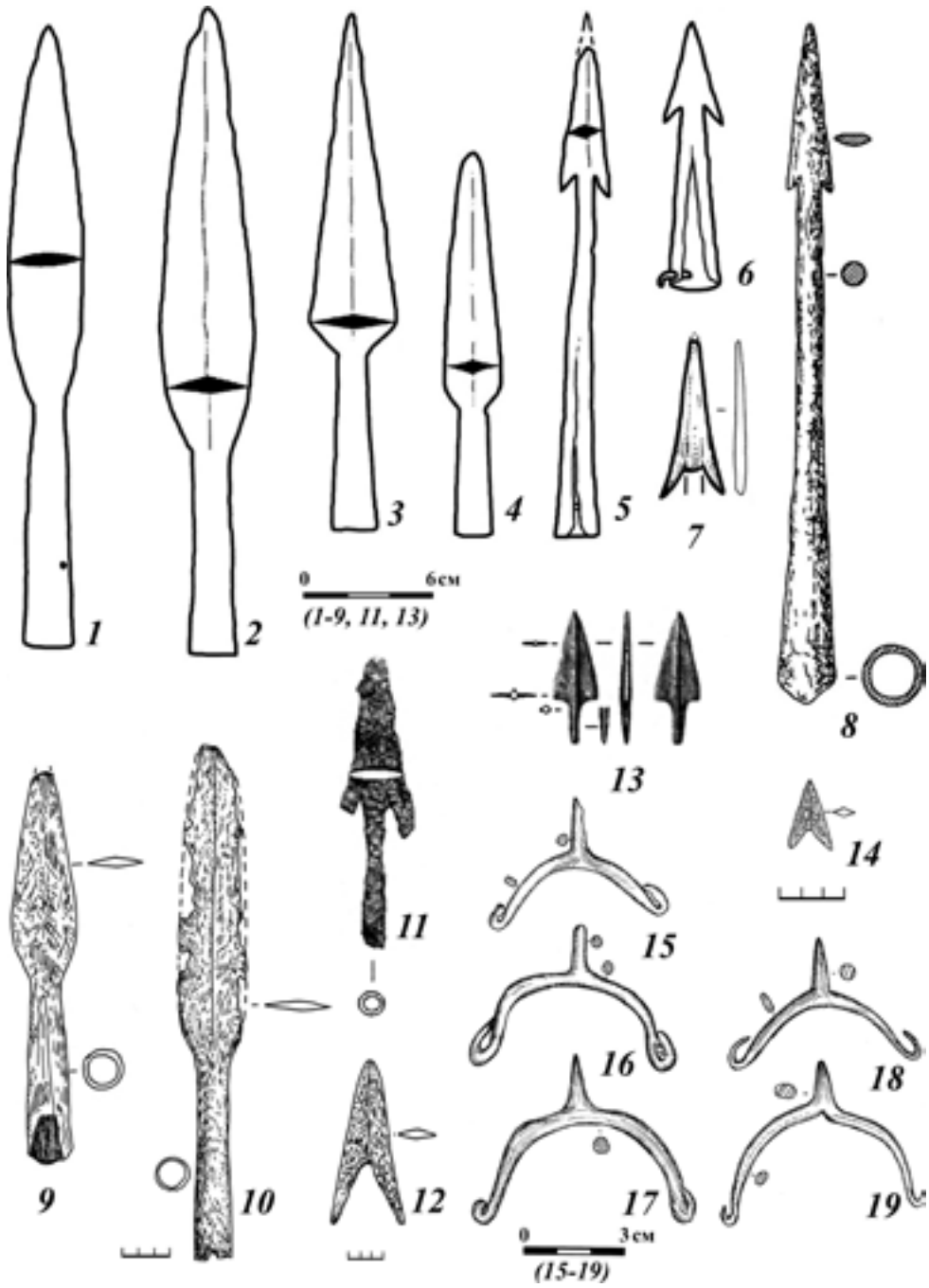


Рис. 3. Железные предметы вооружения и снаряжения всадника.

1–3, 5, 6 — могильник Чаплин; *4* — могильник Горошков, погр. 5; *7* — городище Отрубы; *8* — городище Уваровичи; *9* — городище Кащеличи; *10, 12* — городище Малышки; *11, 13* — городище Новое Село; *14* — городище у г.п. Городище Барановичского района; *15* — городище у д. Городище Мядельского р–на; *16* — городище Ивань; *17* — городище Лабенщина; *18* — городище Воронча; *19* — городище Аношки.

1 — тип Ia; *2* — тип Ib; *3* — тип II; *4* — тип III; *5* — тип IVa; *6* — тип IVb по О. А. Радюшу

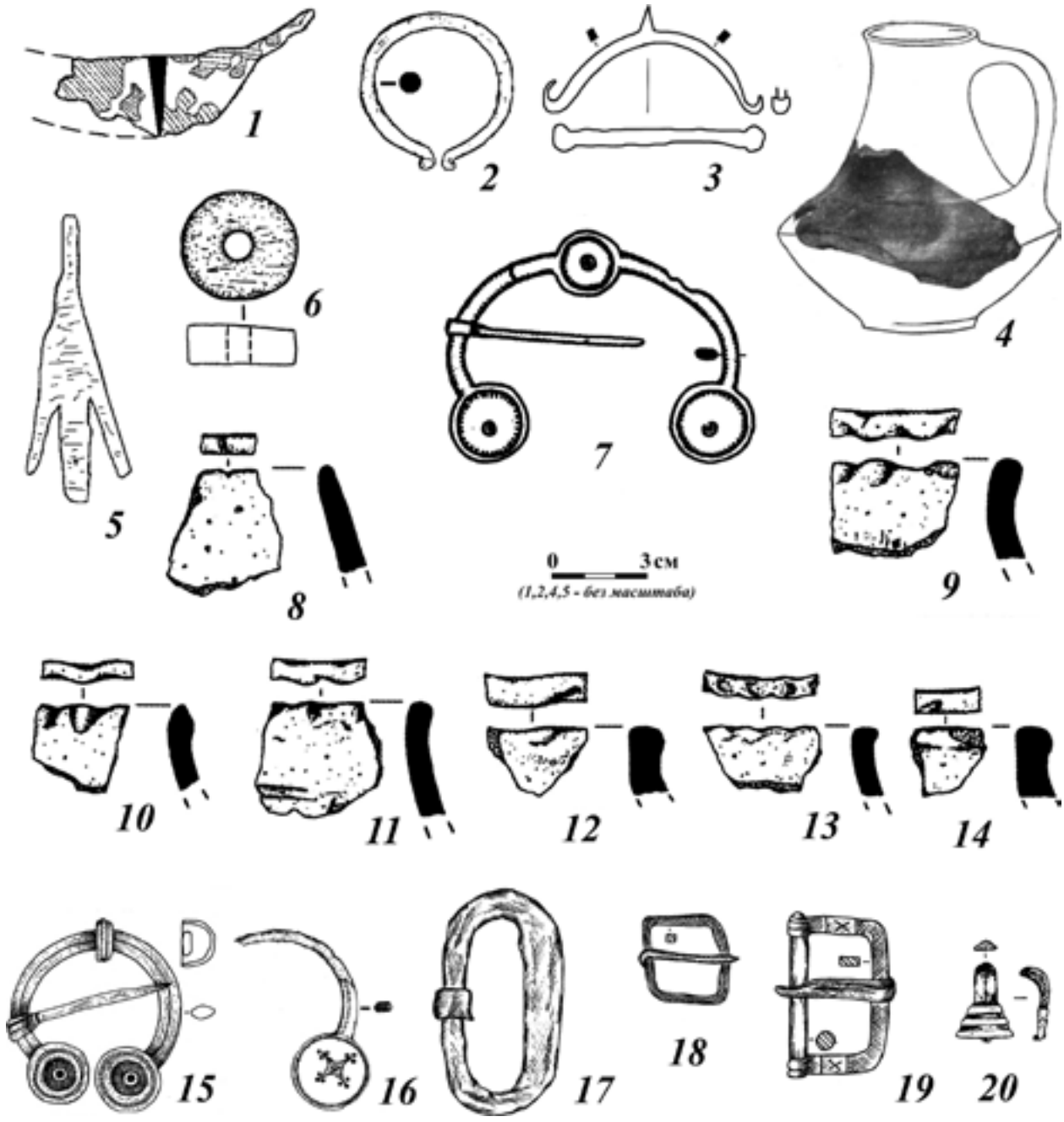


Рис. 4. Находки на городищах I–III групп, отнесенные к периоду римских влияний и началу эпохи Великого переселения народов.

1 — Подгорье; *2, 5* — Чечерск; *3, 4* — Чаплин; *6* — Кащеличи; *7–14* — Лиски; *15* — Малышки; *16* — Витуничи; *17* — Городище; *18, 19* — Лабенщина; *20* — Мысли.

1–3, 4, 17–19 — железо; *4, 6, 8–14* — глина; *7, 15, 16, 20* — бронза

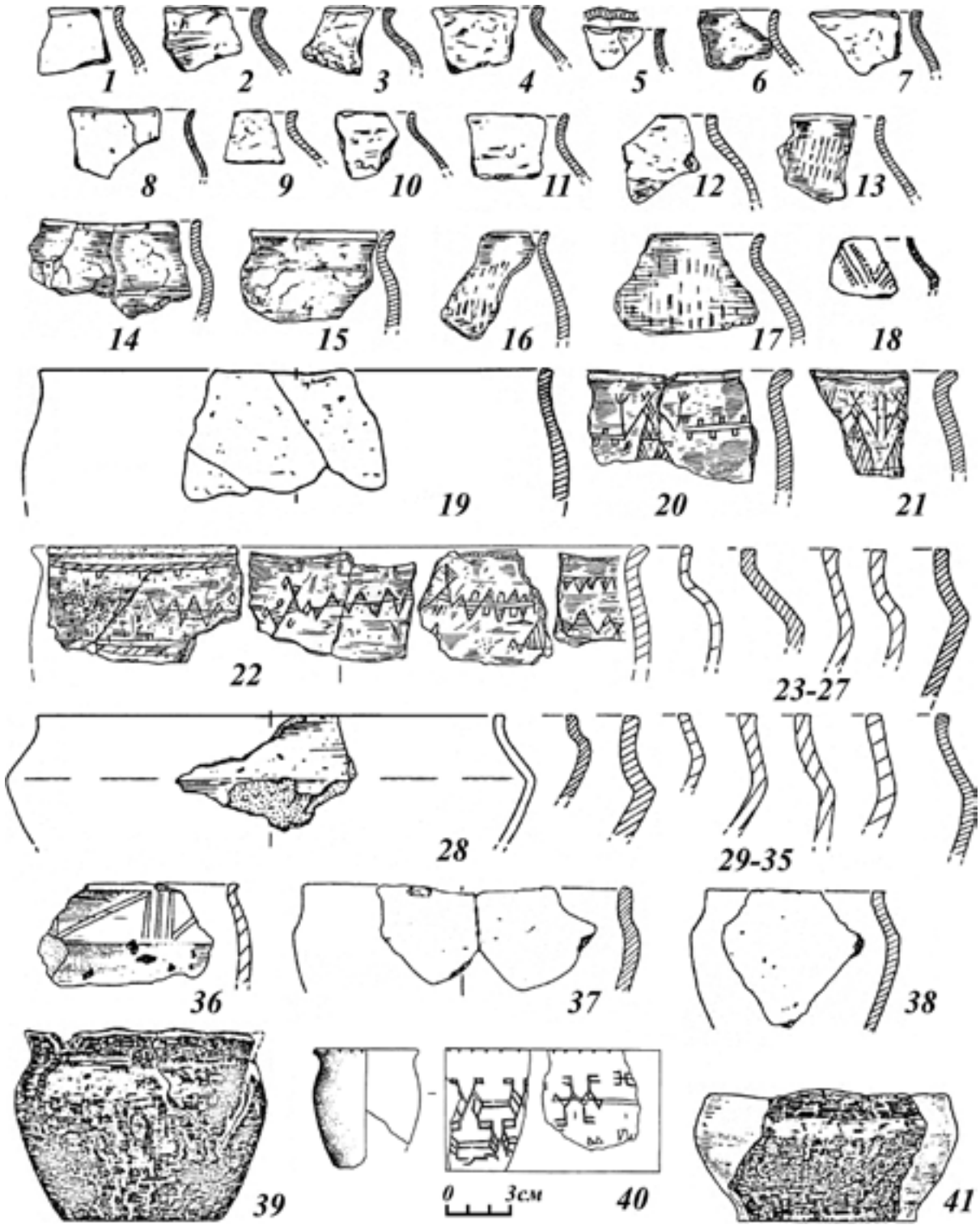


Рис. 5. Глиняная посуда с городищ Ивань (*1–39, 41*) и Клишино (*40*).
1–19, 40 — нелощеная; *20–39, 41* — лощеная.
(По А. А. Егорейченко и В. И. Шадыро)

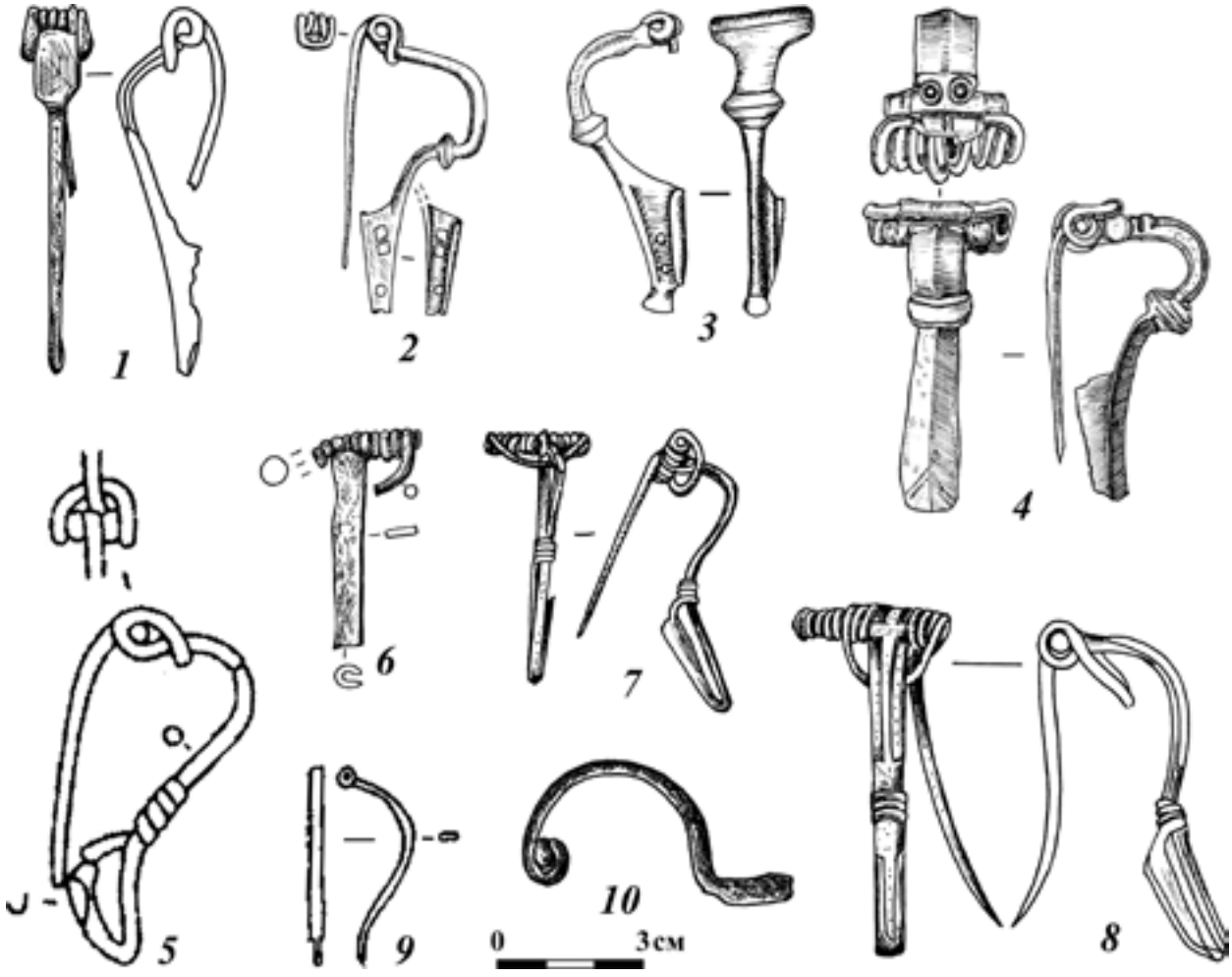


Рис. 6. Фибулы с поселений периода римских влияний.

1 — Малышки; *2* — Мысли; *3* — Кащеличи; *4* — Ивань; *5* — Новое Село; *6* — Избище (селище); *7, 8* — Микольцы (селище); *9* — Городец близ Кричева; *10* — Друцк (детинец)

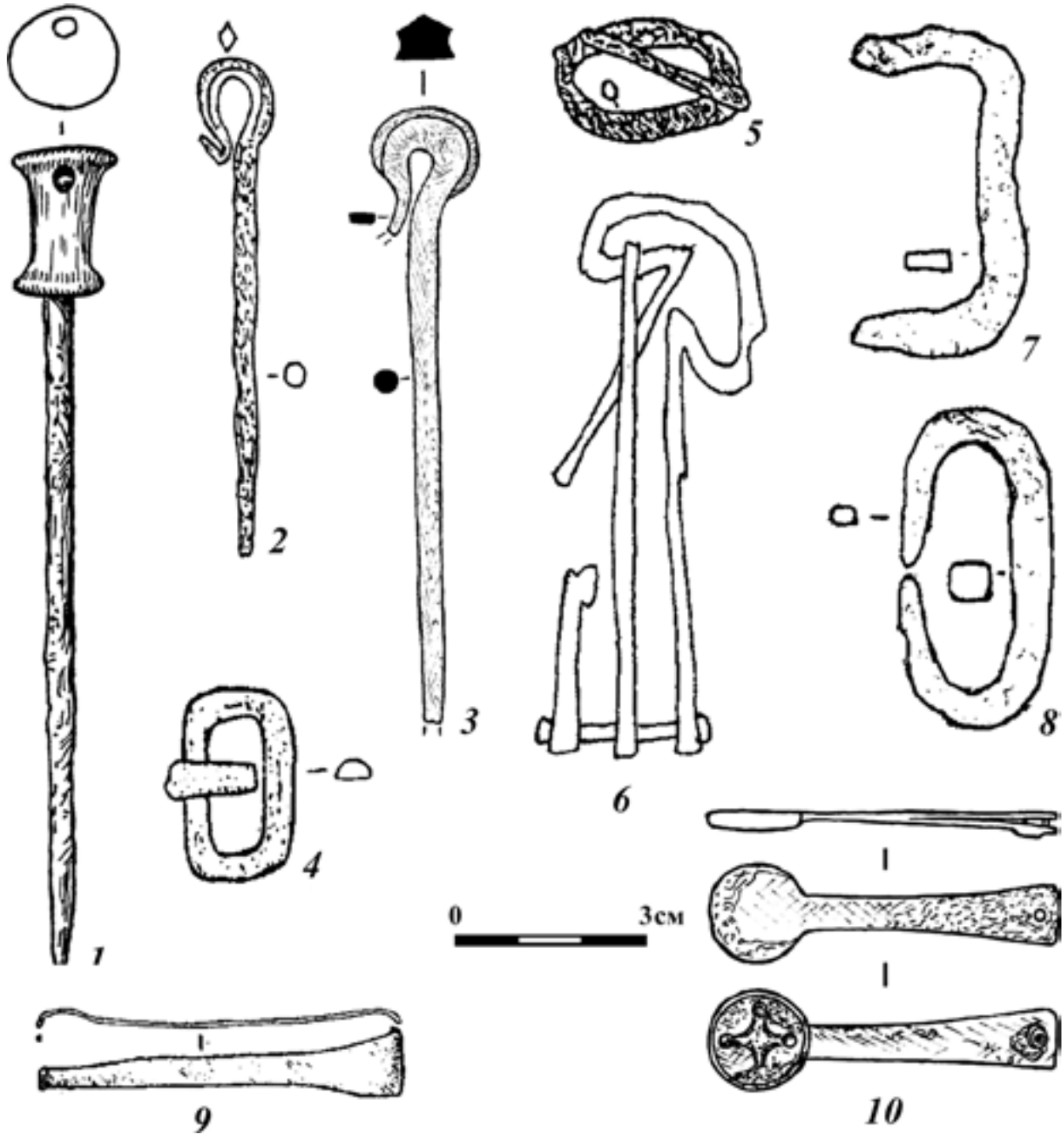


Рис. 7. Детали убора с поселений периода римских влияний.
1 — Горани; *2* — Ревячка; *3, 5, 6* — Малышки; *4* — Ратюнки; *7, 8* — Зазоны (селище); *9* — Мысли; *10* — Зазоны

В. И. Кулаков

МЕТОДИКА РАСКОПОК СТАРШИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРУССКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ (МОГИЛЬНИКИ DOLLKEIM/КОВРОВО И WARNIKAM/ПЕРВОМАЙСКОЕ)

История археологических исследований в бывшей германской имперской провинции Восточная Пруссия восходит к началу XVIII в. [Кулаков, 1994. С. 2]. За более чем два века полевых работ по изучению древностей эстиев и пруссов в различные исторические эпохи населявших Юго-Восточную Балтию, накоплен грандиозный по своему объему и научной ценности материал. Его обилие поражает даже по сравнению с отнюдь не бедным археологическим материалом I тысячелетия н.э. из области Germania Libera. В последние два десятилетия польские и отечественные археологи активно вводят в научный оборот материалы из этого массива, многие годы считавшиеся утраченными в ходе Второй мировой войны [Кулаков, 2011. С. 24–49]. Однако до сих пор никто из коллег не обратил внимания на специфику полевой методики, которой пользовались при своих раскопках представители старших поколений прусской археологический школы. Раскопкам в эпоху Бисмарка подвергались в исторической Пруссии преимущественно грунтовые могильники первой половины I тысячелетия н.э. и, реже, курганные могильники I тысячелетия до н.э. Без знания методических приемов нам останется неизвестным, каким образом прусские археологи XIX в. искали погребения (могильники они «находили» исключительно по сообщениям крестьян, сделавших на них случайные находки), стремились ли полностью выбрать погребальные комплексы. Очень важным при этом представляется отношение наших предшественников к керамическим сосудам, находившимся в погребениях.

Наиболее ранняя информация о принципах полевой методики археологов, членов Общества по изучению древностей «Пруссия», связана с именем Отто Тишлера, «отца» прусской археологии (рис. 1А). В августе—сентябре 1879 г. он, получив информацию о находке при постройке сельской дороги остатков древних ингумаций, произвел раскопки грунтового могильника Dollkeim/Коврово (ныне Зеленоградский р-н Калининградской обл.). Им были обнаружены 250 грунтовых погребений римского времени, причем, как показывают эскизы его полевых чертежей, хранящиеся в Архиве Р. Гренца (Шлезвиг, Германия), О. Тишлер вычерчивал каменные кладки и круги (рис. 1Б), традиционно перекрывавшие или ограничивавшие могилы эстиев начала нашей эры. Наличие на плане двух зон концентрации погребений, изучавшихся О. Тишлером (рис. 2)[1], позволяет считать, что им было вскрыто не менее двух групп масштабных раскопов [Кулаков, 2004. С. 11]. Действительно, в непосредственной близости от южной группы могил, раскопанных О. Тишлером, Балтийской экспедицией ИА РАН в 2001 и 2002 гг. был открыт раскоп XIII, содержавший ямы от аккуратно вскрытых древних погребений. Рядом с этими ямами в ряде случаев были обнаружены осколки стеклянных капсул, в которые немецкие археологи в полевых условиях паковали хрупкие находки. Ямы и частично раскоп заполнены отмученным мелким песком, служившим О. Тишлеру балластом для засыпки отработанных площадей на могильнике [Кулаков, 2007. С. 39, 40]. Мы видим, с какой тщательностью О. Тишлер подходил к своей полевой деятельности. Именно организованность и аккуратность дали возможность О. Тишлеру создать на базе своих находок 1879 г. хронологическую систему для Европы, не утерявшую своей актуальности и по сей день. Примечателен факт отсутствия стремления младших современников О. Тишлера и его учеников продолжить раскопки могильника Dollkeim/Коврово. Возможно, это связано с нерушимым авторитетом, которым пользовался О. Тишлер среди археологов Кенигсберга.

Однако в нашем распоряжении есть и примеры иного отношения прусских коллег к полевой деятельности. Обратимся, в частности, к работе Рихарда Клебса (рис. 7). В 1877, 1878 и 1880 гг. этот археолог-любитель (впрочем, математик О. Тишлер также не имел специального археологического образования) невдалеке от хутора Warnikam (ныне разрушен, рядом расположен пос. Первомайское Багратионовского р-на Калининградской обл.) на возвышенности Kapnieserberg исследовал 86 грунтовых погребений римского времени и эпохи Великого переселения народов. Описывая холм, занятый могильником, Генрих Кемке упоминает, что из-за пиетета перед сакрализованным урочищем, в котором располагался могильник, местные жители долго не трогали холм и лишь во второй половине XIX в. стали добывать на могильнике глину и песок [Tischler, Kemke, 1902. S. 41]. В результате этих работ от могильника к настоящему времени остался узкий мыс размером 16 x 10 м, вытянутый по линии север—юг и окруженный обрывистыми краями карьера (рис. 3). В профиле восточного борта раскопа II, вскрытого на могильнике Warnikam/Первомайское в августе 2012 г., под дерном четко виден слой рыхлого переотложенного грунта с мелкими осколками кирпича — перекоп XIX в., достигающий

[1] Судя по сделанной в ходе раскопок Балтийской экспедицией ИА РАН находке в центре площади, вскрытой О. Тишлером, бронзовой пуговицы с цифрой «1», раскопки О. Тишлер вел при помощи солдат 1-го Восточнопрусского гренадерского полка.

мощности 30 см (рис. 4). Происхождение этого перекопа в самом центре сельского карьера доподлинно не известно. Быть может, это след деятельности местных селян, пробовавших копать грунт в центре карьера? Но зачем было после выборки грунта засыпать этот котлован балластом? Если мы совместим площадь в пределах раскопа II с зоной урновых погребений, лишенных традиционного для данного могильника заполнения урн (золистый песок, перекрытый и подстилаемый слоем сожженной земли с кальцинированными костями), то получим ту часть могильника, которая была на верхних полутора штыках слоя вскрыта вручную, и зону, где располагались погребения, разграбленные в ее пределах и севернее ее (рис. 5).

Примером соседствующих целых и разграбленных урновых захоронений могут служить погр. Wa-97 и Wa-98 (рис. 6; 5: вверху слева). Разграбленные комплексы в урнах, как правило, не содержат инвентаря, заполнены слабозолистой супесью (слой, перекрывающий могильник сразу под уровнем дерна), сама урна раздавлена. Конечно, можно предположить, что эти погребения «очистили» местные селяне, по местному обычаю добывавшие в древних могилах сувениры для своих гостей [Schifferdecker, 1873. S. 60]. Но настораживает то, что Р. Клебс, исследовав в ходе своих работ на Warnikam/Первомайское немало урновых захоронений, не дает в своих материалах, использованных Г. Кемке, ни одного рисунка погребального сосуда [Tischler, Kemke, 1902. S. 41–52], в отличие, кстати, от материалов О. Тишлера по могильнику Dollkeim/Коврово. Похоже на то, что «очищенные» от инвентаря погребения — следы работы не селян-землекопов (зачем им было бы засыпать свой котлован на карьере?), а работавшего по поручению Общества по изучению древностей «Пруссия» (?) Р. Клебса. Некоторые урновые погребения в конце XIX в. разбирались прямо в пределах урны. Случалось и то, что урны были просто изъяты из ям (рис. 5: ямы 2, 4, 6), которые также были погребениями. Ясно также, что ряд погребений вскрывался и за пределами «первично» вскрытой площади могильника, когда выявлялись (и разрушались) или верхние части урн, или верхние части заполнения, или каменные кладки от безурновых погребений. За пределами «первично» вскрытой площади могильника Р. Клебс мог искать погребения при помощи излюбленного орудия археологов XIX в. — щупа (нем. die Stecknadel).

Примечательно то, что в наших раскопках 2012 г. очень редки погребения с каменными конструкциями. По мнению Р. Клебса, они перекрывали, как правило, «богатые» погребения и были им вскрыты в первую очередь. К сожалению, сохранился лишь один чертеж такого комплекса — погр. Wa-41 (рис. 8). Данный комплекс датируется, судя по общим впечатлениям от инвентаря (три «арбалетовидных» фибулы и гривна), в рамках IV — начала VI в. На «зачищенной» в конце XIX в. части могильника нами были вскрыты лишь несколько комплексов с мощнейшими каменными кладками (как правило — не обладавшие обильным инвентарем), которые раскопщики Р. Клебса (те же местные селяне?) решили оставить в покое из-за совершенно нереальных объемов работ.

Лишь одно погребение из раскопа 2012 г. может сравниться по обилию инвентаря с материалом, опубликованным Р. Клебсом. Это — **Wa-106** (раскоп II, кв. 121 — см. рис. 5) — урновое захоронение, расположенное в округлой в плане яме диаметром 0,58 м (рис. 9). Лепная, слабообожженная (точнее — практически не обожженная) урна имеет горошковидную форму (рис. 10; 9: сечение D-C), заполнена в своей верхней трети интенсивно-золистым суглинком (основной слой могильника), в средней трети — мелким речным песком в смеси с золой и пеплом, в нижней трети — остатками погребального костра с фрагментами кальцинированных костей и основными находками. ***К юго-востоку от урны*** в материк была наискось воткнута железная игла (спица) (№ 1; здесь и далее по рис. 9 и 11). ***Поблизости от урны и в ее верхней части*** найдены обожженный фрагмент бусины синего стекла с накладным декором (№ 14), практически полностью оплавленные бусины синего стекла (№ 13, 15), сделанная вручную янтарная бусина (№ 7), обожженные железная пряжка с овальной рамкой (№ 8) и бронзовая накладка (№ 9, распалась). ***В нижней части урны*** (среди кальцинированных костей) находились несколько фрагментов бронзового стержня (булавка или/и фрагмент иглы фибулы — № 12а, 2, 5, 6), бусины синего стекла в двух фрагментах (№ 3 и 4); у дна урны — пружинные аппараты с частично сохранившимися иглами и дужки двух слабообожженных бронзовых (с железными осями пружины) фибул (№ 10 и 12б; на дужку № 12б был надет бронзовый спиральный перстень № 12в), обожженный железный нож (№ 11), согнутый и разломанный на три части (в том числе — фрагмент стержня рукояти с бронзовым навершием), лежавший в урне параллельно упомянутой выше игле, острием навстречу ей.

По паре фибул типа Оберг 3 [Åberg, 1919. Karte 1], именуемых в немецкой литературе «большие арбалетовидные» (grosse Armbrustfibeln), женское (на это указывают наличие пары фибул, застегивавших платье на плечах, и бусы) погр. Wa-106 можно датировать, скорее всего, 1-й половиной V в. Такую датировку подкрепляют данные погр. H-204 (могильник Hünenberg/Гора Великанов, Зеленоградский р-н), где вместе с тремя фибулами типа Оберг 3, кстати, так же, как и в Wa-106, сломанными [Кулаков В. И., 2005. Рис. 10. С. 42], найдены две железные пряжки типа H21 по Р. Мадыде-Легутко (одна такая же пряжка есть в погр. Wa-106), датируемые первой половиной V в. [Madyda-Legutko, 1986. S. 66].

Комплекс Wa-106, примечательный на фоне скромного на находки полевого сезона 2012 г. на могильнике Warnikam/Первомайское, никоим образом не напоминает роскошнейшие, включавшие импортные изделия из драгоценных металлов погребения, исследованные на этом могильнике Р. Клебсом в конце XIX в. (возможно, частично на площади, раскопанной нами в 2012 г.). Анализ этих комплексов ранее позволил мне охарактеризовать богатые погребения могильника Warnikam как «древности прусских вождей, открытые Р. Клебсом на Варникам…», возникшие «в эпоху Аттилы и Ардариха» и оставленные на могильнике видивариями [Кулаков, 1997. С. 153]. В результате раскопок этого могильника, проведенных в 2012 г., мы приблизились к пониманию той методики, при помощи которой эти находки были добыты Р. Клебсом. К сожалению, современные «любители древностей» также не обошли вниманием могильник Warnikam. Об этом говорят следы «раскопов», прекрасно читающиеся на памятнике. В южной части холма виден грабительский раскоп размером 5×10 м, глубиной около 1 м. Борта «раскопа» присыпаны. В северной части холма видны остатки грабительского раскопа 2 размером 3×5 м при глубине до 1 м. На отвалах «раскопов» обнаружены конский зуб, обломки кольчатых удил, стенок урн. Рыхлая, не слежавшаяся в отвалах земля позволяет предположить недавнее происхождение «раскопов» — 1–1,5 года. Судя по всему, авторы этих неофициальных вскрышных работ не понаслышке знакомы с методикой археологических раскопок: «раскопы» были разбиты по сторонам света.

Литература

Кулаков В. И. Юбилеи прусской археологии // Археологический бюллетень. №4 (20). М., 1994. С. 1–9.

Кулаков В. И. Варникам. Древности прусских вождей // Гістарычна-археалагічны зборник. №12. Мінск, 1997. С. 143–171.

Кулаков В. И. Доллькайм—Коврово. Исследования 1879 г. Минск, 2004. 135 с.

Кулаков В. И. Подвязные фибулы в юго-восточной Балтии // РА. 2005. №1. С. 37–49.

Кулаков В. И. Доллькайм—Коврово. Исследования 1992-2002 гг. Минск, 2007. 331 с.

Кулаков В. И. История Музея «Пруссия». Калининград, 2011. 99 с.

Åberg N. Ostpreussen in der Völkerwanderungszeit. Uppsala, Leipzig, 1919.

Engel C. Vorgeschichte der altpreussische Stamme. Bd. 1. Koenigsberg, 1935.

Madyda-Legutko R. Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit in mitteleuropäischen Barbaricum. Oxford, 1986.

Schifferdecker P. Bericht über eine Reise zur Durchforschung der Kurischen Nehrung in archäeologischer Hinsicht // Schriften für Psysikalisch-Ökonomische Gesellschaft. 14. Jahrg., 2. Abt. Königsberg, 1873.

Tischler O., Kemke H. Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt. Königsberg, 1902.

Рис. 1А. Отто Тишлер.

Портрет работы Р. Мауэра. По: Engel, 1935; фортитул

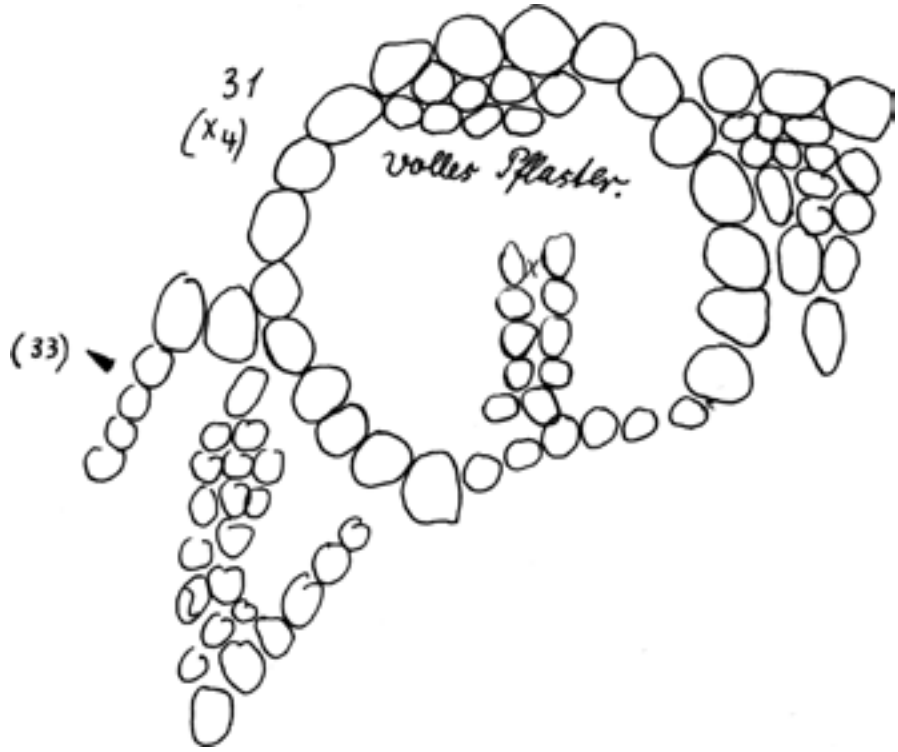


Рис. 1Б. Каменная конструкция погребения Do-31 (могильник Dollkeim/Коврово). Эскиз О. Тишлера.

По архиву Р. Гренца (Шлезвиг), инвентарный шифр: Prussia Museum 6611

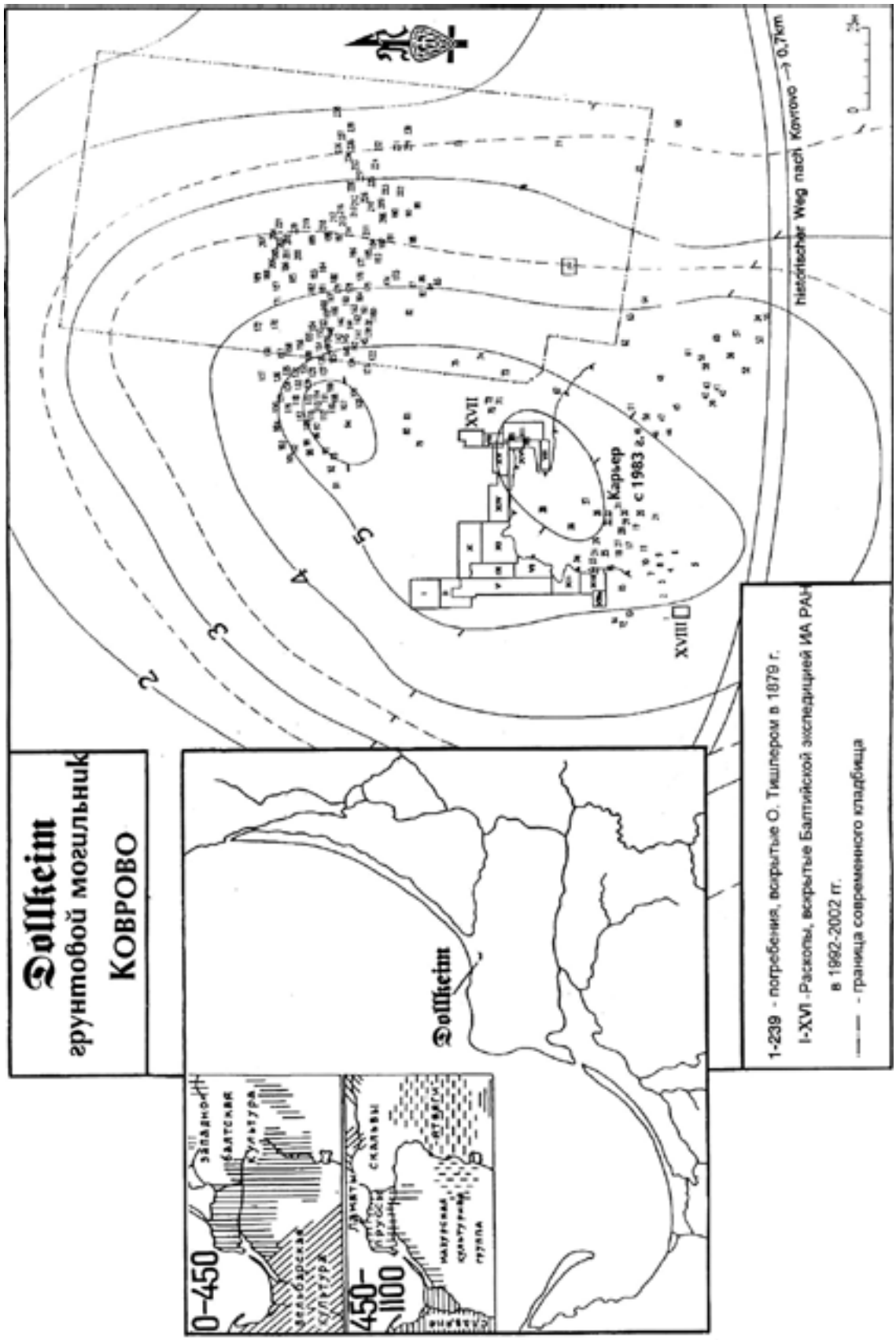


Рис. 2. Сводный план могильника Dollkeim/Коврово.
По: Кулаков В.И., 2004, рис. 1

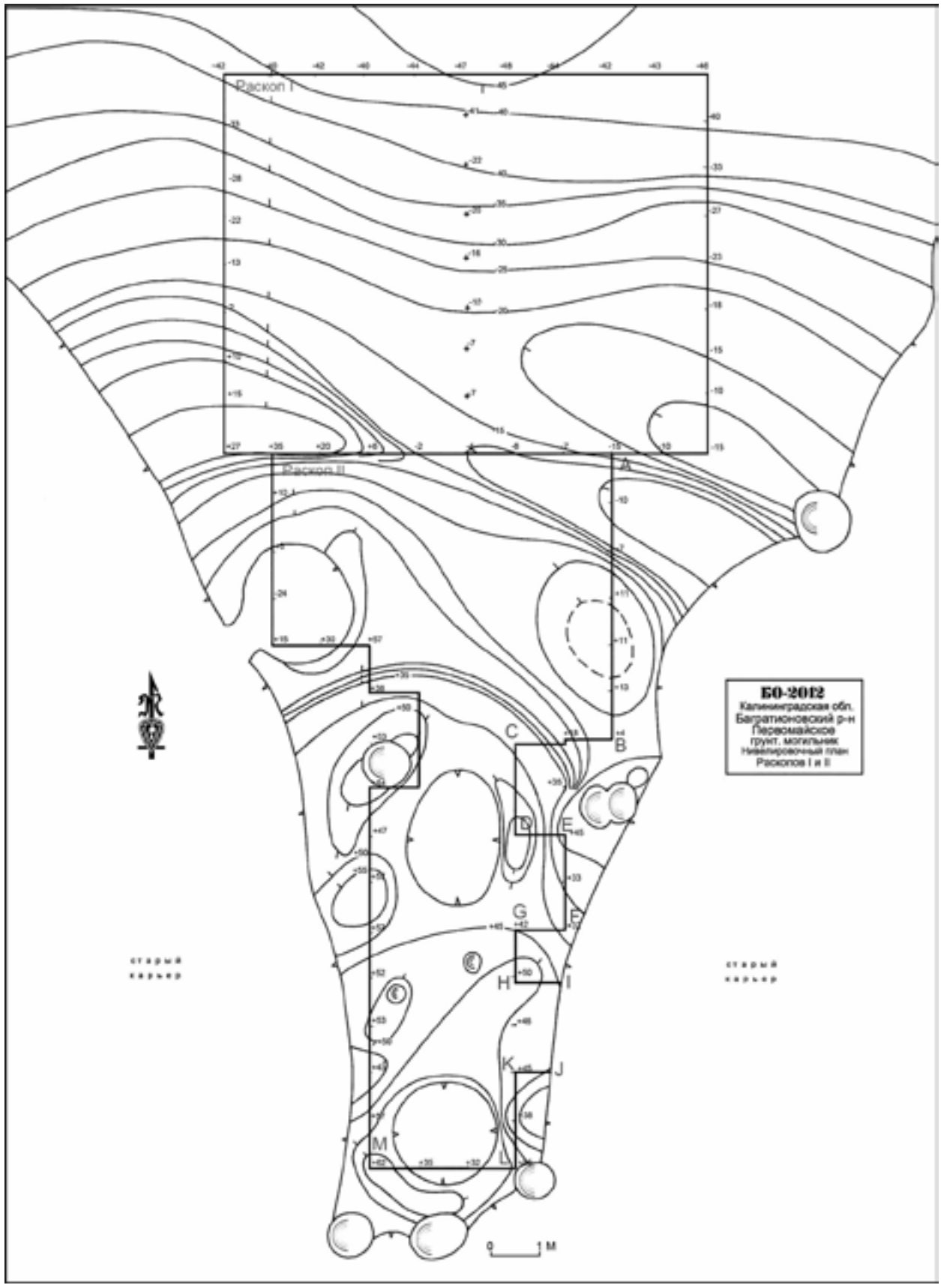


Рис. 3. Нивелировочный план раскопов I и II 2012 г. на могильнике Warnikam/Первомайское

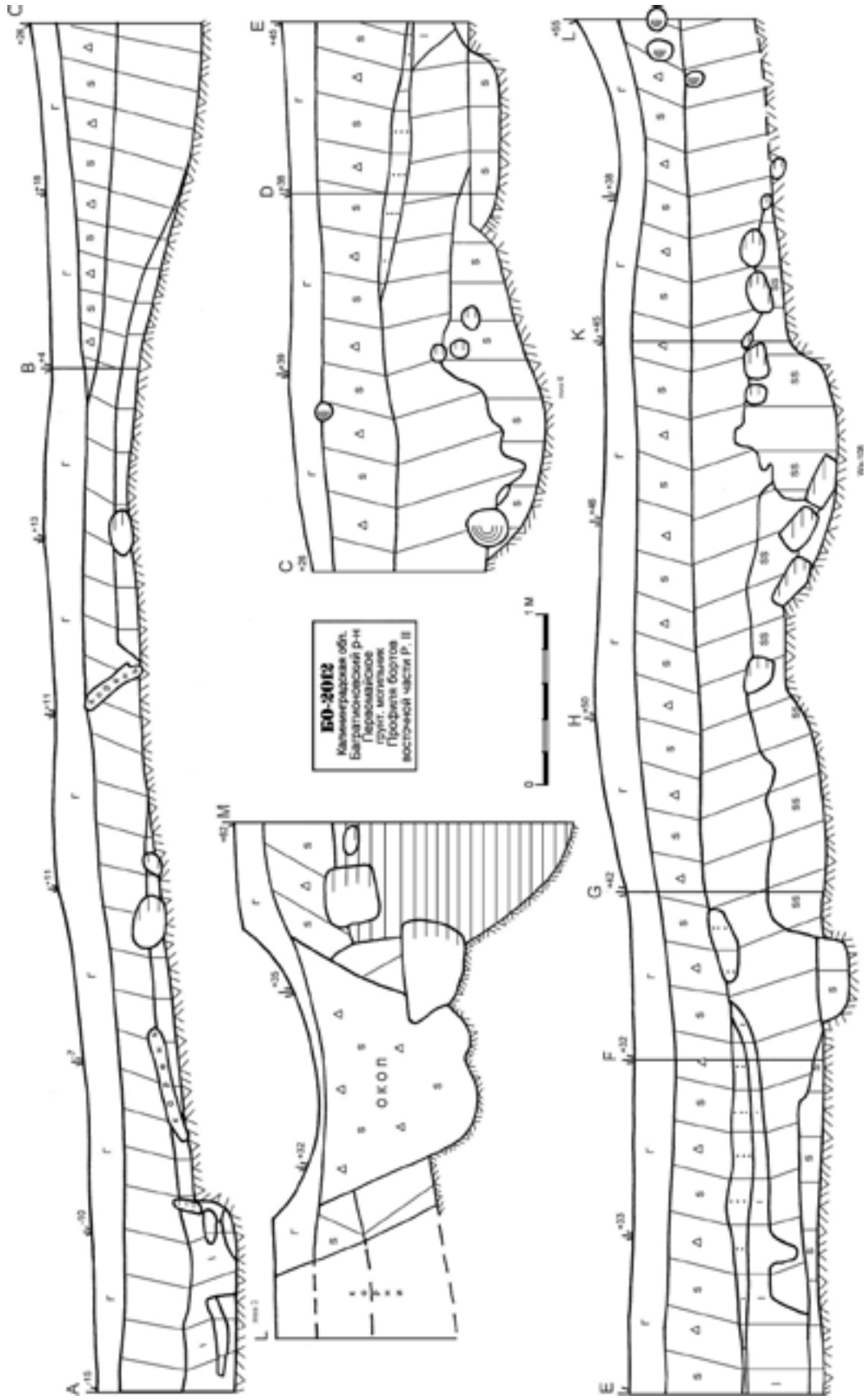


Рис. 4. Профили восточного борта раскопа II 2012 г. на могильнике Warnikam/Первомайское

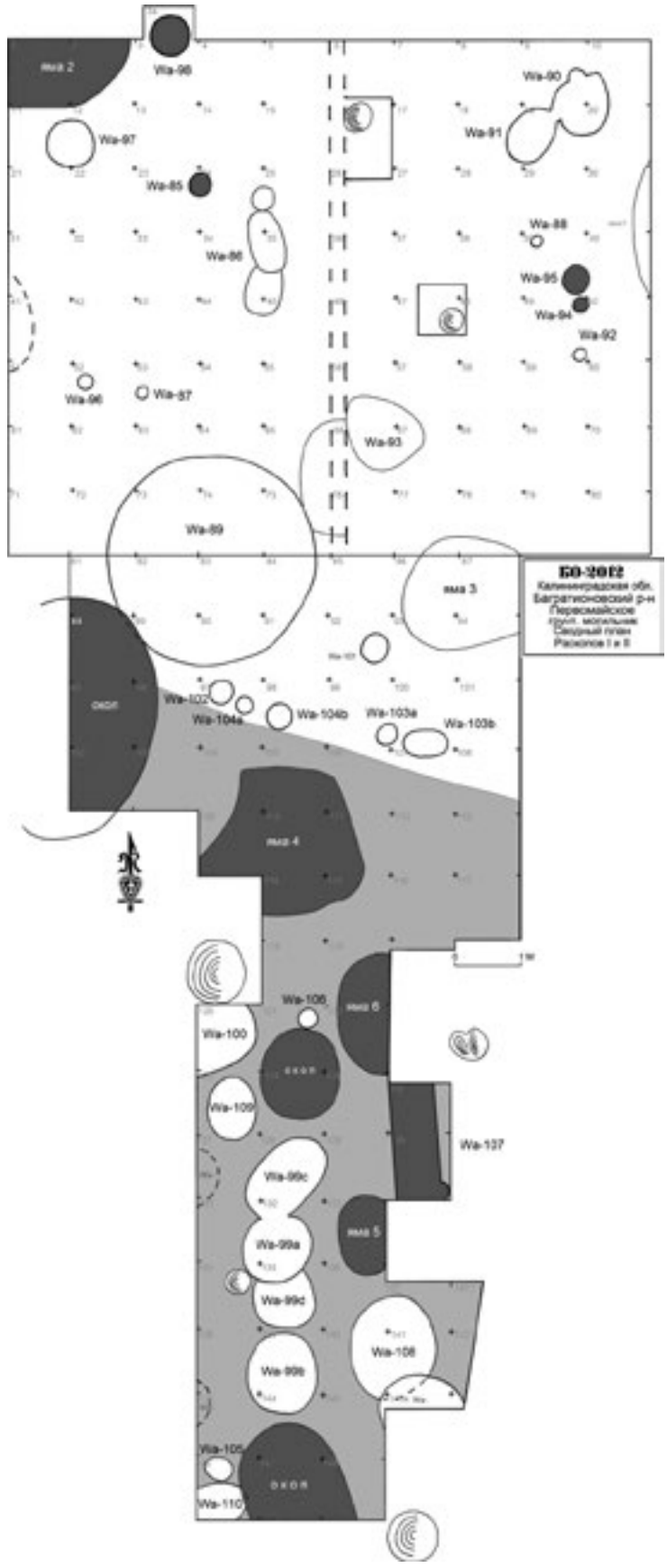


Рис. 5. План раскопов I и II 2012 г. на могильнике Warnikam/ Первомайское.

Тёмно-серым цветом выделены погребения, выбранные до 2012 г.; светло-серым цветом — площадь раскопа II, перекрытая слоем перекопа

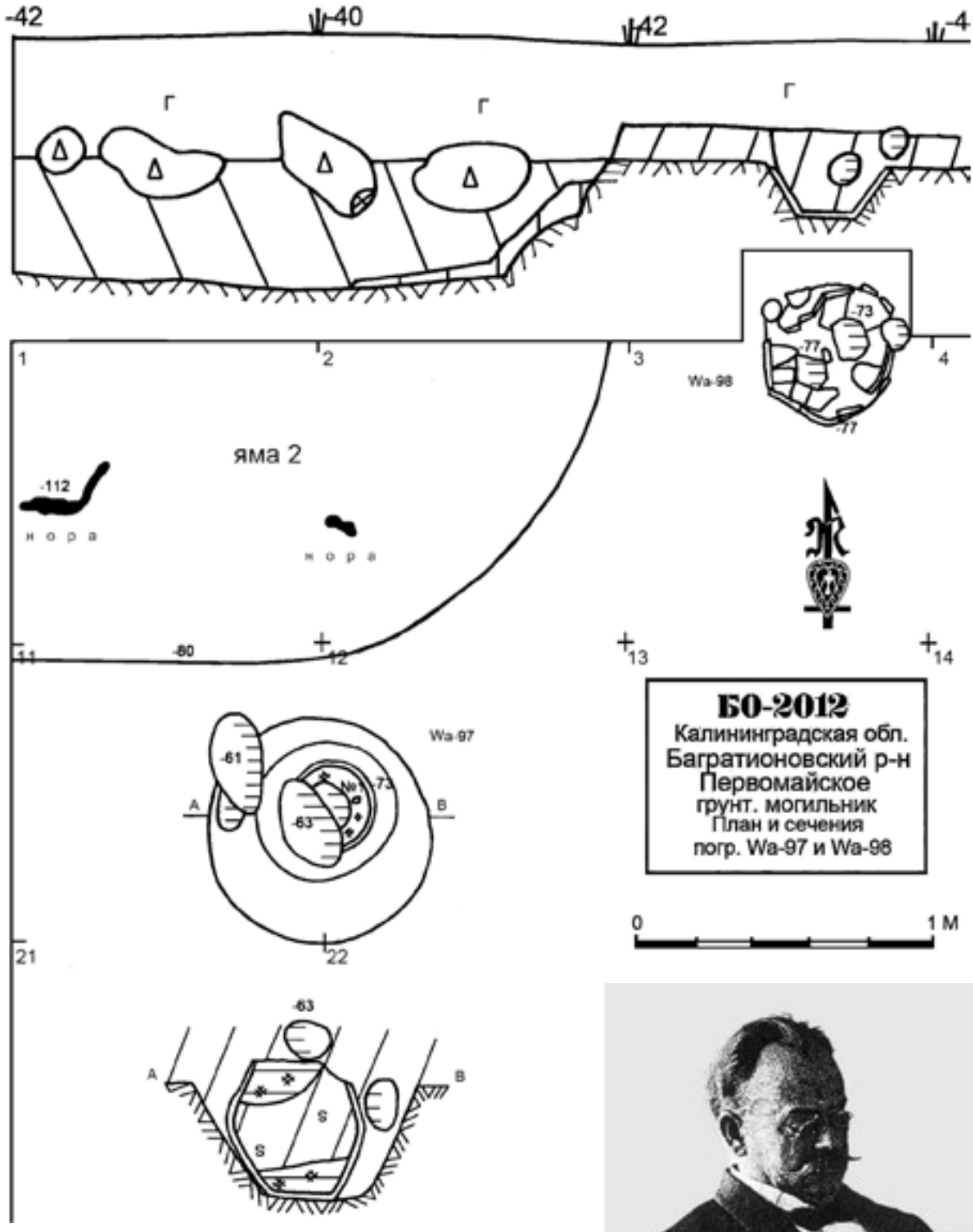


Рис. 6. Планы и сечения погребений Wa-97 и Wa-98

Рис. 7. Рихард Клебс

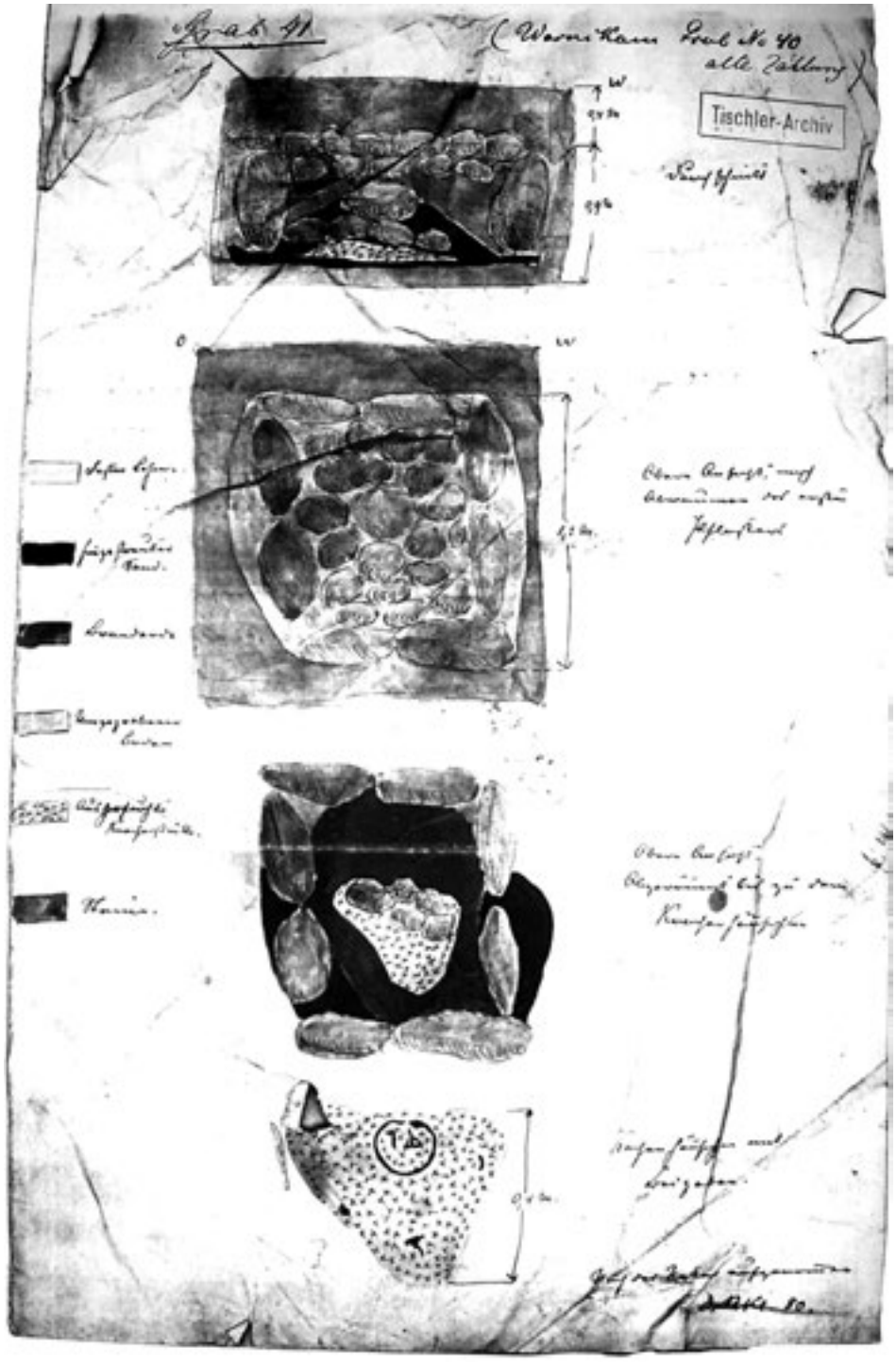


Рис. 8. Лист из дневника О. Тишлера с планами и сечениями погребения Wa-41 из раскопок Р. Клебса.

По архиву Государственных музеев Берлина (Museum für Vor- und Frühgeschichte, SMB-PK/MVF, PM-A, 552. Bd. 3)

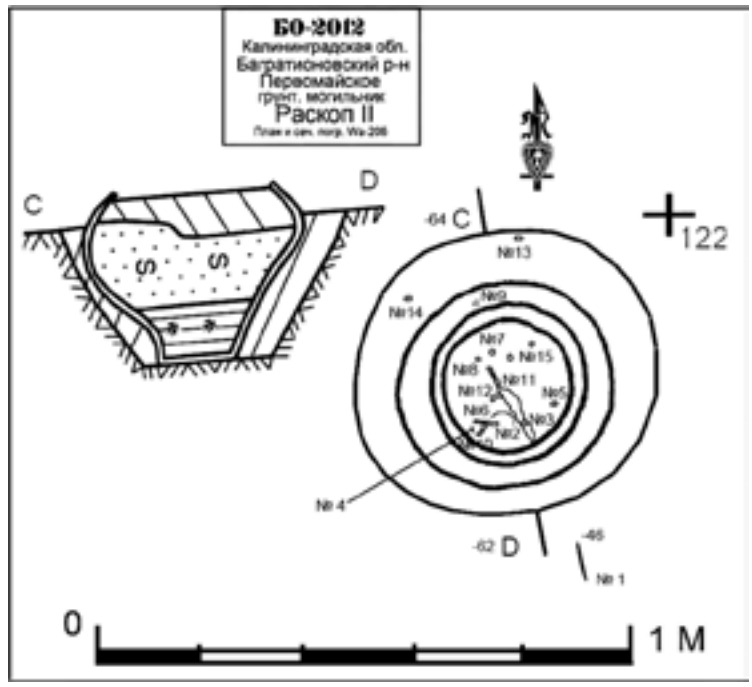


Рис. 9. План и сечение погребения Wa-106

Рис. 10. Урна погребения W-106

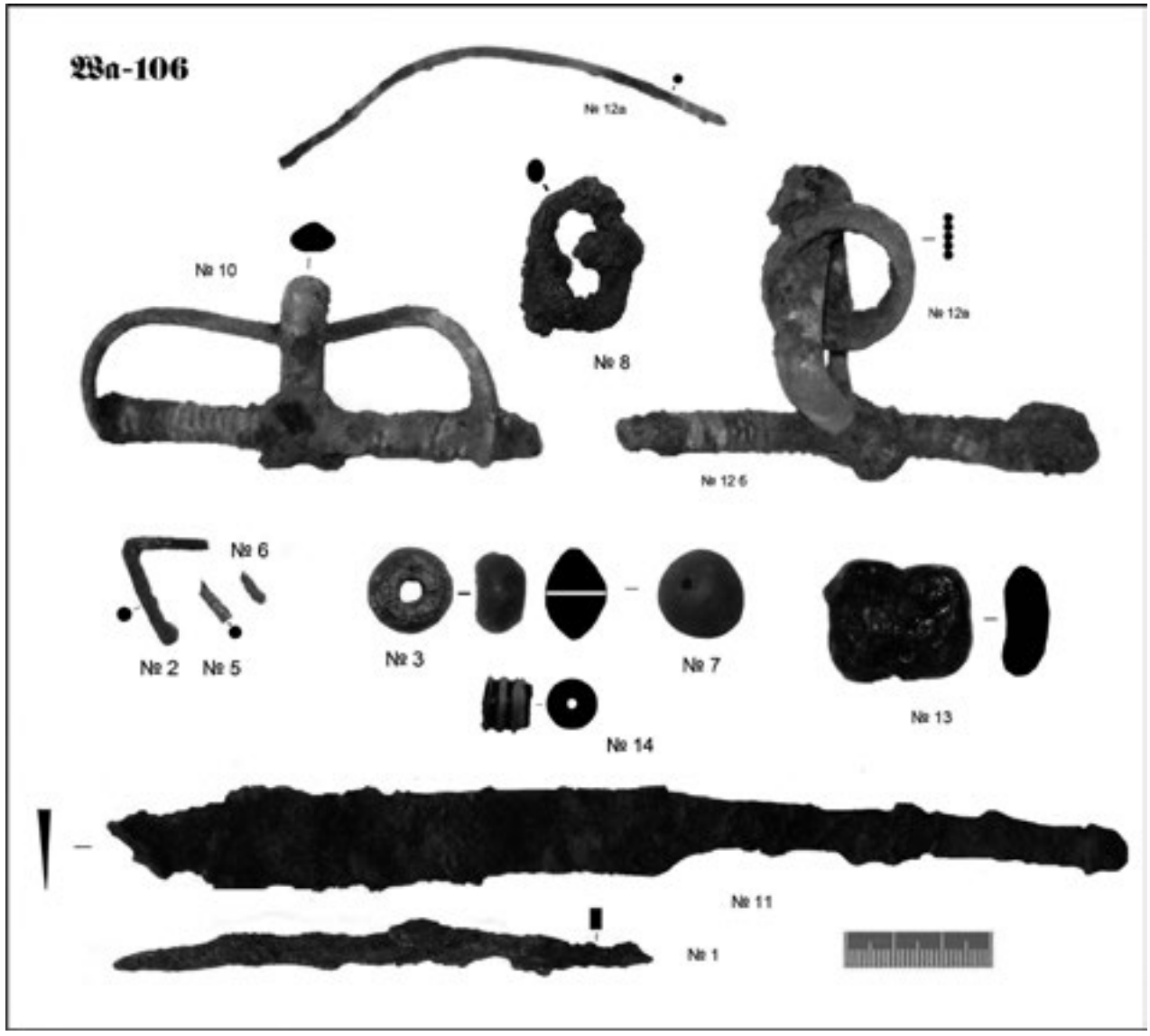


Рис. 11. Инвентарь погребения Wa-106

О. А. Хомякова

СТИЛЬ АЖУРНОЙ ОРНАМЕНТИКИ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКЕ

Введение

Стиль ажурной орнаментики широко представлен в украшении металлических предметов эпохи римских влияний в ряде культур восточноевропейского Барбарикума. К числу изделий данного стиля принадлежат экземпляры с прорезным декором, происхождение которого связывается с техникой *opus interrasile*. Данная техника находилась в основе разновидностей ажурного стиля, сочетавшего в себе позднелатенские, а также провинциальноримские традиции, и применялась для украшения деталей снаряжения римской армии и элементов убора в провинциях Рима в первые века н.э.

Предметы данного стиля представлены в материальной культуре Юго-Восточной Прибалтики, древностях культуры Доллькайм—Коврово (самбийско-натангийской). Наиболее многочисленной категорией являются поясные гарнитуры, но известны и другие предметы: элементы конской сбруи, фибулы, части нагрудных украшений. Основное внимание исследователи уделяют ременным наборам, другие предметы часто остаются без внимания. Такой подход оставляет дискуссионным ряд вопросов изучения ажурных изделий, связанных с генезисом стиля, его хронологическими рамками, местом изделий в составе убора и материальной культурой в целом.

Данная статья посвящена исследованию ажурных предметов, основываясь на находках, связанных с культурой Долькайм—Коврово, включая их типологию, рассмотрение вариантов орнаментации, датировку, некоторые технологические аспекты. Изделия рассматриваются в контексте подобных украшений из восточноевропейских культур. Каталог включает данные архивов (в том числе картотеку и оригиналы фотографий Герберта Янкуна для несохранившихся предметов), некоторые вещи из коллекции Музея «Пруссия» и новых раскопок, хранящиеся в фондах Калининградского историко-художественного музея (КОИХМ) и Музея праистории и ранней истории в Берлине (SMB-PK/MVF).

1. История изучения

В изучении ажурных предметов с территории Калининградского п-ва и окрестностей центральное место занимают ременные наборы. В археологической литературе они известны как «самбийские» пояса. Это название, данное по географическому принципу (от Самбийский / Калининградский п-в), применяется к ним, поскольку они не были распространены нигде, кроме территории, занимаемой самбийско-натангийской культурой [Blume, 1912. S. 47–48; Jankuhn, 1933. S. 166–167; Okulicz, 1976. S. 191–198; Madyda-Legutko, 1983. S. 25, tab. II; Nowakowski, 1996. S. 48–49, 56; Chilińska-Drapella, 2010. S. 3].

В наиболее ранних работах в основу подхода к их изучению был положен типологический анализ. Впервые он был представлен Эрихом Блюме и Вильгельмом Герте [Blume, 1912. S. 47; Gaerte, 1929. S. 171–176] и основывался на различиях в конструктивных особенностях застежек: выделялась группа пряжек с профилированным язычком и свободно вращающимся кольцом; с застежкой в виде крючка. Отметим, что такой подход поддержан и современными исследователями [Madyda-Legutko, 1990; Chilińska-Drapella, 2010]. Наиболее полной работой межвоенного периода до сих пор считается статья Герберта Янкуна [Jankuhn, 1933. S. 166–201], в которой собраны все поясные наборы, найденные немецкими археологами и хранившиеся в коллекциях Музея «Пруссия». Каталог статьи и в настоящее время — основа для изучения «самбийских» поясов, поскольку часть находок утеряна. Безусловно, работа соответствует своему времени и содержит лапидарные описания комплексов.

Генезис «самбийских» поясов через поиск параллелей застежкам с вращающимся кольцом связывался с территориями Повисленья (ареалом вельбаркской культуры) [Blume, 1912. S. 47–48] и «маркоманско-богемским» районом [Gaerte, 1929. S. 173]. Облик поясных гарнитур, характер декора, аналогии в Норике и Паннонии сделали гипотезу об их провинциальноримском происхождении основной [Almgren, 1913. S. 269; Jankuhn, 1933. S. 193, 201].

Во 2-й половине XX в. ажурные поясные наборы, вопросы их типологии и генезиса неоднократно обращали на себя внимание польских ученых. Вслед за немецкими исследователями происхождение данной категории убора, а следовательно и стиля ажурной орнаментики, связывалось с прямыми контактами населения Юго-Восточной Прибалтики с римскими провинциями [Okulicz, 1973. S. 384–385, 1976. P. 191–198; Madyda-Legutko, 1983. S. 23–24; 1987. S. 22; Kaczyński, 1991. S. 160]. Отсутствие же импортных норико-паннонских поясов в составе местных древностей, которые могли послужить для них образцами, объяснялось тем, что они просто могли не попасть в число предметов погребального инвентаря [Okulicz, 1976. S. 196–198].

Еще одно направление в исследованиях — поиск аналогий в северной части зоны центральноевропейских культур. Так, отмечалось, что пряжки с неподвижным язычком и вращающимся кольцом были распростра-

нены в пшеворской культуре и на территории Готланда [Wołągiewicz, 1976. S. 294, 295]. В работе Урсулы Кобылинской генезис ажурных поясов полностью связывается с готландскими материалами [Kobylińska, 1986], однако в настоящее время эта теория критикуется за неподкрепленность археологическими данными [Nowakowski, 1996. S. 72–73; Chilińska-Drapella, 2010. S. 8–9].

Большое внимание «самбийским» поясам уделено в работах Ренаты Мадыды-Легутко [Madyda-Legutko, 1983. S. 25, 26. Tab. II]. Ей принадлежит типология ажурных пряжек с застежкой в виде неподвижного язычка и вращающегося кольца на основе характера оформления обоймы и ряд наблюдений о развитии данной группы изделий. Такие пряжки отнесены к трем типам группы C: 10, 11, 12 [Madyda-Legutko, 1987. S. 18. Tab. 6: 10, 11; 7: 12; karte 13][1]. В другой работе ею рассматриваются и пояса с застежкой в виде крючка, которые выделяются в тип 3 [Madyda-Legutko, 1990. S. 170–172], а их происхождение связывается с формами, характерными для территорий вельбаркской культуры, расположенных в дельте Вислы и на побережье Гданьского залива, фазы B2 центральноевропейской хронологии[2] [Wołągiewicz, 1981. S. 84. Fig. 3]. Хронологическое разделение было основано преимущественно на анализе датировок фибул из комплексов могильника Доллькайм (Коврово), известных по публикациям довоенного периода. Период бытования всех трех типов поясов соотнесен с фазой B2 [Madyda-Legutko, 1987. S. 18, 180. Taf. 6, 7].

В других современных работах польских исследователей «самбийские» пояса тоже датируются фазой B2, которой соответствует фаза 1 культуры Доллькайм–Коврово по Войцеху Новаковскому [Nowakowski, 1996. Taf. 97, 98, 101], и считаются одним из ее признаков на данном этапе.

Наконец, недавно Агатой Хилиньской была представлена статья, посвященная верификации гипотез (преимущественно польских археологов) о генезисе и хронологии ажурных поясных гарнитур, включая и переиздание каталога довоенных находок с использованием доступных архивов и музейных данных. Хронологию поясных наборов исследовательница характеризует следующим образом: основное их количество отнесено к фазе B2, наиболее ранние — к фазе B2a, наиболее поздние — к фазе B2/C1–C1a. Работа содержит раздел, посвященный определению места «самбийских» поясов в составе убора и его гипотетической реконструкции [Chilińska-Drapella, 2010. S. 3–16, 9, 11–15]. Стоит отметить, что такой раздел был представлен и в работе Магдалены Темпельман-Мончыньской [Tempelmann-Mączynska, 1983. S. 14–15. Fig. 10; 1989. S. 85].

Отечественными археологами «самбийские» пояса и традиция украшения предметов ажурным декором также связываются с провинциальноримским влиянием [Щукин, 1994. С. 226; 1998. С. 199–201], но делается бóльший акцент на реконструкцию исторического контекста, с которым могло быть связано появление подобных изделий в культурах Юго-Восточной Прибалтики. Марком Борисовычем Щукиным, в частности, была выдвинута идея, что появление поясов в норико-паннонском стиле *opus interrasile* связано с активизацией «янтарной торговли» и появлением неких групп бродячих ремесленников и торговцев, которые прибывали в Прибалтику из римских провинций по Янтарному пути и налаживали производство этих вещей на территории Калининградского п-ва. Местные изделия считаются прямыми «дериватами» норико-паннонских поясов [Щукин, 1998. С. 202]. Другая идея М.Б. Щукина, развивающая мысль Титуса Кольника о возможной экспедиции некоего римского всадника в Прибалтику во времена правления римского императора Нерона в 54–68 гг. н.э. [Шукин, 1998. С. 199], была переработана Владимиром Ивановичем Кулаковым, который на ее основе выдвинул идею о появлении на Калининградском п-ве «воинов XV легиона Аполлинариев из Паннонии», что и способствовало распространению предметов в стиле *opus interrasile* [Кулаков, 2000. С. 33; 2003. С. 278]. Ажурные пояса соотносятся с категорией римских импортных изделий и в ряде более поздних работ (например, Кулаков, 2014. С. 289). Слабой стороной этих теорий является неподкрепленность реальным археологическим материалом и всесторонним анализом предметов.

Особое место в ряде исследований посвящено проблемам интерпретации социального положения владельцев «самбийских» поясов. Как правило, они рассматриваются как символ некоего «более высокого» социального положения [Okulicz, 1973. S. 375–378; Nowakowski, 1996. S. 56; Кулаков, 2005a. С. 323–332; Chilińska-Drapella, 2010. S. 14–15]. Анализ этого направления исследований предполагается мной в отдельной работе.

Другие изделия культуры Доллькайм–Коврово с прорезным геометрическим декором анализировались в одном контексте с поясными гарнитурами в качестве аналогий ряду предметов с территории Прибалтики (например: Gaerte, 1929. Abb. 173–174; Okulicz, 1976. Fig. 8). Сложности, связанные с качеством источников (архивными материалами) и интерпретацией предметов по эскизным прорисовкам, часто исключают рассмотрение ряда артефактов, которые могут соотноситься с предметами, украшенными ажурным декором.

Ажурные ременные наборы с Калининградского п-ва, как правило, фигурируют и в работах, где рассматриваются изделия с прорезным декором из из других частей Восточной Прибалтики [Moora, 1938. S. 232–243; Michelbertas, 1986. P. 179–182; Lang, 2007. P. 208–209; Vaska, 2013; там дана и более ранняя литература]. Отдельного внимания заслуживают исследования по ювелирному искусству балтских племен, в которых прибалтийскому стилю ажурной орнаментации посвящены отдельные разделы [Bitner-Wróblewska, 2009; Bliujienė, 2013. P. 378–388]. Генезис этих форм также связывается с влиянием провинциальноримской «моды» на местных жителей, вместе с тем формирование традиции рассматривается как результат ее переработки в локальные формы, при этом материальная культура Калининградского п-ва, где располагались истоки «Янтарного пути», называется центром, откуда этот импульс распространился на другие балтские территории.

2. «Самбийские» пояса

«Самбийская» гарнитура представляла собой часть наборного пояса, в который входили: пряжка с прямоуголь-

[1] Типы предметов в статье приводятся по следующим типологиям: фибулы — Almgren, 1923 и Jamka, 1964; бусы — Tempelmann-Mączyńska, 1985; пряжки — Madyda-Legutko, 1987; наконечники ремней — Raddatz, 1957, Madyda-Legutko, 2011; кольца — Beckmann, 1969; провинциальноримские типы орнамента — Garbsch, 1965.

[2] Абсолютные даты приводимых периодов (фаз) даны по: Godłowski, 1970; Lund Hansen, 1987: B2 — около 70–150/160 гг., B2/C1–C1a — около 150/160–210/220 гг., C1b — около 210/220–250/260 гг., C2 — около 250/260–310/320 гг.

ной обоймой, украшенной ажурным орнаментом, и расположенная на части ремня, противоположном пряжке, симметричная ей накладка; накладки, находившиеся на поясе на равном расстоянии друг от друга. Пряжки и накладки крепились к основе ремня при помощи заклепок. Основная масса накладок представлена экземплярами ладьевидной формы, выделяются и прямоугольные. Особенностью такого поясного набора можно назвать и конструкцию пряжки, представляющую собой неподвижный язычок и вращающееся кольцо, в которое продевался пояс, конец которого, вероятно, свободно свисал. У части поясов застежка представлена крючком, крепившимся в прорезь, расположенную на другом конце ремня.

2.1. Пряжки «самбийских» поясов представлены несколькими типами.

Тип 1 — с неподвижным язычком и вращающимся кольцом. Делится на варианты (типы по Р. Мадыде-Легутко) по характеру оформления обоймы.

Пряжки с обоймой в виде рамки с продольными, диагональными, наклонными перекладинами — ***тип С 10*** (рис. 1: а; 2). Иногда рамка могла быть украшена штампом (рис. 2: 1, 3б). Прямоугольная накладка на противоположном конце пояса, как правило, отсутствовала (исключение — пояс из Коврово, погр. 14а; рис. 2: 1).

Пряжки с обоймой со сложной ажурной прорезной орнаментацией, как и противостоящая ей накладка, — ***тип С 11*** (рис. 1: б; 3; 4: 1–3; 5). Такие наборы наиболее многочисленны. Гарнитура могла включать наконечники ремня (рис. 4: 2, справа), ладьевидные накладки (например, рис. 3: 1–3, 5; 4: 1). Отметим, что у поясов с такими пряжками противостоящая пряжке накладка в ряде случаев снабжена выступом для крепления конца ремня, более тонкого, чем его остальная часть. Выступ мог быть: сплошной с расширениями (рис. 3: 4–5, 5: 1а), с дуговидной «петлей» (рис. 3: 3; 5: 2а). На такой петле у накладки из Коврово, погр. 30, сохранилась обойма (рис. 3: 1).

Язычок и рамка у таких пряжек, вероятно, отливались в одной форме, затем на язычок надевалось литое кольцо. Расположенный с обратной стороны язычка выступ загибался и приклепывался к обойме напротив основаниям язычка (как на рис. 5: 1б, 2б).

Пряжки с обоймой без прорезного декора, которые могли быть украшены орнаментом, нанесенным при помощи штампа, — ***тип С 12***. Они известны в двух комплексах: Шлакалькен IV, погр. 20, и Большое Исаково, погр. 195 (рис. 1: в; 4: 5а–б). На противоположном конце ремня могла находиться накладка, симметричная обойме пряжки. При изучении в оригинале пряжки из погр. 20 могильника Шлакалькен IV было установлено, что язычок у нее отлит отдельно, имеет у основания перекладину, которая приклепывалась к накладке, имитирующей обойму, и основе пояса (рис. 4: 5б). В таком случае речь идет о сложносоставной конструкции, в основе которой находится пряжка иного типа — близкого типу С 1–2 [Madyda-Legutko, 1987. Tab. 5: 1]. Это ставит под сомнение выделение типа С 12 вообще.

К какому варианту отнести пряжку из комплекса Хрустальное, погр. 21, gez. 3 (рис. 4: 4) — не ясно.

Тип 2 — застежка-крючок (рис. 1: г; 6–11).

Вариант 1 — литые пластина и крючок изготавливались отдельно, а затем соединялись при помощи заклепки (как на рис. 7: 1, 2; 8: 5) или отливались вместе (как на рис. 8: 1, 4, 6; 9: 1). Большинство таких пряжек-крючков имеет пластину с ажурным декором, гарнитур нередко дополняли противостящая им на поясе ажурная накладка-пластина, ладьевидные и другие накладки, украшавшие его по периметру, обоймицы для привешивания (рис. 7–9). Известны и экземпляры без ажурного декора на пластине. Такой пояс из погр. 119 могильника Березовка (рис. 10) имел противостоящую застежке аналогичную прямоугольную пластину и ладьевидные накладки. Очевидно, что этот вариант делится на подварианты по различию упомянутых или других особенностей. Вероятно, по мере дальнейшего изучения и накопления материала часть застежек, рассматриваемых в его рамках, выделятся в особые варианты.

Вариант 2 — пластина собрана из образующих прямоугольник частей, соединенных заклепками, центральная, наиболее длинная, перекладина имеет конец, образующих застежку-крючок (рис. 6: 1–2, 4). Морфология данных изделий может быть связана с пряжками, выделенными Р. Мадыдой-Легутко в тип С 10.

Особый экземпляр, близкий по облику застежкам варианта 2, а по технологии изготовления относящийся к варианту 1, представлен в погр. 4 могильника Коврово, вместе с поясными накладками (рис. 6: 3).

Единична на поясах рассматриваемого круга пряжка с рамкой округлой формы и плоским «козырьком» по периметру рамки, происходящая из погр. 11а могильника Коврово (рис. 6: 5). Она относится к ***типу F 3***, который и был выделен преимущественно на материалах могильника Коврово. Имеются данные о наличии таких пряжек в женских комплексах вельбаркской культуры [Madyda-Legutko, 1987. S. 43. Karte 28; Хомякова, 2012а. С. 120].

Не сохранились данные о конструкции застежки пояса из Ровного, погр. 13 (рис. 8: 2), включавшего прямоугольную прорезную пластину и другие накладки, аналогичные тем, что известны на интересующих нас поясах.

2.2. Накладки делятся на два основных типа.

Тип I включает предметы ладьевидной формы, известные в составе большинства наборов. Для части из них не представляется возможным указать точное количество (см. каталог). Достоверными можно считать данные о поясах из комплексов Поваровка, погр. F (рис. 9), Ветрово, погр. 1, которые украшало 17–18 накладок; Березовка, погр. 119 (рис. 10), в составе набора которого выявлено 13 накладок.

Вариант 1 представлен выпукло-вогнутыми экземплярами овальной формы с выступающими профилированными окончаниями, которые крепились к поясу при помощи заклепок, расположенных на корпусе накладки (рис. 2: 3а, 3: 1–3, 5; 4: 1, 5а; 5: 2в; 6: 1; 8: 2, 9: 5, 7; 10: 4–14). Разновидность таких накладок — экземпляры, корпус которых были украшен полосой, перпендикулярной накладке (рис. 3: 5; 5: 2в; 9: 5, 7; 10: 4–6).

Вариант 2 аналогичен предшествующему, но характеризуется выступающими плоскими треугольными окончаниями (рис. 4: 3; 5: 1в; 6: 5; 7: 5–14, 16; 8: 6). Заклепки, при помощи которых накладки крепились к ремню, располагались не на корпусе, а на его окончаниях. Такие накладки можно считать упрощенной формой варианта 1.

Тип II — прямоугольные (рис. 4: 1; 6: 3; 9: 2; 10: 3), представляли собой чаще всего пластину, крепились к поясу заклепками, расположенными на окончаниях. По периметру такие накладки могли орнаментироваться пуансоном. Отметим, что эти изделия могли быть не только украшениями, но и, вероятно, имели функциональное назначение. Так, в поясных наборах из Березовки, погр. 119, и Поваровки, погр. F, прямоугольная накладка располагалась на окончании пояса в качестве ограничителя, который не позволял ремню рваться, поскольку пояс застегивался при помощи крючка (рис. 9: 2; 10: 3).

Как правило, в **составе поясного набора** присутствовали накладки, принадлежащие к одному типу и варианту. Вместе с тем могут быть и исключения, как у поясов из Гурьевска Нового, погр. 13, Березовки, погр. 119, где были выявлены накладки разных вариантов (рис. 7: 5–16; 11: 3–14). Встречаются и пояса с накладками разных типов (рис. 4: 1; 6: 3; 9; 10). Накладки были выявлены в составе поясов со всеми типами пряжек.

2.3. Дугообразные держатели входили в состав поясов из комплексов Поваровка, погр. F, и Шлакалькен IV, погр. 3 (рис. 4: 1; 9: 6, 8), крепились к основе пояса при помощи заклепок. Эти предметы имеют аналогии не в женских наборах, к которым относятся «самбийские» пояса, а в составе воинских портупейных гарнитур. Сходная деталь пояса (удвоенная скоба, также крепившаяся к основе пояса заклепками) известна из комплекса Коврово, погр. 7 (рис. 16: 1), относящегося к фазе B2 [Tischler, Kemke 1902. Taf. 10: 12; Madyda-Legutko, 1983. Tab. II: 7].

2.4. Наконечники ремней. В комплексе Коврово, погр. 11b, присутствовал бронзовый профилированный наконечник ремня, с несколькими сферами, разделенными перемычками (рис. 4: 2), близкий ***типу O3*** по Клаусу Раддацу ***или группе 1*** по Р. Мадыде-Легутко [Madyda-Legutko, 2011. S. 17–31]. Подобные наконечники известны в поясных наборах других типов, представленных в культуре Долькайм—Коврово, в частности на могильниках Коврово, Поваровка, Охотное (бывш. Bieskobniken, Kr. Fischhausen), Березовка, Котельниково (бывш. Warengen, Kr. Fischhausen), Лендорф (рис. 16: 5, 10, 14–15, 17–19; Tischler, Kemke, 1902. Taf. X: 12; архив Г. Янкуна).

2.5. Проблемы реконструкции поясных наборов. В определении внешнего вида «самбийских» поясов, с одной стороны, привлекаются данные о ременных наборах, сохранившихся полностью, с другой — их сопоставление с норико-паннонскими гарнитурами и гарнитурами из соседних культур [Jankuhn, 1933. Abb. 10; Okulicz, 1976. Fig. 6–7; Madyda-Legutko, 1984. S. 107. Fig. 5: 9–12; Chilińska-Drapella, 2010. S. 11–15]. Репрезентативными считаются комплексы из довоенных публикаций: Поваровка, погр. F, Шлакалькен IV, погр. 20, Лендорф, погр. C (рис. 11: 5–6). О ряде погребений дополнительную информацию можно получить из архивов: Путилово, погр. 15, Коврово, погр. 4, 30. Наконец, наиболее важны предметы, найденные в ходе современных раскопок в комплексах с хорошо документированными данными о расположении предметов и погребальном обряде: Березовка, погр. 119 (рис. 11: 7), Большое Исаково, погр. 195, 233, Заостровье II.

Перечисленные материалы наиболее информативны и для реконструкции убора с «самбийскими» поясами, описательная характеристика которого присутствует в нескольких исследованиях [Tempelmann-Mączynska, 1983. S. 6. Fig. 10; 1989. S. 85; Nowakowski, 1996. S. 55–56; Chilińska-Drapella, 2010. S. 13–15). В архивах сохранились частичные сведения о расположении инвентаря в трупоположениях Коврово, погр. 1, 11a–11b, 14a, и наиболее полные — о комплексе Путилово, погр. 15. В этих могилах гарнитуры или их детали помещены в районе пояса (рис. 11: 1–3a). Так же расположены пояса в погр. 195, 233 Большое Исаково [Скворцов, 2003. Рис. 96; Кулаков, 2013. Рис. 45]. Однако в одном из погребений могильника Заостровье II детали пояса были зафиксированы у головы погребенной, в погр. 119 могильника Березовка пояс располагался в органическом футляре за головой погребенной (рис. 11: 4).

Рассматриваемая часть убора соотносится с «женскими» комплексами, однако стоит отметить, что ни одного антропологического определения погребенных с «самбийскими» поясами нет. В перспективе они возможны только для некоторых комплексов из современных раскопок, с учетом того обстоятельства, что костные останки в трупоположениях могильников Калининградского полуострова не сохраняются из-за кислых почв. Поэтому исследователями используется методика, основанная на анализе погребального инвентаря, позволяющая выделить две традиции погребальных комплексов: 1) с вооружением, 2) с набором украшений, нередко встречаемых в женских погребениях других культур (например, Tempelmann-Mązynska, 1989. S. 11–12). Такой подход единственно возможен и для массива погребений, раскопанных в довоенный период, антропологический материал из которых не учитывался вовсе [Хомякова, 2012a. С. 20–21]. «Самбийские» пояса принадлежат ко второй из отмеченных традиций; захоронения с ними, где выявлено оружие и конское снаряжение, относятся к категории коллективных.

3. Другие категории предметов с ажурным декором

В культуре Долькайм—Коврово известны и поясные гарнитуры с прорезным декором, не относящиеся к категории «самбийских». Гарнитуру с ажурной прямоугольной и ладьевидными накладками из погр. 5 могильника Грачевка отличает пряжка с прямоугольной рамкой и щитком на язычке (рис. 12: 1), относящаяся к типу G 25 [Madyda-Legutko, 1987. S. 51]. Ажурная прямоугольная пряжка известна среди находок с могильника на современной ул. Ялтинская, г. Калининград (рис. 12: 2). Детали поясных наборов выявлены среди материалов могильника Поддубное (рис. 12: 4), а также в погр. 35 могильника Тенген (рис. 12: 3). Примечательно, что эти поясные гарнитуры были найдены в погребениях, которые содержали инвентарь, позволяющий относить их к категории «женских» комплексов. Детали, которые могут относиться к ажурным поясным наборам, известны в материалах могильников Альтхоф, погр. 41 (рис. 12: 6), Березовка, погр. 116B (рис. 12: 7–8), а также Приморском, среди случайных находок (рис. 12: 9–10).

В архивных документах присутствует и информация о случайных находках с могильника Грачевка, которые могли быть элементами нагрудного украшения с треугольными подвесками-лунницами, звеньями цепи и ажурными прямоугольными пластинами (рис. 12: 12, 15–16). Однако особенность источника затрудняет интерпретацию и определение культурного контекста этих предметов. Подобные подвески-лунницы имеют аналогии как в элементах нагрудным украшений с западнолитовских территорий, могильников Аукстскиемяй (бывш. Oberhof, Kr. Memel), Шерняй (бывш. Schernen, Kr. Memel) и Пангесяй (бывш. Pangessen, Kr. Memel) [Bezzenberger, 1892. Taf. XVI; Engel, 1935. Taf. 52c, 53a], так и в деталях конского снаряжения на территории Западной Литвы, на могильнике Стрягняй, и в судавской культуре, на могильнике Нетта [Lau, 2014. Abb. 95: 1–2].

Ажурный декор в древностях самбийско-натангийской культуры присутствовал и на элементах конского снаряжения: наносниках из погр. 478 могильника Алейка III (рис. 12: 17) и Русского (рис. 13), вместе с которым были обнаружены бронзовые цепи-поводья. Примечательно, что наносник из Русского близок по своей стилистике ажурным прямоугольным накладкам «самбийских»

поясов, в то время как наносник с могильника Алейка III, погр. 478, имеет лишь небольшую зону, в декоре которой присутствует «веретенообразный» мотив (рис. 12: 17). Поверхность наносника из Русского, вероятно, была покрыта белым металлом [I Balti, 1991. P. 91. Fig. 198]. Прорезным геометрическим декором были украшены сбруйные накладки и разделители из погр. 418 могильника Алейка III (рис. 12: 5, 13–14) и могильника Куликово, погр. 1 (рис. 12: 11). В подъемном материале могильника Алейка III также известны фрагменты изделий с прорезным декором, которые могли быть поясными накладками.

4. Орнамент

Орнаментальные мотивы, характеризующие предметы с прорезным декором в культуре Доллькайм—Коврово, представлены несколькими разновидностями (рис. 14).

Наиболее распространенный мотив — геометрический декор в виде сочетания крестов, углов, Т-образных «ступенек» (рис. 14: 1а–б, 3б). Элементы такого орнамента представлены на элементах поясов из могильника Коврово, комплексы 11а, 11b, 30 (рис. 3: 1; 4: 2; 6: 5), погр. 3 могильника Шлакалькен IV, Гурьевска Нового, погр. 13, погр. 1 могильника Ветрово и находке из Луговского (рис. 4: 1; 8; 9: 6, 6а–б). Такие орнаментальные мотивы характерны и для других изделий ажурного стиля — элементов сбруй, поясов других типов (рис. 12: 1–2, 11–14).

Другим мотивом декора можно назвать элементы растительного орнамента в виде сочетания стилизованных «стеблей», дуг, соединенных в четырехсторонние фигуры с вогнутыми сторонами, и треугольников (рис. 14: 2а, 3а–б). Такой декор украшает детали поясов из Парусного и Краснодонского, гарнитур из погр. F могильника Поваровка, Путилово, погр. 15, погр. 170 могильника Тюленино (рис. 3: 5; 4: 3; 5: 2а–в; 9: 5).

Еще одним мотивом являются соприкасающиеся верхушками ромбы со слегка вогнутыми сторонами (рис. 14: 2б). Ромбы дополнительно украшены косыми насечками, имитирующими древесный лист (рис. 14: 5). На накладках «самбийских» поясов сочетание таких элементов могли украшать отдельные зоны (рис. 14: 2б, 7–8). Пояса с таким декором были выявлены в комплексах могильника Коврово (погр. 1, 11а, 28), им орнаментированы случайные находки из Наликайм и Парусного (рис. 3: 2–4; 4: 3; 6: 5). Мотив ромба с вогнутыми сторонами характерен и для деталей конских сбруй (рис. 12: 18).

Наконец, еще одним элементом, который украшал пластины, был орнамент в виде стилизованного веерообразного листа, пальметты, или «веретена» (рис. 14: 4а–б, 6). Такой декор присутствовал на поясах из Коврово, погр. 30, Путилово, погр. 15, Тюленино, погр. 170 (рис. 3: 1, 5; 9: 5), а также изделии из Луговского, где декор присутствовал не только как элемент, украшающий площадь накладки, но выходил за ее пределы, будучи самостоятельной деталью, дополняющей ее облик (рис. 5: 1а–в). «Пальметта» украшала детали ременной гарнитуры из погр. 35 могильника Тенген, представлена на наноснике из Алейки III, погр. 478 (рис. 12: 3, 17).

Примечательно, что накладки «самбийских» поясов отличает сочетание нескольких видов декора, в то время как предметы конской сбруи и гарнитур других типов — как правило, какой-то один (рис. 12): чаще всего представленный сочетанием геометрических элементов в виде углов или ступенек. Декор отдельных предметов определяет веретенообразный мотив (рис. 12: 3–4, 17). Исключение составляет лишь наносник из могильника Русское, отличающимся сочетанием нескольких мотивов (рис. 13).

5. Появление предметов и стиля ажурной орнаментики в культуре Доллькайм—Коврово

Стилистические особенности предметов позволяют связывать их ажурный декор с техникой *opus interrasile*, которая применялась для орнаментации деталей снаряжения римской армии: ножен мечей, поясов, портупей, звеньев конских цепей-поводьев; а в провинциях Норик и Паннония в I в. н.э. — и для элементов женского убора [Garbsch, 1965. S. 83–93; Щукин, 1998. С. 201] (рис. 14: 1в, 2в, 3в, 4в; 16: 1–2).

Действительно, геомерический орнамент в виде крестов, углов, Т-образных «ступенек» характернен для ряда изделий, происходящих из Паннонии и прилегающей территории Подунавья, относящихся к I в. н.э. По классификации Йохена Гарбша такой тип орнамента (рис. 14: 1в) относится к типу B I («B» от нем. *Beschlaggruppe*) [Garbsch, 1965. Abb. 44]. Орнамент в виде «стеблей», дуг, соединенных в четырехсторонние фигуры с вогнутыми сторонами, и треугольников (рис. 14: 2в) близок декору типа B2, датируемому по материалам из римских провинций серединой I в. н.э. [Garbsch, 1965. Abb. 45]. Декор в форме соприкасающихся верхушками ромбов со слегка вогнутыми сторонами имеет сходство с типом B4 [Garbsch, 1965. S. Abb. 47], который представляет собой набор элементов в виде треугольников, расположенных вдоль осевой линии. Такой орнамент был распространен на юго-востоке Паннонии во 2-й половине I — середине II в. (рис 15: 2в, 3в). Наконец, орнамент в виде стилизованного веерообразного листа, оканчивающегося двойным завитком, представляет собой распространенный мотив «пальметты» (рис. 14: 4в), отнесенный Й. Гарбшем к типу B5 [Garbsch, 1965. Abb. 48].

Вместе с тем, в декоре «самбийских» поясов наблюдается сочетание нескольких мотивов, что не характерно для норико-паннонских гарнитур. Пластины делились на отдельные зоны, где располагался орнамент, в то время как на норико-паннонских накладках такие зоны отсутствовали и орнамент заполнял все их пространство. Отсутствие идентичных форм орнаментации пластин впервые отметил еще Г. Янкун [Jankuhn, 1933. S. 172–176].

Следует отметить, что элементы геометрического орнамента встречались не только в провинциальноримских, но и в других европейских древностях. Украшение предметов в ажурном стиле восходит к кельтской традиции. В археологической литературе высказывалась мысль о том, что некоторые традиции, присущие кельтским ювелирам, продолжали сохраняться и в I в. н.э. и наложились на римские [Okulicz, 1976. S. 194, 208]. Так, упомянутый мотив в виде «пальметты» был наиболее характерен для изделий, происходящих из кельтско-римских поселений в I в. до н.э. [Garbsch, 1965. S. 91]. Ажурная орнаментика была характерна для накладок ножен мечей (рис. 15: 3–5), распространенных в позднелатенское время [Щукин, 1994. С. 191; Böhme-Schönberger, 2002. Abb. 2]. Традиция сохраняется и в раннеримский период — прорезной орнамент известен на предметах воинского снаряжения пшеворской культуры уже с позднего предримского периода [Dąbrowska, 1988. Tab. 1: 13, 14. Fig. 3; 9: d. Map 6]. Отдаленные аналогии ажурным деталям мужского убора пшеворской культуры раннеримского времени Р. Мадыда-Легутко называет в син-

хронных древностях Норика и Паннонии. Вместе с тем, для варварских предметов убора восточногерманского круга был характерен свой набор орнаментальных мотивов, среди которых ведущее место занимали элементы в виде дуг, ромбов, углов [Madyda-Legutko, 2009. S. 778–780], прямые параллели которым имеет ряд предметов из культуры Доллькайм—Коврово: упомянутые выше сбруйные накладки с могильников Куликово и Алейка III, поясные гарнитуры из Грачевки, погр. 5, материалы могильника на ул. Ялтинская г. Калининграда, погр. 35 могильника Тенген и могильника Поддубное (рис. 12).

По одной из точек зрения, это связывается с влиянием «кельтского» населения римских провинций, которое могло оказывать существенное воздействие не только на «восточногерманское», но и на «западнобалтское» население [Щукин, 1994. С. 226; Новаковский, 2008. С. 48, 49]. С другой стороны, это могло быть обусловлено тесными контактами «западнобалтских» культур с пшеворской в раннеримское время. Например, пряжка с могильника на ул. Ялтинская г. Калининграда и близкая ей находка с некрополя Махары богачевской культуры (рис. 17: 1).

Вместе с тем в данном контексте большую роль играют предметы, подобные накладке-наноснику из Русского, оформление которой близко «самбийским» поясам (рис. 13). Наиболее близкие аналогии данный предмет находит в североевропейских материалах: Рёнслунде, округа Икаст-Бранне Центральной Ютландии и Гудбэрге, округа Свендборг о-ва Фюн, датируемых I в. н.э. (рис. 15: 6), откуда, как считается, происходят наиболее ранние варианты варварских конских уздечек [Wilbers-Rost, 1994. S. 174–175; Lau, 2014. S. 9–10, 275. Abb. 4–5]. Характер этой находки и ее морфологическая близость с экземплярами из Дании, отсутствие других аналогичных предметов в Юго-Восточной Прибалтике позволяют считать ее предметом импорта и одним из наиболее ранних предметов в ажурном стиле в местных древностях.

При изготовлении элементов ажурного декора у вещей, происходящих с территории Калининградского п-ва, использовались такие приемы, как литье по восковой модели, растачивание, вырезание, шлифовка, — применявшиеся в производстве и других категорий изделий местных древностей. «Сплошные» накладки могли быть изготовлены в том числе из пластин методом штамповки. Ряд предметов дополнительно украшен пуансонным орнаментом и инкрустирован железными проволочками, что не типично для техники *opus interrasile*, но характеризует приемы, использовавшиеся мастерами европейского Барбарикума в раннеримский период [Strobin, 1995. S. 51–54]. Стоит упомянуть и покрытие поверхности оловянистым сплавом, а также использование элементов стиля сильной профилировки. Профилированные наконечники ремней и ладьевидные накладки были характерны для норико-паннонского убора [Garbsch, 1965. S. 102, 104–106. Abb. 56, 58: 1]. Близкими по облику провинциальноримским образцам являются лишь овальные выпукло-вогнутые накладки с выступающими профилированными окончаниями. Однако, и они были распространены вне пределов римских провинций, на территориях, заселенных варварскими племенами (например, Jílek, Kuča, Sojková, 2011. S. 268. Tab. VI: 2). Накладки, корпус которых был украшен чеканным орнаментом, характерны исключительно для «самбийских» поясов и представляют местные формы, что было отмечено уже Й. Гарбшем [Garbsch, 1965. S. 102]. Профилированные наконечники ремней из Калининградского п-ва также находят наиболее близкие аналогии в центральноевропейских древностях. Наконечники ремней группы O появляются в погребальных комплексах Готланда, Борнхольма и восточной Ютландии на фазах B1 и B2a [Ilkjær, 1993. S. 205]. На фазах B2a и B2b они довольно широко представлены в материалах вельбаркской культуры с территории дельты Вислы [Piertzak, 1997. S. 17, 20, 62; Hahuła, Wołągiewicz, 2001. S. 26], характерны они и для комплексов пшеворской культуры фазы B2 [Andrzejowski, 1998. Pl. XXVIII: 8, 8a; 2006. Fig. 15: 4, 5].

С центральноевропейскими культурами связан, вероятно, и генезис пряжек «самбийских» поясов с неподвижным язычком и вращающимся кольцом (тип 1). Наиболее ранние экземпляры пряжек группы C, типов 4 и 9, были распространены первоначально в пшеворской культуре, а также в эльбско-германском культурном круге [Madyda-Legutko, 1987. Karte 11; Nowakowski, 2013. S. 184]. Такие пряжки появились впервые в оксывской и пшеворской культурах в предримское время на фазах A2/A3 — B1[Madyda-Legutko, 1987. S. 22; Nowakowski, 2002. S. 141]. К раннеримскому периоду принадлежат типы C 1–3. На могильнике Неданово пряжки типа C 3 из «мужских» комплексов были выявлены вместе с сильно профилированными фибулами типов A.74–75 и датированы фазой B1 [Ziemińska-Odojowa, 1999. Taf. LII: 2; LXI–209: 4]. Такие изделия в предримское и раннеримское время (фазы A3 — B1) широко известны в богачевской культуре Мазурского поозерья [Gaerte, 1929. Abb. 134: g, h; Nowakowski, 2013. S. 184–186]. Большинство их изготовлено из железа.

В вельбаркской культуре пряжки типов C 1–2 с неподвижным язычком и вращающимся кольцом появляются несколько позже и датируются фазами B2a и B2b [Piertzak, 1997. Taf. X:1a, b; XLII: 3, 4]. Комплексы вельбаркской культуры с пряжками C 1–2 характеризуют и похожие сочетания погребального инвентаря — в частности, в убор с поясом с пряжкой C 1 из могильника Прущ-Гданьски 10, погр. 127 (рис. 16: 7), также входили сильно профилированные застежки группы IV.

Представляется, что рассматриваемая конструкция пряжек изначально появилась в вельбаркской и пшеворской культурах, став прототипом для самбийско-натангийских форм. Возможно, главную роль, как указывалось выше, играло влияние пшеворской культуры, что выразилось в частности в появлении в Мазурском поозерье вариантов пряжек группы C, находящих прямые аналогии на территории Мазовии. Однако наиболее ранние экземпляры подобных пряжек культуры Доллькайм—Коврово, принадлежащие раннеримскому времени, изготовлены из бронзы и более близки вельбаркским образцам. Подобная пряжка встречена на могильнике Котельниково (бывш. Warengen, Kr. Fischhausen), где она она входила в комплекс *«Depotfund»* (рис. 15: 8).

Для широкого круга древностей центральноевропейских культур характерны и прямоугольные накладки. Аналогии известны в составе поясных наборов из болотных находок в Иллерупе [Ilkjær, 1993. Abb. 65] и Торсберге [Raddatz, 1957. Taf. 11: 20–25]. Такие предметы представлены на поясах вельбаркской культуры, относящихся к фазе B2. Они известны на могильниках Прущ-Гданьски 10, погр. 79, 127 [Piertzak, 1997. Taf. XXIV: 6–12; XLII: 2], Любовидз, погр. 109 [Wołągiewicz, 1995. Taf. XVIII: 12]. Пояса с такими накладками в комплексах вельбаркской культуры включали в себя распределители ремней с обоймицами, пряжки группы F, а также наконечники ремней группы O по К. Раддатцу. В состав пояса из погр. 127 могильника Прущ-Гданьски 10 входила бронзовая пряж-

ка типа С 2, типологически близкая пряжкам из состава «самбийских» поясов. Ремни с подобными накладками из ареала культуры Доллькайм—Коврово, вероятно, имели облик, близкий к вельбаркскому (рис. 15: 7).

Прямоугольные накладки были распространены и в других культурах «западнобалтского» круга. Похожие накладки в частности выявлены в ряде погребений могильника Нетта [Bitner-Wróblewska, 2007. Pl. XIV: 1, 2; LXI: 117A, B.1; LXII: 116.1–3; LXIII: 120. 1], в древностях могильника Швайцария [Madyda-Legutko, 1983. Fig. 2: b], где имеют датировку в пределах фаз B2/C1–C1a, C1b, C2.

Параллели дугообразным держателям известны как в материалах Среднего Подунавья, так и Северной и Центральной Европы. В поясных наборах из Иллерупа они служили для привешивания предметов быта [Ilkjær, 1993. Abb. 67]. Такие вещи характерны и для воинских ременных наборов пшеворской культуры. Примером служит комплекс 126 могильника Надколе 2 [Andrzejowski, 1998. Pl. LXXX. Gr. 126: 10], относящийся к фазе B2b. Аналогичные держатели, вероятно, были распространены в материалах вельбаркской культуры дельты Вислы. На могильнике Прущ-Гданьски 10, погр. 534A, такой держатель входил в состав мужского поясного набора вместе с пряжкой типа G 16 и наконечником ремня типа J IV, относящегося к фазе C1 [Piertzak, 1997. Taf. CLII: 7].

Аналогии в центральноевропейских древностях имеют и другие предметы ажурного стиля. В пшеворской культуре — пряжка из Грачевки, погр. 5 (рис. 12: 1) [Madyda-Legutko, 2009. Tab. 3–4]. Накладки-детали сбруй из комплексов Алейка, погр. 418, Куликово, погр. 1 (рис. 12: 11–14) хоть имеют близкие аналогии среди элементов провинциальноримских конских гарнитур и поясных наборов, в том числе в среднедунайских кастеллумах [Oldenstein, 1977. S. 193–197. Taf. 62: 787–797: 63: 803–808; 64: 816–817], более близки изделиям с Ютландского полуострова [Wilbers-Rost, 1994. Karte 1–2; Nowakowski, 1996. S. 63. Taf. 96].

Рассуждая о характере провинциальноримского влияния на возникновение в местных древностях предметов, подобных «самбийским» поясам, кроме парадных конских уздечек, стоит упомянуть поясные наборы, которые полностью сохраняют морфологию, общий облик и функцию элементов, характерных для гарнитур германского круга древностей. Они выявлены с ними на одних и тех же могильниках, в объектах одного горизонта. Наряду с упомянутым комплексом Коврово, погр. 7 [Tischler, Kemke 1902. Taf. 10: 12] (рис. 16: 1–5), содержащим дугообразный держатель, аналогичный деталям «самбийских» поясов, такие вещи есть среди находок с могильников Заостровье II и Лендорф (рис. 16: 7–10), где гарнитура была найдена случайно. Эти поясные наборы характеризуются накладками в форме коробков (рис. 16: 2–2a, 7), профилированными наконечниками ремней группы O (рис. 16: 5, 10), пряжками (рис. 16: 4, 9). Все элементы этих поясов имеют прямые аналогии в пшеворской и вельбаркской культурах, любошицкой группе, северо-германских древностях [Raddatz, 1957. Karte 6; Madyda-Legutko, 1984. S. 93–96. Fig. 1: 6, 9]. Пряжки типа B1 в вельбаркских и пшеворских культурах датируются фазой B2 [Madyda-Legutko, 1987. S. 12–14. Karte 10], и относятся к наиболее позднему варианту изделий данного типа, возникшему на границе «германского» и «западнобалтского» культурных кругов [Schuster, 2010. S. 301–302. Abb. 121]. Так же, как и в производстве этих поясов, при изготовлении «самбийских» гарнитур могла быть использована только идея украшения ажурным орнаментом накладок, восходящая к провинциальноримской традиции. Детали и наборы в целом изготавливались по образу поясов, характерных для древностей центральноевропейского круга.

6. Хронология предметов с ажурным декором

«Самбийские» пояса происходят из группы погребений, для которой характерен довольно устойчивый набор предметов. В схеме хронологии элементов женского убора самбийско-натангийской культуры [Хомякова, 2012б. С. 258–259. Рис. 9: 17–20] эти ременные гарнитуры отнесены к фазе I (B2 центральноевропейской хронологии). При этом я отмечала, что датировки ряда индикаторов этой фазы, среди которых и «самбийские» пояса, тяготеют к центральноевропейским фазам B2b и B2/C1. В данной статье эти выводы уточняются. Более дробный анализ совстречаемостей предметов в группе погребений с ажурными изделиями (табл. 1) позволяет выделить три хронологические группы.

Пряжки типа 1 (C 10–12) встречаются в I и II группах, выделяемых по соотношению основных хроноиндикаторов — фибул. При этом пояса с пряжками с неподвижным язычком и вращающимся кольцом типов C10 и C12 относятся к I группе комплексов, характеризуемой сочетанием сильно профилированных фибул группы IV (типов A.72, A. 80) и «глазчатых» группы III, не встречаются в других группах.

В материалах вельбаркской культуры, для которой фибулы второй серии группы IV наиболее характерны, они выявлены вместе с «глазчатыми» фибулами и относятся к фазе B1, например Любовидз, погр. 253 [Wołagiewicz, 1995. S. 32], Прущ Гданьски, погр. 98, 115 [Piertzak, 1997. S. 22, 25]. Фазой B2b в вельбаркских и богачевских древностях датированы и фибулы A.80 [Piertzak, 1997. S. 55; Nowakowski, 1998. S. 49; Hahuła, Wołagiewicz, 2001. S. 20]. Выявленные «глазчатые» фибулы преимущественно относятся к типу B IV, датируемому в пределах фазы B2 [Jamka, 1964. P. 68. Fig. 50].

Пояса с пряжкой с застежкой-крючком (тип II) появляются в составе погребений группы II вместе с с фибулами типа A.42, продолжающими линию развития типов A.40–41, в вельбаркских древностях, датированных фазой B2b [Tuszyńska, 2005. P. 5, 36], а также B2/C1 [Wołagiewicz, 1995. S. 29; Piertzak, 1997. S. 55, 72].

Только пряжки типа II характерны для комплексов группы III. В составе погребений этой группы встречены перекладчатые фибулы (группа V), относящиеся в центральноевропейских древностях к фазе B2b–B2/C1 [Nowakowski, 1996. S. 50, 51; Machajewski, 1998. S. 190–193; Hauptman, 1998. S. 166], гребенчатые A.125, аналогии которых в вельбаркских могильниках датированы фазами B2—B2/C1 [Wołągiewicz, 1995. S. 16, 17, 22; Piertzak, 1997. S. 46]. Пряжки с неподвижным язычком и вращающимся кольцом с ажурной обоймой (типы C10–12) в составе погребений этой группы не встречаются. Отметим, что «самбийские» ременные наборы могли находиться и с фибулами группы VI, фрагмент которой упоминается в комплексе Гурьевск Новый, погр. 13, с поясом с пряжкой-крючком. Стоит отметить, что в хронологической группе III для дополнительного украшения сильно профилированных язычков пряжек могла применяться таушировка железными проволочками, характерная для других предметов самбийско-натангийской культуры (фибул, браслетов) фазы B2/C1–C1a.

Варианты орнаментальных мотивов встречаются во всех хронологических группах и, вероятно, не являются хроноиндикаторами.

Вероятно, «самбийские» пояса в составе убора существовали недолго и могли использоваться одним, максимум двумя, поколениями. Фазой B2 датируется большинство предметов, однако выделенные группы I и II позволяют предполагать наличие внутри этого отрезка времени двух хронологических горизонтов. Часть ажурных поясных наборов (группа III) принадлежала к более позднему периоду, синхронному фазе B2/C1–C1a.

Накладка-наносник из Русского может относиться к наиболее ранним предметам в ажурном стиле. Аналогия, происходящая из местечка Гудбэрг на острове Фюн, найдена в составе конской сбруи в погребении вместе с фибулой типа A.26 [Wilbers-Rost, 1994. S. 174–175], которая датируется фазами B1 и B2a [Machajewski, 1998. S. 190; Lau, 2014. S. 27–28], что, вероятно, соотносится со временем, когда на Калининградском п-ве традиции производства таких вещей еще не существовало. Это и позволяет считать данный предмет импортным с островов Дании, а не наоброт, как считалось ранее [Wilbers-Rost, 1994. S. 102–103]. В таком случае вещи, подобные обсуждаемой, могли и стать образцами для самбийских изделий.

Примечательно, что хронология других типов вещей с геометрическим орнаментом соотносится с фазой B2/C1–C1a. Например, элементы пояса из комплексов Грачевка, погр. 5, конские сбруи из могильников Алейка III, погр. 418, и Куликово, погр. 1, встречаются с гребенчатыми и перекладчатыми фибулами типов A.98 и A.130, фибулами группы VI, пряжками с полукруглой и прямоугольной рамкой групп D и G (см. каталог). Таким образом, на фазе B2/C1–C1a расширяется набор элементов материальной культуры, которые могли быть украшены в стиле прорезной орнаментики. Наиболее близкие аналогии они имеют в центральноевропейских древностях и в Северной Европе. Пространство декора, разделенное на зоны, присуще накладкам поясных гарнитур и конской сбруи, известным по болотным находкам фазы B2/C1–C1a из Торсберга, Вимозе, Триннемёзе, Иллерупа [Raddatz, 1957. Taf. 7: 5; Engelhardt, 1969. Taf. 11: 57a, 13; Klindt-Jensen, 1952. Fig. 1: h, i, k; Ilkjaér Carnap-Bornheim, 1996. Taf. 231] (Рис. 15: 9–11, 12–14). Там же известны аналогии накладкам-наносникам, верхняя часть которых, подобно изделию из погр. 418 могильника Алейка III, украшена прорезным орнаментом [Lau, 2014. S. 13. Abb. 7: 10]. Поэтому не следует считать появление группы поясов с пряжкой-крючком и накладками, «собранными» из пластин, признаком упрощения технологической схемы и «упадка» культуры литья на Калининградском п-ве [Nowakowski, 1996. S. 56], речь, скорее, идет лишь о прекращении «моды» на «самбийские» пояса. Ведь в то же самое время существовали другие предметы с ажурным декором, выполненные на достаточно высоком уровне мастерства и с использованием тех же самых технологических приемов.

7. К изучению стиля ажурной орнаментики в Восточной Прибалтике и более восточных землях

Ажурная орнаментика в богачевской и судавской культурах также использовалась в основном для украшения элементов поясной гарнитуры. Однако они были представлены предметами других типов: аналогии «самбийским» поясам немногочисленны. Похожий на «самбийские» ременной набор известен в сувалкской группе судавской культуры на могильнике Швайцария, в кургане 20, погр. 2, относящегося к фазе B2/C1–C1a [Jaskanis, 2013. P. 38–39, Pl. XXXI]. Он состоял из накладок: ладьевидных с выступающими треугольными окончаниями и крупных прямоугольных, соединенных шарниром (рис. 17: 17), которые не имели ажурного декора. Ближайшие аналогии — «самбийские» пояса из погр. 195 могильника Большого Исаково, и Березовки, погр. 119 (рис. 10) — памятников, расположенных в долине р. Преголи — основной транспортной артерии, связывавшей Калининградский п-в с Мазурским поозерьем. В богачевской культуре известны накладки, изготовленные из прямоугольных пластинок, соединенных заклепками, подобные обоймицам пряжек типа C 10 [Nowakowski, 1998. S. 75, Abb. 21: Kat. 711, 712; 25]. Эти образцы известны на фазах B2 и B2/C1–C1a (рис. 18: 13).

Прорезным декором украшались наконечники ремней групп J III 1–2, J IV (рис. 17: 7–12), входящие в состав ременных наборов вместе с пряжками с прямоугольный рамкой группы G (например, могильник Осова I, курган 114) [Jaskanis, Jaskanis, 1966. Taf. III: 4–5], могильник Камень, объект 2 [Szter, 2010. Tabl. I: 3–4]. Дата этих наборов — фаза B2/C1–C1a. Наиболее многочисленные параллели они находят в синхронных материалах пшеворской культуры, а на территории Калининградского п-ва аналогией им является упомянутый поясной набор из погр. 5 могильника Грачевка (более подробно см. Madyda-Legutko, 2009. P. 773–782. Tabl. 1–4). Этому набору близки пряжки из могильников Махары (рис. 17: 1) и Осова, кургана 22 [Jaskanis, Jaskanis, 1966. Taf. IV: 10] (рис. 17: 2).

В древностях Мазурского поозерья ажурным орнаментом украшались, вероятно, и детали конских сбруй. К данной категории могут относиться предметы из могильника Ментке I (бывш. Mingfen, Kr. Ortelsbug), погр. 122 (рис. 17: 3–6), который датируется фазами B2, B2/C1 [Nowakowski, 2013. S. 77]. Распределителями ремней могут быть и круглые ажурные детали из погр. 3 могильника Киселевка (бывш. Karschau, Kr. Bartensten) (рис. 17: 16), которые интерпретируются и как возможные звенья цепи рога для питья. Датировка данных предметов — начало позднеримского периода [Nowakowski, 2013. S. 227–228].

Из курганов судавской культуры известны и нагрудные украшения из булавок, цепей и ажурных цепедержателей, более характерные для литовских территорий. В данном контексте стоит упомянуть, что район Сувалок в конце II — начале III в. являлся контактной зоной с ареалом формирующейся культуры восточнолитовских курганов [Vaitkevicius, 2005. P. 71–73]. В инвентаре погр. 2 кургана 20 могильника Швайцария фазы B2/C1–C1a такое изделие было найдено вместе с упомянутым поясным набором, близким «самбийским» гарнитурам (рис. 17: 14). Другое нагрудное украшение происходит с могильника Жива Вода, кургана 14, погр. 1 (рис. 17: 15).

Элементы нагрудных украшений и цепедержатели широко представлены на западнолитовском побережье — в культуре могильников с каменными венцами, например в Бандюжяй, погр. 74 (рис. 17: 8), Аукстскиемяй, погр. 202 (рис. 18: 4а–б), 214, 309, 331, Приекуле, Андуляй [Stankus, 1995. P. 61–62. Fig. 53; Bitner-Wróblewska, 2002. P. 77–79, Fig. 6: b], Стрягняй [Kulikauskas, Kulikauskiene, Tautavičius, 1961. fig. 167; Okulicz, 1976. fig. 8: e-f], Шерняй, погр. 50 (рис. 18: 2а–б), Лаздининкяй, погр. 65/2000 [Bliujienė, 2013. Fig. 250.2: 3a–3b]. Ажурный декор здесь присутствовал и на многочисленных фибулах-брошах — одной из характерных локальных категорий украшений, известных, например, в материа-

лах могильников Аукстскиемяй, Пангесяй (рис. 18: 5–6), Лаздининкяй [Butėnienė, 1968. P. 149–150, Fig. 5: 4]. Прорезной орнамент представлен и на подвесках к шейным гривнам, в материалах Нижнего Понеманья [Jovaiša, 2012. P. 55] (рис. 18: 1).

Пояс в ажурном стиле, который условно можно соотносить с ременными гарнитурами Калининградского п-ва, известен в культуре могильников с каменными венцами Западной Литвы, например в погр. 9/1992 могильника Лаздининкяй (рис. 18: 9), где он был найден с предметами вооружения и конской сбруей [Bliujienė, Butkus, 2007. fig. 10: 3]. Однако данный набор характеризует пряжка с «омега»-образной рамкой, наконечник ремня группы J, в комплексе находилась и дротовая гривна с проволочной обмоткой. Эти вещи датируются не ранее начала или середины III в. [Banytė-Rowell, Bitner- Wróblewska, Reich, 2012. P. 212. Fig. 10]. С фазами C1b и C2 соотносятся, вероятно, и другие изделия с прорезным декором в западнолитовских материалах. Обращает на себя внимание характер ажурной орнаментации — в отличие от изделий с территории Калининградского п-ва он характеризуется сочетанием простых геометрических мотивов (ромбов, углов, дуг), которые многократно повторяются, в том числе посредством множества «зеркальных отображений». Пластинчатые поверхности поясных накладок и нагрудных украшений разделены на зоны. Пластину из могильника Стрягняй (рис. 18: 7) отличает уникальный декор с антропо- и зооморфными сюжетами [Bliujienė, 2011. P. 190–191]. Такое несоответствие «самбийскиму» вариану ажурного декора может свидетельствовать в пользу того, что на формирование западнолитовских образцов, помимо связей с культурой Доллькайм–Коврово, рассматриваемых как единственный фактор [Nowakowski, 1996. S. 73; Banytė-Rowell, Bitner-Wróblewska, 2005. P. 110–111; Bliujienė, 2011. P. 191; Vaska, 2013. P. 101–102], оказывали влияние и другие факторы. Датировки, стилистика, ряд технологических приемов (в том числе покрытие поверхности оловянистым сплавом [Bliujienė, 2013. P. 383–384]), элементы «звериного стиля» находят соответствия в «германских» древностях фаз C1a и C1b. Близкими параллелями являются упомянутые выше изделия, происходящие из болотных находок Северной Германии и Ютландского п-ва (рис. 15: 9–11, 12–14). Нагрудные украшения с ажурным декором часто встречаются в комплексах с розетковидными булавками и шейными гривнами, украшенными вставками из синего стекла, например в погр. 74 могильника Бандюжай и погр. 36 могильника Даугакилис, появление которых в западнолитовских древностях связывается с влиянием стиля горизонта Лёйна — Хасслебен [Banytė-Rowell, 2008; Bliujienė, 2011. P. 86–91. Fig. 28]. Отметим, что ряд объектов с ажурными предметами, включая упомянутые комплексы Бандюжай, погр. 74, и Лаздининкяй, погр. 9/1992, связываются с погребениями «высокого социального статуса» [Banytė-Rowell, Bitner- Wróblewska, Reich, 2012. P. 209–213]. Отметим, что на литовских территориях известны и образцы провинциальноримского ажурного декора, относящиеся к более раннему периоду: второй половине I — II в. Однако они единичны. Примером является импортная фибула типа A.238m [Garbsch, 1965. S. 63. Abb. 30] из могильника Саргеняй, погр. 352 (рис. 18: 3), расположенного вдали от литовского побережья Балтийского моря на берегу р. Вилии. Незначительное количество римских импортных предметов и характер их распространения на литовских территориях в I–II вв. исследователями напрямую связывается с небольшим количеством находок необработанного янтаря и изделий из него, низкой интенсивностью «янтарной торговли» [Bliujienė, 2011. P. 68. Fig. 14]. Вероятно, подобные единичные предметы в данный период не оказали какого-либо влияния на формирование местных форм украшений с ажурным декором.

Предметы с прорезным орнаментом получили широкое распространение и на территориях современных Латвии и Эстонии [Moora, 1938. S. 232–243. Abb. 29–30]. Подобно западнолитовским древностям, ажурный декор здесь характерен для подвесок к гривнам, элементов нагрудных украшений и держателей цепей, треугольных подвесок, фибул-брошей и головок булавок. Цепедержатели и разделители с могильника Саукас-Разбуки (лат. Saukas Razbuki) (рис. 19: 1–2) близки упомянутым изделиям с западнолитовских могильников Аукстскиемяй, Шерняй и Пагесяй (рис. 18: 2а–б, 4а–б, 5). Орнаментику этих изделий отличают простые мотивы; сложные декоративные элементы, как правило, не используются; на ряде предметов зоны ажурного декора становятся небольшими. Наиболее характерны на данных территориях мотивы в виде ромбовидной сетки, дуги, полукруга, свастики, «веретена» [Vaska, 2013. P. 101–107. Fig. 9; Bliujienė, 2013. P. 388]. Часть предметов покрывается оловянистым сплавом (рис. 19: 7). Представляется, что данные изделия, имея своим образцами изделия с территории Западной Литвы, датируются не ранее второй половины III — начала IV в.

Однако упрощение орнамента наблюдается у вещей не всех категорий. В оформлении фибул-брошей III–IV вв. культуры Таранд ажурная орнаментация включает и сложные композиции, отличающиеся комбинацией нескольких мотивов, и нередко сочетается с элементами стиля восточноевропейских выемчатых эмалей [Фролов, 1974. С. 21–24] (рис. 19: 3–6). Такие единичные предметы известны и на литовском побережье Балтийского моря, например фибула из могильника Лаздининкяй, погр. 7 (рис. 19: 11).

Сочетание эмалевого и ажурного стилей характерно для украшений Поднепровья и Поочья. Несмотря на то, что наиболее ранние восточноевропейские эмали появляются на позднезарубинецких памятниках во второй половине II в. [Обломский, 1990. С. 19–23. Рис. 10: 27], отмечается отсутствие прорезных полей на предметах данного стиля до конца II — начала III в. [Терпиловский, Обломский, 2007. С. 120–124]. Ажурные элементы присутствуют на ряде категорий предметов III — начала IV в. (рис. 19: 3–9)[3]: на треугольных фибулах, звеньях нагрудных украшений и цепей рогов для питья, подвесках-лунницах [Спицин, 1903. Рис. 274, 276; Гороховский, 1988. Табл. 44: 22, 46: 32; Ахмедов и др., 2013. Рис. 3: 2, 4: 3]. Основу композиций составляли простые мотивы — ромбовидная сетка [Корзухина, 1978. Рис. 6: 2–3, 7], треугольник, дуга [Корзухина, 1978. Рис. 18–19], «веретено» [Корзухина, 1978. Рис. 17: 4], сочетание которых могло создавать и сложные композиции. Еще одна особенность предметов с выемчатыми эмалями из Поднепровья — элементы ажурного стиля часто дополнялись эмалевыми вставками. Например, ромбовидный сегмент, характерный для безэмалевых фибул-брошей, вос-

[3] В настоящей статье в качестве иллюстраций взяты находки с территории Восточной Прибалтики, включая Восточную Литву и Верхнее Поднепровье, генетически связанные со среднеднепровскими эмалями.

ходящий к одному из наиболее распространенных типов провинциальноримского декора I–III вв. [Feugère, 1985. Pl. 156: 1951], известен на предметах с эмалями из Юго-Восточной Европы [Корзухина, 1978. С. 34; Гороховский, 1988. Л. 113, Таб. 9:37]. Характерный мотив с четырехлистником (как на рис. 15: 13), известный на изделиях из Паннонии, в пшеворской культуре [Madyda-Legutko, 2009. Tabl. 4:4], болотных находках Ютландского п-ва, представлен на изделиях из Верхнего Поднепровья (рис. 19: 10). Примечательно, что элементы ажурного стиля присутствуют и на изделиях более поздней хронологической группы восточноевропейских эмалей «процветшего» стиля, в том числе в восточнолитовских курганах, могильниках типа Таранд и Верхнем Поднепровье: например, на деталях нагрудных цепей и рогов для питья [Корзухина, 1978. Рис. 27: 4; 30; Bitner-Wróblewska, 2009. P. 414–415. Fig. 43], треугольных фибулах (рис. 19: 7–9). В Верхнем Поднепровье сохраняется и такая особенность, как лужение предметов оловянистым сплавом (рис. 19: 7–8). Стоит отметить, что «ажурно-эмалевая» стилистика в Поднепровье используется на протяжении длительного периода, характеризуя в том числе изделия горизонта клада из Сухоносовки, датируемого концом IV — началом V в. [Левада, 2010. С. 560, 578–583. Рис. 2, 7–8, 16]. В пределах же «западнобалтского» круга наиболее поздние примеры использования элементов ажурного стиля известны в украшении деталей ременных гарнитур Западной Литвы [Kuršiai, 2009. P. 77–80], ольштыской группы в Мазурском Поозерье [Jakobson, 2009. S. 41–42, 44, 69, 81–82. Taf. 18: c, k, i; 31: b, e, g; 110: h; 155: f; 160: c] и относятся к VI–VII вв.

Общие замечания

Изделия с ажурным декором, восходящие к провинциальноримской технике *opus interrasile*, в восточноевропейских культурах представлены массивом разнородных предметов, распадающимся на отдельные территориально-хронологические группы, которые характеризует собственный набор стилистических черт. Особое место занимают «самбийские» пояса, которые являются не только самобытной категорией древностей культуры Доллькайм—Коврово, но и наиболее ранним примером использования стиля ажурной орнаментики в украшении предметов на восточноевропейских территориях.

Данная группа предметов появляется на Калининградском п-ве в конце I в. н.э., и, существуя достаточно непродолжительное время, полностью исчезает в начале III в. Отсутствие аналогичных предметов и продолжения линии их развития в культурах «балтского» круга, вероятно, было обусловлено особым положением культуры Доллькайм—Коврово, являвшейся специфической контактной зоной, на материальную культуру которой повлияли специфичные факторы.

«Самбийские» пояса не имели единого прототипа. В их производстве была использована только *идея* оформления «женских» гарнитур в стилистике прорезного декора, восходящая к провинциальноримской традиции. Однако, орнаментика изделий, имея в своей основе мотивы, характерные для изделий из Норика и Паннонии, находит ближайшие аналогии на поясах, накладках на ножны мечей, деталях конской сбруи центрально- и североевропейских культур первых веков н.э. Техника, в которой изготовлены рассматриваемые изделия, не отличалась от так называемой техники *opus interrasile*. Вместе с тем в изготовлении «самбйиских» поясов использовались и приемы, характерные для варварского ювелирного искусства первых веков н.э. — псевдозернь, пуансоны, покрытие поверхности оловянистым сплавом, таушировка. Аналогии элементам «самбийских» гарнитур известны в ряде культур Центральной Европы, а не только по провинциальноримским материалам. Многие элементы представлены локальными формами. Пряжки с неподвижным крючком и вращающимся кольцом впервые появились в древностях пшеворской культуры. Однако в отличие от культуры Доллькайм—Коврово там они представлены экземплярами других типов, изготавливались из железа и относились к более раннему периоду — фазе B1, характеризуя погребения с оружием. Пряжки с описанной конструкцией застежки становятся известны в Мазурском поозерье с предримского времени. Морфологически близкие бронзовые пряжки и накладки, принадлежащие к тому же периоду, что и «самбийские» пояса, выявлены и в вельбаркской культуре.

Вероятно, облик «самбийской» ременной гарнитуры, который сильно отличался от норико-паннонской, был сформирован по образу поясов культур центральноевропейского круга с сохранением места и функции их основных элементов. Такое заимствование характеризует ряд категорий предметов культуры Доллькайм–Коврово фазы B2, например, упомянутые воинские поясные гарнитуры и уздечные наборы.

Мастера, работавшие над изготовлением подобных украшений, вероятно, были знакомы со стилистикой, образцами и набором элементов, из сочетания которых создавались неповторимые и своеобразные формы. Среди находок с Калининградского п-ва, датируемых фазой B2, известны предметы импорта, подобные накладке-наноснику из Русского, фибулы-броши с прорезным орнаментом, которые могли стать непосредственными образцами для копирования.

Появление изделий других категорий с ажурным декором в культуре Доллькайм—Коврово относится к фазе B2/C1–C1a и, вероятно, не связано напрямую с линией развития «самбийских» поясов. Обращает на себя внимание большое количество аналогий этим изделиям в Мазурском поозерье, где именно в этот период появляются наиболее ранние находки с ажурным декором.

Во второй половине II — начале III в. вместе с формированием культур римского времени традиция украшения изделий в стилистике прорезного декора возникает на литовском побережье Балтийского моря; ко второй половине III — началу IV в. относится возникновение особой группы ажурных предметов на территории Латвии и Эстонии. Наконец, с III в. ажурный стиль начинает использоваться и для орнаментации предметов круга восточноевропейских выемчатых эмалей в Поднепровье.

Примечательно, что наиболее ранние примеры ажурного стиля из могильников Калининградского п-ва и богачевской культуры связаны с украшением ременных наборов, элементов амуниции и деталей конского снаряжения, что сближает их с традицией, характерной для культур центральноевропейского круга, в особенности пшеворской и вельбаркской; в то время как в восточноевропейском ареале ажурный декор использовался в основном при изготовлении предметов, связанных с женскими украшениями: нагрудных цепей, булавок, подвесок, фибул-брошей. Последние объединяет и использование схожего набора орнаментальных мотивов, генетически восходящих к стилистике *opus interrasile*, но отличающихся своеобразием, присущим только восточноевропейским находкам. Для оформления предметов из Поднепровья и Поочья характерно сочетание стиля ажурной орнаментики с эмалевым, вместе с тем такие

предметы известны в тот же период и в Восточной Прибалтике в контактных зонах с другими культурами Балтии. Стоит отметить и длительность традиции украшения вещей в стилистике пререзного декора, сохраняющейся на предметах из Поднепровья до начала эпохи Великого переселения народов, а в культурах Восточной Прибалтики — до VI–VII вв., в то время как на Калининградском п-ве эта традиция, вероятно, утрачивается уже в первой половине III в.

Заключение

Проблематика, связанная с появлением в Юго-Восточной Прибалтике раннеримского времени предметов, выполненных в стиле ажурной орнаментики, по-видимому, может находиться в одной плоскости с вопросами генезиса в местных древностях ряда других предметов (например, конского снаряжения, воинских поясных наборов). Они восходят к образцам, характеризующимся как провинциальноримские, но имеют аналогии в Северной Европе, материалах пшеворской и вельбаркской культур. Археологический материал отражает связи Юго-Восточной Прибалтики с основными контактными зонами в Среднем Подунавье и эльбско-германской зоне, где под влиянием римской и кельтских традиций и формировались как типы вещей, так и набор основных приемов варварского ювелирного искусства.

«Провинциальноримское влияние» в данном случае должно восприниматься как понятие, характеризующее явления, связанные с заимствованием стилистики, технических навыков. Это влияние, подобно другим центральноевропейским культурам, в раннеримский период отразилось и в культуре Калининградского п-ва. Большое количество аналогий предметам в ажурном стиле, происходящих из воинского снаряжения и конских гарнитуров Северной Германии, датских и шведских о-вов Балтийского моря второй половины I — начала II в., возможно, указывают на значительную роль контактов населения Калининградского п-ва с данным регионом и их устойчивый характер.

Ключевую роль здесь играла активизация процессов, связанных с подключением балтского населения к «Янтарной торговле» в конце I — II в., и ведущая роль в ней культуры Долькайм–Коврово. Появление подобных вещей от Восточной Прибалтики до Поднепровья, вероятно, соотносится с оформлением культур, характерных для римского периода, и началом выделения в них элит.

Благодарю др. проф. К. Карнапа фон Борнхайма за возможность работы с архивами Г. Янкуна и Р. Гренца в Археологическом музее земли Шлезвиг-Гольштейн; др. М. Вемхоффа, др. Х. Ноймайера, С.А. Якимова за возможность работы с коллекциями музея «Пруссия» в Музее праистории и ранней истории в Берлине и Калининградском областном историко-художественном музее.

Приложение

КАТАЛОГ «САМБИЙСКИХ» ПОЯСОВ, ИХ ДЕТАЛЕЙ И АЖУРНЫХ ПРЕДМЕТОВ КУЛЬТУРЫ ДОЛЛЬКАЙМ–КОВРОВО[4]

Сокращения: ш. — ширина; дл. — длина; т. — толщина; диам. — диаметр; выс. — высота.

1. Альтхоф (не был переименован, ныне в черте г. Черняховска), Черняховский р-н (бывш. *Althof, Kr. Insterburg*).

Погр. 41. Трупосожжение.

Детали пояса: плоская ладьевидная накладка (ш. 1,7 см). Материал — бронза (рис. 12: 6).

Инвентарь: бронзовые — предмет, фр-т в виде свернутой в конус пластины (фр-т футляра «гребенчатой» фибулы ?), ленточный браслет с плоским профилированным окончанием и ободом, украшенным канавками с поперечными насечками.

Архивы Г. Янкуна и Р. Гренца.

2. Березовка, Гвардейский р-н (бывш. *Groß Ottenhagen, Kr. Preußisch Eylau*).

Погр. 116В. Трупосожжение с помещением останков в деревянную емкость.

Детали пояса: ладьевидная накладка фрагментированная с профилированным окончанием (1 экз.), оплавленный фрагмент ажурной накладки. Материал — бронза (рис. 12: 7–8).

Инвентарь: керамические сосуды (кол-во неопределимо, было найдено 11 фрагментов); бронзовый браслет с профилированными окончаниями (фр-т); стеклянные бусы — TM 387 a (5 экз.), TM 291b (1 экз.), TM 12 (1 экз.), неопределимого типа (4 экз.); железный фрагментированный нож с остатками деревянной рукояти.

Скворцов, 2004. Л. 59. Рис. 56; 2014. С. 220–221. Рис. 6: с.

Погр. 119. Трупоположение.

Детали пояса: пряжка с застежкой-крючком (дл. 9,4 см, рамка: дл. 7,0 см, ш. 4,9 см, т. 0,1 см, дл. крючка около 2,3 см, т. 0,9 см, сечение округлое) (рис. 10: 1), симметричная ей накладка (дл. 7,7 см, ш. 4,7 см, т. 0,1 см), украшенные по краю пуансонным орнаментом (так называемым волчьим зубом) (рис. 10: 2), ладьевидные накладки с профилированными окончаниями: с орнаментом (3 экз.) (дл. 4,4–4,8 см, ш. 0,9 см, т. 0,1 см) (рис. 10: 4–6) и без орнамента (9 экз.) (дл. 4,4–4,5 см, 5,5–5,3 см, ш. 1,1–1,2 см, т. 0,1 см) (рис. 10: 7–14), прямоугольная накладка-ограничитель (1 экз.) (дл. 4,1 см, ш. 0,7 см, т. 0,1 см) (рис. 10: 3). Материал — бронза.

Инвентарь: керамические сосуды (2 экз.), бронзовые — фибулы A.125 (2 экз., одна из которых — с фрагментом нити); пластинчатые браслеты с профилированными окончаниями (2 экз.); кольца формы 27 (3 экз.); бусы TM 520 (2 экз.); перстневидные пронизи (21 экз.); стеклянные бусы — TM 287 (1 экз.), TM 291d (6 экз.), TM 223 (2 экз.), TM 6 (1 экз.), TM 355 (2 экз.), TM 163 (1 экз.), TM 366 (2 экз.), TM 287b (17 экз.).

Скворцов, 2004. Л. 17–18б. Рис. 79; Ibsen, Skvorzov, 2004. S. 407–411. Abb.16: 1; 20; Хомякова, 2012а. С. 425; КГОМ-1/18002–18003.

[4] Номера памятников в каталоге соответствуют позициям на карте.

3. Большое Исаково, Гурьевский р-н (бывш. *Lauth, Kr. Königsberg*).

Погр. 233. Трупоположение.

Детали пояса: — ажурная прямоугольная накладка(дл. 8,6 см, ш. 5,4 см); ажурная рамка пряжки с конструкцией застежки, предположительно, представлявшей застежку-крючок (дл. 8,2 см, ш. 5,9 см), ладьевидные накладки (кол-во требует уточнения).

Инвентарь (состав требует уточнения): бронзовые — фибулы А.42 (2 экз.), А.149 (1 экз.), браслет с профилированными окончаниями; ожерелье, состоящее из стеклянных бус типов ТМ 12, ТМ 387b, ТМ 291; железный нож; керамический лепной сосуд с многочастной ручкой.

Кулаков, 2013. Рис. 45.

4. Ветрово, Зеленоградский р-н (бывш. *Ekritten, Kr. Fischhausen*).

Погр. 1. Трупоположение (?).

Детали пояса: пряжка с застежкой-крючком (дл. 6,8 см, ш. 5,0 см, т. 0,8 см) и симметричная ей накладка (дл. 7,9 см; рамка: дл. 6,5 см, ш. 5,0 см, т. 1,15 см), ладьевидные накладки (18 экз.) с плоскими окончаниями (дл. около 6,0 см, ш. 1,0–1,2 см). Материал — бронза (рис. 8: 6, 6а–б).

Инвентарь: бронзовые — фибулы А.42 (1 экз.), А.61 (1 экз.), браслеты с профилированными окончаниями (2 экз.).

Архив Г. Янкуна PM V 417 8784, III 311 2176; Jankuhn, 1933. S. 60. Taf. III: 3; Chilińska-Drapella, 2010. P. 30. Tab. 35; Хомякова, 2012а. С. 421–422.

5. Гурьевск-Новый, Гурьевский р-н (бывш. *Trausitten, Kr. Fischhausen*).

Погр. 13. Трупоположение (?)

Детали пояса: пряжка с застежкой-крючком (дл. 6,9 см; рамка: дл. 5,6 см, ш. 5,1 см, т. 0,2 см, сечение 0,6 см; дл. крючка 1,2 см, сечение 0,1х0,95 см) (рис. 7: 2–2а, 4) и симметричная ей накладка (дл. 5,5–5,6 см, ш. 5,1 см, сечение 0,2 х 0,6 см) (рис. 7: 1, 4), ладьевидные накладки: с профилированными окончаниями, фр-т (1 экз.) (рис. 7: 15) (дл. 3,2 см, ш. 1,0 см), с плоскими окончаниями (11 экз.) (дл. 4,0 см, ш. 1,0 см). Материал — бронза (рис. 7).

Инвентарь: бронзовые — фибулы А.42 (2 экз.), спинка фибулы группы VI (?), А.50 (?) (1 экз.); браслеты с профилированными окончаниями (2 экз.); кольца формы 2 (2 экз.); стеклянные бусы — ТМ 12 (16 экз.), ТМ 387а (11 экз.), ТМ 387b (2 экз.).

Архив Г. Янкуна PM III 150 1014–13; Jankuhn, 1933. S. 184, 192. Tab. III: 1; Chilińska-Drapella, 2010. P. 19. Tab. 7, 8; Хомякова, 2012а. С. 482; фонды SMB-PK/MVF.

6. Ровное, Гвардейский р-н (бывш. *Imten, Kr. Wehlau*).

Погр. 3. Трупосожжение (урновое).

Детали пояса: ладьевидные накладки (2 экз.) фр-ты, с уплощенными окончаниями (дл. фр-тов около 1,2 см, ш. 1,4 см). Материал — бронза.

Сопуствующий инвентарь: бронзовые — пронизи (3 экз.), кольцо формы 27; детали головного убора — 40 накладок.

Архив Г. Янкуна PM III 278 2100, 371 2381.

Погр. 13. Тип погребального обряда непонятен (могут быть смешаны предметы из разных комплексов).

Детали пояса: накладки: ажурная, фр-ты; ладьевидная (дл. 5,2 см, ш. 1,25 см). Материал — бронза (рис. 8: 2).

Инвентарь: керамический сосуд; стеклянные бусы — ТМ 57/58 (1 экз.), неопределимого типа (1 экз.); железный наконечник копья.

Архив Г. Янкуна. PM III 280 2100; Jankuhn, 1933. S. 187; Chilińska-Drapella, 2010. P. 20. Tab. 11: a–g; Хомякова, 2012а. С. 447.

7. Коврово, Зеленоградский р-н (бывш. *Dollkeim, Kr. Fischhausen*).

Погр. 1. Трупоположение (парное).

Детали пояса: пряжка С 11 (рамка: дл. 5,9 см, ш. 4,6 см) и симметричная ей накладка (дл. 5,4 см, ш. 4,6 см); ладьевидные накладки (точное количество неизвестно) с профилированными окончаниями (дл. около 4,6 см, ш. 1,0 см). Материал — бронза (рис. 3: 3).

Инвентарь: бронзовые — фибулы А.42 (2 экз.), браслеты с профилированными окончаниями (2 экз.). В составе инвентаря находились и предметы вооружения, относящиеся к инвентарю воинского комплекса: железные умбон щита, топор, копье.

Архив Г. Янкуна PM 6360–6368; Günther, Voss, 1880. S. 483, 356–367, 363; Tischler, Kemke, 1902. Taf. I: 13; IX: 1, 1b; XIV: 9; Chilińska-Drapella, 2010. P. 20, 21. Tab. 11, 12; Хомякова, 2012. С. 413.

Погр. 4. Трупоположение.

Детали пояса: пряжка с застежкой-крючком (дл. 6,5 см, рамка: дл. 4,8–5,0 см, ш. 4,3 см, т. 0,5 см); накладки: ладьевидные (7? экз.) с профилированными окончаниями четырех разновидностей (дл. около 5,1 см, т. 0,9 см), прямоугольная (дл. 5,0 см, ш. 0,9 см). Материал — бронза (рис. 6: 3).

Инвентарь: керамический сосуд-приставка; бронзовые — фибулы А.42 (2 экз.), А.61 (1 экз.), А.62 (1 экз.), «шайбовидная» (фр-т); браслеты с профилированными окончаниями (2 экз.); перстневидные подвески (количество неизвестно); стеклянные бусы — ТМ 291 (2 экз.), ТМ 287 (7 экз.), ТМ 171 (1 экз.); ключ (?) — деталь ларца.

Архив Г. Янкуна PM 6385–6387, 6389–6395; Günther, Voss, 1880. S. 349, 358, 361, 481; Tischler, Kemke 1902. S. 16. Taf. I: 1, 5, 12; VIII: 1–3; X: 4, 4a; XIV: 9; Chilińska-Drapella, 2010. S. 21. Tab. 13, 14; Хомякова, 2012. С. 414.

Погр. 9. Трупоположение.

Детали пояса: фрагмент ладьевидной накладки с профилированным окончанием (дл. 1,3 см). Материал — бронза.

Инвентарь: керамический сосуд-приставка; бронзовые — фибулы А.61 (3 экз.), А.42 (1 экз.); браслеты с профилированными окончаниями (2 экз.); детали головного убора — 22 накладки; 3 перстневидные пронизи (3 экз.); стеклянные бусы ТМ 287b (66 экз.), ТМ 387a (1 экз.), янтарная шарообразная бусина (тип неопределим).

Архив Г. Янкуна PM 6435–6443; Günther, Voss, 1880. S. 362, 527; Tischler, Kemke, 1902. S. 16–17. Taf. I: 1; X: 6, 7; XIV: 9; Tempelmann-Mączyńska, 1985. S. 333; Хомякова, 2012. С. 415.

Погр. 11a–11b. Трупоположение.

Детали пояса, отнесенного к погр. 11a: пряжка F 3 (дл. 4,1 см, ш. 3,8 см), накладки: ажурные (2 экз.: дл. фр-та 5,7 см, т. 0,5 см; дл. фр-та 4,7 см, ш. 3,8 см, выс. 0,6 см), ладьевидные с плоскими окончаниями, отделенными профилированным пояском (3 экз?) (дл. 4,4 см, ш. 0,9 см). Материал — бронза (рис. 6: 5; 12: 2).

Детали пояса, отнесенного к погр. 11b: пряжка С 11 (дл. 8,3 см, ш. 6,8 см, дл. язычка 4,1 см) и симметричная ей накладка, фр-т (дл. 6,0 см, ш. 4,1 см), профилированный наконечник ремня, близкий типу О3, фр-т (дл. 5,0 см, т. 0,7 см), прямоугольные накладки (2 экз.) (дл. фр-тов около 1,5 см и 3,3 см, ш. 0,7–0,9 см). Материал — бронза (рис. 4: 2; 11: 1).

Инвентарь, отнесенный к погр. 11a: бронзовые — фибулы А.61 (2 экз.), браслет с профилированными окончаниями (1 экз.), перстневидные пронизи (2 экз.); стеклянные бусы — ТМ 387 (67 экз.), ТМ 223 (5 экз.), ТМ 290 (2 экз.).

Инвентарь, отнесенный к погр. 11b: керамический сосуд; бронзовые — фибулы А.42 (2 экз.), А.61 (1 экз.), А.72 (1 экз.), браслеты с профилированными окончаниями (2 экз.), кольца формы 28 (2 экз.), перстневидные пронизи (21 экз.); бусы — ТМ 520 (3 экз.); стеклянные бусы — ТМ 255 (7 экз.), ТМ 287b (7 экз.), ТМ 291b (2 экз.), ТМ 291 b/f (3 экз.), ТМ 291f (13 экз.), ТМ 387 a–b (58 экз.).

Архив Г. Янкуна PM 6452–6462, 6464–6477; Günther, Voss, 1880. S. 364, 373, 485, 528; Tischler, Kemke, 1902. S. 17. Taf. I: 1, 10, 14; II: 2; IX: 4, 4a; X: 2–2b, 10, 12d-3; XIV: 7, 9; Tempelmann-Mączyńska, 1985. S. 330; Chilińska-Drapella, 2010. P. 22, 23. Tab. 15–17; Хомякова, 2012. С. 415.

Погр. 14a. Трупоположение.

Детали пояса: пряжка С 10 (дл. 11,9 см, рамка: дл. 8,3 см, ш. 5,5 см, дл. язычка 3,3 см, диам. кольца 2,9 см) и симметричная ей накладка, фр-ты (дл. неизвестно, ш. 5,5 см). Материал — бронза (рис. 2: 1).

Инвентарь: керамические сосуды (3 экз.); бронзовые — фибулы А.61 (3 экз.), А.74–75 (1 экз.), «шайбовидная»; браслеты с профилированными окончаниями (2 экз.), перстневидные подвески (2 экз.), пронизи (3 экз.); стеклянные бусы — ТМ 12 (1 экз.), ТМ 291f (8 экз.).

Архив Г. Янкуна PM 6485, 6486, 6488–6496; Günther, Voss, 1880. S. 369; Tischler, Kemke, 1902. S. 17. Taf. I: 1; II: 5; VIII: 1, 1a; IX: 55a; XIV: 9; Chilińska-Drapella, 2010. P. 23, 24. Tab. 18, 19; Хомякова, 2012. С. 416.

Погр. 26. Трупоположение.

Детали пояса: пряжка с застежкой-крючком (дл. 9,3 см, ш. 5,5 см, дл. рамки 6,7 см, т. пластин около 0,8 см). Материал — бронза (рис. 6: 2).

Инвентарь: керамические лепные сосуды (3 экз.); бронзовые — фибулы А.61 (4 экз.), браслеты с профилированными окончаниями (2 экз.), кольцо формы 28 (1 экз.), кольцо (?) (фр-т), перстневидные пронизи (точное количество неопределимо), стеклянные бусы — ТМ 162 (1 экз.), ТМ 163 (11 экз.), ТМ 171 (1 экз.), ТМ 223 (1 экз.), ТМ 291 (2 экз.), ТМ 355 (3 экз.).

Архив Г. Янкуна PM 6557–6563, 6565, 6566; Tischler, Kemke, 1902. S. 18. Taf. I: 1; X: 3; XIV: 9; Chilińska-Drapella, 2010. P. 24. Tab. 20, 21; Хомякова, 2012a. С. 416.

Погр. 28. Трупоположение.

Детали пояса: пряжка С 11 (дл. 11,0 см, рамка: дл. 7,4 см, ш. 5,6 см, дл. язычка 3,5 см, диам. кольца 3,1 см) и симметричная ей накладка (дл. 7,3 см, ш. 5,7 см), ладьевидные накладки (10 экз.), украшенные пояском в сечетании с треугольниками (дл. около 5,6–5,8 см). Материал — бронза (рис. 3: 2).

Инвентарь: лепной керамический сосуд; бронзовые — фибулы А.61 (2 экз.), А.62 (2 экз.); кольца формы (2 экз.), браслеты с профилированными окончаниями (2 экз.), стеклянные бусы (общее количество неопределимо), среди них — типов ТМ 291f (1 экз.),ТМ 2/7 (1 экз.), ТМ 291c (1 экз.).

Архив Г. Янкуна PM 6588–6594, 6596, 6597, 6649, 6650; Günther, Voss, 1880. S. 350, 351, 480, 529; Tischler, Kemke, 1902. S. 18. Taf. I: 1, 7, 8; XIV: 6, 9; Chilińska-Drapella, 2010. P. 24, 25. Tab. 21, 22; Хомякова, 2012a. С. 417.

Погр. 30. Трупоположение.

Детали пояса: пряжка С 11 и симметричная ей накладка с выступом-петлей, на которую привешена обоймица, ладьевидные накладки (количество неопределимо). Материал — бронза (рис. 3: 1).

Инвентарь: бронзовые — фибулы А.63 (1 экз.), «шайбовидные» (2 экз.); бусы — группы LX (4 экз.), ТМ 163 (2 экз.).

Günther, Voss, 1880. S. 353, 479; Tischler, Kemke, 1902. S. 18. Taf. I: 6; VIII: 2; IX: 3–3b; Tempelmann-Mączyńska, 1985. S. 333; Chilińska-Drapella, 2010. P. 25. Tab. 23; Хомякова, 2012a. С. 417.

8. Краснодонское, Багратионовский р-н (бывш. *Keimkallen, Kr. Heiligenbeil*).
Случайная находка.

Детали пояса: пряжка С11, фр-т (дл. язычка 3,5 см, диам. кольца 3,2 см) и симметричная ей накладка (дл. 9,2 см, рамка: дл. 7,5 см, ш. 6,4 см, т. 0,2–0,45 см), 2 ладьевидные накладки (дл. 5,8–6,4 см, ш. 1,5 см, т. 0,7 см). Материал — бронза (рис. 5: 2а–в).

Архив Г. Янкуна PM II 5 nr 50; Jankuhn, 1933. S. 169. Tab. II: 3; КГОМ–1/17296.28.

9. Круглово, Зеленоградский р-н (бывш. *Ellerhaus, Kr. Fischhausen*).
Случайная находка.

Детали пояса: пряжка С10 (дл. 9,2 см, рамка: дл. 6,0 см, ш. 5,3 см, дл. язычка 3,4 см, диам. кольца 2,7 см). Материал — бронза (рис. 2: 5).

Архив Г. Янкуна PM III 77 858; Jankuhn, 1933. S. 168, 169, 172, abb. 4; Chilińska-Drapella, 2010. P. 27. Tab. 26: e; Хомякова, 2012a. С. 422; фонды SMB-PK/MVF.

10. Лендорф (не был переименован), Зеленоградский р-н (бывш. *Lehndorf, Kr. Fischhausen*).

Погр. С (вероятно, происходит из нерегулярных раскопок, в материалах Г. Янкуна обозначено литерой «С»). Трупоположение.

Детали пояса: пряжка с застежкой-крючком (дл. 12,2 см, рамка: дл. 10,7 см, ш. 5,6 см, т. 0,2 см) и симметричная ей накладка (дл. 9,1 см, ш. 5,5 см, т. 0,2 см); ладьевидные накладки (24 экз.) с плоскими треугольными окончаниями, отделенными перемычками (дл. 5,7–6,5 см, ш. 1,2–1,3 см). Материал — бронза (рис. 8: 1).

Инвентарь: бронзовые — фибулы А.61 (1 экз.), А.72 (1 экз.), А.90–93 (2(?) экз., одна во фр-тах), тип неопределим (фр-ты); браслет с профилированными окончаниями (1 экз.); перстневидные пронизи (15 экз.); стеклянные бусы — ТМ 223 (1 экз.), ТМ 223b/g (1 экз.), ТМ 287b (2 экз.), ТМ 291f (1 экз.), ТМ 387a–b (12 экз.); янтарные бусы — ТМ 389 (1 экз.), тип неопределим (1 экз.).

Архив Г. Янкуна; Jankuhn, 1933. S. 185. Tab. III: 2; Chilińska-Drapella, 2010. P. 26. Tab. 25; Хомякова, 2012a. С. 476.

11. Луговское, Зеленоградский р-н (бывш. *Lobitten, Kr. Königsberg*).

Погр. А (18). Трупоположение.

Деталь пояса: пряжка с застежкой-крючком (дл. 5,4 см, ш. 5,4 см, сечение пластины 0,2 х 0,7 см), ладьевидная накладка (1 экз.) (дл. 5,3 см, ш. 1,2 см). Материал — бронза (рис. 6: 1).

Сопуствующий инвентарь: керамический сосуд; браслеты с профилированными окончаниями (2 экз.); массивный браслет с профилированными окончаниями, таушированными железными проволочками (1 экз.).

Архив Г. Янкуна PM III 56 7405; Jankuhn 1933: 178. Abb. 8; Chilińska-Drapella 2010: 26. Tab. 24; Хомякова 2012a: 477.

Случайная находка.

Пряжка С 11 (дл. 8,5 см, ш. 5,1 см, дл. язычка 4,1 см, диам. кольца 3,2 см) и симметричная ей накладка с выступом (дл, 7,4 см, ш. 5,7 см; выступ: дл. 2,0 см, ш. 2,0 см); накладки — ладьевидные: с плоскими треугольными выступами, отделенными перемчками (2 экз.) (дл. 5,7–5,8 см, ш. 1,2 см); прямоугольные — фр-т (дл. 4,3 см, ш. 1,1 см), плоские (2 экз.) (дл. 5,4–5,7 см, ш. 1,0 см), плоская с линейным орнаментом (дл. 4,6 см). Материал — бронза (рис. 5: 1а–в).

Архив Г. Янкуна PM IV 313 5707; Jankuhn, 1933. S. 168–172, 175–177; Chilińska-Drapella, 2010. P. 27. Tab. 26; Хомякова, 2012a. С. 477; КГОМ–1/16421.147.

12. Лейды, Вармийско-Мазурское воеводство Польши (бывш. *Legden, Kr. Preußisch Eylau*)

Погр. А. Тип погребального обряда неизвестен.

Детали пояса: 2 накладки прямоугольной формы. Материал — бронза

Инвентарь: бронзовые — фибулы А 72 (2 экз.); браслеты с профилированными окончаниями (2 экз.); стеклянные бусы — 4 оплавленные (тип неопределим), ТМ 287b (1 экз.).

Архив Р. Гренца. PM II.73. 730.

Б/н. Наликаймы, Вармийско-Мазурское воеводство Польши (бывш. *Lieckeim, Kr. Friedland*)

Случайная находка.

Детали пояса: пряжка С11 и симметричная ей накладка. Материал — бронза (рис. 3: 4).

Архив Г. Янкуна; Jankuhn 1933: 165. Tab. I: 4; Chilińska-Drapella, 2010. P. 27. Tab. 27; Хомякова, 2012a. С. 477.

13. Парусное, Зеленоградский р-н (бывш. *Gaffken, Kr. Fischhausen*).

Случайная находка.

Детали пояса: пряжка С 11 (рамка: дл. около 4,9 см, ш. 3,3 см); ладьевидные накладки (10 экз.) с плоскими окончаниями, отделенными перемычками (дл. 5,0–5,2 см, т. 0,75–0,9 см, ш. 1,2–1,5 см). Материал — бронза (рис. 4: 3).

Архив Г. Янкуна PM III 311 2176; Jankuhn, 1933. tab. IV: 1; Chilińska-Drapella, 2010. P. 27. Tab. 27: d; Хомякова 2012a. С. 425.

14. Поваровка, Зеленоградский р-н (бывш. *Kirpehnen, Kr. Fischhausen*).

Погр. 10. Трупосожжение (урновое).

Детали пояса: рамка накладки или пряжки с застежкой-крючком (?), фр-ты (дл. 3,2 см и 3,1 см, ш. 4,9 см); ладьевидная накладка с плоскими окончаниями, отделенными профилированными поясками (дл. 5,1 см, ш. 1,0 см). Материал — бронза (рис. 6: 4).

Сопуствующий инвентарь: бронзовые браслет с профилированными окончаниями, фр-т (1 экз.); дрот (проволока) фр-т; оковка рога для питья(?), фр-т; фибула (накладка?) литая (?) ажурная.

Архивы Г. Янкуна и Р. Гренца PM V 352 8506; Stadie, 1909. S. 371, 372; Chilińska-Drapella, 2010. P. 32; Хомякова, 2012a. С. 456.

Погр. F (2107). Трупосожжение (урновое).

Детали пояса: пряжка с застежкой-крючком (дл. 7,2 см, рамка: дл. 5,6 м, ш. 6,5 см, дл. крючка 2,0 см) и симметричная ей накладка (дл. 5,0 см, ш. 6,0 см); ладьевидные накладки (всего 19 экз.), среди них — с профилированными окончаниями: с пояском, заполеннным зоной штриховки (8 экз.) (дл. 5,7–6,0 см, ш. 1,1–1,5 см), с двойным пояском (5 экз.) (дл. 5,5 см, ш. 2,3–2,9 см, т. 0,8 см); накладки-ограничители (3 экз.) : оковка и 2 экземпляра с заклепками (дл. 5,5 см, сечение 0,3 см); дуговидные держатели (2 экз.) (ш. 3,0 см, сечение

0,2 см; дл. около 2,7 см, сечение 0,1 см). Материал — бронза. Пояс сохранился в виде двух фрагментов на коже (?) дл. 22,0 см и 58,5 см (рис. 9; 11: 6).

Инвентарь: керамические урна и сосуд; бронзовые — фибулы (тип неопределим, 3 экз.), одна из которых фрагментирована, А.93 (2 экз.) с плакировкой белым металлом; пряжка (тип неопределим); массивные браслеты, таушированные железными проволочками (2 экз.); перстневидные пронизи (4 экз.); S-видный держатель ожерелья (кламерка); серебряная тордированная подвеска; стеклянные бусы — ТМ 20 (2 экз.), неопределимого цвета (утративших цвет и форму) (11 экз.), ТМ 287b (2 экз.), ТМ 291 (4 экз.), ТМ 12 (1 экз.), ТМ 277 (1 экз.), ТМ 291b/d (10 экз.), ТМ 277d (2 экз.), ТМ 387b (158 экз.), бронзовые бусы ТМ 521 (2 экз.).

Архивы Г. Янкуна и Р. Гренца РМ III 283 2107; Bezzenberger, 1909. S. 124, 125, abb. 130; Gaerte, 1929. Abb. 137; Jankuhn, 1933. S. 176, 177; Chilińska-Drapella, 2010. P. 28. Tab. 28; Хомякова, 2012а. С. 457.

Случайная находка.

Деталь пояса: пряжка с застежкой-крючком, фр-т (дл. фр-та 4,8 см, крючок: дл. 1,9 см, ш. 0,8 см). Материал — бронза (рис. 8: 4).

Архив Г. Янкуна РМ III 367 5827.

Случайная находка.

Детали пояса: ладьевидные накладки с профилированным окончанием, фр-т (1 экз.) (дл. 1,1 см, ш. 0,75 см), с пояском (3 экз.) (дл. 5,5 см, ш. 0,9 см). Материал — бронза.

Архив Г. Янкуна РМ III 363 2352.

15. Поддубное, Гурьевский р-н (бывш. *Fürstenwalde-Niedtkeim, Kr. Königsberg*).

Случайная находка.

Детали пояса: пряжка С10 (дл. 9,9 см, рамка: дл. 6,1 см, ш. 5,5 см, дл. язычка 3,7 см, диам. кольца 2,7 см), ладьевидная накладка (дл. 5,5 см, ш. 1,1 см). Материал — бронза (рис. 2: 3а–3б).

Архив Г. Янкуна РМ 8614; Tishler, Kemke, 1902. S. 28. Tab. X: 1, 1a; Gaerte, 1929. Abb. 134: j; Jankuhn, 1933. Abb. 2; Chilińska-Drapella, 2010. P. 28; Хомякова, 2012а. С. 423.

Случайная находка.

Деталь пояса: пряжка или прямоугольная пластина, фрагмент (дл. 5,3 см, ш. 0,7 см) (рис. 2: 2).

Архив Г. Янкуна РМ 8616.

Случайная находка.

Детали пояса (сбруи?): ажурные накладки с заклепками (2 экз.) (дл. 3,4 см, ш. 2,1 см и дл. 3,7 см, ш. 2,0 см). Материал — бронза (рис. 12: 4).

Архив Г. Янкуна.

16. Приморское, Багратионовский р-н (бывш. *Wollitnick-Fedderau, Kr. Heiligenbeil*).

Случайная находка.

Детали пояса: накладки — ладьевидная с профилированными окончаниями и ажурная, фр-ты. Материал — бронза (рис. 12: 9–10).

Архив Г. Янкуна РМ III 29 625; Jankuhn, 1933. S. 187; Jaskanis, 1977. P. 340; Nowakowski, 1996. Taf. 97: 9–11; Chilińska-Drapella, 2010. P. 32; Хомякова, 2012а. С. 490.

17. Путилово, Зеленоградский р-н (бывш. *Corjeiten, Kr. Fischhausen*)

Погр. 1. Тип погребального обряда неизвестен.

Детали пояса: пряжка С 10 (рамка: дл. 5,1 см, ш. 5,2 см, т. 0,2 см; дл. язычка 3,0 см, диам. кольца 2,6 см); ладьевидные накладки (3 экз.). Материал — бронза. Деревянная накладка, на которую приклеена пряжка, сделана для сохранности предмета во время старой реставрации (рис. 2: 4).

Инвентарь: бронзовые — фибулы А.61 (2 экз.), А.62 (1 экз.), «шайбовидная», украшенная концентрическими кругами и штемпельковым орнаментом (фрагмент); кольцо формы 30; необработанный янтарь (3 фр-та).

Архив Г. Янкуна РМ 14230–14238; Jankuhn, 1933. S. 168, 169. Abb. 1; Chilińska-Drapella, 2010. P. 28, 29. Abb. 31; Хомякова, 2012а. С. 411; фонды SMB-PK/MVF.

Погр. 15. Трупоположение.

Детали пояса: пряжка С 11 (рамка: дл. 7,5 см, ш. 5,5 см; дл. язычка 4,1 см; кольцо: диам. 3,2 см, т. 0,5 см) и симметричная ей накладка (рамка: дл. 6,0 см, ш. 4,7 см; дл. выступа 1,4 см); ладьевидные накладки (9 экз.) с профилированными окончаниями и пояском в центральной части (дл. накладок 5,7–6,0 см). Материал — бронза, гребень язычка пряжки таушированный железной проволокой (?) (рис. 3: 5).

Инвентарь: керамический сосуд-приставка; бронзовые — фибулы А.42 (3 экз.), А.61 (1 экз.), браслеты с профилированными окончаниями (2 экз.); ожерелье (возможно, два), состоявшее из стеклянных бус — ТМ 387b (89 экз.), ТМ 145 (7 экз.), ТМ 291f (2 экз.), ТМ 287b (6 экз.), ТМ 225 (5 экз.) и бронзовых перстневидных пронизей (7 экз.); железный нож (?).

Архив Г. Янкуна РМ 14282–14296; Jankuhn, 1933. S. 168,169, 172, 176, 177, 181. Tab. II: 1; Chilińska-Drapella, 2010. P. 29, 30. Tab. 32–34; Хомякова, 2012а. С. 411.

18. Тюленино, Полесский р-н (бывш. Viehof, Kr. Labiau).

Погр. 170. Трупосожжение (урновое).

Детали пояса: пряжка (дл. 9,4 см, ш. 5,6 см), застежка-крючок которой не сохранилась, и симметричная ей накладка (дл. 7,3 см, ш. 5,4 см) (рис. 8: 5).

Инвентарь: фр-ты керамических сосудов; бронзовые — фибулы группы V («мазурского» типа) (2 экз.), браслеты с профилированными окончаниями (2 экз.); необработанный янтарь.

Архив Г. Янкуна РМ V 46 6828; Jankuhn, 1933. S. 187. Taf. III: 4; Jaskanis, 1977. P. 317; Chilińska-Drapella, 2010. P. 30. Tab. 34, 35; Хомякова, 2012а. С. 483.

19. Хрустальное, Зеленоградский р-н (бывш. *Wiekau, Kr. Fischhausen*).

Погр. 19f (XVIII.f). Данные о погребальном обряде неясны. Коллективное (?) трупосожжение (урновое), возможно, сопровождавшееся захоронением коня.

Детали пояса: пряжка С10 (дл. 8,0 см, рамка: дл. 5,5 см, ш. 4,7 см, дл. язычка 3,6 см), ладьевидные накладки (2 экз.) с фтрагментированными окончаниями, отделенными пояском (дл. около 3,6 см, ш. 1,4 см). Материал — бронза (рис. 2: 6).

Инвентарь: бронзовые — фибулы А.72 (3 экз.), браслеты с профилированными окончаниями (2 экз.); стеклянные бусы — ТМ 162/163 и ТМ 355; железные — нож, неопределимые фрагменты изделий, детали конской сбруи и снаряжения всадника — удила, подпружная пряжка, шпора.

Архивы Г. Янкуна и Р. Гренца РМ IV 267 5534; Jankuhn, 1933. S. 171–172; Хомякова, 2012а. С. 488.

Погр. 21 (XXI, 3 gez. 21). Трупоположение.

Детали пояса: пряжка С11, фр-ты (дл. язычка 4,85 см, диам. кольца 3,5 см), фр-т накладки (?). Материал — бронза (рис. 4: 4).

Инвентарь: бронзовые фибулы А.42 (1 экз.), А.62/63 (1 экз.); фр-ты бронзовых предметов; стеклянные бусы — ТМ 387b (5 экз.), ТМ 387a (7 экз.), ТМ 12 (1 экз.).

Архивы Г. Янкуна и Р. Гренца РМ IV.260.5533; Jankuhn, 1933. S. 172.

Погр. 52 (LII). Данные о погребальном обряде неясны. Трупосожжение (урновое) (?).

Детали пояса: ажурная пряжка с застежкой-крючком, фр-ты (дл. 2,8 см, ш. 3,4 см); ладьевидные накладки (3 экз.). Материал — бронза (рис. 8: 3).

Инвентарь: керамический сосуд; бронзовые фибулы А.90–93 (1 экз.), А. V серия 11 (1 экз.); стеклянные бусы — ТМ 387a–b (8 экз.), ТМ 12 (3 экз.); ТМ 287b (1 экз.).

Архивы Г. Янкуна и Р. Гренца РМ IV 275 5534; Jankuhn, 1933. S. 184, 192; Chilińska-Drapella, 2010. P. 20. Tab. 10; Хомякова, 2012а. С. 490.

20. Шлакалькен IV (ныне несуществующий хутор Ярославское, одно из полей погребений у пос. Заостровье) Зеленоградский р-н (бывш. *Schlakalken IV, Kr. Fischhausen*).

Погр. 3. Трупоположение (?).

Детали пояса: пряжка С11 (дл. 11,2 см, рамка: дл. 7,5 см, ш. 5,5 см, дл. язычка 3,6 см, диам. кольца 3,3 см, сечение 0,6 см) и симметричная ей накладка (дл. 7,0 см, ш. 5,5 см); накладки: ладьевидные (11 экз.) с профилированными окончаниями (дл. 6,1–6,6 см, ш. 0,9–1,4 см), прямоугольные, часть фрагментирована (6 или 7 экз.) (дл. 4,2–4,5 см, ш. 0,8 см); дуговидные держатели (2 экз.) (около 3,0 х 3,0 см). Язычок пряжки дополнительно украшен пуансоном (?). Материал — бронза (рис. 4: 1).

Инвентарь: бронзовые — фибулы А.61 (3 экз.); деталь головного убора (накладка Г), перстневидные подвески (20 экз.); стеклянные бусы — ТМ 387a–b (4 экз.), ТМ 387b (1 экз.), ТМ 291b/c (7 экз.), ТМ 291 (2 экз.).

Архив Р. Гренца РМ 15632–15635; Jankuhn, 1933. S. 168, 169. Tab. II: 2; Chilińska-Drapella, 2010. P. 17. Tab. 3; Хомякова, 2012а. С. 479.

Погр. 20. Данные о погребальном обряде неясны. Парное погребение (?), трупоположение и кремация.

Детали пояса: пряжка С12 (дл. 14,1 см, рамка: дл. 10,0 см, ш. 5,0 см; дл. язычка 4,0 см) и симметричная ей накладка (дл. 8,5 см, ш. 5,0 см); ладьевидные накладки (6 или 7 экз.) с профилированными окончаниями и пояском (дл. 5,5 см, ш. 1,1 см), с профилированными окончаниями и двойным пояском (3 или 4 экз.) (дл. 5,4–5,6 см). Пластины пряжки и симметричной накладки штампованные. Пряжка, близкая типам С 1–2 , изготовлена отдельно и соединена с пластиной заклепками. Материал — бронза (рис. 4: 5а–б).

Инвентарь: бронзовые — фибулы А.61 (2 экз.); кольцо формы 31; перстневидные подвески (5 экз.); железная игла; янтарные бусы (тип неопределим) (6 экз.); стеклянные бусы — ТМ 223g (2 экз.), ТМ 287b (2 экз.), ТМ 291b/c (2 экз.), ТМ 387a (8 экз.), неопределимого типа (3 экз.); бронзовая бусина ТМ 520.

Архивы Г. Янкуна и Р. Гренца РМ 15679–15692; Jankuhn, 1933. S. 169, 173, 174. Tab. II: 4; Chilińska-Drapella, 2010. P. 18. Tab. 4, 5; Хомякова, 2012а. С. 480.

Погр. 24. Данные о погребальном обряде неясны. Коллективное трупосожжение (?).

Детали пояса: фрагмент ажурной пластины (?), ладьевидные накладки (2(?) экз.) с плоскими окончаниями, фр-ты (дл. 3,4 см и 1,5 см, ш. 1,1 см). Материал — бронза.

Инвентарь: керамический сосуд; бронзовые — фибула группы А.II; шайбовидная накладка, перстневидная пронизь; железный нож.

Архивы Г. Янкуна и Р. Гренца РМ 15707–15713; Jankuhn, 1933. S. 169, 173, 174. Tab. II: 4; Chilińska-Drapella, 2010. P. 30, 31. Tab. 36; Хомякова, 2012а. С. 480.

21. Шоссейное, Гурьевский р-н.

Случайная находка.

Деталь пояса: плоская ладьевидная накладка с треугольными окончаниями (дл. 1,1 см, ш. 0,6 см). Материал — бронза.

Скворцов, 2007б. Л. 8, 145. Рис. 97: 5.

22. Алейка III, Зеленоградский р-н.

Погр. 418. Трупосожжение (урновое), сопровождаемое конским захоронением.

Детали конской сбруи: ажурное разделительное кольцо, накладки (2 экз.). Материал — бронза (рис. 12: 13–14, 17).

Детали конской сбруи: бронзовые — разделительные кольца (4 экз.), одно из которых биметаллическое (с железом), накладки (5 экз.), пряжки с прямоугольной обоймой группы G (3 экз.), заклепки (седла?), наконечники ремней типа 2, варианта 3 (11 экз.); железные — пряжка, неопределимый предмет.

Инвентарь: керамические урна, сосуды (2 экз.); железные — умбон, оковки щита (фр-ты), нож, пряжки с обоймими группы D (2 экз.), профилированный наконечник ремня, неопределимые предметы; бронзовые — неопределимые предметы, фр-ты, фибула A.VI.

Скворцов, 2007а. Л. 36–37. Рис. 331–340, 351; Skvortsov, 2009. fig. 5.

Погр. 478. Трупосожжение (урновое), разрушенное, сопровождаемое конским захоронением.

Детали конской сбруи: бронзовая накладка-наносник, фрагментированная, с ажурным декором; железное разледительное кольцо.

Инвентарь: керамический — сосуд (1 экз.), янтарная бусина — ТМ 388 (1 экз.).

Скворцов, 2007а. Л. 70–71. Рис. 623–628; Skvortsov, 2009. Fig. 10.

Случайная находка (раскоп 1, вне комплекса).

Накладка: плоская фрагментированная круглая с прорезным декором (дл. 3,3 см, ш. 1,1 см, реконструируемый диаметр — около 10,8 см), материал — бронза.

Кулаков, 2005б. Л. 3. Рис. 31: 3.

Случайная находка (раскоп 3, вне комплекса).

Накладка: плоская фрагментированная с орнаментальными мотивами в виде Т–образных ступенек и соприкасающихся вершинами ромбов (дл. 2, 2 см, ш. 1,6 см). Материал — бронза.

Кулаков, 2005б. Л. 58. Рис. 83: 5.

23. Грачевка, Зеленоградский р-н (бывш. *Craam, Kr. Fischhausen*).

Погр. 5. Данные о погребальном обряде неясны.

Детали пояса: пряжка G 25 (ш. рамки 3,9 см, ш. обоймицы 5,5 см), ажурная накладка (дл. 7,6 см, ш. 5,3 см), ладьевидные накладки (14 экз.) (дл. 4,8 см). Материал — бронза (рис. 12: 1).

Инвентарь: бронзовые — фибула A.130 (1 экз.), «перекладчатые» A. 98 (3 экз.), булавка(?), розетка, браслет с таушировкой железными проволочками; костяной гребень; железные — нож, ключ ларца (?); бусы (кол-во неопределимо), среди которых — бронзовые ТМ 520 (5 экз.), стеклянные — ТМ 223 (около 20 (?) экз.).

Архивы Г. Янкуна и Р. Гренца; Gaerte, 1929. P. 229. Fig. 174d; Jankuhn, 1933. S. 197–198. Fig. 18.

Случайная находка.

Детали нагрудной цепи (сбруи ?): бронзовые — ажурные пластины (2 экз.) со штемпельковым орнаментом, к которым крепятся железные кольца (дл. 5,5 см, ш. 3,6 см); звенья цепи (2 экз.) с остатками железных колец в петлях (дл. 3,3см, сечение 0,7 см); прямоугольное звено (дл. 4,5 см) с железным кольцом, к которому крепится подвеска-лунница (фр-т); подвеска-лунница (дл. 2,7 см) с остатками железного кольца в ушке (рис. 12: 12, 15, 16).

Архивы Г. Янкуна и Р. Гренца.

24. Ул. Ялтинская, г. Калининград (бывш. *Kupferberg, Königsberg i. Pr.*).

Случайная находка.

Детали пояса: Пряжка прямоугольной формы с ажурным декором (размеры неизвестны). Материал — бронза (рис. 12: 2).

Архив Г. Янкуна.

25. Куликово, Зеленоградский р-н (бывш. *Sorthenen, Kr. Fischhausen*).

Погр. 1. Данные о погребальном обряде неясны. Погребение сопровождается конским захоронением.

Детали конской сбруи: накладки ажурные (2 экз.) (дл. 6,8 см, ш. 3,2 см). Материал — бронза (рис. 12: 11).

Инвентарь: детали снаряжения всадника и конской сбруи с цепями-поводьями, в том числе бронзовая — шпора (1 экз.), железные — скоба (Kehlberg), наносник (Naseberg).

Архив Г. Янкуна PM VII 301 11 936.

26. Русское, Зеленоградский р-н (бывш. *Germau, Kr. Fischhausen*).

Случайная находка.

Детали конской сбруи: наносник (дл. 10 см, ш. 4,75 см, т. 0,3–0,35 мм) с цепью–поводком, состоящим из элементов: колец с пояском (13 экз.) (диам. 1,9–2,4 см, сечение 0,45 см), звеньев (21 (?) экз.) (дл. 3,0–3,3 см) и разделителей (2 экз.), состоявших из двух полуколец, соединенных заклепкой. Материал — бронза. Цепи надеты на петлю наносника в более позний период — находчиками предмета в XIX в. (рис. 13).

Архив Г. Янкуна; Tishler, Kemke, 1902. Taf. XII.

27. Тенген (не был переименован) Гурьевский р-н (бывш. *Tengen, Kr. Heiligenbeil*).

Погр. 35. Трупосожжение (урновое?).

Детали пояса: ажурные накладки (2 экз.) (дл. 5,1 см, ш. 2,9 см), соединяемые при помощи шарнира. Материал — бронза (рис. 12: 3).

Инвентарь: глиняное пряслице; бронзовые — фибула с серебряной (?) кольцевой гарнитурой (1 экз.); оплавленные предметы; железные — нож, детали ларца/ключа (?); стеклянные оплавленные бусы красного, синего, желтого, зеленого цвета (тип и кол-во неопределимы), одна из которых — черная с белыми полосами.

Архив Г. Янкуна; Klebs, 1877. S. 58–59. Taf. I: 4, 9–11, II: 2, 24; Jankuhn, 1933. S. 198.

Архивные материалы

Архив Р. Гренца: Rudolf Grenz–Arhiv Archäologisches Landesmuseum Schloß Gottorf, Schleswig.

Архив Г. Янкуна: Herbert Jankuhn–Arhiv Archäologisches Landesmuseum Schloß Gottorf, Schleswig.

Архив Г. Ф. Корзухиной: Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербург.

КГОМ: фонды Калининградского областного историко-художественного музея, Калининрад.

SMB-PK/MVF. фонды Музея праистории и ранней истории, Берлин (Staatliche Museen zu Berlin — Preußischer Kulturbesitz, Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin).

Гороховский Е. Л. Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н.э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья: Дисс. ... канд. ист. наук. Киев. 1988 // НА ИА НАНУ.

Кулаков В. И. Отчет об охранных раскопках могильника Алейка-3 на участке строительства ПХГ в Зеленоградском районе Калиниградской области в 2005 // Архив ИА РАН, новые поступления, б/н. 2005б.

Скворцов К. Н. Отчет по охранным раскопкам грунтового могильника Лаут–Большое Исаково Самбийско-Натангийской археологической экспедицией в 2003 году // Архив ИА РАН, № 25796. 2003.

Скворцов К. Н. Отчет по раскопкам грунтового могильника Березовка–Гросс Оттенхаген Самбийско-Натангийской археологической экспедицией в 2004 году // Архив ИА РАН, № 31463. 2004.

Скворцов К. Н. Отчет по раскопкам грунтового могильника Алейка-3 (Зеленоградский р-н Калининнрадской области) Самбийской экспедицией ИА РАН в 2007 году// Архив ИА РАН, новые поступления, б/н. 2007а.

Скворцов К. Н. Отчет по раскопкам грунтового могильника Шоссейное (Гурьевский р-н Калининградской области) Самбийской археологической экспедицией ИА РАН в 2007 году // Архив ИА РАН, новые поступления, б/н. 2007б.

Хомякова О. А. Женский убор самбийско-натангийской культуры периода Римского влияния I–IV вв. н.э. (Анализ компонентов и хронология). Дисс. ... канд. ист. наук. 2012а // Архив ИА РАН.

Юганов К. Л. Отчет об охранных археологических раскопках на грунтовом могильнике Заостровье 2 в Зеленоградском районе Калининградской области в 2011 году // Архив ИА РАН, новые поступления, б/н. 2011.

Литература

Ахмедов И. Р., Обломский А. М., Радюш О. А. Клад из Суземского района Брянской области // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2012 году. Научный ежегодник Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины / Ред. О. А. Макушников. Гомель, 2013. С. 99–108.

Корзухина Г. Ф., Предметы убора с выемчатыми эмалями V — первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье. Сер. САИ. Вып. Е1-43. М., 1978.

Кулаков В. И. Дорогами Ульмеригии. Калининград, 2000.

Кулаков В. И. История Пруссии до 1283 г. Сер. Prussia Antiqua. 1. Москва, 2003.

Кулаков В. И. Археологические критерии социальной истории Янтарного берега в I–VI вв. н.э. // Stratum plus. №4. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест [2003–2004]. 2005а. С. 278–382.

Кулаков В. И. Следы контактов с Римом в материальной культуре Янтарного берега (I–VI вв. н.э.) // РА, 2008. №1. С. 88–98.

Кулаков В. И. Идентификация находок I–VII вв. из Музея «Пруссия», хранящихся в фондах Калининградского областного историко-художественного музея // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Ред. И. О. Гавритухин, Н. В. Лопатин, А. М. Обломский. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 15. М., 2013. С. 286–306.

Кулаков В. И. Реконструкция убора обитателей Янтарного берега в I–V вв. н.э. Киев, 2013.

Левада М. Е. Сухоносивка // Terra barbarica: studia ofiarowane Magdalenie Mączyńskiej w 65. rocznicę urodzin. Сер. MAB: Series gemina. T. II. Warszawa; Łódz, 2010. P. 557–594.

Мастыкова А. В., Хохлов А. Н. Охранные раскопки могильников на Самбийском полуострове [Электронный ресурс] // Публикации. Новости. Институт Археологии. М. 2012. Режим доступа: http://www.archaeolog.ru/?id=2&id_nws=190&zid_nws=9, свободный (дата обращения 27.07.2012).

Новаковский В. Мазурско-надровская альтернатива — Янтарный путь в эпоху Августа и Тиберия // Калининградские архивы: материалы и исследования / Отв. ред. Ю. В. Костяшов, А. Н. Федорова. Калининград, 2008. 40–52.

Обломский А. М. Позднезарубинецкое поселение Терновка 2 // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья / Отв. ред. Р. В. Терпиловский. Курск, 1990. С. 5–42.

Скворцов К. Н. Исследования ранней зоны могильника II—XII вв. Березовка (Калининградская область, Россия) в 2004 году // Sratum Plus. №4. Спб; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2014. С. 213–230.

Скворцов К. Н. Погребения с конями I тыс. н.э. на Самбийском полуострове (могильник Алейка III) // РА, 2012. №3. С. 36–49.

Спицин А. А. Предметы с выемчатой эмалью // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. V. Вып. 1. СПб., 1903.

Терпиловский Р. В., Обломский А. М. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корзухиной, И.К. Фролова и Е.Л. Гороховского) // Раннеславянский мир, Вып. 10. М., 2007. С. 113–141.

Фролов И. К. Фибулы-броши с выемчатой эмалью // КСИА, вып. 140. 1974. С. 19–27.

Хомякова О. А. Хронология компонентов женского убора самбийско-натангийской культуры // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов / Отв. ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Конференция 3. Тула, 2012б. 255–280.

Щукин М. Б. На рубеже эр. СПб., 1994.

Щукин М. Б. Янтарный путь и венеты // История и культура древних и средневековых обществ. Сборник статей, посвящённых 100-летию со дня рождения Михаила Илларионовича Артамонова / Отв. ред. И. Я. Фроянов, А. Д. Столяр, Д. Г. Савинов, В. М. Воробьев. Сер. Проблемы археологии. №4. СПб., 1998. С.198–207.

Almgren O. Studien über die nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. Leipzig, 1923.

Almgren O. Zur bedeutung des Markomannenreichs in Böhmen für die entwicklung der germanischen Industrie in der frühen Kaiserzeit. Сер. Mannus. T. V. Würzburg, 1913. 265–278.

Andrzejowski J. Nadkole 2. A cemetery of the przeworsk culture in Eastern Poland. Cep. MAB. T. V. Kraków, 1998.

Banytė-Rowell R. Vėlyvojo Romėniškojo laikotarpio rozetiniai smeigtukai ir segės su tutulio // Lietuvos archeologija. 2008. № 34. P. 9-42.

Banytė-Rowell R., Bitner-Wróblewska A., Reich C. Did They Exist? The Question of Elites in Western Lithuania in the Roman and Early Migration Periods, and Their Interregional Contacts // AB. Vol. 18 (II). Klaipėda, 2012. P. 192–220.

Banytė-Rowell R., Bitner-Wróblewska A. From Aestii to Esti. Connections between the Western Lithuanian Group and the area of distribution of tarand-graves // Interarchaelogia. Vol. 1. Tartu; Riga; Vilnius. 2005. P. 105–121.

Beckmann C. Metallfingerringe der Römischen Kaiserzeit im Freien Germanien // Saalburg Jahrbuch. Vol. 26. 1969. S. 7–106.

Bezzenbberger A. Das Gräberfeld bei Schernen (Kr. Memel) // Prussia. Bd. 17. 1892. S. 141–168.

Bezzenberger A. Gräberfeld bei Pettelkau, Kr. Braunsberg // Prussia. Bd. 22. 1909. S. 104–130.

Bitner-Wróblewska A. Netta. A Balt Cemetery in Northeastern Poland. Cep. MAB. T. XII. Warszawa, 2007.

Bitner-Wróblewska A. The Couronians in the Roman Iron Age and Migration age: their relations with the cousins from the West // Ventspils Muzeja Raksti. Vol. II. Riga: Ventspils muzejs. 2002. P. 70–83.

Bitner-Wróblewska A. Emaliu puošti dirbiniai — Art of the Balts — Baltu menas / ed. A. Butrimas. Vilnius, 2009. P. 400–424.

Bliujienė A. Northern gold: amber in Lithuania (c. 100 to c. 1200) // East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450 / ed. F. Curta. Lieden; Boston. 2011.

Bliujienė A. Romėniškasis ir tautų kraustymosi laikotarpiai // Lietuvos archeologija. T. III. Klaipėda, 2013.

Bliujienė A., Butkus D. Armed Men and their Riding Horses as a Reflection of Warriors Hierarchy in Western Lithuania during the Roman Iron Age) // AB. Vol. 8. 2007. 95–117.

Blume E. Die Germanische Stämme und die Kultren zwitchen Oder und Baffagre zur römichen Kaizerzeit. Cep. Mannus. T. I. Würzburg, 1912.

Böhme-Schönberger A. Neue Forschungen zu den Schwertscheiden mit opus interrasile-Zietblechen // Bewaffnung der Germanen und ihrer Nachbarn in den letzten Jahrhunderten vor Christi Geburt / ed. C. von Carnap-Bornheim. Lublin, 2002. P. 199–209.

Butėnienė E. Lazdininkų kapinynas // Lietuvos archeologiniai paminklai. Lietuvos pajūrio I–VII a. kapinynai. Vilnius, 1968. P. 143–161.

Chilińska-Drapella A. Próba nowego spojrzenia na «pasy sambijskie» // Wiadomości Archoelogiczne. Vol. 61. 2010. 3–80.

Dąbrowska T. Wczesne fazy kultury przeworskiej. Chronologia — zasięg — powiązania. Warszawa, 1988.

Engel K. Vorgeschichte der alterpreußusche Stämme. Untersuchungen über Sirdlungstätigkeit und Kulturgruppen im vorgeschichtlichen Ostpreußen. Bd. II. Königsberg, 1935.

Engelhardt C. Sønderjyske og Fynske Mosefund. Thorsbjerg Mosefund, Nydam Mosefund, Kragehul og Vimosefundene. København, 1969.

Feugère M. Les Fibules en Gaule Méridionale de la conquête à la fin du Ve siècle après J.-C. Cep. Revue Archéologique de Narbonnaise. Vol. 12. Paris, 1985.

Gaerte W. Urgerchichte Ostpreussens. Königsberg, 1929.

Garbsch J. Die norisch-pannonische Frauentracht im I. und 2. Jahrhundert // Veröffentlichungen der Kommission zur Archäologischen Erforschung des Spätrömischen Raetien bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. T. 5. München, 1965.

Godłowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków, 1970.

Günther C., Voss A. Photographisches Album der Prähistorischen und Anthrologischen Ausstellung zu Berlin. T. I. Berlin, 1880.

Hahuła K., Wołągiewicz R. Grzybnica. Ein Gräberfeld mit Steinkreisen der Wielbark-Kultur in Pommern. Cep. MAB. T. VIII. Warzsawa; Koszalin, 2001.

Hauptman T. Studien zu den Dreisprossenfibeln // Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg. T. 5. Wünsdorf, 1998. 159–173.

I Balti, alle origini dei Prussiani, degli Iatvinghi, dei Lituani e dei Lettoni, dal V secolo a.c. al XIV secolo : Firenze, Sala d'Arme di Palazzo Vecchio, 6 settembre-17 novembre 1991 / ed. D. Jaskanis, M. Kaczynski. Firence, 1991.

Ibsen T., Skvorzov K. Das Graberfeld von Berezovka / Gr. Ottenhagen — Ein wiederentdecter Bestattunsplatz des 1. Jahrtausends n. Chr. Im Kaliningrader Gebiet. Cep. BRGK. T. 85. 2004. S. 407–411.

Ilkjær J. Illerup Ådal, 3: Die Gütel Bestandteile und Zubehör. Textband. Cep. Jutland Archaeological Society Publications. T. XXV: 3. Aarhus, 1993.

Illkjær J., von Carnap-Bornheim C. Die Prachtausrustning. Illerup Ådal. 7. Cep. Jutland Archaeological Society Publication. XXV: 11. Aarchus, 1996.

Jakobson F. Die Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren im Kreise Allenstein, Ostpr. Daumen und Kellaren — Tumiany i Kielary. / ed. A. Bitner-Wróblewska, C. von Carnap-Bornheim, J. Ciglis, V. Hilberg und W. Nowakowski. Bd. 1. Cep. Schriften des Archäologichen Landesmuseum. Vol. 9. Neumünster, 2009.

Jamka R. Fibule typu oczkowatego w Europe środkowej ze szczególnym uwzględnieniem ziem Polskich // Materiały starożytne. T. X. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1964.

Jankuhn H. Gürtelgarnituren der älteren römischen Kaiserzeit im Samlande // Prussia. Bd. 30/I. 1933. S. 166–201.

Jaskanis D., Jaskanis J. Sudanisches Siedlungskomplex aus der Spätromischen Periode und Völkerwanderrungszeit in Osowa, Kreis Suwałki // Acta Baltico-Slavica. Vol. 4. Białystok, 1966. S. 109–151.

Jaskanis J. Obrządek pogrzebowy zachodnich Bałtów u schyłku starożytności. Cep. Biblioteka archeologiczna (Polskie Towarzystwo Archeologiczne i Numizmatyczne). T. 23. Wrocław, 1974.

Jaskanis J. Cmentarzyska Kultury zachodniobaltyjskej z okresu rzymskiego // Materiały Starożytne i Wczesnośredniowieczne. T. IV. Warszawa, 1977. S. 239—249.

Jaskanis J. Szwajcaria. Cmentarzysko bałtyjskie kultury sudowskiej w północno-wschodniej Polsce. Warszawa, 2013.

Jílek J., Kuča M., Sojková T. Pohřebiště z doby Římské ve Velaticích // Slovenská archeológia. T. LIX–2. Nitra, 2011. S. 235–309.

Jovaiša J. Aisčiai. Kilmė. I knyga: monografija. Vilnius, 2012.

Kaczyński M. Z problematyki kontaktów zachodnich bałtów z prowincjami Imperium Romanum // Rocznik Białostocki. T. 16. Białostock, 1991. S. 157–199.

Katalog der Ausstellung zum X. archäologischen Kongress in Riga. Riga, 1896.

Katalog der Ausstellung zur Konferenz Baltischer Archäologen in Riga 1930. Konferenz Baltischer Archäologen. Riga, 1930.

Klebs R. Bericht über die neuen Ausgrabungen in Tengen bei Brandenburg (Natangen) ausgeführt im Sommer 1875 // Schriften der Königlichen Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg. Bb. XVIII. Königsberg, 1877. S. 51–63.

Klindt-Jensen O. Keltisk Tradition i romersk Jernalder // Aarbøger for Nordisk oldkyndighed og Historie. København, 1952. S. 193–228.

Kobylińska U. Uwagi o genezie «pasa sambijskiego» z wczesnego okresu wpływyw Rzymskich // Archaeologia Polona. T. XXXI (2). Wrocław, 1986. S. 373–396.

Kulikauskas P., Kulikauskiene R., Tautavičius A. Lietuvos Archeologijos Bruožai. Vilnius, 1961.

Kuršiai: genties kultūra laidosenos duomenimis. Cep. Baltų archeologijos paroda. Katalogas / ed. E. Griciuvienė. Vilnius, 2009.

Lang V. The Bronze and Early Iron Ages in Estonia // Estonian Archaeology. T. 3. Tartu, 2007.

Lau N. Die Pferdegeschirre. Germanische Zaumzeuge und Sattelgeschirre als Zeugnisse kriegerischer Reiterei im mittel- und nordeuropäischen Barbaricum // Das Thorsberger Moor / ed. C. von Carnap-Bornheim. Bd 1. Schleswig, 2014.

Lund Hansen U. Römische Import im Norden. Cep. Nordische Fortminder. Serie B. Bd.10. København, 1987.

Machajewski H. Die Fibeln der Gruppe V, Serie 8, im östlichen Teil Mitteleuropas // Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg. Vol. 5. Wünsdorf. 1998. S. 187–196.

Madyda-Legutko R. Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Cep. British Archaeological Reports. International Series. Vol. 360. Oxford, 1987.

Madyda-Legutko R. Gürtelhaken der frührömischen Kaiserzeit im Gebiet des mitteleuropäischen Barbaricum // Przegląd Archeologiczny. Vol. 37. 1990. S. 157–180.

Madyda-Legutko R. Metalowe części pasyw na obszarze kultury Zachodniobałtyjskiej w okresie wpływyw rzymskich // Wiadomości Archeologiczne. Vol. XLVIII–I. 1983. S. 21–36.

Madyda-Legutko R. Próba rekonstrukcji pasów z metalowymi częściami na obszarze środkowoeuropejskiego Barbaricum w okresie wpływów rzymskich i we wczesnej fazie okresu wędrówek ludów // Przegląd Archeologiczny, Vol. 31. 1984. S. 91–134.

Madyda-Legutko R. Uwagi o ornamentyce ażurowej w kręgu zachodniobałtyjskim // Bałtowie i ich sąsiedzi / ed. A. Bitner-Wróblewska. Cep. Seminarium Bałtyjskie. Vol. 2. Warszawa, 2009. S. 773–786.

Madyda-Legutko R. Studia nad zróżnicowaniem metalowych części pasów w kulturze przeworskiej: okucia końca pasa. Kraków, 2011.

Michelbertas M. Litauen. Cep. Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum. Vilnius, 2001.

Michelbertas M. Senasis geležies amžius Lietuvoje I–IV a. Vilnius, 1986.

Moora H. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. II Teil: Analyse. Cep. Opetatud Eesti Seltsi Toimetised. T. XXIX, Tartu, 1938.

Nowakowski W. Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Cep. Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg / ed. C. von Carnap- Bornheim. T. 10. Marburg; Warszawa,1996.

Nowakowski W. Die Funde Der Römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit in Masuren. Cep. Museum für Vor- und Frühgeschichte Bestandskataloge. T. 6. Berlin, 1998.

Nowakowski W. Vorrömische Militaria der Przeworsk-Kultur im westbaltischen Gebiet // Bewaffnung der Germanen und ihrer Nachbarn in den letzten Jahrhunderten vor Christi Geburt / ed. C. von Carnap-Bornheim. Lublin, 2002. S. 137–146.

Nowakowski W. Masuren in der Römischen Kaiserzeit. Auswertung der Archivalien aus dem Nachlass von Herbert Jankuhn // Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete. Bd. 12. Neumünster, 2013.

Okulicz J. Powiązania pobrzeża wschodniego Bałtyku i centrum sambijskiego z południem w podokresie wczesnorzymskim // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego: Prace Archeologiczne. Vol. 422–22. Kraków, 1976. S. 181–213.

Okulicz J. Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VI w. n. e. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1973.

Oldenstein J. Zur Ausrüstung römischer Auxiliareinheiten // BRGK. Bd. 57 (1976). 1977. S. 44–284.

Piertzak M. Pruszcz Gdański. Fundstelle 10. Ein Gräberfeld der Oksywie- und Wielbark kultur in Ostpommern. Cep. MAB. T. IV. Krakow, 1997.

Raddatz K. Der Thorsberger Moorfund. Gürtelteile und Körperschmuck // Offa. T. 13. 1957.

Schlicht O. Das westliche Samland. Bd. 1. Dresden, 1922.

Schuster J. Lübsow. Älterkaiserzeitliche Fürstengräber im nördlichen Mitteleuropa. Cep. Bonner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichtlichen Archäologie. Vol. 12. Bonn, 2010.

Skvortzov K. The formation of a Sambian-Natangian Culture Patrimonial Elite in the Roman Period in the Context of the Amber Trade // AB. Vol. 18–II. 2012. P. 167–191.

Skvorzov K. Burials of riders and horses dated to the Roman irong age and Great Migration period in Aleika-3 (former Jaugehnen) cemetery on the Sambian peninsula // AB. Vol. 11. 2009. P. 130–148.

Stadie K. Ausgrabungen auf dem Galgenberge bei Kirpehnen, Kr. Fischausen, im Jahre 1902 // Prussia. Bd. 22. 1909. S. 365–375.

Stankus J. Bandužių kapinas // Lietuvos arheologija. T. 12. Vilnus, 1995.

Strobin J. Die Ornamentik des Metallschmucks aus dem Gräberfeld der Wielbark-Kultur in Lubowidz // Lubowidz. Ein birituelles Gräberfeld der Wielbark-Kultur aus der Zeit vom Ende des 1 Jhs. V. Chr. bis zum Anfang des 3 Jhs.n. Chr. / Ed. R.Wołągiewicz. Cep. MAB. T. I. 1995. S. 51–57.

Szter I. Cmentarzysko z okresu wpływów rzymskich i z okresu wędrówek ludów w Kamieniu na Pojezierzu Mazurskim // Wiadomości Archeologiczne. T. LXI. 2010. S. 200–333.

Tamulinas L. Die Funde aus dem Memelland in den Aufnahmen der archäologischen Sammlung des „Prussia-Museums" // Archaeologia Lituana. Vol. 7. 2006. S. 171–181.

Tempelmann-Mączynska M. Das Frauentrachtzubehör des mittel- und osteuropäischen Barbaricums in der römischen Kaiserzeit. Kraków, 1989.

Tempelmann-Mączynska M. Proba rekonstrukcji stroju kobiecego kultury zachodniobaltyjskiej w okresie wplywow rzymskich // Wiadomości Archoelogiczne. Vol. 48. 1983. S. 3–19.

Tischler O., Kemke H. Ostpreißishe Altertümer aus der Zeit der großen Graberfelder nach Christi Geburt. Königsberg, 1902.

Tuszyńska M. Ulkowy. Cmentarzysko kultury wielbarskiej na Pomorzu Gdańskim. Gdańsk, 2005.

Vaitkevicius V. Interpreting the East Lithuanian Barrow culture // Culture And Material Culture. Papers from the first theoretical seminar of the Baltic archaeologists (BASE) held at the University of Tartu Estonia, October 17th–19th, 2003 / ed. V. Lang. Interarchaeologia. Vol. 1. Tartu; Riga; Vilnius, 2005. S. 71–86.

Vaska B. Ornamentation on Roman Iron Age jewellery in Latvia made in openwork technique // Archaeologia Lituana. Vol. 14. 2013. P. 88–110.

Wilbers-Rost S. Pferdegeschirr Der Romischen Kaiserzeit in Der Germania Libera: Zur Entstehung, Entwicklung Und Ausbreitung Des «Zaumzeugs Mit Zugelketten» // Verèoffentlichungen Der Urgeschichtlichen Sammlungen Des Landesmuseums Zu Hannover. Hannover, 1994.

Wołągiewicz R. Glos w dyskusji na konferencji «Kultury archeologiczne i strefy kulturowe w Europie środkowej w okresie wpływów rzymskich» // Prace Archeologiczne. Vol. 22. Kraków, 1976. S. 294–295.

Wołągiewicz R. Kultura wielbarska problemy interpretacji etnicznej // Problemy kultury wielbarskiej / Ed. T. Malinowski. Słupsk, 1981. S. 79–106.

Wołągiewicz R. Lubowidz: ein birituelles Gräberfeld der Wielbark-Kultur aus der Zeit vom Ende des 1. Jhs. v. Chr. bis zum Anfang des 3. Jhs. n.Chr. Cep. MAB. T. I. Kraków, 1995.

Ziemińska-Odojowa W. Niedanowo. Ein Gräberfeld der Przeworsk- und Wielbark-Kultur in Nordmasowien. Cep. MAB. T. VII. Kraków, 1999.

Таблица 1. **Сериация комплексов с «самбийскими» поясами**

	Хроноиндикаторы															Прочие признаки											Орнаментальные мотивы				
Комплексы/Признаки	10	8	7	14	12	13	2	1	4	9	15	3	5	11	6	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31
Большое Исаково, погр. 195	x					x	x		x							x				x	x		x	x		x	x				
Шлакалькен IV, погр. 20	x								x									x		x			x		x	x	x				
Поваровка, погр. 10		x	x													x			x											x	
Хрустальное, погр. 19f		x						x								x			x					x			x				
Путилово, погр. 1		x	x						x				Группа I						x								x				
Коврово, погр. 14а		x	x	x				x	x							x										x	x				
Коврово, погр. 30			x						x	x								x	x	x		x			x			x		x	x
Ровное, погр. 13					x				x												x				x		–	–	–	–	–
Шлакалькен IV, погр. 3						x			x	x								x	x	x			x			x		x			
Коврово, погр. 11а									x	x								x	x	x						x		x	x		
Лейды, погр. А								x								x							x						x	x	
Коврово, погр. 28									x	x						x	x	x	x										x		
Коврово, погр. 4			x	x					x				x	x		x			x			x	x				x				
Поваровка, погр. F												x		x		x		x	x	x	x		x		x					x	
Лендорф, погр. С								x	x		x			x		x		x	x	x			x			x			x		
Коврово, погр. 11b					x			x	x	x			x			x		x								x		x			
Шлакалькен IV, погр. 24						x				x			x						x							x	–	–	–	–	–
Хрустальное, погр. 3 gez. 21									x	x			x							x	x									x	
Коврово, погр. 1			Группа II							x			x			x		x	x									x	x		
Путилово, погр. 15										x	x		x			x		x		x			x			x				x	x
Коврово, погр. 9						x			x				x			x											–	–	–	–	–
Ветрово, погр. 1									x				x	x		x												x	x	x	
Коврово, погр. 26									x					x		x											x				
Гурьевск-Новый, погр. 13													x	x		x	x	x	x	x	x							x			
Хрустальное, погр. 52												x	x	x	x					x	x								x		
Большое Исаково, погр. 233						Группа III							x	x	x	x		x	x	x	x		x						x	x	
Березовка, погр. 119														x	x				x		x	x	x	x	x	x	x				
Тюленино, погр. 170														x	x	x														x	x
Грачевка, погр. 5															x					x						x			x		

Хроноидикаторы: фибулы: *1 — А.72, 2 — А.80, 3 — А.93, 4 — группа III, 5 — группа II (А. 42), 6 — группа V, 7 — «шайбовидные»;* пряжки: *8* — С 10, *9* — С 11, *10* — С 12, *11 — с застежкой-крючком; 12* — наконечники ремней *группы О; 13* — детали головных уборов *(накладки). 14* — пронизи; *15* — янтарные бусы, *изготовленные вручную (группы XXX–XXXIII).*

Прочие признаки: браслеты: *16 — литые с профилированными окончаниями;* кольца: *17 — группа I (формы 1–3), 18 — группа V (форма 27, 29), 19 — группа VI (форма 30);* бусы: *20 — из двухслойного стекла с металлической прокладкой (группа XXIX), 21 — монохромные простой формы (группы I–III, V, IX), 22 — монохромные (группа XVIII), 23 — полихромные (группы XX–XXII), 24 — мозаичные (группа XXIII), 25 — металлические (группа LX); 26 — перстневидные металлические* пронизи.

Орнаментальные мотивы: *27 — пряжки без орнамента, 28 — мотив в виде сочетания крестов, углов, Т-образных «ступенек», 29 — мотив растительного орнамента в виде сочетания стилизованных «стеблей», соединенных в четырехсторонние фигуры с вогнутыми сторонами, и треугольников, 30 — мотив дуг, 31 — мотив стилизованного веерообразного листа / пальметты, или «веретена».*

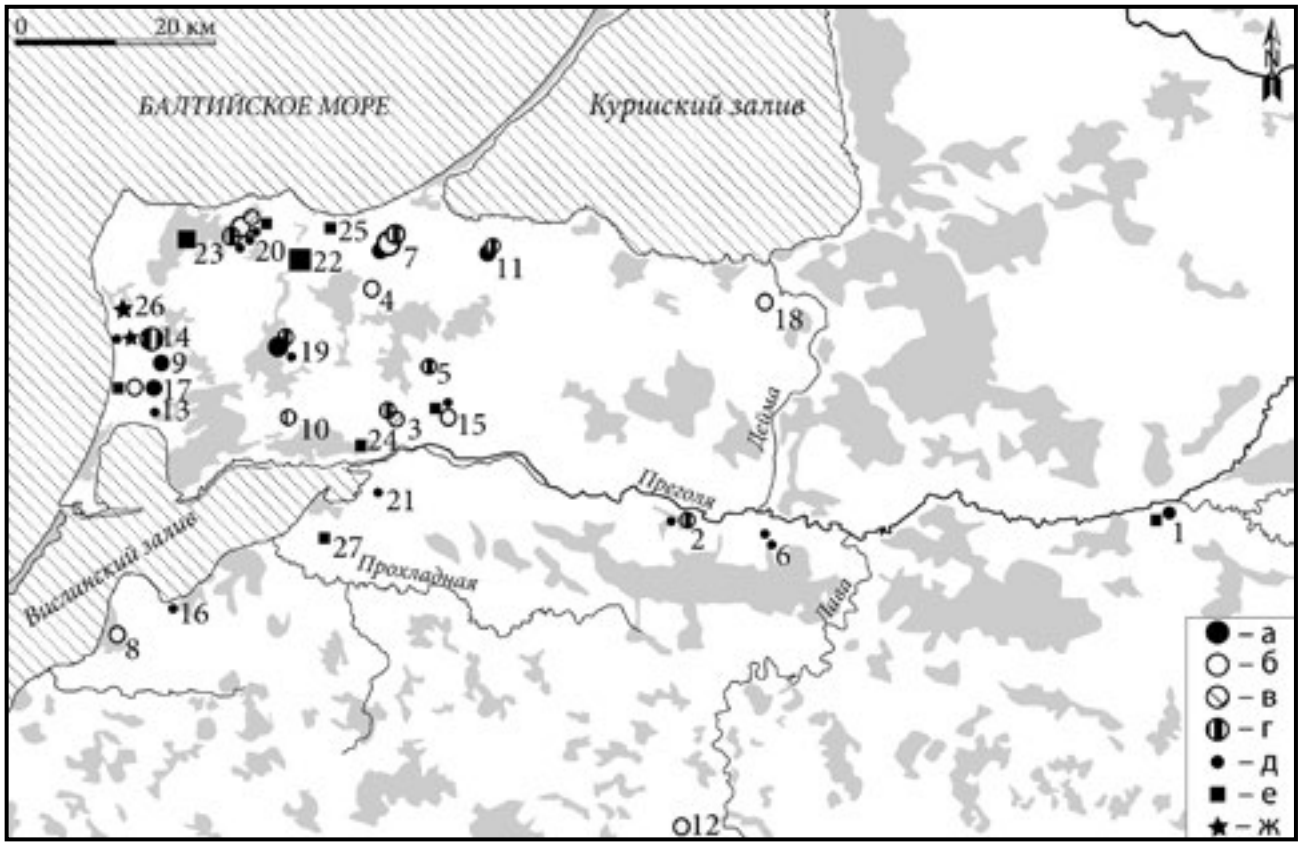


Рис. 1. Распространение ажурных предметов в культуре Долькайм–Коврово.

а–д — пояса с пряжками типов: а — С 10; б — С 11; в — С 12; г — застежка-крючок; д — неопределимо; е — другие предметы ажурного стиля; ж — импортные предметы.

Номера позиций на карте соответствуют каталогу

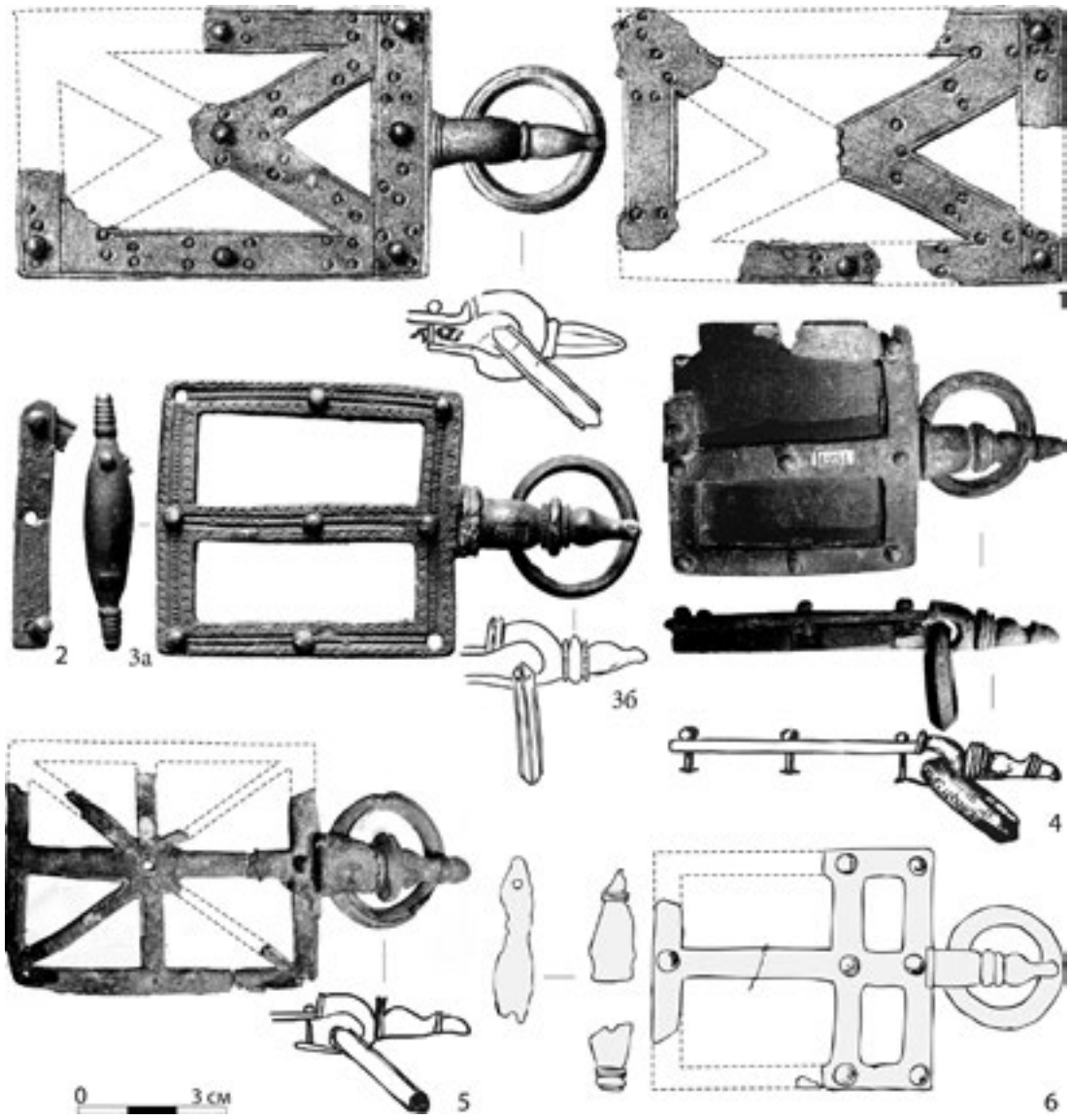


Рис. 2. «Самбийские» пояса.

1 — Коврово, погр. 14а; *2–3а, б* — Поддубное, случайные находки; *4* — Путилово, погр. 1; *5* — Круглово, случайная находка; *6* — Хрустальное, погр. 19F.

(1 — по Tischler, Kemke 1902; 2 — по архиву Г. Янкуна, 3–4 — по фондам SMB-PK/MVF (фото О. Хомяковой); 4 — по архиву Р. Гренца)

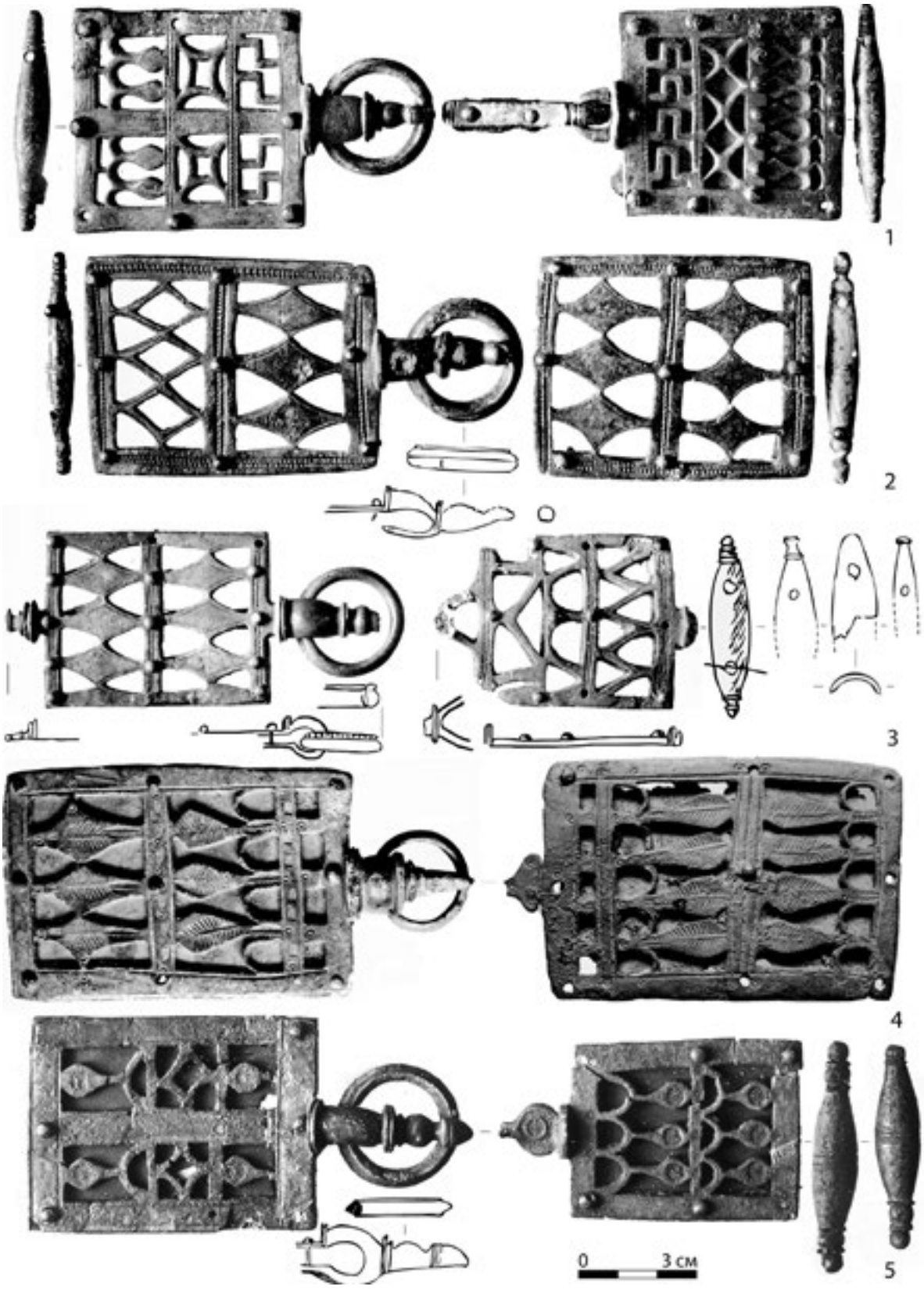


Рис. 3. «Самбийские» пояса.

1 — Коврово, погр. 30; *2* — Коврово, погр. 28; *3* — Коврово, погр. 1; *4* — Наликаймы, случайная находка; *5* — Путилово, погр. 15.

(фото и прорисовки — по архиву Г. Янкуна)

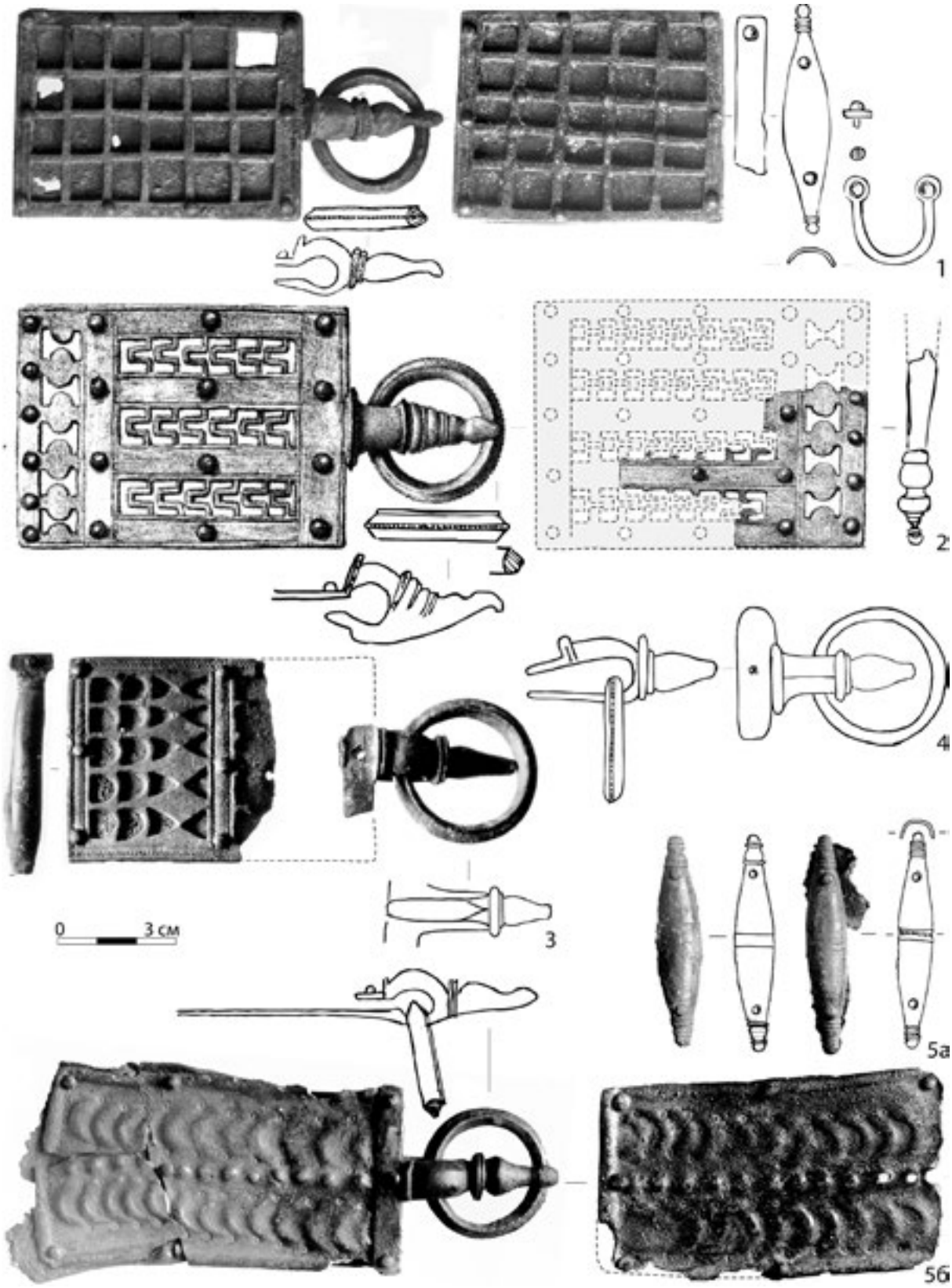


Рис. 4. «Самбийские» пояса.

1 — Шлакалькен IV, погр. 3; *2* — Коврово, погр. 11b; *3* — Парусное, случайная находка; *4* — Хрустальное, погр. 21, gez. 3; *5а–б* — Шлакалькен IV, погр. 20.

(1, 3–5 — фото и прорисовки по архиву Г. Янкуна, 2 — по Tischler, Kemke 1902)

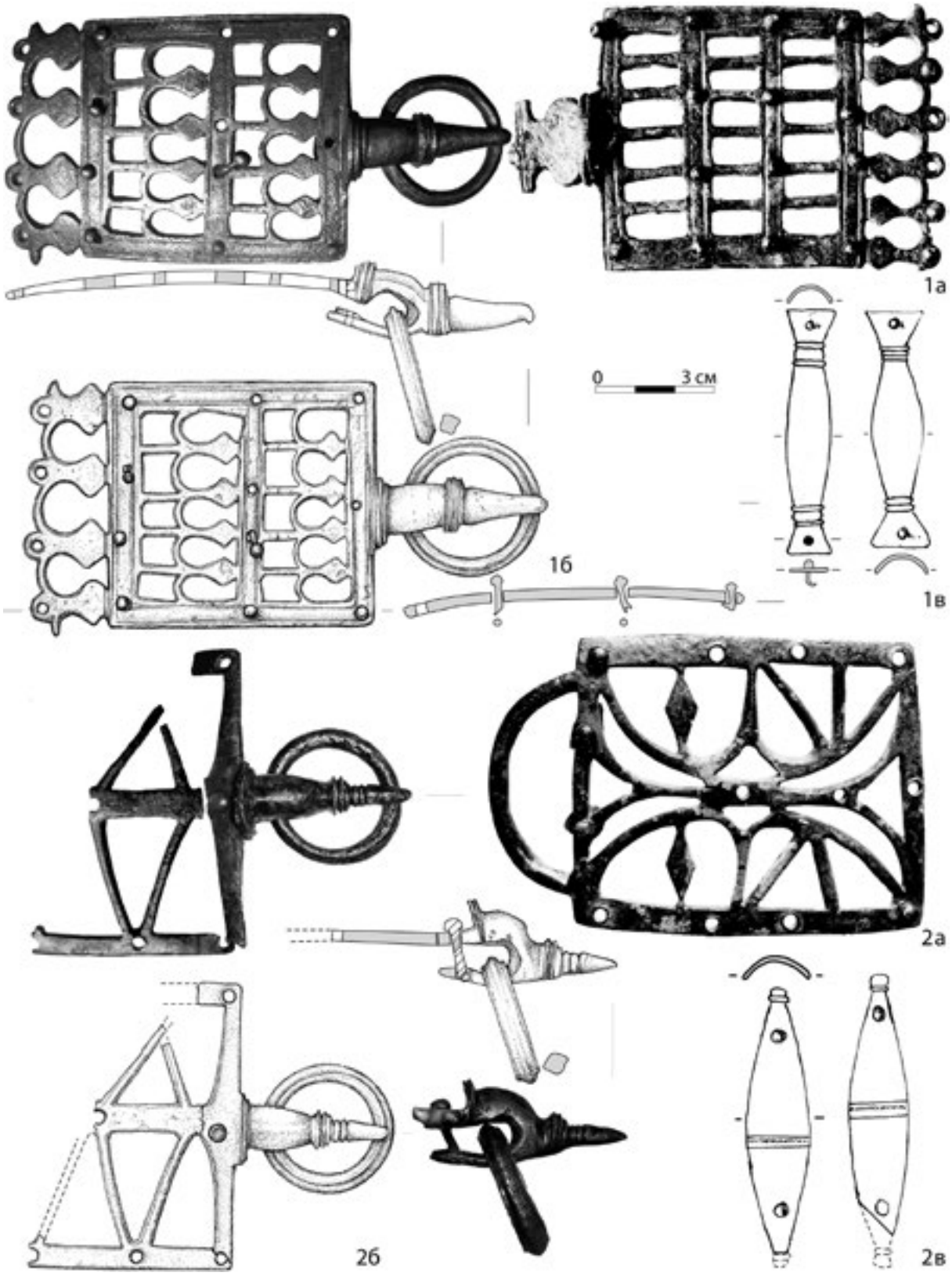


Рис. 5. «Самбийские» пояса.

1а–в — Луговское, случайная находка; *2а–в* — Краснодонское, случайная находка.

(1а–б, 2а– в — фото и рисунки О. Хомяковой по фондам КОИХМ, 1в, 2в — фото по архиву Г. Янкуна)

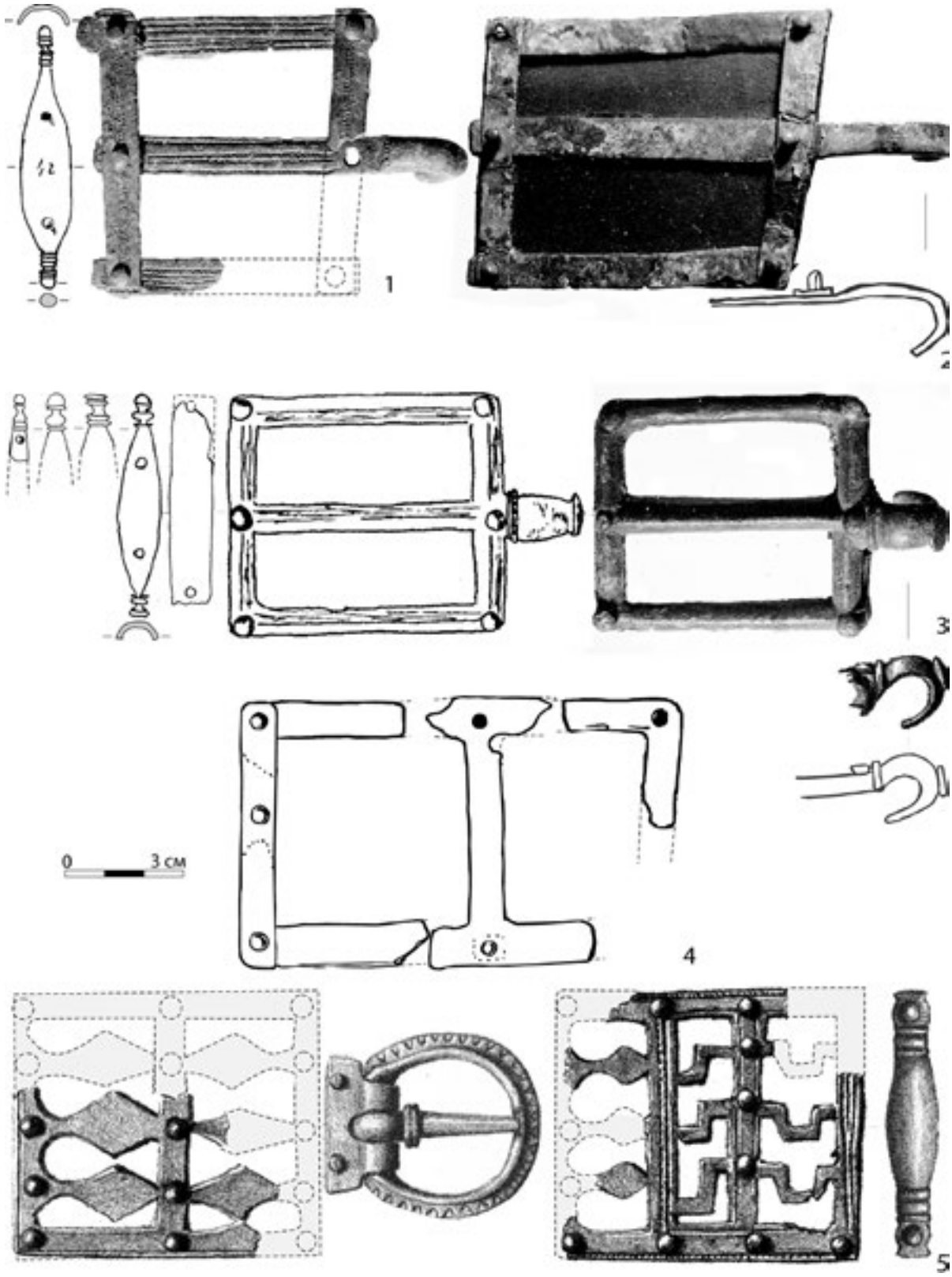


Рис. 6. «Самбийские» пояса.

1 — Луговское, погр. А(18); *2* — Коврово, погр. 26; *3* — Коврово, погр. 4; *4* — Поваровка, погр. 10; *5* — Коврово, погр. 11а.

(1–4 — фото и прорисовки по архиву Г. Янкуна, 5 — по Tischler, Kemke 1902. Taf. X: 2–2a, 10)

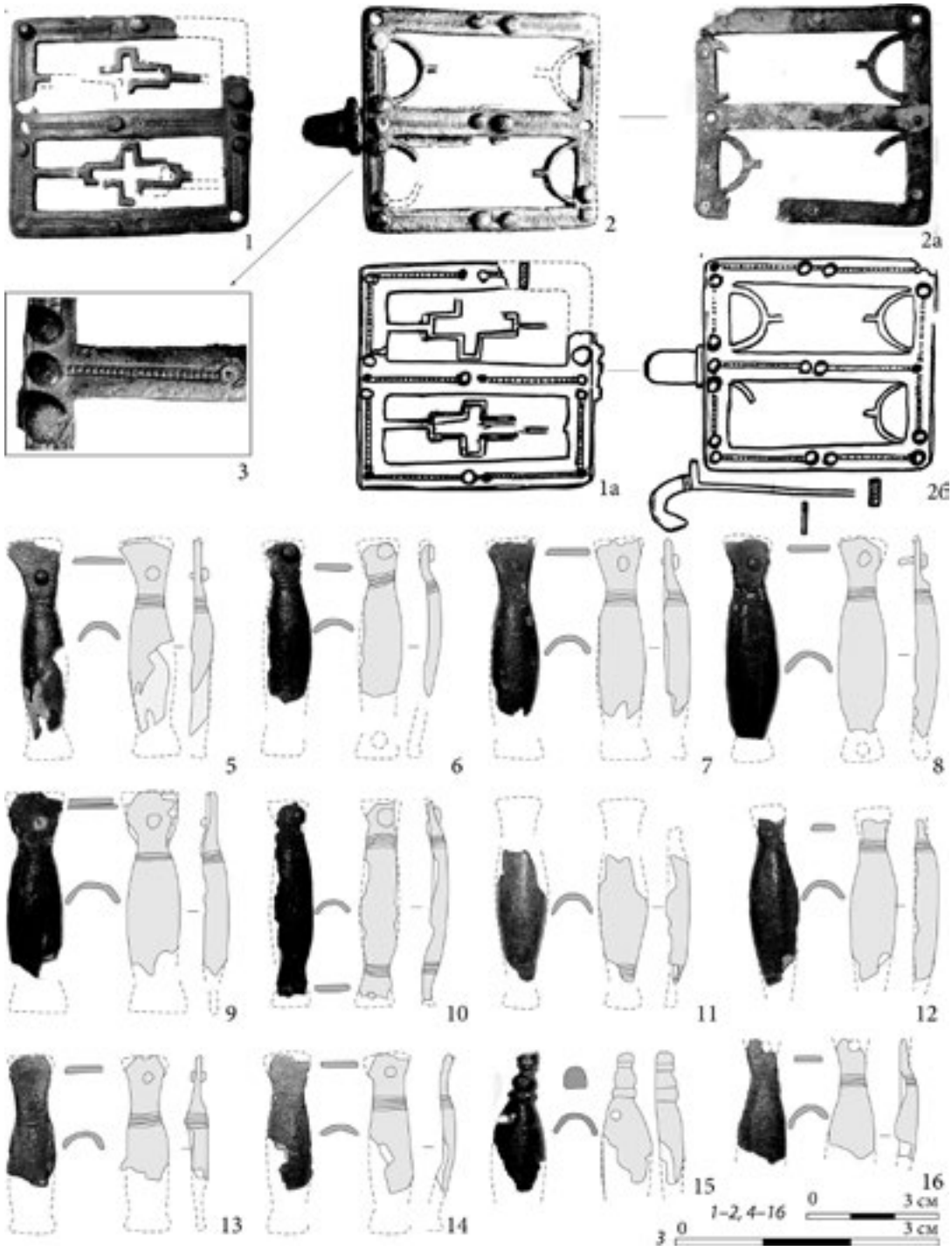


Рис. 7. Детали пояса из Гурьевска Нового, погр. 13.

1, 1а — прямоугольная накладка; *2, 2а–б* — пряжка; *3* — элемент декора пряжки с псевдозернью; *5–16* — ладьевидные накладки.

(1, 2а, 3, 5–16 — фото, векторные прорисовки и реконструкция О. Хомяковой по фондам SMB-PK/MVF и Chilińska-Drapella, 2010. Tab. 7: c2, d4–d14; 2, 4–4а — фото и прорисовка из архива Г. Янкуна)

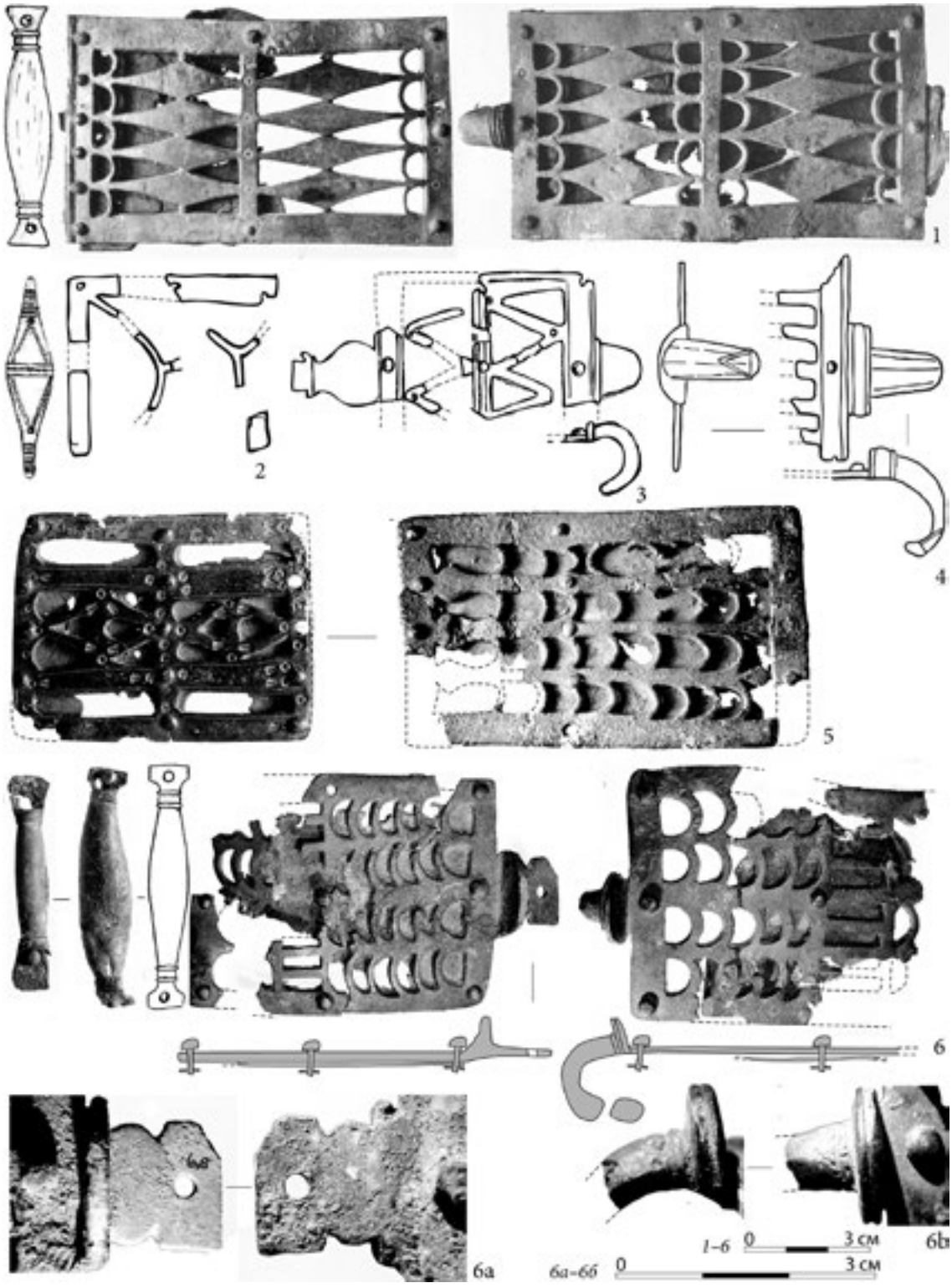


Рис. 8. «Самбийские» пояса.

1 — Лендорф, погр. С; *2* — Ровное, погр. 13; *3* — Хрустальное, погр. 52; *4* — Поваровка, случайная находка; *5* — Тюленино, погр. 170; 6, *6а–б* — Ветрово, погр. 1.

(1–5 — по архиву Г. Янкуна, 6–6a–b — по фондам SMB-PK/MVF (фото, реконструкция О. Хомяковой)

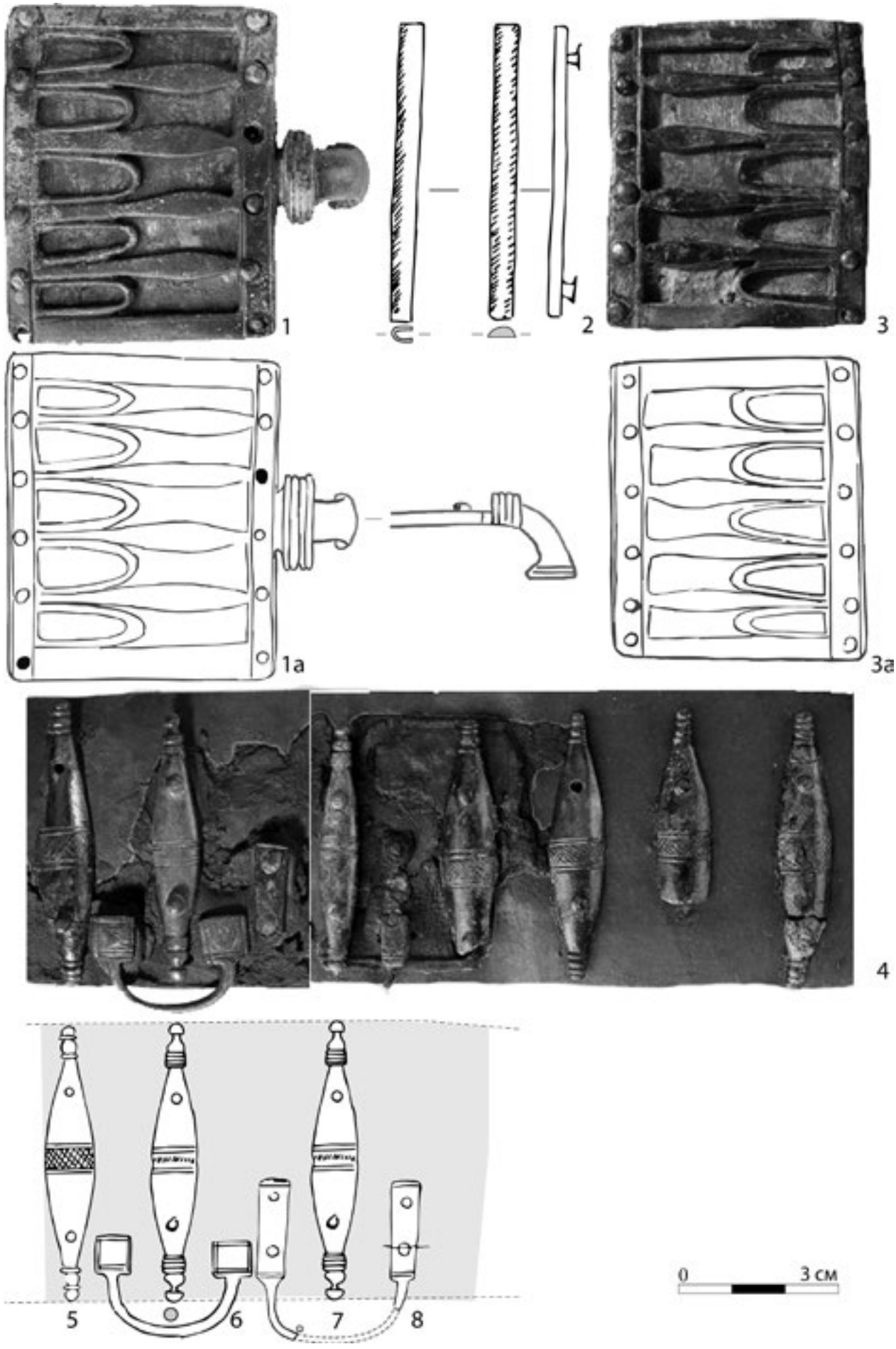


Рис. 9. «Самбийский» пояс из Поваровки, погр. F.

1а–в — ажурные пряжка и симметричная накладка; *2* — ограничители ремня; *4–5, 7* — ладьевидные накладки; *6, 8* — дуговидные держатели.

(1, 3–4 — по Chilińska-Drapella, 2010. Tab. 29: a1, b1, f, i (фото К. Пламп/C. Plamp, SMB-PK/MVF); 1а, 2, 3а, 5–8 — по архиву Г. Янкуна; 5–8 — реконструкция О. Хомяковой)

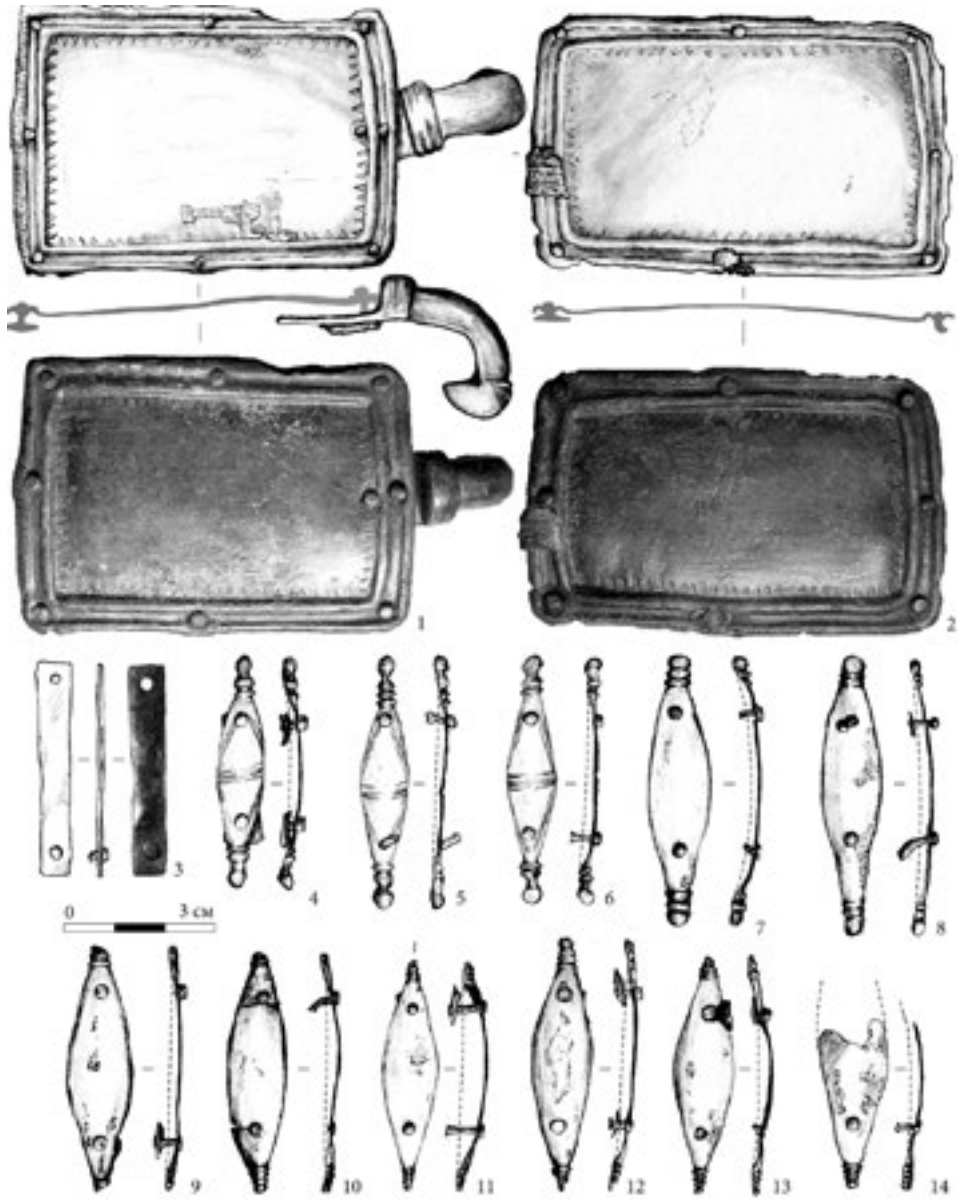


Рис. 10. Элементы «самбийского» пояса из погребения 119 могильника Березовка.

1 — пряжка; 2–14 — накладки.

(Рис. — К. Камп, фото — О. Хомякова)

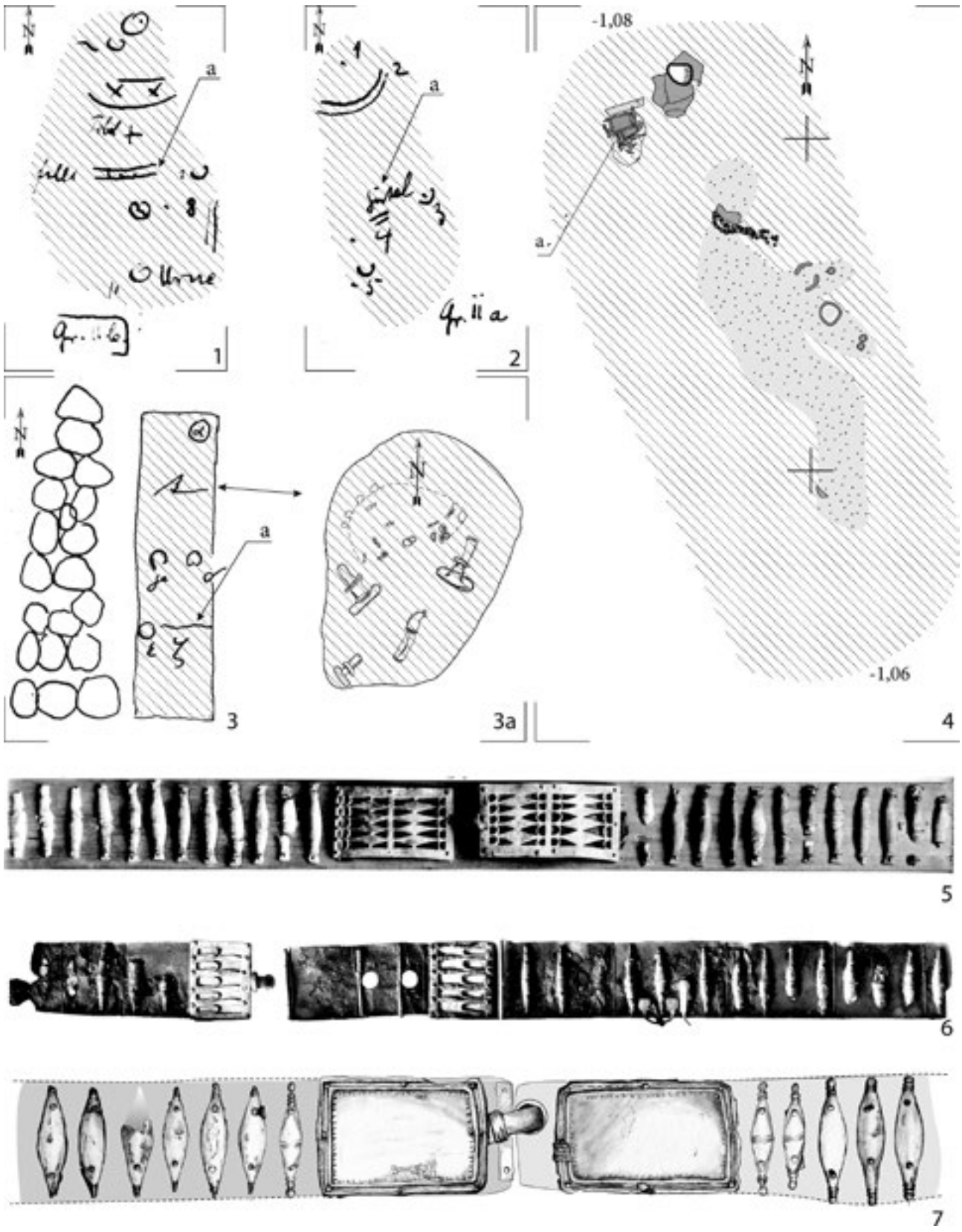


Рис. 11. «Самбийские» пояса и их расположение в трупоположениях in situ.

1–4 — планы объектов с «самбийскими» поясами: *1* — Коврово, погр. 11b; *2* — Коврово, погр. 11a; *3–3a* — Путилово, погр. 15; *4* — Березовка, погр. 119 (местоположение поясов обозначено литерой «a»). *5–7* — варианты реконструкций ременных наборов: *5* — Лендорф, погр. C; *6* — Поваровка, погр. F; *7* — Березовка, погр. 119.

(1–3, 5–6 — по архиву Г. Янкуна; 4, 7 — по Скворцов, 2004. Рис. 76–79; 2014. Рис. 7, фондам КОИХМ, SMB-PK/MVF)

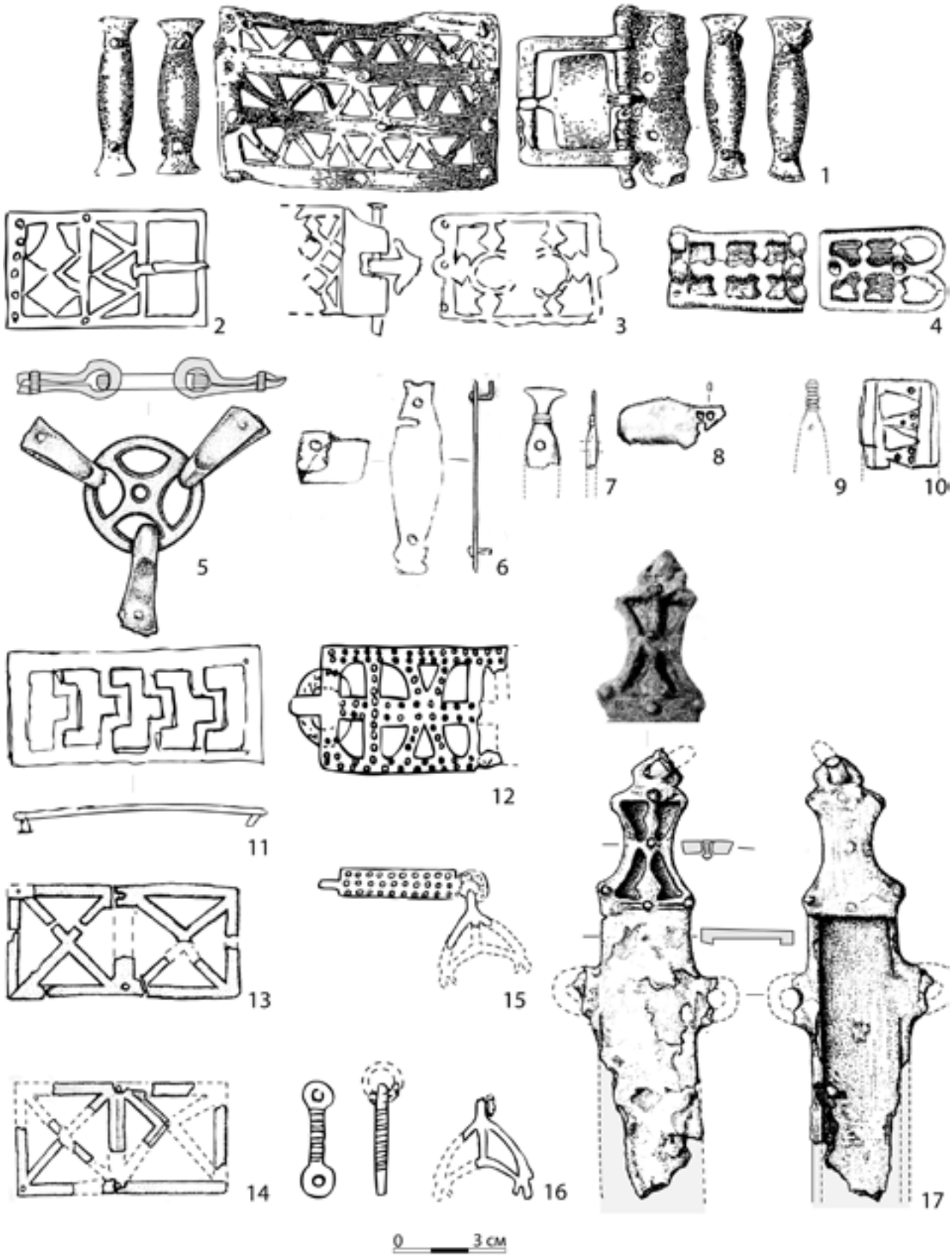


Рис. 12. Ажурные предметы культуры Долькайм–Коврово.

1 — Грачевка, погр. 5; *2* — ул. Ялтинская, г. Калининград, случайная находка; *3* — Тенген, погр. 35; *4* — Поддубное, случайная находка; *5* — Алейка III, погр. 487; *6* — Альтхоф, погр. 41; *7, 8* — Березовка, погр. 116В; *9, 10* — Приморское, случайная находка; *11* — Куликово, погр. 1; *12, 15, 16* — Грачевка, случайная находка; *13–14, 17* — Алейка III, погр. 418.

(1, 4 — по Gaerte 1929; 2, 3, 5–6, 10–12, 15–16 — фото и прорисовки по архиву Г. Янкуна; 7, 8 — по Скворцов, 2014, рис. 6: с; 13–14, 5,17– Скворцов 2007а)

Рис. 13. Детали конской уздечки из Русского, случайная находка.
(1 — по I Balti, 1991. Fig. 198; 1а — по Tischler, Kemke 1902. Taf. 12; 1б — реконструкция по архиву Г. Янкуна)

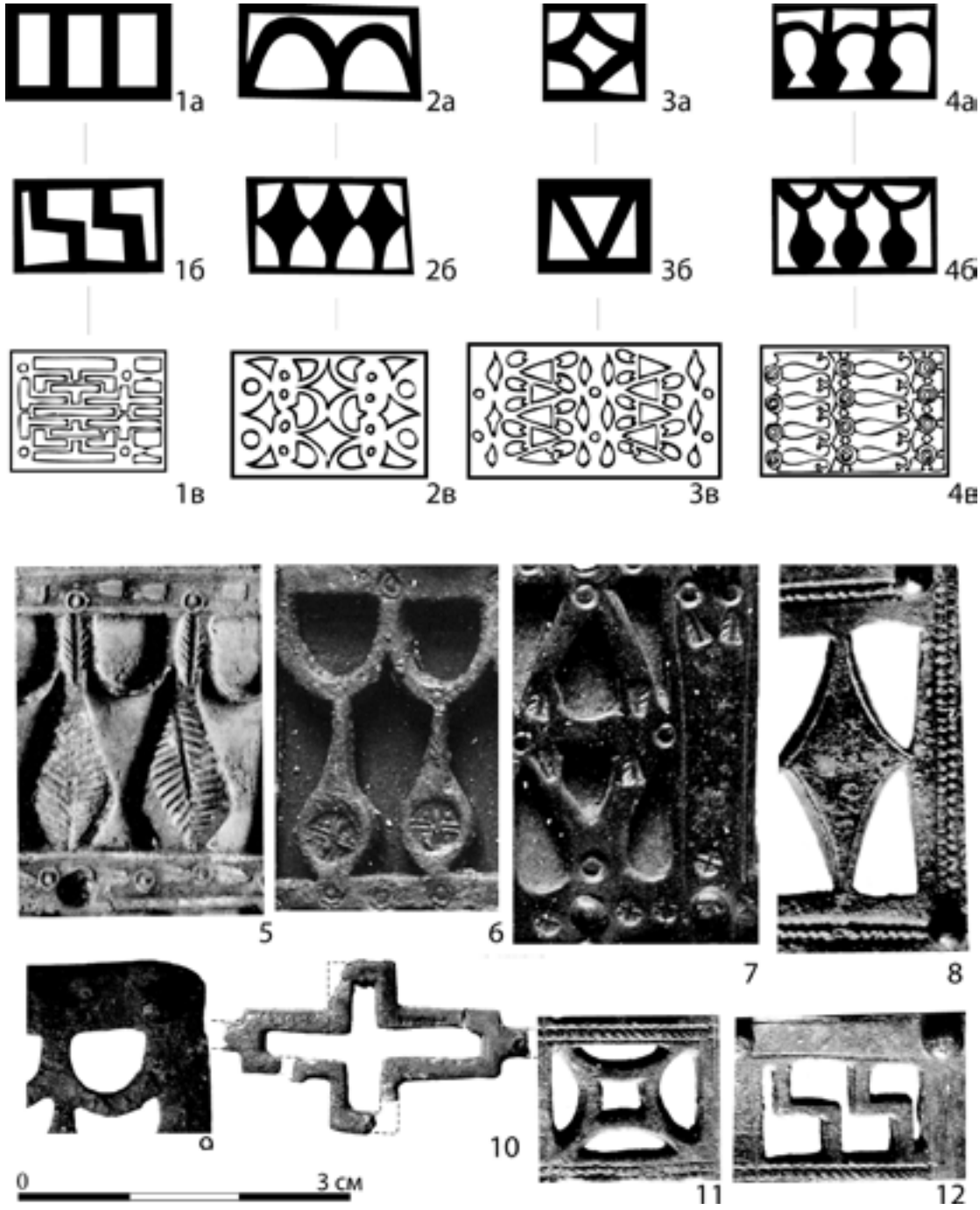


Рис. 14. Типы ажурного декора на изделиях культуры Долькайм–Коврово.

1–4 — орнаментальные мотивы и их аналогии (по Garbsch, 1965): *1* — тип B1; *2* — тип B2; *3* — тип B2, B4; *4* — тип B5. *5–12* — примеры декора, представленного на «самбийских поясах»: *5* — Наликаймы, случайная находка; *6* — Путилово, погр. 15; *7* — Тюленино, погр, 170; *8* — Коврово, погр. 28; *9* — Ветрово, погр. 1; *10* — Гурьевск Новый, погр. 13; *11, 12* — Коврово, погр. 30

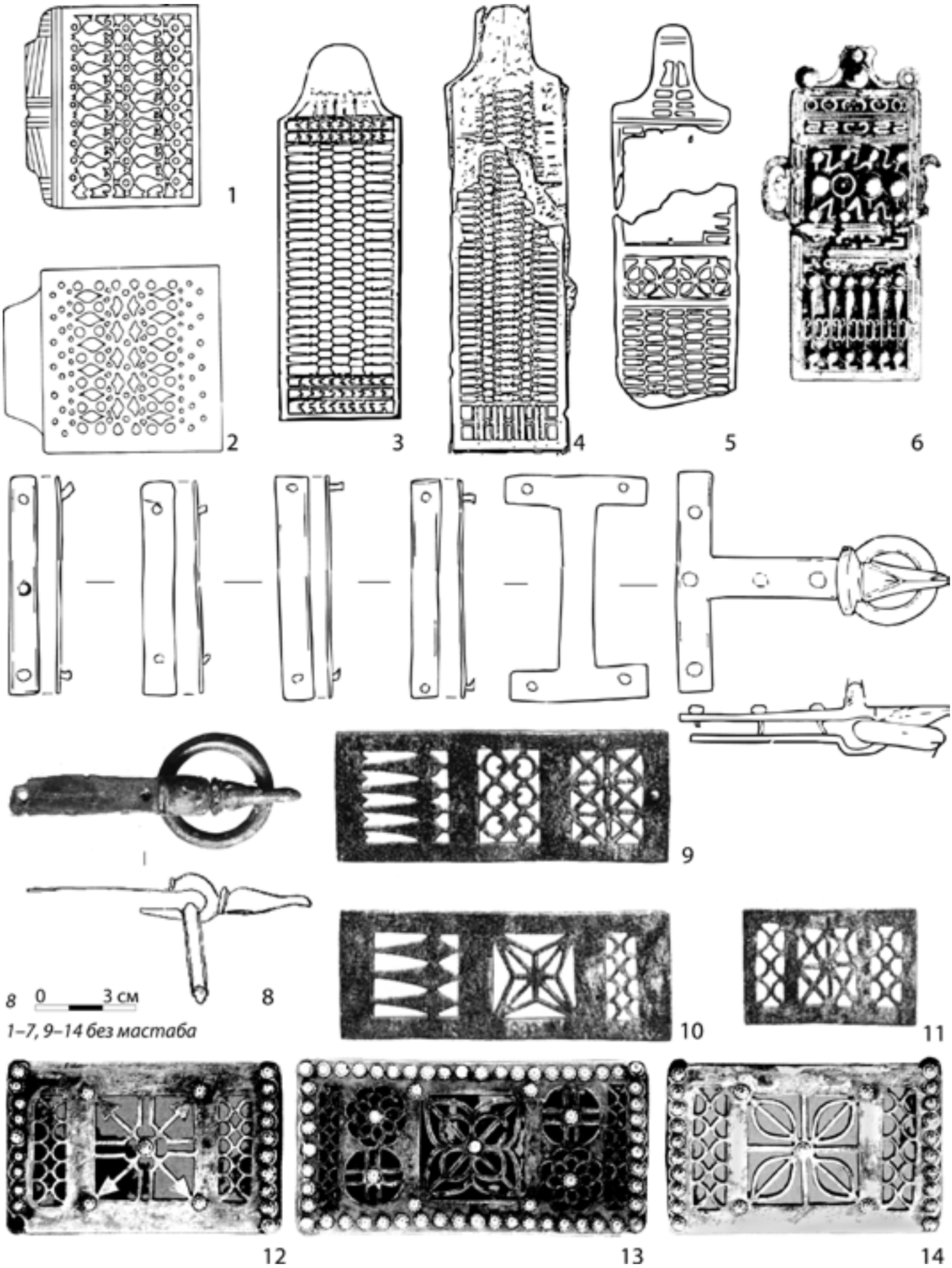


Рис. 15. Аналогии ажурным изделиям Юго-Восточной Прибалтики.

1–4 — ажурные накладки норико-паннонских поясов; *3–5* — типы орнаментов накладок на ножны мечей в стиле *opus interrasile; 6* — наносник (могильник Гудбэрге, о-в Фюн); *7* — поясной набор (могильник Прущ-Гданьски 10, погр. 127); *8* — пряжка (могильник Котельниково, комплекс «Depotfund»); *9–11* — ажурные накладки (жертвенное болото Триннемёзе, Дания); *12–14* — сбруйные накладки (жертвенное болото Иллеруп, Дания).

(1–2 — по Garbsch, 1965; по Böhme-Schönberger, 2002. Abb. 2; 6 — по Lau, 2014. Abb. 21; 7 — Piertzak, 1997. Taf. XLII; 8 — по архиву Г. Янкуна; 9–11 — по Klindt-Jensen, 1952. Fig. 1: h, i, k; 12–14 — по Carnap-Bornheim, Ilkjaér, 1996. Taf. 231)

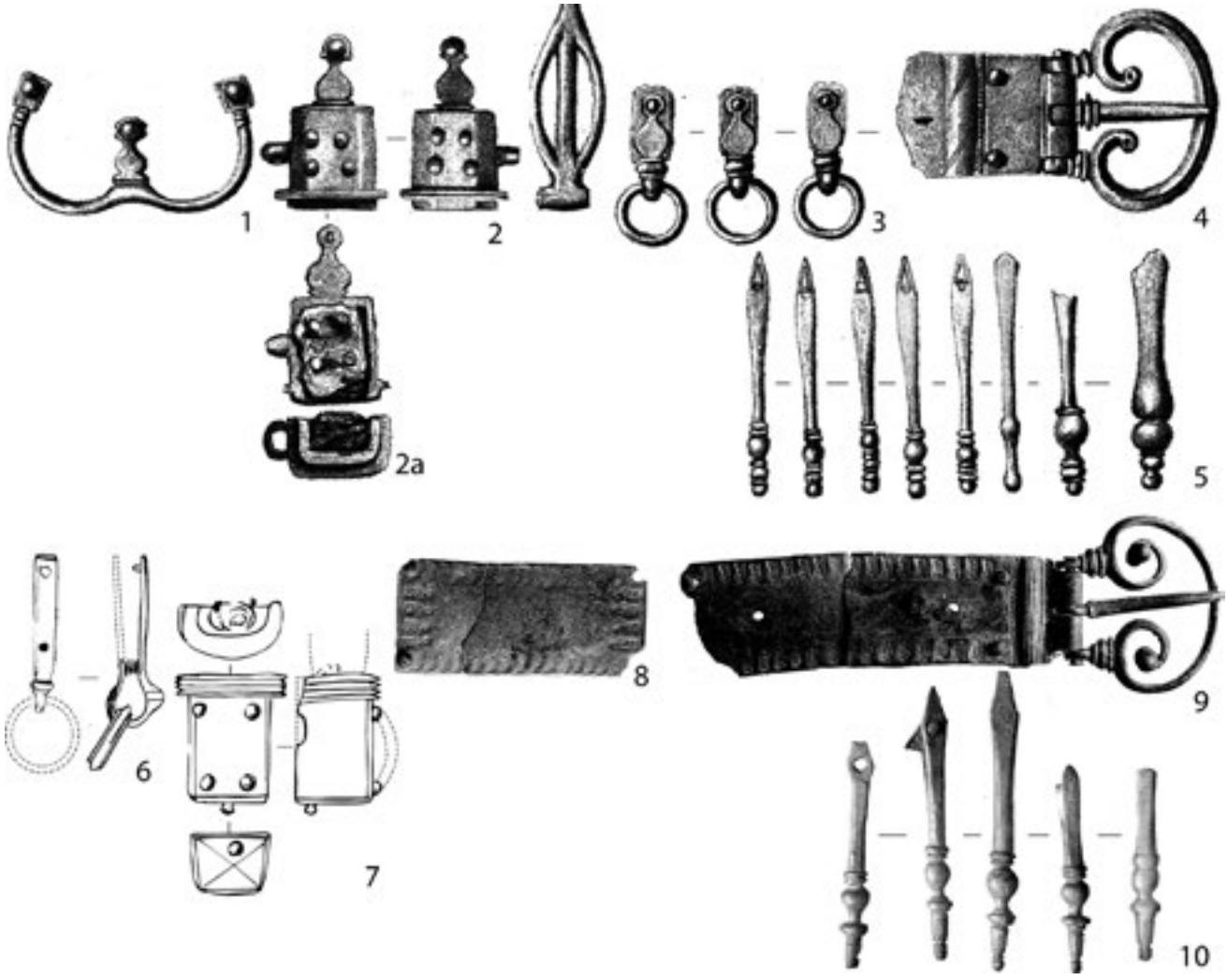


Рис. 16. Портупейные гарнитуры раннеримского времени культуры Долькайм–Коврово.
1–5 — Коврово, погр. 7; *6–10* — Лендорф, случайная находка.
(1–5 — по Tischler, Kemke 1902. Taf. X: 12–13; 7–10 — по архиву Г. Янкуна

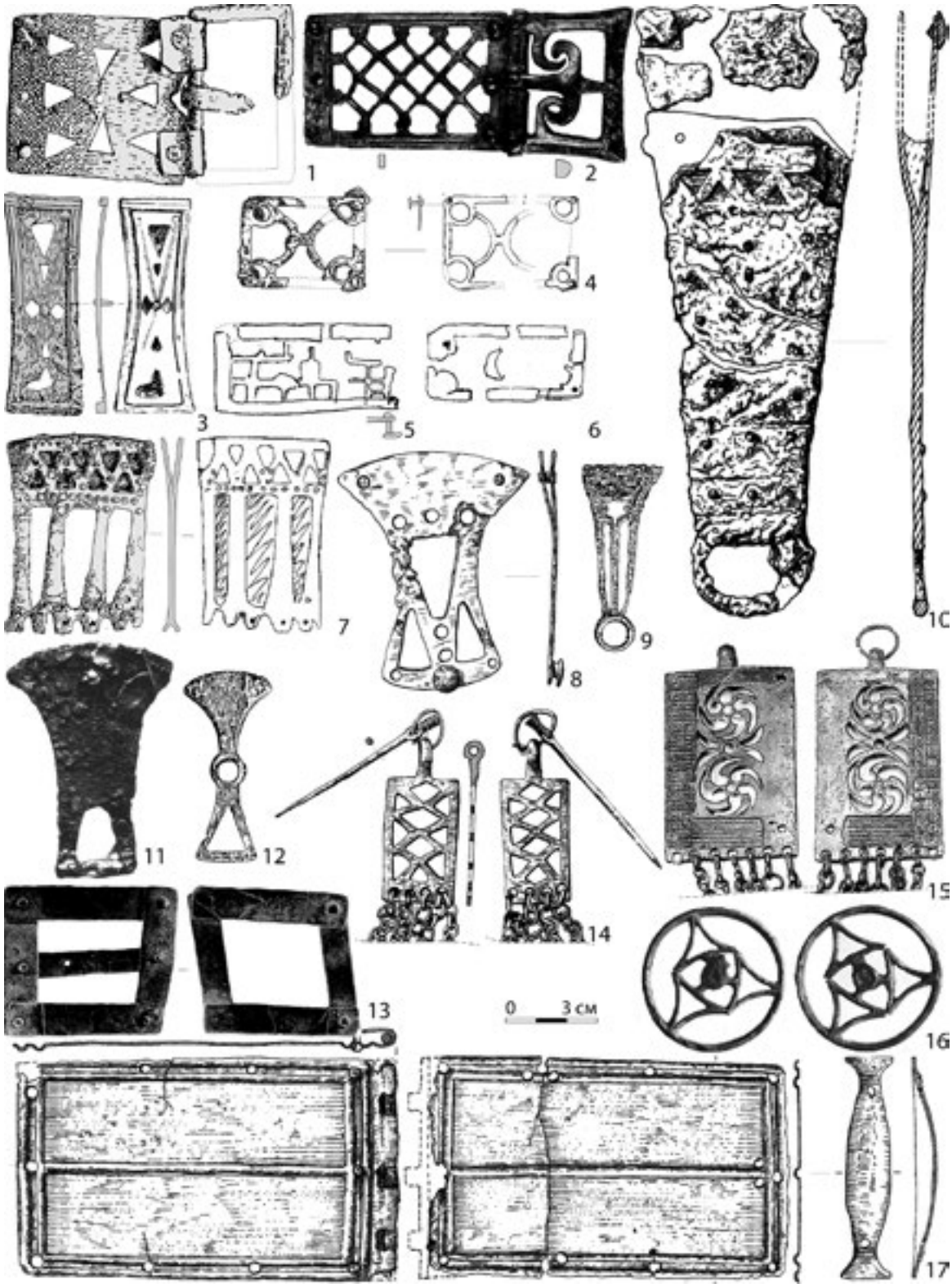


Рис. 17. Ажурная орнаментика на изделиях богачевской и судавской культур.

1–4 — пряжки; *3–6, 16* — детали конской сбруи; *7–12* — наконечники ремней; *14, 15* — фрагменты нагрудных украшений (*на иллюстрации представлены только цепедержатели*); *13, 17* — ременные накладки.

1 — Махары (*Macharen, Kr. Sensburg*), случайная находка; *2* — Осова, курган 22; *3–6* — Миентке (Mingfen, Kr. Ortelsbug) I, погр. 122; *7* — Гасиор (Jaskowska-See, Kr. Sensburg), погр. 257; *8* — Швайцария, курган 1, погр. 2; *9, 12* — Шпуховко (Klein-Puppen, Kr. Ortelsburg), случайные находки; *10* — Швайцария, курган XLVII, погр. 2; *11* — Камень (Kamien/Keilern, Kr. Sensburg), объект 2; *13* — Мазурское поозерье, «коллекция пастора Пизански», без указания места находки; *14, 17* — Швайцария, курган XX, погр. 2; *15* — Жива-Вода, курган 14, погр, 1; *16* — Киселевка (Karschau, Kr. Bartensten), погр. 3

(1 — Jankuhn, 1933. Abb. 19; 3, 5, 7, 9, 12 — по Gaerte, 1929. Abb. 173–174: a–c; 2, 15 — по I Balti, 1991. P. 99: 345; 3–7, 16 — по архиву Г. Янкуна; 8, 10, 14, 17 — по Jaskanis, 2013; 10 — по Szter, 2010. Taf. I: 4: 13–14 — по Nowakowski, 1998. Abb. 21)

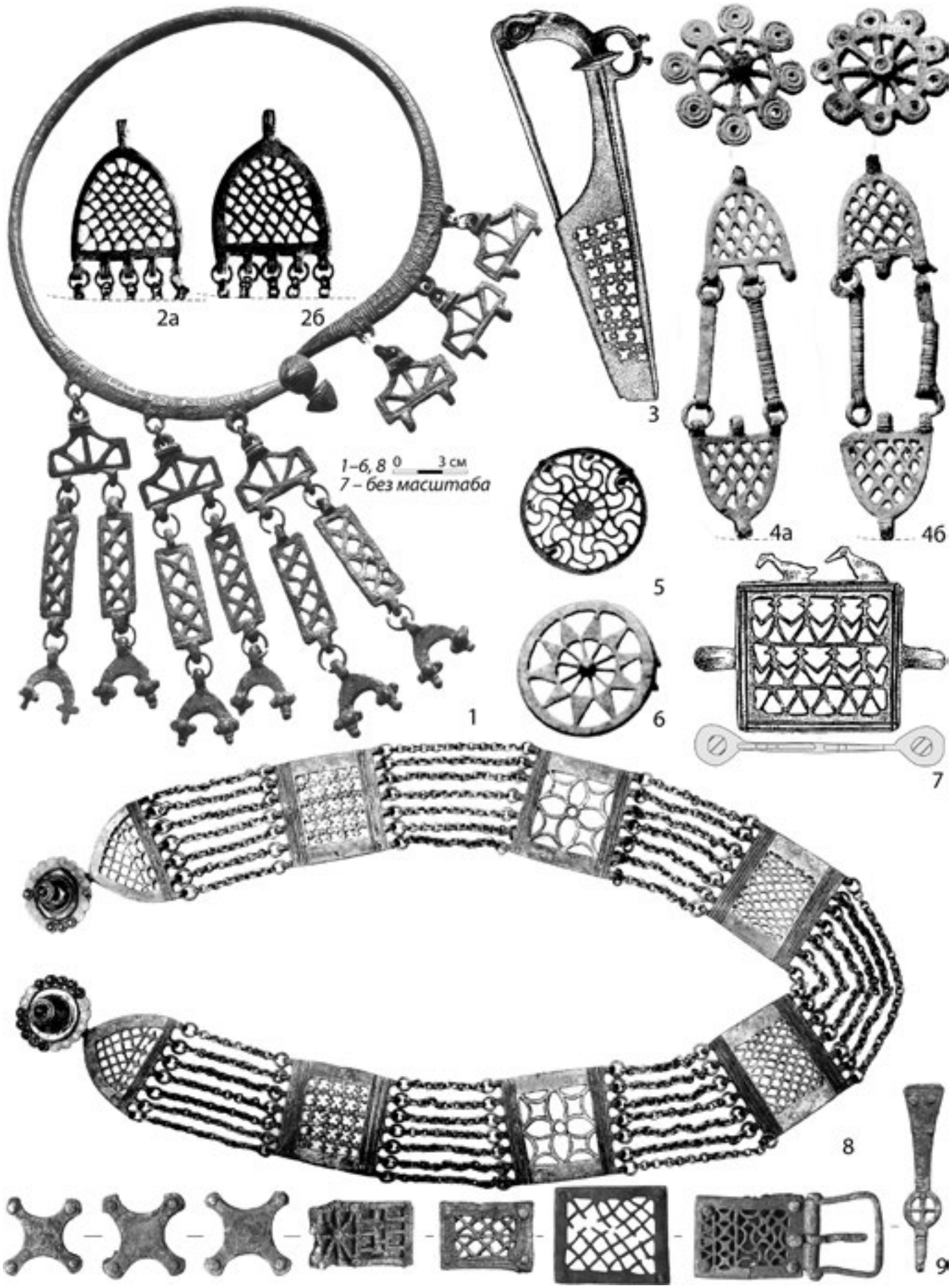


Рис. 18. Ажурные предметы из ареала могильников с каменными венцами Западной Литвы.

1 — шейная гривна; *2а–б, 4а–б, 8* — нагрудные украшения и их элементы (*2а–б, 4а–б* — на иллюстрации представлены только головки булавок, цепедержатели и распределители); *3* — провинциальноримская фибула; *5–6* — фибулы-броши; *7* — накладка; *9* — элементы ременного набора.

1 — Даугакилис, погр. 39; *2а, 2б* — Шерняй (Schernen, Kr. Memel), погр. 50; *3* — Саргеняй, погр. 352; *4а, 4б* — Аукстскиемяй (Oberhof, Kr. Memel), погр. 202; *5* — Пангесяй (Pangessen, Kr. Memel), случайная находка; *6* — Аукстскиемяй (Oberhof, Kr. Memel), случайная находка; *7* — Стрягняй, случайная находка; *8* — Бандюжай, погр. 74; *9* — Лаздининкяй, погр. 9/1992.

(1, 9 — по Bliujienė, 2013. Fig. 255, 258; 2а–б, 4а–б — фото из архива Р. Гренца; 3 — по Michelbertas, 2001. Taf. II; 5, 6 — по Tamulinas, 2006. Fig. 4, 5; 7 — по Bliujienė, 2011. Fig. 62; 8 — по Stankus, 1995. Fig. 53)

Рис. 19. Ажурный стиль на предметах из культуры Таранд и украшениях круга восточноевропейских эмалей.

1 — шейная гривна, 2 — нагрудное украшение, *3–6, 10–11* — фибулы-броши, *7–9* — треугольные фибулы.

1–2 — Саукас Разбуки, Латвия; *3, 5* — Каугар II (Kaugars II), Латвия; *4* — Пиккярве, Эстония; *6* — Кальви (Kalvi), Эстония; *7* — Саамуэли, Эстония; *8* — Рудискяй, Литва; *9* — Дроково, Смоленская обл.; *10* — Колодня/Ямщичина, Смоленск; *11* — Лаздининкяй, Литва.

(1–2 — по Katalog, 1930. Taf. 21: 2, 6–7; 3–5, 7 — по Katalog, 1896. Taf. 7: 2: 8: 11–13, сечения — по Фролов, 1974. Рис. 2: 5, 8, 10–11, архиву Г. Ф. Корзухиной, д. 77; 3; 6, 9, 10 — прорисовки и реконструкции по архиву Г. Ф. Корзухиной, д. 77; 8, 11 — по Bitner-Wróblewska, 2009. Fig. 52–53)

Э. Шультце, М. В. Любичев

КУЛЬТОВЫЙ СЛОЙ МОГИЛЬНИКА ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЙТЕНКИ (ВОСТОЧНАЯ УКРАИНА): СПЕКТР НАХОДОК И ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Спустя более чем столетие со времени открытия эпонимного памятника черняховской культуры можно констатировать, что могильники этой археологической общности включают в себя три основных элемента: 1) собственно погребения (кремации, ингумации, кенотафы); 2) так называемые культовые ямы (назначение их во многом непонятно, некоторые специалисты связывают их с погребальным культом); 3) так называемый культовый слой (Kulturschicht, Kultschicht, Reste der Totenfeier, Ackerschicht), который считается характерным для могильников, содержащих как кремации, так и ингумации [Петраускас, 1993. С. 38; Petrauskas, 1999. S. 1].

Специалисты указывают несколько причин формирования культового слоя: разрушение трупосожжений вследствие хозяйственной деятельности [Рафалович, 1986. С. 6–7; Кухаренко, 1955. С. 142], сожжение покойников [Федоров, 1960. С. 88–89; Сымонович, 1963. С. 49–60; Рикман, 1988. С. 130; Кравченко, 1987. С. 211–213]. Считается также, что отдельные кальцинированные человеческие кости из слоя могли представлять один из типов кремации [Махно, 1971. С. 87–95]. О.В. Петраускас, посвятивший специальное исследование культовому слою черняховских могильников, пришел к выводу, что в основе его возникновения лежит комбинация нескольких причин: кремация на месте погребения с «рассредоточением» остатков на поверхности (ведущая причина), ритуальное разрушение ингумаций, элементы тризны, фактор современного хозяйственного разрушения [Петраускас, 1993. С. 46–48; Petrauskas, 1999. S. 7].

Основными характеристиками культового слоя являются: планиграфия (характер распространения на площади могильника); стратиграфия (глубина залегания находок и слои, с которым они связаны); соотношения находок в слое с погребениями основных типов; комплекс находок (функциональные группы и состояние сохранности) [Петраускас, 1993. С. 37].

О.В. Петраускасом была разработана методика исследования культового слоя, основными положениями которой являются: а) изучение самого могильника по секторам — квадратам со стороной 10 м [Петраускас, 1999. С. 119]; б) сплошная фиксация различных находок (керамика, кальцинированные кости и т.д.) в каждом квадрате сектора по слоям мощностью 20 см [Петраускас, 1993. С. 36; Петраускас, 1999. С. 120. Рис. 2; Petrauskas, 2003. S. 232. Abb. 5]; в) определение «плотности» находок по квадратам на различных уровнях [Петраускас, 1993. С. 38]; г) учет соотношения вторично обожженной и вторично не обожженной керамики, а также особенностей распространения находок вблизи трупоположений и трупосожжений [Petrauskas, 1999. S. 2; Петраускас, 1993. С. 37].

Дальнейшее исследование культового слоя черняховских могильников предусматривает введение в научный оборот материалов новых памятников, при исследовании которых применялась такая методика. Этому условию отвечает и могильник Войтенки 1 (рис. 1).[1]

Предлагаемое исследование его культового слоя опирается пока лишь на материалы раскопок 2005–2009 гг., когда на могильнике была изучена площадь 1681 м^2 и открыто 114 погребений (табл. 1). На этих же материалах построена и первая разработка по хронологии могильника [Шультце, Любичев, 2012]. Основными пунктами нашего исследования являются: 1) спектр находок из культового слоя; 2) планиграфия и стратиграфия находок из слоя, их связь с конкретными погребениями; 3) заключение о причинах формирования слоя по материалам конкретного могильника.

Спектр находок из культового слоя

Фрагменты керамических сосудов являются самой массовой категорией находок. Их подавляющее большинство носит следы вторичного обжига. Более 50% всех находок (от числа находок фрагментов сосудов) составляют фрагменты стенок сосудов, форма которых не может быть точно определена. Среди определимых фрагментов имеется фактически весь спектр форм черняховской гончарной керамики: горшки, миски закрытого и открытого типов, вазы, кувшины, кубки (рис. 2). Соотношение числа фрагментов горшков и мисок в слое тождественно соот-

[1] Могильник Войтенки принадлежит одноименному поселению. Этот комплекс (Войтенки 1) находится в области Днепро-Донецкого водораздела на склоне обводненной балки, где протекала безымянная река (ныне пруд) шестого порядка днепровской системы (безымянная река — Мокрый Мерчик—Мерчик—Мерла—Ворскла—Днепр) на территории Валковского района Харьковской области Украины. Могильник расположен выше поселения и отделен от него приблизительно двухсотметровой «стерильной» зоной. В течение 2005–2015 гг. Германо-Славянской археологической экспедицией Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина здесь изучено 213 погребений. Частично его материалы введены в научный оборот [Шультце, Любичев, 2010; 2012; Любичев, 2009; 2011а; 2011б; Варачева, 2010].

ношению числа целых форм таких сосудов среди инвентаря погребений; эти группы сосудов составляют в керамическом комплексе подавляющее большинство [Шультце, Любичев, 2010. Рис. 2: 2]. Вазы представлены только двадцатью фрагментами, кубки — двумя, кувшины — девятью. К импортной керамике относятся 23 фрагмента амфор, которые отсутствуют среди инвентаря изучавшихся погребений. Половина всех фрагментов амфор (12 из 23) обнаружена в секторах 12 и 13 (рис. 1: 3).

Из культового слоя происходят различные вещи, по своему функциональному назначению подразделяющиеся на: орудия труда и предметы домашней утвари, детали костюма, украшения, предметы быта, детали вооружения.

К орудиям труда и предметам домашней утвари относятся железные ножи (рис. 3: 1–7), шилья (рис. 3: 11), гвозди (рис. 3: 12), железные и бронзовые иглы (рис. 3: 10), посоховидные булавки (рис. 3: 9), глиняные пряслица (рис. 5: 16–30). Среди ножей, довольно стандартных для черняховской культуры, выделяется экземпляр с продольным каналом на лезвии (рис. 3: 7).

К деталям костюма относятся фибулы и пряжки. Имеются железные и бронзовые фибулы с подвязной ножкой (рис. 3: 8; 4: 1, 2), а также бронзовая фибула «воинского типа» с трапециевидной ножкой, надставленной пружиной и спинкой подтреугольного сечения (рис. 4: 3), которая относится к типу 3 по О. В. Петраускасу [Петраускас, 2010. С. 195. Рис. 6] и группе 161 по М. Шульце [Schulze, 1977. Taf. 12:161].

Среди пряжек присутствуют изделия различной величины с круглой утолщенной спереди (калачевидной) рамкой (рис. 4: 4, 5), тип Г по Е. Л. Гороховскому [Гороховский, 1988. С. 42]; овальной рамкой (рис. 4: 6, 7, 10), тип В по Е. Л. Гороховскому; овально-сегментовидной рамкой с обозначенным изломом от передка рамки к участку крепления ремня (рис. 4: 8), тип Б по Е. Л. Гороховскому. Выделяется пряжка с вытянутой треугольной обоймой, на одном из углов которой находится округлый выступ с заклепкой (рис. 4: 4). Пряжка с подобной обоймой была обнаружена в погр. 12 могильника эпохи Великого переселения народов Жерники-Вельке (Żerniki-Wielkie) на территории Польши [Gralak, 2008. Ryc. 3: 7]. На самом могильнике Войтенки (раскопки уже 2010 г.) подобная пряжка находилась в составе инвентаря погр. 117 [Любичев, Мызгин, Варачева, 2011. Рис. 145: 3]. Обнаружен язычок от пряжки с резко загнутым передним концом (рис. 4: 10).

К деталям костюма и предметам туалета относятся костяные гребни. Обнаружен фрагмент такого изделия [Любичев, Мызгин, Варачева, 2009. Рис. 268: 5].

К украшениям относятся подвески и бусы. Железные ведерковидные подвески принадлежат к двум видам: 1 — цилиндр выполнен из гладкой полосы, имеется ровное дно (рис. 3: 13, 15), соответствуют типу А в классификации И. Байльке-Фойгт [Beilke-Voigt, 1998. Abb. 58] и типу II/2 в классификации О. В. Гопкало [Гопкало, 2008. С. 63–65]; 2 — со сферическим дном, выступающими поясками у верхнего края (рис. 3: 14). Обнаружен и фрагмент костяной подвески в виде кольца [Любичев, Мызгин, Варачева, 2009. Рис. 253:2].

Бусы фактически полностью представлены 12- и 14-гранными сердоликовыми изделиями (рис. 5: 4–14), относящимися в классификации О. В. Гопкало к типу 1 сердоликовых бус [Гопкало, 2008. С. 74. Табл. IX: V]. Обнаружена халцедоновая бусина (рис. 5: 15), относящаяся к типу 2 халцедоновых бус по О. В. Гопкало [Гопкало, 2008. С. 73. Табл. IX; IV:2]. Вследствие воздействия огня они имеют поверхность пепельно-серого или серо-розового/оранжевого цветов. Такая выборка бус на биритуальном могильнике объясняется лучшей сохранностью после погребального костра именно бус из камня и лучшими условиями фиксации в черноземе именно каменных, а не стеклянных бус.

К предметам быта относятся фрагменты стеклянных сосудов, подавляющее большинство которых находились в оплавленном состоянии, что делает невозможным их типологическое определение. Исключением является фрагмент верхней части стеклянного кубка зеленоватого стекла с прошлифованными овалами (рис. 5: 2). Судя по аналогиям, представленным целыми формами, эти кубки имели такой орнамент: верхний ряд образуют большие прошлифованные вертикально вытянутые овалы, а нижний — малые горизонтально вытянутые овалы. Кубок относится к группам Эггерс 228, 229 [Eggers, 1951. Taf. 16: 228, 229], а в классификации Э. Штрауме подобные сосуды входят в состав особой группы варианта 3 типа I (Variante IB3) [Straume, 1987. Taf. 4: 59, 152]. Целый кубок такого типа (рис. 5: 3) находился в погр. 86/2 могильника Войтенки — ингумации западной ориентировки в яме, впущенной в материк. Из слоя на участке «Б» поселения Войтенки происходит фрагмент такого же стеклянного кубка (рис. 5: 1).

В культовом слое обнаружен и бронзовый гвоздь с полусферической полой шляпкой и подквадратной в сечении ножкой (рис. 4: 13). Аналогичные по форме гвозди использовались для крепления умбона к щиту (см., напр., рис. 4: 14–16).

Почти весь перечисленный ассортимент находок из слоя имеет аналогии в инвентаре погребений: как ингумаций, так и кремаций (табл. 4). Пока на могильнике не обнаружено погребений, инвентарь которых включает в себя детали щита (на Днепровском Левобережье известен в погр. 86 могильника Компанийцы [Некрасова, 2006. Рис. 71]). Особняком стоит и римский денарий Марка Аврелия чеканки 171–172 гг. (рис. 4: 12), обнаруженный на уровне 0,5 м в квадрате Д/7 сектора 7 [Бейдин, Григорьянц, Любичев, 2006. С. 135]. Находки античных монет являются ординарным явлением для черняховских поселений, но не для могильников [Мызгін, 2010. С. 8]. Могильник Войтенки отделен от поселения «стерильной» полосой около 200 м. Помимо этого экземпляра, в черняховской культуре известно пока три римские монеты, обнаруженные в культовом слое могильников: возле с. Редкодубы (Хмельницкая обл. Украины) [Винокур, Приходнюк, 1968. С. 235]; Брынзены (Молдавия) [Popa, Ciobanu, 2003. P. 53]; Данчены (Молдавия) [Нудельман, 1976. С. 67, № 69а][2].

Пример вторичного использования вещи спустя долгое время в иной культурной среде представляет собой бронзовая розетка (рис. 4: 11) — часть конской сбруи скифского времени. Подобные изделия, относящиеся к V в. до н. э., обнаружены и на памятниках северскодонецкой группы раннего железного века в Днепро-Донецкой лесостепи [Могилов, 2008. С. 54, 191. Рис. 107:3–48].

В некоторых случаях вещи, подобные найденным в культовом слое, находились в инвентаре близлежащих погребений в пределах одного сектора (табл. 4): бронзо-

[2] Приносим свою благодарность за любезно данную консультацию канд. ист. наук, доценту Харьковского университета Кириллу Валерьевичу Мызгину.

вые и железные двучленные подвязные фибулы в погр. 38 (сектора 7, 9), 41 (сектора 7, 9), 82 (сектор 12); бронзовая пряжка в погр. 112 (сектор 13); железные ведерковидные подвески в погр. 26 (сектора 4, 7), 50 (сектор 6); 12 и 14-гранные сердоликовые бусины в погр. 10 (сектор 6), 15 (сектор 5), 17 (сектор 4), 23 (сектор 7), 33 (сектор 4), 52 (сектор 6), 54 (сектор 6), 58 (сектор 5), 95 (сектор 19), 102 (сектора 16, 17), 110 (сектор 16), 113 (сектор 16); железные ножи в погр. 13 (сектор 7), 43 (сектор 9), 48 (сектор 9), 58 (сектор 5); глиняные пряслица в погр. 52 (сектор 6), 54 (сектор 6), 58 (сектор 5), 102 (сектора 16, 17), 107 (сектор 16), 110 (сектор 16).

Планиграфическое и стратиграфическое распределение находок

По глубине залегания от уровня современной поверхности на могильнике (табл. 1) можно выделить три стратиграфические группы погребений:

Группа 1 — на глубине от 0,2 до 0,6 м, в черноземном слое, зафиксировано подавляющее большинство кремаций (погребения № 1, 2, 4, 5, 7–11, 14–20, 22, 24, 25, 27, 29, 31, 33, 35, 36, 39, 40, 44–49, 52, 53, 56, 57, 59, 61, 63, 67, 74, 76, 77, 78, 81, 83, 84, 89–91, 95, 104, 105, 108–110, 113, 114), а также отдельные ингумации (№ 34, 51, 106);

Группа 2 — на глубине от 0,6 до 0,8 м, в предматериковом слое, находились ингумации (№ 6, 21, 37, 68, 82, 93, 97, 98) и незначительное количество кремаций (№ 69, 73, 88, 103);

Группа 3 — на глубине ниже 0,8 м, в материке, в ямах с глубиной дна от 0,85–0,9 м (№ 62, 64) до 2,1–2,0 м (№ 26, 41) располагались ингумации.

Находки в культовом слое, как правило, залегали не глубже 0,8 м и только в редких случаях ниже. На поверхности могильника и в слое 0–0,2 м вследствие регулярной вспашки они находятся в переотложенном состоянии и не используются в нашей работе. Наибольшее количество находок происходит с уровня 0,2–0,4/0,5 м и ниже их количество убывает (рис. 6–11). На близлежащем поселении наиболее насыщенным является слой 0,2–0,4 м, количество находок уменьшается в слое 0,4–0,6 м, а глубже этого уровня они становятся единичными. Таким образом, уровень древней поверхности находился на уровне 0,3–0,35 м на поселении и 0,25–0,35 м на могильнике, учитывая нахождение могильника выше поселения и сползание грунта вниз, к краю поселения, расположенному у балки. Глубина вспашки достигала на площади могильника 0,2–0,3 м, поэтому поврежденными вспашкой, судя по уровню их залегания, могли оказаться ТС[3] 7, 8, 9, 14, 15, 30, 31, 33, 52, 53, 56, 104, 105, 110, 113, 114 (табл. 1). При этом мог быть затронут только их верхний уровень. Следовательно, большинство трупосожжений не были повреждены и растащены плугом, то есть нахождение фрагментов вторично обожженной керамики в слое на уровне 0,2–0,4 м не является следствием лишь разрушения погребений в Новое время.

Горизонт культового слоя по глубине совпадает с горизонтом всех трупосожжений, труположений северной ориентировки, впущенных в чернозем или предматериковый слой (погребения № 6, 21, 34, 37, 51, 68, 82, 93, 97, 98, 106), перекрывает горизонт труположений северной и западной ориентировки, совершенных в ямах, уходящих в материк.

Находки в культовом слое распределены по трем горизонтам (0,2–0,4; 0,4–0,6; 0,6–0,8 м) и рассматриваются во взаимосвязи с погребениями этого горизонта или находящимися ниже. В каждом горизонте зафиксированы участки концентрации находок различной плотности.

Горизонт 0,2–0,4 м. В нем располагались 22 трупосожжения (табл. 1; рис. 6). В квадратах, где находились ТС 2 (сектор 2), 7 (сектор 7), 9 (сектор 7), 10 (сектор 6), 16 (сектор 4), 56 (сектор 10), 104 (сектор 16), 110 (сектор 16), находки (фрагменты вторично обожженной и вторично не обожженной керамики, сделанной на быстром гончарном круге) в слое отсутствовали, а в квадратах с другими ТС они имелись в количестве от 1–15 (ТС 29 (сектор 4), 35 (сектор 8), 105 (сектор 16)) до 30 и более (ТС 14 (сектор 5), 22 (сектор 4)) единиц на 1 м^2. В рассматриваемом горизонте можно выделить несколько зон концентрации находок (рис. 6).

1) Самая большая по площади, с плотностью находок в среднем 10 — свыше 30 единиц на 1 м^2, зафиксирована в секторах 4, 7, 9 и восточной части сектора 8. В ней расположены ТС 14, 15, 16, 22, 27, 29, 33, 39, 47, находившиеся в этом горизонте, и ТС 17, 18, 19, 20, 22, 24, 25, 36, 44, 46, 48, залегавшие на стыке горизонтов 0,2–0,4 и 0,4–0,6 м (табл. 1), а также ТПС 21, яма которого уходит в предматериковый слой, и ТПС, яма которых уходит в материк — ТПС 26, 28, 38 (все разрушены), 41, 42, 43, яма 1. Наибольшая плотность находок здесь отмечена возле ТПС 14, 15, 17.

2) С плотностью находок в среднем 10–20 единиц — в секторе 13 возле ТС 108 и 109, находившихся в горизонте 0,4–0,6 м, и разрушенного ТПС 112 с ямой в материке.

3) С плотностью находок до 10 единиц, а в отдельных квадратах свыше 30 единиц — в секторе 10 возле ТС 61, 63, ТПС 62, располагавшемся в черноземе, ТПС 72, яма которого уходит в предматериковый слой, ТПС 70, яма которого уходит в материк.

4) С плотностью находок в среднем до 10, а в отдельных квадратах свыше 30 единиц — в секторе 6 возле ТС 49, 52, 53 (глубина 0,25–0,43 м), ТПС 6, яма которого уходит в предматериковый слой, ТПС 12, 50, 54, яма которых уходит в материк. Наиболее высокая плотность находок здесь отмечена возле ТС 52 и 49.

5) С плотностью до 10, а в отдельных квадратах до 20 единиц — в секторе 5 возле ТС 4, 67 (глубина 0,3–0, 56 м), ТПС 58 и 85, яма которых уходит в материк.

6) С плотностью до 10, а в отдельных квадратах до 20 единиц — в западной части сектора 8 возле ТС 35, 45, разрушенного ТПС 34, находившегося в черноземе.

Также участки распространения находок в количестве до 10 единиц на 1 кв.м отмечены возле разрушенного ТПС 100, впущенного в материк (сектор 19), возле ТС 78 (глубина 0, 31–0, 37 м) в секторе 1, возле ТПС 64, 65, 92, 93, 94, впущенных в материк на стыке секторов 6 и 14 и в секторе 14.

Имеются участки с находками фрагментов керамики в количестве 1–10 единиц на 1 м^2, не связанные с погребениями или их группами (рис. 6): в секторе 2, в северной части сектора 14, в секторе 18 (на площади которого вообще отсутствуют ТС и ТП), на стыке секторов 11 и 17, в северной части сектора 10, в северо-восточной части сектора 13, в северо-западной части сектора 5, в западной части сектора 8.

Группировка индивидуальных находок в слое в целом совпадает с описанными выше зонами концентрации фрагментов керамики (табл. 4). Их зоны концентрации

[3] Здесь и далее употребляются сокращения: ТС — трупосожжение;ТПС — трупоположение северной ориентировки; ТПЗ — трупоположение западной ориентировки.

отмечены (рис. 7) в секторах 4, 7, в прилегающих квадратах секторов 5, 6; 2) в секторе 12. Халцедоновая бусина (рис. 5: 15) находилась вблизи расположенного ниже ТПС 58, железный нож находился прямо над разрушенным ТПС 26, железные изделия находились возле ТС 15 и над ТПС 106, вблизи ТС 45. Фрагмент стеклянного изделия находился возле ТС 108. Бронзовая фибула и железный нож находились на участке концентрации керамики в центральной части сектора 9. Эти находки могут быть связаны с упомянутыми комплексами. Остальные вещи не связаны с конкретными погребениями.

Ниже рассматриваемого горизонта, на стыке горизонтов 0,2–0,4 и 0,4–0,6 м располагались ТС 5, 8, 17, 18, 31, 40, 44, 48, 49, 59, 67, 76, 77, 81, 83, 84, 95, 113, 114 (табл. 1). Они могут составлять один пласт с находками как в горизонте 0,2–0,4 м, так и в горизонте 0,4–0,6 м. ТС 8, 59, 76, 77, 81, 83, 84, 114 находились в квадратах, где отсутствовали фрагменты керамики в слое, а в квадратах, где расположены другие ТС, отмечена плотность от 1–5 (погр. 49, 67, 95, 113) до свыше 30 (погр. 31) фрагментов на 1 кв.м.

Горизонт 0,4–0,6 м. В нем находились не только ТС 11, 19, 20, 25, 36, 46, 57, 61, 63, 74, 89, 91, но и ТПС 34, 51, 106. Лишь ТС 24, 45, 108 и ТПС 98 расположены в квадратах, где плотность находок фрагментов керамики в слое составляла 1–10 фрагментов на 1 кв.м. В квадратах, где были другие погребения, подобные находки не прослежены (рис. 8).

В этом горизонте, несмотря на некоторое изменение контуров, прослеживаются фактически те же зоны размещения фрагментов керамики (рис. 8), что и в горизонте 0,2–0,4 м (рис. 6). Зона самой большой насыщенности (1–30, свыше 30 фрагментов на 1 кв.м) зафиксирована на площади секторов 4 и 7, зона с плотностью находок 1–10, 10–20 фрагментов на 1 кв.м находится в восточной части сектора 8 и в западной части сектора 9. Зоны более слабой плотности (в основном 1–10 фрагментов на 1 кв.м) отмечены в западной части сектора 12, в западной части секторов 13, в секторах 5, 6, 10, 14. Фрагменты керамики находятся в слое сектора 1 возле ТС 78. Вне участков нахождения погребений различных типов находки в слое отмечены в секторах 2, 5, 12, 13, 14, 17, 18.

В этом горизонте сохраняются и зоны концентрации индивидуальных находок (рис. 9): в секторах 4 (оплавленные фрагменты стеклянных сосудов, железные изделия, бронзовая пряжка, сердоликовые бусы возле ТС 17, 18, 22, 29, ТПС 21), 7 (фрагменты стеклянных сосудов, бронзовые изделия, бронзовая фибула, римский денарий на площади, маркируемой по окружности ТПС 13, 23, 28, ТС 7, 8, 30, к востоку от ТПС 26). Участок концентрации таких находок (бронзовый гвоздь с конусовидной полой шляпкой, бронзовая фибула, железный нож, бронзовая пряжка) прослеживается также в секторе 13 возле разрушенного ТПС 112 и ТС 108, 109. Только в двух случаях индивидуальные находки из слоя могут быть связаны с конкретными погребениями: ведерковидная подвеска над ТПС 54 (сектор 6), две ведерковидные подвески и железный предмет возле разрушенного ТПС 26 (сектора 4, 7).

На стыке горизонтов 0,4–0,6 и 0,6–0,8 м находилось разрушенное ТПС 37 (сектор 8), с концентрацией фрагментов керамики 16–20 штук на 1 кв.м в этом месте (рис. 8).

Горизонт 0,6–0,8 м. В квадратах без находок в слое размещались ТС 69, 88, ТПС 6, 21, 62, 64, 68, 72, 82, 93, 103, впущенные в предматериковый слой, а также с дном ямы в предматерике или на уровне материка (рис. 10). Так же, как в горизонтах, расположенных выше, участок самой плотной концентрации находок прослежен на площади секторов 4 и 7. На площади сектора 9 количество находок уменьшается, но участок с плотностью фрагментов керамики свыше 30 единиц на 1 кв.м отмечен возле ямы 1. В секторе 8 участок концентрации находок плотностью свыше 30 единиц на 1 кв.м прослежен возле ТС 35 и разрушенного ТПС 37, впущенного в предматериковый слой. Уменьшается количество находок в секторах 6, 13, 14. Совсем нет находок в секторах 1 возле ТС 78, 19. Вне участков погребений отдельные находки зафиксированы в секторах 5, 6, 9, 10, 13, 14, 18.

Привязка индивидуальных находок из этого слоя (рис. 11) возможна лишь к разрушенному ТПС 100 в секторе 19 (близ него обнаружено два железных шила) и к ТПС 41 в секторах 7, 9 (над ним найдена бронзовая пряжка). Большинство остальных находок сосредоточено на площади секторов 4 и 7.

Выводы

Несмотря на уменьшение количества находок в культовом слое на глубине ниже уровня 0,45/0,55 м и отличия в планиграфии их распространения, в рассмотренных горизонтах сохраняется определенная преемственность в размещении зон концентрации находок. Намечается следующая градация зон концентрации находок по убыванию их плотности (рис. 6–11):

1 место — сектора 4, 7, 9 — много квадратов с плотностью находок от 11 до 30 и более 30 фрагментов керамики на 1 кв.м; они образуют «ядро» концентрации находок в слое раскопанной части могильника;

2 место — сектора 5, 6, 8, 10, 12, 13, 16 — большинство квадратов имеют плотность находок 10 фрагментов, меньше квадратов — 11–30 фрагментов на 1 кв.м;

3 место — сектора 1, 2, 11, 14, 17, 18, 19 — только отдельные квадраты содержат несколько находок в слое (в основном 1–5 или 6–10, иногда — свыше 30);

в секторах 3, 15, 20 находки в слое отсутствуют.

На участках могильника, где размещены исключительно ингумации (ТПС и ТПЗ), находки в слое отсутствуют или встречены в небольшом количестве — до 5 фрагментов керамики на 1 м^2. (рис. 6–11: сектора 2, 20, 11, 12, 15). Имеется 11 разрушенных ингумаций в ямах, впущенных в материк (ТПС 3, 13, 26, 28, 38, 71, 85, 100, 102, 112) и предматериковый слой (ТПС 37), но отсутствует закономерность в наличии находок в слое вблизи них (рис. 6–11). Возле девяти из них (ТПС 13 (сектор 7), 26 (сектора 4, 7) , 28 (сектор 7), 37 (сектор 8), 38 (сектора 7, 9), 85 (сектора 3, 5), 100 (сектор 19), 102 (сектора 16, 17), 112 (сектор 13)) имеются участки концентрации фрагментов керамики различной плотности, но вблизи ТПС 3 (сектора 2, 3), 71 (сектора 10, 13, 16) они отсутствуют. Вполне логичным выглядит предположение о попадании керамики на участки возле этих погребений вследствие их разрушения по различным причинам. Инвентарь этих погребений часто содержит развалы сосудов, которые не дают целых форм. Части этих сосудов и попадали в слой рядом с погребением. Однако бóльшая часть находимых в окрестностях этих погребений фрагментов принадлежала вторично обожженным сосудам и в этом случае их нельзя связывать с разрушенными ингумациями.

Участки слоя с фрагментами керамики имеются и возле ингумаций, которые не разрушены (рис. 6–11): ТПС 12 (сектор 6), 21 (сектор 4), 23 (сектор 7), 32 (сектор 7), 41 (сектора 7, 9), 42 (сектор 9), 43 (сектор 9), 51 (сектора 6, 11), 58 (сектор 5), 64 (сектора 6, 14), 70 (сек-

тор 10), 72 (сектор 10), 79 (сектор 12), 82 (сектор 12), 92 (сектор 14), 98 (секторы 19, 20), 106 (сектор 16), 111 (секторы 13, 16); ТПЗ 97(сектор 20). Следовательно, факт наличия находок в слое возле этих ингумаций не может быть объяснен лишь фактором их разрушения.

Наличие и плотность концентрации фрагментов керамики возле кремаций также не отличаются строгой закономерностью. Например (рис. 6–11), рядом с ТС 2 (сектор 2), 7 (сектор 7), 8 (сектор 7), 10 (сектор 6), 56 (сектор 6), 74 (сектор 12), 76 (сектор 12), 81 (сектор 23), 83 (сектор 3), 88 (сектор 15), 89 (сектор 15), 90 (сектор 14), 91 (сектор 12), 107 (сектор 16), 110 (сектор 16), 114 (сектор 13) не были обнаружены фрагменты керамики в слое, но они находились в различной степени концентрации возле ТС 4 (сектор 5), 5 (сектор 5), 14 (сектор 5), 15 (сектор 5), 16 (сектор 4), 17 (сектор 4), 18 (сектор 4), 19 (сектор 4), 20 (сектор 7), 22 (сектор 4), 24 (сектор 4), 25 (сектор 7), 27 (сектор 4), 29 (сектор 4), 30 (сектор 7), 31 (сектор 10), 33 (сектор 8), 35 (сектор 8), 36 (сектор 9), 40 (сектор 9), 44 (сектор 9), 45 (сектор 8), 46 (сектор 9), 47 (сектор 9), 48 (сектор 9), 57 (сектор 10), 67 (сектор 5), 69 (сектор 10), 78 (сектор 1), 95 (сектор 19), 105 (сектор 16), 113(сектор 16).

Концентрация керамики возле ТС 78 (сектор 1) зафиксирована ниже этого погребения: нижний его уровень составляет 0,37 м, но фрагменты керамики находились в горизонте 0,4–0,6 м (рис. 6, 8). Трудно предположить, что эта керамика могла относиться к другому погребению, ибо в близлежащих квадратах таковых не обнаружено. Концентрация фрагментов керамики отмечена также в непосредственной близости трех других ТС и под ними (рис. 6, 8): урновое ТС 17 (сектор 4), ямные ТС №27 (сектор 4), 35 (сектор 8). Очевидно, ТС 17, 27, 35 были совершены тогда, когда могильник уже функционировал и они были впущены не в нетронутый грунт, а в существующий культовый слой. Участок на площади секторов 4 и 7 особенно интенсивно использовался в период функционирования могильника, он являет собой некую площадку в середине раскопанной части могильника с особой концентрацией вторично обожженной керамики в слое и индивидуальных находок на всех горизонтах от 0,2 до 0,8 м.

Следовательно, наибольшая плотность находок в слое отмечается все же рядом с кремациями (рис. 6–11). На моноритуальных участках могильника, где имелись исключительно ингумации, находки в слое либо единичны, либо отсутствуют вообще (сектор 20, прилегающий участок сектора 3: погр. 86/1, 86/2, 101, 96; сектор 2: погр. 80; сектор 15, прилегающий участок сектора 11: погр. 66, 87). Из слоя на моноритуальных участках могильника, где расположены кремации, происходят фрагменты керамики и индивидуальные находки. Достаточно посмотреть на участок в секторах 4, 7, 8, 9. На бириту-альных участках с кремациями и расположенными в самой тесной близости к ним ингумациями находки в слое представлены с различной плотностью.

Обращает на себя внимание наличие скоплений находок в культовом слое в отдалении от участков с погребениями. Такие участки прослежены на площади семи секторов, о них речь шла выше при обзоре горизонтов слоя. Здесь обратим внимание на участок, охватывающий юго-восточный угол сектора 4 и сопредельные квадраты секторов 7, 8 на уровне 0,2–0,6 м (рис. 6, 8). В центре сектора 9 на уровне 0,4–0,6 м находилось более 750 фрагментов керамики, на том же уровне на северной окраине сектора 10 залегало около 250 фрагментов. В секторе 9 фрагменты керамики (около 150 единиц) были сосредоточены в горизонте 0,6–0,8 м возле ямы 1, в которой находились лишь мелкие фрагменты сосудов (рис. 8, 10).

Рассмотренные выше особенности культового слоя на могильнике Войтенки позволяют сделать вывод о наличии нескольких причин образования этого слоя:

а) разрушение в ходе хозяйственной деятельности Нового времени лишь некоторых ТС;

б) разрушение некоторых ТП в древности;

в) устройство ямных и урновых ТС в уже образовавшемся слое;

г) некоторые погребальные обрядовые действия — «тризна» и т.п.;

д) места кремации на территории могильника с последующим помещением остатков покойника в яму или урну в яме;

е) особый тип кремации — сожжение на месте могильника, на уровне древнего горизонта.

Перечисленные выводы полностью совпадают с заключением О. В. Петраускаса [Петраускас, 1993. С. 46–48]. Особо значимыми, требующими детального рассмотрения, выглядят последние две причины, так как речь идет о существовании еще одной, ранее не зафиксированной группы погребений-кремаций на месте и наличии места сжигания покойников непосредственно в пределах могильника.

В пользу наличия кремаций на месте свидетельствуют концентрация фрагментов вторично обожженной керамики и находки кальцинированных человеческих костей вне урновых и ямных кремаций, вне участков, занятых ямными, урновыми кремациями и ингумациями. Для безоговорочного утвердительного ответа на вопрос о присутствии таких погребений не хватает лишь наличия участков прокаленного грунта желтого или светло-коричневого цвета в черноземе — следов погребального костра. Но места сожжений в пределах могильника (Ustrine) находились на уровне древней поверхности и следы их могли не сохраниться. Об этом свидетельствует серия опытов в рамках экспериментальной археологии, проведенных в земле Саксен-Анхальт (ФРГ) [Becker et al., 2005] (рис. 12). Их результаты показали, что грунт под местами сожжений был прокален только на глубину нескольких сантиметров. В этом случае следы сожжения могли быть разрушены последующей хозяйственной деятельностью, остатки кремации попадали либо в яму погребения, либо становились частью культового слоя. Тогда можно предположить, что область особой концентрации находок в слое на площади секторов 4 и 7 (рис. 6–11) была площадкой для кремации (Ustrine). В пределах этой площадки также могли быть совершены кремации на поверхности.

В культовом слое могильника Войтенки фактически не встречено древесных углей. О. В. Петраускас объясняет отсутствие углей в слое могильников черняховской культуры местными почвенными условиями, не обеспечивающими сохранность угля в черноземе, а также влиянием ветра (Петраускас, 1993. С. 48]. Но на площади селища, относящегося к могильнику, древесные угли в слое и в сооружениях фиксировались на нескольких участках.

Таким образом, наши выводы относительно причин образования культового слоя могильника Войтенки полностью совпадают с выводами О. В. Петраускаса, базирующимися на материалах нескольких могильников из Среднего Поднепровья, Южного Побужья, Северо-Западного Причерноморья [Петраускас, 1993]. Конечно же, проблема формирования культового слоя черняховских могильников еще далека от полного решения. Совершенствование методики раскопок, фиксации находок и анализа материала в будущем должны принести новые результаты, особенно в вопросе наличия Ustrine и кремаций на месте.

Литература

Бейдин Г. В., Григорьянц М. Н., Любичев М. В. Находки монет римского времени на территории Харьковской области // Древности римского времени на Слобожанщине. Харьков, 2006. С. 110–143.

Варачёва К. Г. Глиняные кубки черняховской культуры из археологического комплекса Войтенки I // ВХНУ. №908. Сер. Історія. Вип. 42. Харків, 2010. 18–28.

Винокур И.С., Приходнюк О. М. Работы Славянского отряда Подольской экспедиции // АО 1967 г. М., 1968. С. 235.

Гей О. А., Бажан И. А. Хронология эпохи «готских» походов (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.

Гопкало О. В. Бусы и подвески черняховской культуры. К., 2008.

Гороховский Е. Л. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Труды V МКАС. Т. 4. К., 1988. С. 34–46.

Кравченко Н. М. О методике социологического анализа погребального обряда племен черняховской культуры // Исследование социально-исторических проблем в археологии. К., 1987. С. 209–227.

Кухаренко Ю. В. Поселение и могильник полей погребений в с. Привольном // СА. Т. 22. 1955. С. 125–152.

Любичев М. В. Погребение с римским импортом на могильнике черняховской культуры Войтенки (Восточная Украина) // Ostrogothica. Археология Центральной и Восточной Европы позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов. Харьков, 2009. С. 72–90.

Любичев М. В. О поздней дате черняховской культуры к востоку от Днепра (комплексы ступени D1 могильника Войтенки) // Древности 2011. Харьков, 2011а. 150–171.

Любичев М. В. Погребения с позднескифскими/сарматскими признаками на могильниках черняховской культурі в днепро-донецкой лесостепи // Oium. 1: Черняхівська культура. К., 2011б. С. 33–52.

Любичев М. В., Мызгин К. В., Варачева К. Г. Отчет о работе Германо-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина в 2008 г. Харьков, 2009 // Архив ИА НАНУ. 2008/92.

Любичев М. В., Мызгин К. В., Варачева К. Г. Отчет о работе Германо-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина в 2010 г. Харьков, 2011 // Архив ИА НАНУ. [Номер не присвоен].

Махно Є. В. Типи поховань та планування Компаніївського могильника // СВУ. Вип. 1. 1971. С. 87–95.

Мизгін К. В. Античні монети на пам'ятках черняхівської культури.К., 2010. Автореф. ... канд. іст. наук.

Могилов О. Д. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. К., 2010.

Некрасова А. Н. Памятники черняховской культуры Днепровского Левобережья // Готы и Рим. К., 2006. С. 87–200.

Нудельман А. А. Топография кладов и находок единичных монет // Археологическая карта Молдавской ССР. Вып. 8. Кишинев, 1976.

Петраускас О. В. Про «культовий шар» і поховання з трупоспаленнями на могильниках черняхівської культури // Археологія. 1993. №2. С. 36–51.

Петраускас О. В. Деякі аспекти методики польових досліджень могильників черняхівської культури // Археологія. 1999. №4. С. 117–128.

Петраускас О. В. Фібули «воїнського типу» черняхівської культури (за матеріалами пам'ток України) // Археологія і давня історія України. Вип. 2. К., 2010. С. 191–207.

Рафалович И. А. Данчены. Могильник черняховской кульуры. Кишинев, 1986.

Рикман Э. А. Раскопки могильника черняховского типа Балцаты II в 1963–1964 гг. // Могильники черняховской культуры. М., 1988. С. 111–132.

Сымонович Э. А. Магия и обряды погребения в черняховскую эпоху // СА. 1963. № 1. С. 49–60.

Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э. Сер. МИА. №89. 1960.

Шультце Э., Любичев М. Керамика из могильника и поселения Войтенки 1: сравнительный анализ // ЛЛВЕ. Конференция 2. Часть 2. Тула, 2010. С. 33–62.

Шультце Э., Любичев М. Хронология могильника черняховской культуры Войтенки 1 (Восточная Украина) (по материалам раскопок 2005–2009 гг.) // ЛЛВЕ. Конференция 3. Тула, 2012. 409–463.

Beilke-Voigt I. Frühgeschichtliche Miniaturobjekte mit Amulettcharakter zwischen Britischen Inseln und Schwarzem Meer. Bonn, 1998.

Becker M., Döhle H. J. , Hellmund M., Leineweber R., Schafberg R. Nach dem großen Brand. Verbrennung auf dem Scheiterhaufen – ein interdisziplinärer Ansatz // Berichte RGK. 86. 2005. S. 61–196.

Eggers H. J. Der römische Import im Freien Germanien. Hamburg, 1951.

Eggert M. Prähistorische Archäologie: Konzepte und Methoden. Tübingen, 2008.

Jahn M. Die Bewaffnung der Germanen in der älteren Eisenzeit etwa von 700 v.Chr. bis 200 n. Chr. Cep. Mannus-Bibliothek. Nr.16. 1916.

Gralak T. Przyczynek do poznania związków kulturowych cmentarzyska w Żernikach Wielkich, stan. 4, w powiecie wrocławskim // Labor et patientia.Studia archaeologica Stanislavo Pazda dedicata. Wrocław, 2008. 361–374.

Kazanski M. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et leshaches de l'époque romaine tardive dans la region pontique: origine et diffusion // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lublin; Marburg, 1994. P. 429–484.

Petrauskas O. V. Zur Rekonstruktion von Brandbestattung nach dem Befunden in den Gräberfeldern der Černjachov-Kultur // Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte. Bd.2: Die Sintana de Mureş-Černjachov-Kultur. Bonn, 1999. S. 1–10.

Petrauskas O. V. Die Gräberfelder der Černjachov-Kultur von Kosanovo und Gavrilovka — eine vergleichende Studie zu Chronologie, Bestattungssitten und ethnokulturellen Besonderheiten // Berichte RGK. 84. 2003. S. 223–351.

Popa A., Ciobanu L., Moneda romană în Basarabia (Ghid metodic). Chişnău, 2003.

Schulze M. Die spätkaiserzeitlichen Armbrustfibeln mit festem Nadelhalter. Cep. Antiquitas. Bd. 19. Bonn, 1977.

Straume E. Gläser mit Facettenschliff aus skandinavischen Gräbern des 4. und 5. Jahrhunderts n. Chr. Oslo, 1987.

Таблица 1. **Типы и глубина залегания погребений могильника Войтенки (раскопки 2005–2009 гг.)**

№ погр.	Тип погр.	Верхн. уровень (м)	Нижн. уровень (м)
1	кенотаф	0,43	0,48
2	крем. тип I, вид.2	0,3	0,43–0,44
3	ингум. тип I, вид.1, вар.а	0,9	1,37
4	крем. тип I, вид.1	0,3	0,33
5	крем. тип I, вид.3	0,3	0,49
6	ингум. тип I, вид.1, вар.а	0,79	0,79
7	крем. тип II, вид.1	0,2	0,35
8	крем. тип II, вид.1	0,27	0,54
9	крем. тип II, вид.1	0,27	0,34
10	крем. тип II, вид.1	0,3	0,37
11	крем. тип II, вид.1	0,42	0,49
12	ингум. тип I, вид.1, вар.а	0,85	1,15
13	ингум. тип I, вид.1, вар.б	0,85	1,3
14	крем. тип II, вид.1	0,25	0,3
15	крем. тип II, вид.3	0,35	
16	крем. тип I, вид.1	0,32	0,39
17	крем. тип II, вид.3	0,39	0,43
18	крем. тип I, вид.1	0,35	0,5
19	крем. тип I, вид.4	0,42	0,61
20	крем. тип II, вид.2	0,4	0,47
21	ингум. тип I, вид.1, вар.а	0,61	0,61
22	крем. тип II, вид.1	0,32	0,41
23	ингум. тип I, вид.1, вар.а	0,85	0,98–1,05
24	крем. тип I, вид.1	0,49	0,52
25	крем. тип I, вид.4	0,42	0,56
26	ингум. тип IV, вид.1, вар.б	0,9	2
27	крем. тип II, вид.1	0,34	0,4
28	ингум. тип II, вид.1, вар.б	0,9	1,51–1,54
29	крем. тип II, вид.1	0,35	0,4
30	крем. тип II, вид.1	0,25	0,33
31	крем. тип II, вид.2	0,17	0,46
32	ингум. тип I, вид.1, вар.а	0,85	1,05
33	крем. тип II, вид.1	0,2	0,43
34	ингум.. тип II, вид.1,вар.А	0,45	0,45
35	крем. тип II, вид.1	0,3	0,35
36	крем. тип I, вид.4	0,42	0,51
37	ингум. тип I, вид.1, вар.б	0,58	0,66
38	ингум. тип I, вид.1, вар.б	0,55	1,15
39	крем. тип I, вид.4	0,32	0,4
40	крем. тип I, вид.4	0,38	0,47
41	ингум. тип III, вид.1, вар.а	0,78	2,03
42	ингум. тип I, вид.1, вар.а	0,98	1,26
43	ингум. тип I, вид.1, вар.а	0,95	1,07
44	крем. тип II, вид.1	0,37	0,44
45	крем. тип II, вид.1	0,4	0,45
46	крем. тип II, вид.1	0,54	0,59
47	крем. тип I, вид.2	0,33	0,41
48	крем. тип I, вид.6	0,3	0,56
49	крем. тип II, вид.1	0,35	0,43
50	ингум. тип I, вид.1, вар.а	0,8	1,02
51	ингум. тип I, вид.1, вар.а	0,36	0,47

Продолжение таблицы 1.

№ погр.	Тип погр.	Верхн. уровень (м)	Нижн. уровень (м)
52	крем. тип II, вид.2	0,27	0,43
53	крем. тип II, вид.1	0,25	
54	ингум. тип III, вид.1, вар.а	0,98	1,28
55	ингум. тип I, вид.1, вар.а	0,88	1,06
56	крем. тип II, вид.1	0,27	0,34
57	крем. тип II, вид.1	0,52	0,57
58	ингум. тип I, вид.1, вар.а	1,13	1,31
59	крем. тип I, вид.4	0,36	0,46
60	ингум. тип I, вид.1, вар.а	0,78	1,08
61	крем. тип II, вид.1	0,48	0,56
62	ингум. тип II, вид.1, вар.а	0,4	0,78
63	крем. тип II, вид.1	0,43	0,49
64	ингум. тип I, вид.1, вар.а	0,64	0,78
65	ингум. тип I, вид.1, вар.а	0,74	0,93
66	ингум. тип III, вид.1, вар.а	0,78	1,3
67	крем. тип II, вид.2	0,36	0,56
68	ингум. тип I, вид.1, вар.а	0,53	0,69
69	крем. тип II, вид.1	0,55	0,71
70	ингум. тип I, вид.1, вар.а	0,84	0,93
71	ингум. тип III, вид.1, вар.б	0,8	1,52
72	ингум. тип II, вид.1, вар.а	0,72–0,76	0,79–0,81
73	крем. тип I, вид.1	0,6	0,65
74	крем. тип II, вид.1	0,46	0,54
75	ингум. тип I, вид.1, вар.а	1,02	1,2
76	крем. тип II, вид.1	0,34	0,43
77	крем. тип I, вид.4	0,35	0,44
78	крем. тип II, вид.1	0,31	0,37
79	ингум. тип I, вид.1, вар.а	0,75	0,86
80	ингум. тип I, вид.1, вар.а	0,77	0,83–0,90
81	крем. тип I, вид.4	0,37	0,45
82	ингум. тип I, вид.1, вар.а	0,54	0,68
83	крем. тип II, вид.2	0,36	0,47
84	крем. тип II, вид.1	0,38	0,44
85	ингум. тип I, вид.1, вар.б	1,1	1,17–1,28
86/1	ингум. тип III, вид.1, вар.а	0,85	1,41
86/2	ингум. тип I, вид 2, вар.а	0,85	1,46
87	ингум. тип 1, вид.1	0,9	1,06
88	крем. тип II, вид.1	0,63	0,71
89	крем. тип II, вид.1	0,46	0,5
90	крем. тип II, вид.1	0,43	0,47
91	крем. тип II, вид.1	0,5	0,53
92	ингум. тип I, вид.1, вар.а	0,76–0,80	0,85–0,91
93	ингум. тип I, вид.1, вар.а	0,63–0,76	0,73–0,80
94	ингум. тип I, вид.1, вар.а	0,88	1,19–1,22
95	крем. тип II, вид 1	0,39	0,45
96	ингум. тип IV, вид.1, вар.а	0,89	1,86
97	ингум. тип I, вид.2, вар.а	0,53	0,68
98	ингум. тип I, вид.1, вар.а	0,52	0,55–0,61
99	ингум. тип I, вид.1, вар.а	0,49	0,98
100	ингум. тип IV, вид.1, вар.б	0,78	1,33–1,36
101	ингум. тип I, вид.1, вар.а	0,97	1,45–1,60

Окончание таблицы 1.

102	ингум. тип III, вид.1, вар.б	0,98	1,92
103	ингум. тип I, вид.1, вар.а	0,65	0,75
104	крем. тип I, вид.1	0,27	0,32
105	крем. тип II, вид.1	0,19	0,38
106	ингум. тип I, вид.1, вар.а	0,54	0,54
107	ингум. тип I, вид.1, вар.а	0,82	0,95–1,08
108	крем. тип II, вид.2	0,53	0,6
109	крем. тип II, вид.1	0,5	0,54
110	крем. тип I, вид.2	0,28	0,32
111	ингум. тип I, вид.1, вар.а	0,96	1,20–1,26
112	ингум. тип III, вид.1, вар.б	0,74	1,82
113	крем. тип II, вид.1	0,3	0,49
114	крем. тип II, вид.4	0,26	0,44

Таблица 2. **Типы погребений-ингумаций на черняховских могильниках днепро-донецкой лесостепи**

Тип	Вид	Вариант	Условное обозначение
I — костяк в вытянутом положении в простой прямоугольной яме	1—костяк ориентирован по линии С-Ю	а—погребение не разрушено	
		б—погребение разрушено	
	2—костяк ориентирован по линии З-В	а—погребение не разрушено	
		б—погребение разрушено	
II — костяк в скорченном положении/на животе в простой прямоугольной яме/яма не прослежена в слое чернозема	1—скорченный костяк ориентирован по линии С-Ю	а—погребение не разрушено	
		б—погребение разрушено	
	2—скорченный костяк ориентирован по линии З-В или ЮЗ-СВ	а—погребение не разрушено	
		б—погребение разрушено	
	3—костяк на животе ориентирован по линии С-Ю	а—погребение не разрушено	
		б—погребение разрушено	
	4—костяк на животе ориентирован по линии З-В или ЮЗ-СВ	а—погребение не разрушено	
		б—погребение разрушено	
III — костяк в вытянутом положении в яме с подбоем	1—костяк ориентирован по линии С-Ю	а—погребение не разрушено	
		б—погребение разрушено	
	2—костяк ориентирован по линии З-В	а—погребение не разрушено	
		б—погребение разрушено	
IV — костяк в вытянутом положении в яме с заплечиками	1—костяк ориентирован по линии С-Ю	а—погребение не разрушено	
		б—погребение разрушено	
	2—костяк ориентирован по линии З-В	а—погребение не разрушено	
		б—погребение разрушено	

Таблица 3. **Типы погребений-кремаций на черняховских могильниках днепро-донецкой лесостепи**

Тип	Вид	Условное обозначение
I — урновые кремации	1 — одна урна без покрытия	
	2 — две урны без покрытия	
	3 — урна покрыта фрагментами керамики	
	4 — одна урна находится вверх дном (перевернута)	
	4/1 — под перевернутой урной находятся кальцинированные кости и стоящий на дне сосуд	

Окончание таблицы 3.

Тип	Вид	Условное обозначение
	5 — одна урна накрыта сосудом	
	5/1 — одна урна накрыта щитом (умбоном)	
	6 — в урне вместе с кальцинированными костями находятся другие сосуды	
	7 — урна, в которой находятся кальцинированные кости и сосуд, накрыта другим сосудом	
	8 — рядом с урной находится еще один сосуд («приставка»)	
II — безурновые кремации	1 — кальцинированные кости компактно помещены в яму	
	2 — кальцинированные кости в яме покрыты фрагментами сосудов	
	3 — кальцинированные кости вместе с фрагментами керамики некомпактно находятся в слое («рассеяны»)	
	4 — рядом с кальцинированными костями находятся сосуды	
	5 — кальцинированные кости в ямке накрыты сосудом, в котором также находятся кальцинированные кости	
	6 — рядом с кальцинированными костями находятся целые сосуды и все это покрыто фрагментами сосудов	
III — кенотафы		

Таблица 4. **Индивидуальные находки в культовом слое могильника Войтенки (раскопки 2005–2009 гг.)**

Наименование вещи	Сектор	Квадрат	Глубина (м)	Погребения на могильнике с такими вещами	Погребения с такой вещью в данном секторе	Рисунок
Фр-т оплавл. стекл. кубка	1	Ж-7	0,4–0,6			
Бронз. пряжка с обоймой вытянутой треугольн. формы	2	Ц-12	0,2–0,4	№41, 58, 64, 86/2, 95, 96, 101, но иная форма обоймы		Рис. 4:4
Фр-т оплавл. стекл. кубка	3	З-10	0,2–0,4			
Фр-т оплавл. стекл. кубка	4	Б-5	0,2-0,4			
Фр-т оплавл. стекл. кубка	4	В-6	0,2–0,4			
Бусина пережж. (14-гран. сердол.)	4	В-3	0,2–0,4	№10,15,17,23, 33,35,41,42,52,58,86/1,86/2,92,94,95,102, 110,112,113	№17, 33,	Рис. 5:8
Жел. нож	4	И-3	0,2–0,4	№13, 48, 58, 64, 65, 71, 87, 96,		Рис. 3:4
Жел. предмет	4	А-6	0,2–0,4			
Бронз. предмет	4	Б-6	0,4			
Бусина пережж. (14-гран. сердол.)	4	З-2	0,4	№10, 15, 17, 23, 33, 35, 41, 42, 52, 58, 86/1, 86/2, 92, 94, 95, 102, 110, 112, 113	№17, 33	
Бусина пережж. (14-гран. сердол.)	4	Е-4	0,43	№10,15, 17, 23, 33, 35, 41, 42, 52, 58, 86/1, 86/2, 92, 94, 95, 102, 110, 112, 113	№17, 33	Рис. 5:9
Фр-т стенки стекл. кубка	4	Е-4	0,45			
Бронз. бляшка -деталь конской упряжи скифск. времени	4	Г-1	0,47			Рис. 4:11
Глин. прясло	4	И-1	0,5	№1,13, 32, 41, 42, 52, 54, 58, 81, 86/1, 86/2, 102, 107, 110		Рис. 5:21
Бусина пережж. (14-гран. сердол.)	4	Г-1	0,52	№10, 15, 17, 23, 33, 35, 41, 42, 52, 58, 86/1, 86/2, 92, 94, 95, 102, 110, 112, 113	№17,33	Рис. 5:13
Бронз. предмет	4	Ж-5	0,55			
Часть пружин. аппартата фибулы (бронз.)	4	В-6	0,54			
Бусина пережж. (14-гран. сердол.)	4	Е-6	0,54	№10, 15, 17, 23, 33, 35, 41, 42, 52, 58, 86/1, 86/2, 92, 94, 95, 102, 110, 112, 113	№17, 33,	Рис. 5:5

Продолжение таблицы 4.

Бусина пережж. (14-гран. сердол.)	4	Ж-7	0,55	№ 10, 15,17, 23, 33, 35, 41, 42, 52, 58, 86/1, 86/2, 92, 94, 95, 102, 110, 112, 113	№ 17, 33,	Рис. 5:6
Бронз. предмет	4	Д-8	0,56			
Жел. нож	4	Г-7	0,58	№ 13, 48, 58, 64, 65, 71, 87, 96,		Рис. 3:2
Фр-т стенки стекл. кубка	4	В-4	0,59			
Бронз. пряжка	4	Д-8	0,6	№ 41, 58, 64, 86/2, 95, 96, 101, но иная форма обоймы		Рис. 4:5
Фр-т оплавл. стекл. кубка	4	В-6	0,6			
Фр-т рогового гребня	4	Ж-6	0,63	№ 96		
Фр-т оплавл. стекл. кубка	4	А-7	0,8			
Фр-т стенки стекл. кубка	4	А-7	0,8			
Жел. гвоздь	4	З-3	0,81			
Фр-т кост. гребня	4	Д-4	0,84			
Жел. предмет	4	К-3	0,84			
Жел. предмет	4	З-3	0,85			
Бусина пережж. (14-гран. сердол.)	5	З-1	0,2–0,4	№ 10,15, 17, 23, 33, 35, 41, 42, 52, 58, 86/1, 86/2, 92, 94, 95, 102, 110, 112, 113	№ 15, 58,	Рис. 5:7
Фр-т халцед. бусины	5	В-7	0,25	№ 35		
Жел. нож	5	Е-6	0,33	№ 13, 48, 58, 64, 65, 71, 87, 96,	№ 58	Рис. 3:6
Глин. прясло	5	Б-9	0,82	№ 1, 13, 32, 41, 42, 52, 54, 58, 81, 86/1, 86/2, 102, 107, 110	№ 58	Рис. 5:20
Бусина пережж. (12-гран. сердол.)	6	Д-1	0,2–0,4	№ 10,15,17, 23, 33, 35, 41, 42, 52, 58, 86/1, 86/2, 92, 94, 95, 102, 110, 112, 113	№ 10, 52, 54	Рис. 5:4
Бусина пережж. (12-гран. сердол.)	6	А-3	0,32	№ 10,15, 17, 23, 33, 35, 41, 42, 52, 58, 86/1, 86/2, 92, 94, 95, 102, 110, 112, 113	№ 10, 52, 54	
Фр-т стенки стекл.кубка	6	К-10	0,43			
Фр-т. глин. прясл.	6	З-6	0,43	№ 1, 13, 32, 41, 42, 52, 54, 58, 81, 86/1, 86/2, 102, 107, 110	№ 52,54	Рис. 5:16
Жел. ведерковидная подвеска	6	Г-6	0,44	№ 26,42,	№ 50 (ХИ 62/2)	Рис. 3:13
Бронз. предмет	6	Ж-1	0,57			
Бронз. предмет	6	А-9	0,57			
Глин. прясло	6	А-9	0,85	№ 1, 13, 32, 41, 42, 52, 54, 58, 81, 86/1, 86/2, 102, 107, 110	№ 52, 54	Рис. 5:18
Жел. предмет	7	Д-8	0,2–0,4			
Жел. нож	7	А-7	0,2–0,4	№ 13, 48, 58, 64, 65, 71, 87, 96,	№ 13	Рис. 3:1
Бронз. прутик	7	Е-7	0,2–0,4			
Бусина пережж. (14-гран. сердол.)	7	Д-7	0,2–0,4	№ 10, 15, 17, 23, 33, 35, 41, 42, 52, 58, 86/1, 86/2, 92, 94, 95, 102, 110, 112, 113	№ 23	Рис. 5:10
Жел. шило	7	Г-4	0,35	№ 96, 101		
Жел. ведерковидная подвеска	7	Е-6	0,4	№ 26, 42,	№ 26	Рис. 3:15
Бронз. пряжка	7	К-10	0,4	№ 80, 102, 112		Рис. 4:7
Бронз. язычок пряжки	7	И-10	0,4			Рис. 4:10
Жел. предмет	7	А-7	0,41			
Бронз. фибула	7	Е-3	0,42	№ 6, 26, 111		Рис. 4:1
Фр-т оплавл. стекл. кубка	7	Г-7	0,43			
Фр-т оплавл. стекл. кубка	7	Д-7	0,45			
Фр-т оплавл. стекл. кубка	7	Е-8	0,45			

Продолжение таблицы 4.

Наименование вещи	Сектор	Квадрат	Глубина (м)	Погребения на могильнике с такими вещами	Погребения с такой вещью в данном секторе	Рисунок
Жел. орнамент. ведерковидная подвеска	7	Б,В-7	0,48	№50,96	№26 (ХИ 62/1)	Рис. 3:14
Бронз. предмет	7	Г-4	0,48			
Бронз. предмет	7	Г-4	0,49			
Жел. ведерковидная подвеска	7	А-6	0,58	№26, 42,	№26	
Серебр. денарий	7	Д-7	0,6			Рис. 4:12
Жел. предмет	7	В-7	0,62			
Бронз. предмет	7	Д-10	0,8			
Фр-т стенки стекл. кубка	7	К-7	0,8			
Фр-т жел. шила	7	Е-2	0,8	№96, 101		
Фр-т кост. амулета (кольцо с орнаментом)	7	Г-4	0,93			
Жел. предмет	8	Г-3	0,25			
Фр-т жел. ножа	8	Б-3	0,4	№13, 48, 58, 64, 65, 71, 87, 96,		
Фр-т стенки стекл. кубка	8	В-4	0,6			
Фр-т стенки стекл. кубка	8	Г-4	0,85			
Жел. нож	9	Е-3	0,2	№13, 48, 58, 64, 65, 71, 87, 96	№43, 48,	
Бронз. фибула	9	Е-4	0,2	№38, 41, 54, 82, 86/1, 92, 94,	№38,41	Рис. 4:2
Бронз. рамка пряжки	9	З-10	0,73			Рис. 4:8
Глин. прясло	10	Ж-3	0,4	№1, 13, 32, 41, 42, 52, 54, 58, 81, 86/1, 86/2, 102, 107, 110		Рис. 5:19
Часть бусины (14-гран. сердол.)	10	Д-5	0,5	№10, 15, 17, 23, 33, 35, 41, 42, 52, 58, 86/1, 86/2, 92, 94, 95, 102, 110, 112, 113		Рис. 5:14
Фр-т. глин. прясла	10	Б-3	0,72	№1,13, 32, 41, 42, 52, 54, 58, 81, 86/1, 86/2, 102, 107, 110		Рис. 5:17
Фр-т. венч. стекл. кубка	10	Ж-8	0,87	№86/2		Рис. 5:1
Бронз. посохов. булавка	11	И-10	0,44	№13, 42, 86/2, 101		Рис. 3:9
Бусина (14-гран. сердол.)	12	И-10	0,2	№10, 15, 17, 23, 33, 35, 41, 42, 52, 58, 86/1, 86/2, 92, 94, 95, 102, 110, 112, 113		
Бронз.фибула «воинск.» типа	12	Б-8	0,2–0,4			Рис. 4:3
Жел. нож с каналом на лезвии	12	В-9	0,2–0,4	№13, 48, 58, 64, 65, 71, 87, 96,		Рис. 3:7
Жел. нож	12	Е-9	0,2–0,4	№13, 48, 58, 64, 65, 71, 87, 96		
Фр-т спинки серебр. фибулы	12	Г-3	0,2–0,4			
Пережж. кост.подвеска («палица Геракла»)	12	З-8	0,2–0,4	№10, 15, 17, 23, 33, 35, 41, 42, 52, 58, 86/1, 86/2, 92, 94, 95, 102, 110, 112, 113		
Жел. гвоздь	12	Ж-4	0,2–0,4			Рис. 3:12
Фр-т жел. ножа	12	Е-9	0,4	№13, 48,58,64,65,71,87,96,		Рис. 3:3
Фр-т жел. фибулы	12	Б-1	0,4–0,6	№38, 41, 54, 82, 86/1, 92, 94	№82	Рис. 3:8
Фр-т оплавл. стекл. кубка	12	Б-4	0,4–0,6			
Жел. шило	12	И-6	0,4–0,6	№96, 101		Рис. 3:11
Бронз. рамка пряжки	12	И-7	0,4–0,6	№80, 102, 112		Рис. 4:9
Фр-т серебр. фибулы	12	И-8	0,65			
Фр-т глин. прясла	13	Б-3	0,26	№1, 13, 32, 41, 42, 52, 54, 58, 81, 86/1, 86/2, 102, 107, 110		Рис. 5:23

Окончание таблицы 4.

Фр-т оплавл. стекл. кубка	13	И-5	0,28			
Бронз. гвоздь с конусовой шляпкой	13	Б-4	0,41			Рис. 4:13
Жел. нож	13	В-4	0,44	№ 13, 48, 58, 64, 65, 71, 87, 96,		Рис. 3:5
Фр-т бронз. фибулы	13	Б-4	0,49			
Бронз. предмет	13	А-2	0,5			
Бронз. пряжка	13	Г-4	0,59	№ 80, 102, 112	№ 112	Рис. 4:6
Бронз. предмет	13	Г-10	0,75			
Глин. прясло	13	Б-6	0,76	№ 1, 13, 32, 41, 42, 52, 54, 58, 81, 86/1, 86/2, 102, 107, 110		Рис. 5:22
Фр-т оплавл. стекл. кубка	13	Г-3	0,76			
Фр-т жел. ножа	16	К-10	0,29	№ 13, 48, 58, 64, 65, 71, 87, 96,		
Глин. прясло	16	А-4	0,39	№ 1,13, 32, 41, 42, 52, 54, 58, 81, 86/1, 86/2, 102, 107, 110	№ 102, 107, 110	Рис. 5:31
Бусина (14-гран. сердол.)	16	В-6	0,4	№ 10, 15, 17, 23, 33, 35, 41, 42, 52, 58, 86/1, 86/2, 92, 94, 95, 102, 110, 112, 113	№ 102, 110, 113	Рис. 5:11
Жел. предмет	17	Е-5	0,28			
Фр-т оплавл. стекл. кубка	17	Б-3	0,35			
Фр-т оплавл. стекл. кубка	19	Ж-1	0,24			
Фр-т лезвия топора	19	К-3	0,24			
Бусина (14-гран. сердол.)	19	Е-1	0,35	№ 10, 15, 17, 23, 33, 35, 41, 42, 52, 58, 86/1, 86/2, 92, 94, 95, 102, 110, 112, 113	№ 95	Рис. 5:12
Фр-т жел. иглы	19	К-5	0,56	№ 96		
Фр-т жел. иглы	19	К-3	0,77	№ 96		Рис. 3:10

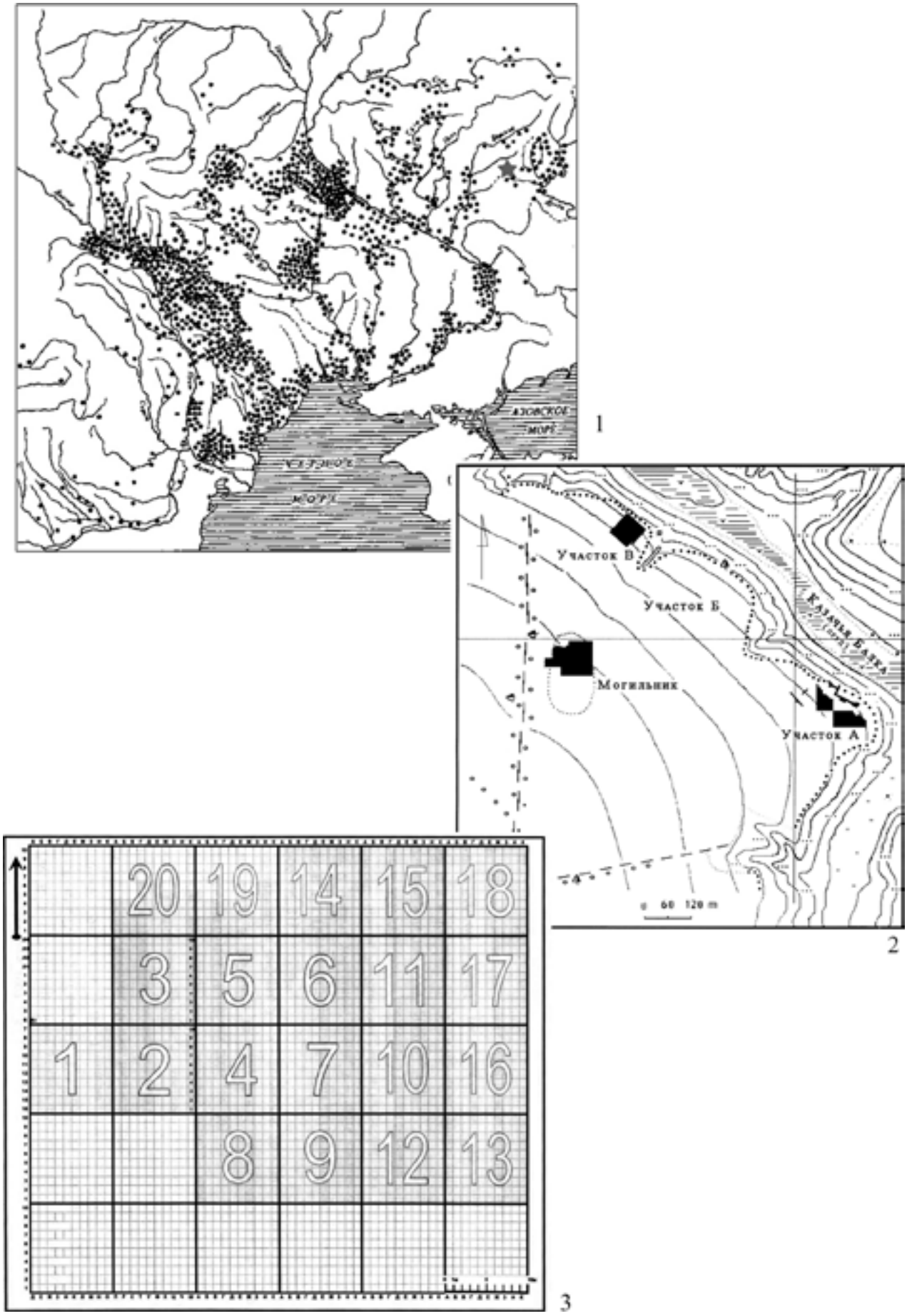


Рис. 1. Войтенки

1 — положение археологического комплекса Войтенки 1 в ареале черняховской культуры; *2* — план археологического комплекса Войтенки 1; *3* — сектора на могильнике (раскопки 2005 – 2009 гг.)

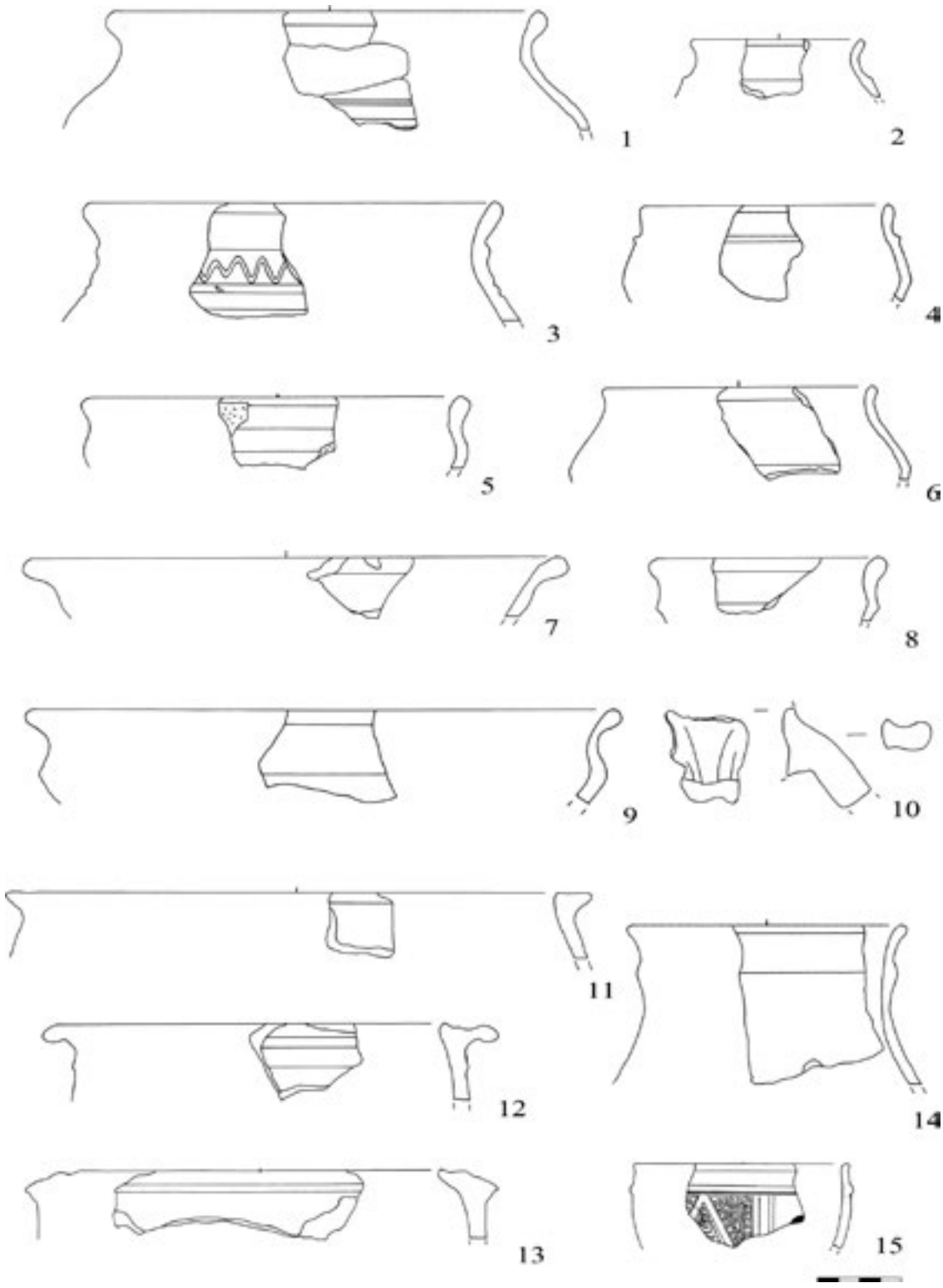


Рис. 2. Фрагменты сосудов, сделанных на быстром гончарном круге, из культового слоя могильника Войтенки 1

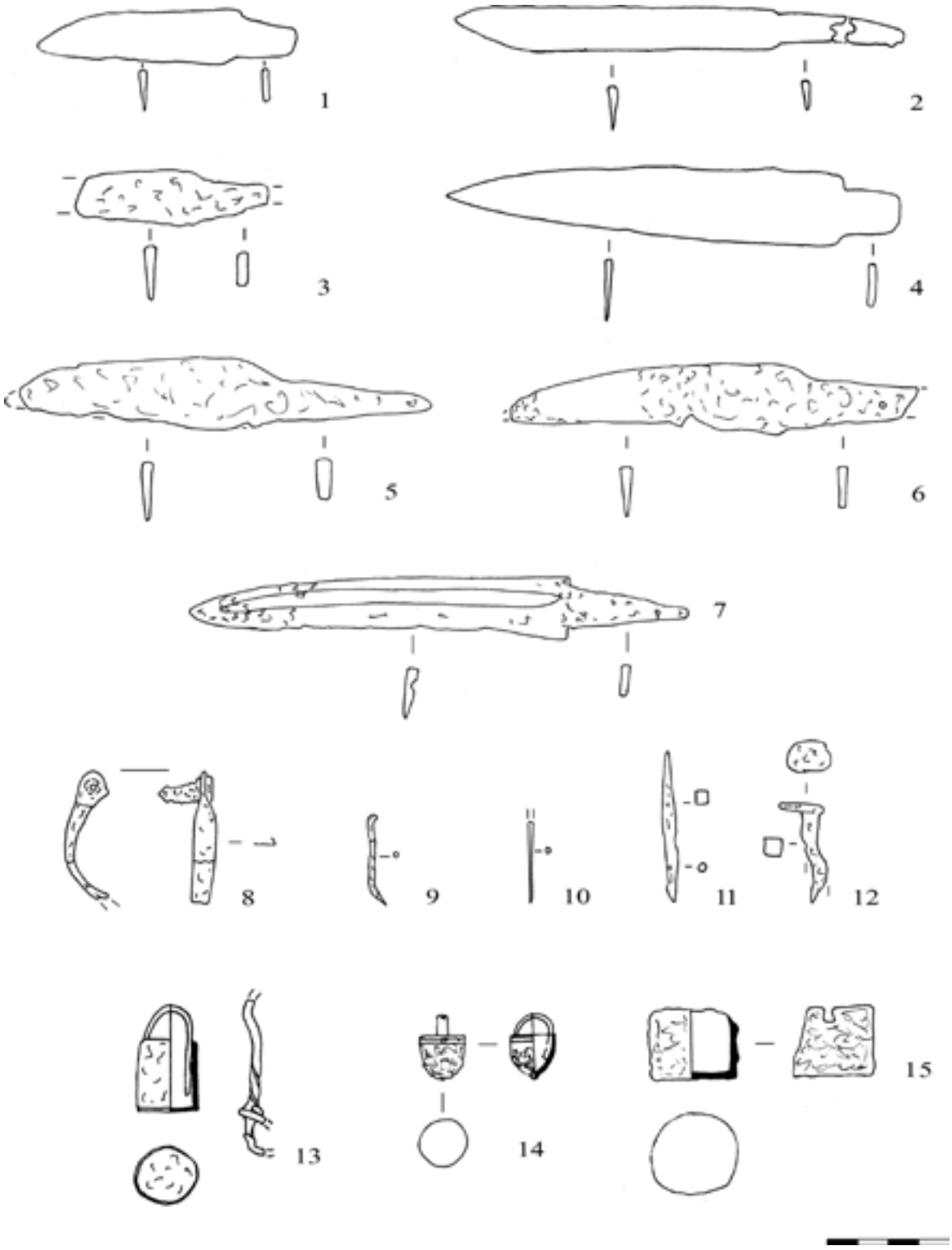


Рис. 3. Железные изделия из культового слоя могильника Войтенки.

1–7 — ножи, *8* — фибула, *9* — посоховидная булавка, *10* — игла, *11* — шило, *12* — гвоздь, *13–15* — ведерковидные подвески

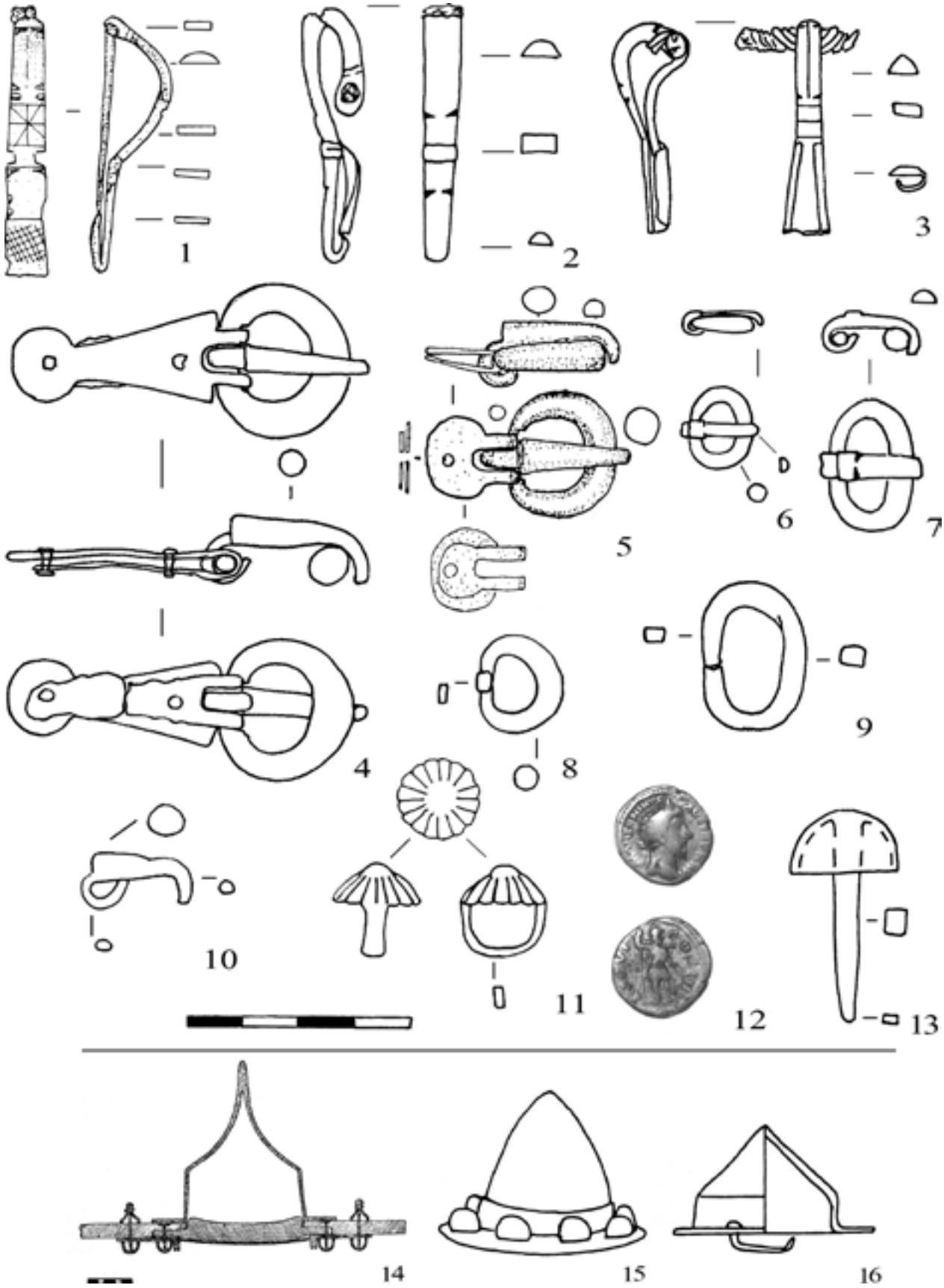


Рис. 4. Изделия из цветных металлов из культового слоя могильника Войтенки и их аналоги (14–16).

1–3 — фибулы, *4–10* — пряжки и их детали, *11* — часть конской збруи скифского времени, *12* — серебряный римский денарий, *13* — бронзовый гвоздь с полой сферической шляпкой; *14–16* — примеры умбонов щитов с сохранившимися гвоздями для их крепления: *14* — Фонденхейм [Jahn, 1916. Abb. 223]; *15* — Керчь, склеп 24.06.1904 г. [Kazanski, 1994. Fig. 3: 12]; *16* — Шапка—Церковный холм 4, погр. 5 [Kazanski, 1994. Fig.3:4]

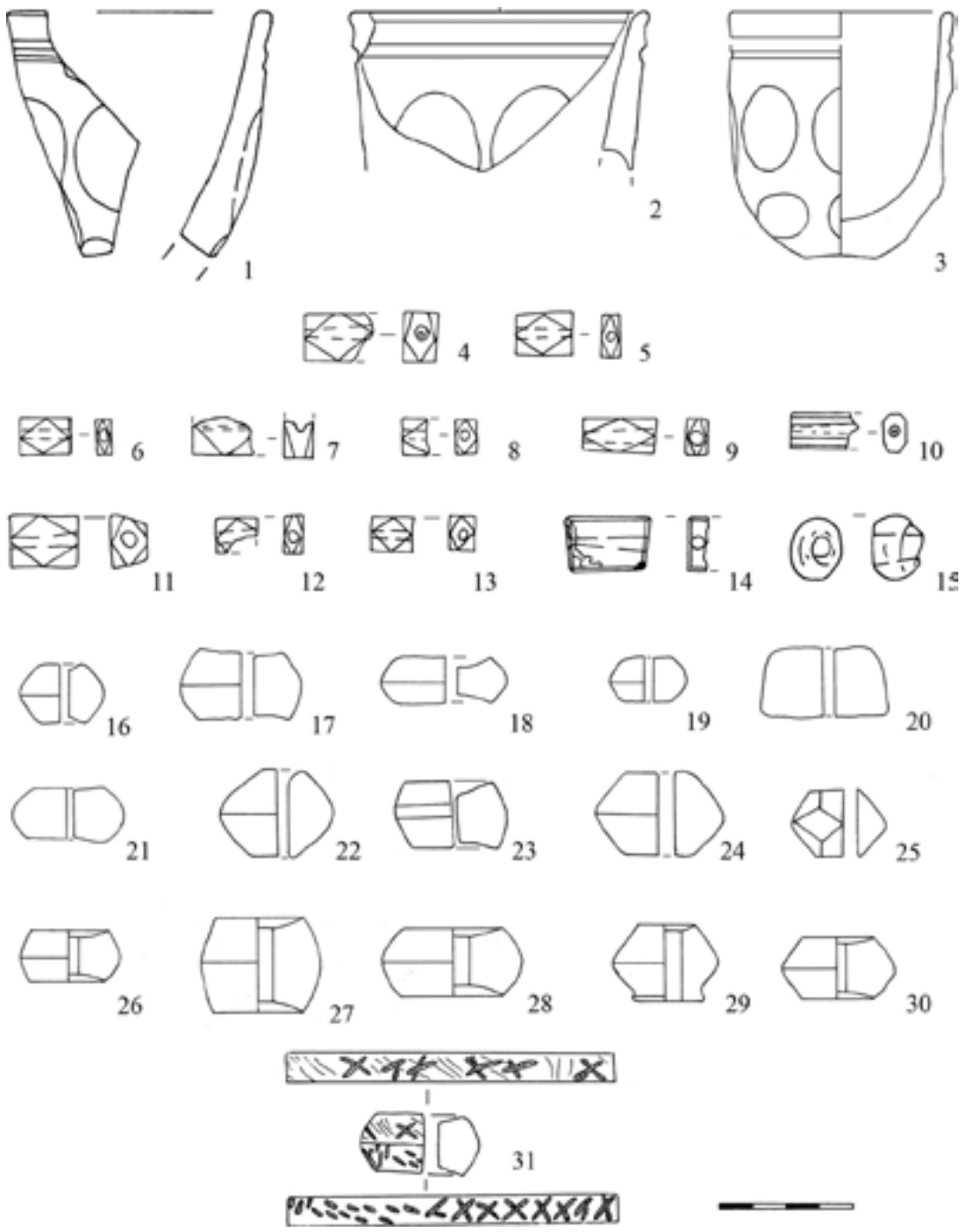


Рис. 5. Находки из археологического комплекса Войтенки.

1–3 — стеклянные сосуды, *4–14* — сердоликовые бусы, *15* — халцедоновая бусина, *16–31* — глиняные пряслица.

1 — слой поселения на участке «Б» (раскопки 2011 г.); 2, 4–31 — культовый слой могильника; *3* — погр. 86/2

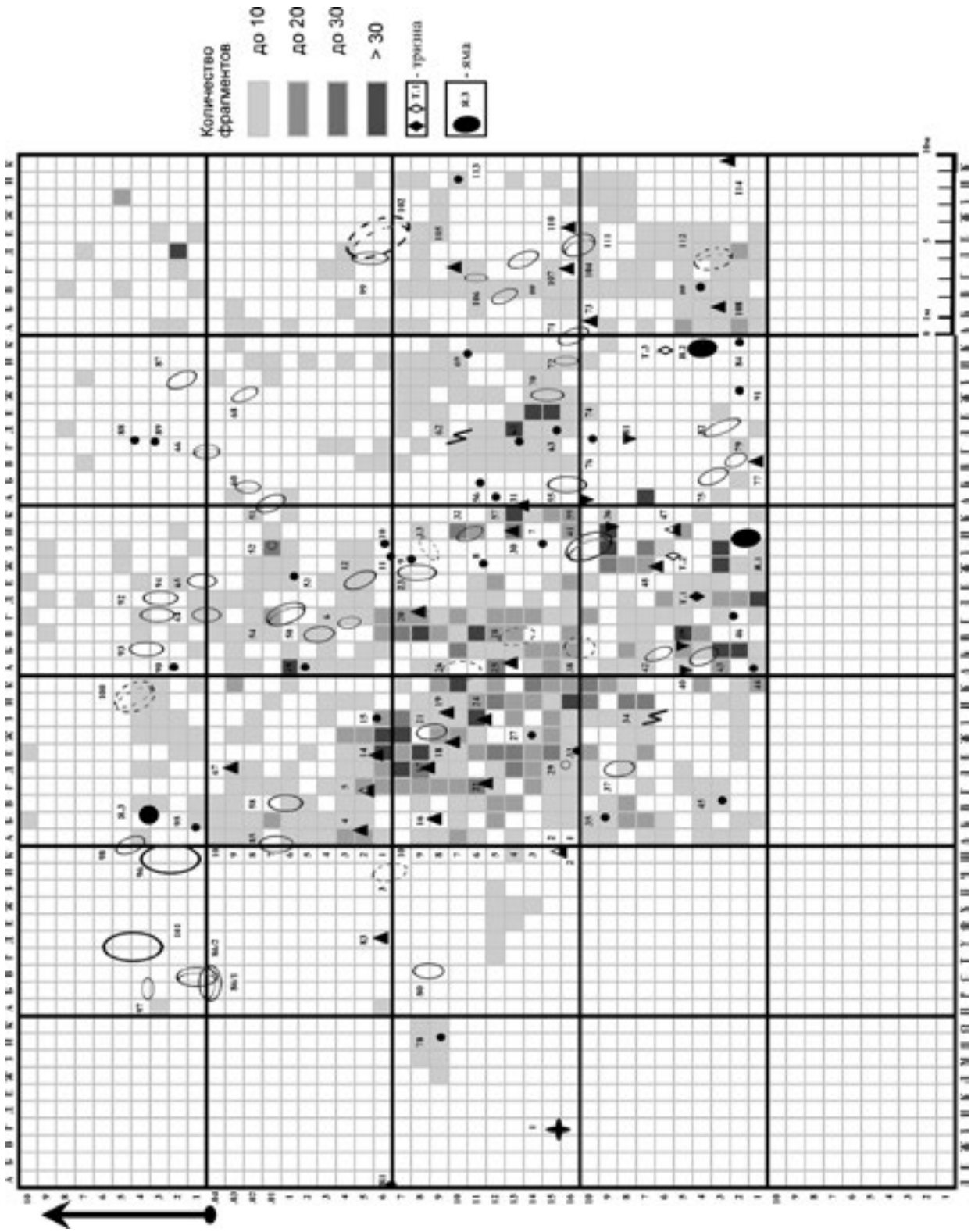


Рис. 6. Общий план секторов могильника из раскопок 2005–2009 гг. с указанием насыщенности фрагментами керамики культового слоя: глубина 0,2–0,4 м.

Обозначение секторов см. на рис. 1: 3; типов погребений — в табл. 2, 3

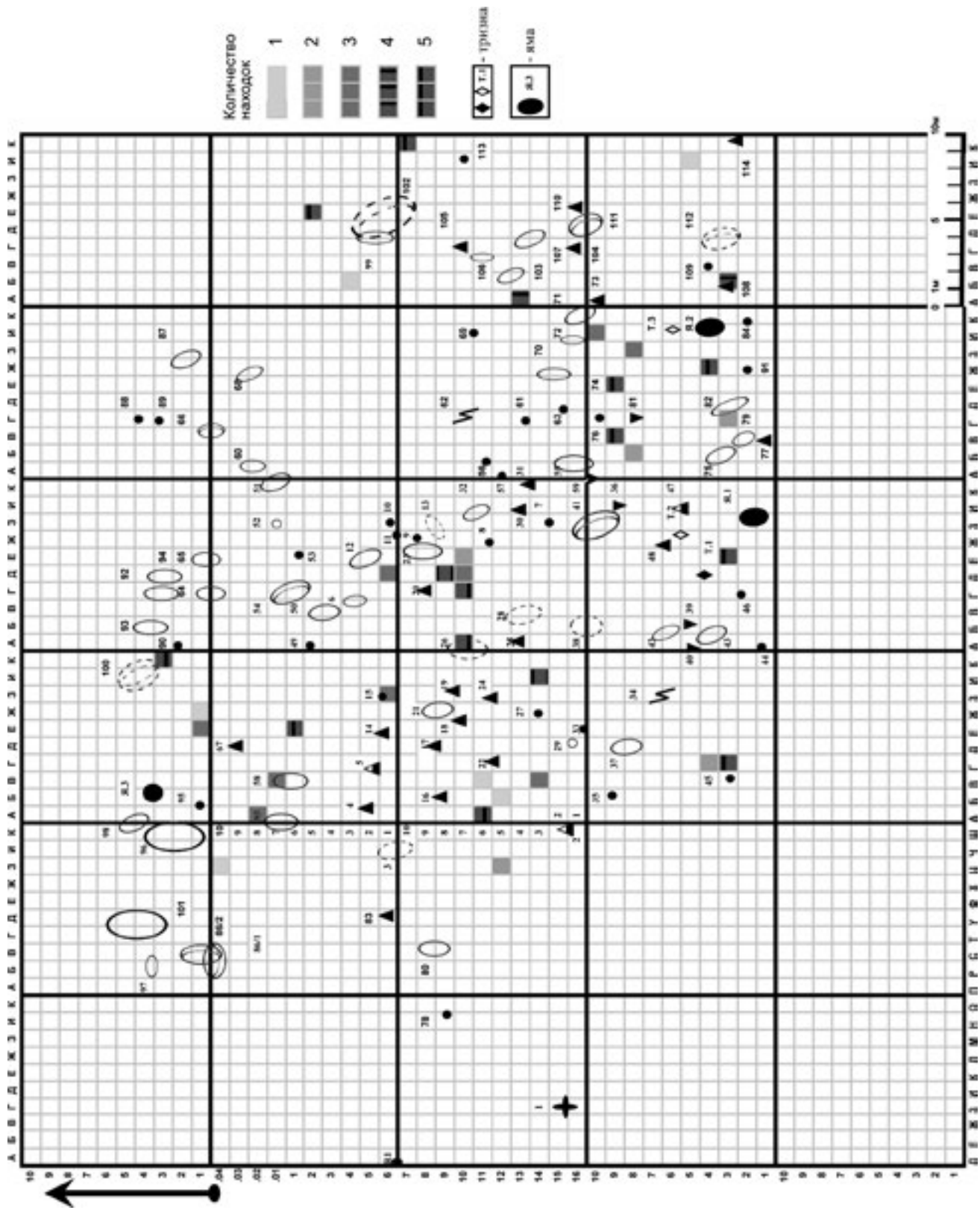


Рис. 7. Общий план секторов могильника из раскопок 2005–2009 гг. с указанием насыщенности индивидуальными находками культового слоя: глубина 0,2–0,4 м

Обозначение секторов см. на рис. 1: 3; типов погребений — в табл. 2, 3

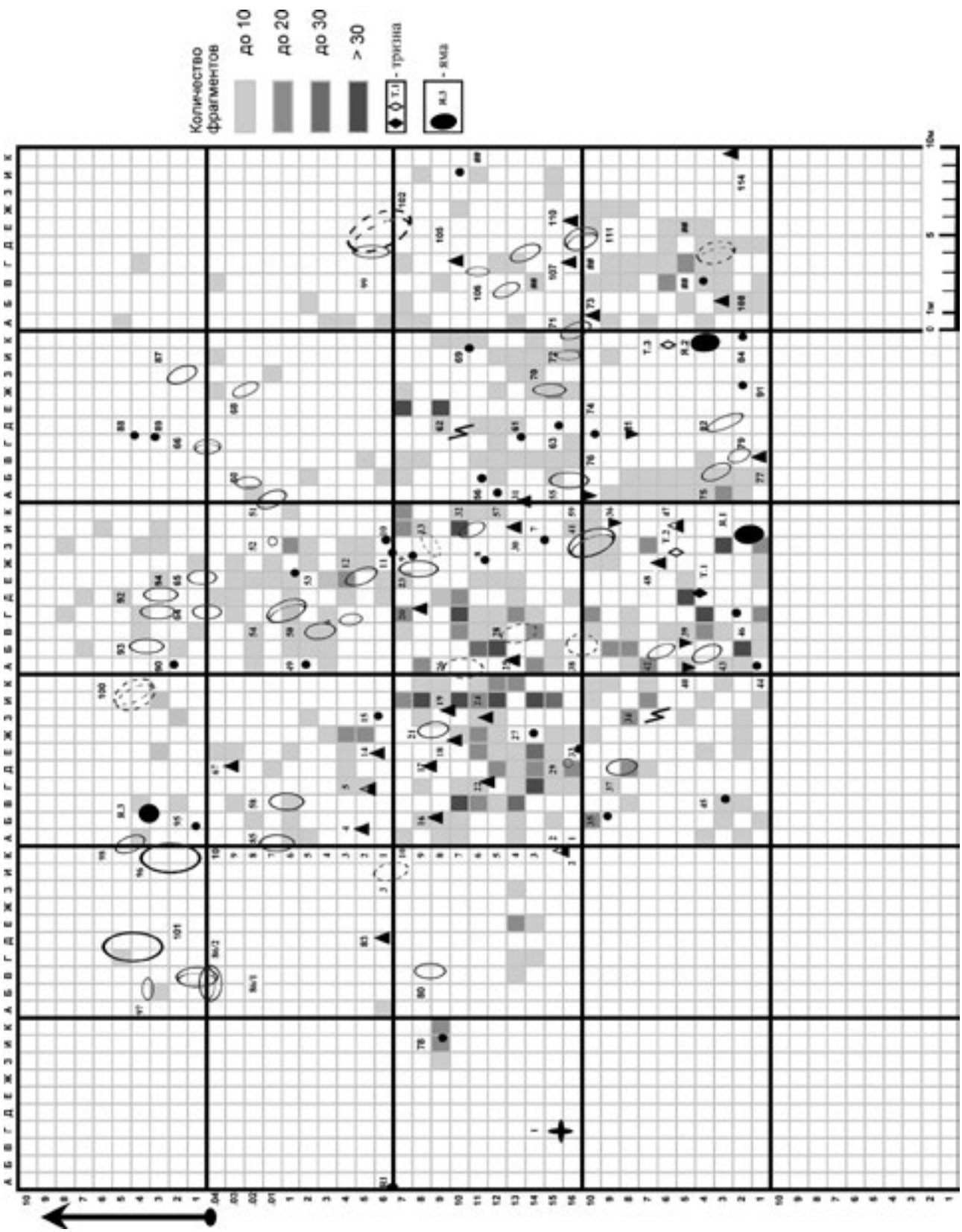


Рис. 8. Общий план секторов могильника из раскопок 2005–2009 гг. с указанием насыщенности фрагментами керамики культового слоя: глубина 0,4–0,6 м

Обозначение секторов см. на рис. 1: 3; типов погребений — в табл. 2, 3

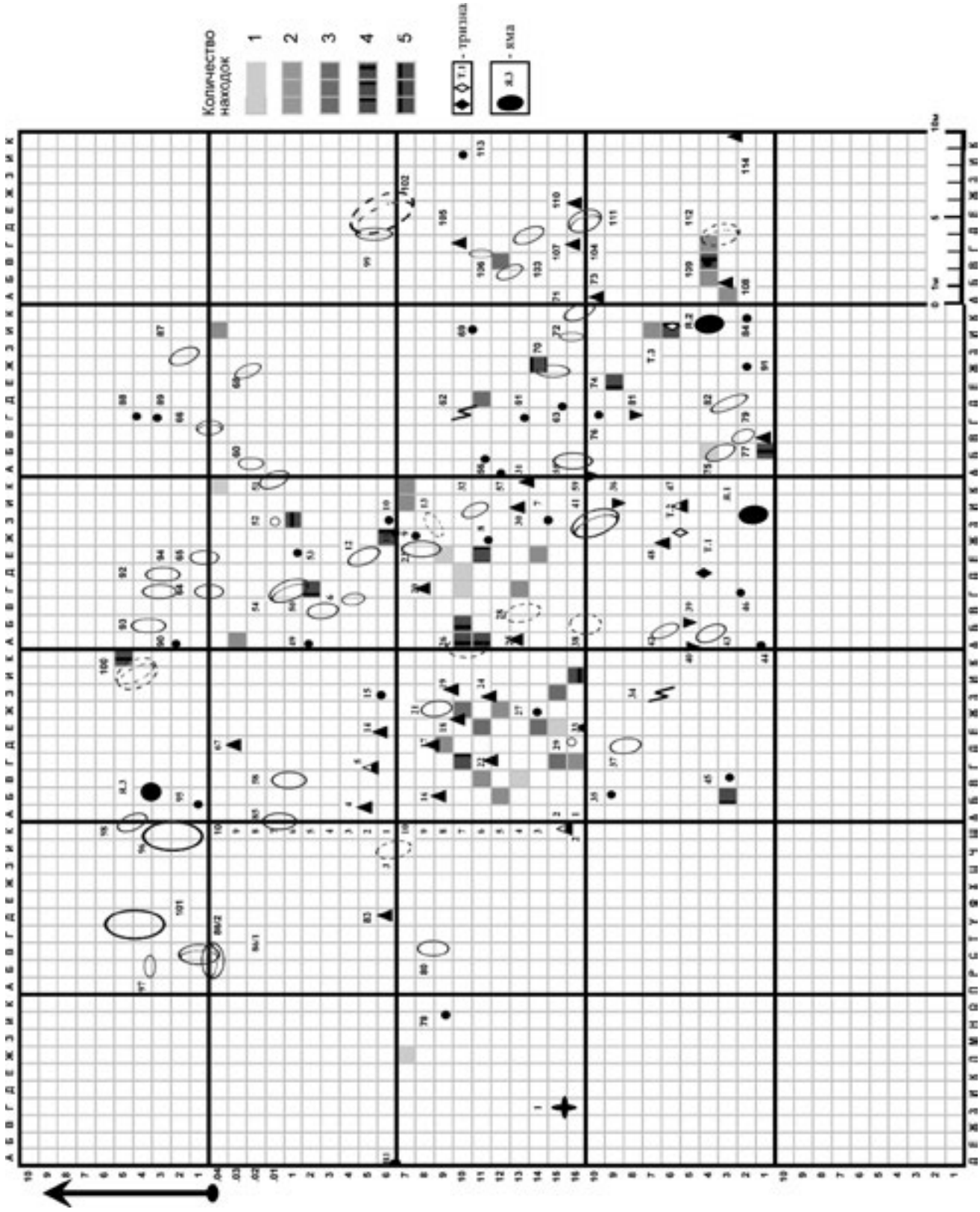


Рис. 9. Общий план секторов могильника из раскопок 2005–2009 гг. с указанием насыщенности индивидуальными находками культового слоя: глубина 0,4–0,6 м

Обозначение секторов см. на рис. 1: 3; типов погребений — в табл. 2, 3

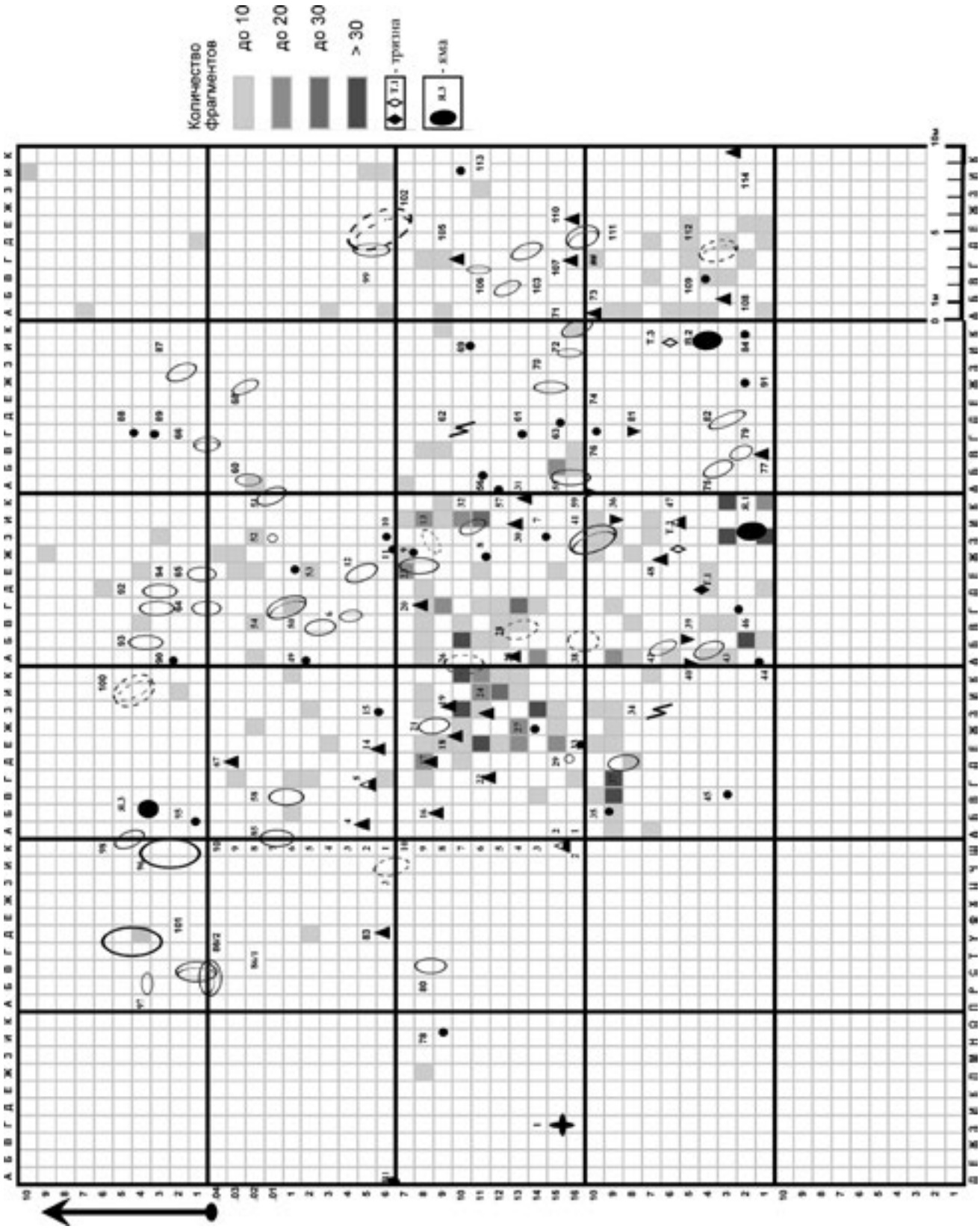


Рис. 10. Общий план секторов могильника из раскопок 2005–2009 гг. с указанием насыщенности фрагментами керамики культового слоя: глубина 0,6–0,8 м

Обозначение секторов см. на рис. 1: 3; типов погребений — в табл. 2, 3

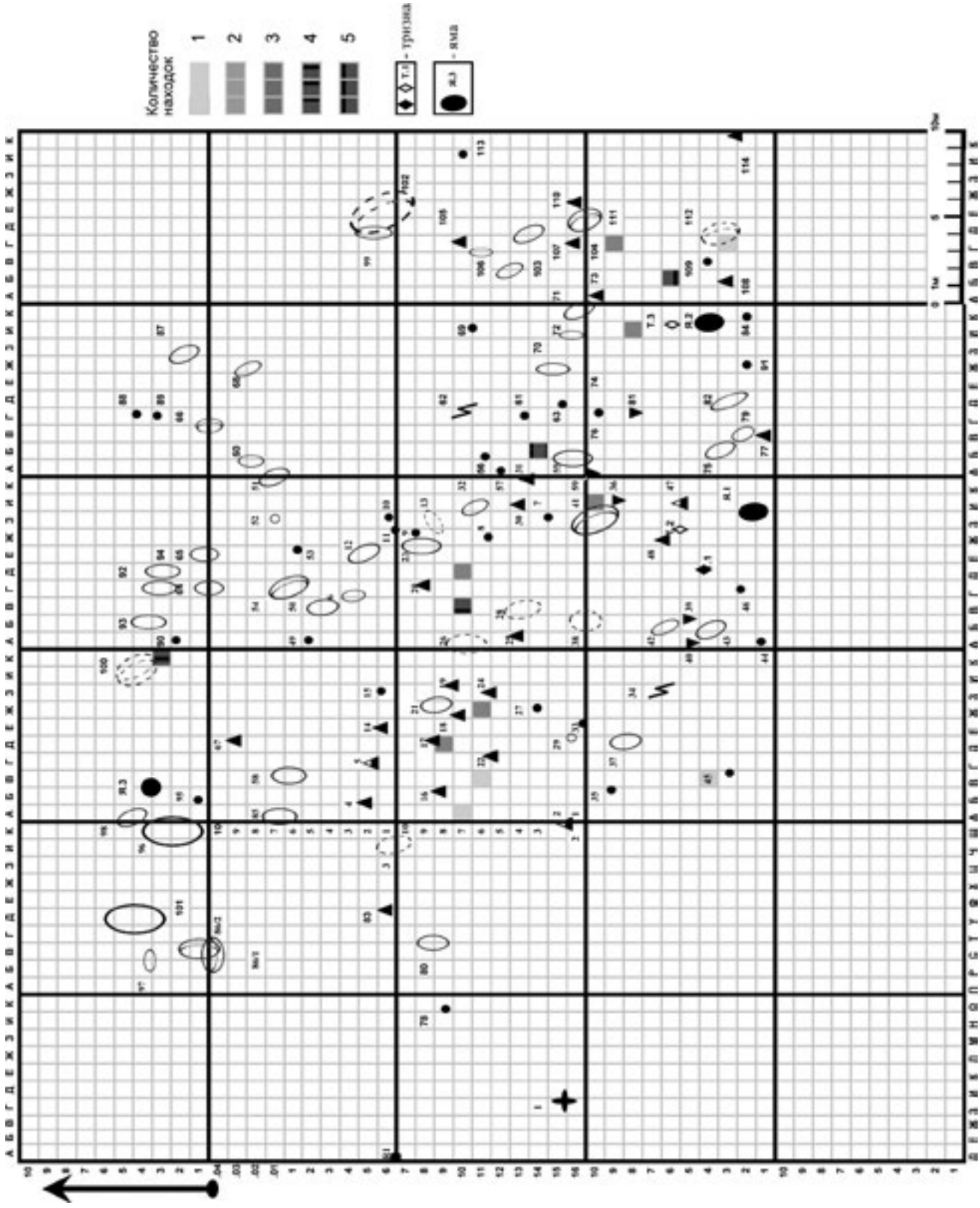


Рис. 11. Общий план секторов могильника из раскопок 2005–2009 гг. с указанием насыщенности индивидуальными находками культового слоя: глубина 0,6–0,8 м

Обозначение секторов см. на рис. 1: 3; типов погребений — в табл. 2, 3

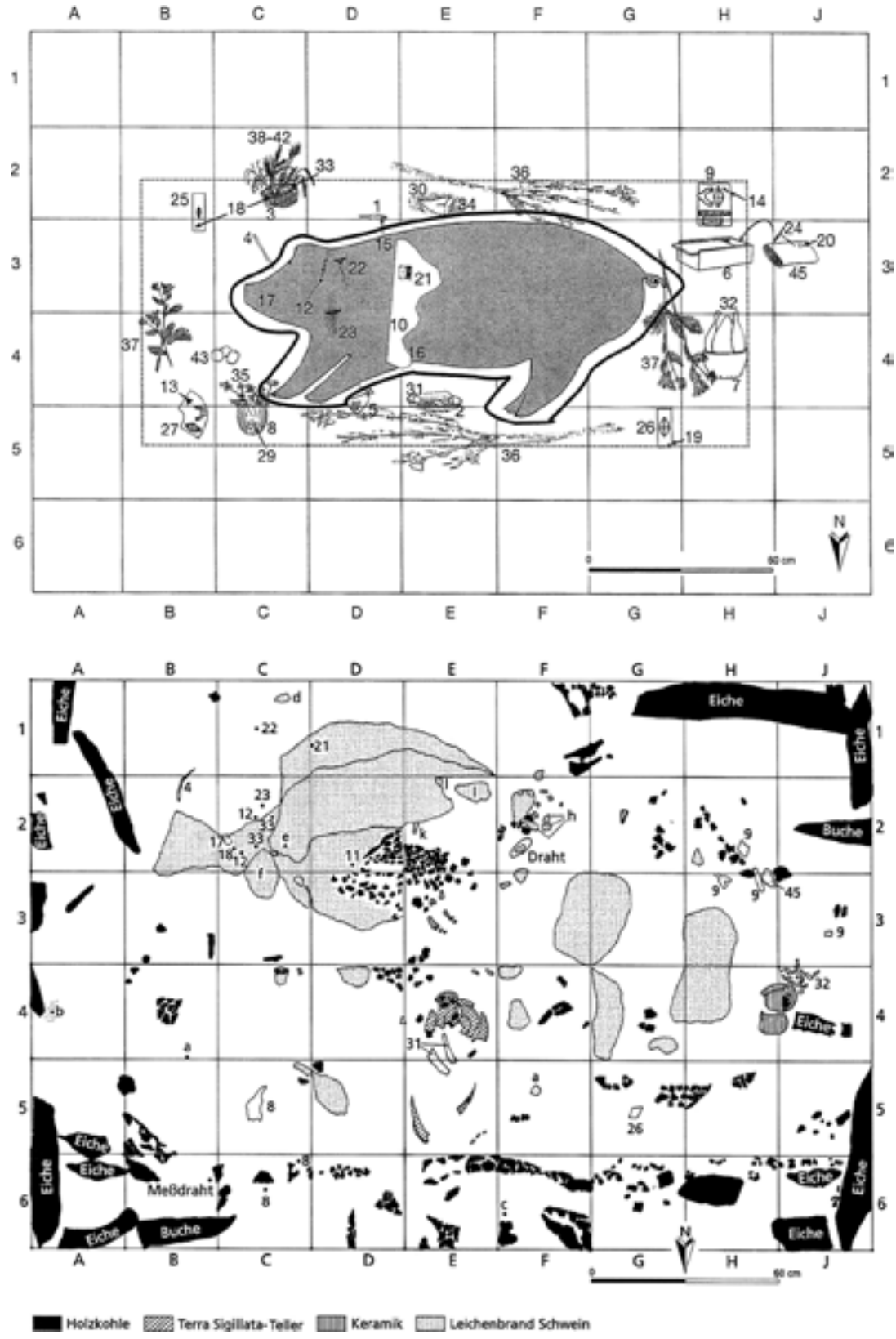


Рис. 12. Археологический эксперимент, проведенный в земле Саксен-Анхальт (ФРГ).

1 — комплекс перед сожжением (без дровяного топлива) [Becker et al., 2005. S. 174–184. Abb. 20], *2* — следы после сожжения [Becker et al., 2005. Abb. 21]

А. В. Пьянков

К ВОПРОСУ О НАСЕЛЕНИИ ПРАВОГО БЕРЕГА НИЖНЕЙ КУБАНИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ III — ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ IV в.

Позднесарматское время — «темный период» в истории Прикубанья. До III в. правобережье Нижней Кубани занимали меоты, соседями которых были сарматские группировки [Каменецкий, 1989. С. 224–251]. По неясным пока причинам, ситуация в регионе начинает меняться в конце II — середине III в. Главным итогом этого явилось то, что меоты оставляют регион. Существуют разные мнения о причинах, времени и о динамике этих изменений (см.: Анфимов, 1958. С. 70; Каменецкий, 1989. С. 240). Одни исследователи связывают уход меотов с готским нашествием (там же). Другие утверждают, что этнополитическую ситуацию на Нижней Кубани изменила экспансия алан Центрального Предкавказья [Малашев, 2000. С. 211].

При недостаточной изученности бытовых памятников Правобережья мы можем лишь попытаться узнать, кто населял Нижнее Прикубанье после этих драматических событий вплоть до прихода гуннов. Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к погребальным памятникам, хотя их немного. Материалы этого периода, происходящие с Правобережья Нижней Кубани, представлены 6 комплексами из разрушенных и исследованных погребений и случайными находками (рис. 1: 1).

Первый комплекс был найден в ст. Тимашевская в 1894 г. (рис. 1: 2–6) «в случайно разрытой могиле» [ОАК за 1894. С. 37. Рис. 39–41; Posta, 1905. Abb. 224]. «Могилами» и «могилками» на Кубани местные жители называют обычно курганы. Комплекс разрушенного погребения состоял из серебряных предметов: двучленной лучковой фибулы с граненой спинкой (вероятно ромбической в сечении), короткой пружиной с нижней тетивой (рис. 1: 5); поясной пряжки с овальной рамкой, фасетированным язычком, подвижным прямоугольным щитком, обтянутым тонким листом, с тисненым орнаментом из точек, косых крестиков и кружков с точкой в центре, овальной вставкой из сердолика в центре щитка, вокруг которой и вдоль края щитка расположена кайма из выпуклых точек (рис. 1: 6); трех небольших овальнорамчатых пряжек с фасетированными язычками, не выступающими или немного выступающими за пределы передней части рамки, и подвижными овальными (рис. 1: 2, 4) или треугольным (рис. 1: 3) щитками.

Аргументы для датировки комплекса есть у А. К. Амброза и В. Ю. Малашева. А. К. Амброз по орнаментированному щитку крупной пряжки связал эти предметы с древностями круга Закшув—Кишпек и датировал их второй половиной III в. н. э., оставляя вопрос о возможном повышении этой даты в IV в. открытым [Амброз, 1989. С. 25–27]. По В. Ю. Малашеву, этот же слой древностей датируется концом III — первой третью IV в. [Малашев, 2000. С. 206, 207. Табл. 1].

Второй комплекс был доследован Н.В. Анфимовым в 1948 г. на территории ст. Воронежская на правой террасе р. Кубань в Усть-Лабинском районе. Между улицами Широкая и Северная находилась цитадель небольшого городища, в которую было впущено погребение, к моменту посещения его членами экспедиции Краснодарского музея частично обвалившееся из-за добычи глины. Погребение было расчищено, описано в дневнике и сфотографировано. Уже в 1952 г. этот комплекс был опубликован [Анфимов, 1952. С. 205–218]. В его работе из 16 предметов, открытых при доследовании погребения, и 6 предметов, найденных ранее и хранившихся в местной школе, в иллюстрациях были представлены только 7 вещей в фотографиях, один рисунок амфоры и общий снимок сохранившейся части погребения. Остальные предметы были только описаны, иногда без сведений о размерах[1]. Сравнительно недавно рисунки всех предметов из погребения 1948 г. были опубликованы, но без подробного описания, при этом часть не сохранившихся в фондах Краснодарского музея предметов была прорисована по фотографиям и русункам из архива Н. В. Анфимова [Пьянков, 2008. С. 299. Рис. 1; 2]. Далее приводим краткие описания погребения и инвентаря.

Погребение было впущено на глубину до 1,80 м от поверхности земли. Женский костяк лежал на спине с вытянутыми вдоль туловища конечностями головой на северо-восток (рис. 2: 1). Кости сохранились плохо, левая часть утрачена при обвале.

На шее погребенной были найдены (рис. 2: 2): золотая цепочка сложного плетения с надетыми на неё 2 крупными золотыми зернеными полыми бусинами (заполненые серой смальтой) и сломаным свинцовым замочком (рис. 3: 1), длина — 32,5 см, макс. толщина — 0,27 см, диаметр бусин — 1,8 см, масса — 27,9 г (без бус — 20,6 г), золото 800°; золотая тордированная гривна из квадратного дрота (рис. 3: 2), d — 14,5 см, макс. толщина — 0,36 см, вес — 59,29 г, золото 890°. В верхней части груди был открыт фрагмент двучленной бронзовой фибулы со спинкой, обмотанной бронзовой полоской, с короткой пружиной и нижней тетивой (рис. 4: 1), длина фрагмента — 1,5 см. В нижней части груди находилось бронзовое зеркало с центральной петлей и орнаментом (рис. 3: 3), с обеих сторон диска сохранились следы дерева и кожи, размеры дис-

[1] В публикации Н. В. Анфимова один из сосудов описан как два разных (см.: Анфимов, 1952. С. 210. Номера 3 и 4 из списка керамики).

ка — 6,6x6,3 см. В 60 см к северу от черепа находилось скопление железных предметов: 2 длинных узких стержня длиной 85 см, d — 2 см, на одном был насажен крюк для подвешивания котла (8x2,75x1,1 см), до сегодняшнего дня сохранились фрагменты стержней разной длины и крюк с фрагментом стержня в проушине (рис. 4: 4, 6); массивный стержень с заостренным концом и изогнутым выступом, ранее с другой стороны имелся округлый набалдашник, его сохранившийся фрагмент округлый, плоский (рис. 4: 7), первоначальная длина — 88 см, ширина — 4 см, толщина — 2 см; 2 ножа с серповидным лезвием (рис. 4: 10), размеры сохранившегося фрагмента — 4,8x1,8x0,6 см; железный топор (рис. 4: 9) с овальным проухом, в котором сохранились фрагменты деревянной рукояти, и прямоугольным обушком с закругленным торцом, размеры: высота — 13 см, ширина лезвия — 4 см. Рядом со скоплением металлических изделий с северной стороны стоял бронзовый кованый котел с железной дужкой, фигурными атташами, на котле прослежены следы ремонта (рис. 3: 8), высота — 24 см, диаметр по венчику — 44 см. Здесь же находился лепной горшок, дорботанный на гончарном круге, с плоским дном, округлым туловом, утолщенным и отогнутым наружу венчиком (рис. 3: 7), высота — 16 см, диаметр по венчику — 13 см, диаметр дна — 8,3 см. Внутри горшка находилась керамическая крышка меньшего диаметра, чем диаметр горла сосуда, конической формы, с цилиндрической ручкой с углублением в торце (рис. 3: 4), высота — 4,16 см, диаметр — 9,5 см. Между котлом и скоплением металла лежали два гладких камня яйцевидной формы (рис. 4: 2, 3), размер первого 5,2x4,9x3,05 см, второго — 5,1x4,1x3,01 см, и плоское керамическое пряслице (рис. 4: 13), диаметр — 3 см, толщина — 1,2 см.

Среди предметов, обвалившихся ранее, находились: узкогорлая светлоглиняная амфора с желобчатым туловом на кольцевом поддоне (рис. 3: 5), высота — 62 см, диаметры: тулова — 23 см, горла по венчику — 4 см, ножки — 7 см; краснолаковый, сделанный на круге, кувшин на кольцевом поддоне с грушевидным желобчатым туловом, горлом-раструбом и плоской ручкой с 5 вертикальными каннелюрами (рис. 4: 8), высота — 18 см, диаметры горла и дна — 4 см; кувшин[2] из серо-коричневой глины с плоским и слегка вогнутым дном, округло-биконическим туловом с лощеной поверхностью, которое в верхней части покрыто косыми слегка угрубленными линиями, с горлом-раструбом, в основании которого имелось три горизонтальных желобка, шестигранной в сечении ручкой в форме стилизованной фигуры кабана с открытой зубатой пастью, (рис. 3: 6), высота — 18,2 см, диаметр горла — 10,4 см, тулова — 16 см, дна — 6,3 см; лощеный кувшин из серой глины с уплощенным и слегка вогнутым дном, горлом-раструбом, со стилизованной зооморфной ручкой, верхней частью тулова, украшенной линейно-точечным орнаментом (рис. 4: 5), высота — 14 см, диаметр горла — 8 см, дна — 5,1 см; кувшин из коричневой глины с черным лощением, с плоским дном, округло-приплюснутым туловом, одной боковой ручкой, от которой сохранилось основание (рис. 4: 11), высота — 15 см, диаметр горла — 8,5 см, дна — 6 см; сероглиняная сделанная на круге миска с плоским дном, наклоненным внутрь бортиком с горизонтальным желобком, косо срезанным наружу венчиком (рис. 4: 12), высота — 9,5 см, диаметр по венчику — 24 см, дна — 8,5 см.

Обилие инвентаря и присутствие золотых украшений позволило атрибутировать этот комплекс как могилу знатного кочевника из евразийских степей [Казанский, 1994. С. 239]. Автор публикации первоначально отнес комплекс к сарматской культуре III в., рассматривая его как принадлежавший представительнице кочевого или полукочевого племени [Анфимов, 1952. С. 217], а позднее в научно-популярной книжке этот комплекс был атрибутирован как женское погребение сармато-аланских племен конца III — начала IV в. [Анфимов, 1972. С. 94]. Датировку погребения автор основывал на нескольких предметах, которые, по его мнению, давали относительно узкие даты. Это амфора, золотые украшения, зеркало и бронзовый котел. Сегодня очевидно, что зеркало типа Чми—Бригеццио не может дать узкую дату, так как этот тип бытовал довольно долго. Светлоглиняная узкогорлая амфора с профилированными ручками, коническим рифленым туловом и цилиндрической ножкой принадлежит инкерманскому типу, или типу F по Д. Б. Шелову [Щукин, 1968. С. 41–51; Шелов, 1978. С. 19]. Такие амфоры А. И. Айбабин датировал в рамках IV в., отметив, что требуется уточнение их хронологии [Айбабин, 1990. С. 14]. Ожерелье и гривну Н. В. Анфимов по аналогиям отнес к III в. Остановимся на этих статусных предметах подробнее.

Н. В. Анфимов привел три аналогии колье. Во-первых, это золотое ожерелье с застежкой в виде баранчика, найденное А. Ашиком в Керчи в каменном склепе в 1841 г., датированное позднее М. И. Ростовцевым III в. [Ашик, 1849. С. 67. Рис. 152; Толстой, Кондаков, 1889. С. 154,155. Рис. 140; Ростовцев, 1925. С. 245, 246]. Во-вторых, это фрагмент цепочки с инкрустированной «пастой» пластинкой (возможно, часть колье) из кургана Хохлач [Толстой, Кондаков, 1890. С. 138. Рис. 162]. В-третьих, было названо известное ожерелье с медальоном в виде головы барана из погребения 7 могильника Армазисхеви в Восточной Грузии, датированное III в. [ВДИ. 1948. С. 173. Рис. 5]. Впоследствии погребение 7 из Армазисхеви было передатировано грузинскими исследователями на конец II в. [Апакидзе и др., 1958. С. 74–112]. Позднее в Грузии были найдены другие ожерелья с цепочками со сложным переплетением звеньев. Такие ожерелья происходят из саркофага №3 могильника Згудери, а также из погребения 13 могильника Арагвиспири, датирующихся в пределах III–IV вв. [Немсадзе, 1977. С. 111. Рис. 1; Рамишвили, 1977. С. 117–121. Рис. 5: 2].

Очевидно, что золотые цепи со сложным плетением колец были широко распространены в Средиземноморье и на сопредельных территориях начиная с классического античного времени до эпохи Средневековья [Уильямс, Огден, 1995; Максимова, 1979. С. 8, 9, 55–57. Кат. Арт. 6, Арт. 43. Рис. 12 и на стр. 28; Simonenko, 2008. Abb. 23: 4, S. 33–36. Kat. 107. Taf. 118: 2; Мордвинцева, Хабарова, 2006. Кат. 66; Древние сокровища ..., 2005. Кат. 74; Засецкая, 1993. Кат. 76. Табл. 22; Szentpéteri, 1993. Abra 3: 2]. Поскольку способов плетения сложных цепей было несколько [Уильямс, Огден, 1995. С. 26. Рис. 24; Мордвинцева, Хабарова, 2006. С. 16. Рис. 4 А; 5 А], следует обратить внимание на эти особенности у рассматриваемого нами ожерелья. В. И. Мордвинцева описала два способа переплетения звеньев при изготовлении сложных цепей в сарматское время: один она называет «две петли — в петлю», а второй — «четырехгранный жгут» [Мордвинце-

[2] Ранее во всех работах, в том числе и в публикации автора 2008 г., этот сосуд приводился по рисунку Н. В. Анфимова, который имел существенные неточности в пропорциях и в деталях, но здесь впервые дан новый рисунок, выполненый по оригиналу.

ва, Хабарова, 2006. С. 16. Рис. 5А]. При изготовлении интересующего нас ожерелья был использован второй способ плетения цепи, то есть «четырехгранный жгут».

Точно такое же плетение цепочки имеет золотое ожерелье с прямоугольным медальоном со вставкой из зеленого стекла, найденное в погр. 1 кургана 3 могильника Барановка-1 (Волгоградская обл.) и датированное I — началом II в. [Мордвинцева, Хабарова, 2006. С. 77. Кат №12]. Другой аналогией служит золотое колье из двух цепочек и прямоугольного медальона, помещенного между двумя грифонами, из погр. 1 кургана 14 Сладковского могильника (Ростовская обл.); комплекс датирован I — первой половиной II в. [Максименко, 1998. С. 122. Рис. на стр. 125; Мордвинцева, 2003. С. 90. Кат. 75. Рис. 30]. В погребении 3 кургана 3 могильника Михайловка под Одессой, также обнаружено колье с цепочками, несколькими медальонами и подвеской в виде бабочки, к этому ожерелью примыкает серия, близких по стилю шейных украшений из Северного Причерноморья, датирующихся не позднее I в. [Simonenko, 2008. Abb. 23, 24. S. 33–36. Kat. 107. Taf. 118: 2; Калашник, 2004. С. 97–108. Рис. 1: 2, 7]. Мы не всегда можем определить по иллюстрациям способ плетения цепочек, и количество аналогий могло бы быть больше. Во всяком случае часть цепочек из грузинских могильников, упомянутых выше, также могут служить аналогиями.

Для нас важно, что цепи со сложным переплетением звеньев с использованием способа «четырехгранный жгут» изготавливались с I по IV вв., возможно, и в более широком хронологическом диапазоне, и не могут служить хронологическим индикатором интересующего нас комплекса. То же самое можно сказать о золотых полых бусинах с зернью (сравни: Шедевры…, 1987. Кат. 262. Рис. 86; Уильямс, Огден, 1995. Кат. 54, 55, 65, 69; Мордвинцева, Хабарова, 2006. С. 126. Кат. 185. С. 130. Кат. 201; Marcenko, Limberis, 2008. Kat. 1. Taf. 1: 6. Kat. 8. Taf. 13: 10, 12).

Теперь о гривне. Приводя аналогии публикуемой гривне, Н. В. Анфимов стремился показать, что это шейное украшение не противоречит его датировке комплекса [Анфимов, 1952. С. 212, 213]. Автор специально отметил такие особенности гривны, как массивность, наибольшее расширение в средней части золотого квадратного в сечении дрота, замок из плоской петли и крючка с конусовидной шляпкой. Крученые (тордированные) гривны из драгоценных металлов известны в Северном Причерноморье со II в. до н. э. и встречаются до раннего Средневековья включительно в таких памятниках, как Артюховский курган, «Золотое кладбище», Южная Озерейка, Бжид-1, Керченские склепы, могильник Дюрсо, погребение 1 кургана 8 у ст. Старонижестеблиевской, несколько шейных обручей крученого дрота, датированные V в., из Северного Причерноморья хранятся в Римско-Германском музее г. Кельна и т. д. [Максимова, 1979. С. 62. Кат. Арт. 42. Рис. 15; Damm, 1988. Kat. 39–41. Abb. 82–87; Засецкая, 1993. Кат. 80б. Табл. 25; Гущина, Засецкая, 1994. Кат. 145. Таб. 15; Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 187–193, 201. Табл. 72: 12, 41; 74: 49; 76: 43; 79: 33; Дмитриев, 2003. С. 201. Табл. 79: 33; Атавин, 2008. С. 30, 39. Таб. 24: 1]. Подавляющая часть шейных обручей имеет равномерную ширину крученого дрота с зауженными концами и они, как правило, не массивны. Полных аналогий интересующему нас украшению немного. Это золотая гривна из разрушенного погребения на ул. Ченцова, 99 в с. Недвиговка, то есть из могильника Танаиса [Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001. С. 68–70. Табл. 83: 97–100] и серебряная гривна из погребения 1 кургана 12 могильника Балки в Запорожье [Савовський, 1977. С. 65–68. Рис. 5: 5; Simonenko, 2008. Kat. 161. Taf. 163: 1–8; 98: 1148]. Оба шейных украшения массивны (данные об их массе не публиковались), имеют максимальное расширение в средней части четырехгранного в сечении дрота, аналогичны и крючковые замки. Танаиское погребение датировано серединой III — IV в. [Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001. С. 69]. Балкинское погребение отнесено к III в., и, по мнению автора публикации, предпочтительнее первая половина столетия [Савовський, 1977. С. 69]. Однако наличие в запорожском комплексе крупной (7 см) лучковой двучленной фибулы с фасетированной расширенной ножкой говорит скорее о времени не ранее второй половине III в.

Вероятно, неслучайно наиболее близкие аналогии рассматриваемой гривне происходят из хронологически близких погребений. Возможно, массивные гривны из крученого дрота с квадратным сечением с максимальным расширением в средней части и простым крючковым замком стали распространяться со второй половины III в н. э. Ответ на этот вопрос требует дальнейшего изучения хронологии позднесарматского периода.

Кувшинчики со стилизованными зооморфными ручками центральнокавказского типа, с пропорциями, близкими кувшинчикам из ст. Воронежской, бытуют с середины III в. и не известны позднее середины IV в.[3]

Железный топор, аналогичный воронежскому, обнаружен на могильнике Золотые Горки IV на Нижнем Дону [Труды …, 2002. Рис. 29: 7]. Здесь в кургане 1 было открыто погребение 1, представлявшее собой Т-образную катакомбу, которая была ограблена в древности. Кроме топора в погребении находился красноглиняный кувшинчик с желобчатым туловом с красным ангобом (лаком?) и пряжки с расширенной передней частью рамки, язычки которых не выступают за внешний край рамки [Труды …, 2002. С. 13. Рис. 29: 4].

Судя по всему, погребение может быть датировано в пределах второй половины III — начала IV в.

Третий комплекс происходит из раскопок И. Н. Анфимова на могильнике 2-го Елизаветинского городища в 1978 г. (рис. 5, 1–12). Погребение 51 этого некрополя было датировано автором раскопок, как и все погребения выделяемой им второй хронологической группы, 2-й половиной I в. до н. э. — II в. н. э. [Анфимов, 1984. С. 96]. Позднее этот комплекс, содержавший ожерелье из янтарных грибовидных подвесок, был заново опубликован и передатирован на вторую половину III — IV в. [Анфимов, Пьянков, Тарабанов, 2008. С. 8, 11. Рис. 1: 14–25]. Новая дата опиралась на то, что такие бусы по Е. М. Алексеевой, выделенные ею в тип 21, встречаются в погребениях Северного Причерноморья в III–IV в., но широко распространяются только в IV в. [Алексеева, 1978. С. 24–25]. Кроме того, в сарматских погребения Подонья янтарные грибовидные подвески встречаются в комплексах лишь со второй половины III в. н. э. (Безуглов, Захаров, 1988. С. 25; Безуглов, 2008. С. 290). В Крыму в хорошо датированных комплексах такие подвески зафиксированы только с конца III в. и бытуют весь IV в. [Храпунов, 2006. С. 193]. По мнению А. В. Мастыковой, такие подвески из Абхазии, найденные в погребениях цебельдинской культуры, датируются позднеримским временем [Мастыкова, 1999. С. 175]. По В. Б. Ковалевской, грибовидные подвески (тип 44а) встречаются после IV в. крайне редко [Ковалевская, 1998. С. 31, 72, 73. Табл. 3].

[3] Благодарю В. Ю. Малашева за консультацию по вопросу хронологии сосудов с зооморфными ручками.

Мы вправе допустить, что массовые поступления грибовидных подвесок в Прикубанье началось лишь со второй половины III в. и продолжалось в сдедующем веке, хотя более точное время бытования янтарных подвесок еще требует уточнения.

Четвертый комплекс — это погребение 58 из раскопок В.Н. Тарабанова на могильнике 3-го Старокорсунского городища в 1987 г. (рис. 6). Он опубликован сравнительно недавно, вместе с Елизаветинским погребением 51 [Анфимов, Пьянков, Тарабанов, 2008. С. 8–13. Рис. 1: 1–13]. Погребение 58 было совершено в прямоугольной яме, ориентированной по линии север-юг, размерами 1,75х0,57 м, глубиной 2,06 м от поверхности земли. Костяк лежал на спине вытянуто, черепом ориентирован на север (рис. 6: 1). Череп был повернут влево, лицевым отделом на восток. Кости конечностей были вытянуты вдоль костяка. Пол и возраст не определялись. Инвентарь состоял из следующих предметов: 1) железная круглорамчатая пряжка с подвижным язычком (рис. 6, 11), диаметр — 6 см; 2) у левого плеча стоял сероглиняный кружальный кувшинчик (рис. 6: 14) с воронковидным горлом, шаровидным туловом, плоским слегка вогнутым дном и вертикальной петлевидной ручкой, имеющей в верхней части выступ в виде столбика, высота — 21 см, диаметр горла — 10 см, тулова — 17,6 см, донца — 8,6 см; 3) железный черешковый нож (рис. 6: 9), длина — 15,4 см, ширина — 2,5 см; 4) железная скоба (рис. 6: 6) 9,9х5 см; 5) к скобе прикипела бронзовая круглорамчатая пряжка с подвижным язычком с прямоугольным щитком (рис. 6: 7), диаметр рамки — 1,6 см; 6) рядом со скобой находились фрагменты железных предметов не ясного назначения (рис. 6: 2, 3, 4, 8, 14), на которых прослеживались отпечатки ткани; 7) бронзовая бесщитковая пряжка (рис. 6, 12) с круглой рамкой треугольной в сечении, с подвижным язычком, сильно прогнутым внутрь, диаметр рамки — 2,4 см; 8) сероглиняная, сделанная на круге, миска (рис. 6: 5) с загнутым внутрь бортиком, который, соединяясь с туловом, образует острый угол, бортик имеет горизонтальный желобок, разделяя его на две ступеньки, дно плоское слегка вогнутое внутрь, с рельефным клеймом в виде прямоугольника с закругленными углами, внутри миски на дне находится круглое углубление с сосцевидным выступом посередине, высота — 6,4 см, диаметр по венчику — 21 см, тулова — 24 см, дна — 10,8 см.

Дату старокорсунского погребения, в первую очередь, определяют бронзовые пряжки. Щитковая пряжка имеет слабое утолщение передней части рамки. Язычок ее слабо выступает за переднюю часть рамки, а в основании его нет срезов или выступов. Подобные пряжки характерны для всего III в. [Малашев, 2000. С. 209]. Вторая пряжка имеет сильно утолщенную граненую рамку, спрямленную в задней части. Язычок сильно прогнут, но не доходит до середины сечения рамки. Морфология пряжки позволяет отнести ее ко второй половине III — началу IV в. [Там же]. Исходя из сказанного, погребение можно датировать второй половиной III в.

Пятый комплекс был исследован Н.Ф. Шевченко (рис. 7: 1–10) в кургане 6 могильника Динской-4 в 2000 г. [Шевченко, 2002. С. 57–60. Рис. 3]. Погребение 2 было совершено во впускной подпрямоугольной яме (ориентированной по линии север-северо-восток — юг-юго-запад) с вертикальными стенками и наклонными в южную сторону заплечиками (рис. 7: 1). Костяк взрослого человека лежал на спине вытянуто, черепом ориентирован на север-северо-восток. Погребенного сопровождал следующий инвентарь[4]: слева от черепа лежал железный меч[5] с штыревидной рукоятью без перекрестия и с остатками деревянной рукояти (рис. 7: 4), размеры: общая длина — 43 см, длина черешка — 6 см; здесь же имелись следы деревянных ножен; в области правой стопы находилось литое бронзовое навершие овальной формы с широким отверстием (рис. 7: 4), 2,4х2,0 см, в отверстии сохранились следы дерева и железный гвоздь крепивший навершие к рукояти (рис. 7: 9); возле рукояти меча лежала костяная подвеска конической формы с залощенной поверхностью (рис. 7: 5), высота — 0,7 см, диаметр — 1,8 см; в области таза найдена бронзовая пряжка с овальной заметно утолщеной передней частью рамки и с язычком, немного выступающим за переднюю часть рамки, овальный щиток имел две заклепки (рис. 7: 3), диаметр рамки — 1,9х1,4 см, дрота — 0,4 см, щитка — 1,6х1,35 см, язычок — 1,8х0,25х0,2 см; вторая бронзовая пряжка найдена в 50 см к северо-востоку от черепа, имела овальную рамку с утолщенной передней частью и длинный сильно загнутый за рамку язычек (рис. 7: 2), диаметр рамки — 1,6х1,4 см, дрота — 0,4 см, язычок — 1,8х0,4х0,25 см; рядом в деревянных ножнах лежал железный нож со слабо изогнутой спинкой (рис. 7: 7), длина — 19 см; у северной стенки стоял сделанный на круге красноглиняный кувшин на кольцевом поддоне. Его широкая ручка орнаментирована желобками, на тулове сохранились следы красного лака (рис. 7: 10), высота — 20,5 см; Рядом лежал фрагмент тонкой бронзовой пластины с гвоздиком (рис. 7: 6).

Автор датировал комплекс по сочетанию пряжек разных типов. Одна имеет язычок, хоботок которого охватывает переднюю часть рамки, что позволяет ему относить ее ко второй половине IV в., вторая пряжка снабжена более коротким язычком, опускающимся за край рамки, то есть, является более ранней. Наконец, в этом комплексе находился краснолаковый кувшин с реберчатым туловом, который по форме и пропорциям очень близок краснолаковому кувшину из рассмотренного выше Воронежского комплекса. Эти факты позволили автору датировать комплекс из Динского-4 могильника серединой — третьей четвертью IV в. Однако, по В.Ю. Малашеву, пряжка, плотно охватившая внешнюю сторону передней части рамки, датируется последней четвертью IV — началом V в. н.э. [Малашев, 2000. С. 204. Рис. 12. М: 2], то есть, комплекс выходит за верхнюю хронологическую границу нашей темы. Но об этом позднее.

Шестой комплекс не был введен в научный оборот. По записям в инвентарной книге Краснодарского историко-археологического музея-заповедника, эти вещи неизвестного происхождения (инв. книга Д 660). В коробке с вещами из этого комплекса сохранилась этикетка с текстом, который сообщает, что вещи происходят из разрушенного погребения, найденного в окрестностях ст. Дядьковской Кореновского района в 1976 г., и, что доставлены предметы в Краснодарский музей его сотрудницей Н.А. Корсаковой в 1976 г.[6], (рис. 8: 1–4; 9: 1–19).

---

[4] Описание инвентаря дано по Н.Ф. Шевченко.

[5] Такие клинки ряд исследователей относят к древковому оружию [Схатум, 2004. С. 40–47. Рис. 1 а, б; Масякин, 2010. С. 282, 283].

[6] Н.А. Корсакова сегодня не помнит деталей этого события.

Инвентарь разрушенного погребения состоял из следующих предметов. Котел с цельнометаллическим корпусом (рис. 8, 3), изготовлен выколоткой (стенки с внешней стороны покрыты частыми небольшими углублениями); корпус слегка расширяется вверх и имеет отогнутый наружу бортик с перпендикулярно поднимающимся верхним краем; место перехода тулова в придонную часть имеет ребро; дно вогнуто, имеются два фигурных железных атташа с остатками петель для дужки, прикрепленные к стенкам с помощью заклепок (рис. 8: 2), сохранность не полная, выломана часть тулова у венчика; высота — 25 см, диаметр по венчику — 42 см, дна — 12,5 см. Дужка от котла, 2 фрагмента стержня, один стержень подпрямоугольного сечения, прогнут и имеет загнутый конец, второй — сегментовидного сечения, частично расслоившийся (рис. 8: 1), размеры: 1) 8x0,8x0,8 см, 2) 4,05x0,8x0,4 см. Меч двулезвийный в 20 фрагментах, клинок расслоился, черешок и большая часть клинка не сохранились, сечение не установлено (рис. 8: 4), от 10x4x1,5 см до 2x0,5x0,2 см. Пряжка серебряная (рис. 9: 1) с четырехугольной тисненой рамкой в форме усеченной пирамиды, имеющей прямоугольное окно посередине, и два сквозных отверстия для крепления к ремню, в одном сохранилась заклепка; язычок подвижный подчетырехугольного сечения, с легким прогибом, хвостовик свернут в петлю для закрепления на рамке, для чего изготовлено небольшое отверстие близ тыльной стороны окошка; размеры: 2,15x1,7x1,2 см. Серебряная пряжка (рис. 9: 2) овальнорамчатая, рамка имеет грани; щиток прямоугольный, состоит из свернутой вдвое пластины, боковые края фасетированные, имеется одна заклепка; язычок фасетированный, охватывает заднюю часть рамки, его сечение прямоугольное и трапециевидное, хоботок заострен и загнут вниз, незначительно выступая вперед; размеры: рамка — 2x1,6x0,34 см; щиток — 1,9x1,3x0,25 см; язычок — 1,75x0,4x0,15 см. Бронзовая пряжка (рис. 9: 3) овальнорамчатая, бесщитковая, с подвижным язычком; рамка в передней части заметно утолщена; язычок хвостовиком (с прямоугольным сечением) охватывает заднюю часть рамки, в средней части прогнут (сечение круглое), хоботок заострен, слегка охватывает переднюю часть рамки, незначительно выступая вперед; размеры: рамка — 2x1,8x0,5 см; язычок — 2,1x0,5x0,3 см. Бронзовая пряжка (рис. 9: 16) круглорамчатая, с утолщенной передней частью рамки, задняя часть рамки — прямая, сечение рамки — круглое; изготовлено из литого дрота, язычок утрачен; размеры: 3,45x2,95x0,7 см. Бронзовое кольцо (рис. 9: 19) литое, овального сечения, имеется участок с более тонким диаметром (дефект литья или сработанная поверхность); размеры: диаметр кольца — 3,3 см; дрота — 0,7 см. Бронзовое кольцо (рис. 9: 18) из литого дрота, проковано, сечение квадратное со сглаженными углами; поверхность покрыта патиной; размеры: диаметр кольца — 3,3 см, дрота — 0,53x0,5 см. Бронзовое кольцо (рис. 9), свернутое из литого дрота внахлест, проковано, сечение прямоугольное со сглаженными углами; поверхность покрыта патиной; размеры: диаметр кольца — 3,05x0,315 см, дрота — 0,4x0,25 см. Серебряный наконечник ремня (рис. 9: 4), свернутый вдвое из металлической пластинки прямоугольной формы; в месте сгиба округло расширен; имеются два отверстия для заклепок у обреза (одна заклепка не сохранилась) и одно отверстие ближе к середине пластинки; часть задней пластинки утрачена; размеры: 3,9x1,8x0,7 см, толщина пластинки — 0,04 см. Серебряный наконечник ремня (рис. 9: 5), свернутый вдвое из металлической пластинки прямоугольной формы, верхний обрез закруглен; в месте сгиба округло расширен; имеются два отверстия для заклепок у обреза (одна заклепка не сохранилась) и одно ниже, заклепки с полусферическими шляпками, закрепленных на стержнях заклепок с помощью припоя; состоит из 3-х фрагментов, часть задней пластинки утрачена; размеры: 3x1,5x0,4 см; толщина пластинки — 0,04 см. Наконечник ремня (рис. 9: 6), свернутый вдвое из металлической пластинки прямоугольной формы, верхний обрез подтреугольный; в месте сгиба округло расширен; имеется отверстие для заклепки у обреза, заклепка с полусферической пластинчатой шляпкой, закрепленной на стержне заклепки с помощью припоя; верхняя часть задней пластинки утрачена; размеры: 3,5x0,9x0,35 см; толщина пластины — 0,04 см. Наконечники ремней, 5 фрагментов (рис. 9: 7–11), свернутые вдвое из серебряной пластинки прямоугольной формы, верхний обрез косо срезан, в отдельных случаях сохранились в месте сгиба валикообразные расширения и отверстия для заклепок у верхнего обреза, заклепки с небольшой шляпкой; размеры: от 2x1,2x0,3 см, при толщине пластинок — 0,04 см до 1,3 x1,3x2600,5 см при толщине пластинок — 0,04 см. Серебряные ременные накладки (8 экз.; рис. 9: 12–13) в форме усеченного конуса с отверстием в центре, с заклепкой, имеющей округлые шляпки и трапециевидную пластинку-шайбу для закрепления на ремне; размеры: диаметр — 1,35 см, высота — 0,4 см. Накладки (25 экз. 9 целых и 16 во фрагментах) из серебра, бронзы и металлического сплава (рис. 9: 14–15), со шляпками полусферической формы, посаженными на стержни, изготовленные из узкой пластинки свернутой вдвое, концы которой разведены в стороны; шляпки закреплены на стержнях с помощью припоя; размеры: шляпка — 1,1x0,6 см, высота — 1,1 см.

Дату комплекса определяют пряжки, круглые накладки и ременные наконечники. Небольшие пряжки с гранеными овальными рамками встречаются во второй половине III—IV вв., а фасетированные язычки без уступов сзади и фасетированные прямоугольные щитки более характерны для III в.; бронзовая бесщитковая пряжка с круглой рамкой, утолщенной в передней части и спрямленная сзади с прогнутым язычком тяготеет к середине III в.; ременные наконечники с валикообразными расширениями встречаются со второй половины III в. и позднее; усечено-конические накладки бытуют во второй половине III—раннем IV в. [Малашев 2000. С. 200–201, 209–210]. Тисненная серебряная пряжка прямоугольной в плане формы в виде усеченной пирамиды имеет аналогию в территориально близком могильнике Южная Озерейка под Новороссийском. Хотя южноозерейская находка второй половины III в. имеет круглую в плане форму, но она близка интересующей нас по технологии изготовления [Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 187. Табл. 72: 85]. Сводку находок таких круглых пряжек составил С. И. Безуглов, связав их с портупейными ремнями для подвешивания ножен мечей [Безуглов, 2000. С. 178]. Пополнил эту сводку В. Ю. Малашев, и подчеркнул, что язычки таких пряжек, не имеющие уступа у основания, датируются первой половиной III в., а имеющие уступ или выступ в указанном месте бытовали во второй половине III в. [Малашев, 2008. С. 52. Рис. 204: 4–11]. Близкие по технологии пряжки, но из квадратной пластины с рельефной прямоугольной рамкой, занимающей только часть листа происходят из погребения 1 грунтового могильника Куркли в горном Дагестане [Давудов, 1969. С. 17, 18. Рис. 18: 4, 5, 9]. Практически полные аналогии дядьковской пряжке встречены в катакомбе кургана 106 Бесланского могильника в Северной Осетии, раскопки

Ф. С. Дзуцева [Дзуцев, 1998. Табл. 53: 4] и в погребении 1 кургана 1 могильника Аксай IV в Волгоградской области, раскопки В. М. Клепикова [Клепиков, 2006. Рис. 22; 24: 4]. Оба эти комплекса не опубликованы.

Обращает на себя внимание различия в форме котлов из Дядьковского и Воронежского комплексов. Оба сосуда имеют тулово, состоящее из 2-х основных частей: расширяющуюся вверх придонную часть с вогнутым дном, которая через перегиб переходит в верхнюю часть тулова, но формы верхней части котла у двух сосудов отличаются деталями. Стенки верхней части дядьковского сосуда первоначально сходятся, после чего мягко начинаются расширяться к венчику. Котел как бы имеет перехват ближе к середине высоты, а нижняя половина сосуда выглядит биконической. Стенки воронежского сосуда продолжают расширяться после перегиба, но под другим углом. Биконичность нижней половины бронзовых котлов — характерная черта котлов первых веков н. э. италийского происхождения, типа «Debelt» [Raev, 1984. S. 216]. Воронежский котел относится к типу «Ровное», подобные сосуды во второй половине II и весь III в., по мнению Б. А. Раева, поступали в степи Северного Кавказа, Подонья и Приуралья из Закавказья [Raev, 1984. S. 217]. Позднее С. В. Демиденко в монографическом исследовании специально посвященному котлам, включая и кованые, отнес котлы, подобные дядьковскому, к типу II, но вариант с перегибом в верхней части тулова сосуда в классификации не учтен [Демиденко, 2008. С. 44, 45. Рис. 21]. Котлы, подобные воронежскому, имеют черты сосудов V типа (расширяющиеся стенки от прегиба к венчику) и VI типа (слегка отличные по конфигурации корпуса, но близкие по способу крепления дужки с помощью петли с атташем и наличием прута, охватывающего тулово под венчиком). Например, котел VI типа из кургана 2 могильника Аэродром I на Нижнем Дону (комплекс датирован авторами публикации концом III — началом IV в.) отличается приклепанным плоским дном, но это явные следы ремонта, изменившего облик сосуда [Белинский, Бойко, 1991. С. 87, 95. Рис. 25]. Оба котла, воронежский и из могильника Аэродром I, имеют следы длительного пользования и ремонта. По наблюдениям С. В. Демиденко котлы типа «Ровное» (по Б. А. Раеву) поступали не из Закавказья, как считал Б. А. Раев, а из Италии или римских провинций параллельно с типом «Debelt» [Демиденко, 2008. С. 46, 47].

Исходя из вышеизложенного, комплекс предметов из разрушенного погребения у станицы Дядьковской следует датировать второй половиной III в., ближе к середине века[7].

На основании материалов из 6-ти комплексов можно сделать **следующие наблюдения**:

1) Комплексы из Тимашевской, Воронежской и Дядьковской принадлежали элите общества, о чем свидетельствуют котлы в двух погребениях, золотые или серебряные предметы во всех трех. Это означает, что в Прикубанских степях во второй половине III — третьей четверти IV в. обитали какие-то группы степняков(?), вероятно, небольшие по численности. Они использовали для погребений курганы эпохи бронзы. Остальные 3 комплекса принадлежали рядовому населению, которое хоронило сородичей на старых могильниках меотских городищ. Во всех случаях, когда погребения были исследованы, костяки лежали на спине с вытянутыми конечностями черепами в северный и северо-восточный сектора (север, север-северо-восток, северо-восток). Интересно, что здесь нет катакомб, характерных для алан, а два сохранившихся погребальных сооружения представляли из себя подпрямоугольные ямы.

2) В комплексе кургана 6 из могильника Динское-4 выявлена интересная деталь погребального ритуала (дополнительная пустая яма с круглым углублением в полу), что говорит о связи кубанских степняков с донскими сородичами, где такая деталь погребального обряда известна в более ранних курганах [Шевченко, 2002. С. 58; Ильюков, 2000. С. 112–114]. Но привлечение этого комплекса важно для нас не только потому, что он устанавливает связь с соседним регионом и предшествующим временем, но и потому что это погребение показывает, что с наступлением эпохи гуннов на правом берегу Кубани продолжало проживать население предшествующего времени. Это позволяет привлечь к рассмотрению еще несколько погребений, надежно датирующихся уже началом гунского времени. Речь идет о 3-х погребениях из грунтового могильника Старокорсунского городища №2 [Лимберис, Марченко, 2009. С. 127–142. Рис. 1: 4–8; 2: 1–8; 3: 1–5][8]. Эти комплексы по деталям погребального обряда (небольшие погребальные ямы, положение на спине вытянуто, ориентировка север-серо-запад и северо-восток), и по скромному инвентарю примыкают к нашим комплексам рядового населения, хоронившего на заброшенных меотских некрополях. Таким образом, количество погребений, интересующего нас культурного облика увеличивается до 9 захоронений. Судя по находкам на территории Старокорсунского городища №2 пряжек конца III — начала IV в. (рис. 5: 14, 16), здесь могут присутствовать и более ранние погребения.

3) Воронежское и старокорсунское погребения содержали сосуды условно центральнокавказского происхождения, связанные с ранней аланской культурой [Абрамова. 1997. С. 108–110, 112–115. Рис. 67: 2, 3, 7, 9; 68: 1, 7, 8, 10, 17, 21, 22; 69: 1–3, 7, 14, 15]. Кувшинчики со стилизованными зооморфными ручками, которые крепились к тулову не прилепом, а через отверстие в стенке с помощью штыря, встречены на Нижней Кубани, кроме воронежского и старокорсунского комплексов, еще в 3-х пунктах как случайные находки. Они хранятся в фондах Краснодарского музея-заповедника. Первый сосуд (ПМ 2512/50), с клеймом на дне в виде врезного креста (рис. 5: 15), был найден в кургане ст. Новотитаровской и в 1912 г. поступил в Краснодарский музей; размеры: высота — 16,1 см, диаметр тулова — 13 см, горла — 8 см, дна — 6,5 см. Второй сосуд (ПМ 2512/317; рис. 5: 17) был поднят на могильнике рядом с городищем КРЭС на территории г. Краснодара в 1950-х гг. прошлого века; размеры: высота — 13,8 см, диаметр тулова — 15,3 см, горла — 9,7 см, дна — 7,6 см. Третий кувшинчик (ПМ 2512/97; рис. 5: 18) происходит с территории с. Николаевского (ныне с. Красногвардейское Красногвардейского района) в Закубанье; размеры: высота — 17,8 см, диаметр тулова — 16 см, горла — 8,8 см, дна — 8,6 см. Имеются еще несколько находок на территории Краснодарского края сосудов тех же пропорций с сильно стилизованными под кабана ручками. Они уже упоминались в научной литературе: сосуд из 7-го Ладожского городища; кувшинчик, най-

[7] Приношу благодарность Владимиру Юрьевичу Малашеву за консультацию по вопросу хронологии комплекса из ст. Дядьковская.

[8] Четвертое захоронение 194в из этой публикации не входит в эту группу погребений, поскольку имеет широтную ориентировку и может датироваться периодом от III в. до первой половины VII в. включительно.

денный на р. Уруп [Ловпаче, 1981. С. 93. Табл. 11: 14; 1984. Табл. 9, 3].

Раннеаланская керамика со стилизованными зооморфными ручками являлась, скорее всего, культовой и не может рассматриваться как обычный импорт. Заимствование иноэтничных культовых сосудов вероятно тогда, когда этнос, заимствующий культовые элементы, высоко оценивает культуру соседа с точки зрения ее престижности. Такая ситуация возможна при политическом и культурном доминировании определенного этноса, в данном случае ранних алан Центрального Предкавказья. Среди подъемного материала на памятниках Правобережья Кубани рассматриваемого периода присутствуют и другие керамические сосуды центральнокавказского происхождения, например: миски с загнутым внутрь бортиком, отличающиеся массивностью, часто с клеймами на донцах [Каминский, Кондрашов, 1988. С. 60. Рис. 2: 1, 9][9]; кувшинчики с характерным способом крепления рукояти с помощью штыря и отверстия в стенке сосуда [Гугуев, 1993. С. 114–115, 117; Каменецкий, 2006. С. 194. Рис. 6: 34]; полые цилиндрические стаканообразные подставки, как публикуемый здесь фрагмент (рис. 6: 13), его размеры: 7,7x6,6x3,5 см, толщина стенки от 1,1 до 1,5 см [Ловпаче, 1981. С. 93. Табл. 9, 12; Каменецкий, 2006. С. 194. Рис. 6: 46, 47][10].

Эти факты свидетельствуют о присутствии аланской культуры на правом берегу Нижней Кубани в середине III — IV в., но отсутствие катакомбных сооружений, характерных для этого народа, свидетельствует о том, что собственно аланы не были значительной частью населения степного Прикубанья, в отличие от алан Нижнего Подонья, где известно большое количество погребений в катакомбах с аланской керамикой [Безуглов, 2008. С. 284–301]. Скорее всего, здесь постоянно проживали племена родственные донским сарматам, находящиеся под аланским покровительством и их сильным культурным влиянием. В тоже время становится очевидным, что северокавказские аланы, если не стали причиной исчезновения меотов на Правобережье Кубани в позднесарматский период, то воспользовались изменением этнополитической сутуации, поставив под контроль указанную территорию, а возможно, и другие районы Прикубанья и Закубанья в рассматриваемый период.

Литература

Абрамова М. П. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н. э. М., 1997.

Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. № 1. Симферополь, 1990. С. 4–86.

Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. Сер. САИ. Вып. Г1–12. М. 1978.

Амброз А. К. Хронология древностей Северного Кавказа. М., 1989.

Анфимов Н. В. Курганы рассказывают... Краснодар, 1972.

Анфимов Н. В. Племена Прикубанья в сарматское время // СА. 1958. Т. XXVIII. С. 62–71.

Анфимов Н. В. Позднесарматское погребение из Прикубанья // Археология и история Боспора. Том 1. Симферополь: Крымиздат, 1952. С. 5–18.

Анфимов И. Н. Меотский могильник I–II вв. н. э. близ станицы Елизаветинской // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1984. С. 83–111.

Анфимов И. Н., Пьянков А. В., Тарабанов В. А. О погребениях позднесарматского времени на могильниках меотских городищ правого берега р. Кубань // Фелицынские чтения (X). Материалы межрегиональной научной конференции (г. Краснодар, 8–9 октября 2008 г.). Краснодар, 2008. С. 8–13.

Апакидзе А. М., Гобеджишвили Г. Ф., Каланадзе А. Н., Ломтатидзе Г. А. Археологические памятники Армазисхеви по раскопкам 1937–1946 гг. // Мцхета: Итоги археологических исследований. Т. I. Тбилиси, 1958. С. 74–112.

Арсеньева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. М., 2001.

Атавин А. Г. Погребения VII — начала VIII в. из Восточного Приазовья // Древности Юга России. М., 2008. С. 28–71.

Ашик А. Б. Боспорское царство. Т. III. Одесса, 1849.

Байбик В. Д., Виноградов В.Б., Гантимурова Т.М., Магомадов И.Д. Заметки о древней культовой керамике из памятников археологии Чечено-Ингушетии // Археолого-этнографический сборник. Т. III. Грозный, 1969. С. 80–94.

Безуглов С. И. Курганные катакомбные погребения позднеримской эпохи в Нижнедонских степях // Проблемы современной археологии: (сборник памяти Владимира Александровича Башилова) / Отв. ред. М. Г. Мошкова. Сер. Материалы и исследования по археологии России. № 10. М. 2008. С. 284–301.

Безуглов С. И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону. Сер. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. Ростов-на-Дону. 2000. С. 169–193.

Безуглов С., Захаров А. Могильник Журавка и финал позднесарматской эпохи в правобережном Подонье // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 5. Ростов-на-Дону, 1988. С. 5–28.

Белинский И. В, Бойко А. Л. Тайник позднесарматского времени кургана 2 могильника «Аэродром-I» // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1990 г. Вып. 10. Азов, 1991. С. 85–96. 8 табл.

ВДИ 1948 — И. К. Хроника научной жизни. Научная сессия по археологии Закавказья // ВДИ. 1948. № 3. С. 169–181.

Габуев Т. А., Малашев В.Ю.. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. Сер. Материалы и исследования по археологии России. Вып. 11. М. 2009.

Гавритухин И. О., Пьянков А. В. Могильники III–IV веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века. Сер. Археология. М., 2003. С. 187–193.

[9] Керамические комплексы, опубликованные авторами, по их мнению, являлись раннесредневековыми святилищами VIII–IX вв., а стаканообразные сосуды с отверстиями в донцах служили курильницами [Каминский, Кондрашов, 1988. С. 57–61], как считали и другие исследователи (например, Байбик и др., 1969. С. 88–89).

[10] Назначение и хронология стаканообразных подставок спорны, но они регулярно встречаются на Северном Кавказе среди материалов позднесарматского времени и, вероятно, использовались в керамическом производстве [Байбик и др., 1969. С. 86–92. Рис. 1: *7*; 2].

Гугуев Ю. К. Центральнокавказская керамика в Танаисе во II — первой половине III в. н. э. (к постановке проблемы) // Вестник Танаиса. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 1993. С. 114–139.

Гущина И. И., Засецкая И. П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994.

Давудов О. М. Отчет о работе Горного археологического отряда в 1969 г. // Архив ИА РАН. № 3936.

Дзуцев Ф. С. Отчет о раскопках Бесланского курганного катакомбного могильника в Правобережном районе РСО-А в 1997 г. // Архив ИА РАН. № 21932.

Демиденко С. В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н. э. – III в. н. э.). М. 2008.

Дмитриев А. В. Могильник Дюрсо — эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века. Сер. Археология. М., 2003. С. 200–206.

Древние сокровища…, 2005 — Древние сокровища Юго-Западного Крыма. Каталог выставки / Науч. ред. Ю. П. Зайцев. Симферополь, 2005.

Засецкая И. П. Материалы Боспорского Некрополя второй половины IV — первой половины V вв. н. э. // МАИЭТ. Вып. III. 1993. С. 23–105. 64 табл.

Ильюков Л. С. Позднесарматские курганы левобережья реки Сал // Сарматы и их соседи на Дону. Сер. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2000. С. 100–140.

Казанский М. М. Могилы алано-сарматских вождей IV в. в Понтийских степях // МАИЭТ. Вып. IV. 1994. С. 238–256.

Калашник Ю. П. Два ожерелья из Херсонеса (об эллинистических традициях в римском ювелирном искусстве) // Эллинистические штудии в Эрмитаже. Сборник статей. СПБ., 2004. С. 97–109.

Каменецкий И. С. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н. э – III в. н. э. // Степи в Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Сер. Археология СССР. М. 1989. С. 224–251.

Каменецкий И. С. Тбилисское X городище // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 6. Краснодар, 2006. С. 192–204.

Каминский В. Н., Кондрашов А. В. Находки аланских курильниц на Средней Кубани // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 57–64.

Клепиков В. М. Отчет о проведении археологических исследований курганных могильников Аксай IV и Аксай V в зоне строительства газопровода на территории Октябрьского района Волгоградской области в 2006 г. Волгоград, 2007. // Архив ИА РАН. Без номера.

Ковалевская В. Б. Хронология восточно-европейских древностей V–IX веков. Вып. 1. Каменные бусы Кавказа и Крыма. М., 1998.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Раннесредневековые погребения из могильника Старокорсунского городища № 2 // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем: сборник научных статей / Науч. ред. А. Г. Фурасьева. СПб. 2009. С. 127–142.

Ловпаче Н. Г. Эволюция форм и художественных средств в меотской керамике // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1981а. С. 80–113.

Ловпаче Н. Г. Погребальный обряд средневековых адыгов V–IX веков и место керамики в сопровождающем инвентаре // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1981б. С. 128–156.

Максименко В. Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // Донские древности. Вып. 6. Азов, 1998.

Максимова М. И. Артюховский курган. Л., 1979.

Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Сер. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2000. С. 194–232.

Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время (по материалам могильника Покровка 10). М. 2008.

Мастыкова А. В. О распространении янтарных грибовидных бус-подвесок позднеримского времени на юге Восточной Европы и в Закавказье // Сто лет черняховской культуре. Сборник научных статей. Киев, 1999. С. 171–202.

Масякин В. В. Склеп позднеримского времени у с. Заречное в Центральном Крыму // Древняя и средневековая Таврика. Сер. Археологический альманах. № 22. Донецк. 2010. С. 278–283.

Мордвинцева В. И. Полихромный звериный стиль. Симферополь, 2003.

Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Древнее золото Поволжья из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Симферополь, 2006.

Немсадзе Г. Н. Погребения иберийской знати из Згудери // КСИА. № 151. М. 1977. С. 108–114.

ОАК за 1894. СПб., 1896.

Пьянков А. В. Воронежский комплекс 1948 г.: вопросы хронологии и атрибуции // Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Владикавказ. 21–25 апреля 2008 года. Владикавказ, 2008. С. 299–301.

Рамишвили Р. М. Новые открытия на новостройках Арагвского ущелья // КСИА. № 151. М. 1977. С. 114–122.

Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925.

Савовський І. П. Нові сарматські поховання на Запоріжжі // Археологія. № 23. Київ, 1977. С. 61–70.

Схатум Р. Б. О назначении вырезов у рукояти на кинжалах V–VII вв. // Магистериум. Сборник научных трудов аспирантов и студентов кафедры истории и музееведения. Вып. 2. Краснодар, 2004. С. 40–47.

Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Вып. II. Древности скифо-сарматские. СПб., 1889.

Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Вып. III. Древности времен переселения народов. СПб., 1890.

Труды …, 2002 — Труды Новочеркасской экспедиции. Вып. 6. Ростов, 2002.

Уильямс Д., Огден Дж. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи. V–IV века до н. э. Каталог выставки. СПб. 1995.

Храпунов И. Н. Погребение детей в могильнике Нейзац // МАИЭТ. № XII. Ч. 1. 2006. С. 161–250.

Шедевры…, 1987 — Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки. М., 1987.

Шевченко Н. Ф. Новые данные о сарматах Прикубанья I–IV вв. н. э. // Историко-археологический альманах. Вып. 8. Армавир; М., 2002. С. 57–60.

Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. Вып. 156. М., 1978. С. 16–21.

Щукин М. Б. Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор // СА. 1968. № 2. С. 41–51.

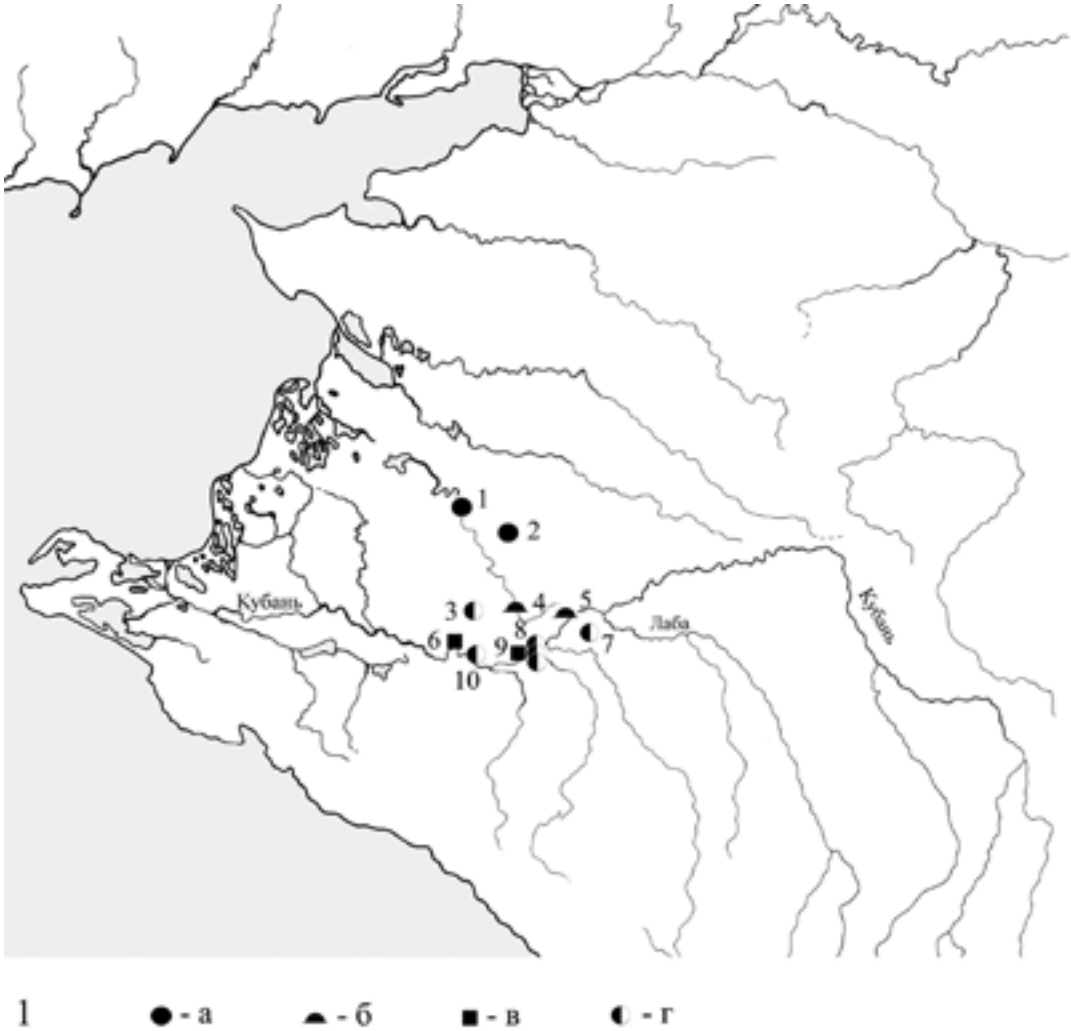
Damm I. G. Goldschmiedearbeiten der Völkerwanderrungszeit aus dem nördlichen Schwarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2 // Kölner Jahrbuch für vor-frühgeschichte. Ba. 21. Berlin, 1988. S. 65–210.

Marcenko I. I., Limberis N. Ju. Romische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmalern des Kubangebietes // Romische Importe in sarmatischen und maiotischen Grabern zwischen Unterer Donau und Kuban. Mainz, 2008. S. 265–323. 222 Tafeln.

Posta B. Archeologische Studien auf russischen Boden. Bd.4, zweier Teil. Budapest; Leipzig, 1905.

Simonenko A. V. Romische Importe in sarmatischen Denkmalern des njrdlichen Schwarzmeergebietes // Romische Importe in sarmatischen und maiotischen Grabern zwischen Unterer Donau und Kuban. Mainz, 2008. S. 1–46. 168 Tafeln.

Szentpéteri J. Kígyómotívum a griffes-indás népesség hagyatékában // A Herman Ottó Múzeum évkönyve. XXX–XXXI/2. Miskolc, 1993. S. 225–272.



1 — Тимашевский комплекс, *2* — Дядьковский комплекс, *3* — ст. Новотитаровская, *4* — могильник Динской-4, *5* — Воронежский комплекс, *6* — Елизаветинское городище №2, *7* — с. Николаевское (ныне с. Красногвардейское), *8, 9* — Старокорсунское городище №2 и №3, *10* — городища КРЭС (г. Краснодар)

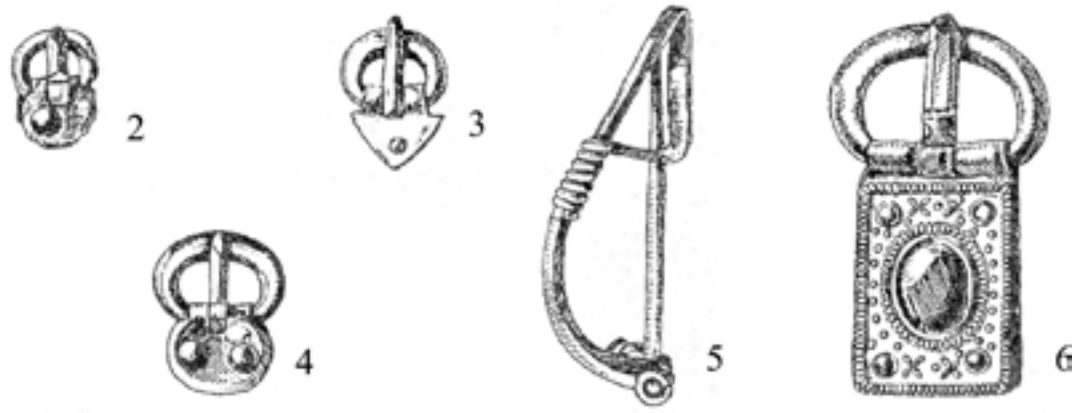


Рис. 1. Памятники и находки второй половины III — третьей четверти IV вв.

1 — карта памятников (*а–в* — погребения, в т.ч. *а* — разрушенные, *б* — курганные, *в* — на грунтовых могильниках; *г* — случайные находки);

2–6 — Тимашевский комплекс 1894 г. *2–4, 6* — пряжки, *5* — фибула, серебро, *6* — серебро с сердоликом. Без масштаба

1

2

Рис. 2. Воронежский комплекс 1948 г. Фото расчищенных погребений.
1 — вид с юго-востока; *2* — деталь

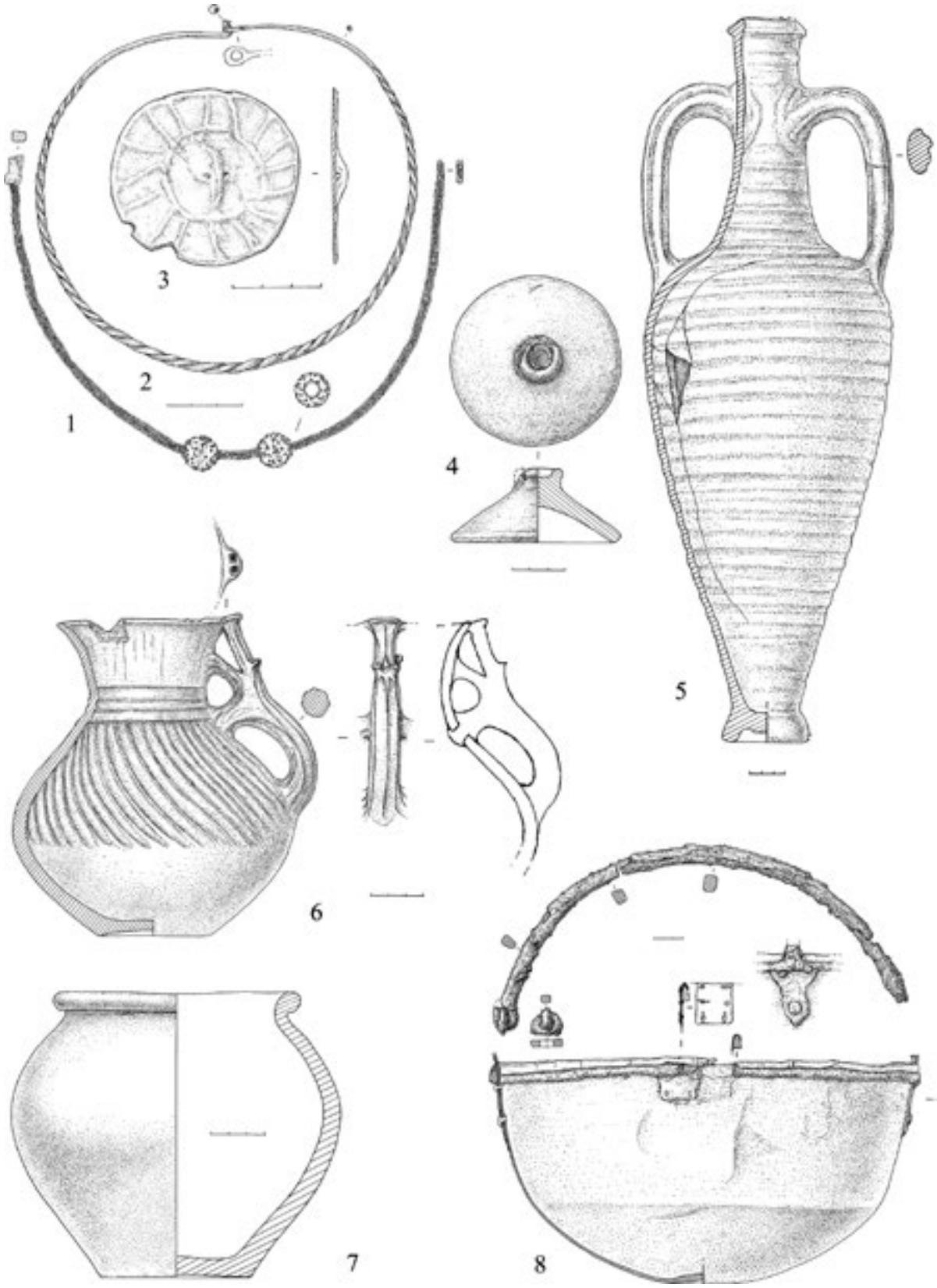


Рис. 3. Воронежский комплекс 1948 г.

1 — цепь с бусинами, *2* — гривна тордированная, *3* — зеркало, *4* — амфора, *5* — горшок, *6* — крышка, *7* — кувшин, *8* — котел.

1 — золото, свинец, *2* — золото, *3* — белый сплав, *4–7* — керамика, *8* — бронза, железо

Рис. 4. Воронежский комплекс 1948 г.

1 — фрагмент фибулы, *2, 3* — галька, *4* — крюк очажный, *5* — кувшин со стилизованной ручкой, *6, 7* — стержни очажные, *8* — кувшин краснолаковый, *9* — топор, *10* — фрагмент ножа, *11* — кувшин с черным лощением, *12* — миска, *13* — прясло.

1 — бронза, *2, 3* — камень, *4, 6, 7, 9, 10* — железо, *5, 8, 11–13* — керамика

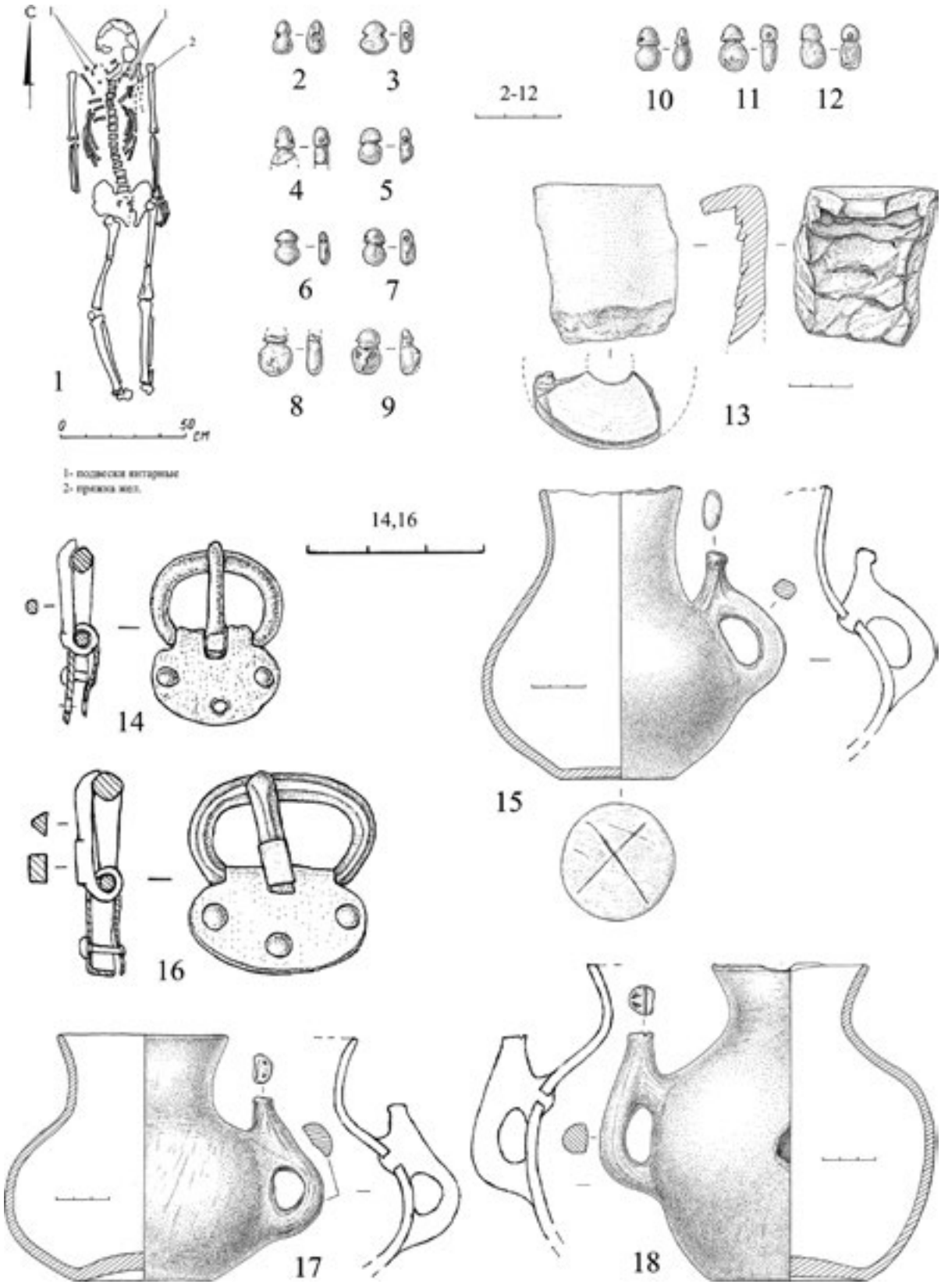


Рис. 5. Комплекс и случайные находки предметов второй половины III—IV в. из Нижнего Прикубанья.

1–12 — план погребения 51 1978 г. могильника Елизаветинского городища №2 и грибовидные подвески из него; *13, 14, 16* — Старокорсунское городище №2 (13 — фрагмент «курильницы» стаканообразной, *14, 16* — пряжки); *15, 17, 18* — кувшины со стилизованными зооморфными ручками (*15* — ст. Новотитаровская (1912 г.), *17* — городище КРЭС (г. Краснодар, 1950-е гг.), *18* — с. Николаевское (1959 г.)).

2–12 — янтарь, *13, 15, 17, 18* — керамика, *14* — бронза, *16* — серебро

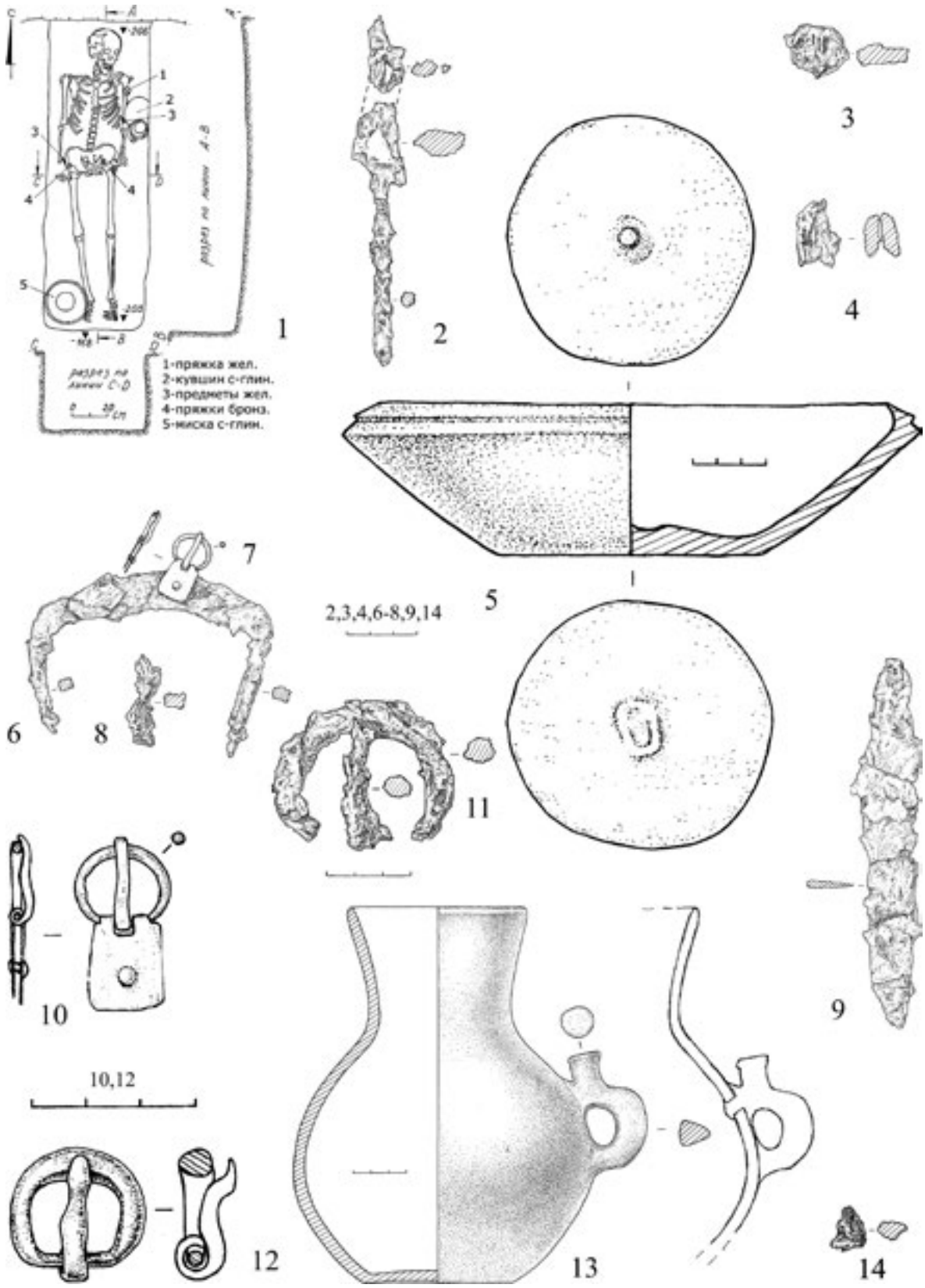


Рис. 6. Погребение 58 1987 г. из могильника Старокорсунского городища № 3.

1 — план, *2–4, 8, 14* — фрагменты предмета неясного назначения, *5* — миска, *6, 7* — скоба с прикипевшей пряжкой (*10* — она же, увеличена), *9* — нож, *11, 12* — пряжки, *13* — кувшин сероглиняный.

2–4, 6, 8, 9, 11, 14 — железо, *5, 13* — керамика, *7 (10), 12* — бронза

Рис. 7. Погребение 2 2000 г. кургана 6 могильника Динской-4.

1 — план, *2, 3* — пряжки, *4* — меч, *5* — «подвеска на рукоять меча», *6* — фрагмент пластинки с гвоздиком, *7* — нож, *8* — навершие рукояти меча, *9* — фрагмент рукояти меча с гвоздем, *10* — кувшин краснолаковый.

2, 3 — бронза, *4, 7* — железо, 5 — кость, *8, 9* — бронза, дерево, железо, *10* — керамика

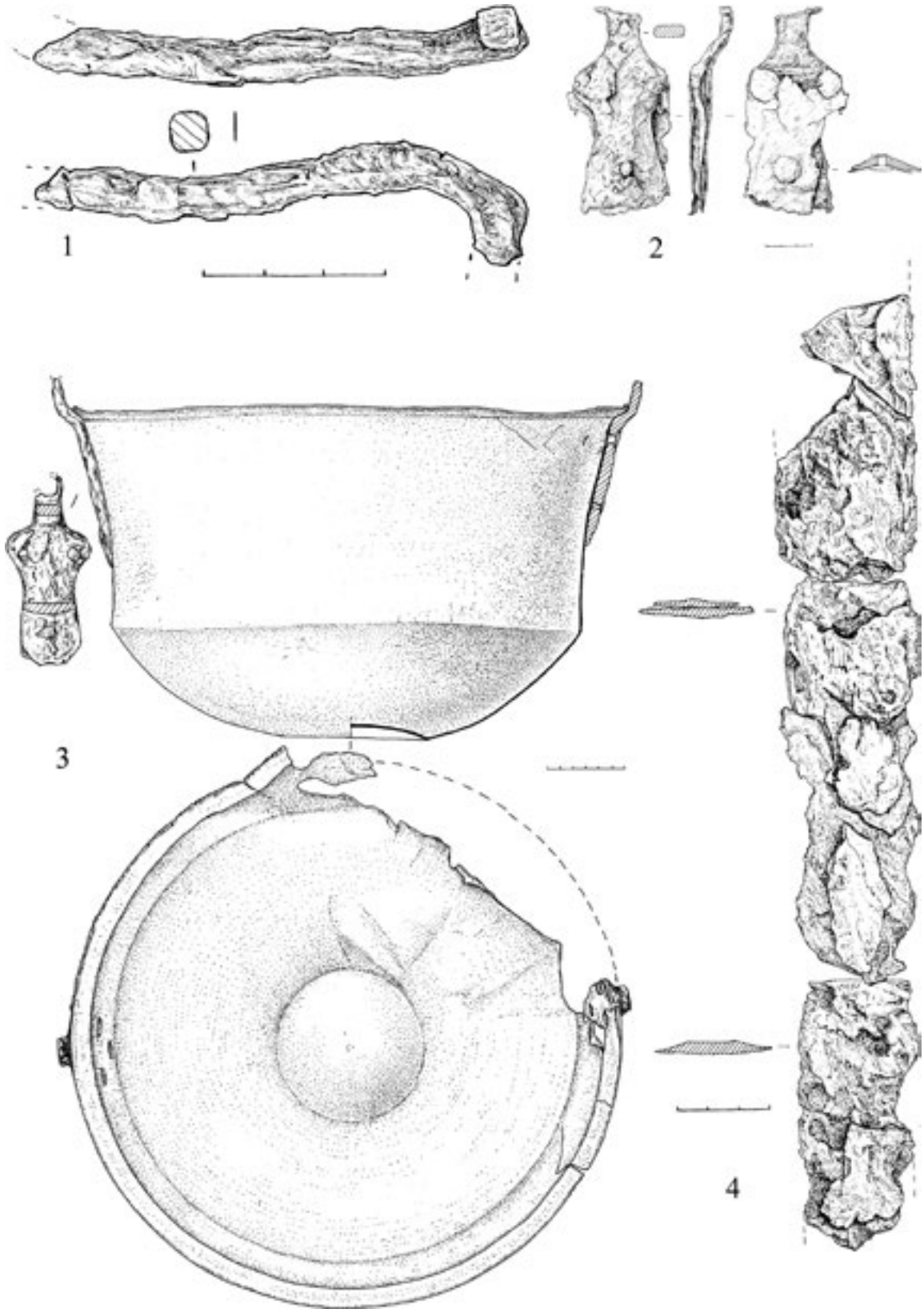


Рис. 8. Дядьковский комплекс 1976 г.

1 — фрагмент дужки котла (?), *2* — петля фигурная (атташ) с фрагментом стенки котла, *3* — котел, *4* — фрагменты клинка меча.

1, 4 — железо, *2, 3* — бронза, железо

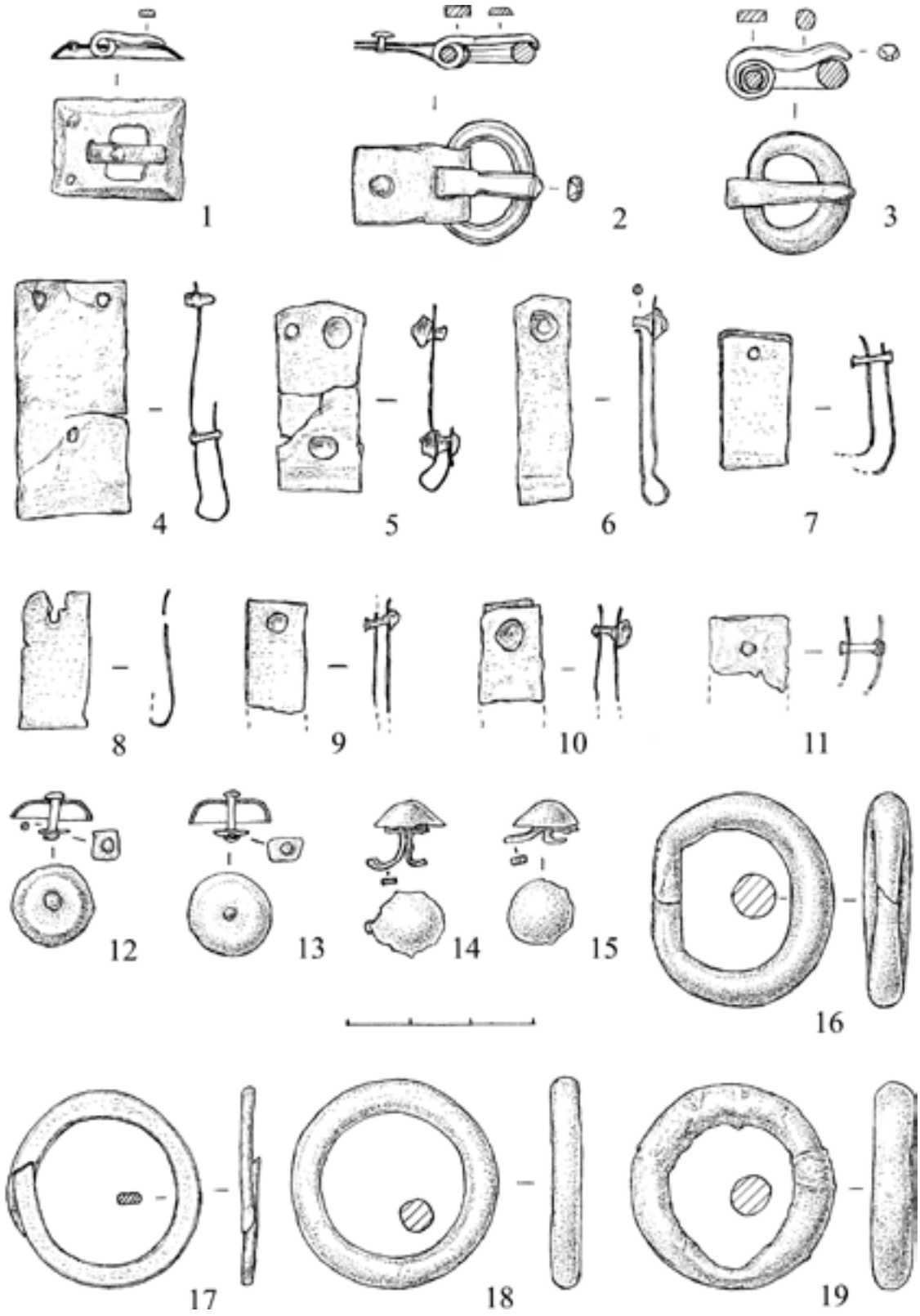


Рис. 9. Дядьковский комплекс 1976 г.

1 — пряжки, *4–11* — наконечники ременные, *12–15* — накладки ременные, *16* — рамка пряжки, *17–19* — кольца.

1, 2, 4–13 — серебро, *14, 15* — серебро, бронза, металлический припой, *3, 16–19* — бронза

Д. Янкович

БОЛЬШОЙ КЛАД ИЗ ЖИДОВАРА НА СРЕДНЕМ ДУНАЕ

На самом юго-востоке Панонской низменности, где Дунай входит в Железные ворота, находится Жидовар. Это возвышение расположено немного обособленно в узкой лесной долине реки Караш около села Орешца. Оно образовалось в далеком прошлом в результате эрозии. Когда Караш прокладывал свое русло, возник островок; после того как Караш, далее размывая землю, углубил свое русло, островок превратился в мыс, связанный с правой стороной долины Караша косой, расположенной метров на 30 ниже (рис. 1: А). Место это называется Жидовар — «еврейский городок». Впервые это название (Gidobar) упоминается на карте, составленной после австро-турецкой войны 1716–1717 гг.

Жидовар — место археологических раскопок памятника со слоями от бронзового века до периода римского завоевания Дакии[1]. В 1948 г. раскопки начал Б. Гавела [Gavela, 1952], а вскоре после этого начались дебаты о том, кельтскиий это памятник или дакийский. С 1996 г. раскопки продолжил Д. Срейович, за ним М. Евтич с М. Лазичем и М. Сладич; исследования стали носить систематический характер, к ранее вскрытым участкам был прирезан новый раскоп шириной 15 м, который пересекает памятник на протяжении около 80 м (рис. 1: Б).

Во время раскопок в 2001 г. был обнаружен клад, датированый около рубежа эр, включавший преимущественно серебряные предметы [Јевтић, Лазић, Сладић, 2006]. Общий вес серебра составляет более 2 кг. Выразительная часть находок — части одежды: 8 фибул типа Ярак, две цепочки, 20 звеньев от цепей и более 100 подвесок (рис. 2: 4–18; 7). Во вторую группу входят 4 серебряных кольца, многочисленные бусы из янтаря и серебра, 2 подвески из медвежьих зубов, которые также могли быть частью убора (рис. 2: 1–3, 24–26). В третью группу — предметы обихода: 2 железные бритвы в серебряных ножнах, серебряное зеркало и 3 круглые серебряные шкатулки (рис. 2: 19, 22, 23, 27, 28; 10: А). В одной шкатулке, отмеченной крестиком, были обнаружены два бронзовых перстня (рис. 2: 20, 21; 10: А).

Во время более ранних раскопок была найдена пара фибул («маленький» клад) того же типа, что в «большом» кладе (рис. 3: 1). В ходе дальнейших работ — схожие с экземплярами из клада подвески и бусы. В Ковине, находящемся приблизительно в 35 км от Жидовара, в горшке был наден клад [Рашајски, 1961], включающий пару фибул типа Ярак, 2 пары браслетов, 5 колец, 6 полых подвесок, 6 полых бусин, 4 трубочки, коническую подвеску, ножны бритвы с подвесками (рис. 3: 2–14); все предметы серебряные, кроме одной пары бронзовых браслетов.

Жидоварский клад исследователи отнесли к середине I в. до н.э. и приписали якобы кельтскому племени скордисков, пытаясь соотнести его со сведениями, известными из письменных источников. Предполагалось, что кельты, разбитые римлянами в 85 и 84 гг. до н.э., отступив на левый берег Дуная, возвели оппид Жидовар, затем в Жидоваре поселились даки и удерживали его примерно до середины I в. н.э. Жизнь последнего (весьма скромного) поселения здесь замерла во время римского завоевания Дакии. Однако большинство металлических предметов, найденных на памятнике, включая те, что похожи на христианские, не соответствуют подобной датировке и интерпретации. Анализ комплекса, где был найден клад, и самого клада приводит к выводу, что они датируются на сто лет позднее, а связанный с ними памятник следует соотнести с иллирийцам. Этому и посвящена данная работа.

Исследователи Жидовара выделили три слоя раннего железного века [Лазић, 2006. С. 20–22]. Первый (нижний)[2] слой этого периода был зафиксирован на глубине 0,8–1,1 м и состоял преимущественно из бурого лесса, перекрывая более ранние слои, которые для целей данной работы не важны. Не удалось четко зафиксировать никаких объектов, отмечены лишь куски самана, обожженной глины, пятна золы и пепла. В этом слое преобладает столовая ремесленная керамика; кухонные горшки, подражая изделиям латенского ремесла, украшены гребенчатым орнаментом или изготовлены в местной традиции [Sladić, 1986; Сладић, 1997]. Аналогичная посуда позднего латенского периода известна по раскопкам ряда памятников Сербского Подунавья и Потисья, таких как Гомолава [Jovanović, Jovanović, 1988], Чуруг [Трифуновић, Пашић, 2003. Сл. 4–6]. Информация о металлических предметах, найденных в этом слое, не опубликована, кроме одной фибулы (рис. 6: 1).

Исследователи связали этот слой со скордисками, бежавшими от римлян в 85–84 гг. до н.э., которые проживали здесь до тех пор, пока спустя приблизительно два десятилетия их не покорили даки [Сладић, 1997. С. 60–61; Лазић, 2006. С. 27–28]. С этими событиями был связан и клад. Однако керамика из рассматриваемого слоя существенно не отличается от той, что найдена в слое выше. Поэтому возникает вопрос, можно ли в данном случае говорить о насильственной смене населения и культуры, или этот и вышележащий слои принадлежат одной и той же культуре? Складывается впечатление, что

[1] Кроме того, в соседней деревне Ясеново в коллекции имеется римская монета I в. н.э., чеканенная в Иудее.
[2] Обозначение слоев в разных публикациях отличаются друг от друга.

в данном случае речь идет о нивелирующем слое земли, перекрытом во время строительства новых больших объектов следующего слоя.

Второй слой раннего железного века залегает на глубине от 0,5 до 0,8 м. Он также состоит из лесса, но светлого. Нижний предел этого слоя определен полами зданий, построенных на первом слое, верхний — третьим слоем (см. ниже). Упомянутые здания имели необычные для того времени большие по площади полы со стороной более 10 м. Еще во время раскопок в 1977 г. был обнаружен глинистый пол здания, длина одной стороны которого достигала приблизительно 12 метров; стены здания сделаны из самана, окрашенного в белый цвет; в центре на возвышении находилось необычно большое огнище — диаметром около 2 м [Сладић, 1991. С. 139. Рис. 3; Сладић, 1997. С. 63]. На полах некоторых помещений (рис. 4) были зафиксированы глиняные печи и множество битой кухонной посуды. Два помещения разделены узкой (ширина менее 1 м) полосой из камня, которая была определена как улица, хотя больше похожа на остаток фундамента стены, может быть стилобата. Упомянутые объекты пострадали внезапно — сгоревший саман свидетельствует о пожаре, охватившем деревянные части здания. Столовая керамика из этого слоя характерна для находок, приписываемых кельтам, тогда как кухонная керамика — лепная и ее приписывают дакам. При этом отмечается, что керамический комплекс типологически связан с тем, что представлен в предыдущем слое, и указывает на развитие традиции, а не на смену культур [Сладић, 1997. С. 58–59]. Разбитая посуда, найденная на полу, надежно документирована, но точные данные о металлических предметах в публикации отсутствуют [Лазић, 2006], хотя раньше этому слою приписывали многочисленные находки украшений, поврежденного оружия и военного снаряжения [Сладић, 1997]. Этот слой исследователи отнесли к середине I в. до н.э. — времени краткосрочной власти даков, достигших могущества при их царе Буребисте. Якобы из-за смерти Буребисты (предположительно, в 44 г. до н.э.) даки внезапно покинули Жидовар, который сгорел и остался на некоторое время незаселенным [Лазић, 2006. С. 27–28].

Третий (самый поздний) слой находится на глубине до 0,5 м от поверхности земли. Он также состоит из лесса, но сероватого цвета. К этому слою отнесены некоторые огнища и скромные остатки поселения, датированного концом I в. н.э. [Лазић, 2006. С. 23, 27–28]. Найдена керамика раннего и позднего железного века. Ремесленная посуда — серая и лощеная, имеется и с росписью; кухонная — лепная. За исключением нескольких фрагментов terra sigillata, римской керамики найдено не было. Не найдено ни одной римской монеты. Других датируюших вещей, связываемых с этим слоем, в публикациях нет. Все это резко контрастирует с наблюдениями о других памятниках римской эпохи начиная с I в. н.э., где найдены многочисленные вещи, в том числе сосуды и детали мебели из бронзы (о них мы еще поговорим) [Јовановић, 1997. С. 77]. Серый цвет слоя (более темный, чем у слоя, расположенного ниже) указывает на наличие золы и сажи, то есть свидетельства пожара. Складывается впечатление, что в данном случае речь идет о верхней границе предыдущего слоя. Отмечу, что в ряде публикаций памятника М. Сладич и М. Евтич последние два слоя не разделяются [Sladić, 1986. С. 33; Сладић, 1997. С. 56; Jevtić, Sladić, 1999. С. 96–97].

Из обзора видно, что реконструируемая стратиграфия и другие аспекты изучения памятника являются спорными, не говоря уже о предлагавшихся на основе этого интерпретациях. Причем интерпретация в ряде случаев стала основой для атрибуций, а не наоборот.

Первый вопрос — о количестве слоев. Следует обратить внимание, из чего образовался слой над полом с разбитой посудой (опубликованы как слои 2 и 3) толщиной около 0,8 м, иными словами — откуда здесь возник лесс? Его не нанесло ветром. Он является результатом человеческой деятельности. Следует обратить внимание на то, что на раскопе найдено только несколько ям для деревянных столбов. То есть дома (их полы зафиксированы только в основании слоя 2) должны были иметь стены, при возведении которых использовали лесс. Это мог быть саманный кирпич или блоки из плотной земли, обложенные саманом. Может быть, существовали крыша и потолок, покрытые лессом. Расчет показывает, что при строительстве условного здания площадью 10x5 м, со стенами высотой 3 м и толщиной около 0,5 м, сделанными из древесины, плетня и самана, должно быть использовано около 40 м^3 лесса. Это как раз и дает на той же поверхности слой толщиной около 0,8 м. К этому следует добавить крышу и потолок. Если стены были тоньше или ниже, то слой был бы тоньше. Внизу (так называемый слой 2) слой, отложившийся после разрушения здания, остался светлым, поскольку лесс, использованный для строительства стен, не перемешался с обожженным деревом, которое из-за отсутствия кислорода не могло гореть. Вверху (так называемый слой 3) слой разрушения приобрел более темный оттенок за счет включения остатков горения. Изменению цвета могли способствовать также жизнедеятельность растений и животных, перекопы и т.д. в последующее время.

Опубликованные металлические находки из рассмотренных слоев представлены оружием, предметами военного снаряжения, украшениями, кухонной утварью и другими группами [Сладић, 1997. Сл. 40–43, 51–54; Јовановић, 1997. Сл. 55–62; Jevtić, 2007. С. 14. Сл. 8–12]. Их датировали от конца I в. до н.э. до конца I в. н.э. [Сладић, 1997], а некоторые и началом II в. н.э. [Јовановић, 1997]. К сожалению, стратиграфическая позиция этих находок по публикации не ясна.

Среди опубликованных предметов, изготовленных из железа, обращают на себя внимание ручка и части ножен меча (или мечей), не менее двух наконечников стрел, две шпоры разных типов, другие предметы, связанные с военным делом (рис. 5: 6–14). Такое количество находок этой группы свидетельствуют о том, что Жидовар был местом военных действий, очевидно связанных с его завоеванием.

Среди жидоварских фибул А. Йованович выделил более часто встречающиеся экземпляры местного производства и предметы, ввезенные с территории Римской империи [Јовановић, 1997. С. 73–76]. Среди первых — одночленные фибулы с расширенной дужкой и отверстиями на иглоприемнике (рис. 6: 2–3, 5), известные на землях Норика, Паннонии и Дакии[3]. К изделиям иностранного производства А. Йованович причислил как минимум три экземпляра фибул в «форме ложки» (как на рис. 6: 9), хотя такие же нередко встречаются на дакийских поселениях. Среди фибул, атипичных для областей, которые приписывают дакам, названы сильно

[3] Там, где не оговорено специально, имеются в виду исторические области, которые не сводятся только к административным границам одноименных римских провинций.

профилированная фибула, атрибутированная как норико-паннонская (рис. 6: 7), и две редкие фибулы, которые были связаны с областью, лежащей между Рейном и Вислой (рис. 6: 6, 8); все они датированы I в. н.э. Среди опубликованных фибул нет так называемых копьевидных фибул, обычных для Иллирии и Подунавья в период до римского завоевания, как и других зестежек, которые с уверенностью может датировать только II–I вв. до н.э.

Вышеупомянутые и другие многочисленные металлические предметы происходят из раскопок, проводившихся до 1996 г., когда в основном и изучались напластования на глубине до 0,6–0,8 м [Сладић, 1997. С. 56]. Следут отметить, что такое количество находок из металла для поселений, где культурный слой откладывался в спокойной обстановке, экстраординарно. Однако это вполне естественно, если большую часть этих находок соотносить с разгромом, который зафиксирован, и разбитой посудой, найденной на полу больших построек в основании слоя 2. Все данные свидетельствуют о том, что этот набор должен датироваться I в. н.э.

Кроме того, рядом с кладом в описанном выше слое 1 была найдена бронзовая «воинская» фибула с пружиной, обмотанной вокруг конца корпуса (рис. 6: 1). Такие фибулы, найденные в Жидоваре, А. Йованович датирует концом I в. до н.э. — серединой I в. н.э. [Јовановић, 1997. С. 73–74. Сл. 59], хотя М. Евтич их датирует «ближе к середине I в. до н.э.» [Јевтић, 2006. С. 86–87]. В Румынии такие фибулы датируют концом I в. до н.э. — 3-й четвертью I в. н.э., а некоторые — вплоть до конца I в. н.э. [Rustoiu, 2000. С. 327]. Таким образом, слой 1 накапливался как минимум в конце I в. до н.э., а вполне вероятно, что и позже — в ранней части I в. н.э. Это дает terminus post quem для слоя 2 и связанных с ним больших построек, поверждая его датирорвку I в. н.э.

Итак, с точки зрения стратиграфии мы можем уверенно говорить о слое, отложившемся над полами больших построек, и предшествущем ему слое 1. Между ними, судя по сведениям о керамике и упомянутой фибуле из слоя 1, нет существенных культурных различий и хронологического разрыва. Более ранний слой продолжал накапливаться в конце I в. до н.э., а может быть, и позже. О такой нижней хронологической границе более позднего слоя свидетельствуют и связанные с ним значительно более многочисленные датирующие находки. Постройки, пол которых находился в основании верхнего слоя, пострадали в пожаре во время военных действий не раньше середины I в. н.э., судя по количеству предметов, связанных с этим слоем. Существует маловероятная возможность того, что это место было заселено или посещалось и несколько позднее, во времена дакийских войн конца I — начала II в. н.э. или около того.

Некоторые исследователи полагают, что Жидоварский клад относится к слою, находящемуся под большими постройками. Нижняя часть клада осталась нетронутой, а верхняя, разбросанная в слое под большими постройками, вероятно, во время возведения зданий, осталась незамеченной, за исключением некоторых вещей, которые нашли строители (даки) [Лазић, 2006. С. 14–25. Сл. 3–7]. Однако трудно представить, что человек, увидев серебряные изделия, оставил бы их нетронутыми в земле. Скорее всего, верхнюю часть клада растащили в толще слоя 1 мелкие (суслики, крысы) или более крупные (лисы, барсуки) животные, имевшие здесь норы, а не люди.

Опубликованные отметки полов построек с огнищами и битой посудой расположены на высоте в среднем 112,75 м (в пределах 112,94–112,56 м), предметы из растащенной части клада зафиксированы на высоте 112,6–112,42 м. Верх нетронутой части клада находился на высоте 112,36 м, а нижняя его часть — может быть, ниже приблизительно на 0,2 м. Значит, клад находился ниже полов больших построек на глубине в среднем 0,15–0,4 м, а его дно — около 0,6 м. То есть глубина ямы для клада не превышала 0,7–0,8 м, что соответствует длине руки и используемых инструментов. Клад не мог быть закопан из слоя 1, поскольку он был растащен в его верхних напластованиях. Судя по всему, клад был закопан с уровня полов больших построек до того, как они сгорели и были разрушены в результате нападения неприятеля. Следовательно, он должен датироваться тем же временем, что постройки и связанный с ними верхний слой, — I в. н.э.

Даты предметов из клада не противоречат такой хронологической атрибуции, хотя аналогии большинства из них датируются более широко, около рубежа эр; при этом аналогии почти всем предметам известны на римских памятниках [Јевтић, 2006. С. 105–166]. Более узко могут быть датированы фибулы типа Ярак[4], а также некоторые серебряные подвески. К сожалению, фибул этого типа известно не так уж много, причем главным образом это случайные и давние находки. Они были обобщенно отнесены к среднелатенскому времени, затем эта датировка была перенесена на комплексы или контекст, в которых они были найдены.

10 фибул типа Ярак, найденные в Жидоваре, М. Сладич разделил на три варианта, хотя на первый взгляд все они похожи друг на друга [Сладић, 2006. С. 37–40]. Однако у одних (вариант 1b) ножка заканчивается кольцом, которое охватывает спинку (рис. 7: 1–2), а у других (варианты 1a и 1c) — расплющена и всей своей длиной охватывает спинку (рис. 7: 3–8). По-видимому, фибулы были изготовлены в разных мастерских или в одной мастерской, но в разное время. Найденные фибулы объединены в пары (рис. 7); одна пара состоит из различных вариантов, что указывает на их более длительное использование. Исследователи отметили на некоторых фибулах следы износа и повреждения, возникшие в результате длительного использования. Эти наблюдения и очевидную ценность этих вещей следует учитывать при датировке. Даже если их сделали до установления римского владычества на юге Среднего Подунавья, их долго носили до того, как они оказались в земле.

Для фибул типа Ярак (ниже дается их характеристика на основе всех учтенных находок, а не только жидоварских) характерна треугольная расширенная к головке спинка, приплюснутая в сечении, и констукция приемника так называемой среднелатенской схемы. Свободный конец ножки загнут на верх изделия и скреплен со спинкой, имеет пару сферических выпуклостей, выполненных по-разному (литых вместе с ножкой или насаженных на нее). Пружина — многовитковая. Фибулы отличаются по способу соединения ножки и спинки, по металлу (серебро и бронза), по размерам.

К первому подтипу относятся пары из Ярака и Ковина (рис. 3: 6, 16, 17). У них загнутая ножка заканчивается поперечной распоркой («лапкой»), которая крепится к дужке. К этому подтипу относятся и три бронзовых предмета без пары (рис. 8: 4, 13) из Карабурмы [Todorović,

[4] Он назван по паре серебряных фибул, найденных в местечке Ярак (серб. Јарак), расположенном на реке Сава в Среме, западнее Белграда [Brunšmid, 1902. S. 84–86].

1972. Могила 110], Нови-Бановцев [Majnarić-Pandžić, 1970. Т. 26: 3], Доньи-Ламинцев [Truhelka, 1901. Сл. 4] и, похоже, поврежденное изделие из Змаеваца около Сотина [Majnarić-Pandžić, 1973. Т. 1: 3].

Ко второму подтипу относятся две пары фибул из Жидовара, одна из которых была найдена ранее, нежели клад (рис. 3: 1, 7: 1–2), и непарный экземпляр из Карабурмы (рис. 8: 9) [Todorović, 1972. С. 33]. У них загнутая ножка заканчивается короткой поперечной пластинкой, а на нее насажена узкая распорка (имитирует внешний вид предыдущего подтипа), которая крепится к дужке и служит украшением. Сюда же можно отнести и простой бронзовый экземпляр из Гомолавы (рис. 8: 11) [Jovanović, Jovanović, 1988. Т. 42: 11].

Третий подтип представлен двумя парами и двумя образующими пару разными экземплярами из Жидовара (рис. 7: 3–8). У них подвязанная ножка заканчивается пластинкой, которая закрывает всю переднюю часть спинки и подвернута с боковых сторон так, чтобы прикрепить ее к дужке. В начале пластинки насажена петля, которая, по-видимому, играет в основном декоративную роль, чтобы эти фибулы походили на предыдущие.

Украшение ножки в виде зигзага, выполненное двойной линией, встречается на жидоварских (напр., рис. 7: 9) и других фибулах типа Ярак. Такое же украшение имеется на ножке одной «ложкообразной» фибулы из Жидовара (рис. 6: 9), на фибулах из Езерина и Рибича на реке Уна (рис. 8: 22–25), связываемых с иллирийским племенем яподов и датированных 35 г. до н.э. — 10/20 гг. н.э. [Marić, 1968. Т. VI: 1; XIV: 12], на «воинской» фибуле из Реметы [Párducz, 1956. Taf. I: 3]. Такое же украшение, но выполненное одной линией, имеется на ножке одной сильно профилированной фибулы из Рибича, датированной 10/20–110 гг. [Marić, 1968. Т. XX: 47]. Как мы видим, основной период бытования этого стилистического приема приходится на период около 1-й половины I в. н.э.

Есть и другие основания для датировки фибулы типа Ярак началом новой эры. Фибула из Змаеваца в Сотине (Срем) была найдена в гробнице вместе с фрагментом одной аналогичной железной фибулы, пряжкой типа Ламинцы, рядом других предметов и литым бронзовым ковшиком-симпулумом, который с достаточной степенью уверенности датирован не ранее середины I в. н.э. [Majnarić-Pandžić, 1973. С. 60–66, 69].

В погр. 102 из Карабурмы (Белград) были найдены одна серебряная фибула типа Ярак (рис. 8: 10) и фрагмент другой, бронзовой. Там же в погр. 110, в урне, окрашенной в красный и белый цвета, с такой же бронзовой фибулой найдены пряжка типа Ламинцы, браслет (возможно, два), нож, ручка от римского симпулума (рис. 8: 1–8). Этот комплекс Й. Тодорович датирует широко между 85 г. до н.э. и 15 г. н.э., а уже — около рубежа эр [1972. С. 86, 92–93]. По непонятным причинам М. Евтич эту могилу датирует концом II — I в. до н. э. [Јевтић, 2006. С. 103]. М. Сладич предложил дату I в. до н.э., с 84 г. [Sladić, 1986. С. 27]. Хочу отметить, что в могилах найдены фибулы без пары и поврежденные, как и симпулум из погр. 102. То есть эти и, вероятно, часть других предметов из этих комплексов использовались в течение длительного времени прежде, чем попасть в могилу[5]. При этом урна погр. 110 в Карабурме имеет аналогии в верхнем (втором) слое Жидовара [Sladić 1986: 33. Табл. XXX: 4], датированного, как показано выше, I в. н.э.

Итак, мы видим, что нет никаких причин для того, чтобы отрицать для фибул типа Ярак датировку и началом новой эры.

С точки зрения этнической принадлежности Жидоварский клад приписывают скордискам, под которыми подразумевают кельтов, которые, судя по Жидовару и другим памятникам, якобы позднее смешались с дакам. Однако нельзя согласиться с соотнесением, например в Жидоваре, столовой ремесленной керамики — с «кельтам», а кухонной утвари — с «дакам», поскольку подобное соотношение такой же керамики наблюдается и на памятниках в Южной Сербии [Янкович, 2012. Рис. 9: Г], где, по данным письменных источников, надежно локализуют дарданов.

Очень близкие пряжки типа Ламинцы из Ярака и Жидовара (рис. 3: 15, 18) указывают на ареал по всему югу Паннонии [Majnarić-Pandžić, 1990; Арсенијевић, 2013], так же как и другие застежки того же типа, фибула типа Ярак (рис. 9.А), более ранние так называемые копьевидные фибулы или керамика [Јевтић, 2006. С. 94–104; Popović 1994; Sladić, 1986]. Отмечу, что в основном на иллирийских землях (рис. 9.Б) после их римской оккупации аналогии вещам из Жидоварского клада фиксируют и другие исследователи [Јевтић, 2006]. Поэтому об основной массе носителей культуры, с которыми следует соотносить рассматриваемый комплекс, следует говорить как об иллирийцах. Пока невозможно археологически определить конкретные области, где проживали скордиски. Фибулы типа Ярак относятся к редким находкам, которые группируются на компактной территории (рис. 9.А), однако на ней локализуются и различные иллирийские племена, например амантины, трикорны, пикенсы [Papazoglu, 1969; Mirković, 1968].

Данные письменных источников о событиях, происшедших в предримский период на территории Сербского Подунавья, собрала и интерпретировала Фануле Папазоглу. Вкратце получается следующая картина [Papazoglu, 1969. С. 241–255]. Скордиски разграбили Македонию, затем потерпели жестокое поражение при контрнападении римлян в 84 г. до н.э. Из сохранившихся записей Аппиана можно понять, что после похода скордисков с союзниками в Дельфы римский полководец Луций Корнелий Сципион Азиатик проник на территорию скордисков и жестоко разгромил их. Их южные союзники, меды и дарданы, спаслись, вернув обратно добычу, и не оказали помощь скордискам, с которыми вместе грабили Грецию. Потерпевшие поражение скордиски укрылись на дунайских островах. Очевидно, римская армия разгромила скордисков где-то южнее Дуная, но остается неясным, римляне победили их в бою или просто их страну подвергли грабежам. Римляне могли оставаться в бассейне реки Морава столько, сколько им было необходимо для мести и грабежа земель скордисков, может быть около месяца, а затем вернулись в Македонию. Таким образом, этот поход не мог быть поводом для создания поселения в Жидоваре, ведь скордиски по уходе римлян вернулись в свою разграбленную страну.

Примерно в середине I в. до н.э. царь даков Буребиста к западу от реки Тиса победил кельтские племена боев и таврисков. Именно исходя из этого конец накопления слоя 1 в Жидоваре был соотнесен с поражением скордисков и их подчинением Буребисте. Однако нет никаких упоминаний о борьбе между даками и скорди-

[5] Аналогичная картина — в кладе из Лички-Рибника (рис. 8: 14–21), датированного временем паннонского восстания — 6–9 гг. н.э. [Klemenc, 1935], и других комплексах, близких по времени.

сками, напротив, есть сведения об их союзе [Papazoglu, 1969. С. 255–260]. Конечно, это не исключает гипотетической возможности того, что в какой-то момент даки напали на скордисков, но письменные свидетельства об этом отсутствуют.

В письменных источниках нет свидетельств не только о том, что скордиски после 84 г. до н.э. могли основать поселения на территории Южного Баната, а затем их разгромили и подчинили даки. Там нет оснований для локализации в землях Южного Баната любого другого завоевания или разорения этой территории в I в. до н.э., не говоря уже именно о поселении в Жидоваре. Зато такие данные есть для I в. н.э., когда на юге Среднего Подунавья произошли серьезные потрясения в результате экспансии римлян и сарматов.

Римляне завоевали правый берег Дуная в его нижнем течении в 29–28 гг. до н.э., а в 13–12 гг. до н.э. всю территорию южнее Дуная в его среднем течении. Скордиски покорились Риму без войны и были его союзниками против паннонцев, которых в то время покорял Рим. Считается, что во время правления императора Октавиана Августа (27 г. до н.э. — 14 г. н.э.) римская провинция Иллирия включала земли Далмации, Паннонии и Мезии. Паннония была выделена в отдельную провинцию после кровавого подавления восстания в 6–9 гг. н.э. Без сомнения, во время римского завоевания Подунавья на многих поселениях прекратилась жизнь, а также погребения на ряде кладбищ. Одновременно часть местного населения бежала от римлян в области, лежащие на левом берегу Дуная. С этими событиями и процессами вполне может быть связано появление поселения, соотносимого с рассмотренным выше первым слоем в Жидоваре, и ряда других поселений на территории Баната, например, в Чуруге [Трифуновић, Пашић, 2003. С. 264–271]. Потом должна была последовать фаза обновления или создания новых поселений после подавления упомянутого Паннонского восстания.

Новые изменения ситуации в Потисье и на окрестных землях связано с появлением в регионе группировки сарматов — языгов. В письменных источниках первое упоминание о языгах в Среднем Подунавье относится с 50-м гг. н.э., когда они выступили как союзники квадов и их конница была призвана царем Ваннием в войне против гермундуров и лугиев. Непосредственного перед этим, в 48/49 г. аорсы побеждают Митридата и сираков [Щукин, 1994. С. 214]. Это, а также появление аланов привело к потрясениям в Причерноморье, в том числе к переселению языгов в Среднее Подунавье. Первые археологические находки в Потиссье, связываемые с языгами, датируются не ранее середины I в. [Щукин, 1989. С. 70][6].

Затем последовали войны римлян с даками, шедшие с переменным успехом: римляне потерпели поражение к северу от Дуная в 67 и 89 гг., а в 84–85 гг. даки вторгались в Мезию [Mano-Zisi, 1957. С. 45–46]. В конечном итоге император Траян в 102 г. в результате решительного «защитного» нападения завоевал Дакию, вскоре организовав на большей части ее земель римскую провинцию, что стабилизировало ситуацию в регионе. Одновременно в 69 г. языги вторгались в римские владения в Мезии, в 92 г. римляне нападали на языгов, затем они становятся союзниками против даков.

Как же с этими событиями можно соотнести клад в Жидоваре и близкий ему по составу и дате клад в Ковине. Трудно представить, что римские военные походы был настолько неожиданными для жителей левого берега Дуная, что они не смогли вовремя спрятаться вместе со своим имуществом. Несомненно, жители обоих берегов Дуная постоянно поддерживали связь через торговцев и родственников. Об этом свидетельствует значительное количество римских товаров на памятниках Южного Баната, ареалы фибул типа Ярак, пряжек типа Ламинцы и др. Вполне возможно, что часть территорий на левом берегу была под римским контролем и даже входила в состав провинции Мезия.

Нападение же, которое вызвало выпадение Жидоварского и Ковинского кладов, должно было быть неожиданным — их владельцы только успели закопать богатства, а затем были убиты или порабощены. Это говорит о том, что нападавшими были кочевники с севера — языги, только что переселившиеся в Среднее Подунавье. Скорее всего, это произошло где-то между 50 и 69 гг., в период между переселением языгов и их нападением на Мезию. Свидетельством в пользу языгской версии является и найденный в Жидоваре трехлопастной наконечник стрелы (рис. 5: 8), аналогии которому известны у сарматов [Мошкова, 1989. С. 184–185. Табл. 81]. Обоснованная выше дата клада, около середины I в., хорошо соответствует такой исторической реконструкции. Да и отсутствие на Жидоваре свидетельств интенсивной жизни в более позднее время хорошо согласуется с картиной частых военных действий, которые продолжались до завоевания Дакии в 102 г.

Если шестое или седьмое десятилетие I в. н.э. является правильной датой Жидоварского клада, можно предложить интерпретацию содержашихся в нем вещей, необычных для культур Среднедунайского региона.

Конечно, обращает на себя внимание хорошо сохранившаяся шкатулка (рис. 10.А) с подвешенной к ней подвижной пластиной, сложного плетения цепочкой для носки вещи и крепления крышки, украшенная филигранью, зернью, полудрагоценным камнями. На крышке выполнен крест, а на прямоугольной подвеске в трех полосах, на которые она разделена, находится по красному камню. Была еще одна похожая, правда поврежденная крышка (рис. 2: 22, 10. А: справа).

В шкатулке были обнаружены два бронзовых кольца, одно сплошное, другое в форме изогнутой ленты (рис. 2: 20–21; 10.А: слева). На первом помещены христианские символы. На левой стороне — рыба, изображение которой ранними христианами часто использовалось как указание на греческое написание ΙΧΘΥΣ, что подразумевало монограмму Ἰησοῦς Χριστὸς Θεοῦ Ὑιὸς Σωτήρ — Иисус Христос Божий Сын Спаситель. В середине — лик мужчины, у которого что-то лежит на плечах; очевидно, это Добрый пастырь с заблудшей овцой. На правой стороне — пальмовая ветвь, христианский символ рая. В целом изображение составляет послание: Иисус Христос Спаситель, как Добрый пастырь, спасает покаявшегося грешника и дарует ему спасение души (рай). Наличие в шкатулке двух перстней логично связывать со Святым Таинством брака.

Еще две шкатулки, найденные поврежденными, возможно, использовали для других Святых Таинств. Кроме

[6] Венгерские специалисты называют дату не ранее конца I в., см., например, статьи «Сарматы» и «Сарматские археологические культуры» в Большой Российской энциклопедии, где о сарматах в Среднем Подунавье написала Валерия Кульчар — один из ведущих венгерских сарматологов. Понятно, что мы не можем ожидать многочисленных археологических находок, связанных с периодом освоения народом, тем более кочевниками, новой территории.

того, мы располагаем данными из нескольких источников римского времени об обычае носить Святое Причастие в шкатулках домой, чтобы принимать его ежедневно [Скабалланович, 2004. С. 92–93, 115].

Принимая во внимание хриситанскую символику на кольце и кресты на шкатулках, можно обратиться и к другим находкам из клада, рассматривая их не просто как набор случайных вещей, а во взаимосвязи их функций.

Бритвы могли использовать для взятия волос у людей, которые проходили обряд крещения, так же как сейчас это делают ножницами.

Детали убора, найденные в этом кладе, можно сопоставить с облачением христианского духовенства, в формировании которого, конечно, были важны ветхозаветные традиции. В Ветхом Завете сохранилось описание облачения первосвященника [Исх. 28]. Оно содержит по крайней мере 2 цепочки, 2 застежки и 6 колец. Согласно Иосифу Флавию, в одежде первосвященника присутствуют 2 цепочки, 2 нарамника (застежки), 6 маленьких и два больших кольца, все из чистого золота [Флавий, 2007. С. 115–119]. Напомню, что в Жидоварский клад входят 2 цепочки, 8 фибул, 20 колец. Найденные фибулы были соединены между собой в пары, поэтому М. Евтич предположил, что парные фибулы были соединены между собой цепочкой, составляя комплекты убора, и речь может идти об одеждах священника [Јевтић, 2006. С. 103–104], как уже отмечалось в отношении аналогичных богатых находок в Румынии [Rustoiu, 1997. С. 143–147].

Судя по описанию, в облачени ветхозаветского священника было 12 драгоценных камней (по одному на 12 еврейских племен); присутствовали и полированная дощечка из золота с надписью «святыня Господня», которая висела на передней стороне кидара, а другая была на головной повязке первосвященника [Исх. 28: 36–38; Флавий, 2007. С. 118]. Подобную дощечку носил и святой Иоанн Богослов. Здесь можно вспомнить о подвешенной к одной из жидоварских шкатулок пластине с тремя красными камнями (символ Святой Троицы?). Зеркало из Жидоварского клада могло размещаться на головной повязке священника для того, чтобы преломлять свет. В слое Жидовара был найден фрагмент и другого (круглого) зеркала [Јевтић, 2006. С. 157–159].

В свете христианской атрибуции, несомненной для некоторых и вероятной для других вещей из Жидоварского клада, можно трактовать и сам памятник. Жидовар — не оппид, так как он невелик по размерам и не имеет мощных фортификационных сооружений. Время строительства кольцевой стены в нижней части возвышенности, сохранившейся на ее северной стороне (вполне вероятно, когда-то опоясывала весь памятник), остается неизвестным.

В бортах раскопов, пересекающих всю верхнюю часть возвышенности, по всему западному профилю видны глиняные полы необычно больших зданий. Мощностью рухнувших стен этих зданий и объясняется большая толщина культурного слоя памятника. Судя по размерам, это могут быть остатки общественных зданий, таких как склад, место собраний, святилище и тому подобных. На полу, вблизи клада, были найдены фрагменты керамики в форме округлых пластинок, развалы посуды (собираются и ее целые формы), несколько огнищ. Это похоже на место для проведения ритуалов, связанных с сельским хозяйством, описанных в Ветхом Завете, где упоминаются ритуальные хлеба, их вращение и т.п. Схожие ритуалы до сих пор проводятся в некоторых приходах Православной церкви. Поразительно, что среди многочисленных опубликованых находкок из Жидовара нет сельскохозяйственных орудий и других инструментов. Значит, здесь не велась обычная хозяйственная деятельность, как на других поселениях, хотя тут и готовили пищу. Лишь два тигля являются свидетельством литья цветных металлов [Сладић, 1997. С. 64–65]. Однако и в храме Соломона в Иерусалиме, по словам пророка Захарии, плавили серебро [Зах. 11. 12–13].

Из-за изолированного и обдуваемого ветрами места расположения Жидовара создается впечатление, что здесь располагалось гумно, возможно племенное, для жителей, проживающих в непосредственной близости и в районе Караша. Ведь по правилам гумно обустраивали на возвышении, открытом для потоков воздуха. Это не противоречит тому, что здесь могло быть также место собраний и храм, который сразу или впоследствии стал христианским. В Ветхом Завете (и в сербском и в английском переводах) гумно фигурирует как место собрания, когда Иосиф оплакивал там своего отца [1. Быт. 50. 10–11]. В Сербии и в сравнительно недавние времена гумна использовали как место собраний. В Ветхом Завете гумна упоминаются не только как склады, которые, например, грабили филистимляне [1 Цар. 23. 1]. Вспомним, что царь Давид выкупил гумно у Орны Иевусея и там соорудил жертвенник, а царь Соломон построил храм [1 Пар. 21. 18, 28; 23. 15, 18, 21–22, 28; 2 Пар. 3. 1].

Жидовар — не единственный памятник, который в Сербском Подунавье можно связать с историей раннего христианства. Укажу на клад из Текии, сокрытие которого датировано между 83 и 89 гг. [Mano-Zisi, 1957]. Он включал серебряные и золотые предметы различного происхождения, в том числе части пояса, браслеты, вотивные языческие дары. Отметим два кольца, украшенные колосьями или пальмовыми ветвями, маленькое и большое, возможно, обручальные (рис. 10.Б: справа). Особое внимание обращают на себя серебряные детали пояса (рис. 10.Б). На одной из пластин проколами сделана надпись, которую можно прочитать как ISAAK или ISHVS [Mano-Zisi, 1957. С. 23], не исключено, что ISXRS. То есть владелец этого пояса написал на нем еврейское имя Исаак или сокращения — Is(us) X(ριστ)υς или Is(us) Xr(istos) C(ωτήρ)[7]. В первом случае имя доказывает присутствие евреев на Дунае и свидетельствует о создавшихся условиях для распространения раннего христианства. В двух других случаях это сокращение, имеющее одинаковое значение — ΙΧΘΥΣ, то есть скрытое заявление владельца пояса о том, что он является христианином.

В Текии располагался римский лагерь Трансдиерна, названный так потому, что он был построен напротив Диерны (Dierna), или Зерны (Ζέρνης), на левом берегу Дуная, где сейчас расположен городок Оршова. В официальной римской надписи это место зафиксировано как Dzierna. Поэтому еще П. Й. Шафарик, а за ним и другие исследователи по сей день, как, например, замечательный русский филолог О. Н. Трубачев [2005. С. 317], читали это название как Черна (Черная), где «Ч» написано как «Dz» или греческая «Z». В настоящее время Оршова находится в устье реки Черная (рум. Cerna), где она впадает в Дунай, и у нее есть приток, который называется Белая Река (рум. Bela Reca). Вспомним былину о богатыре

[7] Смешивание двух алфавитов не является редкостью и, вполне возможно, было сделано намеренно, чтобы скрыть смысл записи.

Дунае и его жене Настасье, которую он убил игрой случая, потом покончил с собой; из его крови течет Дунай, а из ее — река Черная. Этот топоним наряду с другими служит доказательством того, что славяне жили на Дунае, по крайней мере во времена Римской империи, задолго до того, как они фигурировали под своим именем у греческих и латинских писателей VI в.

Предание о распространении христианства среди славян на Дунае в апостольские времена содержится в «Повести временных лет»: «Поэтому князь Коцел назначил Мефодия епископом Паннонии, вместо святого апостола Андроника, одного из 70 учеников Святого Павла. ... Учителем того славянского народа был апостол Андроник. Мораву посетил Апостол Павел и здесь учил: это Иллирия, где бывал апостол Павел, здесь появились первые славяне, учителем славянского народа был Павел, от этого народа берем начало и мы, русские, поэтому и нашим учителем был апостол Павел, который учил народ славянский, и поставил епископом своего наместника Андроника славянскому народу» [Ипатьевская лѣтопись, 1923. С. 21].

В апокрифе «Последняя глава «Деяний апостольских»», датированном II в. [Последняя глава ... 2005. С. 367–370], описывается путь апостола Павла и его спутников на запад, через Испанию в Британию, Галлию и Гельвецию: «Потом отправились они в Иллирик, намереваясь идти через Македонию в Асию, и благодать обрелась во всех церквах, и процветали они в мире...». Апостол Павел мог в том путешествии пройти по главной римской дороге вдоль Савы до Сирмия и Виминация (по прямой 23 км от Жидовара), затем на юг через Наис в Македонию.

У сербов и по сей день хранятся предания об апостоле Павле, связанные с римской дорогой к побережью Адриатического моря, где упоминаются его проповедь (монастырь Крка), прохождение (Кистанье); есть и топонимы, связываемые с этим, например, пещеры близ Требинье, Омиша. Возможно, не случайно, что такого предания нет в прибрежных городах, где проживают носители романских языков или римокатолики. До XIX в. на островах Млет, Корчула и около Дубровника использовали «камень апостола Павла» против ядовитых змей [Вулетић-Вукасовић, 1885. С. 53]. Это память о чуде со змеей на Млете—Мелите [Деян. 27–28], по которому этот остров был известен и в X в.

Безусловно, вопросы, связанные с историей распространения христианства, являются очень сложным. Для нас особенно важны случаи, где археологические данные могут войти в резонанс со сведениями из письменных и других источников. О распространении христианства в южной части Среднего Подунавья около середины I в. н.э. есть информация раннехристианского апокрифа. Ей соответствует и местная славянская традиция, как устная, так и представленная топонимией. Есть и подтверждающие это археологические источники, причем, кроме неоспоримых находок (христианская символика, подпись владельца), следует учитывать и комлексы, вполне допускающие трактовку в христианском контексте.

Предложенные наблюдения призваны обратить внимание коллег (вне зависимости от их профессиональной специализации), в сферу интересов которых входит история христианства на славянских землях, на совпадение данных, полученных независимо в рамках разных научных дисциплин. Эти данные не исчерпываются приведенными здесь. Они требуют бóльшего внимания и расширения пространства для обсуждения.

Литература

Арсенијевић С. Појасне копче из млађег гвозденог доба на тлу западног и централног Балкана. Београд, 2013.

Вулетић-Вукасовић В. У опће о хумкама а напосе о гомилама у Далмацији и у Херцеговини // Старинар. 2-2. Београд, 1885.

Иосиф Флавий. Иудейские древности. Иудейская война. М.; СПб., 2007.

Ипатьевская лѣтопись. Петроград, 1923.

Јевтић М. Карактер налаза и хронологија // Жидоварско благо, остава сребрног накита из насеља Скордиска. Вршац; Београд, 2006.

Јевтић М., Лазић М., Сладић М. Жидоварско благо, остава сребрног накита из насеља Скордиска. Вршац; Београд, 2006.

Јовановић А. Жидовар у римском периоду // Жидовар, насеље бронзаног и гвозденог доба. Београд; Вршац, 1997.

Лазић М. Жидоварско благо — ризница у насељу млађег гвозденог доба // Жидоварско благо, остава сребрног накита из насеља Скордиска. Вршац; Београд, 2006.

Мошкова Н.Г. Среднесарматскя культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.

Последняя глава «Деяний апостольских» // Апокрифические сказания. Патриархи, пророки и апостолы. СПб., 2005.

Рашајски Р. Дачка сребрна остава из Ковина // Рад војвођанских музеја. 10. Нови Сад, 1961.

Скабалланович М. Толковый типикон. М., 2004.

Сладић М. Латенски слој на Жидовару, осврт на археолошка ископавања 1977 године // Зборник Филозофског факултета. XVII. Београд, 1991.

Сладић М. Жидовар у млађе гвоздено доба // Жидовар, насеље бронзаног и гвозденог доба. Београд; Вршац, 1997.

Сладић М. Садржај оставе // Жидоварско благо, остава сребрног накита из насеља Скордиска. Вршац; Београд, 2006.

Трифуновић С., Пашић И. «Стари Виногради» у Чуругу — вишеслојно археолошко налазиште // Гласник Српског археолошког друштва. 19. Београд, 2003.

Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. М., 2003.

Янкович Дж. Нероманизированные иллирийцы и славяне // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3. Тула, 2012.

Щукин М. Сарматы из землях к западу от Днепра и некоторые события I в. в Центральной и Восточной Европе // СА. 1989. № 1.

Щукин М. На рубеже эр. СПб., 1994.

Brunšmid J. Srebrni nakit latenskoga doba iz Jarka kod Mitrovice // Vjesnik Hrvatskoga arheološkoga društva. VI. Zagreb, 1902.

Gavela B. Keltski opidum Židovar. Beograd, 1952.

Jevtić M. Art of Scordisci and Židovar Treasure. Beograd; Vršac, 2007.

Jevtić M., Sladić M. Some stratigraphic issues of the Iron Age Settlements at Židovar // Le Djerdap — Les Portes de Fer à la deuxième moitié du premier millénare av. J.Ch. jusqu'aux geurres daciques. Beograd, 1999.

Jovanović B., Jovanović M. Gomolava, naselje mlađeg gvozdenog doba. Novi Sad; Beograd, 1988.

Klemenc J. Ostava u Ličkom Ribniku // Vjesnik Hrvatskog arheološkog društva. XVI. Zagreb, 1935.

Majnarić-Pandžić N. Keltsko-latenska kultura u Slavoniji i Srijemu. Vinkovci, 1970.

Majnarić-Pandžić N. Kasnolatenski keltski grobovi iz Sotina // Vjesnik Arheološkog muzeja. VI–VII. Zagreb, 1973.

Majnarić-Pandžić N. Novi nalaz pojasne kopče tipa Laminci iz Siska // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu. XXIII. Zagreb, 1990.

Mano-Zisi Đ. Nalaz iz Tekije. Beograd, 1957.

Marić R. Japodske nekropole u dolini Une // Glasnik Zemaljskog muzeja. XXII. Sarajevo, 1968.

Mirković M. Rimski gradovi na Dunavu u Gornoj Meziji. Beograd 1968.

Papazoglu F. Srednjobalkanska plemena u prerimsko doba. Sarajevo, 1969.

Párducz M. A szarmatakor emlékei magyarországon. Cep. Archaeologica Hungarica. XXV. Budapest, 1950.

Párducz M. Beiträge zur Geschichte der Sarmaten in Ungarn // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. VII. Budapest, 1956.

Popović P. Lanzenfibeln des Westbalkans und der Donauniederung // Balcanica. 25-1. Belgrade, 1994.

Rustoiu A. Fibulele din Dacia Preromana (sec. II î.e.n. — I e.n.). Bucureşti, 1997.

Rustoiu A. Grupa răsăriteană a podoabelor dacice (un studiu privind relaţiile inter — regionale în Dacia preromană în sec. I î.e.n. — I e.n.) // Analele Banatului. VII–VIII. Timişoara, 2000.

Sladić M. Keramika Skordiska, latenska keramika u jugoslovenskom Podunavlju. Beograd, 1986.

Todorović J. Praistorijska Karaburma. I. Beograd, 1972.

Truhelka Ć. Rezultati prehistoričkog istraživanja u Bosni-Hercegovini // Glasnik Zemaljskog muzeja. XIII. Sarajevo, 1901.

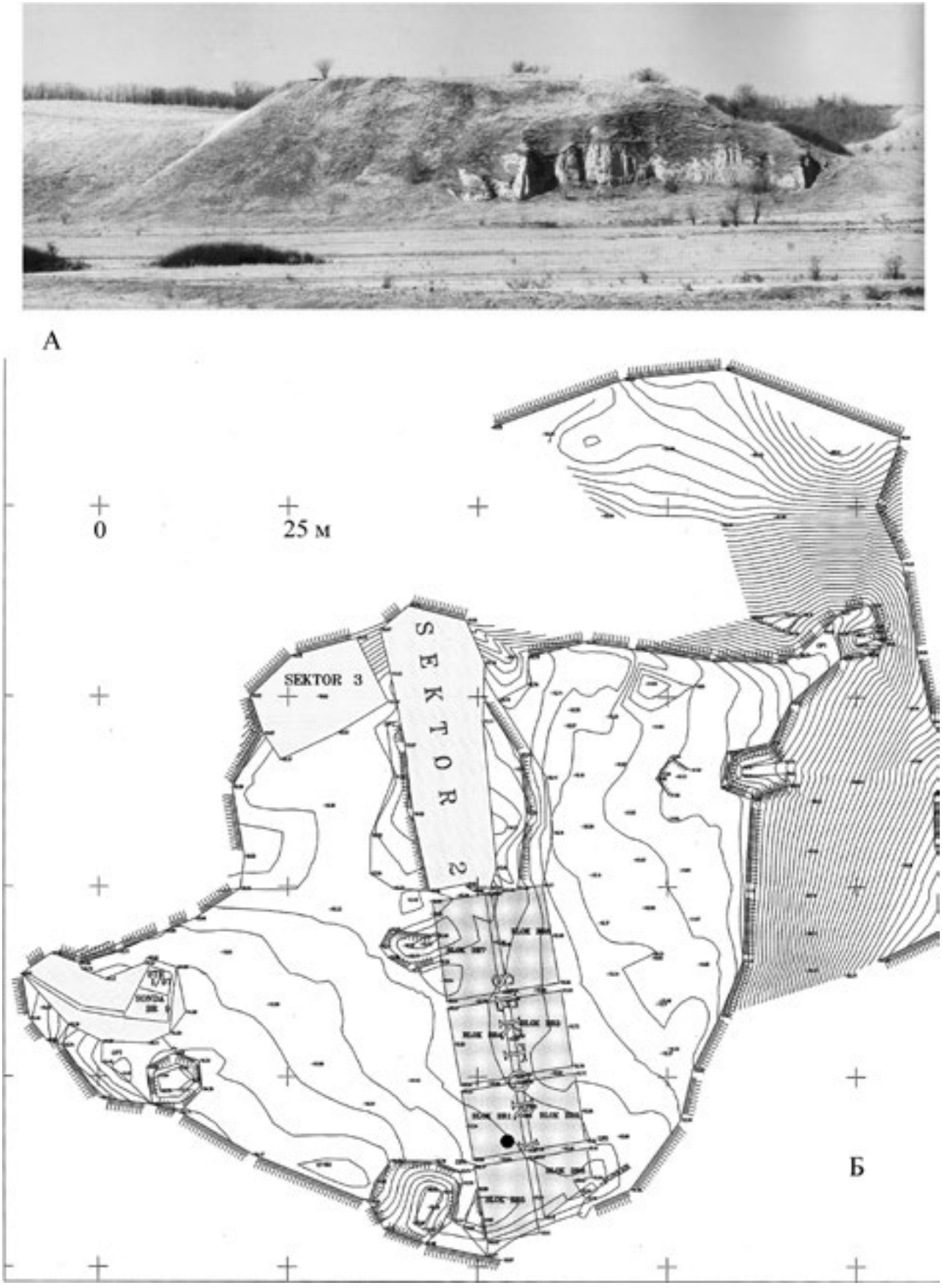


Рис. 1. Жидовар.
А — вид с юга; *Б* — план городища

Рис. 2. Большой клад из Жидовара. Основные группы находок.

1, 3 — янтарь; *2, 4–19, 22–24, 28* — серебро; *20, 21* — бронза; *25, 26* — «медвежьи клыки»; *27* — железная бритва в серебряных ножнах

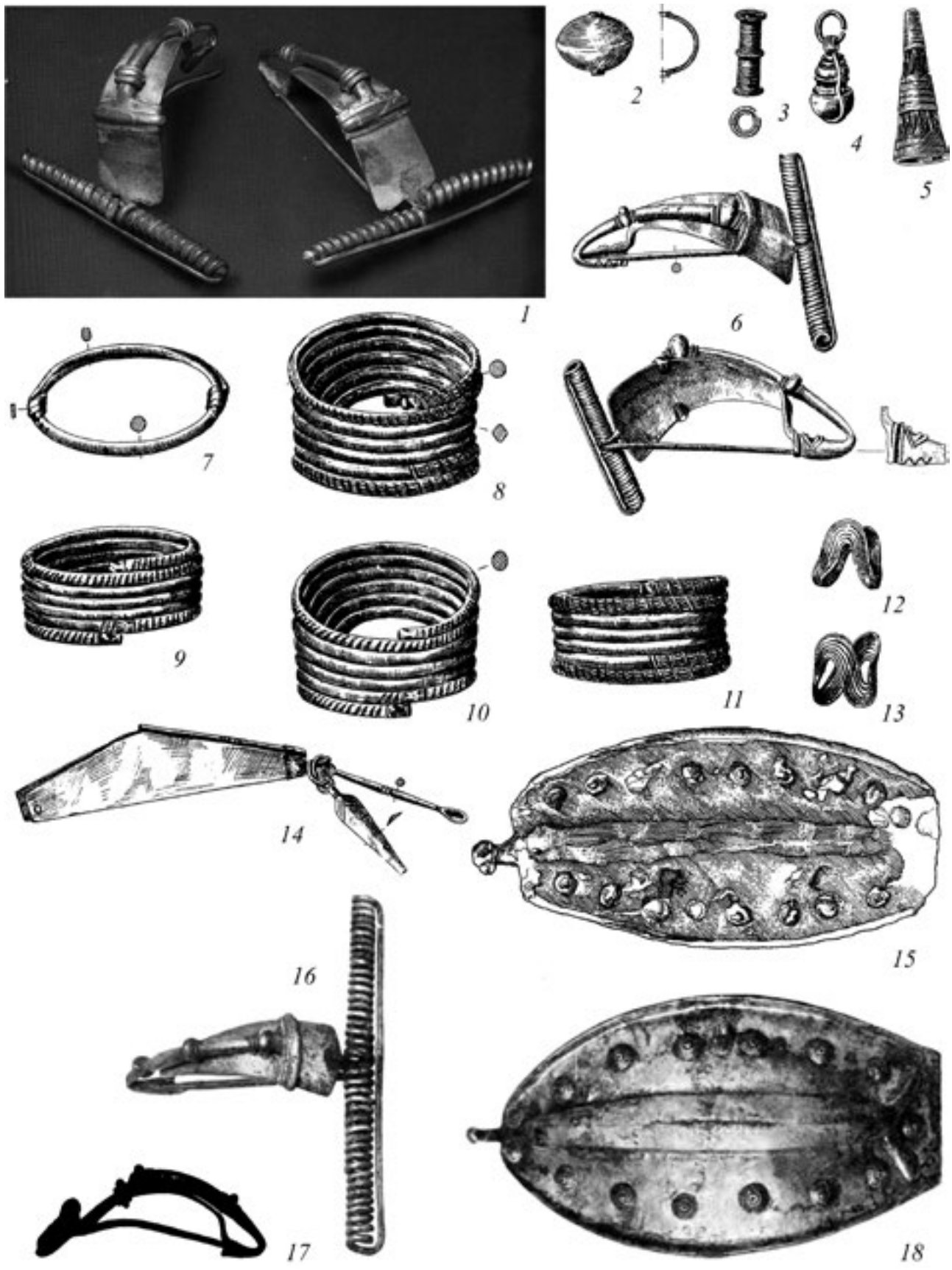


Рис. 3. Находки в южной части Среднего Подунавья.

1 — пара фибул (малый клад) из Жидовара; *2–14* — клад из Ковина; *15* — пряжка из культурного слоя Жидовара; *16–18* — пряжка и фибулы из Ярака

1–6, 8–18 — серебро, *7* — бронза.

Длина: *16* — 25,5 см; *17* — 14,9 см; *18* — 13 см; прочие без масштаба

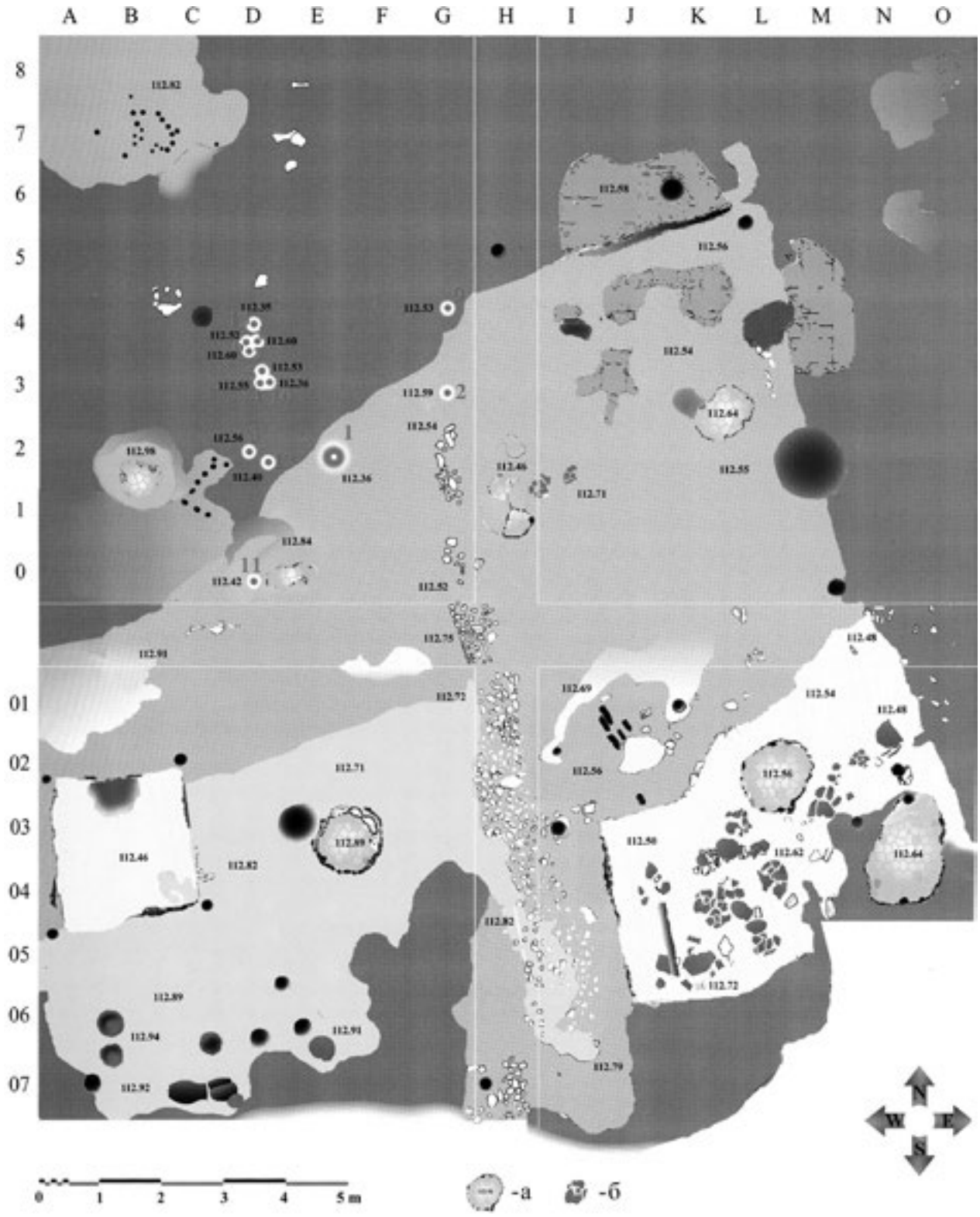


Рис. 4. Жидовар, план здания с высотными отметками.

1 — основная часть клада (кв. E 2); *2, 9, 11, 13* — части клада (кв. D-G 0-4)

а — огнища; *б* — керамика на полу

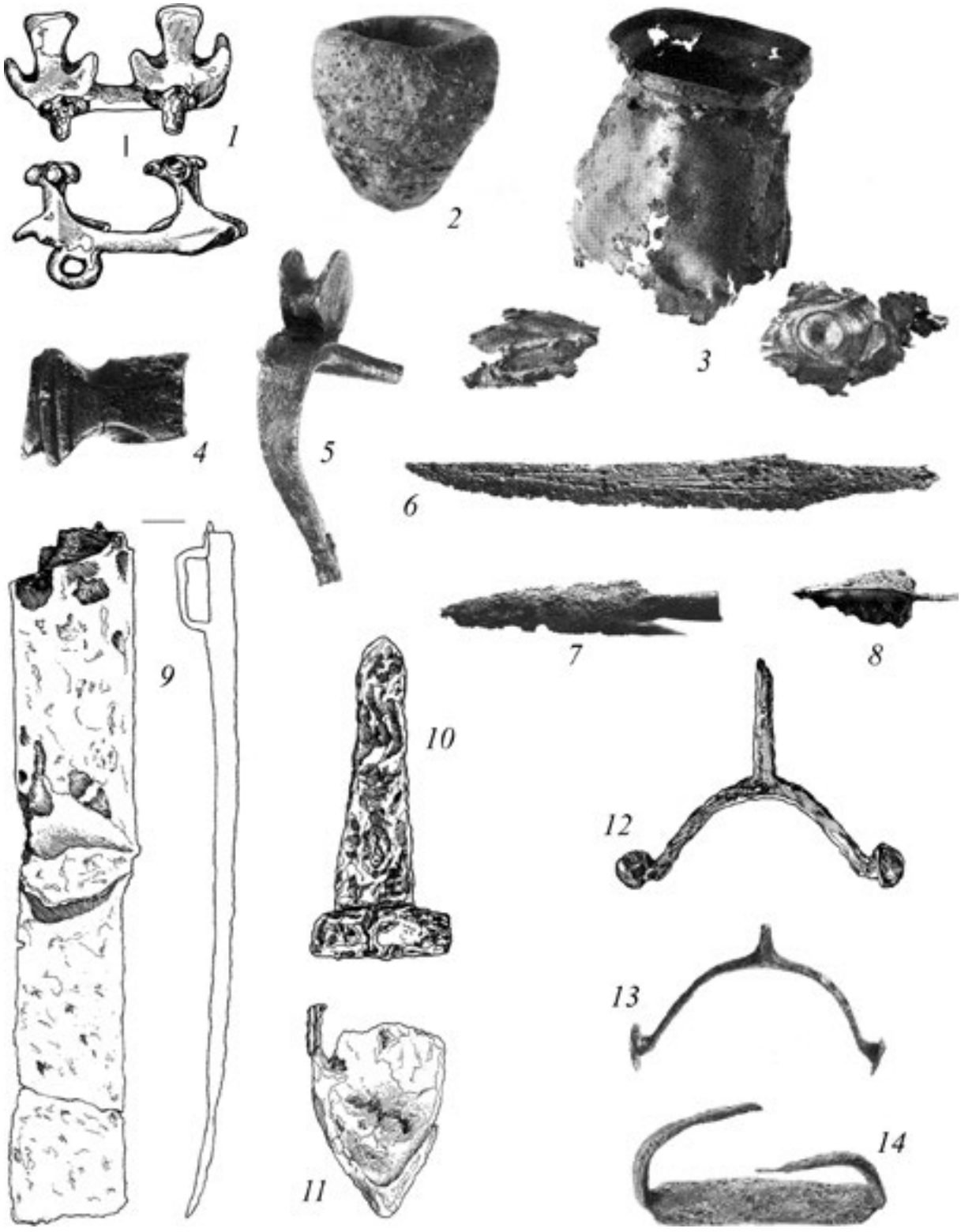


Рис. 5. Жидовар, находки из культурного слоя.
1, 3–5 — бронза; *2* — глиняный тигель; *6–14* — железо.
Без масштаба

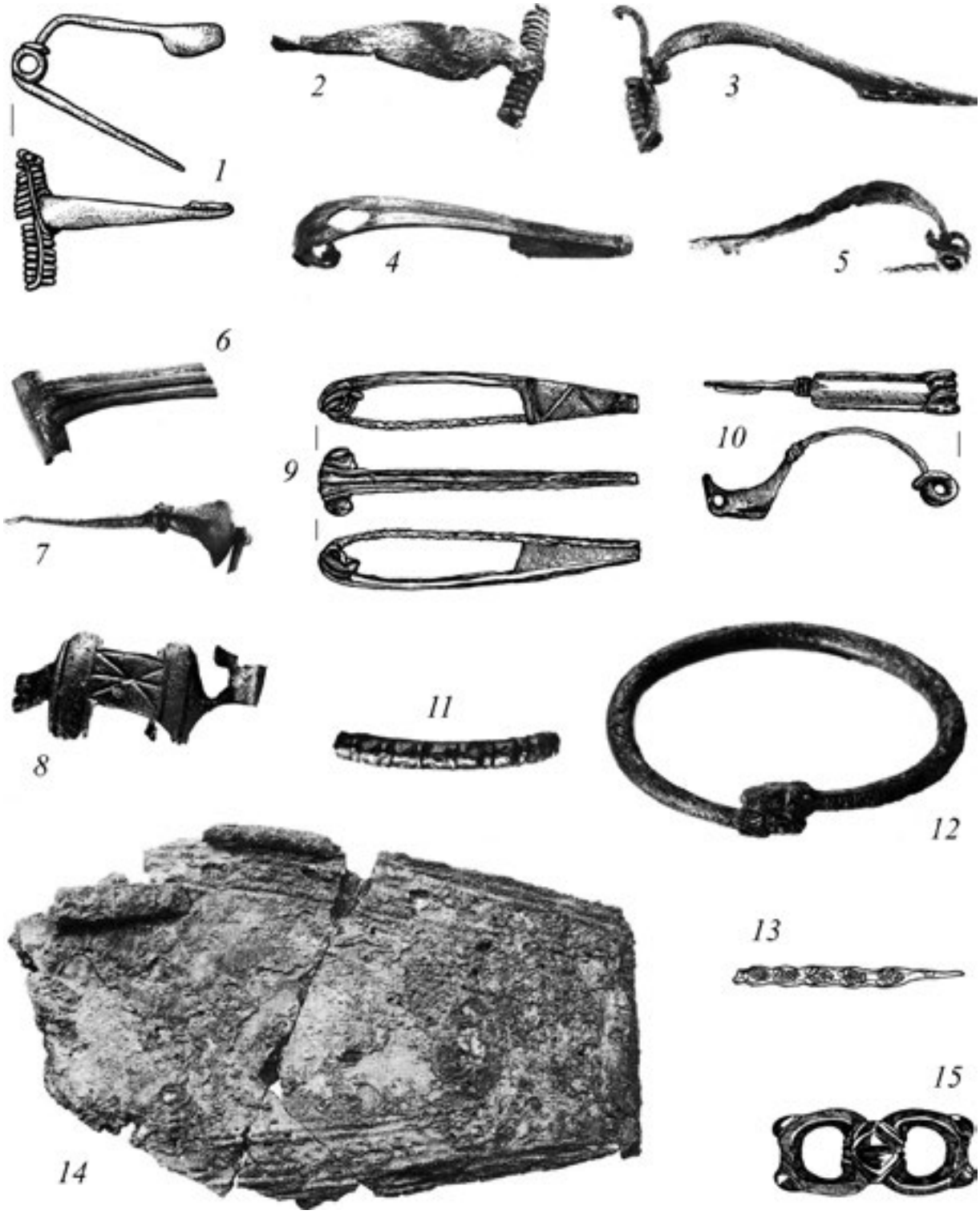


Рис. 6. Жидовар, находки из культурного слоя.
1–10 — фибулы; *11, 12* — браслеты; *13* — перстень, *14, 15* — пряжки.
13 — серебро; *1, 4, 6–11, 15* — бронза; *2–3, 5, 12?* — железо; *14* — бронза и железо.
Без масштаба

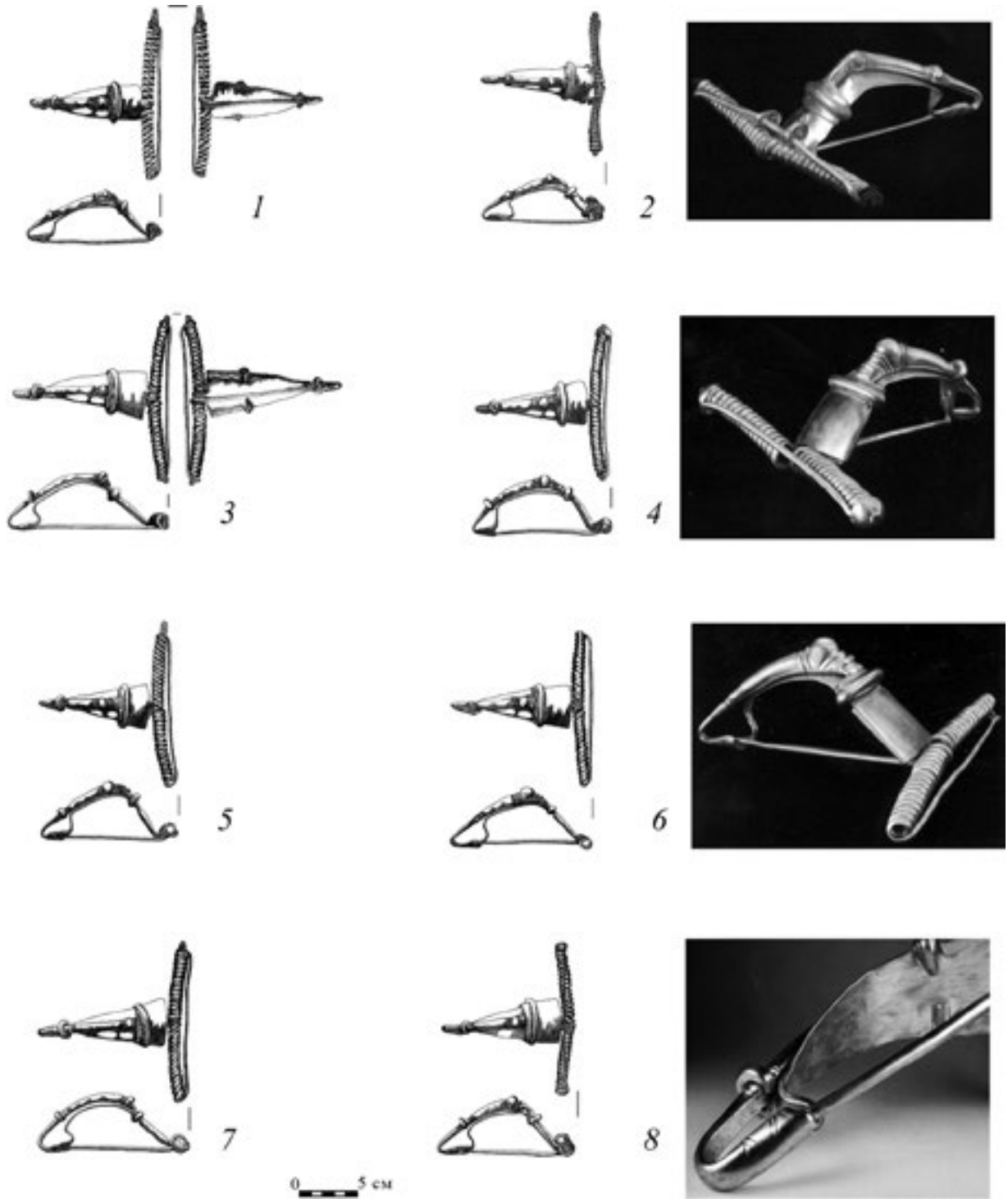


Рис. 7. Жидовар, фибулы типа Ярак из клада.
Серебро

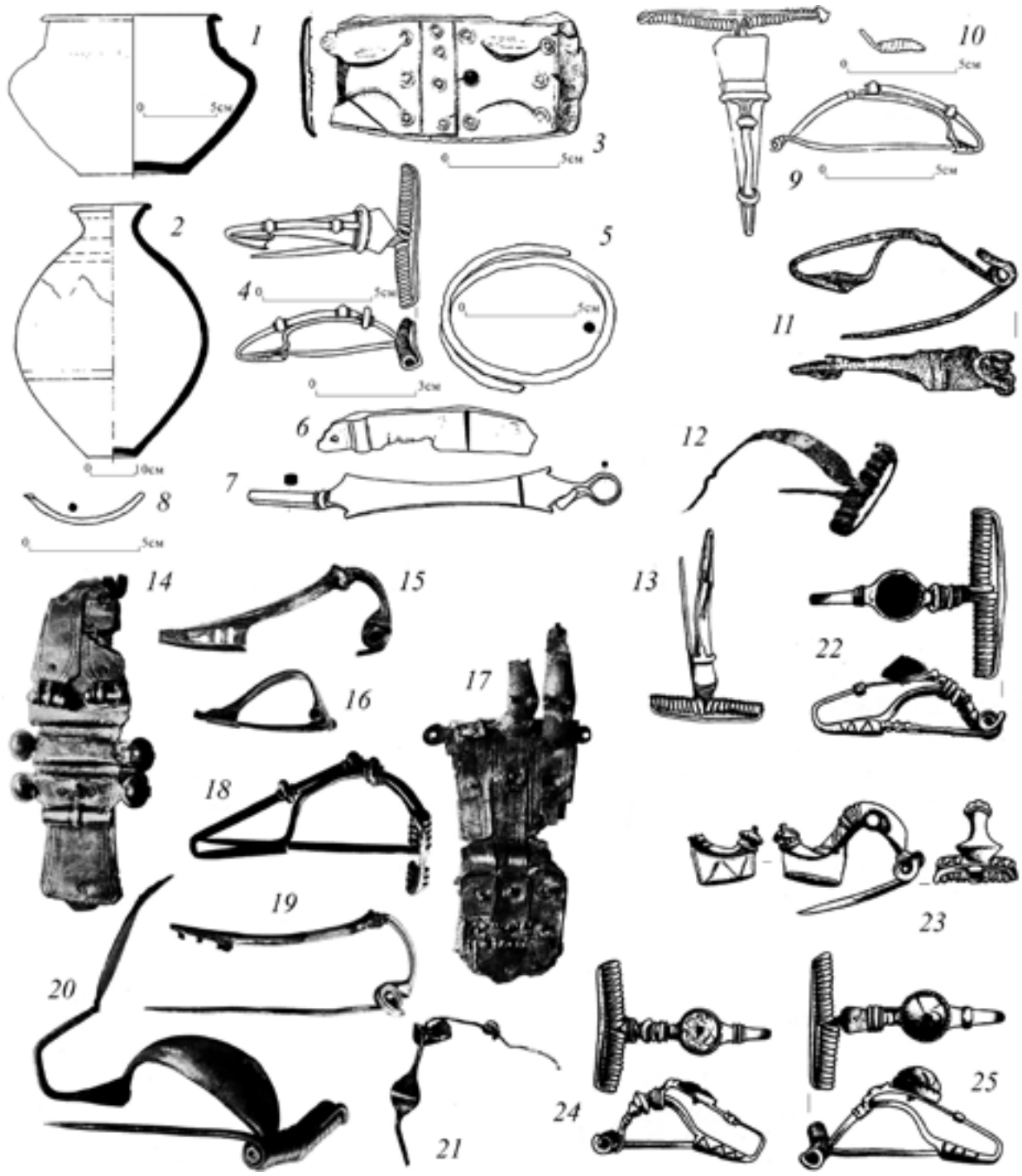


Рис. 8. Фибулы, аналогичные жидоварским, и вещи из комплексов с ним.

1–8 — Карабурма, погр. 110; *9–10* — Карабурма, погр. 102; *11* — Гомолава; *12* — Сотин; *13* — Доньи-Ламинцы; *14–21* — клад Лички-Рибник; *22, 23* — Рибич; *24, 25* — Езерине.

Без масштаба

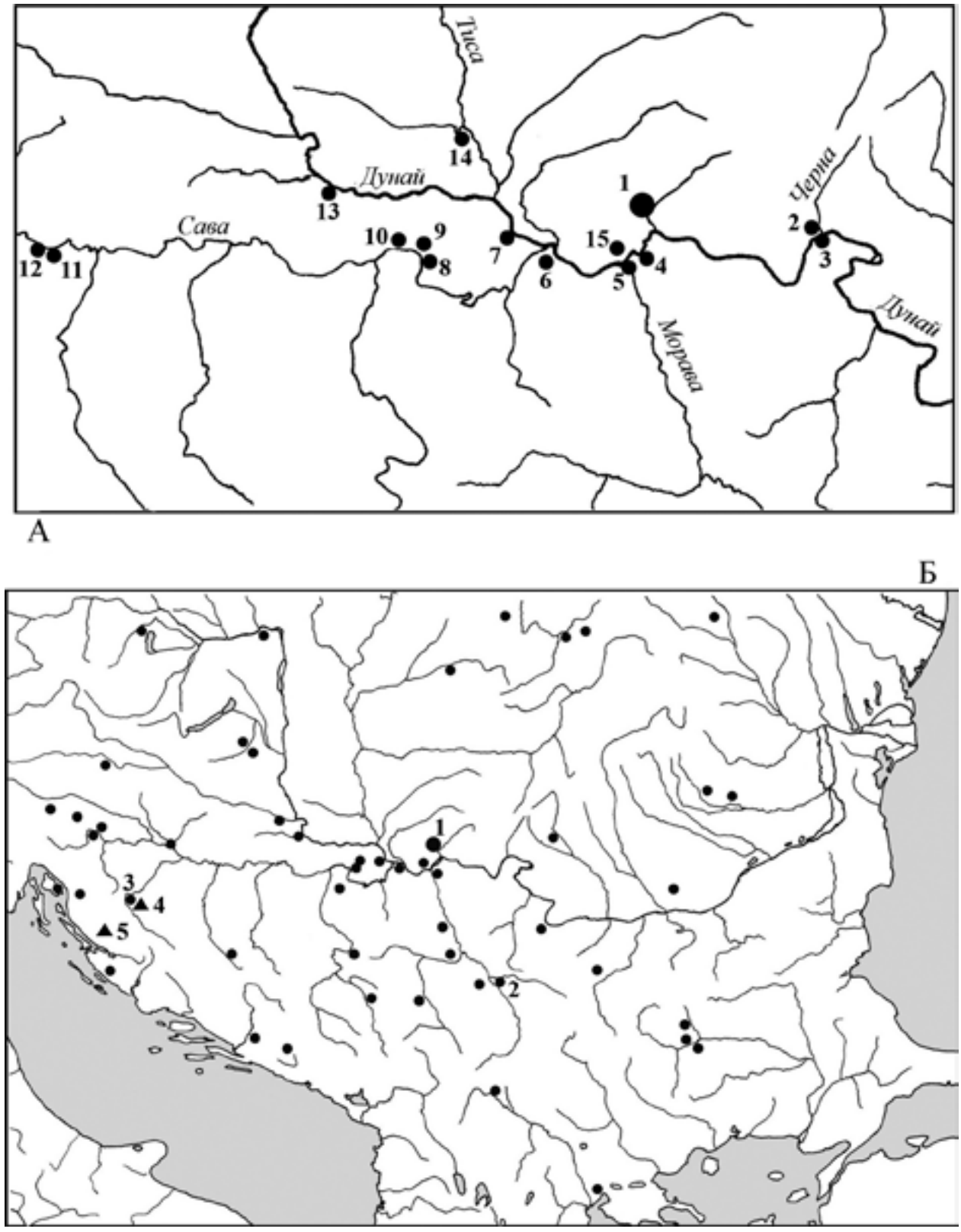


Рис. 9. Контекст находок в Жидоваре.

А. Юг Среднего Подунавья, находки фибул типа Ярак (1, 6–9, 11–15) и основные римские укрепления (2–5, 10, 12): *1* — Жидовар, *2* — Диерна, *3* — Текия, *4* — Виминаций, *5* — Маргий, *6* — Карабурма, *7* — Нови-Бановцы, *8* — Гомолава, *9* — Ярак, *10* — Сирмий, *11* — Доньи-Ламинци, *12* — Сервиций, *13* — Сотин, *14* — Чуруг, *15* — Ковин.

Б. Аналогии находкам из Жидоварского клада (по [Јевтић, 2006]) обозначены кружками; пункты, упоминаемые в статье (без таких находок — треугольники): *1* — Жидовар, *2* — Наис (нынешний Ниш), *3* — Рибич, *4* — Езерине, *5* — Лички-Рибник

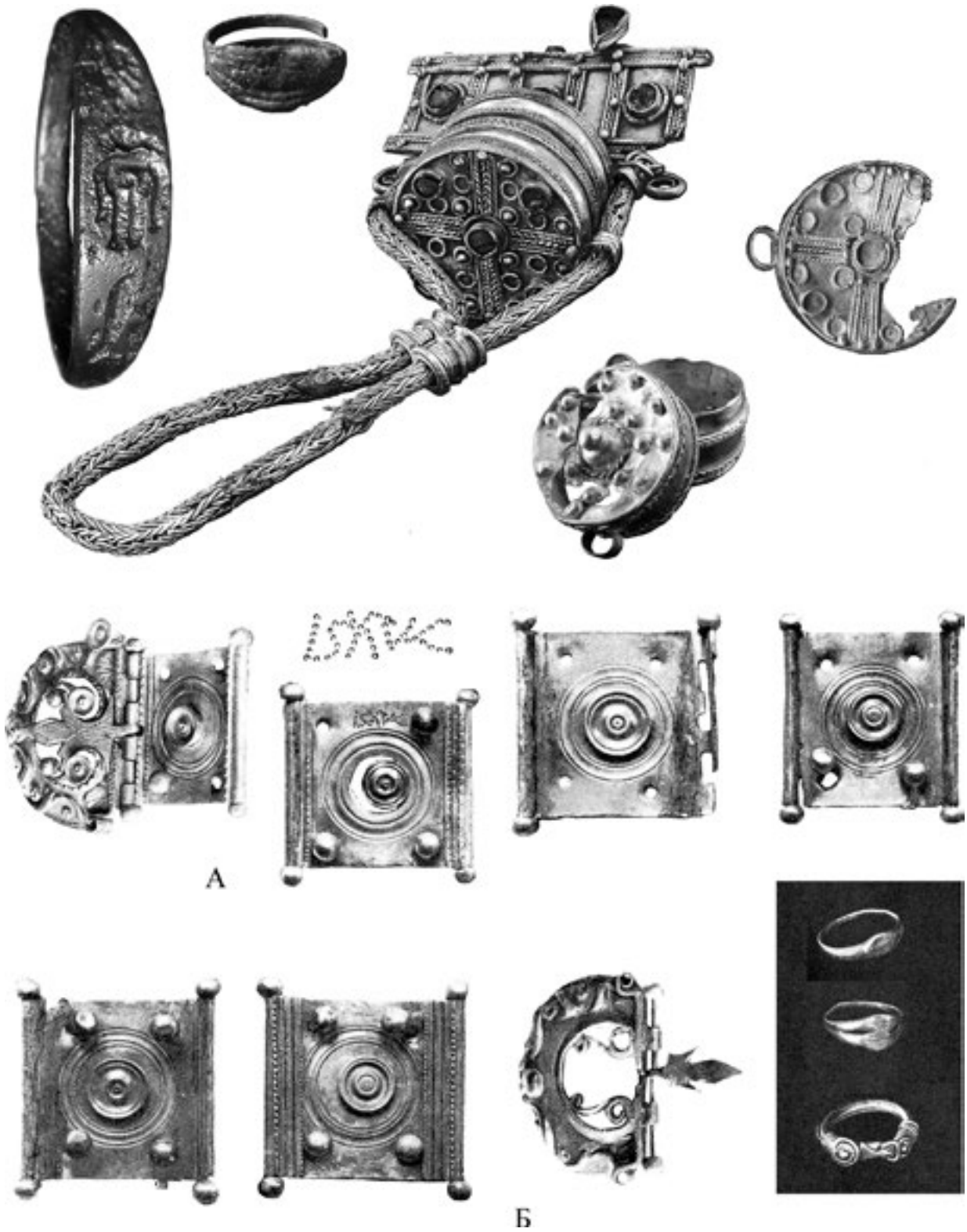


Рис. 10. Находки I в. н.э. из Сербского Подунавья, связанные с христианской символикой.
А — бронзовые перстни и серебряные шкатулки из клада в Жидоваре.
Б — серебряные части пояса и золотые перстни из клада в Текие.
Без масштаба

О. В. Гопкало

КОСТЮМ «ВАРВАРОВ» НА ДИПТИХЕ ИЗ ХАЛЬБЕРШТАДТСКОГО СОБОРА

Увидеть и не понять — это все равно, что придумать.
А. и Б. Стругацкие («Улитка на склоне»)

Изображения «варваров» в позднеантичном искусстве встречаются в круглой скульптуре и рельефах (на триумфальных колоннах, арках, трофеях: колоннах Траяна и Марка Аврелия в Риме, трофее Траяна в Адамклисси, арках Септимия Севера и Константина в Риме, Галерия в Салониках, базе обелиска Феодосия и колонне Аркадия в Константинополе); в нумизматике (на монетах и медальонах); на знаках вступления в должность (консульских диптихах); на погребальных памятниках (надгробиях и росписях склепов и саркофагов); на металлических блюдах.

Обобщающего труда по этой теме нет, но огромное количество работ так или иначе ее касается. Среди них следует выделить исследования по иконографии: варваров на нумизматических памятниках [Calo Levi, 1952]; германцев [Krierer, 1995; 2004]; сарматов [Vaday, Istvánovits, Kulcsár, 1989; Istvánovits, Kulcsár, 2001; Яценко, 2006; Hendzel, Isvánovits, Kulcsár, 2008], а также недавнюю монографию о варварах в Риме в период поздней античности [Rummel, 2005].

Предметом данной статьи стал диптих из Хальберштадтского собора (рис. 1)[1]. Консульские диптихи — особая категория памятников иконографии — вручались консулам при вступлении в должность. Они представляли собой двустворчатые складни из слоновой кости, внешняя сторона которых украшалась портретом адресата, цирковыми сценами и прочими рельефными изображениями, а внутренняя была гладкой, покрывалась воском и предназначалась для письма.

Первая систематизация этой категории памятников принадлежит Р. Дельбрюку [Dielbrueck, 1929]. Согласно его интерпретации, диптих из Хальберштадтского собора приурочен ко второму консульству Констанция III в 417 г. после его победы над вандалами и аланами [Dielbrueck, 1929. S. 87–93]. Эта трактовка принималась большинством исследователей. Однако в 1998 г. А. Кэмерон попытался доказать восточное происхождение диптиха, а следовательно по-иному персонифицировать и датировать памятник [Cameron, 1998]. И хотя разница в датировке — А. Кэмерон считал датой создания памятника 414 г. — незначительна, предложенная интерпретация вызвала оживленную дискуссию [Engemann, 1999; Bühl, 2001; Rummel, 2005. S. 245–249]. Дело в том, что в свое время Р. Дельбрюк выявил ряд закономерностей относительно происхождения диптихов: на западных диптихах надпись начиналась на правой панели, которая и была парадной, на восточных — на левой; на западных диптихах изображения обеих панелей были различными, на восточных — идентичными или практически идентичными, западные диптихи закрывались справа налево, как арабские книги или книги на иврите, восточные — слева направо, как западные книги. На основании этих признаков Р. Дельбрюк определил происхождение, обладателя и дату создания диптиха из Хальберштадтского собора. Исходя из интерпретации и датировки памятника, он идентифицировал императоров верхнего фриза как Гонория и Феодосия II, фигуры по сторонам от соправителей — как персонифицированные Рим и Константинополь, а женский персонаж позади августов — как Галлу Плацидию. Парадная (правая) панель определялась по костюму консула — триумфальной тоге (*trabea*), а также обязательным атрибутам: скипетру и цирковой маппе[2]; на левой панели консул одет в плащ (*chlamys*).

После выхода в свет фундаментального труда Р. Дельбрюка прошло более полувека, и статья А. Кэмерона, вновь обратившегося к диптиху из Хальберштадтского собора, ставила целью ревизию некоторых положений Р. Дельбрюка. Американский ученый приводит три аргумента в пользу восточного происхождения данного диптиха[3]: 1) маппа в руках консула; 2) оружие в нижней части фриза (двуручный меч, колчан со стрелами), «варвары» при этом интерпретируются как персы, скифы или сарматы; 3) рука персонифицированного Константинополя на плече Феодосия II, что может указывать на место события.

---

[1] Рис. 1, 12–14 — см. цв. вклейку. Благодарю администрацию Евразийского отделения Германского археологического института в лице его директора д-ра проф. Свенда Хансена, а также д-ра Эрдмуте Шультце за любезно предоставленную мне возможность пользоваться институтской библиотекой и оказанную помощь в поиске некоторых редких неархеологических изданий в других библиотеках Берлина. С помощью д-ра Эрдмуте Шультце в библиотеке Фрае университета нашлась книга о сокровищах Хальберштадского собора — прекрасно изданная с великолепными цветными фотографиями всех его реликвий [Meller, Mundt, Schmuhl Boje E. Hans, 2008. S. 46]: на фото видны структура кости, потертости, а главное — можно рассмотреть мельчайшие детали самого изображения.

[2] Сверток ткани, которым консул давал сигнал для начала игр.

[3] Самый ранний восточный диптих датируется 506 г. Если бы А. Кэмерону удалось доказать восточное происхождение диптиха из Хальберштадта — тот считался бы древнейшим.

Забегая вперед, следует сказать, что приведенные аргументы не выдерживают критики. Утверждение А. Кэмерона по поводу того, что маппа не могла использоваться *consul ordinarius*, опровергнуто Й. Энгеманном, доказавшим, что маппа стала официальным атрибутом консула и на Западе и на Востоке уже в начале V в., судя по изображениям на монетах [Engemann, 1999. S. 162].

В оппозиции к тезису А. Кэмерона о том, что победные трофеи в нижней части диптиха указывают на победу, скорее над восточными, чем над западными «варварами», Й. Энгеманн вполне резонно указал на тот факт, что в начале V в. восточные «варвары» уже жили в Центральной Европе. К тому же, как считает исследователь, на диптихе изображены не реальные персонажи, а определенный тип «варваров» [Engemann, 1999. S. 163]. Более общим замечанием ограничилась по этому поводу Г. Бюль. Она высказала мнение, что символы победы в позднеантичный период не ограничиваются местными локальными признаками, а представляют реальный и универсальный успех [Bühl, 2001. S. 198].

И наконец, по поводу третьего аргумента (рука Константинополя на плече императора Феодосия II) и Й. Энгеманн, и Г. Бюль привели целый ряд контраргументов. Во-первых, не только Константинополь опекает своего императора — голова Рима повернута в сторону своего. Во-вторых, персонифицированный Рим держит скипетр и державу (символы императорской и вселенской власти) — обе руки у нее заняты. В-третьих, не ясно, зачем восточным художникам, работающим на восточного патрона, при восточном дворе, изображать Рим, а не Константинополь со всеми атрибутами власти? Кроме того, существуют примеры двойной персонификации: одинаковые Рим и Константинополь известны на монетах, а также на базе обелиска Аркадия, созданного на несколько лет раньше диптиха из Хальберштадта.

А. Кэмерон высказался также относительно некоторых сюжетов и персонажей памятника, что небезынтересно для нашей темы. Так, например, он считал, что разновеликими фигуры двух или нескольких августов были в том случае, если младший не достиг 16-ти лет. Однако этот тезис опровергается целым рядом фактов и не может считаться правилом, хотя небольшое различие в размерах изображений императоров — признак важный и существенный — часто используется для ранжирования персонажей [Bühl, 2001. S. 198].

В состоявшейся дискуссии лишь один аспект, по мнению Г. Бюль, остался неясным — это персонификация женщины, изображенной между императорами. Р. Дельбрюк, а позднее Й. Энгеманн идентифицировали ее как Галлу Плацидию, сестру императора Гонория, Й. Коллвитц — как Консордию, А. Кэмерон — как Пульхерию, регента при своем младшем брате Феодосии II. Г. Бюль же предлагает видеть в данной фигуре не реального человека, члена императорской семьи, а абстрактный персонаж или персонификацию культа, например Викторию.

«Варваров», изображенных на диптихе, считали германцами [Girke, 1922. Taf. 44, 45; Tempelmann-Mączyńska, 1989. S. 114; Krierer, 2004. Kat. 347], германцами и аланами [Dielbrueck, 1929. S. 91], вандалами или/и аланами [Volbach, 1952. S. 32], аланами [Яценко, 2006. С. 134, 160, 161, 169. Рис. 87]; восточными «варварами»: персами, скифами или сарматами [Cameron, 1998. P. 391], западными «варварами» [Rummel, 2005. S. 247]. Особый интерес представляет точка зрения Ф. фон Руммеля [Rummel, 2005. S. 245–249]. Он утверждает, что, кроме мужского головного убора (так называемой тиары, или фригийского колпака) и широких штанов с декоративной полосой по середине штанины, этнографических признаков в костюме «варваров», изображенных на диптихе, нет. Пленники, согласно позднеримским изобразительным канонам, изображены сидящими, со связанными руками. У мужчин прически «варварские» — длинные волосы и бороды и, как указывалось, специфический головной убор. Остальное — женские одежда, украшения, прически; мужские туники с V-образным воротом, штаны, трофеи (колчан со стрелами, щиты, меч) — соответствует позднеантичным образцам, причем западного, а не восточного происхождения.

Новый подход Ф. фон Руммеля, высказанный в цитированной монографии, был закреплен позднее в специальной статье [Rummel, 2010]. Он противоречит принятым до сих пор представлениям, сформулированным в работах С. Братера об этнической интерпретации одежды. Суть дискуссии детально изложена в монографии К. Эгера [Eger, 2012. S. 259–261].

Ниже я вернусь к этой теме, что, впрочем, не было главным в данной статье, задачи которой формулируются следующим образом. ***Во-первых***, определить степень реалистичности изображений диптиха; ***во-вторых***, попытаться выделить особенности «варварского» костюма. Для решения поставленных задач, в том числе для поиска аналогий, применялся сравнительно-стилистический метод. Предлагаемая аргументация базировалась на опубликованных результатах иконографического анализа памятников искусства римского периода.

В качестве рабочей гипотезы принимается идея Й. Энгеманна о развитии сюжетов западных диптихов по направлению к «Вознаграждению» [Engemann, 1998], то есть от задней (левой) к парадной (правой) панели[4]. Последовательность событий центральной части диптиха от левой к правой створке (консул-полководец — консул-триумфатор) диктует порядок нижней части. В таком случае нижний регистр правой створки диптиха должен демонстрировать побежденных, пленных «варваров», левой — предшествующие события и свободных «варваров».

Обратимся к персонажам памятника (рис. 1). На левой части нижнего фриза диптиха изображены шесть персонажей: двое мужчин, две женщины и двое детей. Слева — фигура сидящего мужчины с круглым щитом в вытянутых руках. По центру щита — декор в виде четырехлепестковой розетки. Волосы мужчины длиной до плеч, он носит бороду и, похоже, усы. Одет он в тунику длиной до середины бедра с треугольным воротом, украшенным вышивкой или узорной тесьмой, и широкие штаны; на ногах — короткие сапожки. Правее — фигура сидящей женщины. Ее волосы разделены на прямой пробор и собраны в узел на макушке. На шее две низки бус. Она одета в одежду без рукавов, аналогичную стóле. Женщина опирается на шестиугольный щит. В центре композиции вторая женщина, возле нее (сле-

[4] Такую же догадку высказал во время моего доклада на Тульской конференции 16 ноября 2012 г. А. А. Красноперов.

ва и справа) — двое детей: одного она кормит грудью, другой, чуть постарше, стоит рядом. Дети изображены обнаженными, их волосы подстрижены «в кружок». Женщина — с распущенными волосами или косами, на лбу у нее — начельная лента. Одежда, подобная сто́ле[5], расстегнута на левом плече так, чтобы освободить грудь и покормить малыша. Последний персонаж — мужчина. Он сидит на согнутой в колене правой ноге, на левое колено он положил руки, соединив кисти, и оперся на них подбородком. Костюм мужчины отличается от одежды остальных мужских персонажей диптиха. Его голову покрывает башлык, прическу рассмотреть не удается из-за уплощенности рельефа, но, как кажется, лицо бородатое. Верхняя одежда — накидка с прорезью для рук, доходящая до бедер, и штаны, украшенные круглыми бляшками по центру штанин. О том, что это именно штаны, а не высокие сапоги, свидетельствует продолжение декора до подола верхней одежды. Впрочем, его обувь не выделена специально и, возможно, поясная одежда представляла собой колготы, украшенные круглыми декоративными бляшками.

Утрата «варварами» статуса свободных людей в правой части нижнего фриза диптиха решена следующими изобразительными приемами — здесь использованы каноны, выработанные для иконографии императорского триумфа. У мужчин руки связаны за спиной. Персонаж, изображенный слева в «народном» костюме, здесь показан без него — с обнаженным торсом. Оружие — колчан со стрелами, щит и меч — помещено за спинами людей как трофеи. Мужчины обезоружены и безопасны.

Рассмотрим археологические и иконографические аналогии оружию нижнего фриза диптиха[6]. В его левой части изображено только защитное вооружение — щиты в руках варваров; в правой — защитное и наступательное трофейное оружие: колчан, щит и меч за спинами пленников.

Круглый (овальный в проекции) щит диптиха подобен щиту с серебряного блюда из склепа Гордиковых в Керчи со сценой императорского триумфа (рис. 2). Как известно, существует несколько версий интерпретации этого памятника, его главного персонажа и отраженного там события. Считалось, что это изображение Юстиниана I Великого (527–565 гг.), Феодосия I Великого (379–395 гг.), Констанция II (337–361 гг.), Константина I Великого (306–337 гг.) [Беляев, 1893. С. 10: прим.1; С. 21: прим. 3; С. 23, 39, 40; Мацулевич, 1926. С. 53–59. Т. 1; Амброз, 1989. С. 26; Засецкая, 1994]. В последнем случае большое значение имело определение модификации умбона на щите у ног коня как типа Цилинг К, бытование которой относится к центральноевропейской фазе С2 (260–330 гг.) по К. Годловскому [Шаров, 2009. С. 92–99]. Согласно специальному исследованию А. Грабара, иконография императорского триумфа, включающая конного императора, имеет два варианта. Первый, когда император изображался на идущем шагом коне в сопровождении Победы, второй — скачущим и грозящим стоящему на коленях или попираемому конем «варвару». В данном случае под ногами коня императора изображен щит, то есть «варвар» здесь заменен символическим щитом [Грабар, 2000. С. 66].

Реальным прототипом шестиугольного щита, изображение которого повторяется на обеих створках диптиха (рис. 3: 1, 2), может служить византийский щит из склепа, открытого 24 июня 1904 г. в Керчи (рис. 3: 3), которому посвящена специальная статья Л. А. Мацулевича [Мацулевич, 1950] и витрина Государственного Эрмитажа. Косвенным признаком, подтверждающим восточное происхождение щита, является совпадение декора щита и базы обелиска Феодосия (ср.: рис. 3 и рис. 14: 8).

На диптихе изображен меч, длина которого (без рукояти) сопоставима с торсом одного из персонажей и составляет вместе с ножнами около 50 см. Соотношение рукояти и лезвия составляет примерно 1:2,3, что не находит ни археологических, ни иконографических соответствий. Иные же конструктивные элементы меча: навершие рукояти, ее конструкция, гарда, детали ножен (бутероль, скоба) вполне узнаваемы в синхронном оружии из различных регионов Европы и иконографии.

Рукоять меча состоит из усеченно-конического навершия и четырех равных частей (рис. 4). Практически тождественное навершие — возможный прототип изображенного на диптихе — обнаружено в тайнике склепа №145 керченского некрополя (рис. 4: 1–3) [Засецкая, 1993. Кат. 47. С. 47; Табл.17: 47 а, б, в]. Среди круга аналогий И. П. Засецкая[7] приводит находки из Тамани (рис. 4: 8), Муслюмово (рис. 4: 6). Подобные навершия венчают рукояти мечей и кинжалов «персидского» типа, по И. Боне [Bóna, 1991. S. 39, 12; 2002], синхронных и более поздних. Их находки локализуются в Северном Причерноморье, на Западном Кавказе и в Поволжье.

Одна из возможных аналогий происходит из клада/погребения/погребений(?) позднего гуннского времени на Курщине, исследованного в последние годы (рис. 4: 9) [Радюш, Щеглова, 2012. С. 23]. Она в свою очередь напоминает навершие меча императора со знаменитого серебряного блюда из склепа Гордиковых в Керчи (рис. 4: 10).

Составная четырехчастная рукоять римского происхождения встречается на мечах франков, аламаннов и других германских племен Центральной Европы V–VI вв. [Lebedynsky, 2001. S. 128, 129].

Многочисленные аналогии имеет полихромная гарда. Ранневизантийские мечи с полихромной гардой специально изучались М. Казанским [Казанский, 2007. С. 122–141]. Нашему изображению синхронны экземпляры с ромбическими вставками из Бежи в Португалии и Паннонхальмы в Венгрии — типа 5 по М. Казанскому (рис. 5). Гипотеза об их восточноевропейском происхож-

[5] Туника (лат. tunika — рубашка) — у древних римлян род рубашки длиной до колен, которую носили под тогой [Словарь античности, 1989. С. 590]. Сто́ла — длинная и широкая туника, перепоясанная дважды (под грудью и ниже талии), носилась вместе с паллой (длинным плащом-шалью), который накидывался сверху на голову или обвязывался вокруг бедер. Как известно, сто́ла играла в женской одежде такую же роль, как тога в мужской, — удостоверяла принадлежность женщины к римской гражданской общине. Трудно судить о ее длине, потому что второй, нижний, ее пояс прихватывал еще один кусок ткани, окутывавший бедра и ноги наподобие длинной юбки, и тяжелыми обильными складками спускался до земли; из-под паллы была видна лишь эта «юбка», которая называлась «institа» («оборка») (Кнабе, 1986. С. 124; об эволюции римской одежды см.: Filges, 2002).

[6] Благодарю Игоря Олеговича Гавритухина, Илью Рафаэльевича Ахмедова, Олега Александровича Радюша за помощь и консультации по этому вопросу.

[7] Считаю приятным долгом выразить свою признательность Ирине Петровне Засецкой за доброжелательное отношение и помощь, любезно оказанные мне при посещении Государственного Эрмитажа, и предоставленные в мое распоряжение фотографии из ее личного архива.

дении, дунайском или боспорском, остается недоказанной. Предполагается также, что центром распространения (производства?) мечей с инкрустированной гардой был сасанидский Иран.

Последний тезис прекрасно подтверждается иконографией: изображение перекрестия меча с диптиха из Хальберштадтского собора практически идентично рисунку на блюде Шапура III (конец IV—V в.) (рис. 6).

Скоба ножен имеет отдаленное сходство на мече Стилихона со знаменитого диптиха из Монца (рис. 7) [Delbrueck, 1929. Taf. 63].

Ножны с прямоугольными бутеролями распространены в V в. (рис. 8) [Bóna, 1991. 22/4, 38, 53, 57, 61]. На мозаике из Тебессы в Северной Африке изображен персонаж с коротким мечом в ножнах с прямоугольной бутеролью (рис. 9). Известны такие мечи и позднее, судя по мозаичным изображениям Мадабы в Иордании [Byzantinische mosaiken aus Iordanien, 1986. Taf. IX].

Слишком длинная рукоять изображенного на диптихе меча послужила поводом к тому, чтобы Р. Дельбрюк назвал его двуручным. Наибольшее соответствие пропорциям меча с диптиха имеют пропорции меча более позднего времени из могильника Брут, рукоять которого составляет около трети общей длины [Габуев, 2009]. Автор публикации, приводя аналогии мечам с длинной рукоятью, отмечает этот признак как редкий среди синхронных предметов. Кроме того, он присоединяется к мнению, высказанному ранее, и расширяет аргументацию относительно того, что длинную рукоять могли иметь и одноручные мечи [Габуев, 2009. С. 421–423].

Отсутствие адекватного прототипа мечу, изображенному диптихе из Хальберштадтского собора при безусловном сходстве, вплоть до тождественности, отдельных его деталей, позволяют предполагать намеренное искажение пропорций предмета создателем памятника, ограниченного установленным форматом изображения. Впрочем, ошибки можно было бы избежать, поместив меч над группой пленников слева. Однако художник предпочел изобразить там колчан со стрелами. Означает ли это, что различные виды наступательного вооружения художник связал с представителями различных народов? Вернемся к этому вопросу немного позднее, после анализа костюма варваров.

Женский костюм представлен двумя моделями. Первая модель (рис. 10: 1, 2) включает украшения и прическу, актуальные в то время в Риме, судя по изображению женщины на диптихе из Монца (рис. 10: 3). Та изображена одетой в тунику, далматику. Палла наброшена на левое плечо, закрывает спину, окутывает бедра и подхвачена левой рукой. На ногах — остроносая обувь. Аналогичная прическа изображена в медальоне на фрагменте керамики, найденной на одном из поселений культуры Сынтана-де-Муреш/Черняхов (рис. 10: 4)[8]. Поскольку до сих пор на черняховской керамике портретные изображения ни разу не встречались, вполне вероятно, найденный фрагмент — от посуды провинциально-римского происхождения, а значит, что и женская прическа, скорее всего, античная, а не «варварская».

Вторая модель «варварского» женского костюма (женщина в этой одежде на левой и на правой части диптиха показана с детьми) (рис. 10: 4, 5) представляет собой стóлу и накидку (шаль, плащ, мантию) с бахромой по краю, которые держались на плечах, вероятно, с помощью застежек. Прическа — длинные волосы, заплетенные в косы, дополнена начельной лентой. Распущенные волосы, челки и начельные ленты показаны у пленниц на колонне Марка Аврелия (рис. 10: 7), а также на скульптурном портрете германки из Рейнского краеведческого музея в Трире (рис. 10: 8). У аланов, по материалам Мощевой Балки, начельную ленту носили девушки, незамужние женщины и женщины, не имевшие детей. Девичьим уборам соответствовала особая прическа: не одна коса сзади, как у взрослых женщин, а несколько (точное число не известно) тоненьких косичек. После рождения ребенка волосы прятались под специальный головной убор [Иерусалимская, 2012. С. 182, 183]. Из этого напрашивается такой вывод: если художник пытался показать аланку, то он допустил существенную неточность, изобразив женщину с ребенком/детьми и девичьей прической.

Хальберштадтский диптих — один из немногих памятников античности, содержащих изображения «варварских» женщин. Остальные — батальные эпопеи на колоннах Траяна и Марка Аврелия в Риме, трофее Траяна в Адамклисси — датируются II в. и содержат во многом сходный между собой женский костюм, соответствующий современному античному, что уже отмечалось в литературе [Istvánovits, Kulcsár, 2001. P. 139]. Впрочем, при более тщательном анализе среди образцов «варварского» женского костюма выявляются особенности, которые едва ли объяснимы только различной степенью одаренности и мастерства скульпторов. На колонне Траяна женщины одеты в туники, стóлы и паллы, завязанные под грудью узлом, на головах — платки. Девочки одеты не иначе, чем женщины, но показаны без головных уборов, с волосами, уложенными в прически (рис. 11: 1) [Cichorius, 1896–1900. Taf. XCI]. Трофей Траяна показывает женщин с непокрытой головой, волосами, зачесанными назад, в туниках, с плащами/накидками, скрученными жгутом и завязанными на бедрах. Одна из женщин приспособила такую шаль для ношения ребенка (рис. 11: 2) [Florescu, 1961. Fig. 228, 229]. На колонне Марка Аврелия женщины одеты в туники, стóлы и паллы, у них длинные распущенные волосы с челками и начельные ленты (рис. 11: 3) [Domaschevski, Petersen, Galderini, 1896. Taf. 113]. И, наконец, костюм женщин диптиха из Хальберштадта — стóлы без туник, застегнутые на плечах вместе с плащом (накидкой, шалью) (рис. 11: 4).

Кроме того, что «варварский» костюм должен был соответствовать современным образцам, он должен был отражать костюм знати и таким образом подчеркивать высокий статус пленниц. Однако если костюмные нормы раннеримского периода ясны (рис. 12), то с рубежа III–IV вв. римская одежда, судя по многочисленным изображениям, уже вполне отвечает восточной моде (рис. 13). Это хорошо отражено в мозаиках виллы Дель-Казале начала IV в., принадлежащей, как считается, Максимиану Геркулию — одному из августов тетрархии Диоклетиана, женатому на сирийке (рис. 13: 5). Именно костюм указывает на социальный статус персонажей: большое различие наблюдается в одежде и украшениях хозяйки дома, ее детей и слуг. Хозяйка одета в тунику с широкими рукавами, ее шея и грудь украшены сложным полихромным ожерельем-оплечьем, голову венчает корона из волос, дети — в туниках-«парагаудах» и плащах. На служанках — туники с широкими рукавами, перехваченные под грудью поясом. Подобно служанкам виллы

[8] Об этой публикации мне сообщил И.О. Гавритухин. Благодарю коллегу за ценную помощь.

Казале одеты женские персонажи на фресках христианских катакомб Via Latina в Риме и других (рис. 13: 6). Более поздний источник, практически синхронный диптиху из Хальберштадтского собора — мозаики церкви Санта-Мария-Маджоре в Риме (432–440 гг.)[9], содержат изображения Богоматери в патрицианском, по Н. П. Кондакову, облачении (рис. 13: 1). Оно состояло из палевой шелковой далматики и парчового лора, шею и грудь украшало драгоценное оплечье, на голове — коронка из волос, обвитая жемчугом, и шелковый чепчик, предназначавшийся для замужних женщин [Кондаков, 1914. Рис. 84]. Развитие этой линии женского костюма можно видеть в знаменитом парадном групповом портрете в церкви Сан-Витале VI в. [Редин, 1896. С. 82–86] и других, не менее замечательных, синхронных памятниках (рис. 13: 2).

Для сравнения можно привести фреску саркофага IV в. из Виминация (Верхняя Мезия, возле нынешнего г. Костолац в Сербии), то есть с территории собственно Восточной Римской империи [Korać,1991] с детальным, вплоть до головной сеточки, изображением женского костюма (рис. 13: 4).

Повышенное внимание к деталям появляется в некоторых видах римского искусства с эпохи тетрархов как компенсация на фоне упрощения и схематизации, утраты образности и художественной выразительности. «Идеология, обожествлявшая императора и государство, отождествляет личность с занимаемым ею местом в государственной иерархии, являющейся прообразом божественного порядка. Личность выступает лишь носительницей определенного ранга, но поскольку ранг узнается по одежде, то одежда интересует больше, чем тело или лицо изображаемого человека» [Арган, 1990. С. 84].

Итак, согласно высказанным в литературе мнениям [Istvánovits, Kulcsár, 2001. P. 139; Rummel, 2005. S. 245–249], «варварский» женский костюм должен соответствовать античным образцам. Однако, как показано выше, это не совсем так. «Варварские» женщины изображены одетыми в архаичный античный (?) костюм и босыми. Не берусь судить, насколько корректным является применение к такой одежде названия «peplos-like dress» (одежда в виде пеплоса), однако, судя по археологическим данным, женский костюм, застегнутый на плечах двумя фибулами, получил широкое распространение у восточных «варваров».

В отличие от женской одежды «варварский» мужской костюм, воспроизведенный на римских памятниках I–III вв., служил надежным этнографическим показателем. На рассматриваемом диптихе он представлен двумя моделями. Первая состоит из туники с треугольным воротом и узких штанов. Этот костюм появляется на левой створке диптиха и повторяется на правой (рис. 14: 1, 2). Примерно так же выглядят аланы на фреске склепа Ашика в Керчи (рис. 14: 3).

Вторая модель «варварского» мужского костюма включает головной убор наподобие башлыка, штаны с декоративной полосой, плащ (рис. 14: 4). Некоторые элементы этого костюма (головной убор, штаны, украшенные по центру штанины) изображены на персонажах медальона из Затонья, terminus post quem которого, согласно аргументации М. Васича, апрель 364 г.[10] (рис. 14: 6, 7). В похожий костюм одеты «варвары» с левой части базы обелиска Феодосия (рис. 14: 8). Оппозиция императора со свитой и «варваров», приносящих дары, решена не только композиционно, но и закреплена с помощью значимых этнографических деталей, главным образом, особенностей костюма. Коленопреклоненные «варвары» слева и справа — представители, судя по костюмам, двух разных народов делают приношения императору золотых корон [Грабар, 2000. С. 72. Табл. XI, XII]. Считается, что справа, в меховых тулупчиках, — готы, слева, вероятно, иранцы: персы, скифы, сарматы. Сцена приношения даров императору спустя некоторое время трансформируется в «поклонение волхвов» с тем же, очевидно, значением — народов, поклоняющихся Христу, в мозаиках раннехристианских базилик Санта-Мария-Маджоре в Риме[11] (рис. 14: 9), Сант-Аполлинаре-Нуово в Равенне (рис. 14: 10) [Редин, 1896. С. 85; прим. 2; Лазарев, 1986. С. 26] и других (рис. 14: 11).

Мужчину в таком костюме сменяет на правой створке мужчина с голым торсом, в узких облегающих штанах (рис. 14: 5), как обычно изображали германцев на многочисленных триумфальных сооружениях [Krierer, 2004], — происходит любопытная трансформация «скифа» в «пленного варвара» (германца?).

Здесь следует сделать небольшое отступление по поводу «типов варваров». На некоторых нумизматических памятниках они различаются даже пропорциями тела: «западные» (германцы) — с узким туловищем и длинными конечностями; «восточные» (скифы) — с широким туловищем и короткими конечностями [Гороховский, Гопкало, 2009. С. 243, ссылка 6]. Но, похоже, это правило распространяется только на памятники нумизматики, чеканившиеся в восточной части Империи, что косвенно может свидетельствовать в пользу западного происхождения диптиха из Хальберштадтского собора.

Здесь желание различать «варваров», которое угадывается в авторском замысле, реализуется с помощью других приемов: изображая разные виды одежды и оружия, указать на аланов (туники с треугольным вырезом, византийские щит и меч с деталями восточного происхождения) и германцев-«скифов» (специфический мужской костюм, колчан со стрелами).

Таким образом, в ходе проведенного исследования удалось выяснить следующее. С высокой степенью реалистичности на диптихе изображены некоторые виды оружия — их археологические и иконографические прототипы имеют восточное происхождение и распространение.

---

[9] Мозаики Санта-Мария-Маджоре перекликаются с мозаичным полом Большого Дворца в Константинополе. Вероятно, художники Рима имели под рукой ранневизантийскую иллюстрированную рукопись, миниатюры которой служили образцом для сюжетов и композиций храма [Лазарев, 1986. С. 32].

[10] В нашей работе [Гороховский, Гопкало, 2009], к сожалению, не была учтена статья М. Васича с обоснованием даты медальона [Васић, 1996. С. 296, 297]. Кроме того, в последнее время вышли работы, содержащие описание медальона: монография М. Васича [Vasić, 2008. P. 253, kat. 308], каталог выставки «Константин Великий и Миланский эдикт 313», демонстрировавшейся в Белграде в 2013 г. [Constantin the Great, 2013. P. 323]. Пользуясь случаем, хочу выразить признательность коллеге Станко Трифуновичу за всяческое содействие во время моего визита в Сербию в сентябре 2013 г.

[11] Благодаря интернету стали доступными качественные изображения многих произведений античной монументальной живописи. Прекрасную подборку фотографий античных фресок и мозаик (Помпеи, Стабии, базилика Санта-Мария-Маджоре и многое другое) можно найти в блоге молодого российского художника Павла Отдельнова.

Нельзя согласиться с мнением, что «варварский» женский костюм соответствует современному костюму римской знати и лишен этнографических черт. Очевидно, можно говорить об использовании «peplos-like dress» — «варварском» женском костюме, позаимствованном из античного в раннеримский период. Следует также отметить, что ранневизантийские тенденции в римском костюме, известные по мозаикам виллы Дель-Казале возле г. Пьяцца-Армерина на Сицилии середины IV в. и более поздних, никак не отразились в «варварском» женском костюме.

И наконец, этнографическим следует признать мужской костюм «варваров». В утверждении, что «варварский» костюм соответствует позднеантичным образцам, причем западного, а не восточного происхождения (имеется в виду главным образом специальный охотничий костюм), нарушена причинно-следственная связь. Скорее всего, позднеантичный охотничий костюм своим появлением обязан «варварскому».

Итак, похоже, художники не погрешили против истины и изобразили «варваров» в их «народном» костюме, который, кроме позаимствованной из раннеримского костюма сто́лы, представлен женской (распущенными волосами и косами) и мужской прическами, «аланской» туникой с треугольным вырезом и специфическим — «скифским» — мужским костюмом.

Литература

Амброз А. К. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М., 1989.

Арган Дж. К. История итальянского искусства. Т.1. М., 1990.

Беляев Д. Ф. Облачение императора на керченском щите // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1893. С. 321–373.

Васић М. Осврт на златне мултипле Констанција II и Валентининијана // Зборник Народног Музеја. XVI-1. Археологија. Београд, 1996. С. 291–298.

Габуев Т. А. Меч из кургана №2 у с. Брут в Северной Осетии и система подвески всаднических мечей // Проблемы охраны и изучения памятников археологии степной зоны Восточной Европы. Луганск, 2009. С. 421–433.

Гопкало О. В. К вопросу о социальном статусе погребенных с оружием, снаряжением всадника, конской упряжью в ареале черняховской культуры // Доистория Восточной Европы позднеримского времени—начала эпохи Великого Переселения народов. Харьков, 2011а. С.15–21.

Гопкало О. В. Относительная хронология мужских погребений черняховской культуры. К постановке проблемы // OIUM. Вып. 1. Киев, 2011б. С. 66–96.

Гороховский Е. Л., Гопкало О. В. Варвары на медальоне Валентиниана I из Сербии // Ostrogothica. Харьков, 2009. С. 237–251.

Грабар А. Император в византийском искусстве. М., 2000.

Засецкая И. П. Материалы Боспорского Некрополя второй половины IV — первой половины V вв. н. э. // МАИЭТ. III. 1993. С. 23–104.

Засецкая И. П. О месте изготовления серебряных чаш с изображением Констанция II из Керчи // МАИЭТ. IV. 1994. С. 225–237.

Иерусалимская А. А. Мощевая Балка. Необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. СПб., 2012.

Казанский М. М. Ранневизантийский мечи с инкрустированной гардой // Морской Чулек. СПб., 2007. С.122–141.

Кнабе Г. С. Древний Рим — история и повседневность. Очерки. М., 1986.

Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. Т. I. СПб., 1914.

Лазарев В. Н. История византийской живописи. М., 1986.

Мацулевич Л. А. Серебряная чаша из Керчи. Ленинград, 1926.

Мацулевич Л. А. Реконструкция изображений на кожаной обивке щитов IV в. // Сборник Гавриил Кацаров. Ч.1. София, 1950. 1–6.

Радюш О.А., Щеглова О.А. Волниковский «клад» и Курское Посеймье в эпоху Великого переселения народов. Курск, 2012.

Редин Е.К. Мозаики равеннских церквей. СПб., 1896.

Ростовцев М. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914.

Словарь античности. М., 1989.

Тревер К. В., Луконин В. Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. М., 1987.

Хайрединова Э. А. Реконструкция женского костюма крымских готов V–VII вв. // Східний світ. 2012. №4. С. 102–112.

Шаров О. В. Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху. Дисс. на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 2009.

Яценко С. А. Костюм древней Евразии. М., 2006.

Bóna I. Das Hunnen-Reich. Budapest, 1991.

Bóna I. Les Huns: le grand empire barbare d'Europe: IV–V siècle. Paris, 2002.

Bühl G. Eastern or Western? — that is the Question. Some Notes on the New Evidence concerning the Eastern Origin of the Halberstadt Diptych // Acta ad archeologiam et Artivm Historiam Pertinentia. 2001. Vol. XV. S. 193–203.

Caló Levi A. Barbarians on Roman Imperial Coins and Sculpture. New York, 1952.

Cameron A. Consular diptychs in their social context: new eastern evidence // Jornal of Roman archeology. 11. 1998. S. 385–403.

Cichorius C. Die Reliefs der Trajanussäule. Texband II–III. Tafelband 1–2. Berlin, 1896–1900.

Ciocea E. Representări umane pe un fragment ceramic aparţinând culturii Sântana de Mureş Černjachov // Studia Antiqua et Archeologica. I. Iaşi, 1983. S.200–205.

Constantine the Great and the edict of Milan 313. National Museum in Belgrade. Belgrade, 2013.

Damm v. J. G. Goldschmiedearbeiten der völkerwanderungszeit aus dem Nördlichen Schwarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2 // Kölner Jahrbuch für vor- und Frühgeschichte. 21. 1988. S. 65–210.

Dielbrueck R. Die Consulardiptychen und verwandte denkmäler. Leipzig, 1929.
Domaschevski A., Petersen E., Galderini G. Die Markus Säule. München, 1896.
Fettich N. La Trouvalle de tombe princière hinnique a Szereg-Nagyszéksós. Budapest, 1953.
Filges A. Schlauchkleid-Peronatris-Stola. Die genese einer Frauentracht // Archäologischer Anzeiger. 2002. 1. S. 259–263.
Florescu F. B. Monumentul de la Adamclissi. Bucuresti, 1961.
Eger Chr. Spätantikes Kleidungszubehör aus Nordafrica I. Trägerkreis, Mobilität und Ethnos im Spiegel der Funde der spätesten römischen Kaiserzeit und der vandalischen Zeit. Wiesbaden, 2012.
Engemann J. Das spätantike consulardiptychon in Halberstadt: westlich oder östlich // Jahrbuch für Antike und Christentum. Jahrgang 42. 1999. S. 158–168.
Girke G. Die Tracht der germanen in der dor und frühgeschichtlichen Zeit. Leipzig, 1922.
Grabar A. L'empereur dans l'art Byzantin. Paris, 1936.
Hendzsel I., Istvánovits E., Kulcsár V., Ligeti D., Óvari A. and P., Szeőke J. «On the Borders of East and West»: A Reconstruction of Roman Provincial and Barbarian Dress in the Hungarian National Museum // Dressing the Past / Ed. M. Gleba, Ch. Munkholt, M.-L. Nosch. Cep. Ancient Textiles Series. 3. Oxford, 2008. P. 29–42.
Istvánovits E., Kulcsár V. Sarmatians through the eyes of strangers. The Sarmatian warrior//Internatonal connections of the Barbarians Basin in the 1-st-5-th centuries A.D. Aszód; Nyíregyháza, 2001. S. 139–169.
Korać M. Late Roman Tomb with Frescoes from Viminacium // Старинар. T. XLII. 1991. S. 107–122.
Krieger K. R. Sieg und Niederlage. Wien, 1995.
Krierer K. R. Antike Germanenbilder. Wien, 2004.
Lebedynsky I. Armes et Guerriers barbares au temps des Grandes invasions (IVe au VI e siècle apr. J.-C.). 2001.
Meller H., Mundt J., Schmuhl Boje E. Hans. Der heilige Schatz im Dom zu Halberstadt. Regensburg, 2008.
Rummel von F. Habitus barbarus. Kleidung und Repräsentation spätantiker Eliten im 4. Und 5. Jahrhundert. Berlin, New York, 2005.
Rummel von F. Gotisch, barbarisch oder römisch? Methodologische Überlegungen zur ethnischen Interpretation von Kleidung // Archaeology of Identity — Archäologie der Identität. Wienn, 2010. S. 51–77.
Tempelmann-Mączyńska M. Das Frauentrachtzubehör des mittel- und osteuropäischen Barbaricums in der römischen Kaiserzeit. Kraków, 1989.
Vaday A., Istvánovits E., Kulcsár V. Sarmatian Costume in the Carpatian Basin // Klio. 1989. 1. P. 107–114.
Volbach F. Elfenbeinarbeiten der Spätantike und frühen Mittelalters. Mainz,1952.

Рис. 2. Иконографические аналогии круглому щиту с диптиха из Хальберштадта.

1 — щит на диптихе, *2* — щит на серебряном блюде из склепа Гордиковых в Керчи, *3* — серебряное блюдо из склепа Гордиковых в Керчи [Мацулевич, 1926]

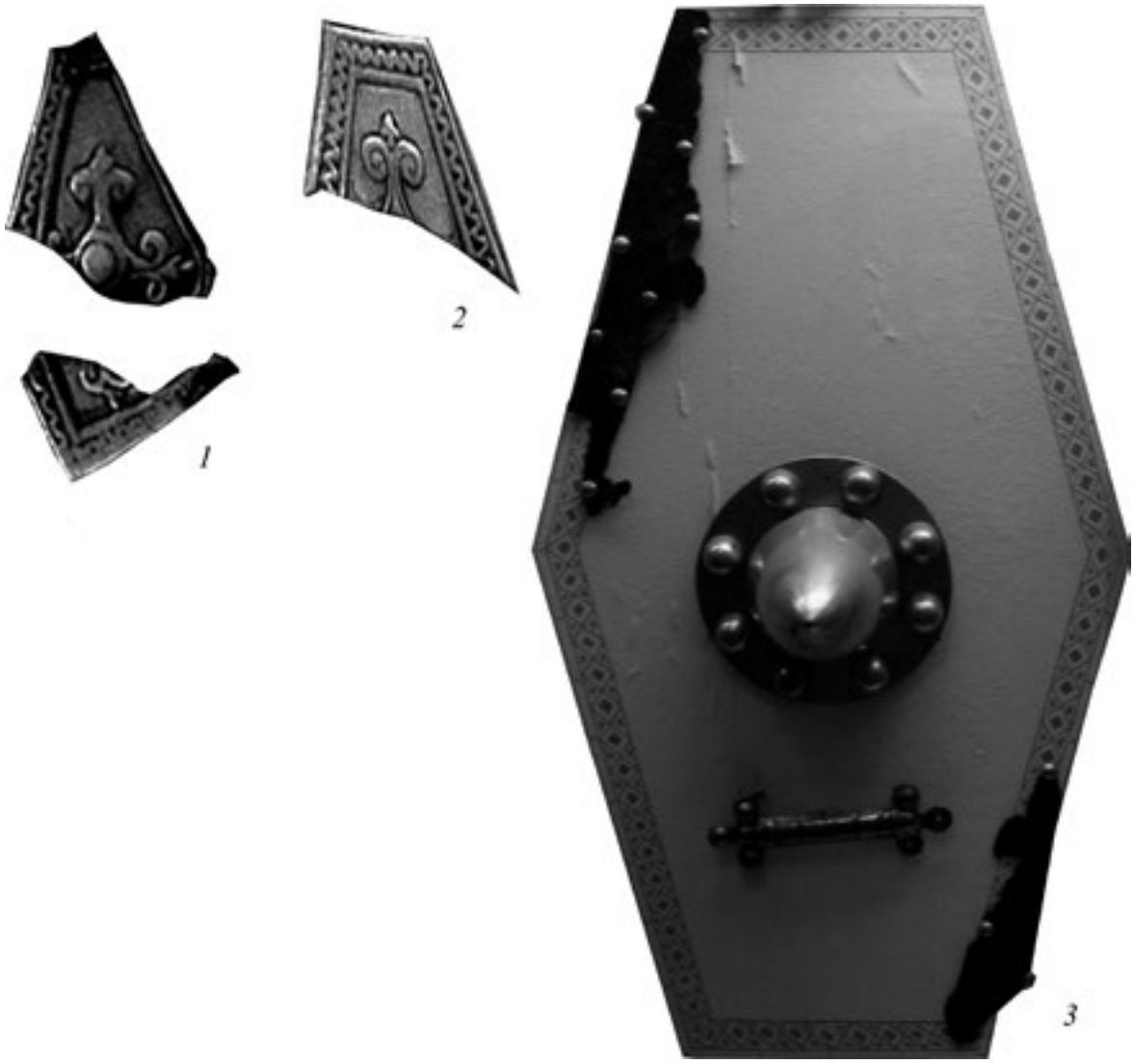


Рис. 3. Археологическая аналогия шестиугольному щиту с диптиха из Хальберштадта.

1–2 — щит на диптихе, *3* — щит из керченского склепа, открытого 24 июня 1904 г. (фото из витрины Государственного Эрмитажа)

Рис. 4. Археологические и иконографические соответствия навершию меча с диптиха из Хальберштадта.

1–3 — тайник склепа №145 керченского некрополя (по фотографиям из архива И.П. Засецкой) (*1, 2* — две проекции одного навершия, *3* — второе навершие [Засецкая, 1993. Кат. 47. С. 47. Табл. 17: 47 а, б, в]); *4* — совхоз Калинина, Крым [Bóna, 1991. Abb. 12: 2]; *5* — Тураево, Татарстан [Bóna, 1991. Abb. 12: 4]; *6* — Муслюмово, Пермская область [Fettich, 1953. Pl. XIX: 10; Засецкая, 1993]; *7* — Цибилиум, Абхазия [Bóna, 1991, 12:3]; *8* — Тамань, Краснодарский край [Damm, 1988. S. 181. Abb. 189, 190; Засецкая, 1993]; *9* — Волниковка, Курская область [Радюш, Щеглова, 2012. С. 23]; *10* — изображение навершия императорского меча с серебряного блюда из склепа Гордиковых в Керчи (рис. 2: 3)

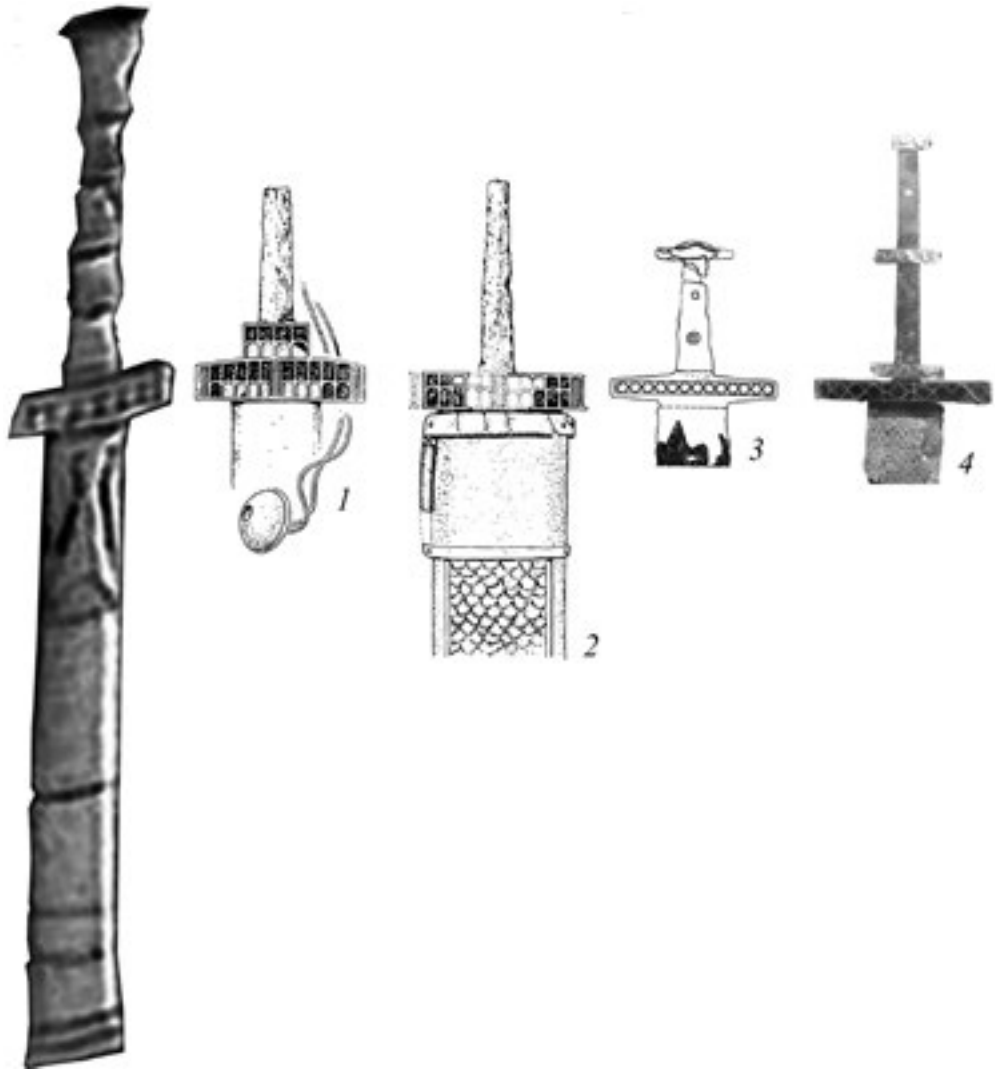


Рис. 5. Археологические соответствия гарде меча с диптиха из Хальберштадта.

1 — Дмитриевка, Северное Причерноморье, *2* — Дюрсо 479, Северо-Восточное Причерноморье, *3* — Бежа, Южная Португалия, *4* — Паннонхалма, Западная Венгрия [Казанский, 2007. Рис. 44]

Рис. 6. Блюдо Шапура III.
[Тревер, Луконин, 1987. С. 60, 61. Ил.10, 11]

Рис. 7. Аналогия скобе ножен с диптиха из Хальберштадта в иконографии. Диптих из Монца.

[Delbrueck, 1929. Taf.63].

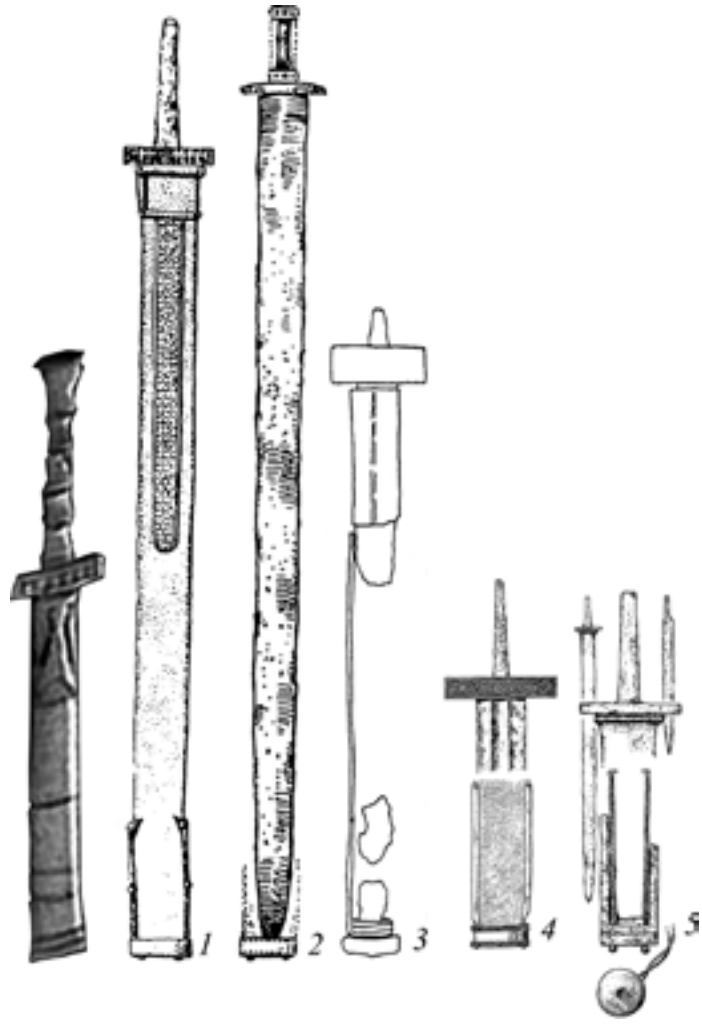


Рис. 8. Прямоугольные бутероли ножен ранневизантийских мечей.

1 — Дюрсо, погр. 479, *2* — Якушовице, *3* — Альтлюсхайм, *4* — Цебельда, Верин Холм, *5* — Лебень [Bóna, 1991]

Рис. 9. Аналогия мечу с диптиха из Хальберштадта в иконографии. Мозаика из Тебессы, Алжир

[Rummel, 2005. S. 290. Abb. 7]

Рис. 10. «Варварская» женская одежда с диптиха из Хальберштадта и ее аналогии.

1, 2 — первая модель женского костюма с левой и правой створок диптиха; *3* — прическа и шейные украшения женщины с диптиха из Монца; *4* — прическа на фрагменте керамики с поселения культуры Сынтана-де-Муреш [Ciocea, 1983. Fig. 1]; *5, 6* — вторая модель женского костюма с левой и правой створок диптиха; *7* — женская головка с колонны Марка Аврелия [Domaschevski, Petersen, Galderini, 1896. Taf. 113]; *8* — женская головка из Рейнского краеведческого музея в Трире [Rummel, 2005. Abb. 15]

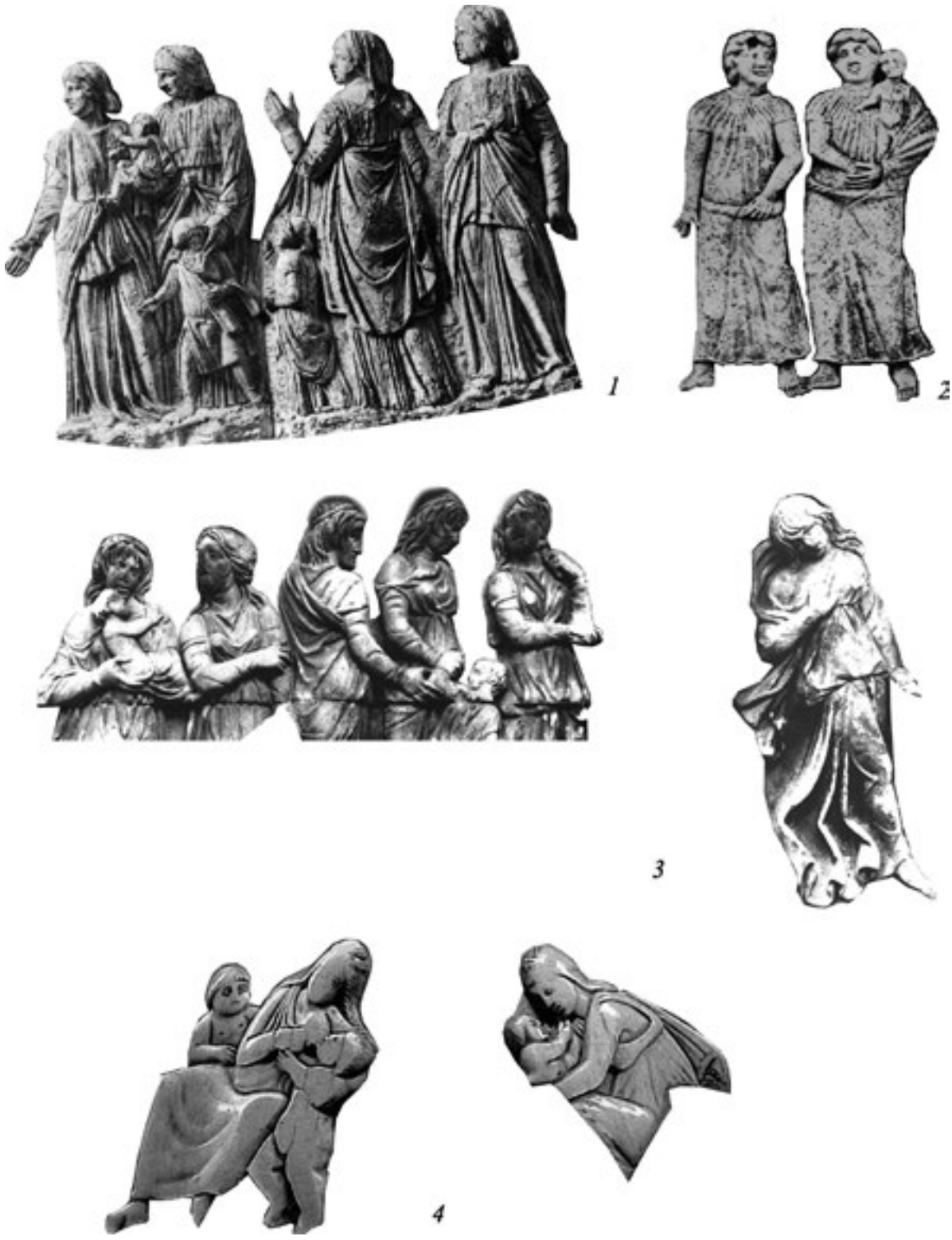


Рис. 11. Женский «варварський» костюм.

1 — на колонне Траяна [Cichorius, 1896–1900. Taf. XCI], *2* — на трофее Траяна в Адамклисси [Florescu, 1961. Fig. 228, 229], *3* — на колонне Марка Аврелия [Domaschevski, Petersen, Galderini, 1896. Taf. 113], *4* — на диптихе из Хальберштадта

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акимов Денис Валерьевич, Воронежский государственный университет; e-mail: denisakimov@rambler.ru

Белоцерковская Ирина Васильевна, Государственный исторический музей, Москва; e-mail: beloc-irina@yandex.ru

Воронцов Алексей Михайлович, Государственный музей-заповедник «Куликово поле», Тула e-mail: amvorontsov@gmail.com

Гавритухин Игорь Олегович, Институт археологии РАН, Москва; e-mail: gavritukhin@rambler.ru

Гопкало Оксана Викторовна, Институт археологии НАНУ, Киев; e-mail: hopkalo@gmail.com

Дробушевский Александр Иванович, Гомель; e-mail: adrobush@yandex.ru

Кулаков Владимир Иванович, Институт археологии РАН, Москва.

Любичев Михаил Васильевич, Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина; e-mail: gsae@mail.ru

Мастыкова Анна Владимировна, Институт археологии РАН, Москва; e-mail: amastykova@mail.ru

Михайлова Елена Робертовна, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: yancharuk@mail.ru

Мулкиджанян Яков Петрович, Воронежский государственный университет.

Пьянков Алексей Васильевич, Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына; e-mail: a.v.pyankov@rambler.ru

Румянцева Ольга Сергеевна, Институт археологии РАН, Москва; e-mail: o.roumiantseva@mail.ru

Сапрыкина Ирина Анатольевна, Институт археологии РАН, Москва; e-mail: dolmen200@mail.ru

Столяров Евгений Васильевич, Государственный музей-заповедник «Куликово поле», Тула; e-mail: stolarov_e@mail.ru

Хомякова Ольга Алексеевна, Институт археологии РАН, Москва; e-mail: olga_homsy@mail.ru

Шультце Эрдмуте, Германский археологический институт, Берлин; e-mail: ers@eurasien.dainst.de

Янкович Джордже, Белградский университет; e-mail: djordjmil@gmail.com

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АбИЯЛИ — Абхазский институт языка, литературы и истории
АИА — Архив Института археологии РАН, Москва
АИИМК — Архив Института истории материальной культуры РАН, С.-Петербург
АИУ — Археологические исследования на Украине
АО — Археологические открытия
АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР
АС — Археологический съезд
ВДИ — Вестник древней истории
ВХНУ — Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна
ГАЗ — Гістарычна-археалагічны зборнік, Мінск
ГИМ — Государственный исторический музей, Москва
ГМИНВ — Государственный музей искусства народов Востока, Москва
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Имп. Русского археологического общества
ЗРАО — Записки Императорского Русского археологического общества
ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии
ИА НАНУ — Институт археологии Национальной академии наук Украины, Киев.
ИАН ЭССР — Известия Академии наук Эстонской ССР
ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук
КЗ ВУАК — Короткі звідомлення Всеукраїнської археологічної комісії
КОИХМ — Калининградский историко-художественный музей
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР (РАН)
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛЛВЕ — Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула
МАБ — Матерыялы па археалогіі Беларусі, Мінск
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАР — Материалы по археологии России
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МЗКП — Государственный музей-заповедник «Куликово поле», Тула
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИАКВАЭ — Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции.
МКАС — Международный конгресс археологов-славистов
МНИИЯЛИЭ — Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории, экономики (в настоящий момент — Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия), Саранск
НА ИА НАНУ — Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины
ОН — Серия «Общественные науки»
ОАК — Отчеты Императорской Археологической Комиссии, С.-Петербург.
РА — Российская археология
РАН — Российская академия наук
РИАМЗ — Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник
РОКМ — Рязанский областной краеведческий музей
РСМ — Раннеславянский мир
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СВУ — Середні віки на Україні
ТАС — Тверской археологический сборник
AB — Archaeologia Baltica
AÚ AV ČR Brno — Archeologiský Ústav Akademie věd České Republiky. Brno
BAR — British Archaeological Reports
BRGK — Berichte der Römische-Germanische Kommission
MA — Materiały archeologiczne
MAB — Monumenta Archaeologica Barbarica
Prussia — Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia. Königsberg in Preußen: Gräfe und Unzer
PM — Prussia-Museum
RGK — Römische-Germanische Kommission
SMB-PK/MVF — Staatliche Museen zu Berlin — Preußischer Kulturbesitz, Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин) 5

Воронцов А. М., Столяров Е. В.
Городище Велегож на правобережье верхней Оки 9

Мастыкова А. В.
Стеклянные полихромные и янтарные бусы из Велегожского клада 57

Румянцева О. С.
Стеклянные бусы Велегожского клада: монохромные и с металлической прокладкой 68

Гавритухин И. О.
Фибулы, пряжки, ременные наконечники, связанные с горизонтом мощинской культуры городища Велегож 80

Сапрыкина И. А.
Химический состав металлических изделий из Велегожского клада 103

Белоцерковская И. В.
Застежки-сюльгамы из рязано-окских могильников Заречье и Кораблино: опыт систематизации 107

Акимов Д. В., Мулкиджанян Я. П.
Производственный комплекс городища Крутогорье: варианты реконструкции и интерпретации 132

Михайлова Е. Р.
К реконструкции женского убора из погребений культуры псковских длинных курганов 142

Дробушевский А. И.
Городища периода римских влияний на территории Республики Беларусь. 163

Кулаков В. И.
Методика раскопок старших представителей прусской археологической школы (могильники Dollkeim / Коврово и Warnikam / Первомайское) 178

Хомякова О. А.
Стиль ажурной орнаментики римского времени в Юго-Восточной Прибалтике 190

Шультце Э., Любичев М. В.
Культовый слой могильника черняховской кульуры Войтенки (Восточная Украина): спектр находок и возможности интерпретации 231

Пьянков А. В.
К вопросу о населении правого берега Нижней Кубани во второй половине III — третьей четверти IV в. 256

Янкович Д.
Большой клад из Жидовара на Среднем Дунае 274

Гопкало О. В.
Костюм «варваров» на диптихе из Хальберштадтского собора 292

Список авторов 309

Список сокращений 310

Научное издание

**ЛЕСНАЯ И ЛЕСОСТЕПНАЯ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В ЭПОХИ РИМСКИХ ВЛИЯНИЙ И ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ**

Конференция 4

ЧАСТЬ 1

Ответственный за выпуск Е. А. Телушкина
Технический редактор Н. Ф. Клёнова. Компьютерная верстка П. П. Гончаров

Подписано в печать 26.10.2015. Формат 60×90/8.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Прагматика». Усл.-печ. л. 39+1,5 цв. вкл. Тираж 300 экз. Заказ № .

Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле»
300041, г. Тула, пр-т Ленина, 47. Тел./факс (4872) 36-18-40

Отпечатано с файлов PDF в ООО «Аквариус»

ISBN 978-5-903587-42-1
9 785903 587421